Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт российской истории Российской академии наук

На правах рукописи

БЕЛОВ Алексей Викторович

РЕФОРМА ГОРОДА – АДМИНИСТРАТИВНОГО ЦЕНТРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – НАЧАЛА XIX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ ГУБЕРНИЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ)

Специальность 5.6.1 – Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени доктора исторических наук

Научный консультант
доктор исторических наук
главный научный сотрудник ИРИ РАН
Захаров Виктор Николаевич

Москва – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение ……..…… 5

Глава 1. Состояние городов, задачи и программа преобразований ... 54

1.1 Задачи по преобразованию инфраструктуры и характера русского города, обозначенные и осуществляемые в первой четверти и в середине XVIII в. ……..…… 54

1.2 Степень развития городской инфраструктуры в городах Центральной России к началу правления Екатерины II …… 62

1.3 Подготовительные меры по созданию городской сети в «новоучреждаемых» губерниях …… 78

1.4 Реформа города Екатерины II и Павла I: программные документы и планы преобразования …… 73

Глава 2. Становление городской сети Калужской губернии ……... 118

2.1 Учреждение Калужской губернии ……..……. 118

2.2 Начало работы «новоучрежденных» органов власти на местах …... 132

2.3 Штаты чиновников. Функционирование органов власти ……... 138

2.4 Административные, казенные и статусные здания …….. 141

2.5 Формирование полицейско-пожарной структуры. Городской острог ……. 147

2.6 Стратегические государственные товары: хлеб, соль, вино ……... 152

2.7 Создание и функционирование почтово-транспортных служб в городах края ……. 156

2.8 Создание и функционирование учреждений Приказа общественного призрения ……..….... 158

2.9 Культурная среда. Функция ретрансляции культуры …..…… 166

2.10 Благоустройство. Регулярный город ……. 171

2.11 Гарнизонные войска и военно-квартировочная функция …… 174

Глава 3. Становление городской сети Ярославской губернии ……. 180

3.1 Учреждение городской сети Ярославской губернии …….. 180

3.2 Формирование местных органов власти по городам края и даты официального открытия Ярославской губернии ……. 195

3.3 Присутственные места и иные статусные здания …….. 203

3.4 Управа благочиния: полиция и пожарные ……. 215

3.5 Пенитенциарная функция. Гарнизон и военно-квартировочная функция ……... 222

3.6 Реализация планов по формированию торговых и стратегических резервов в городах края ……... 224
3.7 Речная и сухопутная транспортная система края …...……..……. 232
3.8 Приказ общественного призрения и учреждения его ведомства … 236
3.9 Финансовые органы. Рыбинская биржа ……. 246
3.10 Особенности формирования и развития культурной среды городов края ……..…... 248
3.11 Работы по благоустройству городов края в правление А.П. Мельгунова …….. 251

Глава 4. Становление городской сети Владимирской губернии ….. 259
4.1 Учреждение городской сети Владимирской губернии. Города края 259
4.2 Возведение комплекса «непременных» зданий ……. 276
4.3 Управа благочиния. Пенитенциарная и военно-квартировочная функции …… 287
4.4 Казенные товары и государственные резервы …… 294
4.4 Функционирование и налаживание транспортной сети края …….. 297
4.5 Ведомства Приказа общественного призрения и структуры, близкие ему по функциям …….. 299
4.6 Регулярный город и благоустройство. Общественный досуг и культура …… 308

Глава 5. Становление городской сети Московской губернии. Города края и «столичный город» Москва ……..... 320
5.1 Предварительный проект «устроения» Московской губернии …. 320
5.2 Учреждение городов в процессе окончательного «устроения» «новой» Московской губернии ……. 330
5.3 Подготовка необходимой административной инфраструктуры в Москве ……. 343
5.4 Открытие присутственных мест в Москве …….. 354
5.5 Функционирование присутствий в городах Московской губернии 366
5.6 Управа благочиния: полиция и пожарные. Штаты и финансы … 377
5.7 Пенитенциарная функция …….. 391
5.8 Стратегические государственные товары: хлеб, соль, вино ……. 401
5.9 Транспортный узел и почтовая служба второй столичной губернии …….. 412
5.10 Учреждения ведомства Приказа общественного призрения: органы медицинской и социальной помощи. Санитарная инспекция и ветеринария …… 423

5.11 Учреждения ведомства Приказа общественного призрения: формирование системы народного просвещения …….. 444
5.12 Роль Москвы как носителя и ретранслятора культуры …… 470
5.13 Московские клубы ……. 476
5.14 Книгоиздание и книготорговля в Москве ……... 479
5.15 Театр в Москве: становление и развитие …… 484
5.16 Создание регулярного города. Екатерининский план переустройства Москвы и его реализация ……. 494
5.17 Благоустройство Москвы и городов Московской губернии …… 507
5.18 Переустройство городов Московской губернии: создание регулярных планов и их реализация ……... 512
5.19 Гарнизонные войска и военно-квартировочная функция ……. 525

Глава 6. Городская сеть Центральной России на рубеже XVIII–XIX вв.: итоги и метаморфозы преобразований ……... 552
6.1 Пересмотр административной сети городов Павлом I ……. 552
6.2 Восстановление городов в первые годы правления Александра I: механизм, особенности и причины трансформаций, итог …… 559

Глава 7. Типология городов и городских поселений, установившаяся на рубеже XVIII–XIX вв. Старое и новое …….. 567
7.1 Главные изменения характера русского города и городской сети, произошедшие в правление Екатерины II …….. 567
7.2 «Столичный город» Москва ……... 576
7.3 Официальные города (штатные города, города-пригороды, городки) ……... 580
7.4 Заштатные безуездные города (заштатные и безуездные города) .. 590
7.5 Посады, слободы и «подгородные» села …….. 593

Заключение ……. 604

Список источников и литературы ……... 613

Приложения ……. 645

ВВЕДЕНИЕ

Вторая половина XVIII столетия – время трансформации города и его роли в истории России, что в значительной степени явилось результатом крупномасштабных преобразований, осуществленных в правление Екатерины II и направленных на модернизацию страны с целью разрешения давно назревших проблем. В основу программы реформ легли принципы, порожденые эпохой Просвещения и идея отождествления России с «европейской державой»[1], что было особо отмечено самой императрицей в тексте ее «Наказа». Данное утверждение (по сути, личная политическая декларация Екатерины II) подчеркивало применимость норм эпохи «Просвещения» для преобразования России («соотнесение отвлеченной социально-философской теории с реалиями этой страны XVIII в.»[2]), а также верность принципам «умеренной монархии», для развития которой необходимо было совершенствование определенных черт и форм управления[3], системы судопроизводства, структуры сословного общества, формируемого «подобного западному» с набором конкретных прав и привилегий.

Необходимости масштабных изменений была осмыслена еще в конце XVII столетия. Итогом этого стали реформы Петра I, многое начавшие, но по ряду причин доведенные до конца не по всем намеченным направлениям. Дальнейшее решений этой задачи и взяла на себя Екатерина II, которая подготовила и претворила в жизнь широкий комплекс мер по переустройству страны и общества. При этом различные реформаторские проекты, предпринятые императрицей, оказались тесно связаны между собой. В рамках одного из них была поставлена задача по преобразованию города в

---

[1] Екатерина II. «Наказ Комиссии о сочинении проекта нового Уложения», 30 июля 1767 г. [Текст] // Екатерина II. Избранное. М., 2010. С. 115.

[2] Каменский А.Б. Екатерина II // Екатерина II. Избранное. М., 2010. С. 23.

[3] Бабкова Г.О. Комментарии // Екатерина II. Избранное. М., 2010. С. 858.

соответствии с требованиями современности. Составной частью этого плана выступала реформа города – административного центра. При этом она выходило далеко за пределы сугубо административных вопросов, решая широкий круг задач по модернизации страны.

Благодаря масштабным преобразованиям Екатерины II была создана новая, разветвленная сеть городов, которая явилась основой для управления административными регионами империи, а также механизмом, отвечающим за их дальнейшее развитие. Основой этой конструкции, ее «опорным каркасом», выступал город-административный центр, которому официально предписывался «непременный» набор функций, для исполнения которых создавалась «необходимо нужная» инфраструктура. В ее состав входил «предписанный» планом преобразований набор административно-территориальных институтов. Причем подавляющую их часть требовалось создать в кратчайшие сроки буквально с нуля, или перенастроить из уже имевшихся. Все это делалось на местах, усилиями, специально отобранными администраторов, правда, имевших в своих руках весьма ограниченные материальные ресурсы для реализации задуманного.

Показательно, что именно на рубеже XVIII–XIX вв. слово город в значении «крепость» (которое оставалось основным для понимания этого явления еще в начале правление Екатерины Великой) трансформировалось в понятие «административный центр». А сам тип поселения стал оцениваться в привычном нам сегодня понимании как место реализации и активизации всех основных процессов, а также как оплот культуры и цивилизации. Сегодня мы в значительной степени живем в городе, устроенном и настроенном в ходе преобразований второй половины XVIII столетия.

При этом данный комплекс преобразований претворялся в жизнь в рамках продуманной программы, которая предусматривала развитие определенных функции и создание конкретных инфраструктурных элементов. В городе предшествующего времени, сформировавшегося в

условиях Средневековья, целый ряд городских функций либо отсутствовали вовсе, либо присутствовали лишь в зачаточном состоянии.

Главными функциями и чертами города (которые явились предметом внимания в ходе реформ Екатерины II) были: разветвленная административная структура, правопорядок и противопожарная безопасность, пенитенциарная, транспортная и почтовая функции, система общественного призрения (народного здравия и народного образования, социальная и т.п.), а также обеспечение необходимого уровня городского благоустройства, культурно-ретрансляционная функция. При этом все они были тесно связаны как между собой, так и с административно-государственными функциями города как центра официального (административного) региона конкретного территориального ранга.

Показательно, что значительная часть административных городских инфраструктурных элементов, функционирующих сегодня, были учреждены, созданы, получили штат и здание именно в правление Екатериной II. Все они служат нам и сегодня. Причем нередко на том же месте и даже в тех же самых сооружениях, специально выстроенных для них более чем два столетия тому назад (административные органы, больницы, полицейские и пожарные службы, тюрьмы, учебные заведения, и др.). Это все то, без чего сегодня мы не только не представляем себе города, но и не можем обойтись в нашей обыденной жизни. И все это в подавляющей своей части или возникло как обязательный атрибут, функция и признак города в ходе преобразований второй половины XVIII в., или получило развитие в результате данного процесса.

Трансформация характера и функционирование города в ходе реформы города Екатерины II традиционно оценивались сквозь призму двух комплексов преобразований, проведенных императрицей. Первая – административно-территориальная (губернская) реформа, в рамках которой город рассматривался как элемент новой административно-территориальной системы. Оценка участия города в данном процессе традиционно

ограничивалась фактом его учреждения. Вторая – так называемая городская реформа. Название свое данное преобразование получило от главного источника – «Грамоты на права и выгоды городам Российско империи» (1785 г.)[4], – с опорой на которой велось ее изучение. Однако обозначение преобразования как «городская реформа» не точно. Реформа была нацелена не на изменение характера самого города, а исключительно на упорядочивание (формирование) структуры городских сословий с присуждаемым им статусом и сословным самоуправления. Данное противоречие вызвано позднейшим упрощением названия реформы, которая первоначально именовалась как «городская социальная реформа»[5]. Утрата этой смысловой приставки завуалировало (а в чем то и запутало) изначальный смысл.

В нашей работе внимание обращено на формирование характера города как административного центра. Для обозначения этого преобразовательного процесса нами используется понятие «реформа города» (подразумевающее характер и структуру города), а не «городская (социальная) реформа», рассматривающая сословный состав населения (статус, права и обязанности, формы самоуправления). При этом особое внимание нами обращено на присвоение городу определенные функций, создание инструментария для их исполнения и наличие признаков городского статуса.

Актуальность темы исследования. Вторая половина XVIII столетия стала поворотным временем в истории российского города. В ходе преобразований этого периода возник привычный нам тип города-административного центра, с присущими ему функциями и необходимой для их исполнения инфраструктурой.

По сути, сегодня мы в значительной степени живем в городе, созданном в эпоху Екатерины II. Рассмотрение проводимого ей процесса

[4] Нередко именуемой также как «Жалованная грамота городам».

[5] *Кафенгауз Б.Б.* Город и городская реформа 1785 г. // Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. М., 1956. С. 151-165.

формирования и налаживания механизма городского функционирования, вскрывает особенности организации, сильные и слабые стороны, в том числе и современного города, позволяет оценить достигнутое и наметить пути дальнейшего совершенствования.

Реформа города Екатерины II, представляет собой наглядный пример реализации масштабного плана государственных преобразований, опыт которых может быть полезен и сегодня, как наверху в рамках создания плана преобразований, так и внизу, на уровне их реализации. В связи с тем, что основная работа по созданию сети городов во второй половине XVIII – начале XIX в. легла на плечи местных руководителей (генерал-губернаторов и губернаторов) многие важнейшие вопросы решались ими исходя из потенциала края. Таким образом, особое значение приобретал региональный аспект проведения преобразований, на важность которого указывал, в частности, еще Ю.Р. Клокман[6]. Так как наша работа представляет собой конкретно-исторического исследование, написанное на региональном материале, оно дает возможность оценки конкретных местных причин и условий успешности преобразований, что также может быть использовано на практике.

Объектом исследования выступает сеть городов (городская сеть, сеть городов и городских поселений)[7] губерний Центральной России во всем многообразии составляющих ее элементов, сформированная результате преобразований второй половины XVIII – первых лет XIX в.

Предметом исследования – комплексные преобразования, проводимые во второй половине XVIII столетия, целью которых выступает формирование городской сети страны и создание города – административного центра как ее опорного элемента, с присущими ему

---

[6] *Клокман Ю.Р.* Очерки социально-экономической истории городов северо-запада России в середине XVIII в. М., 1960. С. 27

[7] Городская сеть (сеть городов, сеть городов и городских поселений) – комплекс поселений, сложившийся в рамках определенной территории, которому присущи иерархичность и распределение функций. (Лаппо Г.М. География городов: учеб. пособие для геогр. фак-тов вузов. М., 1997. С. 173, 267-268).

функциями и инфраструктурными подразделениями, необходимыми для их исполнения, а также формирующимися чертами и признаками, присущими городу.

Цель исследования – рассмотрение процесса формирования в ходе преобразований второй половины XVIII в. городской сети губерний Центральной России и создание города-административного центра как ее опорного элемента с присущим городу набором функций; устройство инфраструктуры, необходимой для исполнения городом приписанных ему функций, отлаживание данного механизма; оценка итогового результата преобразований.

Достижение данной цели предполагает решение конкретных **исследовательских задач** –

1. Выявление предпосылок преобразования города, сформировавшихся в первой половине XVIII в.
2. Разработка программы преобразования города и подготовка к ее реализации на примере конкретных губерний как части единого исторически сложившегося региона.
3. Анализ на конкретном источниковом материале процесса реформирования города в ходе формирования в городе инфраструктурных подразделений и элементов, необходимых для исполнения административным центром своих функций. При этом город нами рассматривается не как социальный организм или экономический центр. Исследовательское внимание обращено на функциональную сторону его деятельности, которая определяет его характер и статус.
4. Оценка сложившейся в ходе преобразований иерархической структуры городской сети, ее элементов, особенности организации и перспектив дальнейшего развития.
5. Рассмотрение попыток пересмотра итогов реформирования в правление Павла I и в первые годы царствования Александра I.

6. Оценка итогов и результатов реформы города Екатерины II.

Хронологические рамки исследования определяются периодом проведения реформ Екатерины II, а также непродолжительным периодом правления ее приемников Павла I и первых лет царствования Александра I (до 1805 г.), когда итоги реформы города (административных регионов, рассматриваемых в нашей работе) были в последний раз пересмотрены на местах, и полученные результаты официально закреплены. Тем самым реформа города обрела свое окончательное завершение.

Территориальные рамки исследования. Работа носит конкретно исторический, региональный характер. В ней город рассматривается как часть городской сети, сформированной в условиях единого устойчивого исторического региона – пространства, существовавшего вне административных границ, но являвшегося единым целым на протяжении значительного периода и воспринимавшегося таковым жителями страны. Это территория Волго-Окского междуречья (ядро Центральной России)[8] – т.е. пространства, заключенного в пределах четырех будущих («новообразованных») административных единиц – губерний Екатерины II: Калужской, Владимирской, Московской и Ярославской. Современники преобразований объединяли эти земли под общим понятием – «коренные русские губернии»[9], что является эквивалентом современного понятия «историческое ядро» страны. К данному времени к ним в полной степени современники относили в том числе и Калужскую губернию, земли которой (в отличие от других внутренних территории) какое-то время были приграничными, но в результате стремительного продвижения государственной территории к югу и юго-западу, стали внутренними. Это привело в итоге к деградации «прежде бывших» на ее территории городов-крепостей, что вызвало особенно большие трудности в деле подбора

[8] Центральная Россия как исторический регион рассмотрена через критерий главных транспортных путей, которыми на этом этапе выступают Верхняя и Средняя Волга, Ока.

[9] *Корнилов А.А.* Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 28.

необходимого числа городов – административных центров в процессе проведения губернской реформы Екатерины II.

Выделяя земли «коренных русских губерний», мы получаем территориальное образование, пусть даже не имеющее официальных административных границ[10], но обладающее, по мнению специалистов, весьма устойчивым исторически сложившимся своеобразием[11], характеризующимся единством места и общностью протекавших здесь процессов.

Данный выбор позволяет достичь следующих результатов.

Во-первых, сузить пространство исследования, что предоставит возможность увидеть значимые черты процессов, которые являются не второстепенными или случайными деталями, а проявлением условий, кардинальным образом повлиявших на ход и результаты преобразований; кроме того это дает возможность точнее оценить характер процессов и явлений.

Во-вторых, однотипные и близкие по характеру и исторической судьбе территории, взятые как единое целое, дополняют друг друга, что позволяет заполнить фактологические лакуны, которые являются неизбежным следствием хронологической удаленности данного процесса.

В-третьих, необходимо учитывать, что в процессе проводимых Екатериной II преобразований прежняя административная сетка была повсеместно и не всегда удачно перекроена. Так называемые «новоучрежденные» губернии нередко «нарезались» сугубо механически. В результате этого разрушилось устоявшееся прежде единство. Таким образом,

---

[10] Отсутствие четких границ – результат естественного положения дел, так как данное образование не имеет административной структуры, создающей границы, а окраинные территории всегда в равной степени принадлежат обоим соседним пространственным образованиям. Так, Тверская земля всегда будет близка и к Центральной, и к Северо-Западной России, Вологодская – относится как к центру, так и к Русскому Северу и т.д. (*Истомина Э.Г.* Европейский Север: региональный подход // Российская история. 2009. № 3. С. 15–27).

[11] *Хитров Д.А., Голубинский А.А., Черненко Д.А.* Нечерноземный Центр России по материалам Генерального межевания // Русь, Россия: Средневековье и Новое время: Вторые чтения памяти акад. РАН Л.В. Милова: материалы междунар. науч. конф., Москва, 17–19 нояб. 2011 г. М., 2011. С. 258.

говорить о возникших новых административных регионах как об устойчивых и целостных образованиях для данного этапа еще нельзя. Сразу после реформы это была достаточно разнородная массы, для оформления которой в единую структуру (не формально-административную, а фактическую) требовался определенный отрезок времени. Рассмотрение нескольких формальных административных единиц в рамках единой территории (исторического центра России), позволяет снять данное противоречие

Центральная Россия как исторический регион выделена на основании учета основных транспортных путей – традиционных главных осей развития страны, как пространственного, так и качественного. Это были ведущие действующие речные магистрали края – Волга (в верхнем и среднем ее течении) и Ока (в среднем). Представлявшие в то время основу транспортной системы страны[12], они не только очерчивали контур ядра ее исторического центра, но и создавали само это пространство (процессы освоения, заселения, обеспечения, развития потенциала этих земель и т.д.). В итоге возникавшие здесь любые территориальные образования оказывались как бы «намотанными» (как нить на веретено) на главные транспортные речные артерии. Таким образом, в широком смысле Центральная Россия – это земли, расположенные вокруг двух транспортных речных осей, в узком – сосредоточенное между ними ядро, представленное в конце XVIII в. несколькими «новыми» административными образованиями.

Терминология. Необходимо дать определения основных понятий, которые будут использоваться в тексте диссертационного исследования.

Регион – часть пространства страны, воспринимаемая ее жителями на данном этапе как обособленная территория, которая при этом выступает неотторжимой частью всего государственного пространства в рамках его официальных границ. Регионы могут быть как официальные

[12] *Истомина Э.Г.* Водный транспорт России в дореформенный период: (ист.-геогр. исследование). М., 1991. С. 27.

(административные, природно-географические, хозяйственно-экономические и т.д.), так и внеадминистративные (неадминистративные, исторические).

Административный регион – любое территориальное образование, существующее в рамках административно-территориальной сети страны, имеющее официальный статус и все необходимые для него структуры и атрибуты. Для России второй половины XVIII столетия это: генерал-губернаторства, губернии, уезды, города в их муниципальных границах и некоторые др.

Исторический регион – внеадминистративный регион, территория которого не имеет официального административного статуса, но воспринимается современниками как реально существующее и устойчивое территориальное образование, со своим отличным характером, ярко выраженным ядром, но расплывчатыми границами (Русский север, Центральная Россия, и др.). В основе исторического региона лежит не административная принадлежность территории, а существующая на протяжении значительного времени историко-географическая область – результат естественного исторического развития страны. В частности, воспоминание о прежде существовавших здесь политических или административных образованиях[13]. Несмотря на свою неофициальность, исторические регионы могут быть весьма устойчивы и напоминать о себе на переломных этапах политической истории страны.

Центральная Россия – пример исторического региона. Несмотря на отсутствие точного определения характера и границ[14] этого образования, данное понятие самым активным образом используется как в публицистике и обиходной речи, так и в научной литературе. Мы под этим термином обозначаем территории четырех губерний Волго-Окского междуречья (т.н. «коренные русские губернии» или ядро Центральной России), а также

[13] *Дедук А.В.* «Список русских городов дальних и ближних»: история изучения // Русский книжник. 2014. М., 2015. С. 137-738.

[14] *Чураков Д.О.* Полюса и краски социально-экономического обновления рубежа XIX – XX веков в промышленном центе России // Рабочие в России: исторический опыт и современное положение. М., 2004. С. 145-146

административные образования, непосредственно примыкавшие к ним во второй половине XVIII столетия. В основу этой выборки положен принцип наличия здесь двух транспортных магистралей, имевших в то время исключительное значение (реки Волга и Ока), т.к. они выступали трассами необходимыми для освоения, развития и функционирования всей этой территории[15], являясь (как и любая мощная магистраль в симбиозе с городской сетью) – «опорным каркасом»[16] данного региона. Свою роль в формировании этой территории сыграло наличие в ее центре Москвы, которая на протяжении значительного времени, сохраняла значение крупнейшего политико-административного, хозяйственно-экономического, духовного и культурного центра Российского государства, что не могло не отразиться на окружающей ее территории. Тульская, Тверская, Костромская, Смоленская, Рязанская и Нижегородская губернии, находящиеся на периферии данной территории, выполняли роль буфера между Центральной Россией и соседними крупными регионами страны. Например, с северо-западным, роль переходного коридора к которому исполняла Тверская губерния.

Ядро Центральной России – четыре губернии, созданные в ходе реформ Екатерины II и охватывающие все внутреннее пространство Волго-Окского междуречья. В рамках рассматриваемого исторического периода и последующих десятилетий данные административные образования выступали в представлении современников под именем «коренных русских губерний»[17].

Город – существует множество определений понятия город. Применительно к нашему исследованию используется две его трактовки – современное и бытовавшее в рамках изучаемого нами исторического периода

---

[15] *Истомина Э.Г.* Водный транспорт России в дореформенный период: (Историко-географическое исследование). М., 1991. С. 27.

[16] *Лаппо Г.М.* География городов: Учеб. пособие для геогр. ф-тов вузов. М., 1997. С. 113.

[17] *Корнилов А.А.* Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 28.

Первое определяет город как поселение, которому присущ торговый и производственный (ремесленный и промышленный) характер деятельности. Кроме того его население в значительной степени (критерии для разного места и времени применяются свои) состоит из жителей, задействованных по преимуществу в несельскохозяйственной производственной деятельности и в сфере обслуживания.

Второе определение города, восходит к трактовке, характерной для второй половины XVIII столетия, и построенной на том, что город – это поселение, обладающее официальным городским статусом, который, во-первых, присвоен ему законодательно, что определяет функции и внешний облик данного поселения, и, во вторых, придает местным жителям статус и права членов официальных городских сословий («граждан», «городских обывателей»).

В нашей работе не одно из двух определений не является доминирующим. Это обуславливается принципом историзма научного исследования. Мы оцениваем город в первую очередь в понимании этого явления современниками (в их трактовке), и одновременно (где это возможно) рассматриваем намечающийся процесс его эволюционирования к современным формам.

Городские поселения – в нашем исследовании данное понятие используется для обозначения поселений, которые в рамках исследуемого нами времени не имеют официального или полного городского статуса, но обладают признаками города и исполняют городские функции. Данная категория состоит из двух типов поселений: «заштатных безуездных городов», возникшие при Павле I, и посадов (или близких к ним структур).

Сеть городов (городская сеть, сеть городских поселений) – понятие, активно используемое в географической науке. Под ним понимается совокупность всех типов городских населенных пунктов на конкретной

территории[18] (как административной, так и внеадминистративной), которым присуща иерархия и распределение функций[19]. Применительно к реалиям второй половины XVIII в., когда одновременно существовали официальные города, и поселения, не имевшие такового статуса на основании законодательных актов, но исполнявшие функции города, мы используем понятие *сеть городов и городских поселений*.

Городская реформа («городская и социальная реформа») Екатерины II – преобразования последней четверти XVIII в., целью которых являлось упорядочивание весьма запутанной сословной структуры городского населения, доставшейся от предшествующего времени. Основным законодательным источником при изучении данного процесса стала «Грамота на права и выгоды городам Российской империи» («Жалованная грамота городам») (1785), что и отразилось в принятом наименовании данной реформы, которое ввели не современники, а исследователи, активно работавших преимущественно в XIX столетии. Еще одним из наименований данного преобразования (заметно более точно отражающего его содержание) является формулировка, использованная Б.Б. Кафенгаузом – «городская и социальная реформа» Екатерины II[20].

Реформа города. Данное определение введено нами (в отличие от «городской реформы», она же «городская и социальная реформа») и обосновано в ряде работ[21]. Использование данного понятия необходимо для определения комплекса преобразований второй половины XVIII в. (заранее продуманных и подготовленных), реализация которых осуществлялась не в

---

[18] *Лаппо Г.М.* География городов: Учеб. пособие для геогр. ф-тов вузов. М., 1997. С. 173.

[19] *Лаппо Г.М.* География городов: Учеб. пособие для геогр. ф-тов вузов. М., 1997. С. 267-268.

[20] *Кафенгауз Б.Б.* Город и городская реформа 1785 г. // Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. М., 1956. С. 151-165.

[21] Белов А.В. Изучение города в контексте региона. Попытка обоснования функционально-сетевого подхода // Проблемы исторической географии и демографии в России. М., 2013. Вып. II. С. 85-108; Он же. «Исторический регион» и его роль во внешней политике России // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2015. С. 53-69; «Исторический регион» и его роль во внешней политике России // Вестник РГГУ. С. 53-69. Он же. Феномен исторического региона Новороссии // Проблемы истории Новороссии. Сборник статей. М., 2015. С. 220-225; и др.

виде декларации, а на практике, привела к изменению и природы города, и его внешнего вида. Целью реформы города была не социальная сторона городской жизни (предмет хорошо изученной в рамках исследования городской реформы), а функциональная и статусная, т.е. – предписанные официальным городам конкретные внешние признаки (статусные признаки) и обязательные функций, а также создание органов, необходимых для реализации этих спущенных сверху обязанностей. Результатом данного процесса явилось заметное усложнение и модернизация инфраструктуры города и его облика.

Реформа города протекала в рамках административно-территориальной (губернской) реформы Екатерины II. В связи с этим преобразование города можно считать как составной частью губернской реформы, так и самостоятельной реформой. Мы оставляем данный вопрос открытым, хотя сами склоняемся ко второму варианту, т.к. она, во-первых, осуществлялась по заранее разработанному плану (который будет разобран особо), во-вторых, преследовала конкретную и весьма масштабную задачу: изменение характера города, его поселенческого качества. По сути, произошел процесс создания привычного нам города как административного и многофункционального центра. Кроме того результаты, достигнутые в ходе данного комплекса преобразований, имели исключительное значение. Структуры, учрежденные в городе в последней четверти XVIII – начале XIX в., в ходе именно реформы Екатерины II, и сегодня исполняют свои обязанности и присутствуют в нашей повседневной жизни.

Функционально-сетевой подход – предложенный нами и используемый в данном исследовании методологический прием, предусматривающий рассмотрение процесса функционирования города и сети городов как результат пространственного распределения функций в рамках региона. Его применение позволяет добиться большей точности изучаемых процессов, что тесно связано с конкретно-историческим, региональным аспектом работы.

Степень изученности темы. Большинство историков, как правило, описывали и описывают город второй половины XVIII – начала XIX вв. как объект изучения, анализируя не столько его характер как исторического явления своего времени, сколько как место на карте. Их по преимуществу интересовала событийная канва масштабных общенациональных процессов, протекавших в городских границах. В результате история города данного периода (и не только) используется, как правило, лишь как источник богатого фактологического материала, на основании которого оцениваются аспекты, не связанные собственно с эволюцией характера самого города, присущего ему на конкретном этапе, и обусловленного данным историческим временем. Так, например, на материалах городской истории изучается: освободительное движение и социальная активность, формы и степень развития капиталистического уклада, сословный строй и его эволюция, функционирование органов управления и т.д., и т.д. Городу в этой городской истории просто не остается места. При всей своей исключительной значимости эти темы не затрагивают проблем, связанных с чертами, элементами, структурой и характером русского города рубежа XVIII – XIX вв. как порождения конкретной исторической эпохи, а также процессом масштабной трансформации характера и облика поселений, произошедшей во второй половине XVIII столетия.

В итоге за пределами изучения практически полностью остается помимо прочего проблема комплексных, запланированных государством трансформаций, которые претерпел город во второй половине XVIII столетия и которые привели к кардинальным изменениям и его облика, и его качества.

Невнимание к данным вопросам обусловлено рядом причин, в том числе почти двухвековой историографической традицией, восходящей к историко-юридической (государственной) школе. В результате дореформенные десятилетия истории русского города (исключая, пожалуй, только глубоко разрабатываемую тему его управления) все еще являются

«белым пятном» для современных исследователей, что признается и самими историками-урбанистами[22].

Научных трудов, посвященных проблеме, связанной с развитием города дореформенного времени не так много. Хотя эта тема была поднята еще в дореволюционный период и ее разработкой занимались крупнейшие представители отечественной исторической науки (А.А. Кизеветтер, Ю.В. Готье и др.), относившиеся к школе Московского университета конца XIX – начала XX в., и являвшиеся сторонниками «многоаспектного подхода», опирающегося на социально-экономические проблемы[23]; но и они в той или иной степени руководствовались принципами историко-юридической школы[24]. В результате эти исследователи опирались в значительной степени на законодательные источники, а предметом их изучения становились официальные учреждения управления и самоуправления, а также социальный состав и права жителей. Русский дореформенный город оценивался исследователями в значительной степени как материал для критики царских чиновников – грязь, дикость, неразвитость городской жизни. Причиной такого отношения была убежденность историков эпохи «Великих реформ» Александра II и наследников их идей в том, что город может развиваться только «самой общественной жизнью, самим общественным населением»[25]. Деятельность правительства в данной сфере считалась почти противоестественной, а возникавшие или преобразованные «их иждивением» города – искусственными. Видимо, об одном из таких активных чиновников-учредителей городов выдающийся историк

---

[22] В частности: *Куприянов А.И.* Культура городского самоуправления русской провинции, 1780–1860-е годы. М., 2009. С. 3.

[23] *Тихонов В.В.* Московская историческая школа в первой половине XX века. Научное творчество Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и С.В. Бахрушина. М.; СПб., 2012. С. 40; Он же. Московские историки первой половины XIX в. Научное творчество Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева, С.В. Бахрушина. М., 2012. С. 29.

[24] *Иллерицкий В.Е.* О государственной школе в русской историографии // Вопросы истории. 1959. № 5. С. 141–159.

[25] *Дитятин И.И.* Устройство и управление городов России. СПб., 1875. Т. 1. С. 375 ; *Дитятин И.И.* Наши города за первые три четверти настоящего столетия // *Дитятин И.И.* Статьи по истории русского права. СПб., 1895. С. 48.

И.И. Дитятин писал с ехидной иронией: «какой-нибудь генерал-майор»[26]. Данное утверждение вполне могло относиться к генерал-губернатору А.П. Мельгунову, до 1761 г. действительно носившего чин генерал-майора. Будучи создателем городской сети Ярославской губернии, он, однако, зарекомендовал себя руководителем-бессребреником и талантливым, небезразличным к нуждам своего края управленцем. Екатерина II, которая умела подбирать «кадры», зная о тесной связи ненавистного ей Петра III с Мельгуновым, несмотря ни на что характеризовала последнего не иначе как «очень и очень полезный человек государству».

Таким образом, в конце XIX – начале XX в. из поля зрения исследователей выпал сам процесс функционирования городов на этапе осуществления реформ Екатерины II (механизмы, условия, проекты, реализация и т.д.). В 1909 г. Кизеветтер, оценивая вклад своих коллег, писал: «Что же мы имеем по истории этого периода – несколько очень ценных страниц у Дитятина, который пользовался исключительно законодательными актами и материалами Уложенной комиссии и более ничего. Реальная жизнь города за это время остается не исследованной»[27].

Впрочем, и эти «несколько очень ценных страниц» сводились в основном к одному вопросу – степени благоустройства и «ужасу» неустроенности. Так, Дитятин полностью отрицал вклад Екатерины II в создание городской инфраструктуры: «Не осталось ничего, кроме уродливых присутственных мест»[28]. Но почему он считал их уродливыми? Многие городские объекты того времени оказываются сегодня главными (а порой и единственными!) в перечне местных достопримечательностей и дают, по мнению современных исследователей, пример образца художественного вкуса и повод для гордости со стороны местного населения. Возникшие в

---

[26] *Дитятин И.И.* Устройство и управление ... Т. 1. С. 375–376.

[27] *Кизеветтер А.А.* Городовое положение Екатерины II 1785 г.: опыт ист. комментария. М., 1909. С. 216.

[28] *Дитятин И.И.* Русский дореформенный город // *Дитятин И.И.* Статьи по истории русского права. СПб., 1895. С. 19.

рамках продуманной градостроительной программы императрицы[29], они проектировались профессиональными (часто весьма даровитыми) архитекторами и утверждались исключительно на основании «высочайшей конфирмации». Не удивительно, что эти здания по-прежнему определяют «лицо» и «градостроительный облик» исторических центров многих российских поселений.

Точку зрения представителей юридической школы разделяют и современные исследователи, некоторые из которых повторяют выводы своих дореволюционных предшественников, в частности идею практически отсталости русского города и неэффективности преобразований, проводимых верховной властью[30]. А в ряде случаев и предшествующих ошибок (выбор не готовых на роль города поселений, завершенность реформы 1785 г.[31] и др.). Впрочем, попытки выйти за ее пределы относятся уже к началу XX столетия. К таким исследователям с полным правом может быть отнесен Н.Д. Чечулин[32]. Не так давно сотрудники Российской национальной библиотеки обнаружили и опубликовали почти полную копию его рукописи «Россия в XVIII веке». Однако стремясь отойти от оценки законодательства и рассмотреть среду существования самого города, автор лишь описал его повседневную жизнь.

Если дореволюционные отечественные историки «были далеки» от «городской» тематики и проблем, связанных с итогами российских административных реформ XVIII в.[33], то советские исследователи разрабатывали темы, касавшиеся в основном процесса возникновения и развития социально-экономических явлений и национально-освободительной

---

[29] *Смирнов Г.К.* Общественная архитектура второй половины XVIII века в провинциальных городах России... М., 2003. С. 3.

[30] *Домников С.Д.* Мать-земля и Царь-город: Россия как традиционное общество. М., 2002; М*орозов А.Ю.* Самоуправление в Российской империи на стыке власти и общества // Территория и власть в новой и новейшей истории Российского государства. М., 2012. С. 83–91; и др.

[31] *Домников С.Д.* Указ соч. … С. 490-491.

[32] *Чечулин Н.Д.* Русская провинция во второй половине XVIII века. СПб., 2010.

[33] *Котова О.А.* Государственная деятельность Екатерины II: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2000. С. 23–25.

борьбы времен Екатерины Великой[34]. Благодаря этому в научный оборот было введено понятие «городская реформа Екатерины II», под которой подразумевается преимущественно процесс упорядочивания структуры посадского населения, системы его самоуправления и хозяйственной жизни. Данная трактовка, развитая Б.Б. Кафенгаузом[35], и поныне главенствует при понимании целей преобразований города Екатерины II авторами работ обзорного характера. Однако предпринятая императрицей программа масштабного реформирования города была значительно шире.

Вместе с тем, советские ученые, обнаружившие и изучившие массу источников[36], внесли качественный вклад в исследование рассматриваемой темы. В первую очередь это касалось социально-экономической проблематики. Они подробно проанализировали процесс учреждения и развития городов как результата административно-территориальных реформ Екатерины II. Все эти вопросы отражены в трудах Ю.Р. Клокмана[37] и П.Г. Рындзюнского[38], создавших фундаментальные исследования, которые и сегодня не утратили своего значения.

Рындзюнский, большое внимание уделил не формальной стороне процессов (факту учреждения новых городов), а эволюции и качеству социального состава городских жителей. Ученый стремился дать ответ на сложный вопрос о функционировании и характере русского города в рамках всего дореформенного времени.

---

[34] *Рассолов Г.А.* Институт генерал-губернаторства в Российской империи (1775 г. – конец XIX в.): автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2005. С. 6; *Котова О.А.* Указ. соч. С. 25.

[35] Кафенгауз Б.Б. Указ. соч.

[36] *Котова О.А.* Указ. соч. С. 25.

[37] *Клокман Ю.Р.* Историография русских городов второй половины XVII – XVIII вв. // Города феодальной России: сборник статей памяти Н.В. Устюгова. М., 1966. С. 51–64 ; *Клокман Ю.Р.* Очерки социально-экономической истории городов северо-запада России в середине XVIII в. М., 1960; *Клокман Ю.Р.* Социально-экономическая история русского города, вторая половина XVIII века. М., 1967.

[38] *Рындзюнский П.Г.* Основные факторы городообразования в России второй половины XVIII в. // Русский город. М., 1976. Вып. 1. С. 105–127 ; *Рындзюнский П.Г.*Городское гражданство дореформенной России. М., 1958 ; *Рындзюнский П.Г.* Новые города России в конце XVIII в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: сборник статей к 70-летию акад. М.Н. Тихомирова. М., 1958. С. 359–370.

Клокман, без преувеличения, совершил научный подвиг. Он собрал, осмыслил и описал процесс формирования в ходе административной реформы Екатерины II абсолютно подавляющей части городской сети Российской империи. При этом историк пытался рассмотреть одновременно и административную, и экономическую функции города. Тем не менее, его исследование имеет как сильные, так и слабые стороны. Автор описал (что было неизбежно при таком масштабе работы) самые крупные процессы и сделал общие для всего пространства выводы (сам факт учреждения и причины побудившие выбрать то или иное поселения на роль города, а также встраивание его в сеть городов той или иной губернии); отказался от регионального своеобразия (что сам же с сожалением признавал)[39]; не рассматривал вопросы, касающиеся характера и функций городов. Последние Клокман оценивал (исходя из освоенных им источников) только как рынки и административные центры. Кроме того, за рамками его изысканий оказались типы поселений (в том числе и их административные функции) и многообразие городских поселений, а также создаваемая в них как в административных центрах «непременно нужная» инфраструктура.

Сложность изучения заявленной темы (связанная с особенностями и противоречиями данного исторического периода) привела к тому, что более чем за полвека появилось не так много посвященных ей комплексных работ. Структура и характер сети городов дореформенного времени, глубокое преобразование Екатериной II самого города так и не стали предметом специального исследования. Зачастую данный аспект пропускали даже крупнейшие специалисты[40] или освещали его в традициях дореволюционной историографии – в качестве только социальной реформы (т.е. традиционной

---

[39] *Клокман Ю.Р.* Социально-экономическая история … С. 27.

[40] *Анисимов Е.В.* Реформы Екатерины II // Власть и реформы: от самодержавной к Советской России. М., 2006. С. 150–174; *Каменский А.Б.* Центральное и местное управление и территориальное устройство в контексте реформ XVIII века // Административно-территориальное устройство России. История и современность. М., 2003 С. 88–92; и др.

трактовки т.н. городской реформы) как источника создания «третьего рода» людей[41].

При этом ученые открыли целый ряд новых направлений городской истории и связанных с ней тем. Большой вклад внесла мощная школа городоведения, сформированная историками Сибири[42]. Естественно, они сконцентрировались на своем, региональном материале. Так, в частности, историк-урбанист А.И. Куприянов, взял за основу культуру городского управления и использовал межрегиональный подход, привлекая принципиально несхожие административные единицы, что позволило ему создать объемное видение процесса городской истории (функции города, формы городской жизни и др.)[43], тем самым внеся новое в процесс изучения. Тема русского города Нового времени получила продолжение в трудах Б.Н. Миронова, одной из заслуг которого является анализ развития города в XVIII–XIX вв. При этом основное внимание уделяется многочисленным аспектам социальной истории городов[44].

Общие итоги изучения дореформенного города полно отражены в коллективных научных трудах, посвященных истории краев и городов. Наибольший интерес представляют работы по истории Московской области (наследнице одноименной губернии) и Москвы. Именно эти

---

[41] *Анисимов Е.В.* Императорская Россия. СПб., 2008. С. 323–329, 335.

[42] Города Сибири (эпоха феодализма и капитализма). Новосибирск, 1978; Сибирские города XVII – начала XX века. Новосибирск, 1981; *Разгон В.Н.* Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX в. Барнаул, 1999; *Андреев Н.В.* Методология и история отечественной историографии развития городов и городского хозяйства России последней четверти XVIII – первой половины XIX в. Екатеринбург; Пермь, 2003; *Скубневский В.А., Гончаров Ю.М.* Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул, 2003. Ч. I; Градостроительство Сибири. СПб., 2011; *Юркина О.Г.* Понятие «сибирская слобода» в отечественной историографии // Политология и политический процесс: сборник статей. Барнаул, 2004. С. 129–133; и др.

[43] *Куприянов А.И.* Выборы в русской провинции (1775–1861 гг.). М., СПб., 2017; *Куприянов А.И.* Городская культура русской провинции, конец XVIII – первая половина XIX века. М., 2007; *Куприянов А.И.* Культура городского самоуправления русской провинции, 1780–1860-е годы. М., 2009; *Куприянов А.И.* Российское Благородное собрание и модернизация публичной жизни в дореформенной России // Уральский исторический вестник. 2015. № 4 (49). С. 36–44; *Куприянов А.И.* Русский город в первой половине XIX века: общественный быт и культура горожан Западной Сибири. М., 1995; *Куприянов А.И.* Электоральное поведение русского дворянина (1770–1820-е гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2012. № 1. С. 5–19.

[44] *Миронов Б.Н.* Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990.

территориальные объекты выступают основой ядра Центральной России, в связи с чем именно они наиболее исследованы[45].

Применительно к Москве и «малой» Московской губернии (в соответствии с утвердившимся за десятилетия подходом) наиболее полно оказались разработаны вопросы, связанные с экономической историей, социальной структурой жителей, а также с темой социального недовольства и с различными аспектами культуры. Хотя есть и лакуны. Так, например, при характеристике структуры народного образования Москвы второй половины XVIII в. подробно описан университет, но не вполне затронуты проблемы создания и развития городских школ. При этом создание системы народного просвещения выступает одним из главных элементов функционирования городов. Кроме того, аспекты исполнения ими своих функций (полицейской, медицинской, транспортной и др.) в очерках отсутствуют или только обозначены, что, в общем-то, неизбежно в исследованиях энциклопедического типа.

Отдельным вопросам городской истории России рассматриваемого времени посвящен значительный пласт научной литературы, создание которой относится к различным периодам последнего столетия. Так различным, конкретным функциям города и порожденным ими структурам, а также социально структуре городского населения посвящены исследования Н.А. Ивановой и В.П. Желтовой (социальная история), Б.Н. Миронова (социальная и социально-экономическая история); Э.Г. Истоминой (административная реформа и города, транспортные пути как факторы развития города), Н.В. Козловой (социальные службы города), Л.Ф. Писарьковой (система управления, аппарат чиновников, административные реформы)[46]. Исследования В.А. Кучкина, Л.А. Велихова, Я.Е. Водарского,

---

[45] Московская область: История. Культура. Экономика. М., 2005; Подмосковье из века в век: сборник исторических очерков. М., 2006; История Москвы с древнейших времен до наших дней: в 3 т. М., 1997. Т. 1–2.

[46] *Иванова Н.А., Желтова В.П.* Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М., 2010; *Миронов Б.Н.* Внутренний рынок России во второй половине XVIII – XIX в. Л., 1981 ; *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начала XX в.).

М.Г. Рабиновича, Б.Н. Миронова, Е.В. Симоновой, А.Н. Зорина посвящены характеристике городов, типам городских поселений и их оценке[47]; В.Н Алексеева, В.Н. Балязина, М.И. Вострышева, О.В. Сухаревой – деятельности крупных местных администраторов, внесших значительный вклад в преобразование городского строя[48]; П.В Сытина, В.В. Кириллова, Н.А Евсиной, Г.К. Смирнова и авторов коллективных монографий (Ю.Н. Герасимова, Н.Ф. Гуляницкого, М.В. Нащокиной, Т.Ф. Саваренской, П.В Панухина, Д.О. Швидковского) – градостроительству и процессу создания регулярного города[49]; Н.В. Носарева и Т.А. Скрябиной – инженерным

СПб., 1999. Т. 1–2; *Истомина Э.Г.* Границы, население, города Новгородской губернии (1727–1917 гг.): очерки по административно-территориальному делению. Новгород, 1972 ; *Истомина Э.Г.* Водные пути России во второй половине XVIII – начале XIX века. М., 1982 ; *Истомина Э.Г.* Водный транспорт России ... ; *Истомина Э.Г.* Дороги России в XVIII – начале XIX века // Исследования по истории России XVI–XVIII вв.: сборник статей в честь 70-летия Я.Е. Водарского. М., 2000. С. 181–208; *Истомина Э.Г.* Европейский Север ... С. 15–27; *Козлова Н.В.* Люди дряхлые, больные, убогие в Москве XVIII века. М., 2010; *Писарькова Л.Ф.* Развитие местного самоуправления в России до Великих реформ: обычай, повинность, право // Отечественная история. 2001. № 2. С. 3–27; № 3. С. 25–39; *Писарькова Л.Ф.* Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: эволюция бюрократической системы. М., 2007; *Писарькова Л.Ф.* Городские реформы в России и Московская дума. М., 2007 ; *Писарькова Л.Ф.* Государственное управление России в первой четверти XIX века: замыслы, проекты, воплощение. М., 2012; и др.

[47] *Кучкин В.А.* Города Северо-Восточной Руси в XII–XV веках: (крепость и посад; городское поселение) // История СССР. 1991. № 2. С. 73–84; *Велихов Л.А.* Основы городского хозяйства. М., 1996; *Водарский Я.Е.* Зарайск: тайна рождения // Зарайск. М., 2002. Т. 1. С. 178–253; *Водарский Я.Е.* Исследования по истории русского города: (факты, обобщения, аспекты). М., 2006; *Рабинович М.Г.* К определению понятия «город»: (в целях этнографического изучения) // Советская этнография. 1983. № 3. С. 19–24; *Миронов Б.Н.* Русский город ...; *Симонова Е.В.* Провинциальные города Тульской губернии в XIX веке. Тула, 2005; *Симонова Е.В.* «Гений места»: опыт и перспективы изучения «культурных гнезд» Тульского региона // Гений места: выдающиеся деятели Тульского края – городу и миру: сборник материалов научно-практической конференции. (Тула, 18 апр. 2014 г.). Тула, 2014. С. 3–8; *Зорин А.Н.* Города и посады дореволюционного Поволжья: историко-этнографическое исследование населения и поселенческой структуры городов рос. провинции второй половины XVI – XX вв. Казань, 2001.

[48] *Алексеев В.Н.* Графы Воронцовы и Воронцовы-Дашковы в истории России. М., 2002; *Балязин В.Н.* Московские градоначальники, 1709–1909. М., 1997; *Вострышев М.И.* Московские обыватели. М., 2003; *Сухарева О.В.* Кто был кто в России от Петра I до Павла I. М., 2005.

[49] *Сытин П.В.* Из истории московских улиц: (очерки). Изд. 2-е, пересмотр. и доп. М., 1952; *Сытин П.В.* История планировки и застройки Москвы: материалы и исследования. М., 1954. Т. 2; *Кириллов В.В.* Архитектура и градостроительство Подмосковья (картина развития с XIV в. до 1917 г.) // Русский город. М., 1980. Вып. 3. С. 120–132; *Евсина Н.А.* Русская архитектура в эпоху Екатерины II: барокко – классицизм – неоготика. СПб., 1994; *Смирнов Г.К.* Указ. соч.; Архитектурные ансамбли Москвы XV – начала XX веков: принципы художественного единства. М., 1997; Русское градостроительное искусство. Петербург и другие новые российские города XVIII – первой половины XIX веков. М., 1995; Русское градостроительное искусство. Москва и сложившиеся русские города XVIII – первой половины XIX веков. М., 1998.

сооружениям[50]; Г.М. Лаппо – городу и сети городов как объектам экономической географии[51]; М.Н. Гернета, Е.В. Акельева, Т.Г. Галаншиной, И.В. Закурдаева, С.Н. Логинова – пенитенциарной системе[52]; В.В. Кириллова, Н.В. Козловой, В.С. Прохорова, Н.В. Середы, Н.А. Четыриной, И.И. Шулус, Э.А. Шулеповой и др. – ряду аспектов истории города, городским поселениям в том числе и посадам (Н.А. Четырина), а также городской сети различных губерний Центральной России[53].

Особое внимание обращалось на различные проблемы культуры и общественной жизни городов (О.Г. Агеева, И.С. Розенталь, В.П. Погожев, Л.М. Старикова, О.Э. Чаянова)[54]. Город как ретранслятор культуры был представлен в трудах Н.П. Анциферова и И.М. Гревса[55]. Эволюцию внутренней структуры Москвы, ее отражение в современном пространстве

---

[50] *Носарев Н.В., Скрябина Т.А.* Мосты Москвы: мосты через Москву-реку и канал им. Москвы: (инженерно-исторические очерки). М., 2004.

[51] *Лаппо Г.М.* География городов: учеб. пособие для геогр. фак-тов вузов. М., 1997; *Лаппо Г.М.* Города России. Взгляд географа. М., 2012; *Лаппо Г.М., Полян П.М.* Результаты урбанизации России к концу XX века // Мир России. 1999. № 4. С. 35–46; *Лаппо Г.М.* Город в пространстве России // Отечественные записки. 2002. № 6 (7); и др.

[52] *Гернет М.Н.* История царской тюрьмы. М., 1951. Т. 1; *Акельев Е.В.* Повседневная жизнь воровского мира Москвы во времена Ваньки Каина. М., 2012; *Акельев Е.В.* «И впредь в Кремле колодников отнюдь держать не велеть»: эволюция отношения к заключенным в Москве в первой половине XVIII в. Электронный ресурс // Германский институт в Москве: доклады по истории XVIII и XIX вв. 2012. № 12. URL: www.hse.ru/pubs/share/direct/document/58766871 (дата обращения: 14.01.2017); *Галаншина Т.Г., Закурдаев И.В., Логинов С.Н.* Владимирский централ. М., 2008; *Закурдаев И.В.* Владимирский централ: история Владимирской тюрьмы. М., 2013.

[53] Города Подмосковья. М., 1979–1981. Кн. 1–3; *Середа Н.В.* Реформа управления Екатерины Второй: источниковедческое исследование. М., 2004; *Четырина Н.А.* Сергиевский посад в конце XVIII – начале XIX вв.: (посад как тип городского поселения). М.; СПб., 2006; Повседневная жизнь провинциального города Владимира в последней трети XVIII – первой половине XIX в. / И.И. Шулус, Н.В. Киприянова, Н.В. Мягтина, В.А. Черничкина. Владимир, 2009; Российская провинция: среда, культура, социум: (очерки истории города Дмитрова, конец XVIII – XX век) / отв. ред. Э.А. Шулепова. М., 2006.

[54] *Агеева О.Г.* Дипломатический церемониал императорской России, XVIII век. М., 2012; *Розенталь И.С.* «И вот общественное мненье!»: клубы в истории рос. общественности, конец XVIII – XX вв. М., 2007; *Погожев В.П.* Столетие организации Императорских Московских театров: (опыт ист. обзора). СПб., 1907; *Старикова Л.М.* Театр в России XVIII века: опыт документального исследования. М., 1997; Театральная жизнь России в эпоху Елизаветы Петровны: документальная хроника, 1741–1750 / сост. Л.М. Старикова. М., 2003. (Театральная жизнь России; вып. 2, ч. 1); *Чаянова О.Э.* Театр Маддокса в Москве, 1776–1805. М., 1927.

[55] *Анциферов Н.П.* Пути изучения города, как социального организма: опыт комплексного подхода. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1926; *Анциферов Н.П., Анциферова Т.Н.* Книга о городе. Л., 1926–1927. 3 т.; *Гревс И.М.* Монументальный город и исторические экскурсии: (основная идея образовательных путешествий по крупным центрам культуры) // Экскурсионное дело. Пг., 1921. С. 11–32; Экскурсии в культуру: метод. сборник / под ред. И.М. Гревса. М., 1925; и др.

рассмотрели П.В. Сытин и К.А. Аверьянов[56]. Проблема регионального деления страны, тесно связанная с городской сетью, стала предметом научного интереса Э.Г. Истоминой, Д.О. Чуракова, Г.М. Лаппо и других ученых[57]. Отдельное место занимают работы, хотя и выполненные по более узкой тематике, но раскрывающие важные аспекты развития города[58].

Однако в перечисленных ранее трудах все же не была раскрыта тема, связанная с исполнением городом функций, определившихся в ходе реформы Екатерины II, как, впрочем, и с осуществлением на практике этого процесса. И дело не только в эпизодичности исследований. Даже в работах, заслуженно считавшихся классическими, есть масса пробелов. Например, П.В. Сытин при создании фундаментального исследования по истории Москвы вынужден был пользоваться относительно узким кругом источников, преимущественно обзорного содержания. Так, характеризуя объем книжной торговли в городе во второй половине правления Екатерины II, он написал, что тогда функционировали всего «три книжные лавки», «две российских и одна иностранная книгопечатня»[59]. В действительности масштабы такой торговли были куда значительнее[60].

Свое место в историографии занимают публикации краеведов. Они, как писал Клокман в 60-е годы XX в., «отнюдь не претендуют на полноту исследования и лишь знакомят читателей с основными событиями истории того или иного города со времени возникновения до наших дней»[61].

---

[56] История московских районов: энциклопедия / под ред. К.А. Аверьянова. М., 2005; *Сытин П.В.* Из истории московских улиц…; *Сытин П.В.* История планировки и застройки Москвы. Т. 2.

[57] *Истомина Э.Г.* Европейский Север ... С. 15–27; *Чураков Д.О.* Полюса и краски социально-экономического обновления рубежа XIX–XX веков в промышленном центе России // Рабочие в России: исторический опыт и современное положение. М., 2004. С. 129–148; *Лаппо Г.М.* География городов.

[58] *Розенталь И.С.* «И вот общественное мненье!»…; История московских районов: энциклопедия…; *Мартин А.* Просвещенный метрополис: созидание имперской Москвы, 1762–1855. М., 2015; Русское градостроительное искусство. Москва и сложившиеся русские города XVIII – первой половины XIX веков; Русское градостроительное искусство. Петербург и другие новые российские города XVIII–XIX веков; и др.

[59] *Сытин П.В.* История планировки и застройки Москвы. Т. 2. С. 199.

[60] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 578, ч. IV. Л. 170–170 об.

[61] *Клокман Ю.Р.* Социально-экономическая история … С. 26.

Например, в путеводителе по Ярославлю – одному из первых по величине и значению городу страны – период второй половины XVIII в. изложен всего в трех (!) предложениях[62]. Впрочем, справедливости ради нужно сказать, что это была не столько вина авторов-составителей таких изданий, сколько результат общего развития региональной проблематики, что являлось характерной чертой отечественной исторической науки того времени в целом[63]. При этом тот же Клокман, указывал на необходимость «рассмотрения городов в порайонном разрезе»[64].

За прошедшую треть века ситуация в городоведении заметно изменилась. Местная (региональная) история получила широкое признание как значимое научное направление. Опубликован ряд работ, авторы-составители которых выявили массу новых источников[65]. Вышли в свет труды, посвященные истории губерний и областей Центральной России[66], в том числе в форме учебных пособий, что не уменьшает их научного значения. Созданные на основе архивных источников и научного анализа, они написаны сотрудниками ведущих региональных высших учебных заведений. Так, авторы коллективной монографии по истории Владимира под редакцией И.И. Шулус (2006), не только изучили значительный и не использованный ранее документальный материал, но и отошли от привычной

---

[62] *Козлов П., Суслов А., Чураков С.* Ярославль: путеводитель. Ярославль, 1980. С. 12.

[63] Города Подмосковья. Кн. 1–3; Энциклопедия земли Вятской. Киров, 1994. Т. 1; и др.

[64] *Клокман Ю.Р.* Социально-экономическая история … С. 27.

[65] Калужские губернаторы: биобиблиографические очерки. Калуга, 2001; Повседневная жизнь провинциального города Владимира …; История Владимирского края с древнейших времен до наших дней: учебник для старших классов общеобразовательных учреждений Владимирской обл. / под ред. Д.И. Копылова. Владимир, 2006; *Пухов В.А.* История города Калуги. Калуга, 2015; и др.

[66] История Владимирского края с древнейших времен …; Повседневная жизнь провинциального города Владимира …; История Мурома и Муромского края с древнейших времен до конца века: учеб. пособие. Муром, 2001; *Митрофанов А.Г.* Повседневная жизнь русского провинциального города в XIX веке: пореформенный период. М., 2013; История Москвы с древнейших времен. Т. 1–2; Города Подмосковья. Кн. 1–3; Московская область: История. Культура. Экономика; История Ярославского края с древнейших времен до конца 20-х гг. XX века / отв. ред. А.М. Селиванова. Ярославль, 2000; Страницы военной истории Ярославской земли: сборник / под ред. В.М. Марасановой. Ярославль, 2013; *Пухов В.А.* Указ. соч.; Калужские губернаторы; и др.

схемы изложения истории города, расширили проблематику и приступили к разработке новых тем.

Нечто подобное наблюдалось и ранее, но преимущественно при исследовании древних русских городов[67], а также истории Москвы и Санкт-Петербурга второй половины XIX–XX вв.[68], когда крупными специалистами привлекался обширный архивный материал и создавались обстоятельные научные исследования, хоть и по узко региональной тематике.

Примеры значимых региональных (по сути краеведческих) исследований дает и досоветский период. Их авторы были далеко не любителями и оставили интересные оценки и свидетельства. Например, особого внимания заслуживают работы по истории Москвы архивиста и археографа А.Ф. Малиновского[69], исследователя Г.Н. Александрова[70], знатока «старой Москвы» М.И. Пыляева[71] и др. Интерес представляют и написанные в те же годы труды по истории ряда провинциальных центров, в частности, Ярославля[72].

В постсоветский период работа в этом направлении продолжилась, и в свет вышел новый многотомный труд по истории Москвы (авторы разделов – Я.Е. Водарский, В.Я. Гросул, А.В. Демкин, А.С. Мельникова, Л.Н. Пушкарев, А.Л. Хорошкевич, М.К. Шацилло, Р.Г. Эймонтова и др.)[73].

---

[67] *Ильин М., Моисеева Т.* Москва и Подмосковье: справочник-путеводитель. М.; Лейпциг, 1979. (Памятники искусства Советского Союза); Старые русские города: справочник-путеводитель. М.; Лейпциг, 1980. (Памятники искусства соц. стран). (Памятники искусства Советского Союза); *Тиц А.А.* По окраинным землям владимирским (Вязники, Мстера, Гороховец). М., 1969; *Федотова Т.П.* Вокруг Ростова Великого. М., 1987; и др.

[68] История Москвы. М., 1952–1959. Т. 1–6; Очерки истории Ленинграда. М.; Л., 1955–1989. Т. 1–7; *Сытин П.В.* История планировки и застройки Москвы. Т. 2; и др.

[69] *Малиновский А.Ф.* Обозрение Москвы. М., 1992.

[70] *Александров Г.Н.* К столетнему юбилею Московского Дворянского клуба // Русский архив. 1879. № 4. С. 523–524.

[71] *Пыляев М.И.* Старая Москва: рассказы из былой жизни первопрестольной столицы. М., 1990.

[72] *Барщевский И.* Исторический очерк города Ярославля, составленный действительным членом Ярославской ученой архивной комиссии И. Барщевским // История губернского города Ярославля: сборник. Историко-краеведческое издание. Ярославль, 2006. С. 201–295; *Головщиков К.Д.* История губернского города Ярославля // Там же. С. 14–199; и др.

[73] История Москвы с древнейших времен … Т. 1–2.

В наши дни, как и прежде, при изучении истории города Нового времени наибольшее внимание обращено на вторую половину XIX и начало XX столетия (т.е. на пореформенный период). Это время более полно представлено в источниках, а также хронологически и (что важно) по своему характеру ближе современным исследователям.

Достаточно обратить внимание на хронологические рамки работ, вышедших в последнее время, а также на то, какую незначительную часть от общего объема монографий занимают вопросы, касающиеся дореформенного периода[74]. В связи с этим трудно согласиться с мнением, что ученых-урбанистов интересует в основном дореформенный период[75]. К сожалению, именно он и остается, по выражению исследователя дореформенного города А.И. Куприянова «белым пятном» в историографии[76].

Внимание ко второй половине XIX в. – типичная черта, присущая и узкорегиональным, и крупномасштабным печатным трудам, что объясняется как количеством и качеством изучаемых источников, так и сложностью выявления и обработки материала. Цель данного исследования – восполнить этот пробел.

У зарубежных историков, изучающих Россию XVIII–XIX вв. тема дореформенного города не входит в число приоритетных. В первую очередь их работы посвящены анализу фундаментальных политических, социальных,

---

[74] Москва рубежа XIX и XX столетий. Взгляд в прошлое издалека. М., 2004; *Гончаров Ю.М.* Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX – начало XX в.). Новосибирск, 2004; *Симонова Е.В.* Провинциальные города Тульской губернии в XIX в.; Процессы урбанизации в Центральной России и Сибири: сборник статей / под ред. В.А. Скубневского. Барнаул, 2005; *Скубневский В.А.* Города России во второй половине XIX века: учеб. пособие. Барнаул, 2012; Российская провинция: среда, культура, социум: (очерки истории города Дмитрова, конец XVIII – XX век); *Миненко Н.А., Апкаримова Е.Ю., Голикова С.В.* Повседневная жизнь уральского города в XVIII – начале XX века. М., 2006; *Кошман Л.В.* Город и городская жизнь в России XIX столетия: социальные и культурные аспекты. М., 2008; Российская провинция: среда, культура, социум: очерки истории города Сергиева Посада, конец XVIII – XX век. М., 2011; *Соза Л.Н.* Пореформенная Коломна: на пути к промышленному городу. М., 2012; *Митрофанов А.Г.* Указ. соч.; *Долгопятов А.В.* Эти тихие уездные города: о социально-экономическом развитии малых городов Московской губернии во второй половине XIX – начале XX века. М., 2015; и др.

[75] *Кошман Л.В.* Русский город в XIX веке: социокультурный аспект исследования: дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02. М., 2001. С. 12; *Кошман Л.В.* Город и городская жизнь в России XIX столетии ... С. 13.

[76] *Куприянов А.И.* Культура городского самоуправления … С. 3.

гуманистических и культурологических проблем истории Российской империи. Это характерно и для тематических работ. Так, внимание уделяется анализу государственного управления и придворной борьбы (Д. Рансел, Д. Ле Дон), продворянской политике (М. Раев, П. Дьюкс), влиянию идей Просвещения на мировоззрение Екатерины II (Д. Гриффитс) и другим подобным аспектам[77].

Западных ученых всегда интересовали темы, касающиеся конкретного этапа российской истории, монарха и времени его правления, в том числе эпохи Екатерины II. Огромный объем данной темы неизбежно придает работам общий, нередко чисто описательный характер. Естественно, зарубежные историки затрагивают многие проблемы эпохи правления великой российской императрицы, но среди них или нет тем, связанных с дореформенным городом, или они «растворяются» при освещении административной и социальной реформ. Так, И. де Мадариага[78] не столько дает новые сведения, сколько пытается осмыслить эпоху, опираясь в первую очередь на монографии российских авторов второй половины XIX–XX в. Выход в свет подобных трудов в значительной степени оказался возможен лишь в условиях информационного голода, который на том этапе испытывали не только советские и российские, но и западные историки и читатели.

Тем не менее, в нашей стране и за ее пределами публикуются работы зарубежных авторов, которые задались целью не оценить или описать Россию, а заглянуть в глубь формирующих ее своеобразие процессов, понять их причины и характер. К ним может быть отнесена книга американского историка А. Мартина[79]. Хотя его исследованию не достает комплексности, бесспорной заслугой этого автора является то, что он поднял темы, раскрывающие характер такого явления, как Москва в конкретный

---

[77] *Котова О.А.* Указ. соч. С. 34.
[78] *Мадариага И. де.* Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 439–520.
[79] *Мартин А.* Указ. соч. С. 15.

исторический период. В первую очередь, исполнение Москвой роли столичного города.

Таким образом, проблема развития города как административного центра, формирование и функционирование его структуры, типы поселений (за исключением столичного города, и то отчасти) оказались вне пристального внимания зарубежных исследователей.

Источниковая база исследования. При работе над исследованием были привлечены следующие виды источников: делопроизводственные документы; личные бумаги и записки императрицы Екатерины II; законодательные акты (а также материалы, связанные с этой деятельностью, но оставшиеся или в виде черновых проектов, или не вошедшие в позже созданное Собрание законов Российско империи); экономические примечания генерального межевания; описания государственной территории России, ее отдельных городов и регионов («статистические описания», «землеописания», географические описания), справочные материалы («Расписания городов», «Списки населенных мест» и т.п.); периодическая печать, воспоминания и записки современников; картографические источники и картографические материалы; художественные произведения (отразившие в себе реалии того времени).

В связи с тем, что главное внимание в работе обращено на процессы середины XVIII – начала XIX в., большое внимание было обращено на собрания документов, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА)[80], Российском государственном историческом архиве (РГИА)[81], а также в архивах областных городов – бывших губернских

[80] Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 16. Оп. 1. Д. 564, 569, 728, 729–734, 752, 926, 980 (данные по городам Калужской губернии); 204, 555, 561, 562, 563а, 564, 567–583, 587 (по Москве и городам Московской губернии); 59, 564, 569, 636–640 (по городам Владимирской губернии); 564, 569, 1011–1014 (по городам Ярославской губернии); 204, 367, 368, 374, 376, 564, 568, 569, 926, 980 (сведения по различным темам); Ф. 372. Оп. 1. Д. 2508 (о функционировании острога в Москве); и др.

[81] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 93. Д. 1005, 635; Ф. 1375. Оп. 1. Д. 6, 21, 22, 26, 30, 58, 59, 437; Ф. 1289. Оп. 1. Д. 30, 39, 128, 298; Ф. 1409. Оп. 1. Д. 437, 456, 717; и др.

центров, ставших объектом исследования (Владимир, Калуга, Москва и Ярославль)[82].

Федеральные архивы. В фондах РГАДА сохранилась обстоятельная переписка и делопроизводственная документация, связанная с реализацией на местах планов реформ второй половины XVIII в. и с достигнутыми в ходе преобразований результатами (Ф. 16 «Госархив»). Задача по осуществлению процесса реформирования была возложена на высших лиц местной администрации, которые были не только ответственны за исполнение «спущенных сверху» предписаний, но и сами принимали активное участие в формировании плана преобразований, поиске источников их осуществления, определении методов организации этого процесса, и в целом ряде других вопросов.

В рамках 16 фонда РГАДА сконцентрированы дела по всем территориальным образованиям, возникшим на территории Центральной России. Это целый ряд документов канцелярий генерал-губернаторов, губернаторов и иных крупных администраторов на местах. В круг данных материалов входят, не только отчеты и деловая переписка глав местного управления с Санкт-Петербургом о выполнении административной реформы и реформы города Екатерины II (как правило, весьма обстоятельная и информативная), но и обзоры состояния губерний и их городов, доклады из регионов, а также черновые материалы (проекты решений, предписаний, различные «прожекты», инструкции и отчеты), которые дают представление о самом процессе реализации целей реформ, поиске способов их проведения.

По Калужской губернии и ее городам это дела, связанные с такими именами как – Е.П. Кашкин, М.А. Комынин, М.Н. Кречетников, П.С. Протасов, и др.; по Москве и Московской губернии – Н.П. Архаров,

[82] Государственный архив Владимирской области (ГА ВО). Ф. 14. От. 1. Д. 95, 1342, 1485; Ф. 400. Оп. 3. Д. 2, 68; и др.; Государственный архив Калужской области (ГА КО). Ф. 32. Оп. 19. Д. 82, 491, 977, 1051, 1080, 1081, 1323, 1345, 1347, 1413, 1439, 1451, 1654; и др.; Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 16. Оп. 1. Д. 8, 276, 363; Оп. 2. 3905; Ф. 199. Оп. 2. Д. 701, 704, 707, 742, 3905; и др.; Государственный архив Ярославской области (ГА ЯО). Ф. 72. Оп. 2. Д. 1180, 1344, 1382, 1810, 2064, 2093; Ф. 73. Оп. 2. Д. 20, 62, 91, 67; Ф. 73. Оп. 3. Д. 91, 132; Ф. 73. Оп. 4. Д. 62, 74; Ф. 73. Оп. 8. Д. 182; Ф. 637. Оп. 1. Д. 1, 2; и др.

Я.А. Брюс, М.Н. Волконский, В.М. Долгоруков-Крымский, П.Д. Еропкин, М.М. Измайлов, П.В. Лопухин, Ф.А. Остерман, И.П. Салтыков, А.А. Прозоровский, З.Г. Чернышев и др.; по Владимирской – Р.Л.(И.) Воронцов, И.А. Заборовский, П.Г. Лазарев, И.П. Салтыков, А.Б. Самойлов и др.; по Ярославской – И.А. Заборовский, И.И. Голохвастов, А.П. Мельгунов, Е.П. Кашкин, И.И. Юшков и др. Кроме того были использованы материалы, связанные с деятельностью администраторов следующего более высокого уровня (А.А. Безбородко, П.В. Завадовский).

Сложность работы с данными документальными комплексами заключалась в том, что присутствующие в них материалы, возникавшие в рамках одного и того же процесса, рассеяны, в связи с чем связанные воедино решения и материалы отложились в разных делопроизводственных комплексах. В частности, в отчетности нескольких руководителей региона, действовавших параллельно. Например, двух сменивших друг друга генерал-губернаторов и одного работавшего при них губернатора.

Продолжением этой же проблемы является и то обстоятельство, что по разным причинам ряд документов сохранились в делах не своих губерний. Таким образом их выявление невозможно при простом просмотре описей, и требуется непосредственная и внимательная работа с текстами архивных дел других территорий. Однако, т.к. в основу данного исследования был положен принцип одновременного или последовательного рассмотрения ряда новых административно-территориальных единиц (в рамках одного исторического региона) это позволило обнаружить рассеянные со временем материалы, собрать их вместе и проанализировать как единое целое. В частности, в делах по Калужской губернии были выявлены источники по истории городов Московской губернии (Д. 752 «О Коломне», Д. 926 «О Серпухове…»).

Особое место занимают материалы сенаторских ревизий А.Р. Воронцова, А.В. Нарышкина, П.А. Обрескова, С.Ф. Стрекалова, Д.П. Трощинского, А.П. Шувалова. Несмотря на непосредственную хронологическую близость ревизий, их материалы также были разделены, но

уже не между отдельными делами, а между двумя федеральным архивами, располагающимися в двух исторических столицах Российского государства РГАДА (Ф. 16. Оп. 1. Д. 577, 579, 980 и др.) и РГИА (Ф. 1375. Оп. 1. Д. 1, 6, 15, 21, 22, 23, 26, 30, 58, 59, 64; Ф. 1409. Оп. 1. Д. 437; и др.). В нашей работе оба комплекса объединены и исследованы. Это позволило рассмотреть процесс реализации реформ более полно, а его результаты оценить в динамике.

Кроме того, в фондах РГАДА, сохранились комплексы документов, которые содержат богатую информацию по целому ряду вопросов: о подготовке и проведении реформ на местах (Ф. 16. Оп. 1. Д. 204 «О числе душ по расписаниям наместничеств. Из бумаг графа А. Безбородко»; Д. 374 «Предоставление губернаторов… о расширении губернаторской власти по некоторым частям губернского управления»; Д. 376. «Мнение графа Александра Безбородко о разграничении губерний» и др.), о состоянии городов и регионов (Ф. 10. Оп. 3. Д. 57 «Ведомость о податном населении подушных сборах по Московской губернии», Ф. 16. Оп. 1. Д. Д. 368 «Ведомости о губерниях, провинциях и городах»; и др.); о благоустройстве города, изменение его облика и развитие инфраструктуры (Ф. 16. Оп. 1. Д. 575, 578); об исполнении городами своих функций, и меры, предпринимаемые по данному вопросу со стороны государства и частных лиц в рамках поддержания и развития пенитенциарной системы (Ф. 16. Оп. 1. Д. 581, Д. 372; Ф. 372. Оп. 1. Д. 2508), органов здравоохранения (Ф. 16. Оп. 1. Д. 573); и др.

В фондах РГАДА хранятся две важнейшие документальные коллекции, материалы которых также использовались в данном исследовании. Это фонд 10 «Кабинет Екатерины II»[83] и фонд 1355 «Экономические примечания к генеральному межеванию» (РГАДА)[84].

[83] РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 21, 243, 367, 410; Оп. 2. Д. 150, 151, 638; Оп. 3. Д. 57.
[84] РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 41, 60, 61, 69, 79, 454, 755; Оп. 2. Д. 120.

Коллекция 10 фонда не только позволяет уточнить круг вопросов, интересовавших лично императрицу (проявившую большое внимание к вопросу формирования плана реформ и контролировавшую процесс их проведения), но и выявить ряд неизвестных ранее источников, которые непосредственно связаны с реализацией плана реформ, а также с требованиями, которые высшая власть предъявляла к этому процессу. В частности, был обнаружен и введен в научный оборот (опубликован с комментариями)[85] не известный ранее источник – инструкция генерал-губернаторам с собственноручной правкой императрицы Екатерины II (1760-е гг.) (не стоит путать это документ с ее же наставлением губернаторам). Кроме того при анализе текста инструкции генерал-губернаторам с отчетами местных властей было установлено, что высказанные в ней требования были донесены до региональных администраторов – непосредственных исполнителей реформ и учитывались ими в своей работе, что отразилось в их отчетах.

Материалы коллекции «Экономические примечания к генеральному межеванию» позволяют оценить масштабы и характер конкретных поселений, оценить их хозяйственную роль и место в поселенческой сети региона и страны на данном историческом этапе, соответствие масштабов реформирования и создания «обязательно нужных строений» экономическим возможностям и потребностям самих городов. В частности: Воскресенску (Д. 755), Калуге (Д. 454), Москве (Оп. 2. Д. 120), Мурому (Ф. 1355. Оп. 1. Д. 60), Суздалю (Д. 69), Юрьеву-Польскому (Д. 79), и др.

При работе с фондах РГИА особое внимание было обращено на ряд аспектов: исполнение городами своих функций и меры, принимаемые по данному вопросу правительством (Ф. 497. Оп. 1. Д. 567, 1265; Ф. 1289 Оп. 1. Д. 30, 39, 128 и др.); продолжение процесса реформирования города и его итоги, проявившие себя в первые десятилетия следующего XIX столетия (Ф.

[85] «По сие время должность генерал-губернатора в государстве Нашем прямо еще не определена». Инструкция Екатерины II генерал-губернаторам Российской империи об управлении городами и землями. Середина 1760-х гг. // Исторический архив. 2016. № 1. С. 187–197.

1375. Оп. 1. Д. 6, 21, 22, 26, 30, 58, 59, 437 и др.; Ф. 1409. Оп. 1. Д. 437, 456, 717 и др.), влияние, которое оказали на этот процесс события Отечественной войны 1812 г., иноземное вторжение и связанное с ним разорение городов (Ф. 796. Оп. 93. Д. 1005, 1032 и др.).

Региональные архивы. Хранящиеся в них документальные свидетельства дают возможность на местном материале расширить наши представления о процессе осуществления намеченного плана преобразований. В этом отношении наибольший интерес представляют канцелярии органов региональной власти, которые отвечали за процесс реализации задач реформы в рамках своих административных образований.

При этом было бы большой ошибкой ограничивать задачи работы в фондах бывших губернских архивов только поиском сугубо регионального материала, призванного лишь уточнить основной процесс или продемонстрировать местную специфику. Сохранившиеся в этих фондах документы (несмотря, на территориальное их происхождение) предоставляют возможность раскрыть целый ряд вопросов, связанных как в целом с механизмом проведения реформы, так и с ее общими итогами: преобразование городской инфраструктуры (ГА КО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1451, 1654 и др.); определение официального статуса городских поселений, лишенных или не имеющих официального звания города (ГА КО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 1323, 1347, 1654 и др.); общий порядок восстановления утраченного городского статуса (ГА КО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 82); развитие общественного досуга (ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 1. Д. 8, 363 и др.; ГА ЯО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 1382; и др.); итоги и масштабы военного разорения, оказавшие влияние на итоге реформирования городов (ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 2. Д. 3905; ГА ВО. Ф. 14. От. 1. Д. 95, 1458; ГА КО. Ф. 32. Оп. 19. Д 1081 и др.); методы реализации целей реформ и поиск властями источников для осуществления этого процесса (ГА ЯО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 1344); сотрудничество с Русской Православной Церковью (ГА ЯО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 1344); общеимперские «правила» в деле городского благоустройства (ГА ЯО. Ф. 73. Оп. 3. Д. 132);

сохранение прежних связей между городами и регионами (ЦГА Москвы. Ф. 880. Оп. 1. Д. 210; и др.); итоги реформирования и их оценка (ГА ЯО. Ф. 73. Оп. 2. Д. 61); состояние военной команды (ГА ЯО. Ф. 72. Оп. 2. Д. 1180); состояние и характер заштатных поселений, пригородов и городских слобод (посадов) (ГАКО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 1654; Оп. 32. Д. 1323, 1347, 1654); создание Рыбинской биржи (ГА ЯО. Ф. 73. Оп. 4. Д. 62); проекты развития городской инфраструктуры и их реализация (ГАЯО. Ф. 72. Оп. 2. Д. 1810, 2093); и др.

Опубликованные источники. К данной группе использованного материала относятся **законодательные документы**. В первую очередь это «Полное собрание законов Российской империи»[86], в материалах которого сохранились источники, содержащие описание задач кардинального преобразования города. Однако при формировании этого законодательного комплекса в XIX в., в состав собрания вошли не все из действовавших в конце предшествующего столетия акты, т.к. они утратили свое былое значение. Например, «Росписание губернским и уездным штатным городам, по новому разделению губерний устроенным…»[87] Павла I. Эта группа источников также была учтена, использована и выделена в отдельную группу[88].

Важное место в любом исследовании занимают **данные статистики.** Возникновение данной отрасли в России связано, в том числе, с именем Екатерины II и ее администраторов, которые одни из первых начали процесс целенаправленного сбора данных в разных регионах на основании общих требований. Эти материалы были обнаружены нами в документальных

---

[86] Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое / под ред. М.М. Сперанского. Т. VIII–XXVII; Т. XLIII, ч. 1–2, Т. XLIV, ч. 1–2. СПб., 1830; Собрание второе. Т. VIII, отд-ние 1. 1833; Т. XV, отд-ние 1. 1840; Т. XIX, отд-ние 1. 1844; Т. XLVI, отд-ние 2. 1871.

[87] Сохранены особенности написания, изначально присущие данному источнику.

[88] Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. М., 1987: Т. 5; Законодательство Екатерины II: в 2 т. М., 2000–2001. Т. 1–2; Росписание губернским и уездным штатным городам, по новому разделение губерний устроенным, с показанием расстояния от обеих столиц и от губернского города. Отделение 1. СПб., 1797; Росписание городам без уездным, оставшимся за штатом, также крепостям, местечкам и редутам. Отделение 2. СПб., 1797.

собраниях бóльшей части архивов, материалы которых привлечены к исследованию. Но по-настоящему масштабные и, что важно, систематические работы в этом направлении получили свое развитие только в следующем XIX столетии с появлением статистической службы. Однако, несмотря на то, что статистический комитет при Министерстве внутренних дел начнет активную работу ближе к середине XIX в., уже в первые десятилетия этого столетия вышел из печати целый ряд статистических и справочных материалов[89], связанных с именами К. Германа, Е. Зябловского, Ф. Охтенского, С. Чернова и др. очевидцев событий, изучаемых в данной работе. Это позволяет дать характеристику потенциала конкретных городов, ресурсов имевшихся в распоряжении властей на этапе реформирования, ответить на вопрос о причинах дальнейшего развития поселений, и др.

Источники личного происхождения. Вторая половина XVIII – начало XIX в. – время расцвета такого жанра как путевые и автобиографические записки, воспоминания. И хотя масштабное развитие подобного рода литературы приходится на чуть более поздний срок, рубеж XVIII–XIX вв. порождает интереснейшие и единственные в своем роде источники. В частности можно назвать «Журнал или Записку…» И.А. Толченова, «Путевые записки графа Д.И. Хвостова…», «Повесть о моем рождении…»

---

[89] Расписание губернским и уездным штатным городам …; Расписание городов на 1796 год с показанием расстояния губернских городов от столиц, а прочих от столиц и губернских городов, сколько по сие время из присланных по требованию Академии разных известий собрать было можно // Месяцеслов на лето от Рождества Христова 1796, которое есть високосное, содержащее в себе 366 дней, сочиненный на знатнейшие места Российской империи. В Санкт-Петербурге при Императорской академии наук, 1797; Зябловский Е.Ф. Землеописание Российской империи для всех состояний. Санктпетербургского педагогического института Ординарного профессора Евдокима Забловского. СПб., 1810. Ч. 3; Зябловский Е.Ф. Новейшее землеописание Российской империи. Второе издание, пополненное сообразно нынешнему состоянию Государства и расположенное прилично удобнейшему изучению сей науки. СПб., 1818. Ч. 1–2; Зябловский Е.Ф. Статистическое описание Российской империи в нынешнем ее состоянии с предварительными понятиями о Статистике и о Европе вообще в статистическом виде, сочиненное Экстраординарным Профессором Евдокимом Зябловским. СПб., 1808. Кн. 1, ч. 1–2; Герман К.Ф. Статистическое описание Ярославской губернии. Сочиненное Карлом Германом … СПб., 1808; Чернов С. Статистическое описание Московской губернии 1811 года. СПб., 1812; Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1853. Т. 6, ч. 1; Историческое и топографическое описание города Москвы // Москва в описаниях XVIII века. Научное издание. М., 1997. С. 176–234; Охтенский Ф.А. Город Москва // Там же. С. 156–168; Состояние столичного города Москвы // Там же. С. 156–168.

И.М. Долгорукова. Последний из перечисленных авторов, заметно опередил свое время, выделяясь на фоне иных аналогичных автобиографических записок, как по объему, так и по подробностям. Кроме того, сам И.М. Долгоруков исполнял обязанности владимирского губернатора. При этом их автор обладал язвительным (а порой даже эксцентричным) характером, наряду с искренним любопытством и большой наблюдательностью. Все это делает его «Повесть…» весьма информативным источником.

Свои сильные и слабые стороны имеют произведения и других биографов – современников описываемых в работе событий[90].

Также к кругу опубликованных источников необходимо отнести произведения **художественной литературы**. Возникнув во второй половине XVIII – первой половине XIX в., они отразили критическое отношения своих авторов к реалиям того или иного исторического времени[91].

---

[90] *Батурин П.С.* Жизнь и похождения Господина Статского Советника Батурина: повесть справедливая, писанная им самим. Ч. 3 // Голос минувшего. 1918. № 1/3. С. 45–78; № 4/6. 173–210; № 7/9. С. 99–132; *Болотов А.Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков, 1738–1795: в 3 т. М., 1993. 3 т.; *Герцен А.И.* Былое и думы. Ч. 2 // Собрание сочинений: в 30 т. М., 1956. Т. 8; *Долгоруков И.М.* Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года августе месяце, на 25-ом году от рождения моего. В книгу сию включены будут все достопамятные происшествия, случившиеся уже со мною до сего года и впредь имеющие случиться. Здесь же впишутся копии с примечательнейших бумаг, кои будут иметь личную со мною связь и к собственной истории моей уважительное отношение. СПб., 2004–2005. Т. 1–2; *Екатерина II, имп.* Записки императрицы Екатерины II. СПб., 1907; *Жихарев С.П.* Дневник студента // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917): сборник. М., 1989. С. 53–59; *Лубяновский Ф.П.* Воспоминания // Там же. С. 43–48; *Свербеев Д.Н.* Из воспоминаний // Там же. С. 64–79; *Тимковский И.Ф.* Записки // Там же. С. 38–42; *Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича. М., 2000; *Малиновский А.Ф.* Указ. соч.; *Миллер Г.Ф.* Описание городов Московской провинции // *Миллер Г.Ф.* Сочинения по истории России: избранное. М., 1996. С. 226–319; *Сегюр Л.-Ф.* Записки о пребывании России в царствование Екатерины II // Россия XVIII века глазами иностранцев. Л., 1989. 313–456; *Текутьев Т.П.* Инструкция о домашних порядках // *Смилянская Е.Б.* Дворянское гнездо середины XVIII века: (Тимофей Текутьев и его «Инструкция о домашних порядках»). М., 1998. С. 32–145; *Толченов И.А.* Журнал, или Записка жизни и приключений Ивана Алексеевича Толченова. М., 1974; Французы в России: 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев: сборник: в 3 ч. М., 2012. Ч. 1/2; *Хвостов Д.И.* Путевые записки графа Д.И. Хвостова, сочиненные им во время путешествия его из Санктпетербурга по Тихвинскому тракту в разные города Российской империи и обратно в Санктпетербург; с приложением Истории Смоленского кадетского корпуса, письма к графу Коновницыну, исторического описания Арзамаса и проч. и проч. … М., 1824; и др.

[91] *Гоголь Н.В.* Собрание сочинений: в 9 т. М., 2004. Т. 5: Мертвые души: поэма. 608 с.; *Гоголь Н.В.* Ревизор // Собрание сочинений: в 9 т. М., 2004. Т. 4. С. 203–289; *Пушкин А.С.* Евгений Онегин: роман в стихах // Собрание сочинений: в 10 т. М., 1960. Т. 4: Евгений Онегин. Драматические произведения. С. 5–197; *Фонвизин Д.И.* Недоросль // Собрание сочинений: в 2 т. М.; Л., 1959. Т. 2. С. 105–177.

В процессе написания работ были привлечены **картографические материалы**[92], они позволяют оценить место городов в поселенческой сети страны, способность исполнять «предписанные» высшими властями функции.

Всего в исследовании используется материалы 17 фондов 3 федеральных и 4 региональных архивов, а также около 180 неопубликованных источников. Региональный и тематический охват привлекаемого материала, вызван принятыми в работе географическими рамками и кругом поставленных задач. Это позволило не только описать процесс реформирования города в ходе создания новой административно-территориальной структуры, но рассмотреть (начиная с этапа проектирования) сам процесс возникновения и функционирования новой городской сети и ее элементов, изучить методы осуществления преобразований, дать оценку их результатов, как для истории страны того времени, так и для сегодняшнего дня.

Привлечение различных категорий источников дает возможность воссоздать объемную картину масштабных преобразований, приведших к преодолению наследия Средневековья и оформления города Нового времени. Кроме того, введение в научный оборот материалов реформы второй половины XVIII в., предоставляет возможность не только проанализировать ее результаты, но и использовать опыт осуществления успешного и

---

[92] Атлас Российской Империи, состоящий из 52 карт: изданный во граде С. Петра в лето 1796-е, а царствования Екатерины II XXXV-е. СПб., 1796; Географический атлас Российской Империи, Царства Польского и Великого Княжества Финляндского, расположенный по губерниям: на двух языках с означением городов, местечек, сел, деревень и всех примечательных мест, почтовых и больших проезжих дорог, станций и расстояний между оными, и прочими селениями в верстах и милях на 70 листах с Генеральною картою и таблицей расстояния верст по почтовым дорогам между знатнейшими городами. Сочинен по новейшим и достоверным сведениям, в пользу обучающихся Российской Географии и для составления дорожников путешественникам, служащим в Военно-топографическом депо, Свиты Его Императорского Величества по квартирмейстерской подполковником Пядышевым. СПб., 1820–1827.; То же. 1834; Карманный почтовый атлас всей Российской империи, разделенной на губернии с показанием главных почтовых дорог. Сочинен гравирован и печатан в 1808 году при собственном Его Императорского Величества Депо карт в С-т. Петербурге. СПб., 1808. 12 с.; *Вильдбрехт А.М.* Российский атлас из сорока четырех карт состоящий и на сорок на два наместничества Империю разделяющий. Сочин. гравир. и печат. при Горном училище. СПб., 1792. 45 л.

масштабного территориально-функционального преобразования страны, а также формирует понимание ценности полученных результатов.

Теоретические и методологические основы исследования. Работа задумана и реализованная как **конкретно-историческое** и **предметно территориальное** исследование, но не узкое (что присуще работам преимущественно узкотерриториального краеведческого направления), а шире, в рамках внеадминистративного исторического региона «коренных русских губерний», что одновременно придает полноту и сохраняет детальность. Причины выбора и достоинства данного подхода обоснованы выше.

В основу работы положен **ряд методологических подходов**, как новых, так и зарекомендовавших себя как инструмент изучения процессов урбанизации. В частности, принципы *микроурбанизма*, который своим происхождением связан с британской школой *«новой локальной истории»*. Данные подход предоставляет возможность за счет присущего ему «близкого взгляда на город»[93] выявить детали, позволяющие увидеть город (и происходящие в рамках него события) не в обобщенном виде, а конкретно. Это позволяет не только оценить «обывателей» как «главных действующих лиц городской истории»[94], но и объяснить итоги и особенности реализации процесса реформирования города и городской сети в рамках конкретного времени и места. Именно этот подход использовался в исследовании, что позволило не только отследить фактическую реализация на местах проекта реформ, но и выделить оказывающие на него влияния факторы.

В исследовании при анализе города и городской сети использован *функциональный подход* (давно и плодотворно применяемый в первую очередь географами-урбанистами), предусматривающий оценку характера поселения исходя из набора исполняемых функций, а также «назначение и

---

[93] Микроурбанизм. Город в деталях / сборник стаей; под редакцией О. Бредниковой, О. Запорожец. М., 2014.С. 4.

[94] Микроурбанизм. Город в деталях / сборник стаей; под редакцией О. Бредниковой, О. Запорожец. М., 2014. С.15-16.

значение» самого города. Кроме того к нему прибегали при изучении древнейших городов[95].

В основу нашей работы положен принцип анализа не отдельных административных образований, а ряда регионов в рамках единой исторически сложившейся территориальной общности, и городов как пространственно-поселенческой сети с четким распределением между ее элементами административных функций и возникающих в процессе их реализации статусных признаков. Разработанный и применяемый нами подход можно определить как *функционально-сетевой*.

Выбор данного метода вызван необходимостью изучения только что образованных в ходе масштабной административной реформы официальных территориальных единиц. При этом прежние административные единицы утратили в результате преобразований свои характеристики, а «вновь образованные» не успели их сформировать. В связи с этим т.н. «малые» губернии Екатерины II рассматриваются комплексно как часть единого пространства – исторического ядра Центральной России, объединенного целым рядом связей (историческая традиция, хозяйственная активность, транспортные коммуникации и др.) внутри Волго-Окского междуречья.

При этом работа шире узкорегионального исследования, т.к. позволяет увидеть реализацию процесса общенациональных преобразований, но при этом предоставляет возможность проанализировать их динамику значительно более четко и детально.

Исследование строится на базовых нормах методологии исторического исследования. При подготовке и написании использовались три тесно связанных между собой **общенаучных** принципа изучения исторического процесса: *принцип историзма, принцип системности (системный подход), принцип объективности,* привлечение которых необходимо при анализе любых исторических процессов.

---

[95] Сайко Э.В. Древнейший город. Природа и генезис (Ближний Восток. IV – II тыс. до н.э.). М., 1996. С. 24-26.

Применение принципа историзма дает возможность научного рассмотрения явлений в контексте их формования, развития и трансформации под влиянием конкретных условий исторического места и времени. Использование системного подхода позволяет увидеть процесс в органической совокупности и взаимосвязи его частей и элементов. Обращение к принципу объективности предоставляет возможность не допустить субъективных отклонений при анализе данных исторического источника.

С этими методами тесно сопряжены **общенаучные** подходы – методы *анализа, синтеза*, *обобщения*, *дедукции*, *индукции* и *абстрагирования*.

В работе использованы **общеисторические** методы исследования. В первую очередь *проблемно-хронологический метод*, позволяющий добиться разделения темы на составляющие ее аспекты и провести их анализ в рамках хронологической последовательности, и *системно-структурный*, дающий возможность изучить явление как часть единой структуры. Применение данных методов имеет большое значение, т.к. исследование посвящено процессам реформирования и достигнутым при этом частным изменениям и общим итогам.

Наряду с общенаучными и общеисторическими методами, в исследовании применены **социально-исторические** подходы: метод *периодизации* (позволяющий зафиксировать процесс качественного изменения объекта и процесс во времени с определением характера и хронологии этих изменений), *ретроспективный метод* (предоставляющий возможность оценить рассматриваемый процесс с опорой на бóльший объем и полноту знания, имеющегося в нашем распоряжении на современном этапе), *сравнительно-исторический* метод (дающий исследователю возможность сопоставить процессы и изменения в рамках разных этапов и административно-территориальных образований, позволяющий увидеть в рассматриваемых процессах наличие общего и индивидуального, основного и возникшего вновь, а так же выявить существенно-содержательные

характеристики изучаемого). При этом необходимо отметить тесную взаимосвязь между собой всех этих принципов проведения научного исследования.

При работе с документальным материалом применялся метод *историко-психологической интерпретации* (необходимый для работы с источниками личного происхождения), при работе в фондах архивов применялся метод *архивной эвристики* (внешняя и внутренняя критика источника с учетом исторического контекста).

При обращении к деятельности конкретных участников процесса учитывалось, что на данном историческом этапе особая роль в проведении преобразований принадлежала немногим высшим лицам империи. В первую очередь, генерал-губернаторам и губернаторам, а также самим монархам, наделенным фактически безграничной властью. Таким образом, без оценки их личных качеств, предпочтений, внутренней мотивации и черт характера невозможно объяснить итоговые результаты. Все это делает необходимым применение *биографического* метода и *просопографического* подхода. Личность крупного сановного администратора является важным фактором осуществления преобразований, особенно на начальном этапе. В связи с этим внимание к этим людям расширяет возможности анализа процесса, и повышает степень объективности научного исследования.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в комплексном анализе русского города дореформенного времени; раскрытии структуры и особенностей функционирования городской сети России (сети городов и городских поселений) периода Нового времени; выделении из общего процесса реформирования второй половины XVIII в. реформы города, которая ставила перед собой задачу преобразования характера и облика поселений для их соответствия нуждам современности и создания условий для развития, что привело к утверждению основ города-административного центра и возникновению современно нам города.

Конкретно-исторический, региональный подход, рассматривающий несколько губерний, объединенных одном регионом, но в их своеобразии, позволяет более точно и глубоко увидеть процесс осуществления реформы, оценить ее результаты. Наряду с этим уже традиционным подходом, автор впервые использует в исследовании функционально-сетевой подход, построенный на рассмотрении города в контексте единой городской среды в рамках пространственного распределения функций.

Реформа города (которую мы впервые выделяем, обосновываем и описываем в данном исследовании) принципиально отлична от давно привычной т.н. городской (городской-социальной) реформы, и от административной (губернской) реформы, хотя и проводилась с последней параллельно. Принципиальная разница и во многом новизна состоит в рассмотрении не формального факта учреждения города, или анализа его социальной структуры, а в наличии у поселения набора определенных функций, которые определяют характер города, его статус, делают его центром всех форм деятельности, местом их аккумуляции, активизации и распространения. При этом город обретает определенные черты отражающие его роль и статус.

Также в данной работе в научный оборот впервые вводится большой пласт источников ряда архивных собраний, как федеральных, так и региональных. Научная новизна данного исследования определяется и новым, предложенным автором подходом к рассмотрению истории дореформенного города (функционально-сетевой подход).

Научно-практическая значимость исследования состоит в возможности использования выводов и материалов данного диссертационного исследования для подготовки обобщающих курсов по истории России и российского города, досоветского и дореформенного периодов; изучения истории и выработки рекомендаций по работе органов местного государственного управления, в том числе в условиях осуществления реформы; написания научных работ и практических

рекомендаций по целому ряду аспектов формирования и развития городской инфраструктуры и исполнения городом своих функций, что непосредственно затрагивает вопросы истории органов государственного и местного управления, процессов регионального развития, функционирование образовательной структуры, органов правопорядка и заведений пенитенциарной сферы, учреждений культуры и др.; подготовки специальных курсов по истории пяти субъектов РФ (на материалах истории которых осуществлено исследование). Кроме того, выводы, полученные в данной работе, могут быть полезны для формирования в общественном сознании важности сохранения достижений прошлого, полученного при этом культурного наследия, а также трудностях данного процесса, и необходимости сохранения и приумножения достигнутого предшествующими поколениями граждан страны.

Апробация результатов исследования. Диссертация была обсуждена в Центре изучения истории территории и населения России Института российской истории РАН 2 марта 2022 г., когда диссертация была рекомендована к защите.

Основные положения исследования отражены в 53 публикациях общим объемом 156 п.л.

В том числе 5 монографий общим объемом 120,9 п.л.

Опубликовано 48 научных статей (35,1 п.л.) из них: 27 в журналах, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ (18,1 п.л.), в том числе 7 в журналах индексируемых в международных базах Web of Science и Scopus (4,6 п.л.), и 21 статья в иных научных журналах и сборниках (17 п.л.). В том числе подготовлено 2 публикации архивных документов (общий объем 1,4 п.л., авторский текст 0,3 п.л.).

Научные статьи по теме данной работы были опубликованы в журналах «Отечественная история», «Вопросы истории», «Исторический архив», «Археографический ежегодник», «Вестник РГГУ. Научный журнал», «Вестник церковной истории», «Самарский научный вестник», «Известия

Самарского научного центра Российской академии наук»; «История: электронный научно-образовательный журнал», «Человек. Культура. Образование. Научно-образовательный и методический журнал», «Преподавание истории в школе», «Вестник славянских культур», «Культурное наследие России. Научно-информационный журнал»; сборниках научных статей «Труды Института российской истории», «Мир глазами историка: памяти академика Юрия Александровича Полякова», «Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города»; «Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Четвертые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова»; и других научных изданиях.

Результаты исследования были представлены в виде научных докладов на 32 научных конференциях, семинарах, круглых столах. В том числе международных – 11, с международным участием – 3, всероссийских – 8, прочих – 10.

По вопросам, связанным с темой исследования, проводилась работа в рамках двух грантов:

- грант РГНФ по проекту № 12-01-00181а «1812 год в судьбе русского города: влияние Отечественной войны на состояние и развитие городов и городских поселений Центральной России» (2012-2014 гг.);
- грант РФФИ по проекту № 18-09-00047а «Становление национального театра в "столичном городе Москве" (вторая половина XVIII – первая четверть XIX века)» (2018–2020 гг.).

Научная деятельность, исполняемая в рамках диссертационного исследования, результаты которой были опубликованы в виде монографий, была отмечены наградами.

- Диплом III степени в номинации «Лучшая историческая книга» 2018 гг. был присужден Издательским советом Русской Православной Церкви автору за монографию «1812 год в судьбе русского города» (М.: РОССПЭН, 2017), в первой главе которой были описаны и тоги и достижения реформы города Екатерины II.

- Макарьевская премия II степени за 2020-2021 г. была присуждена автору за монографию «Реформа города Екатерины II (по материалам губерний Центральной России)» (М.; СПб., 2019), целиком написанную по результатам данного диссертационного исследования.

Основные положения диссертационного исследования, выносимые на защиту:

1. К началу XVIII столетия руководство страны вплотную подошло к осознанию необходимости начала преобразований, направленных на модернизацию страны и решению давно назревших задач. Итогом этого стали преобразования Петра I, многое наметившие, но далеко не завершившие. Эту роль взяла на себя императрица Екатерина II, не только задумавшая, но и претворившая в жизнь широкий комплекс реформ. Все преобразования были связаны между собой. Одной из ее составных частей выступало реформирование города – административного центра.

2. В ходе преобразований второй половины XVIII – начала XIX в. была создана новая разветвленная сеть городов (городская сеть, сеть городов и городских поселений), центральным элементом которой выступал город – административный центр.

3. Во второй половине XVIII – первых годах XIX в. в стране был проведен ряд масштабных реформ, затронувших роль города и жизнь его населения. Наряду с подробно изученными *губернской и городской* (*городской социальной реформой*[96]) была проведена *реформа города* (*реформа города – административного центра*), целью которой (в отличие от двух других) явилось создание инфраструктуры, необходимой городу для исполнения роли административного центра.

4. *Реформа города* не имела основного программного документа (как, например, *городская (социальная) реформа*), но и она претворялась в жизнь целенаправленно на основании обстоятельно проработанного плана,

[96] *Кафенгауз Б.Б.* Город и городская реформа 1785 г. // Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. М., 1956. Гл. 1, § 6. С. 151–165.

элементы которого были зафиксированы в рамках ряда официальных документов.

5. Реализация планов реформы города осуществлялась на местах главами генерал-губернаторств и руководителями губерний в рамках общего плана и поэтапного процесса.

6. Условием открытия губернии было возведение уже на предварительном этапе «обязательно нужных» учреждений сакрального, административного, торгово-хозяйственного, военно-полицейского, социального и культурно-рекреационного характера.

7. Итоги реформы города можно определить как три взаимообусловленных процесса: утверждение городской сети, создание городской инфраструктуры, распространение на жителей «прав и состояния» «городовых обывателей». Эти качества (признаки) для того времени являлись главными элементами содержания понятия город.

8. В ходе реформы города наделялись тремя тесно связанными друг с другом качествами: функциями (официальными функциями города), инфраструктурой, внешними статусными признаками (как материальными, так и сугубо формальными).

9. В ходе реформы была создана иерархическая структура основных типов городов.

10. Свое место в ней занимали также поселения близкие к городам, но не имевшие право на этот статус официально. Их возникновение, характер и роль были обусловлены рядом особенностей данного исторического времени.

11. Входящая в планы реформы задача по созданию регулярного города и решение проблемы его благоустройства исполнялась ограниченно, исходя из имевшихся в распоряжении местных руководителей средств, а также от их личных профессиональных качеств.

12. Процесс преобразования шел по общему сценарию, но его итоги напрямую зависели от разных факторов, как объективных, так и субъективных.

13. Происходившее в правление Павла I «разжалование» городов, и их восстановление в дальнейшем не являюсь отрицанием очередным главой государства успехов и задач предшествующего правителя.

14. В результате реформы города Екатерины II города не только были преобразованы в часть единого, рационально устроенного опорного каркаса страны. Они получил необходимый набор инструментов для исполнения возложенных на них функций, а также дополнительных условий для их хозяйственного развития.

15. Своеобразной демонстрацией достижений недавнего реформирования, стали печальные последствия событий Отечественной войны 1812 г.

16. План преобразований, как он был намечен Екатериной II, не мог быть полностью реализован в рамках одного правления. Однако во второй половине XVIII – начале XIX в. удалось создать основу, и получить первые значительные результаты.

Глава 1.
Состояние городов, задачи и программа преобразований

Задачи по преобразованию инфраструктуры и характера русского города, обозначенные и осуществляемые в первой четверти и в середине XVIII в.

XVIII столетие заняло место в истории России как период преобразований, пришедшийся на стык двух эпох, уходящего Средневековья и Нового времени. Необходимость преобразований, осознанный и начатых еще до правления Петра, подтолкнула масштабные реформы будущего первого российского императора. Имея разную степень успеха и завершенности, они определили цели и векторы дальнейших изменений, которые были необходимы стране. Реализация (а во многом и завершение) этих планов пришлось на правление императрицы Екатерины II, которая видела себя продолжателем дел и начинаний Петра Великого.

Город, находящийся в эпицентре исторического процесса по характеру своего существования, неизбежно становился объектом преобразований. Для осуществлявшего их государства, город занимал в данном процессе неизменно первое место, являясь по природе своей местом концентрации всех сил, средств и процессов. В том числе и исполняя роль административного центра – узла управления и одновременно культурного центра, во всем многообразии этого понятия (экономического, политического, социального, бытового, ретрансляционного и т.д.).

Показательно, что Петр I приступил к преобразованию города – административного центра уже в конце XVII в., т.е. в самые первые годы своего фактического правления страной. По сути, с этого он начал свою реформаторскую деятельность. Еще молодому царю-преобразователю

пришлось столкнуться с тем, что хотя город и имел структуры территориального управления, но, она опиралась на традиции военного, воеводского управления[97] и повсеместно сохраняла элементы крепостного устройства.

30 января 1699 г.[98] (в один день) были учреждены Бурмистрова (Бурмистерская) палата в столице и бурмистерские (или земские) избы в прочих городах, которые брали на себя управление посадским населением[99]. При этом сохранялась и власть воевод – руководителей гарнизонов и уездов, функции которых конкретизировались и регламентировалась[100]. В их ведении в первую очередь оставались вопросы военного управления и правопорядка, заведывание служилыми людьми и решением вопросов сбора налогов и суда[101].

17 ноября 1699 г. Бурмистерская палата стала именоваться Ратушей или Ратгаузом – органов самоуправления, «ведающим» делами жителей городов («всего Московского государства посадских и купеческих людей и чернослободцев»).

Хотя основными вопросами, перешедшими в ведение новых органов, был контроль за податным населением городов, организация сбора налогов и распределение обязанностей, в них (для обеспечения данной задачи) вводились формы городского самоуправления, направленного на решение внутригородских проблем, хотя планы эти в итоге так и не получили своего полного выражения.

---

[97] Демкин А.В. Петр Великий и управление территориями Российского государства. М.; Берлин, 2021. С. 134.

[98] Об учреждении в городах земских изб для ведомства всяких расправных дел между посадскими и торговыми людьми, для управления казенными с них сборами и градскими повинностями об исключении торговых и посадских людей из ведомства воевод и приказов // Законодательство Петра I. М., 1997. С. 420-422.

[99] Об учреждении в городах земских изб для ведомства всяких расправных дел между посадскими и торговыми людьми, для управления казенными с них сборами и градскими повинностями и об исключении торговых и посадских людей из ведомства воевод и приказов // Законодательство Петра I. М., 1997. С. 428-437.

[100] Инструкция или наказ воеводам // Законодательство Петра I. М., 1997. С. 422-423.

[101] Ерошкин Н.П. История государственных учреждений в дореволюционной России // История государственных учреждений в дореволюционной России. М., 2008. С. 96-67.

Следующей вехой в деле преобразования города как административного центра и городского строя стала губернская реформа. Именным указом от 18 декабря 1708 г. наряду с территориальными единицами устанавливалась административно-территориальная иерархия их центров – т.е. городов и городских поселений, определяющая роль каждого из них в пространственно-поселенческой сети страны[102]. Данная реформа предварила возникновение будущих генерал-губернаторств и возглавлявших их наместников – непосредственных представителей высшей императорской власти, пользующихся ее особым доверием, что впоследствии будет предпринято Екатериной II, придававшей этой задачи особое внимание, а городам – центрам соответствующий статус в поселенческой иерархии с присущими ему чертами и функциями.

Летом 1718 г. Петр I обозначил необходимость использовать опыт рижского и ревельского магистратов, и установить аналогичные им формы управления «коренными» русскими городами[103].

3 марта 1719 г. появился регламент Коммерц-коллегии, а 13 февраля 1720 г. (на основе Петербургской Ратуши[104]) учреждается Главный магистрат, состоящей в статусе высшей административной структуры (наравне с коллегиями), функционирующей в Петербурге и подчиняющейся Сенату. Этот орган явился высшим учреждением для администраторов на местах – губернаторов и воевод. Исполнение ими распоряжений Главного магистрата было непременным. Ему же подчинялись, избираемые горожанами городовые магистраты – выборные сословные органы городского самоуправления.

---

[102] Об учреждении в губерний и росписании к ним городов // Законодательство Петра I. М., 1997. С. 424-427.

[103] Дитятин И.И. Устройство и управление городов России. Т. I. СПб., 1875. С. 199.

[104] Каменский А.Б., Корчмина Е.С., Серов Д.О. Реформы Петра Великого // Реформы в России с древнейших времен до конца XX в.: в 4 т. Т. 2. XVIII – первая половина XIX в. / отв. Ред. А.Б. Каменский. М., 2016. С. 44.

В продолжение реформы 16 января 1721 г. вступил в действие Регламент Главного магистрата[105], согласно которому функции земских (бурмистерских) изб передавались магистратам, а те (в отличие от предшественников) выступали как органы коронной администрации (выходили из под контроля со стороны городских сословных обществ) в городе и на подконтрольном ему административном регионе, распространяли свою власть на «все гражданство» (податные городские сословия).

С октября 1722 г. начинается процесс создания реально действующих городовых магистратов и ратуш[106]. Магистраты городов должны были составлять и отправлять в столичный Петербург сведения о состоянии города, где они использовались как для фискального контроля, так и в качестве информации, позволяющей управлять городами и искать более рациональные формы и решения, необходимые для их развития. Но бюрократизированная и излишне централизованная система контроля и управления, помноженные на многочисленные и на тот момент куда более актуальные для всей страны проблемы военного времени, затрудняли данную задачу и, по сути, делали ее слабо достижимой.

В ведение Главного магистрата входили не только вопросы самоуправления, соблюдение правосудия, общего управления городом и краем, но и учреждение по городам органов полиции, которая подчинялась городскому магистрату, и формировалась исходя из представления о ее необходимости непосредственно на местах («в которых городах усмотрят»)[107].

При это в ведении данного учреждения находился широкий перечень дел. Помимо собственно правопорядка («безопасности») в нем фигурировали: развитие планировки города, недопущение «дороговизны», обеспечение «чистоты улиц», борьба с болезнями, «призрение» (забота о

---

[105] Его Царского Величества милостивейшее учреждение и Регламент или устав Главному магистрату, по которому онной управлять имеет // Законодательство Петра I. М., 1997. С. 438-461.

[106] Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке. М., С. 232, 250.

[107] Его Царского Величества милостивейшее учреждение и Регламент или устав Главному магистрату, по которому онной управлять имеет // Законодательство Петра I. М., 1997. С. 445-446.

больных, одиноких стариках и детях и др. обездоленных категориях населения данного города). Иными словами в 10-й главе «О полицейских делах» Регламента Главного магистрата[108], было обозначено многое из того, что стало решаться в правление Екатерины II, но уже как комплексная программа. Именным указом 1722 г. было предписано проводить отвод квартир и вести строительство казенного жилья[109].

В царствование Петра Великого полиция была учреждена в обеих столицах. В Москве в 19 января 1722 г. ее передали в руки, учреждаемой в городе, должности генерал-полицмейстера[110], что ставило старую столицу в один ряд с Петербургом. Таким образом в административную поселенческую сеть был заложен принцип закрепляющий за «Первопрестольной» статус первого административного города империи, уступающего только новой северной столице. С опорой на него и будет проводиться реформирование Москвы и во второй половине XVIII столетия.

Впрочем, как в первой четверти XVIII в., так и в последующие десятилетия, предшествующие преобразованиям Екатерины II, формирование института полиции в городах – центрального и жизненно необходимого инструмента для обеспечения его нормального существования, часто велось по остаточному принципу и не получило развитых форм. Высшие региональные власти зачастую использовали для подержания порядка, находящиеся в их распоряжении части гарнизона, отягощая армию дополнительными функциями. То же имело место и в отношении борьбы с городскими пожарами. Второй попыткой добиться результата малыми затратами стало широко практикуемая практика возложить тяготы и функции полицейского ведомства на общину самого города. Так, в частности губернаторская и воеводская инструкция 1728 г. обязанности по предотвращению и распространению пожаров возлагала на

[108] Его Царского Величества милостивейшее учреждение и Регламент или устав Главному магистрату, по которому онной управлять имеет // Законодательство Петра I. М., 1997. С. 445-446.

[109] Демкин А.В. Петр Великий и управление территориями Российского государства. М.; Берлин, 2021. С. 152.

[110] О бытии полиции в Москве // Законодательство Петра I. М., 1997. С. 633.

городских обывателей, которым вменялось в обязанность иметь пожарный инструмент и вооружившись им прибывать на место возгорания для «унятия огня»[111]. При этом данное решение восходило к традициям, узаконенным еще в конце XVII в., именным указом 2 мая 1696 г.[112]

Такими же мерами боролись с городской грязью, и за сохранностью уличного покрытия[113], что имело исключительное значение для поддержания транспортной системы, частью которой был город.

Естественно, что глубоко укоренившаяся практика бесплатной эксплуатации внутренних ресурсов не только не могла решить стоявшие перед городом проблемы, но и отрицательно сказывалась на качестве городской жизни. В итоге создание полноценных полицейский городских структур (в широком понимание этого термина) стало одной и краеугольных аспектов реформы города второй половины XVIII в.

Наряду с формированием системы правопорядка, Регламент поставил перед Главным магистратом задачу «обучения народного» – по созданию на местах учебных заведений – предшественников будущих уездных училищ, вводимых в ходе реформ Екатерины II: темпы роста числа грамотных людей бесконечно отставали от все возрастающей потребности в них государства. Правда, обязанности по созданию таких «малых школ» предписывали передать на места в руки магистратов[114]. Но местные городские общества, в большинстве своем были не в состоянии претворить эти поручения в жизнь. По наблюдению Н.В. Козловой, посвятившей данной работе специальное и обстоятельное исследование: «Отсутствие реальных, гарантированных законом источников доходов местных органов городского управления в сочетании с обширностью возложенных на магистраты обязанностей,

---

[111] Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке. М., С. 232, 250.

[112] О наряде для потушения пожаров их черных сотен посадских людей с топорами, водоливными трудами и ведрами // Законодательство Петра I. М., 1997. С. 624.

[113] О наблюдении московским обывателям чистоты на дворах на улицах, о свозе всякого помету за Земляной город и содержании мостовой в исправности // Законодательство Петра I. М., 1997. С. 629-630.

[114] Его Царского Величества милостивейшее учреждение и Регламент или устав Главному магистрату, по которому онной управлять имеет // Законодательство Петра I. М., 1997. С. 452-453.

связанных с правительственными предписаниями, требовавшими быстрого исполнения и чреватыми суровыми наказаниями… вплоть до конфискации имущества и ссылки, обуславливали декларативный характер по развитию городской жизни»[115]. В итоге, в отличие от второй половины XVIII столетия, когда данная задача решалась в контексте целенаправленной программы по модернизации города, в начале века основой для развития образовательной системы на местах выступали военные структуры (гарнизонные школы), а также церковь (архиерейские школы и семинарии).

Примером тому могут стать события, имевшие место непосредственно после смерти Петра I в провинциальной Рязани – крупной административном и церковном центре, где была «учинена школьная кантора» и построены при Борисоглебском соборе «для школьного учения пять светлиц». Впрочем, уже через два года «те школы были заняты Розыскною канцелярией, а ученики «за утеснением от онной канцелярии бежали в домы…»[116]. Данный пример, с одной стороны, дает наглядное представление одновременно и об осмыслении необходимости создания городской инфраструктуры, и о явной недостаточности ее решения. Надо сказать, что острую нехватку площадей испытывали даже государственные административные службы, что препятствовало исполнению их обязанностей. С течением времени проблема неразвитости и недостаточности городской инфраструктуры давала себя знать все больше и острей.

По сути провалом закончилась предписание учредить в городах социальные службы для помощи дряхлым, убогим, больным и увечным из числа жителей этих городов На запрос Сената от 1745 г. о состоянии дел в данной сфере, ответ дал один единственный город – Москва, где такая работа велась. Весьма показательна при этом и формулировка сенатского распоряжения, предписывавшего содержать незащищенных лиц «земским

[115] Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке. М., С. 229.

[116] Власова И.В., Шанский Д.Н. Поселения // очерки русской культуры XVIII века. Ч. I. М., 1985. С. 312.

иждивением», но «без отягощения народного». Средства на данный вид деятельности при этом выделены не были[117].

Важным фактором, тормозящим процесс развития городской инфраструктуры, выступало и то обстоятельство, что учреждения, поставленные во главе городов, строили свою работу «исходя из фискальных интересов казны» и характера обязанностей, возложенных на магистраты[118], что было обусловлено по сути теми же задачами. В итоге реформирование города («изначально»[119], или под влиянием более насущных проблем) стало носить «откровенно фискальный характер»[120]. С губернской реформы Петра I (изначально сделавшего ставку на сметное сословное самоуправление) «посадские люди вновь перешли под управление губернаторов и воевод»[121]. Показательно, что вопросы реформирования города традиционно идут в разделе социальных реформ[122].

На развитие городской инфраструктуры не только не выделялось средств, но, по сути, такая задача не была осмыслена как цель и подготовлена как программа. Не имелось для ее воплощения в жизнь и соответствующих административных и финансовых инструментов. Решение данной проблемы оставалось в наследство последующим реформаторам. По наблюдению Н.В. Козловой: «На фоне казенно-бюрократических обязанностей, преобладавших в деятельности Главного и городовых магистратов» даже «вопросы

---

[117] Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке. М., С. 269-270.

[118] Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII в. М., 1999. С. 232.

[119] Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого. СПб., 1997. С. 137; Баггер Х. Реформы Петра Великого. Обзор исследований. М., 1985. С. 62-63; Каменский А.Б., Корчмина Е.С., Серов Д.О. Реформы Петра Великого // Реформы в России с древнейших времен до конца XX в.: в 4 т. Т. 2. XVIII – первая половина XIX в. / отв. Ред. А.Б. Каменский. М., 2016. С. 44.

[120] Каменский А.Б., Корчмина Е.С., Серов Д.О. Реформы Петра Великого // Реформы в России с древнейших времен до конца XX в.: в 4 т. Т. 2. XVIII – первая половина XIX в. / отв. Ред. А.Б. Каменский. М., 2016. С. 44.

[121] Демкин А.В. Петр Великий и управление территориями Российского государства. М.; Берлин, 2021. С. 156.

[122] Каменский А.Б., Корчмина Е.С., Серов Д.О. Реформы Петра Великого // Реформы в России с древнейших времен до конца XX в.: в 4 т. Т. 2. XVIII – первая половина XIX в. / отв. Ред. А.Б. Каменский. М., 2016. С. 36-44.

экономики и городского хозяйства», в чем государство было остро заинтересовано «в целом были почти не заметны»[123].

Петр I, проводя процесс реформирования, не имел четкой программы преобразования города с точки зрения превращения его в полифункциональный административный центр. Государство сосредотачивало свои усилия (да и то по мере возможности) на целях развития городского самоуправления, но и в данном направлении существенных результатов достигнуто не было.

Определенные намеки на формирование отдельных городских функций просматриваются в Регламенте Главного магистрата. В частности говорится о задаче сформировать полицейскую структуру. Также была поставлена задача «обучения народного». Однако данные положения Регламента остались не более чем положениями, поскольку не было создано необходимых функционирующих структур, отвечающих за конкретные направления. Не были решены вопросы и с их финансированием. Поэтому данные задачи, будучи едва начатыми (и даже до конца по настоящему не осмысленными), стали предметом деятельности последующих правителей. В первую очередь императрицы Екатерины II, ставшей приемником Петра I в деле преобразования страны.

Степень развития городской инфраструктуры в городах Центральной России к началу правления Екатерины II

Вступив на престол в 1762 г., Екатерина II приняла страну, города которой вступили на путь реформирования, но не преодолев его в полной мере, все еще обладали значительным числом пережитков предшествующего времени. Кроме того не определился окончательно и сам тип города как

[123] Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII в.: 20-е – начало 60-х годов. М., 1999. С. 267.

административного центра, не были определены его функции и сформированы инфраструктурные элементы.

К середине XVIII в. такое положение дел давно вошло в противоречие с интересами государства и общества и требовало кардинальной перестройки. Наиболее заметны в этом отношении те из преобразований Екатерины II, которые касались социальной структуры городских жителей (социальная реформа). Но менять было необходимо и сам город не справляющийся с возложенными на него задачами по подержанию и развитию своего потенциала. В первую очередь требовалось создать регулярные органы и структуры, необходимые для исполнения городом своих функций, которые в значительной степени определились именно во второй половине XVIII в.

К началу правления Екатерины II городская сеть Центральной России не претерпела каких-то значительных трансформаций, оставаясь на уровне начала XVIII в. На территории будущих четырех «малых» екатерининских губерний Волго-Окского междуречья (Калужской, Московской, Владимирской и Ярославской) согласно «Описи русских городов» их насчитывалось всего 31 наименование[124]. Правда, в этот перечень не вошла Москва, не описанная в данном источнике, и Одоев, который недолго пребывал в составе Калужской губернии, но вскоре оказался приписанным к Тульской. Из всей этой группы 20 поселений, не смотря на внутрений характер своего существования сохраняли крепость, гарнизон и склады с вооружением. Отказ от этой практики окончательно произойдет лишь на исходе XVIII столетия.

К примеру, даже Ярославль – город активно развивающейся промышленностью оставался одним из наиболее обустроенных в военном отношении центров. В его крепости помимо прочего значилось 87 разных пищалей. Гарнизон состоял из 7 пушкарей и 100 стрельцов, имевших в своем

[124] 1678. Опись русских городов // Дополнения к Актам историческим, собранныя и изданныя Археографическою комиссиею. СПб., 1875. Т. 9. С. 219–314.

распоряжении 15 пищалей, 9 «ручных карабинных пищалей» и «336 копеец железных». Им в помощь могли прийти горожане со своим личным оружием (причем весьма значительным): 778 пищалей, 1 918 копий и бердышей[125].

Наряду с сословным характером жителей, это формировало всю структуру поселения. Примыкавшие к стенам детинца слободы или села именовались «подгородными». Со временем вокруг них могли появляться стены. По мере расширения новых линий стен, охваченные ими территории, получали право именоваться посадами и городами. Например, так была создана хорошо известная радиально-кольцевая система Москвы, состоявшая из нескольких «городов» – Китая, Белого и Земляного. Городские укрепления и уходящие в прошлое функции обороны сдерживали развития городов. В первую очередь тех, которые к тому моменту оказались внутри территории страны, что снимало с них обязанности исполнения роль крепостей.

Показательно, что именно на исходе правления Екатерины II стены старых укрепления стали превращается в бульвары, а слово город окончательно перешло от обозначения «замка» к обозначению в первую очередь административного центра определенной территориальной единицы (уезда, губернии, всей страны), а также поселения с особой средой, социальным составом жителей, культурам потенциалом о особым городским образом жизни.

В середине XVIII столетия как и за сто лет до того главным лицом в системе государственного управления уезда и стоящего в центре его города, оставался воевода. Даже власть вводимых при Петре Великом магистратов, всегда действовала с оглядкой на представителя коронной администрации. Да и само государство, после смерти великого реформатора, до конца не могло определиться с вопросом о степени самостоятельности местных городских органов сословного самоуправления, то расширяя, то сужая их полномочия. В круг обязанностей воеводы входили: решение самых

[125] 1678. Опись русских городов // Дополнения к Актам историческим, собранныя и изданныя Археографическою комиссиею. СПб., 1875. Т. 9. С. 223–224.

разнообразных вопросов по административным, судебным и розыскным делам, а также надзор за работой магистратов и сбором налогов, попечение над заповедными лесами и проч.[126]

Почти все провинциальные воеводы того времени являлись отставными военными, как правило, полковниками, уездные городовые – капитанами, майорами, подполковниками[127]. В их распоряжении находились канцелярии с немногочисленным числом сотрудников, которые обслуживали обширные пространства еще старых «больших» уездов. Небольшой аппарат занимался решением практически всех государственных вопросов в рамках огромных административных образований. В преддверии реформ Екатерины II Россия делилась на 14 губерний (без пяти Слободских полков и Украинской военной линии), состоявших из 47 провинций (250 уездов)[128]. Все местные органы власти испытывали, без преувеличения, острую нехватку кадров[129]. С развитием системы управления при преемниках Петра I данная проблема еще более усложнилась[130].

В воеводской канцелярии Дмитрова (по данным обработанным Л.Ф. Писарьковой), уезд которого можно признать типичным для Центральной России, в 1732 г. значилось всего 16 человек: 5 канцеляристов, 3 подканцеляриста, 8 копиистов. В Боровской канцелярии это число было еще меньше – 12 человек[131]. Обслуживать им приходилось масштабные административные единицы, разукрупнение которых произошло только в ходе административной реформы Екатерины II.

В 1775 г. (накануне екатерининских преобразований) в крупном и влиятельном городе Серпухове управленческий аппарат насчитывал всего 59 человек. В их число входили воевода коллежский асессор Спиридонов, его «товарищ» премьер-майор Полочской, секретарь Ферапонтов и 11

[126] *Писарькова Л.Ф.* Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века ... С. 255.
[127] Там же. С. 283–284.
[128] Там же. С. 256.
[129] Там же. С. 257.
[130] Там же. С. 283–284.
[131] Там же. С. 289.

канцелярских служителей. Кроме того, была штатная военная команда: по одному поручику, прапорщику, сторожу, а также 28 «ундер офицеров и салдат». При «правианском магазейне» состояли «правианткамисар» и писарь, при магистрате – бургомистр, ратман и канцелярист, в Духовном правлении значились управитель-священник и подьячий. Имелись еще «почмейстер прапорщик», «при отправлении курьер», два казначея (в городе и уезде) и «при них» два подьячих и один солдат[132].

Вся городская и уездная административная инфраструктура состояла из воеводской канцелярии и магистрата, каждый из которых занимал собственный деревянный дом. Показательно, что как у самого воеводы, так и у его «товарища» собственных служебных квартир не было и приходилось снимать их у жителей, как это отмечено в отчетах местных властей городов Серпухова, Тарусы даже в 1775 г.[133]. Впрочем, такое же положение дел имело место и в других местах Центральной России. С этой проблемой еще не раз столкнется местная администрация во время проведения екатерининской реформы города.

Одной из важнейший функций города являлось обеспечение транспортной инфраструктуры края, которая в свою очередь являлась звеном транспортной системы всей страны. Находясь на пересечении путей и торговых потоков, а также при важнейших транспортных коммуникациях (реках, мостах, переправах), город не только пользовался их возможностями, но и обеспечивал функционирование этой жизненно важной для всей страны инфраструктуры.

Далеко не все города справлялись с данной задачей. В «богатейшем торговом» Ярославле весь средневековый период истории мост через реку Которосль, обеспечивавший движение по важнейшей дороге на Москву, был временным. В период весеннего половодья его неизменно сносило[134], и

---

[132] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 926. Л. 2–2 об.

[133] Там же. Л. 2, 3.

[134] *Марасанова В.М., Рутман А.М.* Комментарии // История губернского города Ярославля: сборник. Историко-краеведческое издание. Ярославль, 2006. С. 430.

коммуникацию приходилось регулярно возводить заново. Подобные происшествия, учитывая капризы погоды, присущие этой части страны, могли с завидной периодичностью повторяться ежегодно, а порой и несколько раз в год.

Даже в «столичном городе» Москве основной формой переправы были временные «живые» или «наплавные» мосты. Единственным (!) исключением являлся Большой каменный (Всесвятский) мост, построенный еще в 80-х годах XVII в. В «полую воду» он брал на себя всю транспортную нагрузку, так как прочие мосты сносились льдом[135].Что же говорить о небольших провинциальных городках и слободах, которые составляли основную массу городских поселений?

Пожар являлся самым страшным бедствием для любого русского города. Огонь, часто возникавший по самым незначительным причинам и полностью уничтожавший большие части поселений, причинял им колоссальный ущерб.

Ужас перед огнем и опасностью пожара был почти мистическим, а в отдельных случаях достигал уровня массовой (без преувеличения!) истерии, когда жители города отказались оставаться в нем на жительство после череды пожаров[136]. Даже просвещенные высшие сановники империи в своих отчетах при любом упоминании пожара тут же ставили приписку-оговорку: «от чего Боже сохрани». Так, в письме за 1779 г., составленном от имени крупного администратора («действительного статского советника и каменного приказа директора»)[137], человека, лишенного простонародного мистицизма, читаем: «…от чего Боже сохрани, что не редко случались пожары»[138].

---

[135] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 582, ч. II. Л. 128.
[136] Там же. Д. 636. Л. 32 об.
[137] Там же. Д. 568. Л. 125.
[138] Там же. Л. 132 об.

При этом даже в 1781 г. в губернском центре Владимире в распоряжении огнеборцев значились две старые медные заливные трубы, да и те оказались «от долгого лежания обе к употреблению негодны»[139].

Не смотря на усилия Петра I и его непосредственных преемников у власти, система борьбы с пожарами в городах так и не была создана. Пожарных отрядов как таковых не существовало. На борьбу с огнем как и раньше «бросали» части гарнизона, если, конечно, на тот момент они имелись. Ничтожной оказалась и система предотвращения пожаров. Иначе говоря, она отсутствовала вовсе. Парадоксально, но жители даже крупных поселений, терпевшие огромные и невосполнимые убытки от огня, пребывавшие в постоянном страхе перед его возникновением, не делали ничего, чтобы устранить причины возгорания[140].

Особое месте в работе местных органов отводилось охране правопорядка. Подобная работа была начата в правление Петра Великого, но доведена до конца так и не была. Так, один из крупнейших сановников этого времени, Я.Е. Сиверс, пришел к выводу, что в вверенном его власти Новгороду полиции как регулярной силы правопорядка, не существовало даже в начале второй половины XVIII в. Ее чины были лишены постоянного жалованья[141]. Выяснилось также, что данная структура по большому счету никому не подчинялась, так как находилась, по словам наместника, неизвестно в чьем ведомстве[142].

Не лучше обстояло дело и в других населенных пунктах, в том числе и в Москве. Так, при ревизии столичной полиции оказалось (неожиданно даже для самих власть предержащих), что городские органы правопорядка «издавна» состояли «большею частию из турок, волохов, поляков и других чужестранных наций». Среди них находилось лишь «несколько»

---

[139] История Владимирского края с древнейших времен ... С. 147.
[140] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 578, ч. III. Л. 143 об.
[141] Там же.
[142] Там же.

отпущенных помещиками вольнонаемных из числа «природных русских»[143]. Входившие в состав сил поддержания правопорядка иноземцы иногда вели себя весьма вольно и агрессивно по отношению к иноверцам и инородцам – москвичам[144].

Часть полицейских функций (охрана порядка и благочиния) была возложена на городские общины. Хозяева дворов обязывались на ночь не только устанавливать по проходившим около их усадеб улицам рогатки, но и «отправлять ночную стражу». Причем как по улицам «для стояния у рогатки», так и при съезжих дворах следить за тем, чтобы «не чинилось воровства и неблагоприличия»[145]. Также на горожан возложили функцию отслеживания появления подозрительных и «воровских» людей. В итоге известны случаи, когда торговые и посадские, исполнявшие должности пятидесятских и десятских, не только выявляли опасных преступников, но даже задерживали их[146].

Органы защиты жизни и имущества обывателей не могли в полной мере исполнять свои обязанности даже в Москве. Разбойный приказ – главный розыскной орган «столичного» города, отвечал как за расследование уголовных дел, так и за содержание преступников (в основном воров и разбойников). В 1740-х гг. здание приказа ютилось на небольшом участке, зажатом между храмом Василия Блаженного и рвом кремлевской стены[147]. Только в 1752 г. сыскное ведомство получило распоряжение перебраться за пределы города, к черте его фискальной границы, где было больше места. Впрочем, и здесь отсутствовали условия, необходимые для функционирования правоохранительной структуры. Под учреждение отдали помещения бывшего Калужского житного двора, помещения недостаточного и уже тогда требующего ремонта. Таким образом, они и в этом случае не

---

[143] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 576. Л. 114.

[144] Там же. Д. 561. Л. 1–2.

[145] *Голубев А.А.* Сыскной приказ: общественный быт и судопроизводство: по документам Моск. арх. М-ва юст. / сост. А.А. Голубев. М., 1884. С. 40.

[146] Там же.

[147] *Акельев Е.В.* Повседневная жизнь воровского мира Москвы … С. 19–23.

имели даже необходимых для исполнения своей работы площадей и помещений.

Инициировав процесс кардинальных преобразований, Петр I не мог не затронуть проблему создания органов полиции. Но в первую очередь его усилия были направлены устройство жизни любимого «Парадиза» – новой, северной столицы. Именно на берегах Невы его усилия получили наибольшее оформление, где 25 мая 1718 г. «для лучшего порядка» была учинена должность генерал-полицмейстера. Показательно, что на эту должность государь назначил своего недавнего денщика А.М. Девиера[148]. Он не только доверял этому человеку (который «вообще никогда не разочаровывал Петра»[149]), но просто не имел в своем распоряжении других кадров даже для любимой столицы. Что же говорить о других городах и весях обширной страны? Генерал-полицмейстер получал под свое начало канцелярию и штат полиции, общим числом до 190 человек[150]. Впрочем, это был скорее проект и многое из намеченного в нем осталось только на бумаге. О не разработанности структуры и задач работа полиции говорит и инструкция, достаточно общая по своему содержанию, и насчитывавшая чуть более десяти небольших разделов. Характерно и ее название – «Пункты», т.е. частные инструкции, написанные для требований текущего момента. Необходимо было время для накопления опыта, осмысления и подготовки более полного и четкого собрания. Показательно, что многие из отмеченного Петром I будет реализованы в рамках создания Управы благочиния Екатерины II.

Естественно вторым городом в деле утверждения норм полицейского управления станет Москва. Но произойдет это только на исходе петровского времени в 1722 г., когда до смерти великого реформатора останется всего несколько лет. В январе и июле выйдут (соответственно) указ об «учинении»

---

[148] *Демкин А.В.* Русские деловые люди XVIII столетия. М., 2019. С. 116.
[149] Там же.
[150] ПСЗ-I. Т. V. № 3203. С. 569-571.

в городе обер-полицмейстера[151] и составленная для него инструкция, состоящая из 48-и пунктов[152]. Ситуация в других городах оставалась, по сути без изменений. Реформы Петра I так и не затронули это сферу их жизни. И впоследствии основные изменения будут присутствовать в жизни в основном двух столиц. Но и здесь он будет протекать в прежних не редко архаичных формах даже при приемниках Петра Великого.

Так, в эпоху Анны Иоанновны в Москве во главе города был поставлен ей собственный дядюшка, который и распоряжался (по сути, без ограничения и по собственному разумению) всеми вопросами на вверенной ему территории[153]. Для подержания порядка использовались армейские части московского гарнизона (в том числе и гвардейские). Активное участие в установлении порядков и правил принимал высший орган страны Кабинет министров[154]. По сути, многие вопросы решались Петербургом или по его распоряжению. Показательно, что в отчетах местной полиции проходит тема отсутствия прописанных мер и правил (или их вопиющие не соблюдение) и отсутствие системы пожаротушения[155]. Это именно то, с чем власти станут бороться позже в период формирования Управы благочиния, созданной Екатериной II.

До проведения административной реформы Екатерины II в немногочисленных городах, являвшихся центрами обширных губерний и уездов, неизбежно сосредоточивалась масса арестованных и осужденных, собираемых со всей округи. Поэтому тюрьма (в терминах того времени «острог») для города не только представляла обязательный атрибут данного типа поселения, но создавала атмосферу, при которой его администрация и жители испытывали на себе постоянное колоссальное давление от перемещения разного рода преступного элемента.

---

[151] ПСЗ-I. Т. VI. № 3883. С. 483.

[152] ПСЗ-I. Т. VI. № 4047. С. 716-736..

[153] *Демкин А.В.* Кабинет министров императрицы Анны Иоанновны и управление территориями Российско империи. 1731-1740 гг. М.; СПб., 2021. С. 139

[154]Там же. С. 139-140, 144

[155] Там же. С. 144-145.

В середине XVIII в. основная масса «колодников» аккумулировалась в Москве при комплексе зданий Сыскного приказа, располагавшегося близ собора Василия Блаженного. Здесь же находились тюремные помещения[156]. Территория главного следственного органа Москвы по уголовным вопросам отличалась явной «недостаточностью». В его присутственных помещениях («в секретарской и подьяческой палатах») приходилось содержать многих колодников[157].

Совершенно особую тревогу в середине XVIII в. вызывало положение дел в суде. Знаменитая «волокита» представляла собой не только неприемлемую часть делопроизводства, но являлась, основой всех «судебных нравов того времени»[158]. Даже на одном из заседаний Сената отмечалось, что делопроизводители и судьи практически безнаказанно «в слушании дел волокиту чинили», но и по завершению разбирательства оставляли дела приговоренных без движения («крепкою волокитою до двух лет»[159]).

Особе место в деятельности городских служб занимали вопросы помощи обездоленным. Большие города неизменно притягивали к себе людей бедствовавших и искавших помощи. В первую очередь это касалось Москвы. В середине и второй половине XVIII в. город в буквальном смысле был заполонен ими. По официальным данным в 1731 г. в 96 богадельнях города лишь нищих «обреталось» без малого 4 100. Их волна захлестнула Москву в 1734 г. по причине происшедшего в Смоленской губернии недорода и голода[160]. Монастыри в то время не могли оказать должной поддержки – еще при Петре I они были сориентированы в первую очередь на помощь отставным воинам и членам их семей[161]. Но и на них сил у обителей

---

[156] Там же. С. 329–332.

[157] РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 2508. Л. 2 об.

[158] Розыскная экспедиция при Московской губернской канцелярии, 1763–1782 г. / Сост. Б.С. Лазовским // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции / сост. Н.В. Калачев. М., 1884. Кн. 4. С. 135 (1-я пап.). Прил. к ст. А.А. Голубева «Сыскной приказ, 1730–1763 г. Отд-ние 2».

[159] Там же. С. 135.

[160] *Козлова Н.В.* Указ. соч. С. 54, 56, 188, 189.

[161] Там же. С. 90.

не хватало. В 1761 г. в 87 богадельнях, состоявших при приходских церквях, проживали 4 025 человек обоего пола[162].

Проблема общественного призрения остро стояла и перед другими городами (в первую очередь крупными). Так, в Ярославле к маю 1777 г. значилось 22 богадельни. Но они по традиции того времени возникали по инициативе жертвователей (отдельных лиц, хозяев фабрик, глав обителей). Системы призрения как таковой в стране еще не существовало. Кроме того, в Ярославле того периода «призреваемые» (всего 611 человек) пользовались только выделенным для них помещением. Все необходимое для жизни (одежда, обувь, пропитание, лекарства) старики, нищие, «неимущих отцов дети», не имевшие родственников больные должны были добывать сами «путем испрашения милостыни»[163]. Проблема предоставления помощи стояла очень остро. В Ярославле, являвшемся одним из трех богатейших городов страны, из 208 «детей, не имевших отцов», 22 нищенствовали[164].

При этом все благотворительные учреждения, имевшиеся в городе, функционировавшие чаще всего порознь. Заслуга встраивания их в единую систему станет задачей и результатом реформы города Екатерины II.

К середине столетия остро стоял вопрос организации системы медицинской помощи. В середине XVIII в. в российских регионах врачей не было (отдельные фигуры являлись редчайшим исключением и, что называется, «погоды не делали»). Их нехватку выявили в ходе преобразований второй половины XVIII столетия, когда местные власти не смогли «наполнить» утвержденные штаты медперсонала даже по губернским центрам, на что имеется прямое указание источника (даже в штате богатого Ярославля вакация врача была свободна спустя 9 лет после открытия губернии)[165]. Не удивительно, что по стране распространялись болезни, наносившие ей страшный урон.

---

[162] Там же. С. 191.
[163] *Головщиков К.Д.* Указ. соч. С. 128.
[164] Там же.
[165] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012, ч. II. Л. 118.

В ходе эпидемий XVIII вв. вымирали целые улицы городов, что нашло свое отражение даже в топонимике Москвы. Так, по одной из версий, появление названий ряда переулков («Мертвый», два «Могильцевских», «Чистый») – последствия чумы XVIII столетия.

Свой вклад в рост смертности вносило и элементарное невежество горожан. Невзирая на такой печальный опыт, бывали случаи, когда жители городов, имея в своем распоряжении какую-то медицинскую помощь, не хотели ее принимать. По подсчетам А.В. Демкина, из 100 городских наказов, отправлены в Уложенную комиссию, 26 содержали требования посадских убрать из их городов медицинских служащих[166].

Изменить такое положение дел было необходимо. Но для этого требовалось создать разветвленную медицинскую службу, а также распространить с ее помощью среди населения элементарные правила санитарии и медицинской культуры.

В одном ряду с задачами развития структуры здравоохранения находились и вопросы народного образования. Учебные заведения существовали на тех же основаниях, что и богадельни. Иными словами и те и другие возникали и обслуживались благодаря зачастую доброй воли конкретных лиц – т.е. являлись результатом деятельности мецената (духовного или светского), и существовали лишь благодаря его желанию. Как правило инициаторами создания школ выступали иерархи и просвещенные дворяне, позже купцы.

В 1777 г. в Ярославле функционировали духовная семинария (в Спасском монастыре) и одна городская школа (Леонтьевская)[167].

На территории будущей Владимирской губернии, в г. Юрьеве-Польском, в 1716 г. работала единственная цифирная школа, в которой учились всего 18 детей, причем лишь дворянского сословия. В 1722 г.

---

[166] *Демкин А.В.* Купеческие наказы 1767 г. в Уложенную комиссию // Купечество в России, XV – первая половина XIX века: сборник статей в честь проф. А.А. Преображенского. М., 1997. С. 226, 231.

[167] *Головщиков К.Д.* Указ. соч. С. 128.

аналогичное учебное заведение открыли во Владимире, приняв лишь семь человек, но к 1725 г. курс окончили только два из них. Учеников больше не набирали, и в том же году школа закрылась. Кроме того, в 1727 г. в четырех городах края (Владимире, Переславле-Залесском, Суздале и Юрьеве-Польском) действовали школы, устроенные Адмиралтейством «для обучения дьяческих и подьяческих детей, и прочих чинов арифметике и геометрии». В последующие годы в крае (как и по всей стране) наблюдалось развитие преимущественно закрытых сословных учебных заведений[168].

На территории будущей Московской губернии имелась бóльшая возможность получить образование. Однако вызвано это было не степенью развития системы просвещения, а сложившейся за столетия исключительной ролью города, выступавшего в качестве главного столичного и духовного центра.

В XVIII в. в Москве работали гимназия пастора Глюка, школы артиллерийско-инженерная, математических и навигацких наук, хирургическая и «разноязычная». Обязательные для дворян начальные «цифирные» школы открывались при домах архиереев и крупных монастырях. Возникновение при гарнизонах школ для солдатских детей свидетельствовало о территориальном расширении системы просвещения. Одна из них функционировала, например, в Можайске[169].

Необходимо заметить, что эта, созданная при Пете I система, к середине XVIII в. заметно порядела. Заметную роль по-прежнему играла военно-медицинская академия и гарнизонное школы, благодаря деятельности которых заметно изменился уровень грамотности на территории края. Их учителя (как правило, единственные в округе) активно привлекались дворянами для нужд домашнего образования[170].

---

[168] История Владимирского края с древнейших времен ... С. 139.

[169] *Ватник Н.С.* Просвещение // Подмосковье из века в век: сборник исторических очерков / отв. ред. Н.С. Ватник, В.Н. Захаров. М., 2006. С. 443–444.

[170] *Корнилов А.А.* Указ. соч. С. 31.

Московская гарнизонная школа имела наибольшее число учеников и пользовалась наибольшей востребованной из всех школ данного типа. В 1734 г. она размещалась у Варварских ворот Китай-города, и в ней обучались 241 человек. В их числе 160 «штатных» и 19 «сверхкомплектных»[171]. В 1735 г. число мест увеличили до 300. Кроме того, было высочайше предписано брать всех солдатских детей, даже при отсутствии свободных вакансий. В итоге летом 1735 г. здесь значились уже 1 184 человека, из которых 824 шли как «закомплектные»[172]. Стремительный рост числа желающих получить знания и тем самым обрести способ для продвижения по службе, помноженный на острую нехватку грамотных людей, требовал от правительства решать проблему образования на базе городов. Впрочем, имеющихся возможностей для этого по-прежнему было недостаточно.

Бóльшую часть столетия единственными крупными центрами получения образования оставались архиерейские школы (с 1721 г.), переросшие позже в готовившие священнослужителей духовные семинарии. Но их выпускники имели также возможность пойти дальше по чиновничьей или преподавательской стезе. Всего на территории будущей «малой» Московской губернии работали четыре семинарии: Коломенская, Троице-Сергиевская, Перервенская и Вифанская[173].

Огромную роль в развитии системы образования сыграл Московский университет. Однако открытый лишь в 1755 г. он сам нуждался в помощи, которая и была ему оказана Екатериной II, а также рядом меценатов – сторонников Просвещения.

Большой бедой русского города XVIII столетия оставалась проблема благоустройства, тесно связанная с планировкой и застройкой, совершенствованием облика города. Знаток ее истории И.Е. Забелин так описал облик Первопрестольной накануне преобразований Екатерины II:

---

[171] *Акельев Е.В.* Повседневная жизнь воровского мира Москвы ... С. 210.
[172] Там же. С. 212.
[173] *Ватник Н.С. Н.С.* Просвещение… С. 444.

«В половине XVIII столетия в Москве многое еще напоминало времена царя Алексея Михайловича. Старина сохранялась не только во внешнем устройстве города, но и в общественном и семейном быту москвичей, в образе их жизни и привычках. Самые преобразования Петра Великого, как ни были они деятельны в отношении Москвы, особенно вначале, не могли, однако ж, слишком изменить ее древнюю физиономию… Линии, по которым она застроилась, проведены были не цепью или циркулем, а самою жизнью, свободно и привольно…»[174].

При этом помимо псевдоромантического облика не обустроенность территории даже второго столичного города, была сопряжена с традиционно низким уровнем санитарного контроля. На практике отсутствовал даже принцип обязательного регулярного вывоза мусора. Так, в 1752 г. во время ревизии Москвы, произведенной в ожидании посещения ее императрицей Елизаветой Петровной, обнаружилось, что стоявшие в Иконном ряду Китай-города пустые лавки были доверху завалены навозом и грязью. Отходы долгое время свозились в них с улиц, и эти сооружения издавали «удушающее зловоние». Даже в самом Кремле «невылазною грязью» была завалена площадь пред коллегиями, а пространство при входе в Оружейную палату и соборы (Успенский и Благовещенский) заполнилось «целыми горами всякой дряни – щепок, кирпичей, остатков колоколов и т.п., так что не было почти проходу»[175]. Все это не только портило облик столицы, но и способствовало распространению в 1771 г. страшной эпидемии.

В других городах Центральной России ситуация такой же. Частыми были случаи, когда оставленные без присмотра крепостные рвы превращались в сточные канавы, а валы в свалки мусора.

Немногим лучше обстояло дело с освещением. Решение этой проблемы было возложено на самих жителей. Первые меры в данном направлении, предпринятые властями в 1730 г., носили весьма архаичный характер:

---

[174] *Забелин И.Е.* Хроника общественной жизни в Москве с половины XVIII столетия // *Забелин И.Е.* Опыты изучения русских древностей и истории. М., 1873. Ч. 2. С. 351–353.

[175] *Дитятин И.И.* Русский дореформенный город. С. 12.

москвичей обязали с наступлением ночи ставить в своих окнах по 2–4 свечи. Причем делалось это исключительно в тех домах, которые выходили на центральные улицы. Если дом находился в глубине квартала, свечи устанавливались в фонарях на столбах. Такое освещение необходимо было поддерживать только до полуночи[176]. Кроме того, обывателям одно время предписывали выходить на улицу в темное время суток не иначе как с собственным фонарем. Но из-за угрозы пожаров эта мера попала под запрет Сената[177].

Также имелись и другие, важные для жизни горожан и формирования облика Москвы проблемы, связанные, например, с состоянием тротуаров, угрозой наводнения, доставкой воды и др.

Подготовительные меры по созданию городской сети в «новоучреждаемых» губерниях

Задачи реформы города как административного центра наметил Петр I, но ранняя и во многом внезапная смерит реформатора, а также остроактуальные задачи военного времени, по сути, не прекращавшегося весь период его правления, оставили решения данной важнейшей задачи преемникам великого преобразователя. При этом ближайшие наследники государственной власти и связанных с ней проблем управления огромной, но не обостренной империей, решали в основном текущие задача. И делали это с опорой на уже имеющиеся в их распоряжении административные инструменты. Требовалась комплексная программа реформа города. Решение этой задачи взяла на себя Екатерина II.

Преобразование губерний исторического центра страны занимало свое место в общем процессе проведения губернской реформы. Кроме того они

[176] *Фальковский Н.И.* Москва в истории техники. М., 1997. С. 92.
[177] ПСЗ-I. Т. IX. № 6778. С. 550.

были вписаны в процесс формирования нового типа территориального административного единства – генерал-губернаторств, объединяющей одновременно несколько губерний. На данную форму возлагались большие надежды.

7 ноября 1775 г. императрица подписала инструкцию проведения крупномасштабной губернской реформы, ставшей известной как «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи». Но в действительности изменения начались значительно раньше. Уже 15 декабря 1763 г. власти утвердили новые штаты, увеличившие число чиновников, в том числе в составе местных учреждений[178], в 1763–1764 гг. появились инструкции для руководителей регионов, а 11 октября 1764 г. была усилена на местах власть губернаторов[179].

Сначала к трансформации российского административного устройства приступили в Новгородской губернии – в 1769 г. ее «разукрупнил» (за 12 лет до официального начала реформы!) губернатор, выдающийся управленец Я.Е. Сиверс[180]. В ходе преобразований он выявил проблемы, требовавшие скорейшего разрешения в этом обширном крае, и определил пути и формы проведения там административной реформы и реформы города. Разработанные им подходы впоследствии широко использовались в масштабах всей страны[181].

При формировании губерний с новой разветвленной системой городов – административных центров в распоряжении местной власти оказался весьма незначительный набор поселений, доставшихся им от предшествовавшего времени.

---

[178] *Клокман Ю.Р.* Социально-экономическая история русского города…. С. 125.
[179] *Клокман Ю.Р.* Социально-экономическая история … С. 127.
[180] *Истомина Э.Г.* Границы, население, города Новгородской губернии … С. 24–29.
[181] Истомина Э.Г. Границы, население, города Новгородской губернии… С. 31.

Первыми губерниями, получившими новое оформление в рамках собственно административной реформы 1775 г., стали Смоленская и Тверская, учрежденные указом Сената от 25 ноября 1775 г.[182]

Процесс преобразований начался с окраин исторического центра страны (как пробный, так и основной этапы) – это указывает на попытку найти формы и пути достижения желаемого. Поэтому неудивительно, что губернии «старого» центра вступили в данный процесс чуть позже, исходя из их исторического, хозяйственного, административного, транспортного и культурного значения.

Так, в списке «вновьучрежденных» губерний Калужская шла после Смоленской и Тверской и стала 4-й, Ярославская – 6-й (28 февраля 1777 г.), Владимирская – 11-й (2 марта 1778 г.), Московская – 32-й (5 октября 1781 г.)[183].

Порядок «вступления» был связан со многими факторами. Не последним из них являлось наличие в распоряжении императрицы сановника, наделенного качествами администратора, которому можно было поручить столь важное и хлопотное мероприятие. Таковые находились не сразу, поэтому начало преобразований в некоторых регионах иногда откладывалось.

Помимо этого легко заметить еще одну закономерность появления новых губерний. Реформа проводилась в масштабах больших регионов, так как требовалось делить «старые» («большие») губернии на «новые» («малые»). Исходным образованием для всех губерний центра выступала бывшая «большая» Московская губерния, состоявшая в 1775 г. из 11 провинций: Владимирской, Калужской, Костромской, Московской, Переславль-Залесской, Переславль-Рязанской (с центром в Рязани), Суздальской, Тульской, Углицкой, Юрьев-Польской и Ярославской. Этим

[182] ПСЗ-I. Т. XVI. № 14400. С. 311–315.

[183] *Писарькова Л.Ф.* Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века ... С. 702.

объясняется близкое по времени появление губерний, ставших их преемниками или поглотивших данные территории.

Новая «малая» Московская губерния стоит в конце данного списка, причем на значительном временном удалении. Причина этого заключается в следующем.

Во-первых, Московская земля являлась центром обширной трансформируемой территории. Будучи старым и наиболее обжитым регионом страны, она была наполнена городами. Благодаря этому относительному «изобилию» будущая «малая» Московская губерния выступала как донор для своих ближайших соседей. Без учреждения их уездной структуры (по сути, внутренней сети городов) «открытие» новой Московской губернии оказалось бы невозможным, так как она формировалась буквально по остаточному принципу.

Во-вторых, срединное положение Москвы и ее административного региона, граничившего с шестью губерниями, требовало продолжительного, кропотливого, а иногда и весьма хлопотного разграничения границ административных единиц.

Кроме того, губернии формировались с перспективой учреждения на их основе наместничеств (генерал-губернаторств) во главе с наместником (генерал-губернатором). Это связывало одну губернию с другой под общим наместническим управлением, в том числе и потому, что ведущую роль в процессе их формирования играл именно наместник.

Калужская губерния входила в состав наместничества генерал-поручика графа М.Н. Кречетникова, под начало которого перешли также Тульская (9 марта 1777 г.) и Рязанская (28 февраля 1778 г.) губернии[184]. До этого сановник менее года возглавлял Тверскую губернию[185], но эта его должность предшествовала назначению в Калугу и не была связана с созданием нового генерал-губернаторства.

---

[184] *Писарькова Л.Ф.* Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века ... С. 702.

[185] Губернии Российской империи. История и руководители, 1708–1917. М., 2003. С. 295.

Владимирская губерния вошла в наместничество генерал-аншефа Р.Л. Воронцова. Ему же подчинили Тамбовскую (16 сентября 1779 г.)[186] и Пензенскую[187] (15 сентября 1780 г.)[188] губернии. Ярославская, отошедшая под власть действительного тайного советника А.П. Мельгунова, была объединена им в один округ с Вологодской (25 января 1780 г.)[189] и Архангельской (26 марта 1784 г.)[190] губерниями.

Согласно «Учреждению для управления губерний …» Москва и ее регион находились под началом генерал-губернатора или (как столичный город) главнокомандующего[191] (с 1795 г. – главнокомандующего в Москве и во всей губернии Московской)[192].

Объявление об учреждении Московской губернии относится к 5 октября 1782 г. и связано с правлением главнокомандующего генерал-аншефа князя В.М. Долгорукова-Крымского. Должность губернатора при нем исполнял генерал-майор (генерал-поручик) Н.П. Архаров. Однако фактически новый административный регион открылся годом позже, при втором главнокомандующем – З.Г. Чернышеве. Прибыв на место, генерал-губернаторы (а не губернаторы) лично, так как они являлись непосредственными представителями императрицы, приступали к делу. С собой они привозили заранее подготовленные в Петербурге «предварительные росписания» земель и душ в рамках будущей губернии. В документах А.А. Безбородко сохранилась одна из таких черновых калькуляций будущей Пензенской губернии. К инструкции прилагалась карта с «примерным росписанием». Данный комплекс документов можно

---

[186] *Писарькова Л.Ф.* Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века ... С. 702.

[187] Губернии Российской империи. История и руководители ... С. 211.

[188] *Писарькова Л.Ф.* Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века ... С. 702.

[189] Там же.

[190] Там же.

[191] ПСЗ-I. Т. XX. С. 231.

[192] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 572. Л. 17.

рассматривать как типичный пример подобного рода инструкций, переданных всем генерал-губернаторам по вверенным им территориям.

Помимо «предварительного росписания» в качестве отправных инструкций наместники также получали официальные указы императрицы и иные предписания. В преддверии отбытия к месту службы сановники удостаивались личной аудиенции Екатерины II, которая в ходе беседы излагала им свои идеи и пожелания. Отчасти они содержатся в неопубликованной «Инструкции генерал-губернаторам», черновик которой обнаружен нами в материалах ее архива[193].

Реформа города Екатерины II и Павла I: программные документы и планы преобразования

Правление императрицы Екатерины II – время проведения широкомасштабных административных преобразований. Система территориально-административных единиц, созданная великой государыней и ее сановниками, не только сохранилась почти неизменной вплоть до краха Российской империи, но и продолжает в той или иной степени существовать и в наши дни. На заре советской эры возникла принципиально иная территориальная структура, но она быстро трансформировалась, вернувшись к устоявшемуся и рациональному екатерининскому наследию. Все основные изменения, происходившие внутри нее, являлись результатом собственного дальнейшего развития.

Естественно, что центральную роль в административно-территориальной системе Екатерины II играл город. Он выступал каркасом как каждой губернии, так и более масштабных административных регионов. В том числе всей страны, формируя опорную административную сеть всего государства.

[193] Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 21. Л. 11–26.

Занимаясь устроением своей державы, в том числе формированием новой эффективной территориальной структуры, императрица и ее сановники видели своей задачей создание условий для развития страны и налаживания эффективной системы управления ею. Город как административный центр играл здесь центральную роль. Причем даже в таком качестве функции города воспринимались более разноплановыми, нежели только как передача сверху вниз командных распоряжений. Город – административный центр изначально «устраивался» как многофункциональное поселение с развитой инфраструктурой, создание, управление и развитие которой передавалось в руки местной администрации.

На этапе подготовки реформы требовалось определить перечень функций города и необходимых для их исполнения административных структур, позволяющих как исполнить эти функции, так и решить стоящие перед городом насущные проблемы, которые были в значительной степени замечены еще в петровское правление, но так и не получили необходимый для их решения набор инструментов. Важным отличием реформ второй половины XVIII в. от реформ первой его четверти, выступала комплексность преобразований. Принципиально важно, что реформирование города как административного центра, проводимое Екатериной II, было не только осмыслено как необходимость, но и имело разработанный план. Его позиции прослеживаются как в законодательстве, так и в личных бумагах самой императрицы и ее сановников. К законодательным материалам, предписывавшим цели и задачи модернизации городов, можно отнести следующие официальные документы, разработанные Екатериной II и Павлом I (по-своему, но продолжившим дело матери): «Наставление губернаторам» (21 апреля 1764 г.); «Наставление Московскому и Санкт-Петербургскому губернаторам» (12 апреля 1765 г.); «Инструкция генерал-губернатору» (дата подписания неизвестна)[194], «Наказ Екатерины II Комиссии о составлении

[194] РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 21. Л. 11–25. Эта инструкция была составлена и подписана императрицей, но, скорее всего, никогда не опубликовалась, так как отсутствует в Полном

проекта нового уложения» (1767 г.); «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» (7 ноября 1775 г.); «Устав благочиния или полицейский» (8 апреля 1782 г.); «Грамота на права и выгоды городам Российской империи» (21 апреля 1785 г.); «Устав столичного города Санкт-Петербурга» (12 сентября 1798 г.); «Высочайше утвержденный устав столичного города Москвы» (17 января 1799 г.) и некоторые др.

Реформа города (не стоит путать ее с социальной городской реформой) не была прописана одним законодательным актом. В принципе это было и не возможно из-за особой центральной роли города, что делало его участником целого ряда преобразований, а также претворения их в жизнь на протяжении значительного отрезка времени, которое в итоге превысило даже правление самой Екатерины II. Так, завершение данного процесса в рамках губерний Центральной России (окончательное утверждение городов-административных центров) относится уже к 1805 г., когда в первые годы правления Александра I был последний раз пересмотрен и окончательно закреплен набор городов-административных центров и посадов, что стало завершением преобразований Екатерины II в деле формирования административной сети империи. В этом качестве с незначительными изменениями на просуществовала вплоть до ее гибели.

В связи с этим можно выделить ряд этапов реформирования города или точнее будет сказать – вех, реперных точек, фиксирующих составление основополагающих решений, в которых определялись цели преобразований.

Первая веха – 1764-1767 гг., когда власти, находясь у самых истоков формирования новых административных территорий, составили первые инструкции для глав регионов, которые в большинстве своем только предполагали вводить в рамках всей страны. В данных документах формулировались требования к управлению и стоящие перед региональными сановниками задачи, а также механизмы проведения преобразований в жизнь

собрании законов Российской империи, однако закрепленные ею положения активно применялись при управлении губерниями и составлении отчетов губернаторов; сохранилась в личных бумагах Екатерины II.

на местах. На данном этапе правительство лишь готовилось к будущим преобразованиям, намечая самые основные цели и ожидая ответа на свои замыслы и действия со стороны реальной жизни. Иными словами – от еще не полученного опыта. На его основании буду строиться более развернутые и детальные прожекты.

Вторая веха – 1775 г., время утверждения системы управления и административных функций, передаваемых городам-административным центрам в рамках новых («малых») губерний. На данном этапе происходило проведение в первую очередь административно-территориальной реформы, но важнейшей составной ее частью выступала задача формирования городской сети, которая, по сути, являлась административной сетью губерний, генерал-губернаторств и всей страны. В связи с этим на данном этапе определения целей реформ, определялся административных органов, которые должны быть созданы в городах в ходе преобразования, а также определялись функции и структура данных органов.

Третья веха – 1782 – 1785 гг., обусловлена решениями по развитию достижений губернской реформы, завершение формирования административной инфраструктуры городов. Главным его содержанием стала реформа Управы благочиния, вбирающая в себя широкий круг полномочий, и т.н. социальная городская реформа (городская реформа).

Четвертая веха – 1796-1805 гг. приходится на время последующее за смертью императрицы, прервавшей ее деятельность. Данный девятилетний отрезок, стал временем завершения процесс преобразований, когда подверглись пересмотру достижения и окончательное установление городской административной сети и городской административной инфраструктуры. Это решения, принятые в правление Павла I, также были подвергнуты ревизии в первые годы царствования Александра I, пожелавшего (с опорой на решения и опыт местных администраторов) окончательно оформить итоги административной реформы.

На первом этапе реформирования (1764-1767 гг.) власть выражала цели своих преобразований в ряде особых инструкций, составленных для высших региональных сановников (1764–1765). Екатерина II в 1764–1765 гг. в процессе подготовки губернской реформы, сформировавшей будущую сеть городов и определившей особенности их функционирования, лично подготовила три документа – инструкции для будущих управленцев высшего уровня. В XVIII в. подобные предписания играли значительную роль в России. Даже в преддверии этого столетия отправившееся за границу Великое посольство действовало на основании заранее составленных «наказов» (инструкций)[195]. В конце века при их написании строго придерживались идеалов Просвещения, казавшихся тогда еще незыблемыми. Наделенные властью люди сохраняли искреннюю убежденность в особом благотворительном влиянии разума. А разум, облеченный в закон, исполнение которого обеспечивал государственный аппарат, считался без преувеличения панацеей. В этом отношении административные инструкции (указы, решения) императрицы представляют большой интерес как источник понимания ею и ее кабинетом такого явления, как город. Кроме того, они дают представление об административных образованиях, возникавших в России при осуществлении административной реформы, работе высших сановников и органов власти, а также при решении других вопросов, сопряженных с данными аспектами (например, подготовка и проведение императрицей программы по сбору сведений о численности населения и иных демографических данных).

На листах трех инструкций, сохранившихся вместе в одном деле[196], имеется личная (весьма обстоятельная) правка самой императрицы. «Наставление губернаторам»[197] и «Наставление Московскому и Санкт-

---

[195] *Гуськов А.Г.* Великое посольство Петра I: источниковедческое исследование. М., 2005. С. 125.

[196] РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 21. Л. 1–72 об.

[197] ПСЗ-I. Т. XVI. № 12137. С. 716–720.

Петербургскому губернаторам»[198] хорошо известны исследователям. Сохранившиеся черновые записи первого документа были введены в научный оборот еще в 1871 г.[199], а оба источника опубликованы в сборнике, вышедшем в свет в 2000 г.[200]

Третий документ из этой группы («Инструкция генерал-губернатору»[201]) остался в тени. На него нет ссылок в исторической литературе (не стоит путать с двумя другими «наставлениями», которые близки ему по задачам и созвучны по названию). Отсутствует он и в сборниках документов.

Для объяснения данного обстоятельства есть две версии. Первая. Инструкция была принята, и ею руководствовались на практике, но при составлении «Полного собрания законов Российской империи» она не вошла в него, так как в 1830-х годах генерал-губернаторы выполняли несколько иные функции. По оценке Л.Ф. Писарьковой «генерал-губернаторства XVIII в. мало чем напоминали наместничества XIX века»[202].

Возможна и иная версия: инструкция так и не стала законодательным актом. Дело в том, что в «Заключении» чернового варианта «Наставлений Московскому и Санкт-Петербургскому губернаторам» есть приписка – приказ Екатерины II опубликовать данное решение[203]. В тексте же «Инструкции генерал-губернатору» такая пометка отсутствует.

Но, несмотря на то, был ли опубликован этот «прожект» или нет, он является важным источником своей эпохи, так как отражает взгляды императрицы на многие вопросы государственного управления. Кроме того, данный документ все-таки активно использовался на рубеже XVIII–XIX вв., и ряд содержавшихся в инструкции требований к работе генерал-

---

[198] Там же. Т. XVII. № 12306. С. 5–7.

[199] Сборник императорского русского исторического общества. СПб., 1871. Т. 7. С. 352–354. Далее: Сб. РИО.

[200] Законодательство Екатерины II. М., 2000. Т. 1. С. 338–343, 351–353.

[201] РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 21. Л. 11–26.

[202] *Писарькова Л.Ф.* Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века ... С. 405.

[203] РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 21. Л. 72 об.

губернаторов присутствует в отчетах сановников[204]. Также они отражены (причем непременно) в экономических примечаниях к генеральному межеванию (затронуты вопросы состояния обеспеченности городов водой и ее качества, учреждения точных ландкарт местности, транспортных возможностей рек, их рыбных богатств и др.)[205]. Таким образом, «Инструкция генерал-губернатору» была хорошо знакома сановникам и их помощникам на местах. Следовательно, содержавшиеся в ней предписания все же были доведены до глав местной администрации и исполнялись ими, возможно, не в качестве официального указа, а в виде личных пожеланий государыни.

Бесспорно, Екатерина II сама инструктировала будущих наместников перед их вступлением в должность. Более того, она считала это одной из первейших своих обязанностей[206]. Упоминание о таком разговоре недвусмысленно присутствует в письме-отчете к императрице приступившего к созданию Ярославской губернии А.П. Мельгунова: «Расположа объезд мой по тем местам, о коих наперед я удостоверен был, что они пред другими имеют больше таких способностей, какие Ваше Императорское Величество *изустно мне повелели* (выделено мной. – *А.Б.*) уважать»[207]. Главные «пожелания» Екатерина II, естественно, извлекала из вышеназванной инструкции. При работе над ней императрица сама скрупулезно выделяла задачи, уточняла и дополняла собственные формулировки.

Наставление губернаторам предусматривало устроение не только самой должности главы края, но и наличие в его распоряжении городской резиденции, что автоматически придавало данному административному центру военную и гарнизонную функции. Особо отмечалось, что городские гарнизоны состояли «в команде губернаторской». Губернский центр, как

---

[204] Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 629. Л. 12 об.; Д. 729. Л. 160 об.; Д. 1012. Л. 6, 8, 8 об., 12, 207.
[205] Там же. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 69. Л. 15; Д. 454. Л. 1, 68 об., 119 об., 121 об.
[206] *Екатерина II.* Записки императрицы Екатерины II. С. 465.
[207] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012. Л. 7.

резиденция губернатора, играл особую роль в чрезвычайных ситуациях, так как именно в его ведении находилась борьба с такими катастрофическими событиями, как «пожары, голод, наводнения, моровая язва, сильные и великие разбойничьи ватаги» и «печальные возмущения народа»[208].

Большой интерес для определения функций города (и целей реформы) представляет инструкция генерал-губернатору. Согласно этому документу, помимо сугубо военно-административных задач, особой обязанностью генерал-губернатора, по мнению императрицы, выступало обеспечение функционирования транспортных магистралей. Чрезвычайное значение данной функции городов, как промежуточных опорных пунктов и узлов транспортных коммуникаций, не раз проявит себя в ходе развития городской инфраструктуры. Особое значение имела исправность улиц, которые, по сути, являлись участками дорог всей империи. Преодоление ее просторов сильно затрудняла приостановка такой работы. Но исключительная, жизненно важная роль отводилась мостам. Города стояли при реках, на которых устраивали переходы. В свою очередь те связывали не только город с его заречными слободами, кварталами, а также с ближними экономическими окрестностями, но и обеспечивали движение на всем протяжении магистрали, соединяя части страны в единое целое. Строительство и поддержание в соответствующем состоянии мостов и переходов через реки, находящиеся при городе или под его опекой, традиционно становилось обязанностью местных жителей[209]. Коммуникации чаще всего предписывалось устраивать «особенно в городах», где они находились под контролем и попечением местных властей[210]. Особое внимание уделялось возведению мостов. В приоритете было каменное строительство[211], основным материалом для которого выступит кирпич.

[208] ПСЗ-I. Т. XVI. № 12137. С. 718.
[209] Там же. Т. XXII. № 16384. С. 581; Т. XXV. № 19231. С. 921.
[210] ПСЗ-II. Т. VIII, отд-ние I. № 6076. С. 583.
[211] РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 21. Л. 20.

Белый камень привлекали, но значительно реже, и только в случае доступности именно этого материала.

Кроме того, в данном документе Екатерина II выразила, или точнее, апробировала свои будущие официальные прожекты, воплощенные в двух центральных актах реформы города как административного центра, обладавшего рядом функций («Учреждения для управления губерний …»), и одновременно места проживания определенных сословных групп («Грамота на права и выгоды городам …»). В них были обозначены задуманные в начале 1760-х годов структуры и сферы деятельности городов (полиция, медицина, ветеринария, благоустройство и пожарная безопасность), ставшие вскоре частью проекта по созданию современного рационально устроенного «регулярного» города, но получившие сове окончательное законодательное оформление уже на следующем этапе.

При этом функции города (как и при Петре I) понимались достаточно широко: наведение «чистоты городской» (к чему «магистраты и ратуши оснований прямых не имеют»[212]), обустраивание административной инфраструктуры (дома для Магистрата и Ратуши); налаживание работы полиции и полицейского надзора за жителями и прибывающими лицами; создание службы борьбы с пожарами, что на этом этапе понималось в первую очередь как наличие требуемых для того инструментов («иметь всякие орудия к предосторожности от пожара»; формирование системы поддержки обездоленных слоев городского населения, борьба с бродяжничеством «празднодельных» молодых и здоровых людей (в том числе путем создания работных домов); открытие школы для малолетних.

Показательно, что все выделяемые функции либо прямо, либо в контексте механизма их реализации, могут быть отождествлены с административной природой города. Данная тема может быть раскрыта с позиции дуализма города, обладающего двумя основными функциями: административной и хозяйственной. Впрочем, проблема значительно шире и

[212] Там же. Л. 22 об.

связана с таким качеством города, как концентрации (а также ускорение) в рамках него всех основных процессов развития. В том числе и управления, что обуславливает административную роль, как важную часть его функционирования. Но для администраторов и реформаторов XVIII столетия вопрос так не стоял. В своих поисках они опирались не на теоретические раскладки, а на насущные задачи текущего момента. Для реформаторов которой половины XVIII в. город выступал в первую очередь как центр сосредоточения власти, которая и должна была разрешать стоящие перед ним проблемы

Особое внимание было обращено на создание медицинских учреждений. В инструкции 1764 г. императрица предписывала непременно завести в каждом губернском городе лекаря. Исходя из размеров края, необходимо было также «распределить по провинциям» (будущим уездным городам) «потребное число лекарей с учениками». Медицинская канцелярия обязана была оказывать помощь местным органам в городах во всем необходимом для учреждения аптек, приглашения специалистов, а также в вопросе поставки лекарств[213]. Кроме того предписывалось наладить ветеринарную службу.

Большое внимание уделялось установлению в городах регулярной застройки и рационального размещения общественных строений: «Публичные народные дома, яко то торговые бани и кабаки надобно чтоб пристойные свои места имели». Итогом такого «установления» стало бы достижение прагматической, но крайне узкой цели: обеспечить противопожарное состояние и общественный порядок у церквей[214].

По прочтении чистого варианта Екатерина II вписала в него требования к возведению дополнительных объектов: «магазины, амбары и лавки»[215]. Именно они, сконцентрированные в виде гостиных рядов, стали основой ее планов переустройства русского города в результате его ускоренного

[213] Там же. Л. 24.
[214] Там же. Л. 24 об.
[215] Там же.

хозяйственного развития. Сами же ряды впоследствии превратятся в символ русского города эпохи Екатерины II.

К этому же периоду подготовки реформы города необходимо отнести Наставление московскому и санкт-петербургскому губернаторам. Москва и Санкт-Петербург возглавляли две губернии, принципиально отличавшиеся от прочих административных регионов страны самой «разностью положений». Это понятие означает, что оба города официально являлись столичными городами, так как обладали целым рядом присущих только им функций и черт, демонстрировавших особый статус. Так, например, лишь они имели на своей территории «все вышние над собою правительства». Это позволяло обоим губернаторам быть в курсе всех дел и тем самым оказывать помощь императрице[216]. Кроме того, Санкт-Петербург и Москва выступали как постоянные резиденции императрицы («будучи в Резиденциях Наших»[217]), что являлось для того времени чертой столицы.

К данному этапу выявления целей реформы сможет быть отнесен и «Наказ Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового уложения» (1767 г.). Согласно данному источнику, города оценивались, прежде всего, в качестве места торговли. Более того, коммерческая деятельность была представлена как прерогатива городских жителей, в первую очередь купцов[218]. Впоследствии эта идея вылилась в программу массового строительства гостиных дворов.

Собственно городам в «Наказе …» посвящена специальная глава, которая так и именовалась «О городах». Согласно ей поселения должны были выстраивались по ранжиру, в четком иерархичном порядке, основанном на их значении (города «важные по своему положению»). Надо отметить, что иерархия в данном случае не определялась административной ролью города, а (как следует из дальнейшего текста) была связана с

---

[216] ПСЗ-I. Т. XVII. № 12306. С. 6.

[217] Там же.

[218] *Екатерина II.* Наказ Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового уложения. 1767 г. // *Екатерина Великая.* О величии России. М., 2003. С. 119.

исполнением им ведущей функции или совокупности таких функций. К ним в первую очередь были отнесены: торговля, мануфактурное производство, ремесленное производство («рукоделия»). Решение данной задачи впоследствии будет планироваться путем повсеместного «устроения» гостиных рядов, что перекликается с другими програмными документами. Из предыдущих глав сюда можно отнести «художества» (создание произведений искусства) и «науки» (сложное знание и профессиональные умения, требующие особого образования).

Отдельно Екатерина II назвала ряд факторов, имеющих особое влияние на роль и значимость города. Первый из них – дороги, причем речные и сухопутные ставились рядом, второй – доступность кредита, третий – наличие в городах ремесла и необходимость обеспечения его развития.

Второй этап реформирования, берущий свое начало от 1775 г., был построен на реализации задач, изложенных в программе губернской реформы, получившей название «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» (7 ноября 1775 г.). Это центральный документ, на основании которого проводилась административно-территориальная реформа, в рамках которой и формировался определенный тип города. В связи с этим в «Учреждениях для управления губерний …» содержится немало сведений о городе в том виде, каким его хотела видеть Екатерина II по завершении преобразований, а также описываются функции, формы, характер и типы поселений.

Город понимался реформаторами как административный центр губернии (и ее уездов), место концентрации властных структур («в одном и том же месте, где ведомо правление губернии»). В качестве административных функций города в документе зафиксированы: государственные финансы («казненные доходы и счеты»), «благочиния или полиция» (правопорядок и благоустройство города), суд (гражданский,

уголовный[219] и апелляционный)[220]. При этом суду должны были присущи: справедливость («беспрепятственное течение правосудия»), скорое осуществление решения («без волокитства») и территориальная доступность (наличие по всем уездным городам). Последнему обстоятельству императрица уделила исключительное внимание как в «Учреждениях для управления губерний …», так и в собственных намерениях[221]. В ее понимании это было необходимо для действенности принимаемых разумных законов («точнейшее исполнение полезнейших впредь издаваемых узаконений»)[222].

Согласно «Учреждениям для управления губерний…» создавались три уровня органов власти, базировавшихся на основании города конкретного административно-территориального эшелона: 1) столичные города[223] (Санкт-Петербург и Москва) с высшими общегосударственными органами управления; 2) губернские (наместнические, которые в случае необходимости губернии могли делиться на области или провинции), управлявшие территориями, на которых проживало 300–400 тыс. ревизских душ; 3) уездные (окружные), власть которых распространялась на земли, где находилось 20–30 тыс. ревизских душ. Особым родом городского поселения (но не городом в понимании того времени) выступали, которые присутствовали в источнике наряду с «полноценными», с точки зрения административных функций, городами.

Создавая на местах систему органов коронного управления, Екатерина II в гл. XVIII «Учреждения для управления губерний …»[224] расписала распределение учреждений между городами.

Исключительную роль играл наместник императрицы, возглавлявший несколько губерний, объединенных в одно генерал-губернаторство (также

[219] ПСЗ-I. Т. XX. № 14392. С. 230.
[220] Там же. С. 231.
[221] Там же. С. 230–231.
[222] Там же. С. 231.
[223] Там же. С. 247, 295, 303.
[224] Там же. С. 286–287.

могло именоваться наместничеством), и получивший в нем официальный статус «главнокомандующего в отсутствие Императорского Величества»[225].

Глава Москвы («главнокомандующий в столичном городе Москве») возглавлял и всю Московскую губернию. Так, Я.А. Брюс официально именовался: «в Москве и Московской губернии главнокомандующий»[226]. Губернатор неизменно находился по отношению к главе Москвы в подчиненном положении. В распоряжении главнокомандующего (генерал-губернатора, наместника) находилось наместническое правление, куда входили он сам и два его советника[227].

Согласно «Учреждению для управления губерний …» императрица определяла структуру органов коронной власти в соответствии с административным статусом городского поселения.

Органы управления, приписанные к губернскому городу. В соответствии с предписаниями «Учреждений для управления губерний …» губернский город одновременно вмещал в себя два уровня учреждений: общегубернский, ответственный за функционирование всей ее территории, и уездный, что было вызвано острой нехваткой городов. Это относилось даже к столичным центрам. В итоге низшие административные учреждения размещались не только в уездных, но в губернских и даже столичном городах. Кроме того свою роль играл еще один фактор – традиционная тесная связь города и уезда, который без него не существовал.

В губернском городе функционировали следующие учреждения и лица[228]. *Губернатор* (государев наместник, генерал-губернатор, в отсутствии императора – главнокомандующий) являлся главой региона. *Губернское (наместническое) правление* – орган административного управления при губернаторе был коллегиальным: губернатор («государев наместник»,

[225] Там же. С. 231.
[226] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 576. Л. 1.
[227] ПСЗ-I. Т. XX. № 14392. С. 232.
[228] Там же. С. 231–233, 286–287.

генерал-губернатор, правитель наместничества) и два советника губернатора[229].

Палата уголовного суда (губернский судебный апелляционный орган) рассматривала спорные дела нижестоящих судов и выносила решения по особо опасным преступлениям[230]. *Палата гражданского суда* представляла собой аналогичный орган, но рассматривавший гражданские дела[231] (в составе также назначавшихся председателя, двух советников и двух асессоров).

При Губернском правлении, палатах гражданского суда и уголовного находились губернские прокурор, стряпчий уголовных дел (при губернском прокуроре, вел дела в Палате уголовного суда), стряпчий казенных дел (при Казенной палате)[232], а также *Палата для домостроительных дел и управления казенных доходов императорского величества.*

Особую роль играла *Казенная палата* – финансовое учреждение губернии.

Расписание предусматривало наличие коменданта, ведавшего гарнизонными войсками и одновременно исполнявшего роль городничего.

При губернии состоял *Верхний земский суд*, который «по обширности губернии» мог быть продублирован. Первый департамент Верхнего земского суда вел уголовные дела, второй – гражданские. Верхнему земскому суду подчинялись *Уездные суды*, *Дворянские опеки* и *Нижние земские суды* «его окружности». При Верхнем земском суде «определялись» прокурор, стряпчий казенных и стряпчий уголовных дел.

Для дворян был учрежден особый сословный губернский суд – учреждение второй инстанции для рассмотрения в апелляционном порядке гражданских и уголовных дел[233].

---

[229] Государственность России (конец XV – февраль 1917 г.): словарь-справочник. М., 1996. Кн. 1. С. 321.

[230] Там же. М., 2001. Кн. 3. С. 290–291.

[231] Там же. С. 287.

[232] Там же. С. 290.

[233] Там же. Кн. 1. С. 58.

Решение городских дел входили в ведение *Городовой магистрата* при котором функционировал *Городовой сиротский суд* (такой же был в уездном городе). При этом главным в решении внутригородских проблем выступал Губернский магистрат – сословный апелляционный суд для городских сословий всех городских поселений губернии. Помимо него вводилась система сословных судов[234]. В подчинении Губернского магистрата находились работавшие в губернии *Городовые магистраты*, *Сиротские суды* и *Ратуши*.

В структуру губернского центра вводился *Приказ общественного призрения* – государственный орган, ведавший вопросами создания и функционирования образовательных, медицинских и благотворительных заведений. Данное учреждение создавалось по одному в каждой губернии[235].

Кроме того для решения сложных и спорных судебных вопросов (например, ответственность за преступления, совершенные умалишенными или несовершеннолетними, оскорбления детьми своих родителей и целый ряд др.) устанавливался *Совестный суд*, принимавший решения на основании личной оценки, т.е. «по совести»[236].

В уездном городе в соответствии с «Учреждением для управления губерний …» функционировало также значительное число учреждений и лиц[237]. Так, при наличии военного гарнизона имелся комендант (в случае его отсутствия – городничий), который выполнял одновременно две функции: главы гарнизона и начальника гражданской администрации[238].

Под началом городничего – главы городской полиции – находились штатные команды городов, а также в условиях чрезвычайных ситуаций («для предохранения общего блага от опасности»)[239]. Важную роль играл уездный

---

[234] Государственность России (конец XV – февраль 1917 г.). Кн. 1. С. 306; *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России // История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 136.

[235] Там же. С. 276.

[236] Государственность России (конец XV – февраль 1917 г.). М., 2001. Кн. 4. С. 129–131.

[237] ПСЗ-I. Т. XX. № 14392. С. 231–233, 287.

[238] Государственность России (конец XV – февраль 1917 г.). М., 1999. Кн. 2. С. 255–256.

[239] ПСЗ-I. Т. XX. № 14392. С. 256.

казначей с казною – лицо, лично ответственное за казенные финансовые операции, сбор, сохранение, и выдачу государственных сумм.

Наряду с этим при городах «заводилась» система судов, иерархически выстроенная как по административно-территориальному принципу, так и по принципу сословной принадлежности. Так, в частности, уездный (окружной) суд уезда (уездного города) представлял собой местный суд первой инстанции для дворян по мелким уголовным и гражданским делам[240]. Кроме того при каждом из них для поддержки дворянских вдов и малолетних детей учреждалась Дворянская опека. Помимо них на уездном уровне функционировали: т*орговый словесный суд* (торговые дела)[241], *городовой сиротский суд* (опекой над сиротами и вдовами купеческого и мещанского сословий)[242]. Также Городовой магистрат брал на себя функции коммерческих судов[243].

Центральными органами городского управления являлись *Городовые магистраты уездных городов.* По мнению историка И.И. Дитятина, они являлись «почти исключительно учреждениями судебными» (решали споры только в среде «сословия купцов и мещан») и административно-финансовыми (наблюдали как «за раскладкою всякого рода государственных сборов и пошлин, так и за сбором их»)[244]. Однако Н.В. Середа, исследование которой основано на местном делопроизводстве, показала, что функции городовых магистратов были значительно шире. По сути, данные структуры являлись административно-судебными учреждениями[245]. Многообразие их форм и масштаб напрямую зависели от исторических корней каждого конкретного города[246].

Особую роль имела административная структура столичных городов. В этом качестве выступали два центра – Москва и Санкт-Петербург. Оба они

---

[240] Государственность России (конец XV – февраль 1917 г.). Кн. 4. С. 265.
[241] Там же. Кн. 4. С. 238.
[242] ПСЗ-I. Т. XXII. № 16187. С. 362.
[243] Государственность России (конец XV – февраль 1917 г.). Кн. 1. С. 254–255.
[244] *Дитятин И.И.* Устройство и управление городов России. Т. 1. С. 214, 396.
[245] *Середа Н.В*. Указ соч. С. 88.
[246] Там же. С. 430.

одновременно являлись и столицами, и центрами губерний, и уездными городами, поэтому здесь присутствовали властные структуры всех административных уровней. Однако в отличие от двух последних, функционировали еще и общегосударственные, столичные структуры. Первым из них выступал сам российский монарх, затем шли наместники (генерал-губернаторы), которые по сути заменяли собой «монарха в вверенных им регионах». По той же причине в Первопрестольной был «главнокомандующий», т.е. руководитель столичного города. Он управлял августейшим городом-резиденцией исключительно потому, что в данный момент там отсутствовала императрица.

Особый статус этих городов имел и иные выражения. Так, московскую полицию (по правилам столичного города) возглавлял, как и в Санкт-Петербурге, обер-полицмейстер. В Москве публиковались сообщения о покупке имений с целью выявления в течение двух лет спорных вопросов[247], действовал Верхний надворный суд, который учреждался только в столицах. В его работе принимали участие семь человек. Возглавляли этот орган власти первый и второй председатели (на это время считались «лицами шестого класса»). Кроме них было два советника (лица «седьмого класса») и четыре асессора («девятого»).

Таким образом, даже в преддверии реформы города столичный статус Москвы в официальных документах выступал не только как формальное обозначение, а существовал в сознании и повседневной жизни всего российского общества[248].

Городское поселение посад, наряду с другими, присутствует на страницах «Учреждения для управления губерний …». Здесь императрица не дала оценку особенностям и характеру данного типа, но представила «приписанные» ему местные органы управления. Так, учреждались Ратуши

---

[247] ПСЗ-I. Т. XX. № 14392. С. 247.
[248] *Болотов А.Т.* Указ. соч. Т. 3. С. 8; РГАДА. Ф. 1355. Оп. 2. Д. 120. Л. 1.

(в отличие от городов, где были Магистраты)[249] и Словесный суд. Максимальный срок разбирательства по делу был установлен в восемь дней[250].

Данная в документе такого уровня характеристика посада свидетельствует о заметной роли аналогичных структур в поселенческой сети страны. В скором времени власти использовали эту форму как промежуточную между городом и деревней, давая тем самым возможность нечастновладельческим торговавшим крестьянам оформиться в городские сословия. Первыми в этом процессе стал Сергиев Посад, а также приравненные к посадам по своим правам ямской Клин (на том же основании с соблюдением статуса города) и подмосковная экономическая деревня Рубцово. Пример оказался заразителен, и чуть позже о получении статуса посада самостоятельно и весьма настойчиво будут просить жители населенных пунктов Владимирской[251], Калужской[252] и других губерний.

Необходимость размещения в городе (уже к началу открытия губернии и уезда) соответствующий административных структур, ставила перед местными властями задачу подготовки присутственных мест для их работы. Это явилось не только обязательным условием проведения реформы, но и одной из главных трудностей при реализации программы реформирования, а также показателем эффективности местного главы.

В «Учреждениях для управления губерний…» содержится и перечень функций городов. Второй по значимости (после административной) была *финансовая функция*. Собиравшиеся с уезда казенные доходы предписывалось хранить в уездном городе (за это лично отвечал уездный казначей). Существовали обязательные предписания к созданию в каждом из таких городов специальной кладовой для содержания только уездной денежной казны и только в полном объеме, для чего требовалось построить

[249] ПСЗ-I. Т. XX. № 14392. С. 232.
[250] *Четырина Н.А.* Указ. соч. С. 112–113.
[251] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 640, ч. I. Л. 127.
[252] Там же. Д. 638. Л. 90.

(или взять в аренду) каменное здание, вход в которое был бы защищен надежными замками[253].

Данное сооружение быстро становилось обязательной частью инфраструктуры уездного города, а сама казна – объектом заботы и постоянных отчетов местных властей, а также целью многочисленных проверок разных ревизоров, вплоть до членов Сената.

Вторым предметом повышенного интереса верховной власти и ее ревизоров являлись работы «хозяев» губерний и их городов по пополнению и сохранению *стратегических государственных товаров – хлеба и соли*. Запасы этих двух жизненно важных продуктов находились, как правило, в губернском городе, но могли сосредоточиваться и в уездных центрах, причем их «всякий недостаток» находился под контролем лично губернатора[254].

В итоге обязательным атрибутом губернских городов становились так называемые хлебные и соляные магазины. Упоминание о них, в частности, осталось в наименовании улицы Солянки в Москве, возникшей задолго до реформ Екатерины II, но тесно связанной с этой функцией города. Кроме того, к той же категории относились и запасы казенного «вина», хранившегося по уездным центрам.

В «Учреждении для управления губерний Всероссийской империи» (1775 г., 7 ноября) – центральном программном документе, расписывавшем новую функциональную структуру города, отсутствует параграф (или пункт), особо предписывающий учреждение по городам *городских тюрем («острогов»)*. Однако пенитенциарные заведения выступали как привычный и обязательный атрибут городского пространства, что подтверждается тем же источником, в котором пенитенциарные заведения города упоминаются многократно[255]. Система город – тюрьма давно сложилась в

---

[253] Учреждение для управления губерниями Всероссийской империи (1775 г., 7 ноября) // ПСЗ-I. Т. XX. № 14392. С. 242

[254] Там же. С. 237.

[255] ПСЗ-I. Т. XX. № 14392. С. 279, 281 и т.д.

административной практике России и воспринималась как само собой разумеющееся явление.

Целая группа обязательств города была сопряжена с деятельностью учреждавшегося в каждом губернском центре *Приказа общественного призрения.* Для его функционирования требовалось создать восемь типов подведомственных ему профильных заведений: народные школы, сиротские дома для «оставшихся после родителей без пропитания», госпитали (или больницы), богадельни (для увечных и престарелых, «кои пропитания не имеют»), дом для сумасшедших и «особый» – для призрения неизлечимо больных, а также дома работные и смирительные[256].

Все эти структуры очень быстро стали обязательным атрибутом губернского центра. «По всем городам» (в том числе уездным) предписывалось целенаправленно создавать также *«народные школы»*[257]. Обучение здесь было добровольным, но с согласия родителей. Плата предполагалась умеренная для имущих слоев и могла полностью отсутствовать для бедных. Круг предметов обозначался следующим перечнем: грамота, рисование, письмо и арифметика.

Как особые «общие дома для воспитания» учреждались *Сиротские дома*[258]. Впрочем, в источнике сразу же оговаривалось, что устроение подобных заведений могло оказаться непосильной ношей для Приказа общественного призрения, который, выделив деньги и устроив один такой дом, оставался без средств и возможности проявить заботу относительно всех сирот. В таком случае рекомендовалось раздавать детей «за умеренную плату» в семьи «надежным, добродетельным и добронравным людям».

Особым параграфом предполагалось учреждение при «многолюдных городах» губернии *«Гошпиталей» или больниц*[259], что означало, по сути, обязательную принадлежность больницы к каждому губернскому центру.

---

[256] Там же. С. 271.
[257] Там же. С. 272.
[258] Там же.
[259] Там же. С. 272–273.

«Всякого звания» бедных и неимущих предписывалось принимать в них за деньги, прочих – по умеренной плате, но только на свободные места[260].

Забота о создании на местах медицинской службы «проистекала» не только из просветительских и рационалистических взглядов императрицы и ее века. Населению огромной страны постоянно угрожали самые разные опасные болезни. Речь шла не только о простудах и травмах: по России неоднократно прокатывались эпидемии. Поскольку за пределами столиц врачей, как правило, не было, то «местные правители» порой даже не знали, какая беда в очередной раз истребляла подконтрольное им население. Так, в феврале 1782 г. на фабрике, отстоявшей от Первопрестольной на 75 верст, из 1 тыс. работников «слегло» не менее 50 человек, причем 16 лежали в «горячке»[261]. Единственным «средством борьбы» властей с болезнью стал штаб-лекарь. Его и отправили к умиравшим людям, но не столько для лечения (что было просто невозможным из-за отсутствия необходимых сил и средств), сколько «для освидетельствования степени опасности»[262].

Особый интерес Екатерины II к медицинской службе в городах был вызван тем, что именно они, являясь центрами своих уездов, должны были превратиться в базу их медицинского обслуживания.

Другой формой заботы о населения стали *богадельни*[263], предназначавшиеся для содержания «убогих, увечных и престарелых, кои пропитания не имеют». «Устроение» предполагалось в «наиболее населенных» административных центрах. Допускалась и адресная помощь в тех местах, «где в оных нужда состоит», тем более что многие российские богадельни давно уже функционировали по такому принципу.

Еще одной формой общественного призрения, предусмотренного реформой, был *«Особый дом для неизлечимых больных, кои пропитания не*

---

[260] Там же. С. 276.
[261] Там же. Д. 575, ч. I. Л. 6 об.
[262] Там же.
[263] ПСЗ-I. Т. XX. № 14392. С. 273.

имеют»[264]. Выражаясь современным языком, – это хоспис. Таким образом, реформа Екатерины II предвосхитила появление подобных лечебно-благотворительных учреждений. Правда, цели «Особого дома…» заключались не только в оказании умирающим последней помощи, сколько предоставлении элементарного «покрова, прокормления, услужения», так как рассчитан он был исключительно на людей полностью обездоленных. Кроме того, удаление «неизлечимых неимущих» из больниц давало возможность освободить места для лиц, которых можно было еще спасти.

В рамках системы общественного призрения в уездных центрах было предписано учредить *Дом для сумасшедших*[265] и *работные дома* (§ 390)[266]. В последнем случае власть рассчитывала, что каждый из них «дабы работою доставит прокормление неимущим». Кроме того, здесь содержали тех, кого специально присылали «на время, или навсегда» за разные проступки.

Особым параграфом предписывалось устроение *Смирительных домов*[267] для содержания лиц «непотребного и невоздержанного жития». Поместить человека в смирительный дом могли на время или навсегда по решению губернского правления, приговору судебного органа, просьбе родных и близких, а также по желанию помещиков, высказавшихся в отношении своих крепостных. Содержание прибывших в смирительный дом осуществлялось за счет отправивших их туда родителей, родственников или помещиков. В случае прекращения поступления средств «провинившихся» тут же освобождали.

При создании социальных структур, входивших в ведение Приказа общественно призрения, делалась ставка на привлечение к финансированию частных лиц или общественных (сословных) органов: «буде же случится, что

[264] Там же. С. 273–274.
[265]Там же. С. 274.
[266] Там же.
[267] Там же. С. 274–275.

частный человек, или какое общество, или город или селение, захотят установить которое-нибудь из вышеописанных учреждений»[268].

Бесспорно, без помощи меценатов развитие в городах медицинских, образовательных и благотворительных структур было бы просто невозможно. По подсчетам Н.В. Козловой (специально занимавшейся вопросами социального призрения в Москве), в начале 1780-х годов более 25% богаделен были учреждены частными лицами[269].

Третий этап проведения реформы города (акты 1782 и 1785 гг.) связан с двумя масштабными проектами: «Уставом благочиния» (1782 г.) и «Грамотой на права и выгоды городам Российской империи» (1785 г.).

После «Учреждений для управления губерний …» «Устав благочиния или полицейский» (8 апреля 1782 г.) стал вторым по значимости законодательным актом, определявшим направление реформы. Согласно ему каждый город получал свой полицейский орган (Управа благочиния, или Полицейская управа) в составе городничего, пристава уголовных дел, пристава гражданских дел и двух ратманов. В столицах главой управы был полицмейстер. Если в городе присутствовал обер-полицмейстер, то полицмейстер стоял ниже его, но выше приставов. То же правило распространялось на обер-коменданта и городничего[270].

Для удобства полицейского управления город («смотря по местоположению или обширности») делился на полицейские части (по 200–700 дворов), каждую из которых возглавлял частный пристав. Из «граждан» (представителей городских сословий) избирался один или более судей Словесного суда для разбора гражданских дел «ниже 25 рублей»[271]. Кроме того, отдельной части предписывалось иметь по одному частному маклеру,

---

[268] ПСЗ-I. Т. XX. № 14392. С. 275–276.
[269] *Козлова Н.В.* Люди дряхлые, больные, убогие в Москве XVIII века. М., 2010. С. 61.
[270] ПСЗ-I. Т. XXI. № 15379. С. 462.
[271] Там же; Государственность России (конец XV – февраль 1917 г.). Кн. 4. С. 118.

одной «безденежной» народной школе и одному брандмейстеру или огнегасительному мастеру[272].

Части делились на несколько кварталов (50–100 домов), во главе каждого из них назначался квартальный надзиратель с помощником в лице квартального поручика. Прокурорский надзор за городской полицией возлагался на уездного стряпчего, подчинявшегося губернскому прокурору[273].

Если город не отличался значительными размерами (а таких в России было большинство) и имел в своем составе 100–200 дворов, деление на части не вводилось; вся его территория объявлялась одним единственным полицейским кварталом. Однако иногда города сохраняли старую феодальную структуру деления на крепость и посады, которые все чаще стали объединять общим наименованием «предместье». Активная хозяйственная и повседневная жизнь присутствовала и на территории кремля, со своим населением и со своими точками активности, и на посадах-пригородах. В данном случае «Устав благочиния …» предписывал «город» (крепость) устраивать как отдельный квартал. Предместье (бывшие слободы) также превращались в отдельный квартал или дробились на несколько таковых, в зависимости от имевшихся обстоятельств, величины, местоположения и происхождения населения[274].

Перед управой ставились задачи обеспечения общественного порядка, поддержания в исправном состоянии и функционирования транспортной инфраструктуры города (мосты, улицы, дороги и переправы). Это единственный аспект деятельности, на который «Устав благочиния…» указывал дважды, что свидетельствует об особом к нему отношении. В функции управы входил самый широкий перечень обязанностей, направленных на поддержание безопасности людей и законности торговли: недопущение проникновения в город контрабанды; контроль над ценами в

[272] ПСЗ-I. Т. XXI. № 15379. С. 469–470.
[273] Там же. С. 462.
[274] Там же.

городе, в первую очередь на хлеб, а также на прочие съестные товары («харч»); постоянный их мониторинг и официальная фиксация в конце каждого месяца; обеспечение контроля над наличием точных торговых мер и весов, их клеймение и наказание обманщиков; борьба с укрывательством беглых; и др. Управа боролась с преступлениями и предупреждала их, вела уголовный сыск, обеспечивала «доброе гражданское согласие» между жившими в городе представителями всех вероисповеданий.

В деле поддержания общественного порядка («должны поспешествовать доброму порядку») в городе согласно § 74 «Устава благочиния») были задействованы ряд органов: Управа благочиния, Уездный суд, Дворянская опека, Нижний надворный суд (если он был), а также уездный казначей, Городовой магистрат, Городовой сиротский суд, Нижняя расправа, Нижний земский суд и земский исправник[275].

Важное место в системе полицейского надзора должен был занять *частный пристав*[276], который заведовал всеми полицейскими делами в своей части.

Если частный пристав напрямую подчинялся городничему, то служивший в следующем нижестоящем полицейском округе *квартальный надзиратель* находился в двойном подчинении (и городничего, и частного пристава). К его основным обязанностям относились: контроль за порядком в квартале, проживанием в нем или вблизи него.

Из числа «граждан» городской части выбирался один или несколько *судей Словесного суда*[277]. В их компетенцию входил разбор гражданских дел «по словесной просьбе» (без волокиты в виде письменного заявления и большого делопроизводства).

Данные требования добавляли в перечень обязанностей местных властей подготовку всех прописанных структур, снабжение их всем необходимым, для выполнения своей задачи, проведение административное

[275] ПСЗ-I. Т. XXI. № 15379. С. 469.
[276] Там же. С. 470–473.
[277] Там же. С. 475–476.

деление города. При этом реализация данного плана создавала новые трудности. В первую очередь связанных с вопросом финансирования и комплектования.

Вторым законодательным актам, придававшим городу-административному центру завершенный вид на данном этапе является «Грамота на права и выгоды городам Российской империи» [278], которую нередко именуют как «Жалованная грамота городам», хотя официально она так никогда не называлась[279].

Данный документ является важнейшим законодательным актом, призванным упорядочить структуру городского общества в трактовке его населения как единой всесословной общины[280]. Однако в «Грамоте на права и выгоды городам …» имеются характеристики приписываемых городу функций и форм их реализации. Наибольшее количество информации по этой теме содержится в разделе «А. Городовое положение»[281], где описаны наиболее важные атрибуты города, предписанные к непременному учету и поддержанию. Дальнейшие разделы затрагивают иные темы, в частности, в них содержится характеристики статуса, прав представителей городских сословий (городовых обывателей) и подобные вопросы[282].

Первый пункт «Грамоты на права и выгоды городам …» гласил: «город строить по утвержденному плану за подписанием руки Императорского Величества»[283]. За поселением закреплялось право получить в собственность земельные владения в границах отмежеванной за ним территории[284]. К тому времени, благодаря отправленным еще в 1767 г. в Уложенную комиссию

---

[278] Там же. Т. XXII. № 16187. С. 358–384.

[279] Иванова Н.А., Желтова В.П. Указ. соч. С. 363.

[280] П*исарькова Л.Ф.* Развитие местного самоуправления в России до великих реформ ... С. 27–28.

[281] ПСЗ-I. Т. XXII. № 16187. С. 359–360.

[282] Такое пристальное внимание к городским сословиям понятно. Екатерина II проводила не только реформу городов (в рамках губернской реформы), но и реформирование (упорядочивание и унификацию) доставшегося ей в наследство многообразного населения городов, состоявших из разношерстных профессиональных и феодальных групп, переживших свое время.

[283] ПСЗ-I. Т. XXII. № 16187. С. 359.

[284] Там же.

наказам, российское правительство имело полное представление о значении угодий для жизни городов[285]. Требование угодий, по мнению специально исследовавшего купеческие наказы А.В. Демкина, купцы отстаивали «четко и определенно»[286].

Городу как обязательное условие его существования предписывалось учреждать на своей территории школы. Особо подчеркивалось, что это требовалось на основании «Учреждений для управления губерний …» и иных установлений[287].

За городом официально закреплялась прерогатива выступать в качестве местного уездного рынка. Наиболее благоприятные условия для торговли получали землепашцы-торговцы его уезда. Именно им даровалось право «свободно» ввозить «свои произрастания, рукоделия и товары в город» и вывозить «потребное для них из города».

Дополнительно подчеркивалась обязательность возведения (выделения или аренды) в городе особых, специально выстроенных зданий для размещения в них органов городского и сословного управления, а также связанных с ним институтов. В первую очередь это «дом градского общества» для проведения собраний. Несмотря на необязательность формулировки («дозволялся иметь»), такое сооружение было просто необходимо для реализации ряда задач: регулярных собраний, хранения собственной казны и архива.

Указывается в документе и на функционирование городов как *духовных религиозных центров,* причем не только православия, но и иных конфессий. «Устав благочиния …» специально предписывал «всем и каждому» проявлять уважение к иным вероисповеданиям[288]. Свободное совершение «инославных» религиозных обрядов подтверждалось и в «Грамоте на права и выгоды городам …» («дозволяется иноверным,

---

[285] *Демкин А.В.* Купеческие наказы 1797 г. в Уложенную комиссию. С. 227.
[286] Там же.
[287] Там же. С. 360.
[288] Там же. Т. XXI. № 15379. С. 478.

иногородним и иностранным свободное отправление веры»)[289], а также в других узаконениях Екатерины II[290].

Особой обязанностью управления города было его «украшение»[291] – общий внешний вид, и в первую очередь наличие знаковых зданий, подтверждавший статус поселения.

Заключительный этап реформы города приходится на правление Павла I, а также первых лет правлении Александра I. Последний не вносил никаких законодательных основ в дальнейший процесс, но, по сути, завершил его, окончательно закрепив достигнутый результат. Он передал решение спорных вопросов о статусе поселения (и тем самым оформления окончательной сети городов и городских центров!) в руки местных администраторов, которые по своему усмотрению и на свою ответственность окончательно оформили число поселений и их статус. Это естественно не допустило возникновения дополнительных «узаконений».

В отличие от Александра I Павел I со всей присущей его натуре экспрессивностью, пошел по пути написания очередных законодательных бумаг. При этом изменения, этим императоом в устройство городов страны, по давно устоявшейся традиции чаще всего именуются контрреформами («политика Павла I, нацеленная на сворачивание перспективной сословной программы Екатерины II»[292]). Иными словами, они представлены как попытка государя отбросить Россию назад, неразумно отказавшись от наследия нелюбимой матери. При этом необходимо отметить, что в библиографии уже давно устоялась оценка что Павел I стремился проводить определенную целенаправленную политику, которая могла как отрицать, так и продолжать курс Екатерины II. Сейчас важно понять какова была политика Павла I про отношении к реформе города его матери.

---

[289] Там же. Т. XXII. № 16187. С. 369, 379–380.

[290] Законодательство Екатерины II. Т. 1. С. 973, 975–976, 978–979, 989, 996–997, 1006, 1008– 1009, 1012, 1014, 1035, 1037–1039.

[291] Там же. С. 382.

[292] *Анисимов Е.В.* Россия при Павле I // Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. М., 2006. С. 180.

Применительно к оценке характера города (выявления присущих ему функций и внешних форм) наибольший интерес представляют два документа, увидевшие свет в правление Павла Петровича: «Устав столичного города Санкт-Петербурга» (12 сентября 1798 г.) и «Высочайше утвержденный устав столичного города Москвы» (17 января 1799 г.).

«Устав столичного города Санкт-Петербурга» весьма показателен для оценки приятия и преемственности курса Пава I достижениями его матери в вопросе формирования нового города. В данном документе было подтверждено и развито многое из того, что ранее сделала Екатерина II. Например, план города и соответствующих ему новых строений[293]. При этом как и прежде, особо подчеркивалась важность выполнения городами транспортных функций (состояние мостов и перевозов), что одновременно являлось и условием жизни поселения, и обеспечением национальной транспортной инфраструктуры[294]. Но выступало и как часть инфраструктуры города, и как его непосредственная обязанность. Кроме того делался упор на развитие пожарной городской службы и ее снабжение необходимым инструментом, что также активно внедряла, но не успела закончить императрица.

Что характерно для замыслов Павла I – он стремился расширить проект матери, привлекая для этого дополнительные силы[295]. Цели Екатерины II повторялись и в задачах Комиссии о снабжении «столичного города Санкт-Петербурга», обязанной контролировать цены на главные продукты питания и «устраивать» запасные магазины[296], чтобы не допускать дороговизны и возмущения[297], что обязательно присутствовало в работе администраторов на местах и в правление императрицы.

Кроме того, налицо использование и другой черты предыдущего правления в виде совмещения и взаимного обоснования двух качеств

[293] ПСЗ-I. Т. XXV. С. 376.
[294] Там же. С. 377.
[295] Там же. С. 378.
[296] Там же. С. 371.
[297] Там же. С. 380.

«столиц»: наличие в городе резиденции императора и применение к нему звания столичного города. Например, Санкт-Петербург неоднократно характеризуется в документе исключительно как «резиденция» государя[298].

Важной частью городской жизни при Павле I были признаны чистота и освещенность улиц, т.е. то, чего традиционно не хватало русским городам, однако именно в правление Екатерины II целенаправленно приступили к решению данной задачи. Ее реализация по-прежнему оставалась в ведении городской полиции [299], а не общественных служб, так как они (как собственноручно писала императрица) не обладали для того необходимыми «основаниями»[300].

Развитие екатерининского наследия осуществлялось в виде передачи функций. Так, учет приходившей в город рабочей силы «перешел» от муниципалитета к полиции[301], а находившиеся в ведении Приказа общественного призрения госпитали, богадельни и другие учреждения социальной сферы – Камеральному департаменту городского правления. В столице, помимо пожарной команды, начала формироваться еще и мостовая команда[302].

Отдельное внимание Павел I уделял такой острой проблеме функционирования города, как размещение на его территории воинского гарнизона и наличие необходимых для того помещений (казарм и квартир)[303].

«Высочайше утвержденный устав столичного города Москвы», по сути, повторял «Устав столичного города Санкт-Петербурга», что указывает на идентичность статуса обоих городов. Данное обстоятельство проявляется, в частности, при рассмотрении вопроса о снабжении припасами императорской резиденции: Департамент Комиссии снабжения «столичного

[298] Там же. С. 370–373.
[299] Там же. С. 377.
[300] РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 21. Л. 22 об.
[301] ПСЗ-I. Т. XXV. С. 373.
[302] Там же. С. 372–373.
[303] Там же. С. 371, 381–382.

города Москвы» «долженствует быть под ведомством» Комиссии о снабжении припасами «столичного города Санкт-Петербурга»[304].

Как и в «северной столице», в Москве предписывалось контролировать цены на продовольствие, устраивать запасные магазины, не допускать «перекупов и других злоупотреблений»[305]. Назначался контроль над обеспечением работы тюрем, госпиталей, трактиров, постоялых дворов и богаделен[306]. Император требовал следовать важнейшим (также утвержденным еще его матерью) нормам, которые, как мы увидим далее, действительно неоднократно нарушались. Речь идет о конфирмованном плане города Москвы, правилах работы пожарной службы, требованиях к функционированию города в качестве узла важных транспортных коммуникаций, о чистоте и освещенности улиц[307].

В Москве Павел I намеревался решить вопрос обеспечения солдат и офицеров казармами и казенными квартирами[308], освободив жителей города от тягости постоя. Несмотря на крайне непродолжительный период своего правления, император многое в данной сфере осуществил.

Таким образом, анализ действий Павла I нельзя сводить исключительно к памяти, который он оставил о себе в мемуарной литературе (в чем мы вполне согласны с Л.Ф. Писарьковой). Несмотря на быстроту и «нервичность»[309] этого императора, он не столько стремился полностью ликвидировать достижения своей матери – Екатерины Великой, сколько желал навести порядок в доставшемся ему наследстве, в том числе отказаться от той его части, которая уже при предшествовавшем правлении оказалась несовершенной. По сути, сын продолжил дело матери, совершенствуя введенную ей новую, а, следовательно, априори несовершенную систему,

---

[304] Там же. С. 528.
[305] Там же. С. 529, 538.
[306] Там же. С. 531.
[307] Там же. С. 528, 535–537.
[308] Там же. С. 539–540.
[309] *Писарькова Л.Ф.* Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века ... С. 527.

которая с течением времени проявила как свои сильные, так и слабые качества.

Иными словами справедливо будет считать административные преобразования 1797 г. не откатом и даже не внесением изменений, а развитием и усовершенстова6рием начатого. Исследовавшая развитие системы государственного управления Л.Ф. Писарькова оценивала «преобразования 1797 г. по своему характеру» как «новую губернскую реформу»[310]. Вместе с тем Павел I (если не оценивать его личность, психотип или комплексы) показал себя реалистом, который объективно видел положение дел, что отразилось и в утвержденных им законодательных актах.

* * *

Уже в начале XVIII в. властям была осознана проблема отсутствие у города инструментов для выполнения им обязанностей полифункционального административного центра, который бы соответствовал условиям и задачам современности. Работы в этом направлении были предприняты уже Петром I, но в связи с особенностями того исторического времени и относительной непродолжительностью правления великого реформатора, решены они так и не были. Хотя первый русский император успел наметить отдельные наиболее важные направления (систему государственного управления, полиция, развитие западноевропейской культуры как часть столичной функции).

Во многом проблема развития города на данном этапе была даже шире задач создания набора наиболее важных функциональных институтов. Восемнадцатое столетие, занявший в истории нашей страны место на стыке Средневековья и Нового времени, ставил перед руководством государства задачу ответить на вопрос «что есть город», сформулированный Екатериной

[310] Там же.

II. Необходимо было преобразовать города под задачи Нового времени, создать структуру способную решать наиболее злободневные проблемы: управление, обеспечение большей хозяйственной активности, снижение рисков (пожары, эпидемии) и т.д.

Переход к продуманному и планомерному решение этой давно назревшей проблемы целиком ложились на плечи императрицы Екатерины II. Без сомнения она давала себе отчет в том, что власти не имеют не только точного представления о числе городов[311], но и о характере нового городского поселения[312]. При этом речь шла как о сословной организация жителей, так и о функционировании города как места решения целого комплекса задач самого широкого спектра. Начиная от управления и правопорядка, и кончая социальной работой и просвещением. Работа по преодолению этих масштабных и системных недостатков была начата Екатериной II буквально с первых лет ее восшествия на российский престол.

С этой целью и была предпринята административно-территориальная реформа, для достижения которой требовалось подвергнуть кардинальной трансформации и сам город, его внутреннюю структуру. В итоге в рамках преобразования системы территориального управления шла масштабная самостоятельная реформа – реформа города. Она не возникла на пустом месте и была подготовленная целым комплексом государственных постановлений, которые затем систематически реализовывались на практике.

Проводя административную реформу, правительство параллельно с ней осуществляло полномасштабную реформу города. Речь в данном случае идет не о давно изучаемым и широко известным преобразованиям по упорядочиванию весьма запутанной, доставшейся от предыдущей эпохи структуры городских слоев, которая изучена как городская реформа Екатерины II.

---

[311] Хитров Д.А. Изменения в уездном делении России в 1760-х гг. и подготовка губернской реформы Екатерины II // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Выпуск 4: Четвертые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 26 октября - 1 ноября 2015. М., 2015. С. 523.

[312] Екатерина Вторая. О величии России: (избранные сочинения). М., 2006. С. 127.

Реформа города была направлена на определение функций города (административных и хозяйственных), а также создание городской инфраструктуры и органов, которые должны были обеспечить выполнение городом приписанных ему функций. К ним относились: административное управление и его инфраструктура (в том числе создание необходимой инфраструктуры из казенных зданий, присутственных мест, иных статусных сооружений); работа полиции и пожарной службы; обеспечение условий для производства, доставки, хранения и торговли товарами государственной монополии (соль, вино); создание на местах резервов хлеба; обеспечение функционирования транспорта и связи; пенитенциарная система; лечебные заведения; социальные службы; образовательные структуры; решение вопросов усовершенствования облика и внутренней структуры города (в том числе принятие конфирмованных планов и следование им, создание регулярного города); благоустройство города (освещение, мощение, вывоз мусора); духовная (религиозная) функция города; культурная среда (город как центр культуры и ее ретранслятор); военно-картировочная функция; хозяйственная функция (торговля, производство и др.)

Хотя и не существовало особого, специального постановления, призванного сформировать город как административный центр (реформа города), эти задачи были не просто осознаны как необходимость, но меры по их реализации были прописаны в ряде законодательных актов, а также в рекомендациях, которые по разным причинам не получили статус закона, но применялись на практике и были нами выявлены. Впоследствии они будут отправлены на места, и приняты к реализации на практике, о чем говорят результаты реформы.

Глава 2.
Становление городской сети Калужской губернии

Учреждение Калужской губернии

Процесс формирования городской сети «вновьучреждаемой» губернии. Калужская губерния получила свое административное оформление первой из числа т.н. «коренных русских губерний» (территории в трактовке рубежа XVIII – XIX вв., составляющий основу исторического центра страны, совпадающего с Волго-Окским междуречьем[313]).

При этом вошедшие в ее состав территории (и города) имели определенное отличие от остальных частей данного исторического региона. Это было вызвано, в том числе, и их положением на исторической карте страны. Земли верхней Оки (Заоцкие или Верховыми княжества) выступавшие приграничными территориями между двумя противоборствующими силами – Великим княжеством Литовским и Великим княжеством Московским, перейдя в вассальную зависимость к которой только в начале XVI в.[314] Данное отстраненное положение по отношению к центру, сохранялось и в последствии – Калужские земли оказались вне центрального т.н. Замосковного края, развивающегося в XVII в., куда вошли территории Великого княжества Владимирского и Московского[315].

Территории края исторически закрывали центр Российского государства как от соседей с Запада, так и с Юга, что сформировало их

---

[313] *Корнилов А.А.* Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 28.

[314] *Тихомиров М.Н.* Средневековая Россия на международных путях. XIV – XV вв. // Древняя Москва. XII – XV вв.; Средневековая Россия на международных путях. XIV – XV вв. М., 1992. С. 202; *Водарский Я.Е.* Расширение территории России XVI – XVII вв. // Российская империя от истоков до начала XIX века очерки социально-политической и экономической истории. М., 2011. С. 51.

[315] *Соколов А.К.* Историческая география России: учебное пособие. М., 2016. С. 80.

пространственно-территориальную специализацию. В итоге многие из бывших здесь городков-крепостиц не справились с превращением своих территорий во внутренние, и, будучи завязаны на задачах обороны, угасли. При обозрении края почти половина из них старых городов была признана непригодной даже для роди административного уездного центра («не соответствуя своему названию, ближе к виду деревень, в рассуждении не великого числа и скудности жителей, которые не имея торгов, ни отверстия к ним»[316]). Кроме того и население, не имея возможности опереться на черноземные земли (как в соседней будущей Тульской губернии) или на старые торги отличались незавидным имущественным положением («не имея в себе торгов, ни проезжаго тракта… жители… сих мест означают сущую нищету»[317]).

Это стало большой проблемой для будущих руководителей края, которые не могли изыскать требуемого число городов на роль административных центров новообразованных уездов. Это стало прочной дуалистической структуры новой Калужской губернии, состоящей по большей части из территорий бывших окраин и относительно большого северного анклава земель и городов, входивших прежде в состав Московского государства и продолжавшего испытывать тяготение к Москве вплоть до начала XX в. Показательно, что данные территории прежде входили в состав Московской провинции прежней «большой» Московской губернии Петра I, что и определяло их хозяйственную ориентацию их населения. Передача их была вызвана острой нехваткой городов для роли уездных центров. Причем положение идеалистичность края, созданное сугубо административными методами почти 250 лет назад, сохранилось и до нашего времени[318].

24 августа 1776 г. главой проектируемой Калужской губернии Екатерина II назначила бывшего Тверского губернатора Михаила

[316] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 729. Ч. I. Л. 10.
[317] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 729. Ч. I. Л. 11.
[318] *Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И.* Регионоведение: Учебник. М., 2000. С. 192.

Никитовича Кречетникова[319]. Прежде он работал под началом новгородского генерал-губернатора, талантливого администратора Я.Е. Сиверса, участвовал в проведении губернской реформы во вверенном тому крае. Таким образом, будущий наместник получил необходимый опыт и был отправлен императрицей к новому месту службы. Здесь только что утвержденному генерал-губернатору предстояло учредить новый административный регион и с опорой на него возглавить новое наместничество, в будущем объединившее три губернии (Калужскую, Тульскую и Рязанскую).

Возглавив еще не существующий край, его глава получил вместе с указом о назначении инструкцию по учреждению, которая предписывала организовать Калужскую губернию из 12 уездов, что подразумевало 12 уездных городов[320]. На их место были назначены все имевшиеся на территории проектируемого административного региона 11 «старых» (т.е. бывших прежде) городов: Калуга, Таруса, Малоярославец, Воротынск, Мосальск, Серпейск, Мещовск, Козельск, Перемышль, Лихвин и Одоев. Таким образом, место одного уездного центра оставалось вакантным. Его необходимо было занять, выбрав претендента из числа сельских поселений, подходивших на эту роль. Обязанности по решению данной задачи целиком ложились на наместника.

Основная часть городов переходила из бывшей Калужской провинции старой Московской губернии. Два города (Малоярославец и Тарусу)[321] из-за нехватки перспективных уездных центров отдала Московская провинция, которая, будучи наиболее обеспечена городами, неоднократно выступала «донором» для своих соседей. Показательно, что и спустя полтора века уезды Калужского края сохраняли самые тесные связи с Москвой, к которой когда-то тяготели. В частности это подтверждается материалами ревизий

[319] ПСЗ-I. Т. XX. № 14498. С. 408.
[320] Во всех случаях губернский город также имел свой уезд.
[321] *Клокман Ю.Р.* Социально-экономическая история ... С. 143.

московских фабрик,[322] анализ которых был проделан нами в одной из предшествующих монографических исследований[323]. К аналогичным выводам приходят и современные исследователи, в частности географы-экономисты.

«Приступившему к должности генерал-губернатора» Кречетникову высочайше предписывалось совершить объезд территории, чтобы лично ознакомиться с положением дел на местах. Главное внимание уделялось именно городам – опорным пунктам проектируемого административного края. Инспекционная поездка закончилась составлением отчета, отправленного в Санкт-Петербург 15 октября 1776 г.[324] Бумага содержала личные наблюдения («в каком состоянии города») и соображения («всеподданнейшее мнение мое») о выборе уездных центров[325]. В итоге вырисовывалась следующая картина.

Калуга полностью подходила на роль губернской столицы, так как представляла собой заметный торговый или (выражаясь словами сановника) «коммерческий» город. В нем находилось «изрядное купечество и довольное число жителей». Впрочем, мощь Калуги как хозяйственного центра была не столь уж однозначной. Кречетников оговаривался, что для превращения города в губернский центр требуется приложить усилия и затратить время: «Несомненно из одного времени в другое, а паче при таких пособиях, каковые Ваше Императорское Величество на своих верноподданных изливать изволите, может придти в лучшее состояние»[326]. Как сказали бы сегодня, чиновник просил государственные инвестиции («с некоторым всемилостивейшим вспомоществованием»)[327].

---

[322] ЦГА г. Москвы. Ф. 880. Оп. 1 Д. 210. Л. 13–27, 47–50, 59–64, 66–67, 69–71, 83–85, 87–90, 94–99; и др. дела.

[323] Белов А.В. Москва, московские пригороды, пригородные поселения во второй половине XVIII – начале XX века (процессы урбанизации сельских окраин). М.; Берлин, 2019. С. 103-104.

[324] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 729, ч. I. Л. 13 об.

[325] Там же. Л. 9 об.

[326] Там же.

[327] Там же. Л. 10.

Козельск, Перемышль и «малой Ярославец» также могли справиться со «службой» в должности городов – уездных центров. В первую очередь из-за условий «выгодного своего положения»[328], т.е. за счет внешних факторов и получаемых от них выгод, как правило, благодаря нахождению на старых, активно функционирующих дорогах. Помимо этого все три поселения признавались «изобильными», что по аналогии с Калугой можно считать признаком значительного (необходимого для статуса города) населения и реально торгующего купечества[329].

Несмотря на то, что Одоев, Лихвин, Мещовск, Серпейск и Мосальск считались «старыми» городами, генерал-губернатор обозначил их как «не соответствующие своему названию». По облику они находились «ближе к виду деревень». Численность жителей (которая и тогда, и сейчас является важным количественным показателем для отражения качества поселения) была названа даже не малой, а «скудной». Кроме того, эти древние поселения уже не были даже скромными местными региональными рынками («не имея торгов, ни отверстия к ним», «в некоторых из сих городов и еженедельных торгов нет»). Поэтому жители искали «прокормление в земледельстве» и, по образному определению Кречетникова, «чрез что… сделались худыми купцами и не хорошими хлебопашцами»[330]. В отношении всех пяти поселений планировалось принять меры для обеспечения условий их развития. Показательно, что наместник предлагал (в качестве решающей меры) внедрить здесь регулярный план, главным результатом которого виделась задача – «привесть [город] в благоустройство», которое и должно было сформировать условия для создания полноценного городского поселения. Это обстоятельство, по мнению чиновника, могло «подкрепить жителей». Другой мерой усиления городов являлось запрещение

[328]Там же.
[329] Там же. Л. 9 об.–10.
[330] Там же. Л. 10.

«еженедельных торгов» в негородских селениях (наверняка, всех в рамках намечаемого уезда), а также перенос их в официальные уездные центры[331].

Отдельно в отчете выделялись Воротынск и Таруса («Таруза»)[332]. Им также была присуща «скудность жителей»[333]. Для осознания масштаба данной характеристики можно привести следующий пример. В Тарусе на тот момент значилось 188 душ «мужеска пола»[334], в Воротынске – 461[335], а в одной из «экономических деревень» края, селе Медынское городище (ныне город Медынь), – 281[336]. К тому же Таруса оказалась лишена и прочих важных качеств уездного центра: располагалась на окраине проектируемого уезда («в самом углу» его), стояла в стороне от большой торговой дороги («проезжем тракте»), не имела еженедельных торгов (признак функционирования города как центра местного рынка). Кроме того, Таруса расположена между двумя сильными городами (Серпуховом и Алексиным), которые «перетягивали на себя» всю экономическую активность окрестных жителей[337].

Город Воротынск «терпел равною участь с городом Тарузою», по всем вышеназванным показателям. Разница состояла лишь в том, что Воротынск подавляли «по своей близости» несравнимо более сильные Калуга и Перемышль.

По сообщению Кречетникова, жители Тарусы и Воротынска представляли собой «сущую нищету». В итоге оба поселения были признаны им лишенными «всех способов к принятию вида города пристойного»[338].

Таким образом, два из предполагаемых уездных центров продемонстрировали, как писал выдающийся географ-урбанист Г.М. Лаппо,

---

[331] Там же. Л. 10 об.
[332] В источнике они именуются городами.
[333] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 729, ч. I. Л. 10.
[334] Там же. Л. 10 об.
[335] Там же. Л. 11.
[336] Там же. Л. 10 об.
[337] Там же. Л. 11.
[338] Там же.

свое «неполное служебное несоответствие»[339]. К тому же одного города не хватало изначально. Теперь необходимо было найти уже три «кандидата» на эту роль.

В качестве одного из них Кречетников предложил село экономического ведомства Медынское городище. Оно имело более значительное население (281 мужская душа), чем в Тарусе, и обладало заметными земельными владениями, что позволяло увеличить его территорию под будущую городскую застройку[340].

Дополнительным основанием для учреждения здесь уездного центра было и то обстоятельство, что в преддверии проведения реформы поселение Медынское городище формально уже исполняло службу города – возглавляло Медынский уезд, упомянутый в отчете Калужской провинции Московской губернии, подготовленный ее главой графом Ф.А. Остерманом летом 1766 г.[341] Такие случаи, хотя и полностью противоречили пониманию характера города того времени, не были исключительными (пример – экономическое село Пертовка будущей Ярославской губернии)[342].

Глава формируемого края намеревался ликвидировать Воротынск и Тарусу, не обладавших достаточными признаками и качествами города, а их население «перевести во вновьучреждаемую Медынь». В качестве компенсации и помощи в обустройстве на новом месте переехавшие должны были получить «на два года увольнение от податей». Оставшиеся от них земли предполагалось «с публичного торгу продать» и за счет вырученных

---

[339] Лаппо *Г.М.* Административно-территориальное деление и города-центры // География. 2002. № 15 URL: https://geo.1sept.ru/article.php?ID=200201505 (дата обращения: 07.04.2021); Он же. Города – центры единиц административно-территориального деления России // Демоскоп Weekly: электронная версия бюллетеня «Население и общество». 2005. № 217–218, 10–23 окт. URL: www.demoscope.ru/weekly/2005/0217/analit02.php (дата обращения: 07.04.2021); Он же. Россия и ее регионы в XX веке: территория - расселение - миграции / Под ред. О. Глезер и П. Поляна. М., 2005 С. 110.

[340] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 729. Часть I. Л. 11.

[341] Там же. Д. 569. Л. 10 об.

[342] Там же. Д. 1012, ч. I. Л. 10 об.

средств обустроить в новом городе необходимые, но весьма затратные «казенные строения»[343].

Весьма показательно стремление наместника сохранить за жителями права состояния городских сословий. Власть пыталась оставить для бывших посадских Воротынска и Тарусы преимущественное положение представителей городских слоев, хотя вполне могла свести их до статуса одной из многих категорий государственных крестьян. По-видимому, такое отношение было продиктовано твердостью сословного деления. Однако в процессе реализации задач административной реформы и реформы города многие высшие чиновники действовали не только одними волюнтаристски-формальными методами. Так, в частности, трудно согласиться с Ю.Р. Клокманом, который писал, что правительство и представляющие ее на местах руководители регионов действовали исключительно «исходя из полицейско-фискальных соображений», и стремясь «прежде всего к возможно более равномерному распределению податного населения губернии вокруг административно-территориальных центров и в меньшей степени учитывало самый характер экономического развития последних»[344]. Наместники нередко проявляли гибкость, что будет не один раз продемонстрировано в ходе проведения реформ. Это позволяет говорить о подобном подходе не как о случайности, а как о твердо установленном (возможно, и высочайше предписанном) правиле.

В качестве 11-го города («взамен уничтожаемого города Тарузы») Кречетников предлагал слить воедино два экономических села – Ильинское и Овчинино, «кои оба между себя расстоянием менее версты». Все местное население, включая жителей приписанных деревень, предполагалось перевести «в число мещан», которых насчитывалось бы 1,5 тыс. душ мужского пола. Созданное таким образом поселение генерал-губернатор

[343] Там же. Д. 729, ч. I. Л. 11–11 об.
[344] *Клокман Ю.Р.* Социально-экономическая история ... С. 147.

планировал назвать «Новой Тарусой» с сохранением за уездом наименования «Тарусский»[345].

Появление города в этом месте оценивалось как полезное для «всех приписанных в уезд обитателей». В первую очередь по его «срединному» положению в уезде, а также удалению от самых мощных торговых центров – Москвы и Калуги: от «перваго во сотне, от последняго же в шестидесяти двух верстах». Находясь на большой торговой дороге, Новая Таруса могла дать своим жителям шанс «прити в хорошее торгами состояние; и устроить город в соответствующем ему виде». Тем более, что на дорогах, протянувшихся от двух «старых» крупнейших центров до «новопроектируемого», других городов не было[346].

На место центра Воротынского уезда «претендентов» не нашлось, и его территорию наместник предложил разбить на куски и приписать их частично к Перемышльскому уезду (в состав которого эти земли все еще входили), а прочие – к иным «ближним» уездам «по способности»[347].

Таким образом, для открытия новой губернии по-прежнему недоставало еще одного – 12-го – уездного центра. Кречетников видел, что в его распоряжении нет более поселения, «способного к постановлению городом», о чем он добросовестно доложил императрице[348]. Но будучи обязанным исполнять «Всевысочайше» предписанную инструкцию от 24 августа 1776 г., наместник продолжил свои изыскания. Единственное, что он смог «измыслить» – это использовать «под город» Боровск (расположенный в трех верстах от границы пока еще не утвержденной Калужской губернии), который согласно прежде принятым решениям должен был войти в состав проектируемой «новой» («малой») Московской губернии. В итоге наместник

[345] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 729, ч. I. Л. 11 об.–12.
[346] Там же.
[347] Там же. Л. 11 об.
[348] Там же. Л. 12.

попросил «переписать» к Калуге Боровск вместе «с некоторой частию его уезда»[349].

Включение традиционно «подмосковного» Боровска в состав Калужского наместничества было сделано ввиду не только крайней близости того к будущим административным границам данного края, но и в связи с абсолютной безвыходностью ситуации: Калужская заокская земля изначально была бедна на поселения, способные играть роль играла роль местного административно-торгового центра.

Итогом инспекции Кречетникова стал именной указ Екатерины II от 26 октября 1776 г. Им был утвержден новый перечень уездов и городов, куда вошли Калуга, Козельск, Перемышль, Малый Ярославец, Одоев, Лихвин, Мещовск, Серпейск, Мосальск и Таруса. Вместе с ними за губернией официально закрепились (по предложению Кречетникова) Боровск (переведен из проектируемой Московской губернии) и Медынь («вновьучрежден» из экономического села Медынь). Воротынский уезд ликвидировали, но город сохранили «на основании 278 статьи» «Учреждения для управления губерний…»[350]. Это означало, что Воротынск лишался собственного уезда, но, по крайней мере, на первых порах оставлял за собой имя города (а не посада, как писал Ю.Р. Клокман)[351]. Подобный случай не единичный (аналогичный пример имел место при утверждения перечня городов «малой» Московской губернии).

Хотя Таруса и обрела городской статус, но положение «древнего» центра в этом качестве было весьма неустойчивым. По-видимому, оно оставалось до такой степени слабым, что Кречетников в одном из отчетов даже перечислил Тарусу среди «новоучрежденных» городов[352].

Таким образом, к 1777 г. власти хотя и не оформили границы нового административного региона, но утвердили губернскую и наместническую

---

[349] Там же.
[350] ПСЗ-I. Т. XX. № 14525. С. 438.
[351] *Клокман Ю.Р.* Социально-экономическая история ... С. 146.
[352] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 729, ч. I. Л. 225.

столицу, а также города – уездные центры. Это давало им возможность приступить к учреждению здесь местных административных и судебных органов, а также официально объявить о появлении (хотя не до конца оформленной) Калужской губернии. Ее полноценное «открытие» произошло в начале 1777 г. и было приурочено сразу к нескольким датам. Эту путаницу обнаружила и зафиксировала в своей монографии Л.Ф. Писарькова[353]. Показательно, что данная хронологическая чехарда имеет свои внутренние причины, о которых речь пойдет далее.

На протяжении почти двух недель с момента «открытия» Калужской губернии постепенно заработали новые местные властные структуры.

Итогом процесса утверждения городского и административного статуса за 12 городами Калужской губернии стало утверждение их гербов 10 марта 1777 г. (для общества конца XVIII столетия внешнее проявление официального статуса имело наиважнейшее значение; не случайно создание нового городского герба принималось на самом высоком уровне – Сенатом и императрицей). Городами – уездными центрами губернии стали Калуга, Перемышль, Лихвин, Одоев, Козельск, Мещовск, Серпейск, Мосальск, Медынск (не Медынь, как ранее), Мало-Ярославец (прежде Малый Ярославец), Боровск и Таруса. Отметим, что Одоев вскоре был определен как тульское поселение, пребывая в этом качестве и по сей день.

Кречетников занимался формированием Калужской губернии, будучи не рядовым губернатором, а личным наместником императрицы, т.е. лицом, наделенным исключительным доверием государыни в качестве управителя значительной части ее империи. Сановнику предстояло создать собственное особое административное образование – наместничество, в котором Калужская губерния выступала не единственным территориальным образованием.

---

[353] *Писарькова Л.Ф.* Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века … С. 702–703.

На очереди стояла вторая губерния – Тульская, формально провозглашенная (но еще не «открытая») 9 марта 1777 г.[354] По ее «будущим и возможным» городам генерал-губернатор отправился с «инспекцией» в том же 1777 г. После утверждения перечня городов Калужского края и их гербов (которые оценивалось как «обязательный градский атрибут»[355]), а их утверждение означало официальное завершение создания новой административной единицы.

Итоги тульской ревизии оказались еще более неутешительными. Если Калужская земля, занимая преимущественно внутреннее пространство Волго-Окского междуречья, была рано освоена, плотнее заселена и как следствие более развита, то заокские тульские просторы выдавались значительно дальше за пределы этого исторического региона – в прежнее Дикое поле. Его пространства, практически лишенные защиты природной, обладали еще меньшим, чем Калуга, числом развитых городов. Поселения, носившие по устаревшей традиции это имя, являлись крепостицами в системе южных рубежей обороны. Будучи уже не нужными и лишившись своих главных военно-оборонительных функций, с населением, не имевшим отношения к городским промыслам, они не давали основания не только считать себя городами, но даже формировать таковые на своей основе.

Перед Кречетниковым как главой края неожиданно встала новая большая проблема. Во время объезда территории он выяснил, что сразу семь из предполагаемых городов будущей Тульской губернии просто не имели возможности ими называться[356]. Генерал-губернатору пришлось распоряжаться тем, что уже было в его личном ведении. В итоге Одоев внезапно из калужского города стал тульским.

---

[354] ПСЗ-I. Т. XX. № 14594. С. 506.

[355] *Ватник Н.С.* Многоликий герб Коломны: образцы и применение во времена империи// Коломенский альманах. Литературный ежегодник. Вып. 25. 2021. С. 298.

[356] *Клокман Ю.Р.* Социально-экономическая история ... С. 149.

Данная рокировка отчасти решила вопрос на востоке наместничества[357], но создала проблему на западе: высочайшим указом в Калужской губернии уже были утверждены 12 уездных городов. Таким образом, вновь требовалась замена. Вариантами передачи из других территорий выступали города Юхнов (из Смоленской губернии) и Белев (из Тульской)[358].

Но Кречетников нашел другой выход. Он предложил преобразовать в город экономическое село Жиздру, сохранив его название. Выбор данного «кандидата» обусловливался двумя обстоятельствами. Во-первых, Жиздра стояла на большой Брянской дороге, и это давало основание надеяться, что данный уездный центр сможет в полной мере выполнять свои функции (административные, хозяйственные, транспортные, культурные и др.). Во вторых, по своему статусу Жиздра не относилась к частновладельческим поселениям, которые власть старалась ни при каких условиях не привлекать на роль кандидатов в городах, т.к. это могло привести к колоссальным (особенно в масштабах всей страны) затратам, или спровоцировать недовольство со стороны владельцев-дворян.

Проект был представлен 15 апреля. 17 октября состоялось официальное утверждение Жиздры уездным городом[359]. Таким образом, открытая губерния ровно полгода существовала без одного из своих утвержденных центров. Перед нами наглядный пример того, что процесс формирования региона продолжался и после его возникновения. Кроме того, для местных администраторов работа в данном направлении была связана не только с бездумным механическим делением податного населения, но и с постоянным поиском выхода практически из безвыходных положений, а также принятием творческих решений.

---

[357] Для снятия проблемы в очередной раз воспользовались как донором будущей территорией Московской губернии: из нее в состав Тульской была передана Кашира.

[358] *Клокман Ю.Р.* Социально-экономическая история ... С. 438.

[359] ПСЗ-I. Т. XX. № 14665. Л. 565.

Появление Жиздры решало проблему 12-го уездного центра. Однако правильность выбора данной «кандидатуры» оспорил впоследствии Ю.Р. Клокман. Он отмечал, что на тот момент реальным «сосредоточением хозяйственной жизни для населения Жиздринского и ряда смежных уездов являлся не город Жиздра, а экономическое село Сухиничи, расположенное на расстоянии 30 верст южнее Мещовска»[360]. Это и так, и не так. Ярмарка в Сухиничах входила в перечень крупнейших межрегиональных торгов, выходивших за пределы Калужской губернии. Вот что писал о ней сам наместник: «Козельской округи Ведомства государственной коллегии экономии село Сухиничи… еженедельно бывают в нем дважды торги, как протчими продуктами так по большой части пен[ь]кою; стечение туда купечества из многих городов яко то, Калуги, Тулы прочих приносят обывателям ощутительные приобретения, так что по самому… сего селения обозрению и вопрошению живущих в нем некоторые из них до четырех пяти и даже до десяти тысяч капитала имеет, но вместо того не помышляет они о земледелии, яко существенном упражнении своем»[361]. Таким образом, Сухиничи являлось и значимым селом, и мощным центром, причем не только в сравнении с Жиздрой, но и с большинством уездных городов.

Кроме того, основной задачей наместника было обеспечить указанный ему Санкт-Петербургом уезд административным центром. Никто не снимал с Кречетникова задачу управления данной частью страны, уезд которой возник в результате административно-территориального компромисса – неизбежного и необходимого. Развитие возникшей структуры становилось задачей дальнейшего времени, и государство не отказывалось от нее. 20 октября 1777 г. не дотягивающие до «полноценных» городов Таруса и «вновьучрежденный» Медынск получили утвержденные регулярные планы[362], целью которых являлось обеспечение развития поселений. Проекты незамедлительно отослали для исполнения генерал-губернатору. Уже 12

[360] *Клокман Ю.Р.* Социально-экономическая история ... С. 147.
[361] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 729, ч. I. Л. 221.
[362] ПСЗ-I. Т. XX. № 14667. Л. 565.

апреля 1778 г. Кречетников отвечал на письмо Екатерины II, в котором она интересовалась построением соборного храма в «новоучрежденных» городах Медынске и Жиздре[363].

Начало работы «новоучрежденных» органов власти на местах

12 января 1777 г. генерал-губернатор «с всеми того наместничества членами» собрались в его только что построенном доме-резиденции. Тогда и начался процесс подготовки «открытия» губернии и работы вновь сформированных органов местного управления. Показательно, что собрание проводилось специально возведенном или назначенном «наместническом» доме. Таким образом, резиденция генерал-губернатора (наместника), ведавшего рядом губерний, на тот момент официально учреждалась именно в Калуге, превратившейся, помимо губернского центра, еще и в наместническую столицу.

Во время первого предварительного учредительного собрания Кречетников «поздравил всех» лиц из числа местной администрации, назначенных к тому времени «в новых званиях и должностях». В тот же день в Калугу прибыли предводители дворянства и предоставили наместнику «свои списки».

14 января в десятом часу пополудни в доме генерал-губернатора состоялось второе собрание, на котором «члены наместничества» предметно обсуждали «открытие» губернии, назначенное на следующий день[364]: «В 11-м часу пред полуднем городничий на публичных площадях обещал народу при играние на трубах и литаврах, что на утро начало свое иметь будет открытие наместничества, с оглашением часа собранию тремя выстрелами из пушки»[365].

---

[363] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 729, ч. I. Л. 80.
[364] Там же. Л. 17.
[365] Там же. Л. 18 об.

По-видимому, 15 января обещанными тремя орудийными выстрелами было сообщено о начале работы Дворянского собрания («при собрании в Калуге наличного в губернии дворянства»)[366]. Всего в город прибыли 425 человек. При них официально впервые «возвестили» об «открытии» новой административной единицы империи[367], а также об «отверстии присутственных новых мест»[368]. Вышеназванный факт «открытия» губернии 15 января 1777 г.[369] был подтвержден сенатским указом от 28 февраля[370].

Впрочем, собрание 15 января лишь предваряло сам процесс начала функционирования в городах края новых органов государственной власти. 18 января началась подготовка выборов предводителей дворянства каждого уезда, затем – «исправников в земские капитаны», заседателей в уездный суд и т.д. Выборы кандидатов и «судей уездных» завершилось 20 числа того же месяца[371].

23 января стало днем окончания приготовлений к открытию в городах новых местных органов власти. Избранные в «калужской губернской магистрат члены, градской голова, и в разныя магистрата городоваго должности» посетили сначала губернатора, затем генерал-губернатора (наместника), «от которого» подучили «подтверждении... вступления в новые их должности». С данного момента бывшая провинциальная канцелярия считалась «в сей день уничтожена». Уже до того дела были рассортированы по новым учреждениям, а присланные только что из Сената законы – доставлены в открытые присутствия[372]. В тот же день к наместнику явились по одному представителю «от всех казенного ведомства селений и разночинцев с числа 500-т душ». Из них выбрали «способнейших», которые сформировали Совестный суд, Верхнюю и две Нижние расправы. По-видимому, вечером того же дня в резиденции Кречетникова состоялся

[366] ПСЗ-I. Т. XX. № 14589. С. 503.
[367] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 729, ч. I. Л. 22.
[368] Там же. Л. 23 об.
[369] Там же. Л. 22.
[370] ПСЗ-I. Т. XX. № 14589. С. 503.
[371] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 729, ч. I. Л. 26–28 об.
[372] Там же. Л. 67.

официальный званый ужин на 76 персон. На нем присутствовали «первые наместничества члены», два председателя Губернского магистрата и «50 человек от купечества». По окончании застолья гости увидели «спектакель, в котором представлены театральной фейерверк»[373].

Специально к открытию губернии и генерал-губернаторства у известного поэта В.И. Майкова был заказан текст пьесы «Пролог на открытие Калужского наместничества»[374].

Тогда же Кречетников известил «через письмо» губернского предводителя дворянства о необходимости создания во всех уездных городах «запасных [хлебных] магазинов», а также о «приступлении в будущую весну к исправлению больших дорог»[375].

25 января состоялось торжественное «открытие» Калужской губернии, и с этого дня начали функционировать ее «главные присутствия»[376]: губернское правление и три палаты[377] – казенная, уголовного суда и гражданских дел[378]. В честь этого события в губернском центре устроили большой праздник. Он явно превосходил (учитывая соотношение масштаба празднеств с размерами города) аналогичные торжества в Москве, происшедшие несколько лет спустя по случаю открытия Московской губернии.

Завершился праздник вечерним фейерверком и «маскерадом», который шел до трех часов ночи. Все это время «иллюминация горела» перед домом наместника. Иллюминирован был и сам губернский город[379].

На следующий день, 26 января, настало время официально «открытия» главных мест губернии, который проводил лично губернатор. Первым «начало свое возымел» Приказ общественного призрения, открытие которого обставили в соответствии с социально-благотворительной ролью данного

[373] Там же. Л. 67 об.
[374] Калужские губернаторы. С. 13.
[375] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 729, ч. I. Л. 67 об.
[376] Там же. Л. 33 об.
[377] ПСЗ-I. Т. XX. № 14589. С. 503.
[378] Калужские губернаторы. С. 13.
[379] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 729, ч. I. Л. 68 об.

заведения. К сановнику привели заранее приготовленных «престарелых нищих 24 человека». Всех их сопроводили в дом губернатора, «у коего» те были «одеты прилично их состоянию, платьем и обувью». Затем участники «открытия» пошли на службу в храм, проводившейся в честь первого дня работы приказа. По «скончании литургии» нарочито избранные нищие были «приведены в дом господина наместника, где им был дан обед, под присмотром самого господина губернатора», призвавшего «призренных» молить за «долгие лета для милосердной государыни». По окончании торжества и после «отпуска» нищих каждому из них раздали по рублю. Одновременно в богадельни, находившиеся в Калуге, разослали для всякого проживавшего там обездоленного по два четверика хлеба[380].

Вследствие открытия Приказа общественного призрения во все города Калужской губернии отослали к градским головам книги, а в соборные церкви – ящики для «доброхотных дарителей»[381]. Калужский магистрат внес в кассу приказа 1 200 руб., к которым «доброхотец господин Гончаров» добавил от себя еще 1 тыс. руб.[382] Скорее всего речь идет об Афанасии Абрамовиче Гончарове (1741-1785)[383] – прапрадеде Натальи Николаевны Гончаровой, супруги поэта Александра Сергеевича Пушкина. Получив недавно дворянское звание, А.А. Гончаров сразу же стал активным участником дворянской жизни края, со всеми присущими ему чертами[384]. К ним, наряду с усадебным строительством, относилась и благотворительная деятельность. Причем вплоть до середины следующего столетия данная деятельность была прерогативой именно дворянства[385].

27 января главы края приступили к «открытию» новых органов местной власти. Губернатор прибыл в присутственные места для «открытия»

---

[380] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 729, ч. I. Л. 68 об.–69.

[381] Там же. Л. 69.

[382] Там же. Л. 69–69 об.

[383] *Бессонов В.* Усыпальница рода Гончаровых // Калужское наследие. 2018. № 5. С. 58.

[384] Марченко Н. Полотняный завод – дворянская усадьба Гончаровых // Калужское наследие. 2018. № 5. С. 66.

[385] *Ульянова Г.Н.* Благотворительность в Российской империи, конец XVIII – начало XX века: автореф. дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02. М., 2006. С. 34.

работ двух департаментов Верхнего земского суда, а вице-губернатор бригадир Н.Н. Салтыков – Магистрата двух департаментов Верхней расправы. При этом присутствовал генерал-губернатор вместе с почетным гостем и своим наставником в деле государственного управления генерал-аншефом графом Брюсом[386]. В тот же день были предложены и обсуждены два проекта: по созданию запасных магазинов и улучшению дорог губернии[387]. По сути, власти реализовывали обозначенные для них ранее задачи развития городов.

К тому моменту все введенные в работу органы имели свое местоположение исключительно в губернском городе. Только после начала их работы генерал-губернатор и его помощники приступили к процедуре «отворения» аналогичных подразделений в уездных центрах[388]. Лишь 27 января наместник отправил губернатора А.П. Лецкова и вице-губернатора в уездные центры с заданием – открыть там соответствующие органы[389]. Чиновники получили инструкции и приказ генерал-губернатора: «Чтобы 1-го числа февраля прежне канцелярии уничтожить, а по отворении новых вступить в исполнение должностей». Впрочем, Кречетников отдавал себе отчет в том, что все местные присутствия не успеют заработать в установленный им срок[390]. По другим данным, подготовительная работа началась еще позже – 28 января, уже после того, как наместник познакомился с работой присутственных мест[391]. Но так или иначе, к концу января 1777 г. органы власти официально «открылись» во всех городах «новоучрежденной» Калужской губернии.

За проведенную работу Кречетников был отмечен Екатериной II исключительно высоко. В 1779 г. его наградили орденом св. Александра

[386] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 729, ч. I. 69об.
[387] Там же. Л. 69 об.
[388] ПСЗ-I. Т. XX. № 14589. С. 503.
[389] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 729, ч. I. 69об.
[390] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 729, ч. I. Л. 40 об.
[391] Там же. Л. 70 об.

Невского[392], 8 января 1780 г.[393] генерал-губернатор благодарил императрицу за жалование его «в Белоруссии деревнями»[394], а 22 сентября 1783 г. к ним добавился и орден св. Владимира 1-й степени[395].

При учреждении на местах органов управления и суда с выборным участием уездного дворянства в среде «благородного шляхетства» губернии царили воодушевление и энтузиазм. В итоге при создании новых региональных структур желающих занять в них должности хватало с избытком. Наверняка возникали «обиды» среди конкурентов. Чтобы не допустить этого, Кречетников решил назначать претендентов строго по старшинству чинов. В письме Екатерине II он даже аккуратно похвастался изобретением собственного «способа» решения подобных проблем[396]. Хотя удобства были налицо, очевидным являлось и то, что места распределялись далеко не всегда по способностям претендовавших на них лиц.

Накануне 27 января[397], во время итогового собрания дворянства, благородное общество выступило с верноподданнической инициативой – установить в Калуге монумент в честь Екатерины II и ее реформ. Для этого предложили собрать в течение четырех лет 50 тыс. руб., «а по наличеству всей суммы оставшуюся от построения употребить на заведение для дворянских детей училища»[398]. 28 января Кречетников просил высочайшего дозволения императрицы на реализацию предложенного плана, правда, вместо слова «училище» написал: «полезное каковое-либо заведение»[399]. Кроме того, предполагалось «опричь» 50-тысячной суммы собирать «для содержания земских судей» еще «по пяти копеек навсегда»[400].

---

[392] Там же. Л. 102.
[393] Там же. Л. 109–109 об.
[394] В другом источнике указан 1790 г. (Калужские губернаторы. С. 18).
[395] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 729, ч. I. Л. 141.
[396] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 729, ч. I. Л. 29.
[397] Там же. Л. 69 об.
[398] Там же. Л. 70.
[399] Там же. Л. 40 об.
[400] Там же. Л. 42.

Екатерина II отказала дворянам Калуги в возведении в честь себя монумента, порекомендовав использовать эти деньги на нужды Приказа общественного призрения, что и было исполнено[401].

После завершения всех мероприятий по введению в работу новых органов местной власти особым указом Сената от 28 февраля 1777 г. было официально объявлено об «открытии» Калужского наместничества и губернии[402]. В результате сложилась парадоксальная ситуация: существует три) даты официального открытия нового административного региона – 15 и 25 января (объявлены наместником Кречетниковым) и 28 февраля (согласно указу Сената).

Данная чехарда связана с личностью самого Кречетникова, который искренне радовался происшедшему событию. Кроме того, необходимо учесть, что в стране просто не было опыта подобных мероприятий. Калужское наместничество и губерния возникли одними из первых, а как это обозначить официально и правильно, никто точно себе пока еще не представлял. Многое из того, что делалось Екатериной II, вообще не имело аналогов в истории России, и ее сановники искали способы, формы, возможности и ресурсы для осуществления поставленных перед ними задач, никем до того не решавшихся.

Полноценное «открытие» можно отнести к 25 января, когда заработали присутственные места (ради чего и устраивалась новая административно-территориальная единица) и прошел в честь ее учреждения грандиозный праздник

Штаты чиновников. Функционирование органов власти

[401] Там же. Д. 980. Л. 28 об.
[402] ПСЗ-I. Т. XX. № 14589. С. 503.

Согласно отчету наместника, со дня «открытия» Калужской губернии и по 10 апреля (т.е. за 2,5 месяца) скопилось значительное число старых и вновь поступивших дел.

К концу января 1777 г. органы управления и суда заработали во всех городах Калужской губернии. На основании отчета генерал-губернатора можно восстановить распределение должностей по городам. Рассмотрим некоторые из них.

Согласно перечню должностей и чинов (званий) Кречетников реализовал провозглашенный им в отношении назначений механический табельный подход.

Генерал-губернатор внес изменения и в практику работы губернских органов, о чем была составлена особая, детальная записка. Состоящая из 36 параграфов, она охватывает вопросы функционирования губернского правления, уголовной и гражданской палат, Совестного суда, Верхних губернских судов, «Городнического правления», Уездного суда и Уездной опеки, Уездного казначейства, Нижнего земского суда и Городового магистрата[403].

Итогом работы наместника в этом направлении явился составленный канцелярии Кречетникова «Примерный стат Калужской губернии …». Ему как и всем аналогичным инструкциям была присуща общая отличительная черта – детальная регламентация всех сторон и форм деятельности. Так, чиновники генерал-губернаторства Кречетникова получали собственную отличную от других форму. Им предписывалось пребывать в присутствиях в мундирах «красного сукна с светло-голубыми бархатными лацканами, круглыми воротниками и обшлагами того же цвета, с подбоем, камзолами и пуговицами того же цвета». Для служащих были введены нормы внешнего вида. Предписывалось всем «имеющим офицерские чины ежедневно иметь

[403] Там же. Л. 191–201.

волосы под пудрою, а прочим виски в бумажках, а назади косы или кошельки, на шее не платки, а галстуки, сохраняя сие по самой точности»[404].

Также детально регламентировалось время работы. Причем для каждой должности «начиная от секретаря и всем имеющим офицерские чины». Служащим вменялось в обязанность прибывать «каждый к своей должности не позже 6-и часов по полуночи… А выходить, по выезде присутствующих, не ранее 2-х часов по полудни, потом по полудни же приходить в 5 часов, выходить в 11-м часу, ежели дела требовать будут»[405]. Особому «дежурному» поручалось контролировать выполнение правильного распорядка рабочего времени. Кроме того, от всех работников канцелярии требовали содержать себя «в должной опрятности и чистоте»[406].

«Внутренняя почтовая гоньба» (аппаратная почта) Калужской губернии. Процесс управления требовал наличия структуры, обеспечивающей быстрый обмен информацией. До «открытия» губернии такой орган уже работал при Калужском провинциальном магистрате. В его состав входило от 15 до 20 человек. Они использовались «для услуги магистрату и рассылки бумаг в подчиненные ему магистраты и ратуши». Всего на содержание структуры ежегодно тратилось до 400 руб.[407] Кроме того, дополнительно привлекали солдат, прикомандированных для связи к уездным городам, что должно было обеспечить «поспошествование скорейшему сношению по делам уездных городов».

Однако данная мера вызывала крайнее недовольство со стороны горожан. Служивые неоднократно забирали для себя подводы, передававшиеся им на время обывателями, а также были виновны в создании «разных в уездах неустройствах»[408]. Кречетников перестроил систему внутренней аппаратной почты. В губернском городе он учредил службу, состоявшую из двух человек с лошадьми, в каждом уездном (кроме,

[404] Калужские губернаторы. С. 13–14.
[405] Там же. С. 14.
[406] Там же.
[407] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 729, ч. III. Л. 76.
[408] Там же.

естественно, Калуги) – по одному с одной лошадью. В тех случаях, когда города находились близко друг от друга, оставляли одного рассыльного на оба поселения. Почту отправляли один раз в неделю. Финансировалась «гоньба» за счет местных магистратов. Помимо официальных писем, пересылались денежные суммы и деловая переписка купцов[409].

Размер затрат на содержание административной «внутренней почтовой гоньбы» в Калуге для ее Магистрата составлял 100 руб. в год[410].

Жилье для чиновников. Создание по городам разветвленной системы управления требовало наличия жилья для прибывших сюда сотрудников. Основную массу аппарата «брала на себя» Калуга – губернский и наместнический город. Здесь к 1786 г. (т.е. за первые девять лет существования губернии) только чиновники-дворяне обзавелись 60 домами, в том числе семью каменными. Остальные сотрудники платили за «квартиры» хозяевам домов «каждый по своему окладу» 12-ю часть от жалованья. Причем размер этот был официально закреплен решением Городового магистрата, «дабы каждой хозяин знал, что ему получить должно» и больше спросить не мог[411].

Административные, казенные и статусные здания

Возводимые согласно плану реформы города административные и иные зданий, наряду со своей практической необходимостью, выступали как атрибут того или иного городского статуса. Денег на выполнение всех проектов не хватало, поэтому в первую очередь строительство велось в губернском центре, где сосредоточивалось наибольшее число ведомств. Позже работы по возведению переносилась и на уездный уровень. При этом желательно было использование для постройки не привычное и дешевое

[409] Там же. Л. 76–76 об.
[410] Там же. Л. 76 об.
[411] Там же. Л. 77.

дерево, а кирпич или природный строительный камень, при наличии в крае собственных его месторождений, а также возможности дешевой доставки.

Казенные строения являлись как непременным условием функционирования, так и обязательным статусным признаком. Но во всех случаях их «устроение» оставалось для наместника и губернатора не только одной из главных задач, но и одной из наиболее трудных задач. С целью обеспечения сотрудников новых структур жильем в Калуге Кречетников просил разрешить ему «взять на первой случай, несколько обывательских домов под присутственная места, и к помещению как определяемых членов, так и будущего не малого числа дворян на случай выборов»[412]. Таким образом, за три месяца[413] до «открытия» губернии административная инфраструктура практически полностью отсутствовала даже в губернском центре.

Разбирая вопрос о казенных строениях, наместник в своей черновой записке от 5 марта 1780 г. на первое место поставил «устроение соляных магазинов», т.е. складов монопольного казенного товара – соли и, судя по содержанию документа, вина. Скорее всего, из-за новизны производившихся «устроений» Кречетников объединил в один термин два понятия. Далее винные, соляные и хлебные магазины будут различаться.

Согласно ранее принятым инструкциям и узаконениям магазины обязательно должны были быть каменными, что давало прямую пользу казне: «как по прочности своей так же, но и более по безопасности от огня»[414].

Второе место в перечне построек занимали «питейные домы». Для них тоже требовалось возведение капитальных сооружений, что подразумевало обязательное выполнение нескольких условий. Во-первых, постройка должна была быть непременно каменной, во-вторых, с самого начала обладать всеми необходимыми частями для выполнения своих функций. Выгода от наличия

[412] Там же. Ч. I. Л. 12 об.
[413] ПСЗ-I. Т. XX. № 14589. С. 503.
[414] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 729, ч. I. Л. 242–242 об.

таких полностью «устроенных» сооружений заключалась в том, что они отдавались «коронным поверенным» откупщикам, которые не могли требовать разрешения на их перестройку или расширение. Это позволяло не допускать выделения дополнительные казенных ассигнований[415]. В случае, если средства все же отпускались, их можно было вкладывать исключительно в строительство таких же, полностью «устроенных», питейных домов[416].

За время службы Кречетникова в губернии построили, по крайней мере, 16 общественных зданий: 10 – в Калуге и 6 – в уездных городах. Кроме того, источники упоминают множество различных сооружений, как перестроенных, так и вновь возведенных[417]. Всего по городам Калужской губернии только в первые годы после ее «открытия» возвели 214 лавок (62 каменных и 152 деревянных), 34 кузницы (22 и 12 соответственно), 989 частных домов (12 и 977). Вместе с прочими объектами в городах края не позднее начала 90-х годов XVIII в. появилось 1 259 сооружений почти 20 разных типов. И это по одной губернии и только за первые 20 лет с момента ее учреждения.

Расходы на строительство общественных городских сооружений были поделены между Казенной палатой (198 781 руб.) и Приказом общественного призрения (6 405 руб.). Иными словами, участие двух структур представлено соотношением, соответственно 97% к 3%. Таким образом, именно государство брало на себя львиную долю трат. Притом сумма Приказом была уже выплачена, а все возможные доработки оказались в зоне ответственности Казенной палаты.

Особое место в работе местной власти, готовившей город к роли административного центра, занимало создание торговых рядов. Данный тип сооружений занимал совершенно исключительное место в программе Екатерины II по реформированию города. Императрица целенаправленно

[415] Там же. Л. 242 об.
[416] Там же Л. 242 об.–243.
[417] Там же. Л. 261 об., 263.

стремилась путем создания обширной торговой инфраструктуры активизировать хозяйственную деятельность «граждан». Строительство было массовым. Не случайно сегодня именно торговые ряды стали символом многих городов России. Размах при их возведении нередко оказывался чрезмерным. Как сообщал Кречетников, даже в губернской Калуге, где были построены значительные и для сегодняшнего дня торговые ряды («анбары и тому подобные для поклажи купеческих товаров» сооружения), многие из них стояли пустыми («совершенно не занимаются»)[418].

Главные соборные храмы городов наряду с торговыми рядами занимали особое место в перечне сооружений, возникавших в городах в процессе их реформирования. Императрица в письме к наместнику называла проектируемые соборные церкви не иначе, как «яко главнейшие градскаго устройства предметы»[419]. И дело было не только в уважении чувств верующих.

Храм являлся символом, который обозначал как городской статус поселения, так и его право исполнять обязанности административного центра своего уезда, а для губернского – и своей губернии. Поэтому все «вновьутвержденные» уездные города должны были возвести – причем только из камня – собственные соборные церкви[420]. Губернский город, хотя и имел на своей территории церкви, обязан был обзавестись собором, соответствовавшим его новому высокому служебному положению. Особенно если он являлся еще и центром наместничества. Калуга – типичный пример такой «региональной» столицы, которая к тому же не имела достойного своему служебному рангу центрального храма.

Кречетников в одном из писем, отправленных секретарю Екатерины II Безбородко (1785 г.), «чувствительнейше» благодарил его за успешное ходатайство об ассигновании средств на строительство собора в Калуге[421].

---

[418] Там же. Ч. III. Л. 77.
[419] Там же. Ч. I. Л. 80.
[420] Там же. Ч. III. Л. 154.
[421] Там же. Л. 2–2 об.

Деньги в размере 30 тыс. руб. были выделены из сумм калужской Казенной палаты, после чего началось строительство[422].

Однако к 1791 г. (в 1787–1791 гг. страна воевала с Турцией) была заморожена выдача последних 10 тыс. руб. Хотя сумма казалась не столь значительной, приостановка финансирования при почти завершенном храме неизбежно вела к дополнительным тратам и даже разрушению недостроенного сооружения[423]. Кречетников вынужден был изыскивать средства. В феврале 1791 г., находясь в Киеве, он узнал, что в Казенных палатах Малороссийской губернии за несколько прошедших лет остались нерастраченными значительные суммы, предназначавшиеся на нужды местного духовенства. Пользуясь близостью граф расхода, Кречетников просил императрицу выдать из «обнаруженной им суммы» 20 тыс. руб. на завершение строительства главного храма Калуги и ее края[424].

Кроме губернского центра сразу несколько уездных городов нуждались в заведении у себя статусных соборных церквей. На возведение каждой из них выделили фиксированную сумму – 8 тыс. руб.[425]

Совместить реализацию всех строительных проектов, являвшихся частью административной реформы и реформы города, с «открытием» губерний оказалось невозможно. Поэтому преобразования продолжились в следующем столетии. В итоге в начале XIX в. в губернском центре и его окрестностях возвели 11 «казенных строений»[426].

Первое из них было обозначено как «среднее в 2 этажа длиною на 65 и шириною на 6 саж.», в котором размещались «в верхнем этаже Губернское правление, зал для собрания господ дворянских предводителей, Приказ общественного призрения, врачебная управа и духовная консистория; а в

[422] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 729, ч. III. Л. 233 об.
[423] Там же.
[424] Там же. Л. 233–233 об.
[425] Там же. Л. 154.
[426] РГИА. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 59. Л. 48–48 об.

нижнем губернский архив и градская полиция, при коей и гауптвахта с караульней»[427].

Следующее сооружение представляло собой дом «на 104-х саж., шириною на 6, 2 этажа». В одной его половине на первом этаже работали «уездное казначейство, архива ея и денежные кладовые». В «покоях» «второй половины» на втором этаже находились «оба департамента палаты суда и расправы, уездной и нижний земские суды, а внизу архивы обоих департаментов; и несколько покоев заняты семинарией духовной». В том же корпусе находились «особо построены каменные соляные мегазейны с двумя лавками для продажи соли на 60-ти саженях»[428].

Еще одно здание («корпус на 104-х же саж.»), выстроенный «в 2 этажа» использовался как дополнительный склад «для поставки казенного вина и соли».

Особые сооружения «в два жилья… на 15-и ½ саж. по улице» отдавалось «почтовому правлению» (и в нем размещалась «почтовая контора со всеми чиновниками и почтальонами») и «гофшпиталю» при котором состоял размещались приют для «нещастнорожденных»[429].

Собственные дома возвели также для гражданского губернатора[430] и для размещения губернской школы. На тот момент в ее стенах «содержались и обучались на казенном коште… кадеты числом до 100 чел. … из недостаточных[431] здешней губернии дворянских детей собранные»[432].

В двух зданиях разместили части гарнизона, тюремные помещения («острог») для содержания колодников, «покои» для инвалидов и два «дома» – рабочий и смирительный.

Дом для губернатора, выстроили из дерева за пределами Калуги. При нем сразу же был устроен регулярный сад.

---

[427] Там же. Л. 48.
[428] Там же. Л. 48–48 об.
[429] Там же.
[430] Там же. Л. 48 об.
[431] Недостаточные – чьи семьи не могли оплатить обучение своих детей.
[432] РГИА. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 59. Л. 48 об.

Особым казенным зданием в документах был назван знаменитый каменный мост, «устроенный на арках через ров, разделяющий градскую часть от заверской». Это великолепное сооружение и сегодня остается одной из главных достопримечательностей Калуги. При нем было возведено 20 каменных лавок[433].

Кроме того, в губернском центре значилось 13 типов различных строений, обозначенных как «публичные» (см. Приложения).

Ситуацию с наличием непременной инфраструктуры в десяти городах Калужской губернии в 1800 г. (по данным архивных документов) иллюстрируют нижеприведенные таблицы (см. Приложения).

Таким образом, в начале XIX в. «старые» города имели набор зданий, необходимых им для выполнения предписанных им административных функций. Однако во многих «новоучрежденных» уездных центрах предписанная планом реформы инфраструктура создана так и не была. Показательно, что поселения из этой группы в правление Павла I перешли в разряд «безуездных заштатных городов». Таким образом, становится очевидным, что их «разжалование», практиковавшееся при новом императоре, велось не как отрицание им политики матери, а исходя из наличия у города-административного центра возможностей для выполнения своих прямых служебных обязанностей.

Формирование полицейско-пожарной структуры. Городской острог

В процессе проведения реформы города учреждаемые по городам Управы благочиния выполняли множество функций, в том числе полицейские и пожарные[434].

---

[433] Там же.
[434] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 729, ч. I. Л. 307.

Летом 1782 г. руководство региона приступило к разделению города на кварталы, что требовалось для учреждения в них органов полицейского контроля.

Элементарная на первый взгляд задача на практике оказалась весьма затруднительной из-за неустойчивого числа дворов. В итоге наместник включил в кварталы большее их число, нежели предписывалось. Причину этого он объяснял тем, что дворы отличали «бедность и малолюдство живущих в оных»[435], в том числе и в губернской Калуге.

Преднамеренное увеличение неизбежно должно было вскоре сократиться, так как учитывались те хозяева, которые «не имели права жить в городе своими домами». Поселившись здесь «для исправления разных промыслов», они, нарушая узаконения, не стремились по причине несостоятельности «поступить в звание купцов и мещан». Причем среди пришлых было много крепостных крестьян – типичная ситуация для того времени[436].

Противозаконно поселившихся в городе крестьян пытались удалять из Калуги, но дело шло не особо бойко. «Медленность в выселении» Кречетников объяснял тем, что происходило оно «от того, что ускорением не разорить [бы их] до основания»[437]. Здесь, как и ранее, просматривается явное нежелание администрации в ходе реформы действовать крайними мерами. Впрочем, власти имели, по-видимому, и возможность, и уверенность, что избавятся от негородского элемента. Поэтому наместник и решил «писать дворы по полицейским частям» с запасом.

Первые городские полицейские органы были «открыты» в губернском городе Калуге, «не касаяся уездных»[438]. Сумма ежегодного жалованья чинов Управы благочиния и находившейся в губернском центре воинской команды

---

[435] Там же.
[436] *Рындзюнский П.Г.* Городское гражданство дореформенной России. С. 61–96.
[437] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 729, ч. I. Л. 307.
[438] Там же. Л. 10.

составляла 11 997 руб. 52 ½ коп.[439] Прочие средства должны были поступать из других источников, например, военного ведомства или остаточного казначейства. Но столь значительный дисбаланс в расходе и приходе не мог не породить острого недофинансирования данной службы.

Устройство пожарной службы протекало долго и с определенными сложностями. В губернской Калуге к 1786 г. состав команды начитывал всего 18 человек вместо 336! Отряд огнеборцев на каждый квартал имел лишь двух человек вместо планировавшихся восьми. Пока не было утверждено «Положение об Управе благочиния», пожарные инструменты и лошади «содержались на прежнем положении и от магистрата обывателей»[440].

Несмотря на усилия властей, долгое время полного наличия всех необходимых «огнегасильных» средств по командам городов собрать так и не удалось. Однако прогресс в деле борьбы с огнем все же был налицо. Примером может служить Таруса, которая интересна тем, что играла роль типичного «недостаточного» уездного города, постоянно рискующего потерять это звание. Однако даже здесь в итоге удалось собрать минимально необходимый набор «огнегасительных при пожарах случаях употребляемых инструментов». В 1800 г. в их перечне значились: одна заливная двуручная труба, две бочки на роспусках, четыре железных коробки и столько же железных вил[441].

Для сравнения: в другом уездном городе Калужской губернии – Перемышле, занимавшем более устойчивое положение, в то же самое время на вооружении огнеборцев состоял набор из тридцати восьми пожарных инструментов. Важно, что на момент проверки весь инструмент находился в исправном состоянии.

каждой из частей губернского города полагалось иметь военную команду, состоявшую из 34 военнослужащих, в том числе 8 драгун[442], что

---

[439] Там же. Ч. II. Л. 10.
[440] Там же. Ч. III. Л. 77.
[441] РГИА. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 58. Л. 93.
[442] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 729, ч. I. Л. 28.

было вызвано острой необходимостью совершать конное патрулирование для поддержания порядка.

Помимо «окладного» жалованья унтер-офицеры и рядовые пехотных подразделений «в положенные по статам сроки» получали мундиры и обувь. Служащим драгунских частей дополнительно выдавали второй мундир («как верхний, так и нижний»)[443]. Кроме того, они получали от города лошадей для службы, но впоследствии «при первом случае» обязаны были за них заплатить («искупить»)[444]. Содержание животных осуществлялось на основании статута драгунского полка от 16 января 1775 г. Провиант людям и фураж лошадям приобретали на рынке, но «однако ж не свыше положенной в воинском стате суммы». Деньги на содержание отрядов поступали из казначейства.

Воинское снаряжение (ружья, амуницию, седла с прибором, портупеи и патронные сумки) выдавались на первое время из запасов главного кригскомиссариата. Ружья, пистолеты, шпаги и сабли брали лучшие («из отборных от полков»), прочее кригскомиссариат брал «от карабинерных полков»[445].

Все полученное не имело сроков использования («что оныя не всегда, но времянно в употреблении будут, срока не полагается») и повторно не выдавалось. Военным полагалось заботиться о своей амуниции, носить вещи до их полного износа и самостоятельно чинить. Для этого каждому из пехотной команды выдавали по 1 руб., а конной – по 2 руб., так как деньги шли еще «на подкову» лошади. На текущие расходы любой команде полагалось иметь в своем общем распоряжении 42 руб. в год. На эти же деньги покупали порох, «свиней» (свинец) и кремни[446].

Процесс уточнения состава органов Управы благочиния на том не остановился и впоследствии продолжился. Так, штаты полиции Калуги были

---

[443] Там же. Л. 16; Ч. III. Л. 28.

[444] Далее в деле это слово употребляется в том же значении. (Там же. Ч. II. Л. 16; Ч. III. Л. 76 об.).

[445] Там же. Ч. II. Л. 16; Ч. III. Л. 28–28 об.

[446] Там же. Ч. II. Л. 16; Ч. III. Л. 28 об.

повторно высочайше утверждены в 1804 г.[447] В 1808 г. губернский центр оказался в небольшой группе городов, в отношении которых штаты полиции и расходы на них вновь подверглись корректировке. За Калугой «утверждалось место» одного полицмейстера (400 руб. жалованья в год, включая канцелярские расходы), при котором функционировал аппарат, состоявший из разных чинов и канцелярских служителей (300 руб.). Штат полиции Калуги из расчета на две части и шесть кварталов получал 2 400 руб. в год и еще 60 руб. – на дополнительные расходы. Общий размер утвержденных годовых трат на работу полиции губернского центра составил в то время 2 620 руб.[448]

«Штатные команды военнослужителей» уездных центров были значительно скромнее. По данным 1800 г., в Тарусе «налицо» значился 31 человек: по одному прапорщику, сержанту и барабанщику, по 3 капрала и 25 рядовых. У последних до полного комплекта не хватало еще трех человек[449].

Положение с комплектованием команд Управы благочиния в разных городах губернии зависело от местных условий и возможностей. Сложнее всего оказалось создать полицию в Мосальске – от нее отказались из-за малочисленности жителей. Город из всех административных городских центров остался не поделенным на части. В связи с этим ему не полагался даже полицейский орган. Обеспечение порядка здесь осуществлялось единственным человеком – городничим, обладавший самими широкими полномочиями: имел «смотрение за всем тем, что до благосостояния города относится может. А притом имел строжайшее надзирания, дабы не было обмеру, обвесу и ни кто б запрещенным не торговал в городе. И елико возможно искоренять разные предметы противные узаконениям»[450].

В процессе реформ Екатерины II при каждом административном центре наряду с органами полиции и суда в обязательном порядке

---

[447] ПСЗ-I. Т. XXVIII. № 21564. С. 755.
[448] Там же. Т. XLIV, ч. 2. № 22992. С. 99.
[449] РГИА. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 58. Л. 92.
[450] Там же. Л. 284.

создавались (или приводилась в порядок) места содержания под стражей. Впрочем, города традиционно исполняли эту функцию, располагая на своей территории заведениями, которые в разное время именовались как «остроги», «тюремные замки», «тюрьмы» и т.д.

Основные пенитенциарные учреждения условно можно разделить на временные и пересыльные. Первые использовались на период рассмотрения дела, вторые – для содержания осужденных, которых, заковав, готовили для этапа в Сибирь, поэтому данный контингент получил название «колодников» и считался самым опасным. В пересыльных тюрьмах (типичный атрибут губернского города) действовали Верхние суды, выносившие окончательные приговоры. Функционировали пенитенциарные заведения губернского центра и в качестве уездных острогов. Так, во всех тюрьмах Калужской губернии на 15 декабря 1788 г. находились 56 колодников.

Кроме того, преступников могли содержать и при следственных или судебных органах – где было место. Так, в Калуге в 1775 г. заключенные пребывали при двух заведениях – провинциальной канцелярии и Магистрате. В «застенках» первой значилось 8 человек, бóльшая часть которых обвинялась в «душегубстве». Среди них была и «крестьянская жена Наталья Клямова», убившая свою невестку и числившаяся как уже отбывшая по этапу[451]. Под стражей при Магистрате состояло еще 14 преступников: за исключением трех убийц, все проходили «по вексельным искам» или кражам[452].

Стратегические государственные товары: хлеб, соль, вино

Города играли роль складов стратегических запасов хлеба, а также ряда товаров, торговля которыми являлась монополией государства (соль и вино).

[451] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 752. Л. 10 об.
[452] Там же. Л. 11–12.

В ходе административной реформы и реформы города в Калужской губернии реализовывался проект создания хлебных «запасных магазинов», которые предполагалось обустраивать в каждом уездном центре. Резервы планировали собирать как добровольные пожертвования всех местных дворян и использовать их в случае крайней необходимости. Экстренные запасы хлеба предлагалось создавать и поддерживать самим помещикам в их личных хозяйствах. Показательно, что одновременно с этой задачей власти предполагали реализовать еще один проект – проведение улучшения дорог в губернии, что говорит об особой важности всех поставленных целей[453].

Большой вклад в дело создания хлебных магазинов внес преемник Кречетникова Е.П. Кашкин. Возглавляявший Тульское и Калужское генерал-губернаторства в период с 1793 по 1796 г., он создал единую систему хлебных складов всего наместничества опиравшуюся на три населенных пункты обеих губерний, составлявших генерал-губернаторство (в Тульской Алексин и Белев, в Калужской – Калуга)[454], а также на Оку, как транспортную артерию.

Особую роли в жизни города занимали вопросы оборота соли. Помимо сугубо пищевой безопасности соль в структуре городских функций занимала важное место. Города не просто концентрировали у себя этот казенный товар. Первоначально необходимо было обеспечить его доставку, хранение, а затем и распределение по другим городам края, которые выступали как единственные места продажи соли. Проблема наполнения городских «соляных магазейнов» (а через них и снабжение всего административного региона) оказалась для местных властей чрезвычайно сложной. Наместник вынужден был с досадой констатировать: «Калужская губерния в окружности своей ни самодостаточной соли, ни соляных ключей не имеет»[455].

---

[453] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 729, ч. I. Л. 40 об., 67 об., 70.
[454] Калужские губернаторы. С. 27.
[455] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 729, ч. I. Л. 249.

К концу XVIII столетия практически во всех городах Калужского края была выстроенные соленые магазины, в которых хранились необходимые запасы соли. Единственным исключением в начале 90-х годов XVIII в. стал Малый Ярославец, хотя необходимости «обустройства» здесь соответствующего каменного строения Кречетников не раз докладывал лично императрице[456].

Соляные магазины являлись не только технической частью функционирования города, но стали его статусным признаком: только городам поручалась задача концентрации и продажи соли. Показательно, что на строительство необходимых хранилищ создавались не только сметы, но и готовились особые архитектурные планы, выполнявшиеся на основании ни много ни мало – «Высочайшего проекта»[457] – т.е. именного императорского указа[458].

Кречетников предлагал свой «прожект» улучшения положения дел в данном вопросе с целью приобретения государством бóльших выгод. Из этого документа мы узнаем, что Калужская земля получала пермскую соль по следующей схеме. Первый этап – это «заготовление солий сих… от мест ломки и варения», второй – учреждение в Нижнем Новгороде генеральных магазинов от главной соляной конторы, третий – доставка в города Калужской губернии «попечением казенной палаты». На тот момент (1790–1791) соль везли летом по воде до Калуги и «Тарузы». Из их «соленых магазейнов» казенный товар шел уже «в прочие города» края. Преимущественно это осуществлялось «в зимнее удобное время сухим путем»[459]. В города, расположенные на Оке (Перемышль и Лихвин), по крайней мере, часть соли доставлялась также и по воде[460].

---

[456] Там же. Л. 250 об.
[457] Там же. Л. 251.
[458] Там же. Л. 249.
[459] Там же. Л. 250.
[460] Там же. Л. 250 об.

Максимальный годовой объем потребления соли Калужской губернией составлял (по опыту наместника) 353 257 пудов. Стоимость одного пуда вместе с доставкой от места производства до Калуги не превышала 21 коп.[461]

Продажа соли населению, исходя из многолетних наблюдений наместника, была наиболее выгодна именно в городах. Это обеспечивалось, по мнению сановника, тем, что каждый город (каким бы он ни был) функционировал как центр собственного уезда, в результате чего там проходили еженедельные торги. Кроме того, концентрация в городах властных структур предоставляла возможность «ближайшему и внимательнейшему за оною присмотру»[462]. В 1798 г. было предписано иметь в соляных магазинах Калужской губернии «сверх годового расхода» дополнительный запас соли на шесть месяцев «для того, что хотя и может в сей губернии соль доставляется тем же летом, когда в запасных магазинах отпускаема бывает, то случится излишний расход и нечаянная при поставке оной водою утрата»[463]. Общая «годовая препорция» соли для всего края, таким образом, должна была составлять 779 134 пуда[464].

Для хранения казенного вина требовалось создание особых складов – винных магазинов, строительство которых было обязательной частью исполнения программы реформы города. Однако далеко не во всех губерниях во второй половине XVIII в. имелись возможности выделения на их устроение необходимых средств. В итоге в 1802 г. решили: «Во всех тех городах, где винных магазинов вовсе нет или так обветшали, что починкою исправить их невозможно, делать вновь одни только винные земляные подвалы с деревянными внутри их, где грунт земли сыпучий, обрубами или каменными сводами смотря по надобности»[465].

Во время нашествия Наполеона повсеместно городничие и казначеи обязаны были уничтожать хранившиеся в винных магазинах вверенных им

[461] Там же. Л. 250–250 об.
[462] Там же. Л. 251.
[463] ПСЗ-I. Т. XXV. № 18703. С. 415.
[464] Там же. С. 416.
[465] Там же. Т. XXVII. № 20167. С. 65.

поселений запасы казенного спиртного. Так, согласно одному из отчетов, при приближении французов и их союзников к Боровску «с 29 на 30 число августа 1812 года… дабы не пасть в руки неприятеля и избежать от буйств и своевольства» народа, все казенное вино было вылито на землю. Мощь хмельного потока оказалась такой силы, что он какое-то время (к ужасу очевидцев) тек от «магазейна» вниз по улице[466]. Всего в двух городах Калужской губернии, захваченных неприятелем, – Боровске и Малоярославце, в эти дни «погибло» 37 804 ведер вина, а недоимка местных винных откупщиков составила почти 64 тыс. руб.[467]

Создание и функционирование почтово-транспортных служб в городах края

Города являлись транспортными узлами, с опорой на которые функционировала вся дорожная сеть страны. Калуга входила в перечень городов – транзитных центров, стоявших на одном из важнейших «генеральных трактов» Российской империи – Киевском[468].

28 декабря 1781 г. Кречетников получил высочайшее распоряжение устроить в своем крае дома для «почтовых контор» (в терминологии того времени – станций)[469]. Их, согласно указы, требовалось учредить во всех административных центрах его региона[470], которые обеспечивали связь с Калугой, а та, в свою очередь, – с соседними губернскими городами и обеими столицами. Кроме того подобные транспортные подразделения создавались и как промежуточные между административными центрами.

В самом начале реализации замысла на Калужской земле работала одна почтовая станция, расположенная в губернском центре. Для сравнения: в

[466] ГА КО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 1051. Л. 9.
[467] Там же. Л. 1 об.
[468] РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 39. Л. 3.
[469] РГАДА. Ф. 16. Д. 729. Ч. I. Л. 295.
[470] РГАДА. Ф. 16. Д. 729. Ч. I. Л. 295.

соседней Тульской губернии почтовые конторы функционировали как в самой Туле, так и в двух уездных городах – Белеве и Ефремове. Таким образом, уездные центры к тому времени местами все же привлекались (пусть и выборочно) к исполнению почтовых обязанностей.

Для осуществления предписанного плана генерал-губернатору вменялось обязанности в первую очередь «завести» здания для почтовых контор, а также установить отношения с почтовым департаментом для обеспечения доставки почты[471]. Затем Кречетников должен был наладить почтовое сообщение со всеми смежными губерниями, что и было им вскоре исполнено[472].

Приступая к реализации предписания, генерал-губернатор, затребовав утвержденные проекты зданий, известил курировавшего его службу Безбородко, что начнет строительство по городам края летом 1782 г.[473] Еще в мае того же года в письме к Екатерине II глава края отмечал, что здания строятся, и их открытие «положительно» будет закончено[474]. За основу был взят «примерный план» почтового каменного дома, подготовленного для губернского центра – Киева; строительство оценивалось в 11 041 руб. 23 коп.[475]

В Калуге по сей день сохранилось здание почтовой станции, возведенное в начале XIX столетия.

В 1785 г. «во исполнение» того же задания Кречетников сообщил императрице, что отправил ей дорожную карту края[476], разработка которой предписывалась особым именным указом от 13 ноября 1775 г.[477]

---

[471] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 729, ч. I. Л. 295.
[472] Там же. Ч. III. Л. 10.
[473] Там же. Ч. I. Л. 295.
[474] Там же. Л. 306–306 об.
[475] РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 30. Л. 95–96 об.
[476] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 729, ч. III. Л. 10.
[477] ПСЗ-I. Т. XX. № 14395. С. 307–308.

Создание и функционирование учреждений Приказа общественного призрения

Приказ общественного призрения «возымел свое начало», как и предписывал план реформ, одновременно с открытием губернии[478]. При создании он получил от государства свой основной капитал (15 тыс. руб.), который сразу отправили на хранение в банк. Получаемые с этой суммы проценты («процентная сумма») использовались для реализации задач в области социальной работы. Кроме того, средства приказа пополнялись за счет «доброхотодателей»[479]. Именно на эти деньги уже к лету 1787 г. был возведен каменный трехэтажным дом с двумя пристроенными корпусами, где разместились учреждения приказа. Центральное здание вмещало целый комплекс учреждений: смирительный дом, дом для сумасшедших, работный дом и больница, инвалидный дом для престарелых и увечных военнослужащих[480]. Причем последний из них начал свое функционирование еще в 1777 г. («дом для упокоения престарелых как военнослужащих, так и протчих неимущих, инвалидов»[481]). По-видимому, при нем работала еще и аптека[482]. Призрение, еду и «услужение» также обеспечивал Приказ[483].

Больница возникла в Калуге в 1784 г.[484] Согласно отчетам генерал-губернатора и инспектирующих его хозяйство сенаторов она «пользовала всякого звания людей». При этом неимущие лечились бесплатно, за счет средств приказа, а прочие – с возвратом затраченных средств на пищу, лекарства «и сверх того некоторой части в пользу на содержание

[478] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 980. Л. 25.
[479] Там же. Д. 731. Л. 3.
[480] Там же.
[481] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 980. Л. 25.
[482] Калужские губернаторы. С. 16.
[483] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 731. Л. 3 об.
[484] Там же. Д. 980. Л. 26 об.

больницы»[485]. В начале XIX в. Калуге заработала еще одна «вольная» (частная) аптека[486].

Кроме того, вне основного корпуса Приказа общественного призрения в губернском центре с 1781 г. действовал «Сиротопитательный дом»[487]. Сюда принимали «несчастно рожденных» младенцев, которые содержались до трех-четырехлетнего возраста. Затем детей увозили в Московский воспитательный дом. На момент отчета (20 июня 1787 г.) «налицо» было 20 детей. В случае «умножения в сем доме приноса» их «раздавали» на воспитание «партикулярным людям»[488], получавшим на одного ребенка по 24 руб. Общая сумма содержания дома зависела от числа сирот и составляла от 500–700[489] до 1 тыс. руб. в год[490]. Ее получали преимущественно от добровольных жертвователей, и только недостающие деньги добавляли из «процентной суммы» Приказа общественного призрения[491].

Особенными зданиями располагали и богадельни Калуги. В них находили «пристанище неимущее кои по старости и болезням пропитать себя не в силах»[492]. На 1787 г. в городе имелись мужской и два женских богаделенных дома[493]. После того, как в 1777 г. деревянное здание одной из богаделен сгорело, на его месте приказ «построил» новый каменный корпус[494].

Помимо губернской Калуги богадельни функционировали и во всех уездных центрах. Результаты сенатской ревизии 1785 г. показали, что те из зданий, которые «оказались ветхи… починкою исправлены»[495]. Общее число пребывавших там лиц на момент проверки составляло 65 человек.

---

[485] Там же. Д. 731. Л. 3–3 об.; Д. 980. Л. 26 об.
[486] *Зябловский Е.Ф.* Землеописание Российской империи для всех состояний. Ч. IV. С. 183.
[487] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 980. Л. 26 об.
[488] Там же. Д. 731. Л. 3.
[489] Там же. Д. 980. Л. 26 об.
[490] Там же. Д. 731. Л. 3.
[491] Там же. Д. 980. Л. 26 об.
[492] Там же. Л. 25.
[493] Там же. Д. 731. Л. 3.
[494] Там же. Д. 980. Л. 25.
[495] Там же. Л. 25 об.

Престарелые содержались как на деньги Приказа общественного призрения, так и за счет частных пожертвований[496], благодаря которым в Мосальске и Лихвине были тоже построены каменные богаделенные дома[497]. Кроме того, в 1800 г. рядом с Козельском (в «особой слободе») проживала инвалидная команда, члены которой находились на попечении Государственной военной коллегии[498].

Достигнутый в первые годы реформы результат со временем получил даже некоторое развитие. Так, в 1810 г. в губернском центре было уже пять богаделен[499].

В начале мая 1777 г. Кречетников сообщил императрице о том, что приступил к подготовке «заведения» в Калуге двух училищ: «первого для воспитания юношества дворянского, а другого для купеческих и мещанских детей». Открытие планировалось на летние месяцы того же года[500]. Работа эта была весьма объемная. Помимо решения хозяйственных задач наместник должен был собрать сведения «о числе по Дворянским опекам оставшихся малолетних, после родителей, а в городах, о купеческих и мещанских детях, ведомостей, с показанием и того, кто из них в доме, и кто в училище просвещение приобресть желает»[501]. Таким образом, учитывая выяснение числа имеющих возможность получать обучение домашним образом, можно предположить, что власти стремились устроить в училища в первую очередь сирот, разместив их по двум сословным учебным заведениям в соответствии с социальным статусом.

Финансирование обоих училищ осуществлял Приказ общественного призрения. Поиск здания упростился благодаря «благотворению» со стороны калужского купца Шемякина, передавшего принадлежавший ему дом с каменным и деревянным строениями в распоряжение приказа.

---

[496] Там же. Д. 731. Л. 3.
[497] Там же. Д. 980. Л. 25 об.
[498] РГИА. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 59. Л. 72 об.
[499] *Зябловский Е.Ф.* Землеописание Российской империи для всех состояний. Ч. IV. С. 183.
[500] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 729, ч. I. Л. 44.
[501] Там же. Л. 46 об.

Большой объем работ вынудил главу региона в начале мая 1777 г. написать императрице о переносе срока «открытия» обоих учебных заведений с лета на «исход года, и имянно 24-го ноября»[502]. Работа шла полным ходом, а сам наместник был лично заинтересован в реализации проекта: на весь ноябрь 1777 г. он преднамеренно остался в Калуге, «дабы преуспеть в совершенствовании нужнейшим по сей губернии деле» открытия училищ[503].

Курс преподавания в них зависел от происхождения учеников. Детей купцов и мещан учили грамматике и арифметике, дворян – еще иностранным языкам, рисованию и танцам[504]. Обучение было платным, «кроме бываемых совершенно неимущих», которые учились и содержались «от Приказа общественного призрения и с тою же доставленной от дворянства суммы»[505].

Дворянское училище в Калуге открылось не позднее 1778 г. Среди его подопечных в этом году значилось «благородного юношества 35 [человек], в том числе мужеска полу 26, девиц 9». К этому времени как раз достраивалось особое здание для заведения. Деньги на него были получены «из внесенной от дворянства суммы»[506]. Только на сооружение дома без внутренней отделки, по данным ревизии, было потрачено 11 733 руб. 49 ½ коп.[507]

Учебное заведение находилось в ведении как со «стороны Приказа общественного призрения», так и «особенно одной доверенной персоны» – иностранца Мартена, который содержал его «по контракту»[508].

Уже в 1777 г. в Калуге и девяти уездных городах заработали «градские школы», финансировавшиеся исключительно «от купечества и протчих доброхотнодателей»[509]. Судя по всему, эти заведения остро нуждались в

---

[502] Там же.
[503] Там же. Л. 58 об.
[504] Калужские губернаторы. С. 16.
[505] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 980. Л. 26.
[506] Там же. Л. 25 об.
[507] Там же. Л. 29.
[508] Там же. Л. 25 об.
[509] Там же. Л. 26.

средствах и вскоре многие из них «упразднились»[510]. Была и еще одна причина, на которую указывали уже сами власти: «Начально вступившие в те школы ученики изучены, а вновь желающих не входило»[511].

В итоге школы остались только в Калуге и четырех уездных городах: Боровске, Малоярославце, Мосальске и Перемышле[512].

24 ноября 1783 г. функционировавшая в губернском центре народная школа приняла для работы новый, созданный комиссией народных училищ, «способ к учению юношества»[513]. В рамках нее училища, «заведеные» в четырех уездных центрах края, были преобразованы в «народные школы по новоизобретенному учении способу». В каждом из них работало по два класса, где преподавались российская грамматика, правописание, катехизис, изучались «книги о должности гражданина и человека»[514].

Под упомянутым в отчете генерал-губернатора «новоизобретенным учении способе» подразумевался переход на новые учебные книги «и прочие к тому принадлежности»[515]. Их появление в России было связано с Янковича де Мириево, опытным педагогом, сербом по происхождению, приехавшим в страну из Вены по просьбе Екатерины II. С его помощью переводились австрийские учебники, считавшиеся на тот момент последнем словом в педагогической мысли, и государство приступило к массовому типографскому тиражированию учебной литературы. Кроме того был подготовлен переход к европейской системе народного просвещения[516]. Программным документ реформы выступит, принятый Екатериной II в 1786 г., Устав народных училищ. Согласно ему в городах повсеместно вводились губернские четырехклассные и уездные двухклассные учебные заведения[517].

---

[510] Там же.
[511] Там же.
[512] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 980. Л. 26
[513] Там же. Д. 729, ч. I. Л. 330.
[514] Там же. Д. 729, ч. I. Л. 330.
[515] Там же. Д. 729, ч. I. Л. 330.
[516] *Корнилов А.А.* Курс русской истории России XIX века. М., 1993. С. 32.
[517] *Ватник Н.С.* Просвещение // Подмосковье из века в век: сборник исторических очерков. М., 2006. С. 444.

В результате данного решения 12 августа 1786 г. калужский наместник получил указание императрицы – обеспечить открытие «[Главного] народного училища» в губернском городе. Но, судя по всему комплексу документов, письмо это, скорее всего, имело значение не приказа, а текущего подтверждения готовности. Тем более что через месяц (22 сентября) в губернский центр уже должны были прибыть «учители с книгами и штатом»[518]. Из ответного «репорта» становится известно, что в двух подведомственных главе края губернских городах (Калуге и Туле) Приказами общественного призрения уже были построены каменные дома – здания «довольного пространства» для «введения сих училищ»[519].

22 сентября 1786 г. (дата намеченного прибытия учителей и учебных книг) должно было стать и днем начала работы губернского учебного заведения. Наместник назвал его «всерадостным»[520]. Так ли это было, документы не раскрывают, но из них ясно, что в 1787 г. в Калуге уже работало Главное народное училище, в котором обучались 184 воспитанника.

В 1785 г., по данным сенатской ревизии А. Воронцова и А. Нарышкина, во всех школах обучался 171 ребенок: «По калужской [школе] 103, боровской 11, малоярославецкой 20, перемышельской 10, масальской 27»[521].

Учебные заведения управлялись Приказом общественного призрения, но финансировались из сумм, специально «собранных за учение, кроме только, что от приказа платится калужской школы учителю жалованья по 120 ру[блей] в год». При этом большее число детей относилось к неимущим «разного звания»[522].

1804 г. в ходе реформы школы Главное народное училище было преобразовано в мужскую гимназию города Калуги[523]. Тогда же начали

---

[518] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 729, ч.. III. Л. 84.
[519] Там же. Л. 84 об.
[520] Там же.
[521] Там же. Д. 729, ч. I. Л. 330.
[522] Там же.
[523] Калужские губернаторы. С. 16.

работу 14 приходских училищ. Годом раньше в губернском центре открылся Лесной институт, переведенный в 1813 г. в «северную» столицу[524].

Наряду с народными училищами, подчинявшимися Приказу общественного призрения, в Калуге еще в 1793 г. возникло закрытое дворянское училище – Дворянский корпус (Дворянский благородный пансион)[525].

Благородный пансион своих учителей не имел, и 22 человека, обучавшиеся в нем, посещали занятия губернской гимназии и уездного училища. Приходские училища, находившиеся в то время в уездных центрах, не располагали «особыми» (собственными) доходами и поэтому, как и раньше, существовали только за счет градских дум «помянутых городов». Такое же положение было и у Людиновского училища, с тем только исключением, что деньги на поддержание его работы давал владелец Людиновского завода.

К ведению «Приказа» относились смирительный и «рабочий» (работный) дома, которые возникли в Калужской губернии с небольшим интервалом, соответственно в 1777 и 1783 гг. Первый, призванный изолировать общество губернии «от предерзостей добронравие повреждающих» лиц, изначально расположился в специально выстроенном в 1779 г., но временном («на первый случай») деревянном здании. Работы были выполнены за счет Приказа общественного призрения и обошлись ему в 846 руб. 22 коп.[526] Однако как только в 1783 г. приказ возвел специальное каменное сооружение для открываемого работного дома, туда перевели оба учреждения[527].

«Ссылаемых» лиц использовали на работах как внутри, так и вне «домов», вырабатываемые ими изделия «обращали в пользу» приказа. На момент ревизии сенаторов А. Воронцова и А. Нарышкина на балансе

---

[524] Там же. С. 55.
[525] Там же. С. 40.
[526] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 980. Л. 29.
[527] Там же. Л. 26–26 об.

смирительного дома находился один человек – «рекрутская жена Анисья Сафронова, найденная в неистовом житии», посаженная под замок на полгода. В «рабочем» доме на тот момент «никого как самоизвольно в приход, так и в присылке ни от коль до ныне не имелось»[528].

Сохранились данные приходных и расходных сумм приказа на лето 1787 г. Они дают представление не только о величине затраченных средств, но и о деятельности учреждения в первые годы становления Калужской губернии.

Реализация планов реформы города в Калужской губернии имело свои отличия. В том числе при формировании структур Приказа было заметно, что местные руководители стремились учредить их буквально незамедлительно. Для размещения новых учреждений использовали любые имевшиеся в городах свободные помещения или здания, специально возведенные «на первое время». Эти сооружения были деревянными и не вполне пригодными для данных целей. Однако, нельзя не признать, что как только руководители региона изыскивали средства, на них строились специальные дома для школ, больниц, смирительных домов и иных социальных учреждений.

Успешная реализация программы создания всех органов Приказа общественного призрения была абсолютно невозможна без привлечения пожертвований со стороны городских общин и меценатов. Для сравнения: в 1777– 1785 гг. доходы приказа от основного капитала составили 8 329 руб. 7 ¼ коп., размеры же частных пожертвований составили 8 207 руб. 43 коп.[529] Таким, образом, во многом за их счет и возникла социальная структура губернского центра. Тем более что целые графы расходов (например, на содержание брошенных младенцев и на «градские школы») «покрывались» деньгами, полученными от «доброхотодателей»[530]. Их привлечение в

[528] Там же. Л. 26 об.
[529] Там же. Л. 27 об.
[530] Там же. Л. 26 об.

значительной степени являлось заслугой наместнических и губернских властей, что было особо прописано в перечне обязанностей глав регионов.

В итоге уже к началу XIX в. «устроение» ведомств Приказа общественного призрения в Калуге оказалось практически полностью завершено[531]. Многое было сделано и по уездным центрам. И это, несмотря на то, что губерния не располагала исключительными экономическими возможностями.

Культурная среда. Функция ретрансляции культуры

Частью процесса официального открытия Калужской губернии стало создание в наместническом центре во время торжеств января 1777 г. ни много ни мало собственного городского театра. Явления важного, порожденного процессом внедрения норм просвещения и моды на театр, установленной императрицей. Однако по тем временам для регионов страны данное событие было чем-то из ряда вон выходящим.

Такое рвение со стороны Кречетникова объясняется не только его подчеркнутой приверженностью к просвещению или желанием устроить грандиозный праздник по случаю открытия губернии. Сановник метил выше – он только начинал формировать собственное наместничество (генерал-губернаторство), которое должно было состоять из нескольких губерний, в которых генерал-губернатор фактически замещал собой саму императрицу. Ядром этого крупнейшего регионального объединения неизбежно становилась Калуга как первый центр из учрежденных им губерний. Здесь находились и дом наместника[532], и наместническое правление[533]. Таким образом, Калуга превращалась в своеобразный «столичный город» обширного региона. А так как наличие театра и тогда, и потом являлось

[531] Там же. Л. 26–26 об.
[532] Там же. Д. 729, ч. I. Л. 17.
[533] ПСЗ-I. Т. XX. № 14589. С. 503.

признаком столичного статуса[534], его появлением генерал-губернатор оформлял и свое исключительное, но вполне законное положение наместника (генерал-губернатора) в данной части империи.

Показательно, что Кречетников задумал создание театра не просто до «открытия» Калужской губернии (январь 1777 г.), но даже до собственного прибытия в город в качестве наместника (сентябрь 1776 г.). Документы сохранили свидетельства, что первые актеры, нанятые им в Петербурге, стали прибывать к месту своей будущей службы уже в 1776 г. Причем трое из них даже получили деньги «в счет жалованья» (15, 20 и 25 руб.). В числе прибывших были Василий Луков, Иван Ермолин, Егор Порываев и Николай Никитин[535].

В «доношении» от 21 января 1777 г. Кречетников сообщал Екатерине II, что «попечение» над театром возложено на полковника Титова. Генерал-губернатор также просил «покрыть затраты на строительство», стремясь тем самым добиться, «чтобы театр в Калуге удержать навсегда». Впредь он обещал, что «будет уже он собою оплачиваться»[536]. Помимо заверений «наместник калужский и тульский» осуществлял для этого конкретные и важные шаги. Так, специально для роста профессионального мастерства своих лицедеев Кречетников повелел перевести теоретический труд об игре на сцене одного из «итальянских актеров французской культуры» театральной семьи династии Риккобони. Кроме того, уже в начале 1790-х годов в городе приступили к строительству полноценного театрального здания[537].

---

[534] Большой Московский театр и обозрение событий, предшествовавших основанию правильного русского театра. М., 1857. С. 51; *Погожев В.П.* Столетие организации Императорских Московских театров. Вып. 1, кн. 2. С. 290; *Куприянов А.И.* Городская культура русской провинции ... С. 149.

[535] *Малинин Д.И.* Начало театра в Калуге. Калуга, 1912. С. 12.

[536] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 729, ч. I. Л. 31.

[537] *Гуревич Л.Я.* История русского театрального быта: от середины XVII до начала XIX века. Изд. 2. М., 2012. С. 200.

На первых порах общие размеры затрат на устроение театра составили 1 800 руб.[538] Актеры, согласно воспоминаниям очевидца, хотя играли и «изрядно», но все же были «далеко от совершенства своего»[539]. Но, по крайней мере, первые выступления вызвали у зрителей огромный интерес. Предприятие даже начало окупаться, что было совсем не характерно для театрального дела того времени и свидетельствовало о большом его успехе. Денег, полученных от продажи билетов, хватало не только на покрытие текущих расходов, но позволяло возвращать часть средств, затраченных на создание театра. В период с 7 января 1783 по май 1785 г. «по данной графе» было внесено 600 руб.[540]

С 1783 г. (и по некоторым данным до 1788 г.[541]) калужский театр возглавлял Пафнутий Сергеевич Батурин (1746-1803) – отставной военный, известный в свое время своими литературными приведениями, в том числе и драматургического характера. В частности его пьеса «Бездушник», написанная в 1783 г. и поставленная в театре Дмитриевского[542], бесспорного авторитета русской сцены. Уже один это факт говорит о творческом потенциале главы Калужского театра. Таким образом, Батурин был достаточно известен в культурных кругах России.

Через год в 1784 г. Кречетников лично пригласил его в Калугу, где тот занял место советника палаты гражданского суда. Но по сути, это назначение было формальным. Новому губернскому чиновнику было поручено «два особых поручения»: управление театром и типографией[543]. С именем этого человека связан расцвет театральной культуры города. Батурин, по поручению наместника[544], попытался построить для театра новое, более приспособленное для сценических нужд здание. Подготовленный им проект и план получили одобрение генерал-губернатора, и директор приступил к

[538] *Малинин Д.И.* Указ. соч. С. 20.
[539] Голос минувшего. 1918. № 1/3. С. 75.
[540] *Малинин Д.И.* Указ. соч. С. 20.
[541] Там же. С. 29.
[542] Калужский театр, Тула. Тула, 1977. С. 25-26.
[543] Там же. С. 26.
[544] Голос минувшего. 1918. № 1/3. С. 74.

сбору пожертвований для реализации задуманного. В итоге Батурину удалось собрать до 4 тыс. руб., но на этом дело застопорилось. По утверждению самого Батурина, причина крылась в интригах, направленных лично против него[545].

В 1788 г. Батурин оставил Калугу и перебрался в Тулу, но театр продолжал работать. Во всяком случае, в 1793 г. на его сцене в связи с прибытием в город нового наместника Кашкина прошла специально подготовленная к этому случаю постановка с «говорящим» названием «Обрадованные Калуга и Тула»[546].

Успех театрального дела (особенно на стадии его становления) был чрезвычайно уязвим. Помимо художественной и профессиональной составляющих, само существование театра зависело от наличия достаточно широкого круга ценителей сцены, а также, без преувеличения, от таланта и находчивости директоров. Риск полного разорения и исчезновения был весьма велик. Коснулось это и Калуги. По замечанию доктора Гунна, проезжавшего через город в 1805 г., «калужский театр собственных актеров не имеет, а играют в нем иногда актеры князя Козловского»[547]. Впоследствии театр на какое-то время исчезал, но неизменно возрождался. В итоге, несмотря ни на какие бедствия и утраты[548], театр в Калуге продолжает свою работу.

Другим детищем Батурина стала созданная в Калуге типография, сыгравшая важную роль в деле просвещения края[549]. Время ее учреждения точно неизвестно. По аналогии с другими губерниями можно предположить, что это произошло в результате осознания невозможности вести делопроизводство без печати массы административных документов[550].

---

[545] Там же. С. 75.
[546] Калужские губернаторы. С. 26.
[547] *Малинин Д.И.* Указ. соч. С. 42.
[548] *Ассонов В.И.* К истории театра в Калуге // Известия Калужской ученой архивной комиссии. Калуга, 1911. Вып. XXI. С. 58–69.
[549] Голос минувшего. 1918. № 1/3. С. 74.
[550] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 576. Л. 108 об.

Батурин стал руководителем типографии в Калуге не позднее 1785 г., когда под его началом увидела свет книга «Собрание разных нравоучительных повествований и басен», куда издатель поместил и несколько своих произведений. Между 1785 и 1788 г. в типографии напечатали четыре книги, а в 1788 г. увидели свет еще 27 .

Скорее всего, уже в 1788 г. калужская типография прекратила работу, что было связано с отъездом Батурина из губернии. Но уже в 1793 г. ее деятельность возобновилась[551]. Здесь в 1794 г. наместник ярославский и вологодский Кашкин издал собственный перевод «Севильского цирюльника»[552], что отражено в семейном предании дворянского рода Кашкиных, подтвержденного воспоминаниями одного из очевидцев.

На исходе века, в 1793 г., в Калуге начала работать первая в губернии публичная библиотека. Ее учредили 1 ноября 1793 г., когда на заседании Приказа общественного призрения приняли решение об открытии библиотеки при Главном народном училище. Согласно этому постановлению, «охотники до чтения книг» могли посещать заведение «безденежно», а желающие взять книги на дом делали бы это за небольшую плату[553].

Культурный потенциал губернского города подпитывался и тем, что Калуга являлась центром епархии (одним из 20 епархиальных центров 3-го класса)[554]. Это обстоятельство создало условия, способствовавшие активизации различных сторон интеллектуальной и культурной жизни края.

Впрочем, духовная жизнь Калуги способствовала развитию здесь и светской мысли. Например, в 1803 г. преподаватель истории Калужской гимназии Г. К. Зельницкий[555] начал издание журнала «Урания»[556]. На его страницах печатались статьи основателя издания, посвященные истории,

---

[551] Калужские губернаторы. С. 40.
[552] Там же. С. 25.
[553] Там же. С. 40.
[554] *Зябловский Е.Ф.* Землеописание Российской империи для всех состояний. Ч. III. С. 143.
[555] Русская периодическая печать (1702–1894): Справочник. М., 1959. С. 110.
[556] Калужские губернаторы. С. 55.

географии и экономики Калужской земли, а также стихи, проза и реже переводы[557].

Благоустройство. Регулярный город

Проводя реформу города, власти стремились создать условия для его развития, ликвидировать главные местные беды: грязь, крайнюю пожароопасность, отсутствие необходимой инфраструктуры (в первую очередь в области управления и торговли) и др. В качестве инструмента достижения этих целей использовали программу придания всем городам обязательного регулярного облика.

Во всех регионах благоустройство касалось в первую очередь губернского центра. По нормам того времени это было оправданным – город являлся не только лицом губернии, но и местом сосредоточения всех региональных структур – от присутственных мест и торговых рядов до учебных заведений и тюрем. Кроме того, Калуга выступала центром наместничества, что придавало ей дополнительный вес. В итоге среди всех административных центров края устройство именно Калуги привлекло особое внимание властей.

Уже в первые годы проведения реформы в городе построили целый набор обязательных для губернского центра сооружений. Они одновременно обеспечивали его функционирование и представляли доказательство особого статуса. Также велось целенаправленное благоустройство улиц.

В 1776 г. осуществили топографическую съемку Калуги. На ее основании архитектор П.Р. Никитин (с которым наместник работал еще в Твери, будучи ее наместником (губернатором) в 1776 г.[558]) подготовил план

[557] Русская периодическая печать (1702–1894): Справочник. М., 1959. С. 110.
[558] Губернии Российской империи. История и руководители, 1708–1917. М., 2003. С. 295.

переустройства. В Петербурге план утвердили, правда, после его рассмотрения и заметной переработки[559].

Только при Кречетникове в Калуге заново обустроили ряд улиц: Московскую (Ленина), Ильинскую (Кутузова), Никольскую (Луначарского) и др.

В рамках плана создания регулярного города магистрали выпрямляли и расширяли, для чего церкви переносили в новые места. Через весь город была проложена Садовая улица (Кирова) с двумя площадями. Велось активное каменное строительство. Были снесены ветхие казенные дома старого острога (гауптвахта, канцелярия и воеводский дом). Для администрации возвели обширные присутственные места. Вместо старых деревянных лавок заложили каменный Гостиный двор (1782 г.), начали возведение нового Троицкого собора (1786 г.), появилось здание почты (1780 г.) и знаменитый каменный мост-акведук. (Весьма показательно, что все эти сооружения до сего дня исполняют функции, предписанные им почти 250 лет тому назад.) Всего за 25 лет (1760–1785 гг.) в Калуге число каменных домов увеличилось с 83 до 219[560], т.е. почти на 170%!

К маю 1786 г. в губернском центре на двух больших улицах (Московской и Тульской) установили фонари. Расстояние между ними составило 50 саж. Освещение зажигали исключительно в осеннее и зимнее время, причем светил только каждый второй фонарь[561].

Однако, несмотря на многочисленные изменения и высокий статус, Калуга оставалось типичным среднерусским городом своего времени. Для ее жителей было характерно наличие полусельского домашнего хозяйства. Обыватели в массовом порядке держали домашнюю скотину. По улицам ходили коровы и свиньи. Подобное положение дел наблюдалось повсеместно[562].

---

[559] Калужские губернаторы. С. 55.
[560] Там же. С. 15–16.
[561] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 729, ч. III. Л. 76 об.
[562] *Барщевский И.* Указ. соч. С. 244.

Отсутствие присмотра за скотиной в Калуге понижало престиж этого нерядового города. Животные не только нарушали его регулярный вид, но и оставляли массу испражнений. Помимо непристойности ситуации, за ними требовалось убирать, а местные власти не могли похвастаться наличием у них необходимых для этого свободных средств и сил. Такое положение дел одновременно и возмущало, и пугало администрацию. Она неоднократно издавала распоряжения, «чтобы скота, а паче свиней по улицам не пускать». Но это мало что меняло. По словам Кречетникова, переломить такое положение дел было трудно, так как «сие было в величайшей привычке». Однако в 1784 г. терпение наместника лопнуло: пойманные на улице две свиньи по его личному приказанию были «не возвращены хозяевам», а «отданы стоящему караулу на гоубвахт на пищу». Такая мера дала результат – горожане перестали выгонять скотину на улицу, и «сей непорядок» был сразу и полностью прекращен[563], во всяком случае, в бытность генерал-губернатором Кречетникова.

Открытие Калужской губернии и наместничества было утверждено указом Сената от 28 февраля 1777 г., а регулярные планы для Тарусы и Медынска Екатерина II утвердила уже 20 октября того же года[564]. 19 февраля 1779 г. императрица конфирмовала их еще шести уездным центрам: Боровску, Перемышлю, Лихвину, Мосальску, Серпейску и Малоярославцу[565].

Если поселения относились к категории «старых», их переустраивали частями по местам очередного пожара, очищавшего эту часть города от прежней застройки. Пример такой работы дает, в частности, древний город Козельск. К началу лета 1777 г. (первого года со дня открытия губернии) здесь были готовы канцелярия, Магистрат, и, возможно, другие здания. Однако 7 июня произошел страшный пожар, в ходе которого выгорело 336 «обывательских домов», 6 церквей, канцелярия и Магистрат[566].

---

[563] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 729, ч. III. Л. 76 об.
[564] ПСЗ-I. Т. XX. № 14667. С. 565.
[565] Там же. № 14840. С. 789.
[566] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 729, ч. I. Л. 51.

Прибывший на пепелище генерал-губернатор приказал «снять с города план» и на его основании подготовить для высочайшего утверждения проект «нового регулярного плана». В Петербурге, не откладывая решения этого дела в долгий ящик, подготовили проект за 2,5 месяца, и уже 31 августа 1777 г. императрица «Всевысочайше соизволила конфирмировать всеподданнейше подносимый от Комиссии план калужского наместничества города Козельска»[567]. Вскоре этот план был отправлен для исполнения калужскому генерал-губернатору.

Важной частью придания назначенным из сел городам требуемого облика являлось возведение здесь соборных церквей. Не случайно вопросом их устроения в «новоучрежденных» Медыне (Медынске) и Жиздре интересовалась у наместника лично Екатерина II. Кречетников обещал государыне выстроить их из суммы Приказа общественного призрения за два-три года[568].

Известно, что церковь в Медынске была освящена не позднее 27 июня 1784 г.[569]

Гарнизонные войска и военно-квартировочная функция

Не в каждом городе постоянно присутствовали регулярные войска. Даже в тех поселениях, где они, как правило, квартировали, были эпизоды, когда армейские подразделения надолго оставляли места своего пребывания. Однако воинские части являлись важной внешней чертой жизни города и даже условием его функционирования.

Город мог являться местом как временного (почти случайного) пребывания войск, так и пунктом постоянного их расположения. В обоих вариантах подразделения составляли местный гарнизон.

---

[567] ПСЗ-I. Т. XX. № 14646. С. 548.
[568] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 729, ч. I. Л. 80.
[569] Там же. Л. 154.

На территории вверенного Кречетникову генерал-губернаторстве приблизительно в 1786–1787 гг. была расквартирована 6-я дивизия[570]. На тот момент она состояла из двух полков общей численностью 2 169 военных всех чинов при недокомплекте в 99 человек[571].

Помимо проживания в городе, военные поддерживали порядок как на его территории, так и по всей губернии. Особую необходимость власти испытывали в наличии у них конных разъездов. Работа эта была не просто важна, а остро необходима, чему дает пример история Калужского края.

Конец 1768 г. стал временем крайней нехватки армейских и гарнизонных подразделений во многих частях страны. В ноябре 1768 г. в ходе начавшейся войны с Османской империей (1768–1774) из Калуги по приказу Военной коллегии были отправлены в действующую армию в буквальном смысле слова «последние команды». Это были уже даже не армейские части, давно ушедшие на юг, а полицейские городские отряды, обеспечивавшие охрану и отправку партий арестантов. Арестованных и этапируемых преступников в Калуге и других городах губернии оказалось просто некому охранять. В дело вынужден был вмешаться московский генерал-губернатор граф П.С. Салтыков, который (в нарушение распоряжения Военной коллегии!) приказал в Калуге «из оставшихся там в роте оставить… 2-х ундер офицеров и 24 чел. рядовых»[572]. По-видимому, это было всё, чем располагал гарнизон крупного города и центра обширного уезда как для охраны «колодников», так и для борьбы с разбоями, которые были частым явлением не только на дорогах, но в самом городе. Аналогичная ситуация сложилась и на территории других губерний Центральной России.

В 1796 г. «непременные квартиры» армии находились только в одном городе Калужского края – ее губернском центре. Здесь согласно «высочайшему расписанию» расположилось на квартиры одно из

[570] Там же. Л. 109.
[571] Там же. Ч. III. Л. 109.
[572] Там же. Д. 5621. Л. 95.

подразделений 2-й Московской дивизии – гусарский полк под командованием бригадира Линденера[573]. В 1801 г. в Калуге квартировала часть мушкетерского полка, некоторые его подразделения стояли также и в Туле[574].

* * *

Подводя итоги процесса формирования городской сети и осуществления реформы города в рамках Калужской губернии, преждевременно делать выводы о становлении городских функций и институтов в масштабе всей страны.

В первую очередь потому, что данные по разным губерниям заметно разнятся. Это вызвано неодинаковой степенью реализации задач программы преобразований, полнотой и результативностью их итогов, а также объемом и сохранностью дошедших до нас источников. Таким образом, анализ результатов преобразований рационально проводить на основании данных по нескольким административным единицам, существовавшим в рамках единого исторического региона.

Впрочем, проведение реформы города и административно-территориальной реформы в каждой из губерний имело свои характерные отличия.

Как мы видим, в начале процесса преобразований власти в Петербурге и на местах не вполне представляли себе сам механизм реализации принятой ими программы. Каждая новая территория на основании полученного здесь опыта способствовала формированию общего пакета решений. Екатерина II не случайно выбрала Кречетникова на роль калужского, тульского и рязанского генерал-губернатора. Будущий сановник перед этим служил под

[573] ПСЗ-I. Т. XLIII, ч. I. № 17606. С. 2.
[574] Там же. № 19951. С. 727.

началом Я.Е. Сиверса – талантливого администратора, начавшего процесс преобразований в своем наместничестве. Таким образом, его ученик прошел необходимую школу и позже, в знак признательности, даже пригласил учителя как почетного гостя на праздник по случаю открытия Калужской губернии и своего генерал-губернаторства.

Важной особенностью осуществления реформы города в Калужском крае была новизна этого процесса. Глава региона даже точно не знал, когда и после чего объявлять о начале работы вновь учрежденной административно-территориальной единицы. В итоге в документах остались три вполне официальные даты ее «открытия».

Большую сложность в этой части страны представлял поиск поселений, пригодных на роль уездных центров. Какое-то время новоустроенная городская сеть края существовала без ряда высочайше предписанных элементов. И даже теряла их после официального объявления.

Нередки были случаи, когда местной администрации приходилось с большими сомнениями принимать решение о том, какое поселение может быть назначено на «должность» города. Представление о волюнтаристском характере управления в данном вопросе не подтверждается. Кречетников должен был выполнить возложенную на него обязанность устроения губернской городской сети, состоявшей из 12 городов, и перебирал варианты, реально имевшиеся в его распоряжении. Выбор этот был весьма ограниченным. В результате в работе администратора-реформатора, решавшего, казалось бы, рутинные задачи, большую роль играло творческое начало: не раз возникала необходимость поиска нетрадиционного подхода, так как иным способом воплотить в жизнь предписанную сверху программу было попросту невозможно.

Рассматривая проведение реформ на территории «проектируемой» губернии, применявшиеся при этом приемы часто характеризуют как сугубо административные. Подобное положение дел имело место, но при изучении делопроизводства Калужского края прослеживается стремление генерал-

губернатора отказаться от сугубо формального решения вопросов, прежде всего в отношении основной массы городских обывателей. И это в период, который «заклеймен» как крепостнический и даже рабский. Например, при утере поселением статуса города его жители не переводились в состояние государственных крестьян, что вполне соответствовало структуре и правилам организации общества того времени. За жителями разжалованных городов сохраняли состояние городских сословий, предусматривающее более привилегированный статус.

Петербург также не был заинтересован в росте недовольства на местах из-за излишней ретивости наместников. Доходило до того, что последним приходилось подробно отчитываться перед императрицей о своих решениях в случае получения ею жалоб на их действия. Подобное имело место и в отношении Кречетникова весной 1782 г.[575]

Реализация проекта реформирования города в рамках Калужской губернии была достаточно последовательной и полной. За десятилетие генерал-губернатор реализовал все пункты предписанного ему плана: учреждение и устройство присутственных мест, обеспечение жильем чиновников, возведение соборных храмов в «новоучрежденных» городах, открытие Управы благочиния и Приказа общественного призрения, а также формирование приданных им структур, благоустройство города, внедрение регулярного плана, развитие связи, создание резервных складов-«магазéйнов» и т.д. Поражает масштаб начатого и сделанного. Особенно в рамках проводившегося им строительства и переустройства.

Кречетникова уверенно и планомерно делал свою работу, чем, наверняка, и заслужил расположение государыни. Весьма показательно, что, отойдя от управления Калужским краем, он, находясь в малороссийских землях, и там проявлял заботу о своем генерал-губернаторстве, изыскивая средства для завершения строительства главного соборного храма Калужской губернии.

---

[575] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 729, ч. III. Л. 76–77 об.

На поворотных моментах истории особую роль играют яркие личности. Данное утверждение справедливо и для времени реформ, которое, бесспорно, тоже может быть отнесено к переломным. Жизнь и развитие всех «новоустроенных» губерний напрямую зависели от личности наместника. Кречетников давал пример, что называется, крепкого управленца и просвещенного вельможи. Удивительно, с какой спокойной уверенностью он «устраивал» на местах систему образования. Пусть примитивную, но она возникала (как практически все создаваемое в то время) фактически на пустом месте.

Наместник создал в Калуге даже городской театр – для того времени явление исключительное, почти авантюрное, так как круг лиц, способных стать потребителями этого продукта не только в провинции, но даже в столицах, был пока еще весьма узким. Появление наместнического театра говорило и личности самого генерал-губернатора, рассматривавшего себя (впрочем, вполне законно) в качестве правителя обширного края. Амбиции создателя губернии, как и его характер, наглядно проявились в масштабном празднике, устроенном Кречетниковым в честь открытия Калужской губернии и начале функционирования его генерал-губернаторства.

Глава 3.
Становление городской сети Ярославской губернии

Учреждение городской сети Ярославской губернии

В череде создания на территории ядра Центральной России новых губерний «открытие» (начало функционирования) Ярославской губернии стало вторым после Калужской. Своим появлением административное образование продолжило процесс по разведению земель Волго-Окского междуречья по новым «малым» губерниям, который начался с Калуги и закончился Москвой. В этом отношении формирование Ярославской губернии являлось логичным после учреждения (объявления о создании и предстоящем «открытии») Калужской. Весьма показательно, что день «открытия» Калужской губернии – 28 февраля 1777 г.[576] – является и датой учреждения Ярославской губернии.

Появление новой административной единицы представляет собой развитие и еще одного процесса – создания очередного наместничества во главе действительным тайным советником Алексеем Петровичем Мельгуновым. В состав мощного, подвластного ему административного образования помимо Ярославской, войдут также Вологодская (учреждена 25 января 1780 г.)[577] и на какое-то время Архангельская (26 марта 1784 г.)[578] губернии.

---

[576] *Писарькова Л.Ф.* Государственное управление России в первой четверти XIX века ... С. 702.

[577] ПСЗ-I. Т. XX. № 14973. С. 911.

[578] Там же. № 15968. С. 86.

Именно Ярославль окажется важным центром всего наместничества: в ноябре 1777 г. здесь уже находилась официальная резиденция генерал-губернатора (наместника)[579].

Учреждение Ярославской губернии в рамках не просто нескольких, а разнохарактерных территориальных образований вполне закономерно: «ярославщина» изначально находилась на стыке трех исторических территориальных образований, принимая равное участие в жизни каждого из них. К ним относятся: территория исторического ядра России, пространства так называемого Русского Севера и земли Северо-Западного региона. Последний был связан с быстро набиравшей силы новой «северной» столицей. Русский Север оказался под началом А.П. Мельгунова, а Северо-Запад (если не брать Петербург, который, как столица, стоял особняком) – Я.Е. Сиверса (Новгородская, Псковская и Тверская губернии).

Положение на стыке трех исторических регионов в значительной степени обусловило особенности края, придав ему большие возможности для развития, а также сформировало у местных жителей предприимчивость, которой ярославцы, без преувеличения, были известны всей стране.

Учреждение Ярославской губернии было объявлено Указом от 28 февраля 1777 г.[580] А спустя всего месяц (1 апреля) Мельгунов прибыл в Ярославль – «столичный» город своего будущего генерал-губернаторства.

20 марта по дороге к месту службы новый наместник из-за распутицы застрял в Москве и вынужден был провести неделю в Первопрестольной. Впрочем, затянувшаяся непогода не остановила его: через восемь дней с момента начала таяния снегов Мельгунов, следуя к месту службы (по-видимому, не без риска) перебирался по льду рек, который уже начинал таять[581]. Это позволило ему гарантированно оказаться в Ярославле, чего не случилось бы, задержись он в Москве еще на несколько дней.

---

[579] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012, ч. I. Л. 14 об.
[580] ПСЗ-I. Т. XX. № 14590. С. 503.
[581] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012, ч. I. Л. 1.

Въехав в город, генерал-губернатор первым делом внимательно осмотрел его, выявив возможности обустройства аппарата губернского управления. Одновременно с этим сановник готовился провести ревизию поселений, намеченных на роль уездных центров.

Еще 28 февраля 1777 г. Мельгунов вместе с указом об учреждении губернии получил «примерное расписание оной на 12 уездов»[582]. В наличии было всего шесть поселений: Ярославль, Романов, Кинешма, Любим, Ростов и Углич. Для учреждения еще шести «недостающих» уездных центров только предстояло найти подходящих «кандидатов». «И какие вновь города для приписания к ним уездов назначить нужно будет Нам самолично представить», – целеполагала наместника императрица[583]. В соответствии с требованиями Екатерины II Мельгунов объехал будущую губернию и лично «освидетельствовал» намеченные уездные центры, предложенные Петербургом в «примерном расписании». Кроме того, он намеревался при необходимости скорректировать этот список, исходя из реального положения дел в крае. Объездов было несколько. Один был завершен 12 июня[584], другой – не позднее 27 июля, когда в Петербург ушло письмо с отчетом Мельгунова[585].

К каждой поездке наместник готовился: «старался наперед о всем потребном от знающих людей удостовериться изустно». Затем он отправлял на места «нарочно-посыланных», «привозивших» ему свои соображения. Объединив полученные данные, Мельгунов лично отправлялся для обзора «претендентов» «к назначиванию мест, где быть городам», чтобы вынести свое окончательное решение. Еще одним итогом его ревизий стало «сочинение» карты будущих уездов[586].

Исходя из данных переданного генерал-губернатору «примерного расписания», у него не могло быть проблем с «назначением» городов в шести

[582] ПСЗ-I. Т. XX. № 14590. С. 503–504.
[583] Там же.
[584] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012, ч. I. Л. 42 об.
[585] Там же. Л. 5.
[586] Там же. Л. 42 об.

уездах, где были «старые» поселения. Однако при знакомстве с территорией будущего Ростовского уезда стало ясно, что его необходимо поделить на два. Местное население насчитывало 67 602 податные души[587] вместо установленных 20–30 тыс. Таким образом, требовалось «учредить» на этой территории еще один город. В ходе путешествия наместник отметил сразу 11 поселений, которые могли быть «назначены новыми городами»[588]: «экономического ведомства в село Ставатино, состоящее от Ярославля по суздальской дороге в 35-ти верстах»; «стоящее» от Ростова в 27 верстах «село называемое Великое»; в 12 верстах – экономическое село Лахости; в 22 верстах (по Московской дороге) – экономическое село Петровское; подмонастырская слобода Борисоглебского монастыря, «состоящего» от Ростова на 16 версте по Углицкой дороге; экономическая деревня Титово с селом Ивановским, находившиеся на 33 версте Углицкой дороги от Ростова; село Еремейцево в 37 верстах от Углича; Рыбная слобода на Волге; Борисоглебская слобода, расположенная «на самом берегу сей реки по Горной стороне»; Норская слобода, «состоящая от Борисоглебской в 21-й [версте]» и дворцового ведомства село Даниловское, располагавшееся в 40 верстах от Ярославля. При детальном знакомстве с потенциалами данных поселений выяснилась следующая картина.

Жители Ставатино, «хотя и зажиточны» были, но не обладали достаточными источниками воды, к тому же оказались «более склонны к земледельству, нежели к торговле», потому их поселение «не заслужило дальнаго внимания»[589]. Крестьяне Великого, напротив, были «склонны к торговым делам» и «единственно в том» упражнялись, даже «не входя в хлебопашество»[590] Выбор Лахости оказался невозможным – его жители

[587] Там же. Л. 7.
[588] Там же. Л. 7 об.–9.
[589] Там же. Л. 7 об.
[590] Там же.

каждый год страдали от разливов реки Которости (старое название реки Которосль)[591].

Наиболее подходящим на роль города Мельгунову показался четвертый «претендент» – село Петровское. Еще в предыдущий объезд губернии он обратил внимание на то, «что тут городу быть прилично, ибо оно сверх того, что на большой дороге и при речке… лежит, но и на самой почти середине округи занимать будет место». Таким образом, данный «кандидат» удовлетворял практически всем требованиям. Население Петровского насчитывало 103 ревизских крестьянских души[592].

Впрочем, большой интерес представляла и подмонастырская Борисоглебская слобода. Она располагалась в непосредственной близости от обители и насчитывала 400 душ. Причем все они назывались «крестьянскими» только формально, так как земледелием совсем не занимались: «Земли не пашут никогда… имея способ питаться одними торгами». При слободе (как было предписано уездному центру) действовали еженедельные торги и ежегодная ярмарка[593], что имело место даже не во всех городах.

Обитель уже сама по себе предоставляла интерес для развития вблизи нее города. Власти активно использовали владения церкви в ходе проведения административной реформы. Еще в монастыре, обнесенном каменной оградой по периметру на 300 саж., имелись каменное внутреннее строение (дом для приезда архиепископа) и «немалый сад»[594]. Если здания можно было использовать для учреждения присутственных мест уезда (что делалось неоднократно), то сад рассматривался в качестве важного экономического атрибута города и одной из основ его процветания. У Екатерины II был даже особый проект по учреждению садов по городам «при Директора

[591] Там же. Л. 7 об.–8.
[592] Там же. Л. 8.
[593] Там же. Л. 8–8 об.
[594] Там же.

экономическом доме»[595]. Наличие надежной монастырской ограды позволяло сконцентрировать за ее стенами склады с казенными товарами, казну и уездный острог.

Экономическая деревня Титово и село Ивановское вместе насчитывали 166 душ. Оба населенных пункта располагались по соседству на возвышенном месте, разделенные течением «большой» реки. Правда, этот недостаток легко превращался в выгоду: в случае строительства здесь плотины будущие горожане сразу получали бы прямую коммуникацию, объединявшую их, достаточное количество питьевой воды (непременное условие для города) и собственную мельницу[596]. Все это не только предоставило жителям «удобства», но и привлекло бы в город окрестных крестьян, в результате чего мог бы появиться дополнительный источник дохода городского бюджета.

Проходившая через оба поселения большая дорога Ростов – Санкт-Петербург создавала дополнительные условия для торгового промысла. Правда, на момент ревизии местные жители были исключительно крестьянами и «питались» только хлебопашеством[597].

Практически каждый «старый» город будущей губернии (Ярославль, Романов, Кинешма, Любим, Ростов, Углич), по мнению Мельгунова, мог стать уездным центром. Генерал-губернатор если и упоминал эту группу при описании «своего объезда», то только мельком в качестве поселений, через которые пролегал путь («отсюда вознамерясь отправиться в Ростов, заехал в село называемое Великое»)[598]. В первую очередь Мельгунова интересовали «претенденты» на роль «новоучрежденного» города. Именно они занимали значительное место в его описаниях, направленных императрице и ее секретарям.

---

[595] РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 150. Л. 1.
[596] Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012, ч. I. Л. 8 об.
[597] Там же. Л. 8 об.–9.
[598] Там же. Л. 7 об.

Единственным из «старых» городов, который Мельгунов охарактеризовал, стал Любим, «отстающий» от села Даниловского на 85 верст и «лежащий» при реках Уче и Обноре. Наместника интересовало не столько сам город, сколько его уезд: Мельгунов беспокоился о том, что местные поселения сильно «перемешались» с землями соседнего Галицкого уезда Костромской губернии[599].

Проследовав через Углич, генерал-губернатор «по выезде из него проехал около 25 верст по нагорной стороне реки Волги», переправился «на луговую ея сторону» и добрался до экономического села Мышкина. Стоявшее «на самом берегу Волги», оно обладало заметным населением в 183 душ крестьян и было известно еженедельными торгами и «годовой ярмаркой», что являлось важным условием функционирования уездного центра. Расположение непосредственно у мощной водной магистрали давало большую выгоду – наличие торгового пути. В случае «учреждения городом» село оказывалось на одном берегу с проектируемым здесь уездом[600]. Для понимания важности данного обстоятельства необходимо помнить, что возведение в то время постоянных мостов на больших реках чаще всего оказывалось попросту невозможным.

Впрочем, у Мышкина был сильный конкурент – располагавшееся в 37 верстах от Углича экономическое село Еремейцево. Однако, посетив его, Мельгунов сразу же отклонил эту «кандидатуру», «не нашед в нем такой для города способности, как в помянутом селе Мышкине»[601].

Следующий на очереди стоял посад Молога, находившийся в 30 верстах от Рыбной слободы «по луговой стороне Волги на устье реки Мологи». И местоположением, и занятиями жителей он более чем подходил для намеченной цели. Только мещан и купцов здесь значилось 792 души![602]

---

[599] Там же. Д. 569. Л. 11об.–12.
[600] Там же. Д. 1012, ч. I. Л. 9.
[601] Там же. Л. 9 об.
[602] Там же.

Не всякий «новоучрежденный» город мог по этому показателю соперничать с Мологой.

Еще одним «претендентом» на роль нового уездного центра выступала Рыбная слобода – мощное торговое поселение, расположенное на берегу Волги при «великой» (по выражению Мельгунова) судовой пристани. В то время делами поселения ведали выбранные бургомистр и десятские[603]. Местные жители чувствовали себя, скорее всего, достаточно вольно и даже привилегированно. Подати они не платили, поставляя взамен них к царскому столу драгоценные сорта рыб: «осетров и другую так называемую красную рыбу»[604].

Слободское население состояло, в том числе, из 638 мещан и купцов. Но помимо них, это торговое место было наполнено «великим множеством» различного «постороннего торгового народа», притянутого сюда «великой пристанью». В поселении проходили еженедельные торги и годовая ярмарка. Налицо было и значительное число («не мало») «каменного строения»[605].

Дальнейший путь наместника прошел через село Пертовка[606] (Пертом)[607], лежавшее в 64 верстах от Рыбной слободы и в 30 – от реки Шексны при устье рек Соги и Согожи. «На его основании» позже будет устроен город Пошехонье. С точки зрения административного устройства того времени, складывался явный, но вместе с тем много проясняющий нам парадокс, связанный с признаками и характером дореформенного города.

Описывая село Пертовку, Мельгунов сообщал Екатерине II: «Из Рыбной слободы… отправился в город Пошехонье, состоящий от Рыбной слободы в 64-х верстах.... Сей город состоит экономического ведомства в селе называемом Пертовка, из числа живущих в нем крестьян, коих считается 523 души»[608].

---

[603] *Герман К.Ф.* Указ. соч. С. 22.
[604] Там же.
[605] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012, ч. I. Л. 10.
[606] Там же. Л. 10 об.
[607] *Кирилов И.К.* Указ. соч. С. 99.
[608] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012, ч. I. Л. 10–10 об.

Перед нами чрезвычайно интересный и информативный пример двойного смыслового употребления понятия «город». Причем обе трактовки откровенно противоречат друг другу: «Город Пошехонье… состоит… в селе Пертовка». Го́рода нет – в действительности это экономическое село. Город, оказывается, «состоит» в этом селе. В чем причина такой трактовки? Она проста: Пертовка – это официальный административный центр Пошехонского уезда[609]. По нормам того времени уезд должен был иметь свой город, так как один из двух главных качественных признаков города – наличие у него собственного уезда. Но эта часть Ярославской земли – окраинная, занимавшая пограничное положение между Центральной Россией и Русским Севером, и городов тут не хватало. В связи с этим их место отчасти заняло село, которое потому-то и именовали городом. По сословным нормам своего времени местное население должно было иметь права городского состояния, поэтому Пертовка городом являться официально не могла. В итоге, выражаясь современным языком, Пертовка оказалась назначена «временно исполнять обязанности» уездного города при своем уезде – Пошехонском (что отмечено в источниках[610]) и по названию уезда именовалась еще одним именем – «город Пошехонск». Вот откуда такая странная фраза в отчете Мельгунова.

Необходимо отметить, что Пертовка – не единственный пример подобного рода. Аналогичный случай – экономическое село Медынское городище, возглавлявшее некоторое время Медынский уезд Калужской губернии[611]. Перед нами пример переходного состояния административного статуса, возникший в условиях, когда одна форма организации территориально-административного пространства начинает сменяться другим, но еще не получившим своего юридического оформления.

Так сказать «незаконный» город – экономическое село Пертовка – населяли крестьяне, «коих считалось 523 души». Посетив его, Мельгунов

[609] Там же. Л. 10 об.; *Кирилов И.К.* Указ. соч. С. 99.
[610] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 564. Л. 14 об.–15.
[611] Там же. Д. 569. Л. 10 об.

расспросил местных жителей-землепашцев об их отношении к возможности стать горожанами, что предусматривало переход в городские состояния. На это 314 душ (ровно 60%) изъявили «желание свое быть в купечестве и мещанстве»[612].

Интерес наместника к поселению, как и желание местных жителей записаться «гражданами», понятны. Пертовка уже выполняла роль города, возглавляя уезд с населением, насчитывавшим в 1766 г. 47 737 душ[613]. Кроме того, жители Пертовки, располагавшейся на реке Согоже, впадавшей в полноводную, судоходную и, следовательно, торговую Шексну, могли везти к себе «в город всякие того края товары». Правда, делать это приходилось исключительно в половодье[614] (что, впрочем, было типично для речного торгового судоходства всей Центральной России)[615].

Проехав «старый» город Романов и не оставив о нем никаких отзывов, наместник отправился к Борисоглебской слободе. По поводу этого поселения он составил подробную характеристику, стремясь обосновать перед императрицей свой выбор. Слобода явно понравилась Мельгунову, что неудивительно. Лежащая на берегу полноводной Волги, она «как по местоположению, так и по склонности жителей к торговым делам» была весьма удобна для обустройства здесь города. На момент инспекции в поселении значилось 660 купцов и мещан[616]. Немногим позже, на этапе пересмотра наследия реформы Екатерины II оба поселения будут объединены в один город с дробным названием Романов-Борисоглебск.

Следующим пунктом поездки стала Норская слобода, «состоящая от Борисоглебской в 21-й, а от Ярославля в 12-и верстах по той же стороне Волги на самом берегу». Село было «удобным претендентом» для назначения городом. Подходило всё: местоположение в уезде, наличие здесь уже «готового купечества и мещанства». Единственным, но весьма

[612] Там же. Д. 1012, ч. I. Л. 10 об.
[613] Там же. Д. 569. Л. 10 об.
[614] Там же. Д. 1012, ч. I. Л. 10–10 об.
[615] *Истомина Э.Г.* Водные пути России во второй половине XVIII – начале XIX века. С. 28.
[616] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 569. Л. 11.

существенным недостатком являлась близость к сильному Ярославлю. В связи с этим Мельгунов считал более «пристойнее сему месту быть приписану к Ярославскому уезду»[617].

Последним «претендентом» на городской статус стало село дворцового ведомства Даниловское, отдаленное от Ярославля на 40 верст. Расположенное на большой дороге, ведущей в Вологду и Архангельск, оно имело еженедельные торги по вторникам. Показательно, что местных жителей наместник именует не крестьянами, а подобно горожанам – «обывателями», коих «считается 520». Они, сообщил Мельгунов императрице, «питаются по большой части торгами и рукомеслом», благодаря чему «многие считаются» зажиточными. При опросе 72 человека (14%) объявили о желании перейти в мещанство и купечество. Кроме того, генерал-губернатор отмечал, что «сие село занимает место посреди той округи, которая к нему должна приписаться»[618].

По итогам поездки Мельгунов предложил следующий набор городов: «Ныне состоящие 1. Ярославль 2. Ростов 3. Углич 4. Романов 5. Пошехонье[619] 6. Любим. Вновь назначенные: 1. Рыбная слобода 2. Борисоглебская сл.[обода] 3. Посад Молога 4. село Даниловское (дворцового ведомства) 5. село Мышкино (ведомства коллегии экономии) 6. село Петровское (ведомства коллегии экономии)»[620].

Как мы видим, набор этот был очень неравнозначный. В перечень претендентов на статус города входили поселения не просто с несхожим официальным статусом и исторической судьбой, но и кардинально различным удельным хозяйственным и политическим весом. Причем в рамках не только формируемой губернии или «коренных губерний», но и в целом всей Европейской России. Так если села Даниловское, Мышкин,

---

[617] Там же.

[618] Там же. Л. 11 об.

[619] Официально существовало как экономическое село Пертовка, центр Пошехонского уезда.

[620] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012, ч. I. Л. 13. Сохранена орфография и пунктуация документа.

Петровское, были ничем не примечательными местами, то Ярославль и Ростов – являлись крупнейшими центрами, причем не только административными, но еще историческими и духовными. Это естественно не могло ни отразиться на их роли и потенциале. Впрочем, особенно заметно выделился только что устраиваемый Рыбинск, который выделился из обще массы благодаря своему положению важнейшего транспортного, а также транзитного центра оптовой хлебной торговли. Совсем юный город в самые короткие сроки стал в ряд важнейших и экономически активных рынков всей Европейской России. В нем даже заработала собственная биржа.

3 августа 1777 г. вышел указ об учреждении Ярославской губернии, состоящей из 12 уездов с 12 уездными городами[621]. Показательно, что в данном документе губерния именовалась «наместничеством»[622]. В этом нет никакой путаницы, хотя непонимание причин одновременного использования современниками и того, и другого термина присутствует. Определения «губерния» и «наместничество» нередко существовали как два выражения одного понятия – новой официальной административно-территориальной единицы, «малой» губернии. Синонимичными являлись также понятия «наместник» и «генерал-губернатор», а следовательно, «наместничество» и «генерал-губернаторство». Дело в том, что Ярославская губерния, например, своим появлением открывала одновременно и новое, передававшееся под начало Мельгунова генерал-губернаторство (или наместничество). В него позже войдет уже несколько губерний. Кроме того, использование наименования «Ярославская» для наместничества объясняется еще тем, что в Ярославле находилась резиденция Мельгунова, которая в октябре 1777 г. уже была «построена, хотя и не отделана»[623].

В состав Ярославской губернии вошли пять «старых» и семь «новоучрежденных» городов. К первой группе относились Ярославль, Углич,

[621] ПСЗ-I. Т. XX. №. 14635. С. 543.
[622] Там же. С. 542.
[623] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012, ч. I. Л. 14 об.

Романов, Ростов, Любим[624]. «Новыми» объявлялись Рыбинск (бывшая Рыбная или Рыбноловская слобода)[625], Борисоглебск (бывшая подмонастырская слобода), Петровск (бывшее экономическое село Петровское), Мышкин (бывшее экономическое село Мышкино), Данилов (бывшее дворцовое село Даниловское), Пошехонье (бывшее экономическое село Пертовка – административный центр Пошехонского уезда, полуофициально называемый по его имени – городом Пошехонье), Молога (бывший посад Молога). Норская слобода из-за близости к Ярославлю осталась в прежнем статусе.

При рассмотрении первого этапа проведения реформы хорошо различимы две особенности, характерные для «малой» Ярославской губернии на этапе учреждения. Первая касалась исключительного вклада наместника. Мельгунов лично выделил и обосновал «претендентов» на статус городов. Вторая особенность – хозяйственная развитость края и экономическая активность его жителей, благодаря которым на данной территории оказалось значительное число поселений, способных исполнять «роль» уездного центра. Если в Калужской губернии таковые необходимо было изыскивать с трудом, то в Ярославской от нескольких достойных «претендентов» власти без труда отказались.

Представляется не вполне справедливым утверждение Ю.Р. Клокмана о том, что ряд выбранных под города поселений (Мышкино, Пертовка-Пошехонье, Петровское) «не имели необходимой экономической базы для развития в качестве городов»[626].

Во-первых, целью реформы было все же решить иную задачу – учредить уезды и их центры. В этом отношении положение «новоучрежденного» города (при большой дороге и по центру своего региона) выступало достаточным основанием для признания его подходящим. Тем более что Пошехонье не случайно, вопреки нормам,

[624] ПСЗ-I. Т. XX. №. 14635. С. 543.
[625] *Герман К.Ф.* Указ. соч. С. 21.
[626] *Клокман Ю.Р.* Социально-экономическая история ... С. 160.

возглавляло уезд и даже, будучи официально лишь селом, называлось городом.

Во-вторых, по представлениям того времени многие поселения уже имели экономические признаки уездных центров: торговое население, состоявшее из купцов и мещан; еженедельные торги; годовые ярмарки. Например, Мышкин обладал вторым и третьим признаками. Крестьяне Пошехонья наверняка пользовались торговыми возможностями местной речной системы, поэтому больше половины их сразу пожелали уйти в городское (торговое) состояние. Только Петровское на том этапе оставалось лишенным всех этих качеств. Однако оно создавалось в качестве вынужденного дополнения Ростову в густонаселенном древнем уезде, который необходимо было делить. Как показывает практика, невозможно решить сразу все задачи, тем более в условиях острой нехватки времени и ресурсов. В губернии имелось еще одно городское поселение – приписанная к Ярославлю как его пригород Норская слобода. По нормам того времени (построенным на двух равнозначных началах – административном и сословном) она, не имея собственного уезда, не могла считаться городом. Впрочем, будучи населена городскими сословиями, Норская слобода управлялась городскими органами власти – Городскими Магистртами или Ратушами. Они, или прибывали в городе, к которому слобода приписывалась («…в Ярославле с слободами Норскою, Борисоглебскою и Рыбною»[627]) или, оформлялись как Ратуша (с урезанными функциями), которые создавались в том числе в не больших городских поселениях[628]. Право на данную форму управления Норской слободе давало наличие здесь заметной посадской (сословной городской) общины («состоящего тут готового купечества и

[627] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 569. Л. 11.

[628] Государственность России (конец XV в. – февраль 1917 г.): Словарь-справочник. Кн. 1 (А-Г). М., 1996. С. 255.

мещанства»[629]). Это роднило ее с посадом, для которого Ратуша являлась обязательным органом управления[630].

По поводу городского характера слобод бытует мнение, что их присваивали городам, имевшим «не полное служебное соответствие». Это удачное и остроумное сравнение справедливо, но применение его к реалиям другого исторического периода требует пояснения. Оно точно может использоваться для поселений, которые теряли качества города и низводились правительством до слобод. Однако были и такие (например, Норская слобода), которые не становились городами сугубо по административным причинам. В данном административном регионе в них просто не нуждались как в уездном центре. Таким образом, формулировка о «неполном соответствии» строится на экстраполяции привычной реальности на другую историческую эпоху с ее забытыми сегодня условиями.

Сенатским указом от 19 июля 1778 г. за «новоустроенными» Пошехоньем, Мышкиным, Даниловым и Петровском закреплялись положенные городам земельные владения[631].

После официального «открытия» губернии 22 февраля 1778 г.[632] (фактически первые новые местные органы власти заработали уже 21 декабря 1777 г.[633]) ее города 20 июня 1778 г. получили собственные гербы, т.е. официально обрели городской статус[634].

---

[629] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 569. Л. 11.
[630] ПСЗ-I. Т. XX. № 14392. С. 232.
[631] ПСЗ-I. Т. XX. № 14776. С. 729–730.
[632] Там же. № 14708. С. 596.
[633] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012, ч. I. Л. 47.
[634] ПСЗ-I. Т. XX. № 14765. С. 723–724.

Формирование местных органов власти по городам края и даты официального открытия Ярославской губернии

С момента утверждения Екатериной II официального перечня городов Ярославской губернии[635] (3 августа 1777 г.) началась работа по учреждению в них органов регионального управления и суда, ведомства Управы благочиния, Приказа общественного призрения и по обустройству необходимой для них инфраструктуры. Итогом данной работы явилось «открытие» губернии и начало функционирования системы управления в ее городах. Кроме того, наместник вел большую работу с дворянами, которым предстояло провести выборы и занять места в региональной административно-судебной системе, распределенной по городам.

Именной указ предписывал Мельгунову «открыть» губернию со всеми новыми органами управления и суда в декабре того же 1777 г. Таким образом, на всю подготовительную работу у генерал-губернатора оставалось менее пяти месяцев.

В середине ноября 1777 г. Мельгунов назначил дату «открытия» губернии на 1 декабря. В это время уже шла работа с предводителями, которые съехались в Ярославль. Власти вели «сочинение списков» для прибытия в губернский город дворян «новоучрежденных» уездов, осуществляли подготовку съезда дворян губернии (назначенного на 25 ноября)[636], а также выборов и официального «открытия» нового административного края[637].

В Ярославской земле, являющейся частью Центральной России, проживало значительное дворянское население. Это позволяло наместнику не беспокоиться о нехватке лиц благородного происхождения для занятия должностей в региональных структурах органов власти и суда. Будучи

[635] Там же. № 14635. С. 543.
[636] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012, ч. I. Л. 44.
[637] Там же. Л. 16 об.

дотошным администратором, он выяснял число имевшихся в его распоряжении лиц и их служебные статусы. Ситуация в том виде, в каком она была на момент «открытия» губернии, описана ниже.

Показательно, что в конце 1770-х годов доля не служивших дворян была ничтожна – всего 4% от общего числа помещиков этого обширного и богатого региона. Данный показатель характерен и для других губерний Центральной России. В частности, по подсчетам А.И. Куприянова, в те же годы в Тверской губернии он равнялся 5%, а в Калужской – 4%[638].

Ярославское «благородное шляхетство» съезжалось в будущий главный город своей губернии весьма охотно. Многие прибывали с женами и детьми. На организованный наместником ужин в честь дня «тезоимянин» государыни пришли 90 человек. Вечером на балу присутствовало только «дворянских жен 60 персон»[639]. Прибывших могло быть еще больше, но несколько дней в середине ноября «тянулась дождливая погода», сделавшая дороги непроезжими.

За день до открытия дворянского съезда в Ярославль приехали 664 человека, отсутствовали – не более 164 (20%), но в основном (как писал генерал-губернатор) это были те, «которых многие за болезненными припадками и другими препятствиями на съезд и быть не могут». Такая высокая «явка» типична для периода начала реформ в самых разных регионах страны.

С приезжавшими встречался губернатор и каждый день «угощал их у себя»[640]. На собрании всего дворянства, состоявшегося 25 ноября 1777 г., с речью выступил Мельгунов. Он не только воспел хвалу «матерней заботы» государыни-императрицы, но и подробно изложил задачи и проблемы, которые предстояло решить новым органам местного управления. По сути, это был план их предстоявших работ.

---

[638] *Куприянов А.И.* Электоральное поведение русского дворянина (14770–1820-е гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: «История России». 2012. № 1. С. 7, 9.

[639] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012, ч. I. Л. 44.

[640] Там же. Л. 44 об.

9 декабря в Ярославле прошли дворянские выборы «в уездные предводители, земские судьи и заседатели»[641]. В частности, были избраны полковник кавалер Степанов, четыре подполковника (в том числе «один кавалер Мусин-Пушкин»), три майора и другие лица.

О моральном подъеме «благородного российского шляхетства» и его больших ожиданиях от проводимых реформ говорит уже тот факт, что многие из выбранных имели усадьбы в ярославских уездах, но зимой проживали в Москве («которые по надобности, а более по прежней привычке»). Теперь все они, считая свое избрание крайне важным для общества, народа и державы, собирались обзавестись собственными домами в Ярославле[642].

В ближайшее после 13 декабря время должны были состояться выборы губернского предводителя и заседателей в Верхний земский и Совестный суды, магистратских членов, заседателей Верхней и Нижней расправ[643].

14 декабря губернским предводителем «по превосходству балов» избрали помещика Петровского уезда генерал-поручика Леонтьева. 15 декабря под его началом прошел следующий этап выборов. По их итогам «выбалотированы» были заседатели в различные органы местной власти[644].

Затем предстояли выборы на должности градского головы, заседателей в Губернский и Городовой магистраты, бургомистров и ратманов, городового старосты и судей Словесного суда. На этом подготовительный этап к «открытию» губернии заканчивался[645].

По завершении всех выборов в губернии началось «открытие» присутственных мест, в первую очередь находившихся в Ярославле.

21 декабря 1777 г. приступили к работе присутствия наместнического правления, 22 декабря – Верхнего земского суда, Дворянской опеки, Нижней

---

[641] Там же. Л. 45
[642] Там же. Л. 45 об.
[643] Там же.
[644] Там же. Л. 46.
[645] Там же. Л. 46 об.

расправы, Городового магистрата и Сиротского суда[646]. Открыть новые присутствия по уездным городам Мельгунов планировал 27 декабря[647]. После «открытия» присутственных мест в губернском центре дворян отпустили по своим имениям.

Весьма показательно, что в официальных отчетах при описании всех этих событий отсутствует сообщение о каких-либо организованных по данному поводу массовых торжествах.

Непосредственно после начала работы новых мест административно-судебного характера в губернии собралась депутация от дворян (семь человек), которые готовились к поездке в Петербург для личного изъявления благодарности императрице. В их число вошли губернский предводитель генерал-поручик Леонтьев и ряд местных чинов из числа дворян[648].

27 декабря наместник отправил по уездным городам своих доверенных лиц для «открытия» новых органов местной власти[649]. В Романов, Борисоглебск, «Рыбной город» (Рыбинск) отбыл «правящий должность правителя» (губернатор) генерал-майор И.А. Заборовский, в Ростов, Петровск, Углич, Мышкин и Мологу – вице-губернатор Голохвастов, в Пошехонь, Данилов и Любим – председатель Уголовной палаты бригадир Алалынин[650].

Под началом первых лиц наместнической и губернской администрации в уездных центрах прошли выборы «градского головы, в Губернский магистрат заседателей, а в Городовой бургомистров и ратманов, городового старосты и Словесного суда судей». Затем уездные присутствия начали подготовку к «открытию» и началу своей работы[651].

---

[646] Там же. Л. 47.
[647] Там же.
[648] Там же.
[649] Там же. Л. 54.
[650] Там же. Л. 54–54 об.
[651] Там же. Л. 71 об.

Во всех «вновьучрежденных» городах, включая те, где раньше работали Ратуши (Молога, Рыбный и Борисоглебск), были учреждены магистраты.

8 января 1778 г. в окружных судах приступили к разбору дел, поступивших уже после начала функционирования новых органов[652].

Официальной датой «открытия» Ярославской губернии стало 22 февраля 1778 г.[653], но сам Мельгунов еще 4 февраля сообщил императрице: «Открыл Ярославское наместничество»[654]. Скорее всего, здесь, как и в Калуге, сказалось отсутствие выработанной схемы объявления о начале работы. Впрочем, в этом проявилась и личность генерал-губернатора: «открывая» губернию и генерал-губернаторство (наместничество), он, судя по всему, не устраивал по данному случаю особых торжеств. Во всяком случае, равных тем, что в Калуге провел М.Н. Кречетников, когда буквально лились реки вина, а также открылся собственный театр, – совершенно исключительное для провинции событие.

Судя по сохранившимся документам, ярославский наместник был администратором прижимистым, нацеленным на результат (порой с сильным элементом волюнтаризма) и далеким от стремления к внешним проявлениям своей значимости, а также желания пустить пыль в глаза. В отличие от Кречетникова, Мельгунову был совсем не важен торжественный момент создания вверенного ему генерал-губернаторства. Он объявил о нем в письме императрице постфактум, когда все структуры (и все, что было предписано создать) уже функционировали.

Впрочем, праздник, хоть и в меньшем масштабе состоялся. Отказавшись от массовых гуляний и не устроив праздника для всех, генерал-губернатор обязан был создать праздничную атмосферу для немногих (но главных) фигур политической жизни вверенного ему края – местных дворян.

---

[652] Там же. Л. 54.
[653] ПСЗ-I. Т. XX. № 14708. С. 596.
[654] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012, ч. I. Л. 56.

Ведь именно на них и возлагались основные обязанности по руководству губернией.

Сами выборы дворянства на должности оформлялись Мельгуновым как торжественная акция. Наместник добился для их проведения строительства особого зала – «нового большого для выборов дворянских»[655], обошедшегося казне в весьма внушительную сумму – 3 тыс. руб. Более того, эти деньги истинный управленец буквально «выбил» у императрицы[656].

К проведению «дворянского съезда» и дворянских выборов зал торжественно украсили. В архиве среди документов сохранилась смета его обустройства в преддверии второй перемены членов местных органов и судов (декабрь 1780 г.). Впрочем, на момент первых (самых восторженных) выборов убранство, скорее всего, было еще более пышным. Два года спустя в декабре 1780 г. зал «дворянских съездов» украсили цветными тканями, расшитыми золотой тесьмой. Стояло несколько кресел, специально для этого случая покрытых богатой резьбой и позолотой. По мнению исследователя процедур дворянских выборов А.И. Куприянова, они находились непосредственно у портрета императрицы, отмечая ее невидимое здесь присутствие.

В убранстве помещения были использованы шелк, золотой газ, а также кисти. На стене под пунцовым балдахином висел портрет Екатерины II, обошедшийся казне в 100 руб. По стенам развесили гербы городов в рамах и портреты. Кроме того, в помещении находились «три резные с позолотой украшения, в которых означено время открытия» губернии. На полу, часть которого «убрали» красным сукном, стояли 12 новых столов с 12 ящиками «для баллотирования»[657].

Сумма расходов на украшение зала и создание торжественного антуража (включая работу) в тот раз составила 2 010 руб. 81 коп.[658] Для

---

[655] Там же. Л. 2 об.
[656] Там же.
[657] Там же. Л. 291–291 об.
[658] Там же. Л. 291 об.

сравнения: 12 лет спустя, когда русские деньги значительно упали в цене, рабочий конь со сбруей стоил всего 20 руб. 60 коп. Таким образом, оформление зала для проведения дворянских выборов обошлось казне в сумму, на которую в конце 1811 г. можно было приобрести табун лошадей, насчитывавший, как минимум, 100 голов.

Правда, необходимо отметить, что созыв Дворянского собрания не был представлен Мельгуновым как факт открытия Ярославской губернии и наместничества, а выступало лишь «обязательным к исполнению» мероприятием. Таким образом, открытие нового административного края благодаря Мельгунову прошло тихо и без излишней помпезности.

Составной частью подготовки функционирования губернии стало «наполнение сотрудниками» находившихся в городах административно-судебных структур. Если места верхнего и среднего уровня могли занять дворяне, то на низшие должности (например, подканцеляристов) требовалось изыскивать лиц из иных сословий. Судя по всему, с этим у Мельгунова проблем не было. Причина состояла не только и не столько в густонаселенности Центральной России – требовалось наличие претендентов, обладавших хотя бы элементарным уровнем образования.

Положение дел спасло то обстоятельство, что в ярославских (и в целом среднерусских) землях было многочисленное духовенство. В итоге выходцы из бывшей церковно-монастырской среды имели значительные возможности получить образование. Они-то и заняли (при абсолютном доминировании) нижнюю ступень должностей в городских присутствиях. Так, к концу 1778 г. из 54 «канцелярских служителей», положенных в подушный оклад, только 4 человека (7%) не относились к духовенству. Основная часть штатов на низшем уровне – это выходцы из системы бывшего церковно-монастырского управления или среды «монастырских служителей и слуг, монастырских служительских детей, архиерейских служительских детей, монастырских подьяческих детей, архиерейских приказных служителей, архиерейских

служителей, недействительных церковников, положенных в подушной оклад церковников» и других, аналогичных им категорий[659].

10 декабря 1780 г. Мельгунов вновь собрал в Ярославле дворян. На этот раз из 769 человек прибыл только 401, т.е. практически половина «благородного сословия» губернии проигнорировала данную процедуру. Таким образом, число уклонившихся от выборов и должности выросло в 2,5 раза. В основном не явились на «съезд» представители богатой части сословия («в числе подостаточнее»). Не приехавшие (как это во все времена бывает) отговорились «болезнями и другими невозможностями»[660].

Проведенные вскоре городские выборы прошли без эксцессов, и накануне 22 декабря 1780 г. члены градского управления и суды были приведены к присяге[661]. На следующие выборы – 13 сентября 1783 г. – приехал 301 дворянин[662]. Иными словами, если взять за 100% показатель трехлетней давности, то по своим имениям остался уже 61% дворян-избирателей. Налицо тенденция падения интереса «шляхетства» к общественной службе в губернии. Этот процесс имел продолжение. А.И. Куприянов, исследуя материалы сразу нескольких, принципиально разных регионов, пришел к выводу: уже в первой трети XIX в. одновременно наблюдались падение престижа выборных должностей в губернских судебных учреждениях и рост уважения горожан к магистратам[663]. Можно предположить, что оба процесса были взаимосвязаны. Перевыборы проходили регулярно: 7–14 декабря 1786 г.[664], в конце декабря 1789 г.[665] и т.д.

При этом, не смотря на наличие определенного кадрового резерва из числа «детей поповиче», при Мельгунове в органах управления Ярославской губернии ощущалась нехватка квалифицированных людей. В первую очередь на должности среднего и высшего уровня. Известен случай, когда из Ростова

---

[659] Там же. Л. 393–395.
[660] Там же. Л. 83.
[661] Там же. Л. 84.
[662] Там же. Л. 181.
[663] *Куприянов А.И.* Городская культура русской провинции ... С. 242.
[664] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012, ч. II. Л. 114.
[665] Там же. Д. 1014. Л. 57.

отлучился местный городничий. Властям ничего не оставалось, как передать его должность в «исправление» городскому казначею. Екатерина II, узнав о странной рокировке, «изъявила свое недовольство» Мельгунову, на что тот был вынужден просить императрицу не гневаться, так как сам он находился в Архангельске (готовил к «открытию» губернию), и решение принималось без него. Но судя по тому, что для выяснения дел наместник послал в Ростов нарочного, а не нового городничего, другого варианта всесильный сановник найти не смог[666]. Он просто не имел кадрового резерва.

Кроме того, катастрофически не хватало специалистов. Так, в Ярославль лекарь «на докторскую ваканцию» был прислан только 27 августа 1786 г., т.е. почти через 9,5 лет после «открытия» губернии! В документах названо его имя – Иоганн Христиан Готлиб Картше[667].

Штатное расписание чиновников в разных регионах было в основном одинаковым. Некоторые изменения мог вносить руководитель края, но они редко приводили к формированию ярко выраженного местного своеобразия.

Присутственные места и иные статусные здания

Для осуществления программы создания требуемых административных и казенных зданий 28 апреля 1777 г. в Петербурге было принято высочайшее решение ежегодно в течение пяти лет[668] передавать из камер-конторских доходов в распоряжение Ярославской губернии по 20 тыс. руб. Деньги отпускались только на возведение административных зданий в губернском и уездных центрах и именовались как «особая строительная сумма». Выдача средств должна была начаться с января 1778 г., т.е. после «открытия» новой административно-территориальной единицы[669].

---

[666] Там же. Д. 1012, ч. I. Л. 77.
[667] Там же. Ч. II. Л. 118.
[668] *Головщиков К.Д.* Указ соч. С. 124.
[669] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012, ч I. Л. 22.

В апреле 1777 г. генерал-губернатор Мельгунов прибыл в Ярославль и детально инспектировал город на предмет размещения в нем будущих губернских и уездных присутствий. Еще по дороге из «северной» столицы он посетил в Новгороде местного генерал-губернатора и опытного администратора Я.Е. Сиверса. С его помощью Мельгунов ознакомился с реализацией плана реформы. Показательно, что будущий ярославский генерал-губернатор обратил особое внимание на обустройство новых присутственных мест в губернских центрах (Новгороде и Твери). В отправленном Екатерине II «донесении» он отметил, что все увиденные им здесь сооружения – каменные, сделаны по новому плану, и траты на них потребовались небольшие. «При открытии Новгородского наместничества все учрежденные правительства» сразу же получили здания для «всех присутственных мест». Дворы, принадлежавшие обывателям, были не тронуты, благодаря чему жители оставались «покоиться в своих домах по прежнему»[670]. Интерес Мельгунова к данному вопросу и оценка качества его решения указывают на особую значимость этих проблем лично для сановника. Впоследствии генерал-губернатор неоднократно продемонстрирует свое стремление не допускать притеснения обывателей при размещении присутствий и иных казенных структур.

Прибыв в Ярославль, Мельгунов сразу же и подробно стал знакомиться с городом, уделив этому значительное время. Причина понятна: в отличие от Калуги и тем более Владимира, Ярославль – огромный город с активной хозяйственной жизнью. Нельзя забывать и об уникальной личности самого наместника, которому была присуща дотошность в решении проблем. Это выявляется при исследовании делопроизводственных материалов наместнического архива, с которыми работал сам Алексей Петрович, что было характерно не для всех высших руководителей.

При осмотре будущего наместнического и губернского центра Мельгунова прежде всего занимал вопрос об «устроении» здесь

[670] Там же. Л. 1.

значительного аппарата управления. Также срочно требовалось изыскать помещения для складских и технических служб. В этом отношении, несмотря на богатство и размеры Ярославля, наместнику досталось весьма незавидное наследство. Дело в том, что 25 июня 1768 г. город пережил страшный пожар, в результате которого были даже человеческие жертвы. Только церковные убытки от пострадавших зданий составили 34 500 руб. От огня не смогли спасти даже денежную казну: «обгорело» 1 266 руб. 42 коп. Погорельцы лишились домов и жили по постоялым дворам, терпя «крайнею нужду»[671]. В этих условиях требовалось найти и обустроить обширные помещения для размещения аппарата чиновников. Государство выделяло средства на строительство, но как показала практика, их всегда не хватало.

Предвидя неизбежные сложности в решении важного для губернии вопроса, Мельгунов воспользовался вынужденной (из-за начавшейся распутицы) остановкой в Москве и «нарочно встретился» с ростовским архиереем. Судя по всему, сановник и священнослужитель сразу же нашли общий язык. Мельгунов писал Екатерине II, что во время их беседы он «открыл для себя» в иерархе «усердного споспешника», который называл проводившуюся реформу «великим делом», понимая ее как необходимое средство и «сопрягаемое со оным прямое народное благоденствие»[672].

Помимо общих слов согласия архиерей оказал наместнику заметную помощь, в частности передал в его распоряжение… свой собственный дом в Ярославле. Мельгунов действительно жил там[673], а съехав, продолжил использовать это здание для целей местного управления. Кроме того, архиерей «охотно отозвался и о том», что можно и нужно привлечь для организации присутственных мест «удобное строение в Спасском монастыре» – самой крупной обители Ярославля[674].

---

[671] Там же. Д. 1011. Л. 1.
[672] Там же. Д. 1012, ч. I. Л. 1 об.
[673] Там же. Л. 2 об.
[674] Там же. Л. 1 об.

Прибыв в город, Мельгунов сразу же «подверг тщательному осмотру» как обитель, «так и прочие способные быть то ж канцеляриями места» здания[675].

В итоге удобными для размещения присутствий было признано всего несколько построек. Первая из них – находившийся «при фабрике Собакина дом каменной расстоянием от города в трех верстах», однако его размеры не позволяли расположить здесь «и половины присутственных мест». Вторая – «дом каменной же при фабрике Затрапезного». Впрочем, и это сооружение оказалось «не вместительнее первого». Остальные каменные дома состояли преимущественно «более из сеней, нежели из жилых комнат». Все они были отдалены друг от друга большими расстояниями, что затрудняло устроение здесь канцелярий и судов[676].

Оставался только Спасский монастырь – находившаяся на границе города обширная каменная церковная крепость. Впрочем, вскоре выяснилось, что, пережив страшный пожар 25 июля 1768 г.[677], она «сильно пострадала» и с тех пор стояла неотремонтированной[678]. Каменные сооружения обители наместник охарактеризовал как «обгорелые… поднесь еще непочиненные» с «растрескавшимися сводами»[679]. Правда, размеры комплекса позволяли разместить в нем сразу 13 из 18 присутственных мест, причем как «без утеснения… настоятеля с братиею, так и состоящего в нем училища».

В итоге Мельгунов выбрал Спасский монастырь, но потребовал привести в порядок стены и выстроить новые своды. Во время ремонта планировалось устроить особый вход, чтобы жизнь мирская и чиновная не соприкасалась с духовной («дабы во внутренность монастыря никакого въезду не было»)[680].

---

[675] Там же. Л. 2.
[676] Там же.
[677] Там же. Д. 1011. Л. 1.
[678] Там же. Д. 1012, ч. I. Л. 2.
[679] Там же.
[680] Там же. Л. 2–2 об.

Данный план воплотили в жизнь. По предположению знатока истории города К.Д. Головщикова, административные службы расположили «вероятно, в разобранном уже огромном корпусе, находившемся посреди монастыря перед входом в Преображенскую церковь»[681]. Но для пяти присутственных мест помещений здесь не хватило, и генерал-губернатор перевел их в здание действующей провинциальной канцелярии. Для этого было решено «прибавить» (пристроить) к ней «одно более старое каменное строение», а также, по-видимому, использовать стоящий рядом «один казенный дом обгорелой каменной же, с починками». Всего ожидалось потратить на эти цели 4,5 тыс. руб.[682] Но и в таком случае не хватало еще одного, весьма значимого сооружения.

Размещение светских административных учреждений на территории Спасской обители было делом вынужденным и временным. После возведения новых постоянных присутственных мест чиновники покинули монастырские стены.

28 апреля 1777 г. личной запиской императрицы наместник был извещен выделении ему «на починку и перестройку в Ярославле… на первый случай присутственных мест» 4,5 тыс. руб. Еще 3 тыс. руб. он мог взять из «стат-конторы», для строительства деревянного зала для дворянских выборов[683]. 9 мая Мельгунову пришло сообщение о получении требуемой суммы, которая (как было обещано) выделялась из «статс-конторских доходов»[684]. В середине ноября того же года в городе «для палат и прочих присутственных мест покои» были уже готовы. Поскольку помещения строились вновь (а не занимались в чужих арендованных домах), их отличал простор от «всякой тесноты». Кроме того, это давало возможность не беспокоить обывателей излишними притеснениями[685]. Хотя полностью

---

[681] *Головщиков К.Д.* Указ. соч. С. 124.
[682] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012, ч. I. Л. 2 об.
[683] Там же. Л. 21.
[684] Там же. Л. 4.
[685] Там же. Л. 14–14 об.

обойтись без этого оказалось невозможно – потребовалось срочно найти (по сути, «назначить») квартиры для размещения в них чиновников и судей[686].

В отправленных Екатерине II отчетах о темпах строительства присутствий Мельгунов продемонстрировал свою осведомленность как относительно стоимости материалов и работ, так и тонкостей торговли и специфики вверенной ему территории (особенностей функционирования транспортной системы, времени «вскрытия» рек, мест и способов доставки строительного леса, периодов найма рабочих и проч.).

Всего к 1788 г. только в губернском центре Ярославле было построено 7 временных зданий и 14 постоянных: каменный корпус для присутственных мест, возведенный в 1780–1787 гг.[687]; «2-й корпус», при котором обозначены помещения для архива и проживания (1783–1784)[688]; «для почтового дому каменный корпус» (1784)[689]; почтовая «кантора» и жилые «флигели для почтальонов» (1785); «два корпуса для служащих»[690]; «питейный каменный дом в один этаж»; «на выезде из губернского города каменный мост» (1785–1786)[691] и др.

Общая сумма расходов, предполагавшихся для завершения всех зданий (в том числе, начатых постройкой к 1788 г.), должна была составить 79 228 руб. 94 коп. Однако губернатор превысил ее на 37 338 руб. 42 коп., т.е. почти на 50%[692].

Возведенные архитектурные сооружения (здания Присутственных мест, Казенная палата) вошли в сокровищницу национальной архитектуры. Сегодня они не только являются памятниками реформы города Екатерины II и шедеврами русского зодчества, но и по-прежнему выполняют возложенные на них во второй половине XVIII в. функции.

---

[686] Там же. Л. 14 об.
[687] ГА ЯО. Ф. 72. Оп. 2. Д. 2093. Л. 5 об.–6.
[688] Там же. Л. 6 об.–7 об.
[689] Там же. Л. 7 об.
[690] Там же. Л. 7 об.–9 об.
[691] Там же. Л. 15 об.
[692] Там же. Л. 37 об.

Также Мельгунов принял программу возведения в Ярославле для купцов и мещан жилых домов, имевших при себе торговые лавки[693]. Здания передавались коменданту города Кудрявцеву, который раздавал их «в вечное владение купцам и посадским» за сумму 15 400 руб.[694] на условиях ее возвращения в течение 10 лет без дополнительных процентных начислений. Это «вспомоществование» должно было способствовать росту хозяйственной активности города и его жителей.

Проект был одобрен императрицей 22 февраля 1781 г. Средства на его реализацию Мельгунов получил благодаря продаже старых государственных резервных хлебных запасов[695], которые все равно к тому времени требовалось обновить.

В 1781–1782 гг. завершили строительство двух каменных двухэтажных домов, затем заложили еще пять и в 1785 г. «кончили постройкой» два из них. В 1788 г. в общей сложности на данный проект были потрачены 24 270 руб. 50 коп, что, правда, превысило имевшийся капитал на 11 270 руб. 50 коп.[696] Наряду с домами наместник строил и продавал по льготной цене «лавочки», в частности 11 таких торговых заведений, расположенных за Угличскими воротами, «закончили» в 1785 г.[697] В 1788 г. на тех же условиях выделили 1 976 руб. 46 коп. «на достройку» торговых мест, которые были розданы исключительно «неимущим купцам и посадским» всего за 2 тыс. руб.[698]

Сохранился отчет ревизора «экспедиции для государственных щетов», согласно которому владельцы «домов с лавками» в основном выплатили всю сумму полностью и в срок[699]. В 1794 г. «возвратить осталось [с] розданных на вечное владение» домов и лавок всего 1 500 руб. 20 коп. и еще около 2 тыс.

---

[693] Там же. Д. 1810. Л. 1.
[694] Там же. Л. 4 об.
[695] Там же. Л. 1.
[696] Там же. Л. 1–1 об.
[697] Там же. Л. 5.
[698] Там же. Л. 6.
[699] Там же. Л. 4 об.

руб. надлежало собрать с тех, кому помещения были не проданы, а отданы «в наймы»[700].

Подобная практика строительства и передачи купцам жилья с торговыми помещениями на льготных условиях за время реформы города была применена не только в Ярославле. Архивное документы сохранились сообщения об аналогичных действиях, по крайней мере, еще в двух крупных региональных центрах – Смоленске и Симбирске[701].

Основные строительные работы велись в Ярославле осенью 1777 г. и были «нацелены» на отделку присутственных мест. Рабочих из-за массовости строительства остро не хватало. Да к тому же строительные программы обходились властям весьма дорого[702]. По-видимому, по этим причинам построенный к тому времени дом наместника стоял неотделанным. Губернатору временно в качестве квартиры выделили дом архиерея, в котором до того жил Мельгунов. Повторное вселение в апартаменты очередного, по сути, бездомного высшего чиновника было отдельно оговорено с хозяином[703]. Вице-губернатора планировали поселить в особом казенном здании, которое еще предстояло выстроить[704].

Необходимо отметить, что Мельгунов, будучи генерал-губернатором, имел законное право отстроить для себя, соответствующий его чрезвычайно высокому статусу, наместнический дворец. Сооружение это началось одновременно с учреждением губернии, но отличалось скромностью. Судя по всему, это было небольшое здание, да к тому же возведенное наспех из бруса и стоявшее крайне неудобно для «жительствования» – между двумя фабриками. Оно простояло незаконченным все правление главы края. Сам же Мельгунов проживал в доме, который приобрел лично и пользовался им как частное лицо[705]. Одна из причина такого поступка, желание генерал-

[700] Там же. Л. 6 об.
[701] Там же. Л. 1.
[702] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012, ч. I. Л. 14 об.
[703] Там же. Л. 14 об.–15.
[704] Там же. Л. 15.
[705] Там же. Л. 40.

губернатора привить ярославцам ряд правил благоустройства и пожарной безопасности[706].

Дом Мельгунова не только служил квартирой сановника, но и выполнял административные функции, выступая при этом как статусный признак. В таком здании не принято было собственно жить – его занимали временно по должности. Правда, Мельгунов имел еще один «наместнический дом», находившийся в другой вверенной ему губернии – Вологодской[707]. Но существование нескольких резиденций не нивелировало их значения для города как признака его статуса наместнической столицы. Такое же положение дел было характерно и для императрицы, пребывавшей как в одной столице, так и в другой.

Если верить генерал-губернатору Евгению Петровичу Кашкину, «сменившему» Мельгунова, за 12 лет его официальная резиденция пришла в «ветхость, что без необходимых починок не к украшению, не к охранению от стужи и ветров» в оной «поместиться было ни как не можно»[708]. Как видим, виднейший сановник империи вовсе не стремился к внешнему лоску и оставался крайне нетребователен к различным «удобствам».

Новый глава края Евгений Петрович Кашкин (1788-1793) оказался человеком иного склада. Он задался целью устроить подобающий его должности дворец, о чем не постеснялся особо просить императрицу. Недостающие средства (1 586 руб. 40 коп.) сановник намеревался забрать не откуда-нибудь, а из суммы, отпущенной на закупку пожарных инструментов![709] Нового генерал-губернатора даже не смутило, какие катастрофические последствия несли городам пожары, в том числе страшный – 25 июня 1768 г., причинивший, только по официальным данным, убыток не менее чем в 300 тыс. руб.[710]

---

[706] Там же. Л. 40.
[707] ПСЗ-I. Т. XXI. № 15672. С. 873.
[708] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1014. Л. 93 об.
[709] Там же. Л. 94.
[710] Там же. Д. 1011. Л. 4.

Во время объезда губернии летом 1777 г. Мельгунов отметил, что в будущих уездных центрах «присутственные места везде почти с стороны строения безнадежны и не удобны: для письмоводства нижних канцелярских чинов не много, а способных еще менее»[711].

В результате сановник осознал невозможность расположить присутственные места в уездных городах, в уже имевшихся в них зданиях. По-видимому, ответ на это решение 18 августа 1777 г. Екатерина II выделила своему генерал-губернатору дополнительно 5 тыс. руб. на «чрезвычайные расходы». Деньги можно было взять из Ярославской «камер-коллегии доходов»[712]. Для сравнения – подобный акт помощи «устроению» присутственных мест повторился, когда Мельгунов готовился к их «открытию» в Костромской губернии[713].

Получив средства, осенью 1777 г. генерал-губернатор еще раз объехал Ярославскую губернию, занимаясь поиском зданий для присутственных мест, а также квартир для чиновников. Задача эта оказалась трудной. Так, прибыв в Ростове, он два дня осматривал древний, но небольшой город. Итогом стало строительство здесь новых присутственных мест и жилья («квартир») для судей. Благодаря этому удалось обойтись «без всякого рода тягости» чиновничьего постоя для «граждан». «Завершение» всех помещений должно было закончиться к «открытию» губернии.

В «новоучрежденном» Петровске в ходе той же поездки Мельгунов «назначил место под временное строение» зданий для судебных учреждений, а также для хранения денежной казны. Их возведение планировалось закончить к декабрю[714].

Необходимо отметить, что императрица не жалела денег на создание административно-судебной инфраструктуры в Ярославской земле. Она полностью доверяла финансовой порядочности Мельгунова, выдавая ему

[711] Там же. Д. 1012, ч. I. Л. 12 об.
[712] Там же. Л. 23.
[713] Там же. Л. 28.
[714] Там же. Л. 14.

столько средств, сколько он просил. Во всяком случае, за это наместник благодарил государыню в письме от 23 мая 1777 г.[715] Причем и после этой даты (а также новых просьб о субсидировании проектов) деньги продолжали поступать[716].

Большую помощь в подготовке новой городской инфраструктуры в уездных центрах сыграло наличие здесь значительного церковного имущества, как подвергшегося секуляризации, так и оставшегося в ведении церкви. В Ростове, например, весной 1787 г. знаменитый «архиерейский дом» отдали под размещение в нем органов местной администрации, «городовой школы» и под «другие надобности казенные»[717]. Корпус, «в коем была консистория», отвели под присутствия[718], ряд «покоев» признали пригодными для использования «под винные и соляные магазины»[719], а «под Одигитриевой церковью» устроили «кладовые для изпомещения казначейства»[720]. Размещавшиеся в комплексе монастырских зданий документы церковного архива перевезли в Ярославль, так как места для них уже попросту не осталось («здесь поместить негде»)[721].

Всего «в казенное ведомство» передали 16 палат ростовского архиерейского дома[722]. Однако цифры эти неполные – до того момента в пользу государства уже отошли 26 помещений – «корпуса, где была консистория в двух этажах» (бывшие жилые покои, столовые палаты, кладовые и кладовые палатки). Чуланы при этом не считались, таким образом, помещений было еще больше.

---

[715] Там же. Л. 39.
[716] Там же. Л. 21–24.
[717] ГА ЯО. Ф. 72. Оп. 2. Д. 1344. Л. 1.
[718] Там же. Л. 3.
[719] Там же. Л. 3 об.
[720] Там же. Л. 1 об.
[721] Там же. Л. 3.
[722] ГА ЯО. Ф. 72. Оп. 2. Д. 1344. Л. 3 об.

«Покои» забирали вместе с находившимся при них имуществом, которое подробно описывалось («дабы известно было количество вещам») и затем передавалось для использования в работе «присутствий»[723].

Необходимо отметить, что в Ростове, как и в Ярославле, церковные деятели сами шли на сотрудничество с государством[724]. По-видимому, они вслед за ростовским архиереем оценивали реформу как важную, хотя и неудобную необходимость, способную разрешить давно накопившиеся проблемы.

В конце 70-х – первой половине 80-х годов XVIII в. в городах губернии интенсивно возводили административные здания. Постоянные сооружения были готовы к 1784 г., по крайней мере, в четырех уездных центрах. В Петровске полностью построили «корпус каменный для житья уездному городничему и уездному казначею» и частично – каменные двухэтажные присутственные места[725]. В Мышкине и Мологе заработали два корпуса – каменный двухэтажный (для городничего и казначея) и «присудствия в двуэтажах»[726]. Такое же помещение к 1784 г. было построено в «Рыбном»[727] и начато в Ростове, где в 1788 г. оно еще стояло «не законченным»[728].

В тех городах, где постоянные сооружения по каким-то причинам не возводились, «устраивали» временные деревянные, которые затем планировали заменить на каменные. Так, в Мышкине первоначально функционировали деревянный дом для присутственных мест и «сделанная временно в земле кладовая» для «денежной казны». Помещения были «устроены» за 1779 г.[729] В Данилове работала временная «тюремная изба», выстроенная в течение 1787 г.

Возводимые в городах – уездных центрах – административные здания были часто похожие друг на друга, что объяснялось идентичными задачами и

[723] Там же. Л. 3.
[724] Там же. Л. 3–3 об., 4 об.
[725] Там же. Л. 16 об.
[726] Там же. Д. 2093. Л. 17 об., 18 об.
[727] Там же. Л. 19 об.
[728] Там же. Л. 17 об., 18 об., 19 об.
[729] Там же. Л. 23 об.–24.

финансовыми возможностями. Исключение составляли лишь особые сооружения, создававшиеся как «непременные» административно-хозяйственные или духовные и культурные здания, которые играли роль статусных признаков, подчеркивавших высокий служебный ранг городов. Но это относилось в первую очередь к генерал-губернаторским и губернским центрам. Здания уездных центров чаще всего копировали друг друга.

На возведение присутственных мест и иных сооружений, «обязательно нужных» для городов – административных центров, казна выделяла ежегодно «строительную сумму» «по 20 000 руб. в каждую губернию»[730].

В документах канцелярии Мельгунова сохранилась копия сметы одной из таких построек. Это могли быть дом губернатора или часть помещений для размещения присутственных мест, либо квартиры для чиновников, либо корпуса социальных подразделений Приказа общественного призрения. Именно такие сооружения, прежде всего, и требовались губернии. Данный казенный дом обошелся в 6 тыс. руб. и представлял собой каменное сооружение в два или три этажа, состоявшее из главного здания и флигелей. На стенах было «устроено» около 100 двустворчатых окон, внутри установлено 25 дверей между помещениями и, следовательно, имелось до 20 комнат, если предположить, что часть дверей располагалась во внутренних коридорах, а система комнат была анфиладной. В здание вели три двери[731].

Управа благочиния: полиция и пожарные

На основании двух именных указов от 17 марта 1782 г. Мельгунову выделили 6 460 руб.[732] на учреждение в Ярославле структур Управы благочиния, на «частных приставов, квартальных надзирателей и их

[730] ГАЯО. Ф. 72. Оп. 2. Д, 2093. Л. 1.
[731] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012. Ч. I. Л. 369-370.
[732] ПСЗ-I. Т. XXI. № 15368. С. 441; № 15689. С. 883.

поручиков, тако ж и прочего полиции принадлежащего»[733]. Это было временное финансирование – штат Управы Ярославской губернии наместнику еще предстояло сформировать согласно уставу Управы благочиния от 8 апреля. Приступая к работе, Мельгунов взял за основу уже готовые «статы» столичных городов Петербурга и Москвы.

Состав и финансирование структуры Управы благочиния губернии. 31 июля 1782 г. Мельгунов отправил на утверждение императрице штатное расписание Управы благочиния Ярославской губернии. Согласно ему данное учреждение (как и везде) объединяло в себе две структуры – полицию и пожарных, а так-же еще некоторые структуры и чины.

В губернском городе в состав Управы входили: комендант, два пристава (один – уголовных и один – гражданских дел, оба являлись чиновниками 9-го класса), два ратмана из Городового магистрата, несколько канцелярских служителей, а также архитектор с помощником и учеником. Всего восемь – десять человек. Такие фигуры, как комендант, ратманы и архитектор, находились в структуре управы, но не включались в ее штат, так как числились (получали жалованье или служили без него) по другому ведомству. Всего на «расход» было запланировано 190 руб.

Отдельная структура Управы благочиния полагалась на каждую городскую часть. В состав ее команды входило не менее шести человек: один пристав (чиновник 9-го класса); два городовых сержанта; несколько канцелярских служителей; брандмейстер, или, как называли его на русский манер, «огнеспасительный мастер». Общее содержание этих лиц составляло 620 руб. На три части (из которых в полицейском отношении состоял город) всего должно было уйти 1 860 руб.[734]

Относительно «многолюдные» города губернии делились на кварталы, в каждом из которых «заводили» службу из 14 человек: по одному квартальному надзирателю (10-го класса), квартальному попутчику (11-го

[733] Там же. № 15368. С. 441.
[734] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012, ч. I. Л. 112.

класса) и 12 ночных сторожей. Последние получали содержание не по штатам Управы благочиния, а отдельно за каждую ночь службы «на основании устава о благочинии статьи 137-й»[735]. На один квартал планировалось выделять 350 руб. На весь Ярославль, состоявший из 11 кварталов, эта низшая полицейская структура должна была получать в год 3 850 руб.[736] Ее общая численность насчитывала 167 человек. В том числе 4, находящихся непосредственно в управе (не считая лиц, стоящих вне штата и привлекаемых из числа общественного самоуправления); 9 приставов и городовых сервантов, работающих в частях; 154 надзирателей и ночных сторожей, состоящих по 11 кварталам[737].

Кроме того имелась и своя губернская «военная» команда, которая также копировала структуры других губерний. Деньги на нее выделили в 1785 г. На два губернских города наместничества (Ярославль и Вологду) было отпущено «на воинские чины конные и пехотные 1 959 руб. 40 ½ коп.»[738]. Всего в ее состав (по всем трем частям Ярославля) входило 102 человека. На 1 часть полагалось иметь 1 подпоручика, 1 сержанта, 3 капралов, 28 рядовых и 1 барабанщика. Причем по штатам 1 капрал и 8 рядовых должны были состоять в «числе конных драгун»[739].

Впрочем, принятие штатов городской полиции не означало, что вопрос этот был решен полностью. Так, в начале XIX столетия добровольно вносили средства «на содержание полиции» жители только двух городов губернии – Ярославля и Ростова[740]. В Мышкине «здешние мещане» заявили, что они сами «отправляют полицейскую службу». В Угличе купечество и мещанство решили, что «в полицейские служители выбирают промеж собою, а нанимают только будочников». Местные жители даже сами «провожали»

---

[735] Там же. Л. 112 об.
[736] Там же.
[737] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012, ч. I. Л. 112.
[738] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012, ч. II. Л. 18.
[739] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012, ч. I. Л. 112–112об.
[740] *Герман К.Ф.* Указ соч. С. 170–171.

(конвоировали) отряды колодников до ближайшей ямской станции[741]. В Мологе ежегодно выбирали «по двое в квартал чиновники, двое в сотские и 20 человек в будочники». Если кто-то не желал нести порученную ему от «общества» полицейскую повинность, то мог «взносить» денежные суммы: за квартального – 45–60 руб., сотского – 50– 60 руб., будочника – 35–45 руб.[742] В остальных городах края ситуация оставалась примерно такой же: «полицейские службы отправляют сами обыватели»[743].

Большую роль в поддержании общественного порядка в городах, помимо полиции, играли расквартированные здесь армейские гарнизоны. Впрочем, они имелись не везде. Так, в сентябре 1798 г. даже в Ярославле «не состояло» ни одного подразделения. В связи с этим власти особым указом предписали учредить в городе в отсутствии коменданта должность городничего. Правда, указ особо оговаривал временность этой меры: «коего туда и определить не продолжительно»[744].

Отдельной статьей своего отчета Мельгунов подробно описал состояние формируемых им пожарных команд двух типов и назначений, достаточно хорошо оснащенных и организованных.

Первая работала на малых пожарах по кварталам города. Ее основу составляла «небольшая заливная труба такая, которую четыре человека свободно по лестницам в покои вносить и оной действовать могут» и при ней – своя команда, состоявшая из тех же четырех человек. Кроме того, в отряде были еще «ведерники» (четверо) и две «малых ручных трубы»[745]. Всего в данном отряде состояли восемь работников и три извозчика, каждый – при одной лошади. На 11 кварталов Ярославля эта цифра вырастала до 88 рабочих «к трубам», 33 извозчиков и 36 лошадей[746].

---

[741] Там же. С. 171.
[742] Там же. С. 172–173.
[743] Там же. С. 173–175.
[744] ПСЗ-I. Т. XXV. № 18654. С. 365.
[745] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012, ч. I. Л. 114 об.
[746] Там же. Л. 114.

Вторая команда существовала при городской части и боролась с масштабными пожарами. В случае необходимости «в помощь ей подтягивались» «огнеборцы» из других районов. Главным инструментом здесь выступала «труба большая», которую обслуживали 24 человека. Им помогали еще 20 ведерников. Трубу возила не одна лошадь (как малую квартальную), а сразу три. Помимо этого, при «частном» отряде огнеборцев имелись поставленные каждый на роспуски или дровни чаны и бочки для воды (всего четыре штуки). Каждая из таких «вододоставочных» повозок запрягалась двумя лошадьми. В число «огнеборцев» входили 10 человек топорников; 12 работников «с большими и малыми крюками»; 6 – с двумя «большими вилами»; 6 – с шестью войлочными щитами; 6 – с шестью швабрами. Общий состав команды начитывал 84 работника и 6 извозчиков, управлявших 12 лошадьми[747]. Для трех частей Ярославля было 252 рабочих «к трубам», 18 извозчиков, 36 лошадей.

Аналогичная организация Управы благочиния была предусмотрена и по уездным городам. Разница заключалась в деталях (например, городничий вместо коменданта) и масштабах. Между собой команды уездных городов, по сути, ничем не отличались.

Общий размер ассигнования на Управу благочиния по Ярославской губернии составила 26 750 руб. Эта сумма не учитывала воинские чины (например, коменданта Ярославля) и всех тех, кто получал денежное содержание по своему ведомству (к примеру, архитектор).

Сохранились подсчеты средств, необходимых на закупку «огнегасительных орудий» и их содержание.

Как видим, закупка «огнегасительных орудий» и лошадей к ним требовала единовременного выделения значительных средств. Проведение этой работы сразу во всех городах и в сжатые сроки неизбежно вело к концентрации больших денег в одних руках, что, естественно, привлекло внимание казнокрадов.

[747] Там же

В 1782 г. сумма, полученная на «устроение» органов правопорядка по городам Ярославской губернии, составляла 6 460 руб. На «исправление же единовременно огнегасительных орудий» только на «знатнейшие города» двух губерний (Ярославской и Вологодской) тогда же были выделены «на два года» 23 260 руб.[748] Практически в таком же объеме[749] выплаты повторились в 1783 г.[750]

Еще раз штаты ряда городов (в том числе Ярославля, Ростова и Рыбинска) утверждались в декабре 1804 г.[751] Были и другие изменения. Например, в 1817 г. в Ярославле в ведении городской полиции в каждой из трех полицейских частей состояло еще и по одному трубочисту, а также отряду ночных сторожей. В первой части их значилось 29 человек, во второй – 18, в третьей – 11[752].

Города губернии, как и все поселения страны, были не защищены от пожаров. Пожары буквально опустошали страну, но на Ярославской земле, поселения и жители которой заметно выделялись своим богатством, ущерб от разрушительного огня был особенно значителен.

В памяти ярославцев надолго остался страшный пожар 25 июня 1767 г. Однако ничто не могло гарантировать, что подобное не повторится вновь.

Мельгунов, будучи умелым и чрезвычайно ответственным администратором, предпринял усилия по предотвращению возможного бедствия. С самых первых дней пребывания на должности ярославского генерал-губернатора он увидел прямую связь между началом пожаров и халатностью самих жителей.

К концу всего-навсего третьего месяца после получения под свое начало губернии Мельгунов уже отчитывался перед Екатериной II об учреждении среди жителей Ярославля «предосторожностей» от огня, «коих

---

[748] ПСЗ-I. Т. XXI. № 15368. С. 441.

[749] Сумма на закупку противопожарного оборудования оказалась больше на 6 руб. Однако, учитывая двухгодовой характер данных выплат, это, скорее всего, простая ошибка наборщика.

[750] ПСЗ-I. Т. XXI. № 15689. С. 883.

[751] Там же. Т. XXVIII. № 21588. С. 747.

[752] ГА ЯО. Ф. 637. Оп. 1. Д. 1. Л. 113–114.

прежде не было». Наместник предписал «здешнему воеводе расположить на каждого, кто что исправить в силах, не пропуская ни одного двора: из коих разночинческие 1 210 домов никаких доселе полицейских должностей не исправляли, а исправляли оные одни купеческие и мещанские 1 712 домов»[753].

«Познакомившись» с городом, сановник понял, что жители в нарушение изданного ранее предписания московского генерал-губернатора труб в своих домах вообще никогда не чистили. Мельгунов потребовал от всех ярославцев в обязательном порядке проводить такие работы, каждому в своем доме. Кроме того, он заставил их в летнее время держать «в готовности» кадки с водой, что тоже было предписано ранее, но, по-видимому, исполнялось далеко не всегда и не всеми[754].

Стремясь закрепить объявленные распоряжения, генерал-губернатор сразу применил их в собственном доме, специально купленном в городе. «С которого начиная и поручил тому воеводе делать по полицейской должности неупустительное взыскание с каждого», – писал он императрице[755].

Законность и важность решений были очевидны, однако все распоряжения Мельгунова вызывали крайне неблагоприятную реакцию местных жителей, которые сообщали в Петербург о своем недовольстве. В итоге оно стало известно самой Екатерине II и знатному сановнику пришлось перед ней объясняться. Почти оправдываться («я намерением доказать чрез то здешним обывателям мое усердие, поступил неосторожно. В чем всенижайшее прося у милосердной Государыни прощения, осмеливаюсь изявить о себе, что впредь дела мои по возложенной на меня от ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА доверенности конечно во всем с высочайшею ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

[753] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012, ч. I. Л. 40.
[754] Там же. Л. 41 об.
[755] Там же. Л. 40.

волею и с удовольствием вверенных мне людей будут сообразны»)[756]. И это несмотря на прежнее одобрение императрицей всех действий Мельгунова[757].

Пенитенциарная функция. Гарнизон и военно-квартировочная функция

В отношении содержания арестованных и заключенных, а также расположения военнопленных Ярославская губерния ничем не отличалась от других административных регионов страны. Однако в ходе проведения реформы данному вопросу уделялось мало внимания. Скорее всего, потому что основной интерес новых властей генерал-губернатора Мельгунова сосредоточивался на других задачах, которые требовали всех его сил и времени. Кроме того имеющейся на тот момент инфраструктуры хватало для решения наиболее насущных дел. К 70-м гг. XVIII в. каждый из «старых» городов Среднего Поволжья обладал своим «застенком». Нередко он был не один. Функционировали таковые при разных ведомствах. Так, в Ростове в 1763 г. только «колодники» содержались в трех заведениях: Воеводской канцелярии, Духовной консистории и Магистрате[758].

В самом Ярославле в мае 1768 г. была «колодничья изба», которая, по-видимому, являлась главным местом концентрации осужденных, прибывавших из городов всего края перед отправлением их по этапу. При казарме состоял еще и некий «острог»[759].

Места заключения должны были функционировать при всех уездных городах, так как в каждом из них предписывалось «завести» судебные органы. Но по крайней мере во второй половине XVIII в. «остроги» работали далеко не повсеместно. Особые трудности при устроении пенитенциарной

---

[756] Там же. Л. 41–42.
[757] *Екатерина II.* Записки императрицы Екатерины II. С. 644.
[758] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012, ч. I. Л. 18.
[759] Там же. Д. 1011. Л. 4.

системы края, бесспорно, возникали в «новоучрежденных» центрах. Согласно «Списку» 1788 г. только в одном из городов данной группы (Данилове) имелась «тюремная изба», выстроенная за год до этого. Причем находилась она в перечне временных построек (т.е. возведенных в спешке и плохо, а значит, требовала в скором будущем замены на стационарное сооружение)[760].

С 1811 г. охрана и конвоирование заключенных (а также целый ряд иных функций) перешли в ведение Отдельного корпуса внутренней стражи. Во всех губернских городах, в том числе и в Ярославле, разместился ярославский батальон Отдельного корпуса стражи. Губерния (наряду с Московской и Владимирской) входила в состав IV округа, находившегося в 1817 г. под началом генерал-майора князя Н.Ю. Урусова[761].

В самом конце XVIII столетия Ярославль и города края не могли похвастаться значительными армейскими подразделениями. По-видимому, сказывалось их расположение в глубине страны и удаленность от театров возможных военных действий.

В марте 1787 г. в губернском центре стоял отряд «гарнизонных двух рот», общей численностью «по спискам» 165 человек. «В отлучках» значилось 65% личного состава. Еще 91 человек «требовался в добавку» для достижения полного штата[762]. Кроме них в Ярославле находилась губернская рота: 125 человек «в наличии» при недокомплекте в 6 человек и 95, состоявших «в отлучках». В 11 имевшихся на тот момент уездных центрах значились еще 356 военных чинов: 265 пеших и 91 конных (драгун)[763].

Армейские части периодически стояли «на квартирах» в городах и покидали их. Так, в 1796 г. на территории Ярославской губернии был расквартирован входивший во 2-ю Московскую дивизию мушкетерский Шлиссельбургский полк, причем подразделения его находились не в

[760] ГА ЯО. Ф. 72. Оп. 2. Д. 2093. Л. 24 об.–25.
[761] ГА КО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 1080. Л. 383.
[762] Там же. Ф. 72. Оп. 2. Д. 1180. Л. 1.
[763] Там же. Л. 1–1 об.

губернском центре, а в провинциальном маленьком Угличе[764]. Позже полк ушел в Можайск[765].

Спустя пять лет в Ярославль был переведен Тамбовский мушкетерский полк, но и тот присутствовал в городе лишь частично – несколько его подразделений квартировали в Костроме[766].

Впрочем, отдаленность городов Ярославского края от границ империи перестала быть препятствием для размещения здесь военных подразделений после того, как многотысячная русская армия стала покидать покоренную ею наполеоновскую Европу. 29 марта 1817 г. на территории губернии разместились части II корпуса генерала от кавалерии барона Ф.Ф. Винцингероде (штаб функционировал во Владимире)[767].

Реализация планов по формированию торговых и стратегических резервов в городах края

По городам Ярославской земли в рамках общегосударственной политики шло создание резервов для «продовольствия всей губернии»[768]. Склады («магазины») государственного резервного хлеба (в источниках – «запасной хлеб») существовали в губернии и до 1780 г. Они возникли как повинность экономических крестьян края, которым вменялось в обязанность в урожайные годы выделять часть из выращенного хлеба и хранить его «для непредвидимых случаев». С этой целью по селениям строились специальные казенные амбары («житницы»)[769].

---

[764] ПСЗ-I. Т. XLIII, ч. I. №. 17606. С. 2.
[765] Там же. №. 19951. С. 727.
[766] Там же.
[767] ГА КО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 1080. Л. 367.
[768] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012, ч. I. Л. 106.
[769] Там же. Л. 35.

Главной целью их функционирования было обеспечить, «дабы поселяне не претерпевали крайнего оскудения»[770]. Для достижения этого власти края предполагали в случае особой дороговизны выдавать местным жителям хлеб в долг «заимообразно на посев и на продовольствие». При возвращении зерна к каждой взятой четверти заемщик прибавлял один четверик сверху. За недопущением крестьянами нецелевого использования резервов следили земские исправники, и, по-видимому, городничие[771].

Ответственность за «хлебные магазейны» ложилась на местного коменданта или городничего[772], которые «наблюдали» закупку хлеба[773]. Непосредственно работой склада руководили два отставных унтер-офицера «с жалованием каждому по 80 руб. в год»[774].

К началу 1780 г. склады резервного хлеба, расположенные по экономическим селениям («житницы»), «в такую пришли ветхость», что оказались «никак уже и в починку не способны». Учитывая это, весной 1780 г. Мельгунов выступил с предложением (императрица его поддержала) – отказаться от хранилищ в деревнях и построить вместо них специальные «магазины» для «запасного хлеба» в Ярославле и Рыбинске[775].

Выбор городов не случаен – это были главные и наиболее загруженные порты губернии, к тому же стоящие на берегах мощной транспортной артерии всей страны – Волги. Оба города получали дополнительную функцию, а вместе с ней и исключительное значение, так как выступали местами хранения и распределения хлеба для всего Ярославского края и были складами, откуда зерно извлекалось на нужды других входивших в состав наместничества губерний, а также использовалось в интересах армии и столиц.

---

[770] Там же. Ч. II. Л. 4.
[771] Там же. Л. 7 об.
[772] Там же. Л. 4–5.
[773] Там же. Л. 6.
[774] Там же. Л. 5.
[775] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012, ч. I. Л. 35.

Строительство складов велось на деньги, вырученные от продажи имевшегося в тех же «житницах» старого казенного хлеба[776]. На складах каждого из двух городов предполагалось иметь «по 10 000, ячменя и овса по 2 500 четв., а всего в обоих магазеинах того запасного хлеба ржаного и ярового 30 000 четв.»[777] (в документе речь идет о Вологодской губернии, но так как она находилась под общим с Ярославской правлением, это позволяет экстраполировать данные). На пополнение запасов одного хлебного магазина планировалось тратить по 50 тыс. руб. в год[778].

Форму сооружения для хранения зерна (она должна была напоминать воронку) предписал лично наместник. Идея конструкции заключалась в том, чтобы сверху засыпать новый хлеб, а снизу – старый, «употреблять в раздачу, чрез что хлеб всегда может переменяться новым, и старой прежде выходить, а новой оставаться будет в магазеине»[779].

Проект запасных магазинов Ярославской губернии недолго оставался на бумаге и вскоре был реализован, причем на деньги, «отпущенные» императрицей[780]. Упоминание о функционировании складов с казенным хлебом «мелькает» уже в отчете от 14 ноября 1788 г. следующего ярославского и вологодского генерал-губернатора генерал-аншефа Кашкина[781].

Как видим, формирование продовольственного резерва в виде «запасных хлебных магазейнов» осуществлялось в губернии не на пустом месте. Для этих целей использовали запасы, уже собранные православной церковью, в своих бывших вотчинах. Хлеб собирался с церковно-монастырских крестьян как феодальная рента и использовался в дальнейшем на продажу или как резерв. С проведением государством секуляризации церковных земель эти запасы оказались под контролем государства.

---

[776] Там же. Л. 36 об.
[777] Там же. Ч. II. Л. 4.
[778] Там же. Л. 5.
[779] Там же. Л. 6 об.
[780] Там же. Д. 1014. Л. 4.
[781] Там же. Л. 4 об.

Новые теперь уже наместнические магазины с самого начала рассчитывались на перевоз в них зерна, произведенного в виде повинности прежних церковно-монастырских, а ныне экономических крестьян. Власти в очередной раз в ходе проведения реформы города прибегли к бывшей секуляризированной собственности. Показательно, что именно во второй половине XVIII в. типичным стало явление, когда власти на местах использовали церковно-монастырские владения для решения своих задач[782]. Впрочем, несмотря на то, что доставшееся им наследство давало необходимые для достижения целей реформы средства, сановники обязаны были поддерживать церковь, которая в ходе секуляризации лишилась многих своих источников дохода.

Государство оказывало поддержку монастырям. Благодаря выделенным ею средствам функционировал (т.е., по сути, был сохранен), в частности, ярославский Казанский девичий монастырь, который был причислен к разряду «третьеклассных» обителей[783]. В своем рабочей записке Мельгунов отметил в качестве одного из текущих дел передачу на нужды этого монастыря ежегодно в течение пяти лет по 5 579 руб. Таким образом, общая сумма государственной помощи только одной обители должна была составить без малого 30 тыс. руб.[784]

Согласно решению генерал-губернатора для строительства запасных хлебных магазинов экономические крестьяне обязывались отдавать на добровольных началах[785] «в два года по 15, а в третьей по 10 коп. с души». Всего было «за [1]787-й год взнесено 8 820 руб., а более до ныне никто не взносит». Правда, попытка Нижних земских судов напомнить бывшим церковно-монастырским крестьянам об их некогда объявленной «добровольной» повинности натолкнулась на дружный отказ («поселяне

---

[782] *Устинова И.А.* Русское государство и православная церковь X – начале XX в.: учеб. пособие. М.; СПб., 2012. С. 131.

[783] *Зверинский В.В.* Монастыри в Российской империи // Статистический временник Российской империи. Сер. 3. Вып. 18. СПб., 1887. С. 71

[784] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012, ч. II. Л. 17 об.–18.

[785] Там же. Д. 1014. Л. 15 об.

отрекаются»). В итоге в 1792 г. Мельгунов резюмировал, что всей суммы, покрывавшей расходы «для построения общего одного или двух магазейнов в губернии недостаточно». Причем необходимость в них возрастала: у экономических крестьян хранилось на тот момент на руках до 66 598 четв. казенного «запасного» хлеба[786].

В то время идею с «магазейнами» (уже построенными в городах) власти считали не столь рациональной – крестьянам приходилось слишком далеко везти свой хлеб[787]. В итоге в 1792 г. вышел высочайший указ, предписывавший хранение «собираемого с казенных поселян хлеба в удобных волостных селениях»[788], т.е. в Ярославской губернии произошло возвращение к прежней форме пополнения стратегического запаса продовольствия. Наместник Кашкин воплотил этот указ в жизнь, создав «хлебозапасные магазины» по всем основным волостям края.

8 октября 1796 г. высочайшим именным указом было предписано «устроить» в Рыбинске хлебный магазин на 250 тыс. четвертей муки и круп[789]. Город и до того играл важную роль, выступая местом постоянных закупок резервного хлеба для Москвы[790]. Однако этот указ создал условия «для наполнения вновь учреждаемого в Рыбинске магазина» зерном (собиравшимся в хлеборобных губерниях юга России) для дальнейшей его транспортировки в «северную» столицу. Таким образом, с Рыбинском была связана продовольственная безопасность самого Петербурга[791].

Описание конкретных магазинов в делах отсутствует. Отсутствуют они и в справочных географических описаниях. Однако бесспорно, что таковые находились, по крайней мере, в двух городах – Ярославле и Рыбинске, исходя из исключительного значения этих поселений в хозяйстве как края, так и Центральной России. Об этом, в частности, говорит тот факт, что для

---

[786] Там же. Л. 151 об.
[787] Там же.
[788] Там же. Л. 150.
[789] ПСЗ-I. Т. XXIII. № 17515. С. 944.
[790] РГАДА. Ф. 16. Д. 578, ч. II. Л. 186 об.
[791] ПСЗ-I. Т. XXIII. № 17515. С. 944.

закупки резервного хлеба в Рыбинск приезжали представители московского генерал-губернатора[792]. Положение Ярославля было не менее значимо.

Казенная соль не раз упоминалась в отчетах по Ярославской губернии. Главным образом в связи с тем, что генерал-губернатор (как и сановники во всех регионах страны) обязан был «сделать» запасы соли по городам своего края[793].

24 октября 1784 г. именной указ потребовал от местных руководителей обеспечить наличие в городских магазинах «двугодовой препорции» соли. По Ярославской губернии она составила 800 тыс. пудов[794]. Впрочем, достичь этой цели было очень сложно, порой просто невозможно. В итоге в 1798 г. особым решением Сенат указал «иметь непременный» полугодовой запас, «по уважению могучих некогда встретится затруднений в доставлении оной». Общая годовая «препорция» соли для магазинов края должна была составить 516 042 пуд[795].

Соль в губернию «шла» из нижегородского и саратовского соляных магазинов. Доставка от Саратова до любого из городов Ярославской земли обходилась в 32 коп. за пуд. Власти стремились отказаться от этого, ориентируясь на завоз соли из Вологды: обе губернии находились под общим началом, что было выгодно. Обосновывая новое направление поставок, генерал-губернатор обещал, что закупочная цена снизится до 28 коп.[796] В связи с тем, что генерал-губернатор собирался «вологодской губернии варницы привесть в хорошее состояние» речь шла о старых и с тех пор пришедших в запустении соль-вычегодских промыслах[797].

Хранение и продажа вина (как и соли) велись исключительно по городам. Главную роль в этом процессе играл губернский центр. О размерах данных операций могут свидетельствовать величины питейных сборов.

---

[792] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 578, ч. II. Л. 186 об.
[793] Там же. Д. 1012, ч. I. Л. 106.
[794] Там же. Л. 195.
[795] ПСЗ-I. Т. XXV. № 18703. С. 415.
[796] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012, ч. I. Л. 292–292 об.
[797] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012, ч. I. Л. 292об.

«Принявший дела по наместничеству» генерал-губернатор Кашкин заметил, что в мае 1790 г. в винных магазинах губернского города согласно принятой норме должно было храниться годового запаса вина («годовая препорция») 45 тыс. ведер. В специально построенном при присутственных местах винном магазине вмещалось 15 720 ведер, т.е. всего 1/3 требуемого объема. Недостающие площади под хранение нанимали у обывателей (амбары, подвалы), на что уходило ежегодно из казны до 500 руб.[798]

Площадей для размещения запасов постоянно не хватало. Проводя осмотр города, Кашкин обнаружил, что «в трех с половиною саженях»[799] к присутственным местам и винному складу стоял небольшой дом. Он был построен «для пользы церковного притча» по распоряжению Мельгунова на деньги церкви[800]. Помещение использовалось для проживания священников и церковнослужителей, а также «отдавалось в наем» разным лицам с целью получения доходов «в пользу церкви». Так дом был в основном возведен из камня, он соответствовал требованиям, предъявляемым для хранения казенного вина. Наниматели устроили здесь харчевни, а близость огня к казенным зданиям, по утверждению Кашкина, «подвергало опасности от огненного запаления все здание казенное с денежной казной и вином». В результате наместник приказал снести дом, «предохраняя тем знатное казенное имущество от нещастного пожарного случаю»[801]. Средства, потраченные церковью на строительство (2 648 руб. 30 коп.), предполагалось компенсировать или возвести на эту сумму новые квартиры[802]. Впрочем, о реализации данной части проекта в документе ничего не сказано.

Оставшиеся от сооружения фрагменты и подвалы Кашкин планировал надстроить и превратить во второй винный магазин, способный вместить еще 10 560 ведер вина. Деньги на это (как и компенсацию церкви за здание) он

[798] Там же. Д. 1014. Л. 92.
[799] Там же. Л. 91.
[800] Там же. Л. 92 об.
[801] Там же.
[802] Там же. Л. 92 об.–93.

ожидал получить от императрицы. Всего предполагалось потратить на проект 7 913 руб. 10 коп.[803]

Впрочем, и в первые годы XIX столетия помещений для хранения казенных винных запасов в Ярославле по-прежнему не хватало. В итоге в 1802 г. по причине невозможности строительства новых каменных винных магазинов в Ярославской, как и в других губерниях, было разрешено использовать «одни только винные земляные подвалы с деревянными обрубами или каменными сводами»[804].

Судя по документам, в последней четверти XVIII в. не «казенное вино», а пиво и медовуха являлись главными напитками в жизни горожан. Во всяком случае занимали в ней весьма заметное место. Так, в 1772 г. при обсуждении необходимости увеличения по губернии цен на спиртные напитки «вино» даже не упоминалось[805].

Пиво и мед пили во всех городах[806], а также в имениях уездов, где устраивались собственные производства. Напитки эти высоко чтили и в целом в стране. Одна из помещичьих инструкций особым пунктом предписывала управляющему, «разведав, где исправно и хорошо пиво, полпиво и мед варят», посылать туда «мужичков посмышления», чтобы выведать «весь порядок и исправность» этих хмельных напитков[807]. В Пошехонье в 1782 г. пиво стоило 36 коп., мед – 68 коп., в других городах – соответственно 30 и 50 коп. Стремясь получить дополнительный доход, Казенная палата Ярославской губернии планировала в 1783 г. уравнять цены до 40 коп. за пиво и 60 коп. – за мед[808].

---

[803] Там же. Л. 93.
[804] ПСЗ-I. Т. XXVII. № 20167. С. 65.
[805] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012, ч. I. Л. 291.
[806] Там же. Л. 291–291 об.
[807] *Текутьев Т.П.* Указ. соч. С. 62.
[808] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012, ч. I. Л. 291–291 об.

Речная и сухопутная транспортная система края

Приволжские города края занимали исключительное место в речной транспортной системе страны, что было обусловлено их участием в волжской речной торговле. Однако особую роль в этой системе играл не обширный и губернский Ярославль, а относительно маленький уездный Рыбинск – именно там происходила перегрузка товаров с больших судов (имевших хождение ниже по течению реки) на меньшие (использовавшиеся на верхней, более мелководной ее части и на каналах). Таким образом, Рыбинск оказался важным узлом на стыке нескольких водных маршрутов (как естественных речных, так и искусственных, построенных на Тихвинской и Мариинской системе каналов), и одновременно на границе ряда хозяйственных регионов. В современной литературе и общественном историческом сознании нет однозначного понимания границы, пролегающей между Верхней и Нижней Волгой. С точки зрения исторической географии рубежа XVIII–XIX вв. она вполне конкретна – это пристань города Рыбинска[809].

В связи с его особой ролью в речной торговле и транзите при пристани функционировала особая застава для контроля за товарооборотом и налогообложением («для сбора с судов пошлин, клеймения судов и выдачи хозяевам биллетов»). За 1804 г. доход казны только от клеймения здесь судов составил около 25 тыс. руб. В начале XIX в. интенсивность движения товаров и кораблей постоянно росла, в связи с чем местная налоговая служба «встречала большие затруднения в исполнении своих обязанностей». Вследствие этого в марте 1805 г. Министерство финансов было вынужденно добиться «определения к Рыбинской заставе особого пристава», к которому

[809] *Истомина Э.Г.* Водные пути России во второй половине XVIII – начале XIX века. С. 99.

определялся штат в пять человек (одного надсмотрщика и четырех рядовых)[810].

Кроме узко торговой и транспортной роли, город имел совершенно исключительное стратегическое значение: через него шло снабжение хлебом обеих столиц. О богатстве представителей деловых кругов Рыбинска в конце XVIII – XIX в. свидетельствует его застройка. Роскошные здания, возникшие благодаря исключительной роли города, доходам и амбициям местных жителей, с потерей Рыбинском своего прежнего положения стали приходить в упадок, в котором и пребывают сегодня.

Значение портового города в транспортном отношении было таким важным, что здесь расположили Рыбинскую контору водяных коммуникаций[811]. Состав ее служителей комплектовался по штатам чинов, призванных следить «за судоходством по реке Днестру», – одной из крупнейших транспортных артерий страны, связывающих Россию с Черным морем. Кроме того, в 1811 г. произошло выдающееся событие – в небольшом уездном городе Рыбинске заработала собственная биржа[812].

Речная транспортная система не исчерпывала всех потребностей страны в сухопутном перемещении, а также не снимала ее проблем в связи с неразвитостью инфраструктуры перемещения «по сухопутью» как в губернии, так и в стране были крайне затруднены. Письма, отправленные самой императрицей к ее наместнику из Петербурга в Ярославль, даже в благоприятные периоды шли 7–12 дней[813]. Таким образом, разделявшие тогда города 724 версты[814] фельдъегеря покрывали со скоростью всего лишь 60–100 верст за сутки и/или от 2,5 до 4 верст за час. Интересно, что немногим позже екатерининского времени передвигаясь «не спеша» «по негористой гладкой дороге» между соседними городами Ярославского края, можно было

[810] ПСЗ-I. Т. XXVIII. № 12686. С. 916.
[811] Там же. Т. XLIV. № 21740. С. 56.
[812] ГА ЯО. Ф. 73. Оп. 2. Д. 62. Л. 5.
[813] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012, ч. I. Л. 45.
[814] Росписание губернским и уездным штатным городам ... Отд-ние I. С. 27.

преодолеть за час целых 15 верст[815]. Причина задержек при путешествиях на большие расстояния заключалась не только в плохо обустроенных трактах и/или их сиюминутном состоянии. Основанием для остановок являлись непредсказуемые и труднопреодолимые местные условия – климат, ландшафт и почвы.

Так, в 1777 г. в Ярославской губернии зимний путь установился к 17 ноября. Однако спустя неделю начались дожди, которые всего за три дня (к 27 ноября) сделали местные суглинистые дороги настолько непроезжими, что даже окрестные дворяне не смогли выбраться из своих деревень в губернский город. И это несмотря на их огромное желание принять участие в местных торжествах[816].

Приволжские города выступали важными перевалочными пунктами с одного берега большой реки Волги на другой. Стационарных мостов здесь еще не было. В теплое время устраивались временные наплавные мосты или же паромные переправы. В декабре – марте движение шло по льду, а также по замерзшей земле («зимнику»). В 1777 г. потепление поздней осени, типичное для средней полосы России, прервало только-только установившуюся 15 ноября ледовую переправу через Волгу, которая стала небезопасной «к поднятью конных»[817].

В межсезонье любые способы передвижения оказывались бесполезны – крупные реки вместе с просторами страны на какое-то время практически наглухо отрезали одну ее часть от другой. Так, Мельгунов, не имея возможности в марте 1777 г. добраться до Ярославля до начала установления прочного льдов, избежал продолжительной изоляции в Москве только потому, что осмелился, с риском для жизни, перебираться через реки по неусточивому льду[818].

---

[815] *Хвостов Д.И.* Указ. соч. С. 13.
[816] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012, ч. I. Л. 44.
[817] Там же. Л. 44 об.
[818] Там же. Л. 1.

Впрочем, и летом преодолеть реки, особенно широкие и полноводные, оказывалось не только трудно, но и опасно. Талые воды и наводнения, вызванные дождями, рвали связи «живого» моста, а переправа паромом могла стать последней для его пассажиров.

При Екатерине II страна только-только подошла даже не столько к созданию функционирующей системы сухопутных дорог, сколько к вопросу выявления их числа, качества, а также возможного усовершенствования. С этой целью всем наместникам было разослано распоряжение: описать дорожную сеть своих губерний («о дорогах между губернскими и уездными городами»[819]). Итогом этого предписания стало учреждение дорожных карт губерний. По вопросу степени исполнения данного поручения велась постоянная переписка наместнических правлений с Петербургом. 25 июня 1782 г. императрица потребовала от Мельгунова предъявить ей результаты его трудов. Генерал-губернатор не мог предоставить карту, но отправил в «северную» столицу свои заверения, что такая работа им ведется, и как только результат будет получен, он его незамедлительно представит[820].

Обязательной частью развития края, выступало создание системы почтовых станций и налаживание работы почты, которая опиралась на города. Ярославская земля играла весьма заметную роль в ее функционировании: сразу три города (Ярославль, Переславль-Залесский и Ростов) были «назначены» транспортными центрами на одной из главных сухопутных коммуникаций всей Российской империи – Архангелогородском «генеральном тракте»[821]. В рамках этого проекта в 1781 г. приступили к строительству почтовых контор в Ростове, Угличе, Петровске, Рыбном (Рыбинске) и Борисоглебске (правда, реально работы начались позже, нежели это было указано в реляциях)[822].

---

[819] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012, ч. I. Л. 207.
[820] Там же.
[821] РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 39. Л. 4 об.
[822] Там же. Д. 30. Л. 61.

За основу при возведении почтовых зданий взяли «примерные планы», подготовленные для Киевской губернии. Согласно им при строительстве здания почты в губернском городе необходимо было затратить 11 041 руб. 23 2/3 коп., в уездном – смету сократили до 9 326 руб. 66 коп.[823]

Приказ общественного призрения и учреждения его ведомства

Прибыв в начале апреля в Ярославль, Мельгунов потребовал предоставить ему данные об оказании помощи «обездоленным». Выяснилось, что во всей будущей губернии действовали 22 богадельни, устроенные благодаря помощи исключительно различных благотворителей, в их числе 20 «состояли по городам» и 2 находились «при фабриках» Затрапезновых и Яковлева[824]. Всего «призреваемых» значилось 198 лиц мужского пола и 413 – женского. В благотворительных заведениях обездоленные люди получали только крышу над головой. Средства на все необходимое они должны были добывать самостоятельно. По данным воеводской канцелярии, из 208 детей, проживавших в неимущих семьях, 22 ребенка нищенствовали[825] и тем самым зарабатывали себе на хлеб. Впрочем, не исключено, что более или менее значительная часть полученного таким образом дохода шла в карманы их опекунов.

На основе «капитальной суммы» Приказа общественного призрения, а также частных пожертвований в Ярославле был создан Дом призрения ближнего (Дом для призрения и воспитания сирот и неимущих детей)[826]. В него принимали из всей губернии «бедных детей всякого возраста» и обоего пола, кроме «крепостных людей». По достижении «возраста», когда помощь

[823] Там же. Л. 95–98 об.
[824] *Головщиков К.Д.* Указ. соч. С. 128, 193.
[825] Там же. С. 128.
[826] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012, ч. II. Л. 88, 91.

заведения на них уже не распространялась, опекаемые возвращались в свое «прежнее звание»[827].

Реализация данного проекта была бы невозможна без заметной поддержки со стороны меценатов. Мельгунов смог «согласить» местное купечество и дворянство «сложить капитал для построения приюта бедным сиротам, требующим воспитания, и для призрения дряхлой старости и беспомощной нищеты». Описывая этот эпизод жизни города, дореволюционный исследователь Головщиков отмечал, что данное «предложение любимого начальника принято было охотно». Однако, зная примеры острого противостояния жителей и генерал-губернатора по целому ряду вопросов, подобная оценка представляется излишне восторженной. Человеколюбивая инициатива Мельгунова, наверняка, не у всех встретила понимание. Тем важнее результаты деятельности главы края. Благодаря его усилиям только на этот проект было собрано в виде пожертвований 7 428 руб., а также выстроено за счет жителей здание приюта, что обошлось еще в 18 тыс. руб. Исключительный вклад в дело устроения Дома призрения ближнего проявил купец Иван Яковлевич Кучумов. Именно его пожертвования в размере 20 322 руб. составили 80% всей полученной суммы[828].

Дом призрения сирот был официально открыт 21 апреля 1786 г., когда в него поместили 36 человек[829]. В 1787 г. их значилось уже 80 (56 мальчиков и 24 девочки)[830]. Дети поступали в приют на двух основаниях: только для призрения и «для приличного их состоянию воспитания»[831]. Последнее означало получение начального образования[832].

---

[827] Там же. Л. 88.
[828] *Головщиков К.Д.* Указ. соч. С. 130.
[829] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012, ч. II. Л. 91.
[830] *Головщиков К.Д.* Указ. соч. С. 133.
[831] Там же. Л. 88.
[832] *Головщиков К.Д.* Указ. соч. С. 133.

Екатерина II своим именным указом от 10 марта 1786 г. одобрила «похвальное ревнование дворян и других частных людей в Ярославском наместничестве к общему добру оказанное»[833].

Впоследствии подопечных ярославского Приказа общественного призрения будут целенаправленно готовить в писцы, для чего создадут «Отделение воспитанников для приуготовления в писцы» – специальное учебное заведение, прообраз советских профессионально-технических училищ и современных колледжей. Согласно штатному расписанию на 1824 г. в «Отделении…» на службе состояли девять человек (в их числе – учитель чистописания) и обучались 75 (25 набрали из ярославского Сиротского дома, а прочих 50 – из других губерний)[834]. В конце того же года было высочайше решено передать для размещения этого учебного заведения бывший дом вице-губернатора, выделив на его «переделку и совершенную поправку» 13 400 руб.[835]

Наряду с детьми Дом призрения должен был принимать также «не имеющих пропитания увечных и престарелых». Однако из-за нехватки средств эта категория оказалась вне его помощи. Некоторую поддержку им оказали «открытые приказом несколько богаделен для увечных и престарелых мещан и бродивших по городу нищих»[836]. Впрочем, и их возможности, наверняка, были сильно ограничены. Только в 1820 г., когда местный гражданский губернатор получил высочайшее распоряжение учредить при Доме призрения Страннноприимную палату[837], она и стала местом поддержки для «увечных и престарелых»[838].

Полученные наместником средства (как правило, от «дарителей») давали возможность учреждать больницы и богадельни. Строились здания. Однако не решена была главная проблема – отсутствие врачей. Судя по

---

[833] ПСЗ-I. Т. XLIV, ч. II. № 30105. С. 145–146.
[834] Там же. Т. XXXIX. № 16344. С. 545.
[835] Там же. Т. XLIV, ч. II. № 30105. С. 145–146.
[836] Там же.
[837] ПСЗ-I. Т. XXXVII. № 28140. С. 48.
[838] *Головщиков К.Д.* Указ. соч. С. 131–132.

документам, в середине 80-х годов XVIII в. в Ярославской губернии наблюдался острейших дефицит всех медицинских кадров. Их попросту не было.

Стремясь как-то поправить положение, Екатерина II личным указом от 26 февраля 1786 г. разрешила генерал-губернатору «определять на докторские места лекарей, а знающий подлекарей на лекарские». При этом императрица информировала своего наместника: «…впрочем Мы не оставим изыскать средства к снабдению губернии врачебными чинами». Государыня сдержала слово, и 27 августа того же года в Ярославль наконец-то прибыл доктор – Иоганн-Христиан Готлиб Картше. Впрочем, и этот человек подходил лишь частично, так как являлся лекарем, которого направили из Петербурга с поручением занять «докторскую ваканцию»[839].

Сложно сказать, какое положение дел с медперсоналом наблюдалось в Ярославле в начале XIX в. Вряд ли оно сильно изменилось в лучшую сторону. Однако число подразделений ведомства Приказа общественного призрения росло. К 1810 г. в городе были устроены и функционировали воспитательный, смирительный и работный дома, две богадельни и городская больница. В губернском центре также работала частная аптека[840].

Важной частью городского пространства ряда провинциальных городов России являлось наличие в них значительного числа отставных военных инвалидов. Данная категория населения была неотъемлемой частью Ярославля, который входил в перечень «особых городов», куда государство переводило на жительство офицеров-инвалидов с предоставлением им особого «инвалидного содержания» и «квартир». Впрочем, чаще всего квартира являлась не отдельным помещением, а частью чужих жилых покоев, принадлежавших кому-то из городовых обывателей[841].

Кроме того, согласно указу 1764 г., инвалидам в предместьях городов выделяли участки «к построению собственных домов» и для «устроения» при

---

[839] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012, ч. II. Л. 118.
[840] *Зябловский Е.Ф.* Землеописание Российской империи для всех состояний. Ч. IV. С. 13.
[841] ПСЗ-I. Т. XXVII. № 20973. С. 920.

них огородов[842]. Вплоть до 1803 г. во всей стране было всего десять «инвалидных городов».

Так как число поселений, принимавших на покой отставных военных инвалидов, было весьма ограничено, то престарелые и раненые солдаты и офицеры стали характерной чертой повседневной жизни Ярославля. Хотя на основании законов в городе могли содержать небольшое число человек[843], но масштабные военные конфликты, в которых принимала участие Россия на рубеже XVIII–XIX вв., неизбежно и значительно увеличили этот показатель. Кроме того, рост числа инвалидов наблюдался в городах и ранее. Правительство даже начало борьбу с этим явлением[844].

В отношении образования Ярославль опережал подавляющее число городов страны. В Спасском монастыре функционировала духовная семинария, основанная в 1747 г. ростовским митрополитом Арсением Мацеевичем. Он же вел здесь богословие. В 1777 г. в заведении состояло 300 человек. Уровень получаемых ими знаний был достаточно высок. Слушателей обучали грамматике, пиитике и философии на латинском языке, арифметике – на русском. Позже архиепископ Афанасий ввел курс богословия и двух древних языков – греческого и еврейского[845].

В 1806 г. масштабы работы Ярославской семинарии немногим уступали Московской духовной академии. Для сравнения: в городе на Волге значилось 1 196 «учащихся» и 12 «учащих», в Первопрестольной – соответственно 1 447 и 9[846]. Кроме того, духовные училища функционировали еще в двух уездных городах края – Ростове и Угличе. Здесь число «учащихся» и «учащих» было примерно одинаковым: в Ростове – 43 и 2 человека, в Угличе – 41 и 1[847].

---

[842] Там же. Т. XVI. № 12258. С. 926.
[843] Там же. Т. XXVII. № 20973. С. 919–920.
[844] Там же. Т. XVI. № 12258. С. 926.
[845] Там же.
[846] *Зябловский Е.Ф.* Статистическое описание Российской империи в нынешнем ее состоянии ... Кн. 1, ч. 1–2. С. 182.
[847] Там же. С. 164.

В Ярославле работало и единственное светское учебное заведение – «Леонтьевская» школа, дававшая образование только детям дворян и представителям городских сословий[848]. Хотя этого было недостаточно для богатого густонаселенного губернского центра, но у жителей подавляющей части других российских городов возможностей для получения образования было куда меньше.

В Ярославской губернии, отличие от других регионов страны, генерал-губернатор готовился к открытию не одного, а сразу трех Приказов общественного призрения, который состоял в статусе общегубернского учреждения. Сообщение об этом намерении сохранилось в перечне планируемых им дел. В качестве мест их пребывания было избрано три наиболее значимых города губернии: ее столица Ярославль, древний исторический и духовный центр (причем не только края, но и всей Центральной России) Ростов и один из наиболее мощных в торговом и финансовом отношении Рыбинск. Совокупно «на содержание оных» выделили 4 420 руб.[849] По-видимому, деньги предполагали распределить между городами в равной пропорции.

В феврале 1786 г. Мельгунов сообщил Екатерине II, что «некоторые частные люди» выделили в пользу приказа 300 тыс. руб. и подарили построенный ими дом, стоимостью в 18 тыс. руб.[850] Полученные таким образом средства и стали основными при осуществлении социально-просветительских программ, курируемых приказом. При этом необходимо отметить, что весьма деятельный ярославский генерал-губернатор был, к тому же, активным сторонником Просвещения. Работа по привлечению средств на нужды школ и больниц велась им еще до официального учреждения приказа.

---

[848] Ярославль в его прошлом и настоящем: исторический очерк-путеводитель // История губернского города Ярославля: сборник. Историко-краеведческое издание. Ярославль, 2006. С. 314.

[849] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012, ч. II. Л. 18.

[850] Там же. Л. 87.

Еще во второй половине ноября 1777 г. в ходе подготовки к «открытию» в Ярославле органов администрации и суда собравшееся по этому поводу дворянство заявило о своем желании создать в городе учебное заведение – губернское училище (гимназию), которое позже будет названо «дворянским».

Вполне возможно, что инициатива его создания принадлежала лично Мельгунову, который буквально навязал ее «благородному шляхетству» края. Если судить по его отчетам, это была «всеобщая» и «добровольная» инициатива ярославских дворян[851]. Однако она явно выходила за пределы их корпоративных интересов – училище предполагалось учредить «для юношества всякого звания»[852], а не только «благородных» (так считало большинство исследователей). Впрочем, даже если генерал-губернатор и выступил инициатором данной идеи[853], это не отменяет того факта, что общественный подъем в период начала проведения Екатериной II реформ был очень высок. Именно это и являлось главным катализатором желания укоренять ростки просвещения в крае, благодаря чему многие местные дворяне искренне желали скорейшего создания училища «своим иждивением», согласившись добровольно передавать на его «обзаведение» десятую часть своих годовых доходов[854]. За счет этого порыва собрали 15 700 руб.[855]

С целью сбора средств на училище Мельгуновым через местных предводителей дворянства представителям этого сословия были разосланы письма с напоминанием о необходимости выплат. Хотя формально документ (как и решение) не имели отношения к данному сановнику, на имя Екатерины II поступила, по крайней мере, одна жалоба на самоуправство ее «деспота», как впоследствии нередко будут именовать генерал-губернаторов. «Возмущенное требование» к императрице в Петербург пришло от некой

[851] Там же. Ч. I. Л. 63.
[852] Там же. Л. 48.
[853] *Головщиков К.Д.* Указ. соч. С. 128.
[854] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012, ч. I. Л. 4.
[855] Ярославль в его прошлом и настоящем. С. 366.

ярославской помещицы «парутчицы Пасековой»[856]. Наместник вновь (после попыток навести порядок с противопожарными мерами и замостить улицы диким камнем) вынужден был объясняться перед государыней.

Впрочем, многие из дворян в 1778 г. заплатили своеобразную «десятину» на губернское просвещение. Среди них были такие значимые фигуры, как «граф Орлов и граф Шереметев»[857].

Датой официального открытия училища стало 1 ноября 1778 г. При этом теперь оно упомянуто только как дворянское. Таким образом, реальность похоронила благую идею генерал-губернатора предоставить возможность получения образования для более широкого круга юношей края. Плата за учебу составляла три рубля в месяц с каждого ученика, а их социальная принадлежность не перешла за пределы дворянского сословия[858].

В программу городской гимназии для дворян губернии входило изучение трех языков: немецкого, русского и французского. Последнему уделялось исключительное внимание: 16 часов в неделю «с орфографией, штилем и моралью». Показательно, что ежегодное жалованье преподававшего французский язык гражданина Женевской республики Андрея Дювильяра составляло 450 руб., что превосходило жалованье любого учителя, как минимум, на 300 руб. Кроме того, слушатели получали знания по арифметике, геометрии, тригонометрии, фортификации, артиллерии, физике, «Закону Божьему», истории всеобщей и российской, гражданской архитектуре, рисованию и танцам. Во главе учебного заведения был поставлен совестный судья Михайлов, его помощником стал майор Черский[859].

При училище был устроен пансион. Это давало возможность дворянам губернии, не имевшим собственных домов в Ярославле, а также средств на наем «квартир», отдавать детей «в учебу».

---

[856] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012, ч. I. Л. 63.
[857] Там же. Л. 64 об.
[858] *Головщиков К.Д.* Указ. соч. С. 128.
[859] Там же. С. 129.

В 1786 г. в Ярославле (как и по всей России) шел процесс учреждения Главных народных училищ. Переписываясь с Екатериной II, Мельгунов указал, что открытие училища в подведомственных ему губернских центрах (Ярославле и Вологде) было назначено на 22 сентября 1786 г.[860] Церемония эта наверняка состоялась, так как сам процесс находился под неусыпным контролем императрицы. Еще 12 мая она оповестила своего наместника, что утвердила «устав и штат» школ в обоих губернских центрах, а также «потребные для них учители с книгами, сим заведениям присвоенными», которые будут в Ярославль «от комиссии присланы»[861]. Хотя дворянское училище и прекратило существование в связи с открытием Главного народного училища[862], тем не менее своей деятельностью создало почву для функционирования этого нового учебного заведения.

«Установление» Главного народного училища стало последним крупными достижением Алексея Петровича Мельгунова в деле просвещения. 2 июля 1788 г. первый ярославский генерал-губернатор скончался[863].

В 1804 г. в Главном народном училище состояло 6 преподавателей и 165 детей (из них 20 девочек)[864]. 15 мая 1805 г. в ходе школьной реформы училище «возвысили» (преобразовали) в четырехклассную гимназию. Там в 1806 г. получал образование 51 человек[865]. В то же время в городе работало малое уездное училище, куда были приняты 59 учеников. Еще 42 желавших обучаться, но не имевших достаточных для того умений, определили в созданное при училище особое отделение[866].

В начале XIX в. в уездных центрах края работали уже восемь «нижних народных училищ» – в Ростове, Мологе, Романове, Рыбинске, Угличе, Петровском, Любиме и Пошехонье. Число обучавшихся в них детей

---

[860] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012, ч. II. Л. 119.
[861] Там же.
[862] *Головщиков К.Д.* Указ. соч. С. 130.
[863] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1014. Л. 6.
[864] *Герман К.Ф.* Указ. соч. С. 157.
[865] Там же.
[866] *Головщиков К.Д.* Указ. соч. С. 136.

колебалось от 23 человек (Углич) до 70 (Рыбинск). С 1805 г. эти учебные заведения переименовали в «уездные училища»[867].

В то время в городе функционировал также Благородный пансион для девиц, при котором в 1804 г. значились 5 учителей и 13 девочек[868]. Продолжала действовать и Ярославская духовная семинария. В 1802 г. «состоявшие» в ней 863 ученика обучались латинскому, греческому, еврейскому и немецкому языкам, а также поэзии, риторике, арифметике, географии, истории, философии и богословию[869].

В Ростове имелось Духовное училище, занимавшее часть помещений «преждебывшего» Архиерейского дома. В начале XIX в. всего здесь значились 70 учеников. В перечень преподаваемых предметов входили чтение и письмо на русском и немецком языках, латинская грамматика, основы арифметики и катехизис. Выпускники училища могли продолжить образование в Ярославской семинарии, где читались курсы лекций по риторике, философии и богословию[870].

Исключительную роль в создании системы образования края сыграл статский советник Павел Григорьевич Демидов. Летом 1803 г. ярославская гимназия получила от него в дар значительную материальную помощь: доход от имений (всего 3 578 душ) – 300 тыс. руб., «знатную библиотеку, кабинет натуральных и художественных редкостей, а также медалей». Передаваемые П.Г. Демидовым художественные ценности, по его собственным словам, собирались на протяжении 40 лет с единственным желанием – «оставить их со временем на пользу общую»[871].

Целью и одновременно условием столь мощного вложения стало стремление дарителя «назначенную в Ярославле гимназию возвысить в такое училище, которое бы имело одинаковую степень с университетом, и все преимущества оннаго, заведя в нем класс наук университетских». Таким

[867] *Герман К.Ф.* Указ. соч. С. 157.
[868] Там же. С. 159.
[869] Там же. С. 161.
[870] Там же.
[871] ПСЗ-I. Т. XXVII. № 20785. С. 639–640.

образом, новое учебное заведение должно было (по замыслу самого Демидова) дать возможность детям многочисленных неимущих дворян Ярославской губернии «без посещения столиц», «малыми средствами приобресть все те познания, кои образуют разум и сердце»[872].

6 (18) июня 1803 г. под прошением с изложенными в нем пожеланиями мецената-просветителя император Александр I поставил резолюцию: «Быть по сему»[873]. В результате учрежденное вскоре Ярославское училище высших наук[874] заняло в иерархии образовательный учреждений страны место, следующее за первыми национальными университетами[875]. 28 января 1805 г. утвердили «примерное исчисление сумм на содержание»[876] училища и его устав[877]. Созданный в 1919 г. Ярославский государственный университет является прямым наследником Ярославского училища Демидова.

Финансовые органы. Рыбинская биржа

Ярославль как хозяйственный центр занимал исключительное место среди прочих городов Центральной России. Превосходила его лишь Москва. Поэтому именно в этих городах были созданы крупные банковские структуры. В 1786 г. в Ярославле учредили губернскую контору Ассигнационного банка. Указ Екатерины II от 16 марта 1786 г. предписывал передать ему ассигнаций на 500 тыс. руб.[878]

---

[872] Там же. С. 640.

[873] Там же. С. 641.

[874] С 1834 г. – Демидовский лицей, с 1868 г. – Ярославский Демидовский юридический лицей, с 1919 г. – Ярославский государственный университет. В 1924 г. учебное заведение было закрыто; вновь возобновило работу в 1969 г.; с 1995 г. по настоящее время – Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова.

[875] Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова. URL: www.uniyar.ac.ru/yargu/history (дата обращения: 15.01.2017).

[876] ПСЗ-I. Т. XLIV, ч. II. № 24813. С. 54.

[877] Там же. № 21606. С. 59.

[878] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012, ч. II. Л. 109.

В ходе обмена меди на бумажные деньги Ярославль стал крупнейшим межрегиональным центром. Привезенные сюда бумажные деньги стремительно обменивались как местным населением, так и приезжими. По наблюдениям генерал-губернатора, за ними в город активно прибывали жители множества мест Ярославской и соседних губерний, в первую очередь Костромской, Вологодской и Владимирской (преимущественно городов Суздаля и Шуи). Кроме того, частые визиты в Ярославль совершали жители Новгородской земли и Русского Севера. Наибольший интерес к обмену проявляли торговцы Белоозера, Череповца и Кириллова[879].

Чрезвычайное для всей страны значение имел небольшой город Рыбный (Рыбинск), что привело к «совершенно исключительному» результату – в этом уездном поселении открылась собственная биржа[880]. Ее проект был озвучен в 1806 г. В январе 1807 г. предложенный «план с фасадом» лично утвердил император Александр I, который «изволил найти его удобным». Торговое учреждение заработало 18 июля 1811 г.[881]

Строительство обошлась в 21 тыс. руб., полученную частично «из добровольной складной суммы», а также «заимообразно» от доходов города[882]. После того, как Рыбинск пережил сильный пожар, повредивший здание биржи, непосредственное участие в ее восстановлении принял Карл Иванович Росси – один из талантливейших российских архитекторов, принимавший активное участие в создании новых инфраструктурных подразделений в целом ряде городов Центральной России (Тверь, Торжок, Бежецк)[883].

---

[879] Там же.
[880] ГА ЯО. Ф. 73. Оп. 2. Д. 62. Л. 5.
[881] Там же. Л. 1, 3 об.
[882] Там же. Л. 1 об.
[883] Архитектура и градостроительство. Энциклопедия. / Гл. ред. А.В. Иконников. М., 2002. С. 516.

Особенности формирования и развития культурной среды городов края

Помимо экономического фактора, на развитие культуры края повлияло то обстоятельство, что Ярославль относился к древнейшим городам России. Он выступал духовным центром и городом с устоявшимися традициями религиозного образования. Сюда в 1786 г. из Ростова переехал архиепископ Арсений (со своей кафедрой)[884], что еще больше укрепило за Ярославлем значение культурного центра края, еще более обширного, нежели собственно Ярославская губерния.

Как и все губернские столицы ядра Центральной России, являлся епархиальным центром, возглавляя одну из 12 епархий 2-го класса[885]. Кроме того, активная торговая деятельность заметно расширяла и знания, и мировоззренческие горизонты местных «граждан».

Благодаря усилиям Мельгунова в Ярославле заработала типография. В 1785 г. увидела свет одна из первых книг, напечатанных в городе, – «Сокращенная псалтырь Блаженного Августина, переложенная стихами». В 1786 г. при активной поддержке Мельгунова (и, скорее всего, под его редакторством) вышел первый в России провинциальный журнал «Уединенный Пошехонец» («Ежемесячное сочинение»)[886]. Всего были изданы 12 номеров. Незадолго до смерти генерал-губернатора выход журнала прекратился и более не возобновлялся[887].

В начале сентября 1811 г. в Ярославле действовали одна типография, находившаяся «при публичном театре», и шесть книжных лавок. Три из них принадлежали ярославскому купцу Егору Кожевникову, прочие – посадским людям – Федору Свешникову, Дмитрию Ваншину и Узденикову. В этих

---

[884] *Головщиков К.Д.* Указ. соч. С. 133.

[885] *Зябловский Е.Ф.* Землеописание Российской империи для всех состояний. Ч. IV. С. 143.

[886] *Головщиков К.Д.* Указ. соч. С. 130; Ярославль в его прошлом и настоящем. С. 316.

[887] Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона: в 86 т. СПб., 1894. Т. XIA. С. 894; 1902. Т. XXIVA. С. 599.

заведениях продавались сочинения разного содержания, за исключением лавки Узденикова, который продавал исключительно духовные издания[888].

В то же время книгами торговали и в уездных городах края. В Рыбинске одну или несколько книжных лавок содержал «московский купец Семен Аникеев Селивановский». В Ростове, Мышкине, Мологе, Пошехонье, Любиме, Данилове и Романове «училищных и частных типографий, также книгопродавцев и книжных лавок» не было совсем[889]. На их фоне сильно выделялся древний Углич, где значились сразу девять человек «книгопродавцев». Все они были местными жителями из купцов (Афанасий Дехтярев, Тарас Поляков, Иван Бычков), «купецких детей» (Козма Орешников, Константин Соколов) или «посадских»[890], что в данном случае обозначало мещан[891] (Михайло Кашнин, Иван Сахарнов[892], Андрей Лабашков, Иван Козлов)[893]. Однако никто из них собственно книжных лавок не держал. Книги продавались «одни только церковной печати для обучения детей» и хранились «у вышеписанных продавцов в лавках с прочими мелочными товарами»[894].

Во второй половине XVIII в. Ярославль сыграл яркую роль в развитии национального российского театра. Важнейшей датой в его истории выступает 29 июня 1750 г., когда любительская труппа во главе с купеческим сыном Федором Григорьевичем Волковым дала свой первый публичный спектакль. Показательно, что представление проходило в специально подготовленном здании – «Волковском амбаре», находившемся, по-видимому, в районе между Пробойной улицей и зданием присутственных мест. По сути, участники труппы Волкова были профессиональным актерами – они занимались лицедейством регулярно и брали за посещение спектаклей

[888] ГА ЯО. Ф. 73. Оп. 2. Д. 91. Л. 3.
[889] Там же. Л. 4–12.
[890] Там же. Л. 5.
[891] Там же. Л. 14 об.
[892] Или Сатарнов. (ГА ЯО. Ф. 73. Оп. 2. Д. 91. Л. 14 об.).
[893] Там же. Л. 5.
[894] Там же.

плату, которая в зависимости от места составляла 3, 5, 10 и 25 коп.[895] Вскоре ярославские актеры-энтузиасты были приглашены к императорскому двору в Петербург[896].

Хотя эта труппа и ее история выходит за рамки обозначенных хронологических рамок нашей работы, данный процесс вписывается в общую канву развития театра (как части городской среды) того времени. Труппа Волкова была одной из многих любительских и полулюбительских коллективов, которые возникали в середине XVIII в. в разных городах страны в рамках развития традиций так называемой «немецкой комедии». Наиболее ярко этот процесс протекал в столичных городах, дав начало, в том числе труппы антрепренера Медокса, ставшей основой для будущего Московского Императорского театра (нынешнего всемирно известного Большого театра). Кроме того, тот же процесс захватил крупнейшие межрегиональные центры. В том числе генерал-губернаторские столицы, проявив себя, как мы видели ранее в Калуге, а теперь и в Ярославле. Те же процессы, хотя и чуть позже, мы увидим во Владимире. С другой стороны традиции театрального действа (к тому же имевшей более глубокую историю) развивались в рамках ученических театров, действующих как при духовных, так и при светских учебных заведениях. Данная практика имела место и в Ярославле. Показательно, что во главе любительского театра стояли два человека. Помимо самого Федора Волкова труппу возглавлял Иван Афанасьевич Дмитревский – в прошлом ученик Ярославской духовной семинарии[897].

---

[895] Там же. С. 32.
[896] *Погожев В.П.* Проект законоположений об Императорских театрах. С. 7.
[897] *Бескин Э.М.* История русского театра. Ч. I. М.;Л. 1928. С. 105.

Работы по благоустройству городов края в правление А.П. Мельгунова

Во время объезда губернии летом 1777 г. Мельгунов особо отметил, что «строение по городам не токм[о] тесное, но во Многих местах весьма и ветхое»[898].

В документе слово «Многих» было прописано именно с заглавной буквы, что по нормам того времени означало смысловое ударение! Таким образом, города даже богатой Ярославской земли не отличались ни упорядоченностью застройки, ни устроенностью.

Привезенный наместником высочайше утвержденный новый план губернского центра, учитывавший выгоревшие места (последствия недавнего страшного пожара), оказался бесполезен. За прошедшие девять лет с момента трагедии ярославцы без плана, разрешения, а порой и не без риска для собственной жизни стремительно застраивали опустошенные пространства. Генерал-губернатор вынужден был приступить к составлению нового регулярного плана, который по завершении был отправлен на утверждение в Петербург.

Впрочем, возникшие неудобства и простой Мельгунов использовал во благо жителей. При осмотре губернского центра обнаружилось совершенно недопустимое расселение в районе реки Которосли, которая, разливаясь несколько раз в год, покрывала водой дворы «почти до половины» и держала такой уровень продолжительное время. Это обстоятельство было учтено в отправленном на высочайшую конфирмацию плане[899].

Кроме того, Мельгунов стал сановником, который одним из первых осознал, что массовое использование леса гибельно. Во-первых, это был путь

[898] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012, ч. I. Л. 12 об.
[899] Там же. Л. 40 об.

к его хищническому и бесхозяйственному истреблению[900]. Во-вторых, как материал лес не давал должного результата: города горели, мостовые гнили, а укрепленные стволами берега оказывались бесполезны, так как весенние и осенние воды с завидной регулярностью подмывали и разрушали их по нескольку раз за год. Все это вело «к частому возобновлению из того же лесу».

Выход из положения генерал-губернатор видел в использовании дикого камня. Еще при первых объездах своих «владений» он обратил внимание на наличии в крае больших его запасов. Используя свои полномочия, Мельгунов заставил («уговорил», выражаясь языком его письма к императрице) обывателей губернского центра вымостить за летние месяцы 1777 г. «на первой случай только три улицы камнем, дабы чрез то приучить их узнать в том свою пользу, ибо каменная мостовая не многим дороже будет деревянной»[901]. Одновременно он велел исполнить предписанные ранее, но повсеместно игнорируемые меры «противопожарного устройства». Судя по его «отношению», отправленному Екатерине II, данные меры были и необходимы, и необременительны. Однако «программы» наместника вызвали у жителей крайнее недовольство, «дошедшее» до самой императрицы! Екатерина потребовала от своего генерал-губернатора отчета, и тот был вынужден оправдываться перед ней за слишком ревностное исполнение своих обязанностей[902]. В итоге Мельгунов приказал «остановить мощение». К тому времени из трех улиц лишь одна была покрыта камнем, да и то наполовину[903].

Коренной житель Ярославский земли и большой знаток ее истории краевед Головщиков, описывая заслуги наместника в преобразовании губернского города, отметил: «Мельгунов, можно сказать, построил новый город. Нужно было при этом бороться ему и с предрассудками жителей… Но

[900] Там же. Л. 39–40 об.
[901] Там же. Л. 39 об.
[902] Там же. Л. 41–42.
[903] Там же. Л. 41 об.

ум и энергия Алексея Петровича сумели все превозмочь ему выйти из затруднений полным победителем»[904]. Впрочем, как показывают архивные документы, преодолеть генерал-губернатору удалось далеко не все. В том числе и косность местных жителей.

9 апреля 1778 г. Мельгунов осторожно попросил императрицу скорее прислать ему новый утвержденный план строительства губернского города. Без него он не мог официально разрешить возведение новых зданий, а с завершением зимы ярославцы самостоятельно могли начать несанкционированные строительные работы. Все дело быстро приняло бы массовый, стихийный характер. Наместнику явно приходилось сдерживать желание горожан возобновить «самострой», так как «многие желают по теперешнему времени строиться»[905].

Новые планы городов («высочайше конфирмованные») создавала Комиссия о строении Санкт-Петербурга и Москвы. Работа велась в массовом порядке. В одном из писем в «северную» столицу Мельгунов просил срочно прислать «очень нужные» ему планы будущих уездных центров, так как в губернии велось межевание земель. Согласно письму, по Ярославской и Владимирской губерниям одновременно уже создавали планы («еще не конфирмованные») сразу 15 городов[906]. Поскольку в «новоустроенных» административных регионах имелось по 12–15 городов, можно сделать вывод: с момента учреждения любой губернии и списка ее уездных центров сразу же (если не раньше) началась подготовка планов перестройки на регулярных началах для всех городов.

24 апреля 1779 г. был высочайше принят новый план Ростова[907]; 21 марта 1780 г. свои регулярные планы получили «новоустроенные» Мышкин, Данилов и Молога[908].

---

[904] *Головщиков К.Д.* Указ. соч. С. 124–128.
[905] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012, ч. I. Л. 59.
[906] Там же. Л. 251.
[907] ПСЗ-I. Т. XX. № 14865. С. 813.
[908] Там же. № 14995. С. 926.

Мельгунов, переустраивая Ярославль, по сути, создал новый город. При этом в ходе строительных работ (к большому сожалению для будущих любителей старины) были уничтожены многие древности[909]. Впрочем, подобная практика являлась типичной для того времени, особенно в поселениях, подвергшихся регулярной перепланировке и реконструкции Екатерины II. Так, например, значительный урон претерпел древний Новгород при губернаторстве Сиверсе, который слишком рьяно проводил в жизнь идеи своей императрицы.

Особое место в проектах создания современного (в понимании того времени) города занял Рыбинск. Переустройство именно этого поселения по новым, присланным из Петербурга инструкциям, весьма показательно. Не только потому, что город создавался заново из Рыбной слободы, но и в связи с тем, что это было не рядовое и совсем не бедное поселение. Однако даже ее зажиточным жителям реализовать план новой, каменной застройки оказалось не под силу. В итоге, так же, как и везде, губернские власти решали вопрос, как без дополнительных ассигнований (которых у них попросту не было) достичь намеченной цели.

В марте 1785 г.[910] решили передать водяную мукомольную мельницу, стоявшую на реке Черемхе, «одному из тамошних граждан из платежа за нее в тамошней магистрат в каждой год по 500 руб.» при условии поддержания состояния мельницы и плотины. Выплачиваемые новым владельцем деньги шли в городскую казну, откуда употреблять их можно было исключительно «на постройку каменных купеческих домов» в Рыбинске. Сумму эту давали на время (десять лет) как кредит, правда, на беспроцентных условиях[911].

Решение не было благотворительным ни со стороны города (возвращавшего деньги), ни арендатора. Ежегодные разливы сносили мост-

[909] Ярославль в его прошлом и настоящем. С. 315.
[910] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012, ч. II. Л. 19.
[911] Там же. Л. 17 об.

дамбу, и его «поддержание» требовало постоянных дополнительных затрат[912].

При внедрении в жизнь новых планов власти активно использовали последствия пожаров – опустошенные огнем пространства, нередко весьма обширные. Для освобожденных таким образом кварталов архитекторы готовили специально разработанные планы строительства на регулярных началах.

Пан масштабного переустройства естественно распространился на главный город края Ярославль. Впрочем, процесс этот, при первых губернаторах был лишь начат, но не завершен. Его реализация является заслугой администраторов 20-х и 30-х и гг. следующего столетия[913].

* * *

Проведение реформы города в Ярославской губернии дает яркий пример местных особенностей. В первую очередь это выразилось в богатстве и экономической активности поселений края, благодаря чему не возникло проблем с выбором «кандидатов» на роль новых уездных центров. Значительная часть даже «новообразованных» городов по целому ряду качеств не вызывала возражений. Появился даже «излишек» – Норская слобода, которую приписали к Ярославлю, так как высочайше утвержденный план не предусматривал еще одного, по сути, лишнего уезда.

Однако и в данном случае необходимо признать, что в развитии городской сети края и учреждения в ней различных структур (особенно на этапе становления) большую роль играла личность наместника. Так, Владимирская губерния, тоже отличавшаяся большим потенциалом, не сильно уступавшая Ярославской, в начале реформы не смогла должным

[912] Там же. Л. 19.
[913] *Головщиков К.Д.* Указ. соч. С. 143; *Хвостов Д.И.* Указ. соч. С. 8.

образом реализовать свои возможности во многом из-за личности генерал-губернатора. Устроителем же Ярославского края был назначен Алексей Петрович Мельгунов – трудолюбивый, дотошный, нацеленный на порядок и результат администратор, лишенный к тому же склонности к внешним эффектам. Имея репутацию делового и благородного человека, он пользовался практически безграничным доверием императрицы.

Мельгунов глубоко вникал во все оказавшиеся в его ведении дела. Он не просто лично и неоднократно объезжал города проектируемой губернии, выявлял и оценивал потенциал «претендентов» на роль уездных центров. Этому процессу предшествовала большая многоступенчатая подготовительная работа: сбор и оценка информации, командирование доверенных лиц с целью выяснения положения дел на местах. Лишь затем наместник предпринимал личный объезд, который состоял из нескольких «путешествий».

Вместе с тем генерал-губернатору была свойственна манера правления, которую временами можно охарактеризовать не иначе, как волюнтаризм. Реакцией на его «устроения» (к слову сказать, всегда рациональные) были неоднократные возмущения местных жителей, о которых становилось известно даже в Петербурге. В итоге всесильный «деспот» вынужден был давать объяснения лично государыне и отменять свои распоряжения. Впрочем, это не мешало ему считать, что он понимает истинные нужды жителей вверенного его заботам региона, а значит, имеет право принуждать их исполнять свои разумные требования. Сама императрица Екатерина II, несмотря на высказываемые претензии к манере управления Мельгунова, отзывалась о нем крайне лестно.

До своей кончины в 1788 г. Алексей Петрович успел полностью сформировать требовавшиеся для городов губернии структуры органов как административных, так и социальных. В чем-то он даже пошел дальше предлагаемой программы. Так, учреждение Приказа общественного призрения прошло сразу в трех городах, была предпринята попытка провести

мощение улиц и установить «персональную противопожарную ответственность» всех жителей Ярославля, удалось устроить ряд казенных «магазейнов» и обновить значительные запасы резервного хлеба, добиться (хотя, по-видимому, не всегда законными средствами) получения денег на развитие социальной сферы. Города Ярославской губернии «вышли из-под его руки» заметно изменившимися.

Наличие четкого понимания необходимости развития городов и реализация этой программы, хотя и потребовали куда большего времени, чем было в распоряжении стоявших у начала реформы города сановников, тем не менее их напряженная работа дала плоды. К середине 20-х годов XIX в. Ярославль уже «был славен» благоустройством (естественно, относительным), внешним благолепием, а также развитием образовательной и социальной сферы. О тех годах современник писал: «Ярославль пред многими губернскими городами может гордиться своими полезными заведениями»[914].

Помимо губернского центра «хорошо отстроенными» назывались Ростов[915] и Рыбинск. По свидетельству статистика К. Германа, опубликовавшего в 1808 г. «описание» Ярославской губернии, «в каждом из городов края» имелось казенное здание, чаще всего выстроенное из камня. Однако «большее количество оных, и красивейшие находятся в городе Ярославле, как-то дома губернаторский, вице-губернаторский, губернское правление, ратуша, воспитательный дом, губернская гимназия, два дома почтовых, четыре казармы, госпиталь, смирительный дом, хлебный и соляной магазины. Вообще считается здесь 17 зданий; а прочие города имеют только нужнейшие для своего штата, по большей части каменные; многие из сих зданий требуют не малой починки»[916].

Ярославль традиционно играл исключительную роль как центр просвещения. Данная черта одновременно выступала важной составной

[914] Там же. Л. 9.
[915] Там же. Л. 14.
[916] *Герман К.Ф.* Указ. соч. С. 24.

частью характера города и фактором его развития. В Ярославле был открыт один из первых национальных русских театров и стал выходить региональный печатный орган (старейший в России), активно велась книжная торговля, открылось Демидовское училище, стоящее вровень с первыми российскими университетами, была основана публичная библиотека, развивалась система образования, которая первое время не сильно уступала даже московской. Большую роль в развитие края сыграл потенциал его городов – древних религиозных и, как следствие, культурных и просветительских центров. Кроме того, успешному проведению здесь реформы города немало способствовала Русская православная церковь, представители которой поддержали преобразования и оказали помощь в их проведении наместникам императрицы. Те же, в свою очередь, имели возможность использовать хозяйственный потенциал церкви, накопленный в ходе столетий и переданный светским властям в результате секуляризации.

Глава 4.
Становление городской сети Владимирской губернии

Учреждение городской сети Владимирской губернии. Города края

2 марта 1778 г. увидел свет указ Екатерины II «Об учреждении Владимирской губернии»[917], согласно которому функции генерал-губернатора (наместника) были поручены графу Роману Илларионовичу (Ларионовичу) Воронцову. Ему в обязанности вменялось создание губернии, что подразумевало определение территории и границ, численности населения (исходя из установленного для всех общего численного принципа) и числа городов-центров по «примерному расписанию на 13 уездов»[918], число которых вскоре будет увеличено до 14[919].

Кроме количества уездов, других сведений в вышеназванном указе не было. Но, по-видимому, Роман Илларионович, как и прочие региональные сановники, получил из Петербурга более точные данные, составлявшие «примерное расписание» проектируемых губерний. Судя по отчетам генерал-губернатора, в ходе своей первой учредительной поездки он целенаправленно посещал конкретные, заранее предписанные поселения, предполагавшиеся на «роль» уездных городов[920]. Так, в рапорте, составленном в ходе ознакомления с ними, Воронцов сообщал, что посетил и «обозрел на месте все оные города и селения». Кроме того, генерал-губернатор специально проехал через Судогду (о чем особо упомянул в

[917] ПСЗ-I. Т. XX. № 14714. С. 598.
[918] Там же.
[919] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 636. Л. 6.
[920] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 636. Л. 16–17.

отчете). Будущий город в то время числился селом[921]. Поездка длилась всего четыре дня[922] и не могла быть столь непродолжительной, если бы глава края задался целью осмотреть все поселения, способные претендовать на роль будущих уездных городов проектируемой губернии. Следовательно, Воронцов действовал по заранее составленной для него инструкции. Инструкция эта (или ее часть) дошла до нас в виде небольшой записки «В новоназначенных городах по ведомостям показано душ»[923], отложившейся в архиве канцелярии наместничества. Из нее мы узнаем, что Александровская слобода насчитывала всего 1 137 ревизских душ: 833 «дворцовой конюшенной канцелярии непашенные крестьяне», 162 бобыля и 142 души «фабрикантских» людей. Население Киржача на 99% состояло из «бобылей коллегии экономии». Всего в городе проживали 222 ревизских души. В Покрове значились 286 крестьян «ведомства коллегии экономии», в Коврове и Судогде – соответственно 162 и 131. Население Вязников состояло из 63 душ купцов и 831 души мещан, всего 894 ревизских души.

Данный документ следует сразу за рукописными текстами указа об учреждении губернии, предшествует всем отчетам самого Воронцова, не имеет следов составления на месте, содержит характеристики всех шести будущих новых городов и, судя по приводимым в нем цифрам, мог быть составлен только в ведомствах «северной» столицы. Таким образом, перед нами рекомендательный список, то самое «примерное расписание», упомянутое в официальном указе, но не вошедшее в его текст. Отсутствие в источнике всего перечня будущих уездных центров не препятствует этому выводу, так как «старые» города должны были быть осмотрены в обязательном порядке. Аналогичные материалы справочно-рекомендательного характера готовились в Петербурге для всех проектируемых новых административных единиц и рассылались к их будущим руководителям.

[921] Там же. Л. 16.
[922] Там же.
[923] Там же. Л. 5.

Будущему генерал-губернатору сразу же был передан документ о черновом распределении населения по уезду. Содержащиеся в нем материалы весьма показательны: из 14 уездов 10 имели абсолютно одинаковое число ревизских душ (27 065), а еще три получили население, отличавшееся лишь на несколько десятков единиц[924]. Итого 13 уездов из 14-ти по численности оказывались практически идентичными. Налицо сугубо механическое деление как средство формирования территории проектируемого под город уезда.

Для «формирования» территории Владимирской губернии, ее городской сети будущему главе края была послана внушительная сумма – 12 тыс. руб.[925]

В ходе требуемого «путешествия» 6–9 мая 1778 г. Воронцов (как он сам писал императрице) «объехал всю губернию… собрал нужные к сведению моему известия»[926].

В отчете, составленном по итогам инспекционной поездки, наместник полностью согласился с «примерным расписанием» будущей губернии на 13 городов. «Побудительнейшия причины» такого решения заключались в том, что избранные поселения соответствовали городскому статусу или имелись условия, которые со временем позволили бы им стать полноценными городами: «Иные положением места, другие водяным сообщением, и пролегающими их большими дорогами, а иныя для преграды всяких неустройств, и для безопасности проезжающих, почтены мною не токмо удобными, но и нужными превращенными быть в города»[927]. Из отчета становится понятно, что города выступают как части единой сети с множеством функций. При этом выделяется одна – транспортная: обслуживание дороги, места безопасных остановок (например, зимой), порты и наличия выхода к речной магистрали.

---

[924] Там же. Л. 6.
[925] Там же. Л. 4.
[926] Там же. Л. 16.
[927] Там же. Л. 16об.

По итогам поездки были утверждены 13 городских центров[928], из которых семь «старых» (Владимир, Переславль-Залесский, Юрьев-Польский, Суздаль, Шуя, Гороховец, Муром) являлись городами древних уездов Московского государства, центрами территорий, сформировавшихся на протяжении столетий естественным путем. Большинство их уже имело многовековой городской статус и традиционно занимало особое место как в судьбе страны, так и в процессе функционирования ее городской сети. К «новоучреждаемым» были отнесены шесть центров – «Александрова слобода», Киржач, Ковров, слобода «Везники или Ярополич», Судогда, Покров.

1 сентября 1778 г. (т.е. спустя полгода) вышел второй указ – «Об учреждении Владимирского наместничества»[929]. Генерал-губернатору Воронцову было «всемилостивейше» велено «исполнить в декабре месяце настоящего года» во Владимирской губернии «учреждение для управления губернией». Иными словами, он должен был создать местные органы управления и тем самым начать проведение административной реформы и реформы города.

Таким образом, было три этапа формирования Владимирской губернии. На первом («учреждение губернии») – в целом определялись ее территория, структура, перечень городов, необходимых для управления уездами, число которых было предварительно названо. «Помогали» в этой работе заранее подготовленные в столице инструкции – «примерное расписание», составленное, исходя из общего числа податного населения будущей губернии.

В результате полученных данных называлось возможное число уездов, а также давался перечень поселений – способных претендовать на роль будущих городов – уездных центров.

---

[928] Там же. 16 об.
[929] ПСЗ-I. Т. XX. № 14787. С. 742.

Второй этап – создание новой административной единицы. В первую очередь это означало формирование и начало работы («открытие») органов местного управления. Не случайно тем же днем, что и указ об учреждении Владимирского наместничества, были «высочайше утверждены» его «штаты»[930]. «Инструкцией» при реализации задач данного этапа выступал документ «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи».

Третий этап – «открытие» губернии и полноценное функционирование по городам новых органов управления, суда, социальной помощи, образования и др.

Естественно, что реализация планов второго этапа потребовала окончательного установления числа городов, в которых должны были начать свою работу местные органы управления. В указе присутствовал их перечень, правда, отличавшийся от предыдущего двумя пунктами. Александровскую слободу решили назвать «город Александров»[931]. Добавили также еще одно поселение – город Меленки (бывшее дворцовое село). В итоге в губернии (которую на том этапе официально могли именовать и как наместничество) наместничестве появились 14 городов – центров уездов и 14 уездов. Причина выдвижения объясняется как и во многих других случаях «арифметическим принципом», положенным в основу реформы[932].

«Вновьучрежденные» города по своему происхождению распределялись следующим образом: две слободы (государственная – Вязники и ведомства Дворцовой конюшенной канцелярии и Коллегии экономии – Александровская) и шесть сел – одно дворцовое (Меленки) и пять экономических (Покров, Судогда, Ковров, а также Киржач и Селиванова гора, слитые в город «под одним первым именем»)[933].

---

[930] Там же. № 14790. С. 744.
[931] ПСЗ-I. Т. XX. № 14787. С. 742.
[932] *Клокман Ю.Р.* Социально-экономическая история ... С. 124.
[933] ПСЗ-I. Т. XX. № 14787. С. 742.

Ю.Р. Клокман, исследовавший вопрос отбора поселений для создания новых городов, заметил, что правительство искало возможность решить задачу, исходя исключительно из государственного фонда. Причина – стремление избежать ущемлений дворянской собственности[934]. Впрочем, это «слишком однозначный» вывод. Необходимо помнить еще об одной стоявшей перед властями цели – избежать расходов, связанных с выкупом. Тем более при проведении общегосударственной реформы – дела само по себе весьма затратного.

Официальным итогом наделения городов новой Владимирской губернии особым статусом уездных центров стал момент присвоения им собственных гербов, утвержденных докладом Сената от 16 августа 1781 г.[935]

Утверждение Владимира в качестве центра будущей губернии и, по сути, региональной столицы – головного города генерал-губернаторства – было не вполне однозначным решением. Являясь «старым», даже древним городом, Владимир не имел исключительного административного значения, выступая рядовым уездным центром. Его прежний административный аппарат (а также необходимые для функционирования этой структуры кадры и здания) в новых условиях не мог успешно исполнять своих обязанностей. Так, к началу второй трети XVIII в. в него входило всего 23 человека (не считая надсмотрщика и сторожей): воевода, камерир (правая рука воеводы, ведал финансами), секретарь, два асессора, три канцеляриста, десять копиистов, писарь и четыре писца. К ним «прилагались для караула и посылок и при воеводской канцелярии и розсыльщиков» еще 56 человек, не имевших прямого отношения к административной деятельности[936].

Кроме того, Владимир не отличался выдающимся потенциалом как в вопросах «людности», так и в сфере хозяйства. Последнее обстоятельство доставит в будущем еще много хлопот при обустройстве города. И.М. Долгоруков, занявший должность местного губернатора почти через 34 года

---

[934] *Клокман Ю.Р.* Социально-экономическая история ... С. 203.
[935] ПСЗ-I. Т. XX. № 14790. С. 217.
[936] *Кирилов И.К.* Указ. соч. С. 144.

после учреждения губернии, писал, что во Владимире «жители чрезвычайно бедны. Все повинности гражданской полиции, как то мостовые, фонари, будочный караул, исполнялись беспрестанным и сильным домогательством, словом, губернским городом в некоторых отношениях труднее было править, нежели всей губернией»[937].

В конце XVIII в. губернский центр имел всего лишь около 5 100 жителей обоего пола[938]. Для сравнения на рубеже XVIII – XIX вв. Юрьев-Польский, охарактеризованный современником как маленький «городок»[939], насчитывал 2 300 жителей[940].

Число проживавших во Владимире купцов и мещан обоих полов составляло 2 844 человек. По этому показателю город уступал, например, Суздалю (3 031 чел.) примерно на 7%[941]. То же самое можно сказать о масштабах и характере хозяйственной деятельности будущего губернского и генерал-губернаторского города. На тот момент главное транспортное значение в губернии имела лишь Ока, занимавшая особое место в системе Волжского торгового пути[942]. Клязьма, на берегу которой стоял Владимир, не только давно утратила роль большой транспортной магистрали, но и не могла обеспечить хоть сколько-нибудь значимого движения. Русло во многих местах перекрывали плотины, а уровень воды упал так, что обнажились многочисленные мели и потребовались работы по углублению дна[943].

Показательно, что именно на Оке стоял наиболее значимый город края – Муром. Он славился как «торговый город» («жители… большей частию купцы и мещане»)[944], важный и краевой, и межрегиональный рынок (Муромская ярмарка) и крупный промышленный центр. В разное время

---

[937] *Долгоруков И.М.* Указ. соч. Т. 1. С. 578.
[938] РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 45. Л. 1.
[939] *Хвостов Д.И.* Указ. соч. С. 16.
[940] РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 79. Л. 1.
[941] РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 69. Л. 14.
[942] *Истомина Э.Г.* Водные пути России во второй половине XVIII – начале XIX века ... С. 100.
[943] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 640, ч. I. Л. 79.
[944] *Герман К.Ф.* Указ. соч. С. 14.

общее число находившихся «при Муроме» заводов доходило до 30[945]. Владимир же был известен исключительно производством… вишни: «Здешние купцы и мещане наиболее занимаются в разведении вишневых и яблоневых садов, коих в сем городе находится до 300»[946].

Купечество Владимира отличалось не просто малой активностью, но и откровенной бедностью[947]. Значительные состояния жителей Мурома, а также его весьма почитаемых древних монастырей и храмов, напротив, благотворно влияли на облик и внутреннюю жизнь этого центра. Показательно, что Д.И. Хвостов, оставивший интересные путевые заметки, отмечал: «Славный город Муром, стоящий на реке Оке, который достоин быть губернским городом по местоположению своему, богатству жителей и красивому строению»[948]. Отзыв путешественника о Владимире был менее почтителен, хотя тот давно уже стал губернским городом.

Интересно, что процесс выбора «претендента на роль» главного центра для нового административного региона практически никак не отражен в источниках. Генерал-губернатор Воронцов, проводивший ревизию своего будущего края, даже не задавался вопросом, в каком из поселений могла бы разместиться его «столица». Лично для сановника такой выбор оставался бесспорным – только Владимир. Согласно отправленному императрице отчету от 31 декабря 1778 г. Воронцов приказал создать губернские присутственные места во Владимире еще до начала своей инспекционной поездки по губернии, целью которой как раз и был поиск поселений – будущих административных центров[949]. Почему утопавший в садах малонаселенный и тихий городок был выбран столицей не только губернии, но и целого генерал-губернаторства, тем более что на эту должность имелись более перспективные «претенденты»: Суздаль, Муром и даже недавно образованный Александров?

---

[945] РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 60. Л. 10 об.–11.
[946] Там же. Д. 41. Л. 10 об.
[947] Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 639. Л. 69.
[948] *Хвостов Д.И.* Указ. соч. С. 33.
[949] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 638. Л. 22.

Вполне возможно, что решение по данному вопросу приняли в Петербурге и направили Воронцову соответствующее постановление в составе «предварительного расписания», т.е. документа, который утверждался лично императрицей, воля которой была беспрекословна. Таким образом, выбор оставался за государыней – большой ценительницей древней русской истории, что и подтолкнуло ее к выбору в пользу Владимира. Наместник лишь выполнил высочайшее предписание. Впрочем, и сам Роман Илларионович, как лицо, наделенное особым высочайшим расположением и исключительной властью, имел все права отклонить присланный из Петербурга проект и изложить собственное видение проблемы.

Определенную роль при выборе могли сыграть объективные факторы. По размеру населения Владимир отличался от прочих городов края, но не кардинально. Этот показатель вообще не всегда мог быть принят в качестве главного ориентира при выборе административного центра. Русские города того времени в подавляющем большинстве являлись весьма малочисленными населенными пунктами. Так, например, в Суздале проживали 4–4,4 тыс. человек[950]. Владимир же (в отличие от пограничного с Рязанской землей Мурома) находился в центре проектируемой губернии, стоя к тому же «на дорогах». Причем «срединное» положение было обязательным условием для выбора регионального центра. Владимир ему вполне соответствовал. Но такие же территориальные показатели имел и Суздаль. Свою роль при отказе от этого «претендента» могло сыграть отсутствие в древнем «Суждале» речной магистрали, в отличие от Владимира, стоявшего на берегу Клязьмы. Впрочем, значение ее как важной торговой трассы того времени вызывает большое сомнение.

Таким образом, Владимир ничем не выделялся среди «претендентов» и даже уступал им. Определяющую роль при его утверждении сыграл потенциал, которого не могло быть у прочих городов: Владимир являлся

[950] Там же. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 41. Л. 2, 70; Д. 69. Л. 17.

древним сакральным и государственным центром. Не случайно он возглавлял одну из 20 епархий 3-го класса[951].

Осознание культурно-исторической роли «стольного Владимира» (да еще в эпоху роста интереса к истории российской государственности) придало этому небольшому и слаборазвитому городку исключительное значение. В исторической памяти он наряду с Киевом занимал место исконной, еще домонгольской, столицы Русской земли. По-видимому, эта идея априори стала определяющей при присвоении ему высокого административного ранга. При этом подобное решение импонировало всем государственным лицам, участвовавшим в осуществлении реформы. Впрочем, как представляется, особый интерес к ее реализации испытывал именно Воронцов, а не Екатерина II, которая в своих устремлениях была не столько романтиком, сколько практиком. Выбранный ею генерал-губернатор, как будет видно из его последующей деятельности, напротив, стремился утвердить себя в качестве крупного регионального правителя. Он приложил много усилий, чтобы под своим началом «сколотить» из доставшихся ему губерний единое административно-территориальное пространство. Таким образом, идея устроить генерал-губернаторскую резиденцию в древнем городе приобрела для Романа Илларионовича чрезвычайное значение.

С утверждением 14 городов – уездных центров формирование городской сети не остановилось. На изменение своего статуса претендовала, в частности, Гавриловская слобода. Ее жители оказались весьма настойчивы в желании перейти в городское состояние. В данном случае «слобода» – это поселение «слободских людей», в качестве которых выступали крестьяне (или иные, относившиеся к ним категории, например, ямщики), которые при этом не занимались хлебопашеством.

Гавриловская слобода располагалась в «Суздальской округе», между Суздалем, Юрьевым-Польским и Кинешмой (на дороге, лежавшей между двумя последними городами). Населяли ее приписанные к ведомству

[951] *Зябловский Е.Ф.* Землеописание Российской империи для всех состояний. Ч. IV. С. 143.

Дворцовой конюшенной канцелярии «непахотные жители», или «конюшенные непашанные крестьяне»[952] – конюхи, которые формально считались крестьянами, но в связи со своим положением имели возможность заниматься торговлей и промыслами. По их словам, они «издревле… не только пашенной земли, но даже огородов и других никаких угодий не имеют»[953].

Слобожане не раз обращались к генерал-губернаторам с просьбой «записать в купечество и мещанство» их самих, а слободу «для лучшаго состояния» перевести в статус посада[954]. При этом «непахотные жители» ссылались на имевшийся прецедент: «Святотроицкой Сергиевой Лавры слобод, також примосковского Покровского села и Клинского яму», преобразованных в посады решением от 22 марта 1783 г.[955] Оба пожелания высказывались неоднократно самими жителями. Необходимо отметить, что «идущая снизу» инициатива слобожан о придании их поселению статуса посада (и как следствие им самим – звания городских жителей) была не единичной. Одновременно с гавриловцами о том же просили «непашенные крестьяне» других регионов страны[956].

Главы губернии отправили в Петербург не менее трех писем с предложением удовлетворить просьбу гавриловцев. Видимо, впервые зафиксированные на бумаге пожелания слобожан ушли в «северную» столицу в письме Воронцова 24 сентября 1779 г.[957] Просьбу эту тогда не удовлетворили, но просители продолжали настаивать.

В итоге в 1780 г. генерал-губернатор подготовил новое письмо[958]. В нем не только предлагалось удовлетворить пожелание слобожан, но и сообщалось о готовности крестьян ради получения купеческого и мещанского состояний платить «впредь до указу» двойные налоги. Помимо

[952] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 640, ч. I. Л. 127; Д. 638. Л. 90.
[953] Там же. Д. 638. Л. 90.
[954] Там же. Д. 636. Л. 18; Д. 640, ч. I. Л. 127.
[955] Там же. Д. 636. Л. 18.
[956] Там же. Д. 638. Л. 90.
[957] Там же. Л. 110.
[958] Там же. Л. 110–112 об.

«процентных с объявленного капиталу», они пожелали отдавать и прежние «крестьянские», чтобы Дворцовая конюшенная канцелярия не утратила положенного ей налога[959]. Кроме того, Воронцов указал на недостаточное количество земли, которой располагала слобода, чтобы развиваться как городское поселение: «Под их селением и огородами 13 десятин 616 квадратных сажен. На каковом… бобылей состоит в 170 дворов. В них по ревизии мужеска полу 454 души»[960].

Жители просили снабдить их необходимыми землями под угодья и застройку. К письму прилагался список желающих перейти в купечество и мещанство, а также возможный размер заявленного капитала. Данная просьба тоже осталась без ответа, и в 1783 г. в Петербург отправили третье послание, подготовленное тем же Воронцовым, но адресованное уже секретарю императрицы А.А. Безбородко[961]. В нем высказывалась просьба «исходатайствовать высочайшее повеление». При этом генерал-губернатор напоминал об указе государыни в отношении «Святотроицкой Сергиевой лавры слобод…»[962]. Одновременно Воронцов выслал второй вариант письма самой Екатерине. Повторяя просьбу гавриловцев, он расширил круг поселений еще двумя слободами, но уже Костромской губернии. Кроме того, предложил новый вариант разрешения дела: «Оставить при платеже нынешних крестьянских податей… дабы главная и дворцовая конюшенная канцелярия не лишилась своих доходов». При этом, не меняя статус слободы на посад, он просил разрешить ее жителям «отправлять торговлю и… учредить в их слободе ратушу»[963]. Однако и на этот вариант высочайшего разрешения не последовало.

---

[959] Из более позднего письма становятся известны эти суммы: купечество – 1% с объявленного капитала, мещане – 1 руб. 20 коп. «с души от крестьянских податей». Прежние суммы «при платеже прежних крестьянских податей» равнялась «подушных по 70 [коп.] и оброчных по 3 рубли».

[960] Там же. Д. 638. Л. 110.

[961] Там же. Л. 18–18 об.

[962] Там же. Д. 636. Л. 18.

[963] Там же. Д. 638. Л. 90–90 об.

В 1787 г. ушло четвертое, сохранившееся в материалах дела, письмо с той же просьбой, но написанное уже новым генерал-губернатором И.П. Салтыковым. Впрочем, и это послание осталось без ответа[964].

В мае 1789 г. последовала пятая известная нам письменная просьба – в составе рапорта уже от третьего главы края – И.А. Заборовского. Он подчеркнул, что, лично посетив слободу «для узнания состоянии тамошних жителей», нашел их «способными к торговым промыслам и рукоделиям»[965]. К письму прилагался список семей, «заявивших капитал» для перехода в купечество. Показательно как изменилось их число. Если раньше максимум составлял 3 тыс. руб., а большинство «претендентов» на переход в новый статус (94%) намеревалось выплатить от 500 до 1 500 руб., то затем максимум вырос сразу до 3 500 руб. Причем основная часть претендовавших (89%) заявила о бóльшей (но одинаковой) сумме – 1 тыс. руб.

Совместная настойчивость властей и «непахотных» крестьян, по-видимому, возымела действие. 14 мая 1789 г. последовал соответствующий указ императрицы. Все население было переведено в купцы и мещане, с выплатой (до ревизии) двух видов повинностей[966].

Надо заметить, что уровень заявленного капитала мнимых крестьян Гавриловской слободы в 1782–1783 гг. был выше, чем у иных посадских. Так, капитал от 500 до 1 500 руб. заявило 9% населения. Наиболее распространенная величина капитала – около 1 тыс. (20%) и 800–700 руб. (32%). Наибольший капитал был у четырех семей, три из которых заявили сумму в 2 тыс. и 2 005 руб. Максимальная же величина достигала 3 500 руб. (Дмитрий Лукъянов)[967].

По отчетам генерал-губернатора Воронцова[968] число и состав городов Владимирской губернии в 1780 г. оставались прежними[969]. Формирование

---

[964] Там же. Д. 640, ч. I. Л. 125.
[965] Там же. Л. 127.
[966] ПСЗ-I. Т. XXIII. № 16785. С. 407.
[967] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 638. Л. 110 об.
[968] Там же. Д. 637. Л. 4–4 об.

этой городской сети, в отличие от многих губерний Центральной России, прошло без затруднений и творческих поисков «кандидатов» на роль уездного центра и закончилось 14 мая 1789 г.

К концу правления Екатерины II городская сеть Владимирской губернии состояла из семи «старых» городов (Владимир, Юрьев-Польский, Шуя, Гороховец, Суздаль, Переславль-Залесский и Муром), шести «новых» («Александрова слобода», Киржач, Ковров, «Везники или Ярополич», Судогда, Покров, Меленки) и одного посада (Гавриловского). Вплоть до советского периода такой «состав» оставался практически постоянным.

Однако провозглашение городами поселений не всегда означало их автоматический переход в новое качество. Наместник должен был добиться устранения возникавших при этом помех. Выяснилось, что «новоучрежденные» Меленки и Судогда были лишены выгонных земель – важного условия существования города. Из-за этого, писал Воронцов, «жители сих городов претерпевают крайнюю нужду»[970]. В письменном отчете от 17 сентября 1779 г. он сообщал: город Меленки «окружен с двух сторон» поместьями княгини Вяземской и капитана Рогозина, Судогда же «имеет в смежности своей капитана Рогозина деревню Хорошевку (Хорошовку. – А.Б.), которая от города расстоянием в четырех ста саженях»[971].

Для преодоления препятствий наместник предложил императрице «повелеть для умножения выгод градских» в отношении Меленок выкупить окружавшие их земли, прибавив тем самым «довольное число лесу», а в отношении Судогды – приобрести за 7 500 руб. у капитана Рогозина прилегавшую к городу деревню Хорошевку с 70-ю душами мужского пола и 320-ю дес. земли, передав их под городской выгон. Бывших крепостных предполагалось записать по их желанию в купечество или мещанство.

---

[969] 14 городов: Владимир, Муром, Суздаль, «Юрьев Полской», «Переславль Залеской», «Шуя», Гороховец, Александров, Вязники, Ковров, Покров, Киржач, Судогда, Меленки.

[970] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 636. Л. 6.

[971] Там же. Л. 7.

Отказавшимся сменить статус оставляли права крестьянского состояния и переселяли.

К концу января 1779 г. в общем был завершен процесс определения внешних границ Владимирской губернии («окружные губернии границы, как быть им должно по селениям назначены»[972]), что отчасти «утвердило» и земли уездов как зоны ответственности городов. С этого момента население губернии составило 383 870 ревизских душ.

В 1781–1782 гг. Воронцов вновь занялся вопросом установления «границ как между губерниями, так и внутри них между уездами». Медлительность этого процесса объяснилась соседством сразу с шестью губерниями и разной степенью «расторопности» их руководителей. 13 мая 1782 г. генерал-губернатор отчитался: «успели в сие время поставить границы токмо с Нижегородской и Костромской губерниями», а в отношении Ярославской земли взаимное подписание решения о разграничении готовилось. В планах Воронцова значилось и размежевание территории сначала с Тверской и Московской губерниями, затем – с Рязанской и Тамбовской[973].

Важное место в формировании городской сети Владимирского наместничества сыграл тамбовско-рязанский город Елатьма – маленький городок, расположившийся на Оке, между Касимовым и Муромом. Не имея никакого отношения к территории Владимирской губернии, город существенно повлиял на процесс формирования городской сети наместничества Воронцова. В 1781 г. в его «сатрапию» входили три губернии: Владимирская, Тамбовская и Пензенская. Генерал-губернатору, человеку амбициозному, хотелось слить их в единое целое, продемонстрировав исключительный характер этого административно-территориального образования и, естественно, свою власть.

[972] Там же. Л. 31.
[973] Там же. Д. 638. Л. 14–15 об.

При учреждении Тамбовской губернии в сентябре 1779 г. Воронцов обратился с «Всеподданнейшим рапортом» к Екатерине II. Его целью было объединить перешейком это административное образование с территорией другой, вверенной ему губернии, – Владимирской. Единственным, по словам Воронцова, «препятствием» в этом деле выступал «только один Рязанской губернии город Елатьма со своим уездом… почему им несоизволено ли будет… оный город с его уездом для соединения обоих губерний от Рязанского отделяя, причислить к Тамбовской»[974].

Перевод Елатьмы из Рязанской губернии в Тамбовскую был откровенным превышением планов преобразования и помимо личных властных амбиций Воронцова не имел под собой никакой административной необходимости. Острой нехватки «претендентов» на роль уездных центров здесь не было, и административно-территориальная реформа проходила достаточно ровно[975]. Кроме того, Елатьма – типичный поокский город, принадлежавший другому историческому региону – Рязанской земле, как и многие другие древние исторические регионы страны, формировавшаяся путем колонизации новых территорий, которая постепенно продвигалась вдоль течения рек. В этом отношении Елатьма естественным образом была включена в систему городов Рязанского края. До того она входила в состав так же приокской Шацкой провинции (Воронежской губернии)[976], вместе с Касимовым, лежащим как и Рязань в среднем течении реки Оки[977].

Правда, определенная выгода (и немалая) от перевода города была. Но существовала она лишь для самого Воронцова, а также для тамбовского губернатора Алексея Ивановича Салтыкова. Забрав рязанскую Елатьму, чиновники получали пристани на Оке – главной в этой части страны торговой магистрали. В результате важный транспортный узел передавался Салтыкову, что было очень дорогим, но совершенно незаконным подарком.

---

[974] Там же. Д. 636. Л. 8.
[975] *Клокман Ю.Р.* Социально-экономическая история ... С. 179–180.
[976] Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. С. 200.
[977] Там же. С. 199.

Таким образом, если бы не «инициатива» столь высокого лица, каким являлся личный наместник императрицы, с его соответствующей просьбой к самой государыне, Тамбов ни при каких условиях не смог бы получить елатомскую пристань.

Предпринимавший усилия Воронцов, естественно, имел в виду собственные выгоды – его генерал-губернаторство выходило к Оке, в то время как ядро Владимирской земли исторически группировалось вдоль течения Клязьмы – другой оси формирования земель и древней транспортной магистрали. Правда, к тому времени она уже утратила большую часть своего транспортного потенциала и сильно уступала Оке.

В начале 1780-х годов Воронцов, размышляя о городах, способных стать в его наместнических владениях главными складами и перевалочными пунктами поставки соли, называл два пункта – Тамбов и Елатьму. Последняя была охарактеризована как «город.., который для того наиболее удобным признается» благодаря наличию при нем окской пристани. Именно через нее, писал наместник, было бы чрезвычайно удобно свозить соль и затем доставлять ее как в города Тамбовской губернии, так и в соседние местности[978]. Необходимо учесть, что закупки соли (монопольного государственного товара) были сопряжены с затратой колоссальных казенных средств. С ростом объема соли в крае увеличивались и размеры материальных ресурсов, концентрировавшихся в руках его главы. Впрочем, росла и его ответственность.

Предложение о переводе Елатьмы (письмо от 10 сентября 1779 г.) одобрили не сразу. В «Ведомости Тамбовского наместничества» (документ, следовавший за «Всеподданнейшим рапортом») Елатьма не упоминается[979]. Но уже 19 сентября того же года именным указом она как уездный город все же была включена в состав проектируемой Тамбовской губернии и всего Владимирского генерал-губернаторства Воронцова. В связи с выводом

[978] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 638. Л. 122 об.
[979] Там же. Д. 636. Л. 10–15 об.

города из состава проектируемой Рязанской губернии вместо него учредили другой уездный центр – город Раненбург, преобразованный из одноименного села[980].

Впрочем, переводом Елатьмы во Владимирское генерал-губернаторство и представлявшимися в связи с этим возможностями Воронцов воспользоваться не успел. В середине лета 1781 г.[981] он, судя по дошедшей переписке, разсорился с тамбовским губернатором генерал-майором князем Михаилом Михайловичем Давыдовым (в том же году сменившим прежнего главу этого края Салтыкова), и вскоре был «уволен от Тамбовской губернии». Елатьма же, оставшись на предписанном ей административном месте, пребывала в статусе уездного города этой губернии более 140 лет. Лишь в первой половине 1920-х годов она вернулась в состав Рязанского края.

Возведение комплекса «непременных» зданий

План Екатерины II по реформированию города предусматривал, помимо внедрения новой «исправленной» планировки, «устроения» определенного набора сооружений, необходимых для выполнения городом предписанных ему в ходе реформы функций, в первую очередь административных и хозяйственных. В итоге наличие этих построек стало признаком соответствия города своему нерядовому статусу, а также атрибутивным признаком высокой роли поселения. Благодаря этому обстоятельству главы городов и регионов, не смотря порой на отсутствие в их руках достаточных материальных средств и оснований, настоятельно искали возможности для возведения и украшения весьма значительных

[980] ПСЗ-I. Т. XX. № 14917. С. 867.
[981] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 636. Л. 71.

сооружений. Примером этого являются, в частности, торговые ряды Суздаля, которые ни тогда, ни сейчас не были полностью задействованы.

Большую роль подобные архитектурные сооружения играли для губернских центров и генерал-губернаторских столиц, в разряд которых 2 марта 1772 г. перешел и Владимир. План его перестройки был лично конфирмован императрицей в марте 1781 г.[982] Для этой цели выделили специальную, «особливо отпущенную»[983] «строевую сумму»[984]. Ее целевым порядком направили исключительно на возведение «казенных каменных публичных зданий»[985].

Особое значение придавалось центру Владимира. Здесь должны были расположиться губернское и уездное казначейства, Казенная палата, Верхний земский суд, Губернский магистрат[986]. Также планировалось возведение «прочаго казенного строения»[987] – складов для содержания запасов соли и вина[988] («магазейны» «виной и соляной»)[989]. Продажа этой продукции несла значительный «прибыток» в казну губернии[990].

Во «вновьучрежденных городах» в обязательном порядке предписывалось «устроить» каменные соборы – духовные центры приписанного уезда[991].

В начале мая 1778 г. Воронцов лично объехал «препорученную его попечению» губернию. В отчете о поездке он особо отметил как «первейшее мое попечение» устройство в губернском городе «палат для помещения присутственных мест» и доложил, что их строительство началось еще до его отъезда[992]. Кроме того, глава края писал императрице, как при его личном

---

[982] Повседневная жизнь провинциального города Владимира … С. 18.
[983] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 639. Л. 26 об.
[984] Там же. Л. 26 об.
[985] Там же. Д. 636. Л. 25, 26 об.
[986] Там же. Д. 640, ч. I. Л. 142, 142 об.
[987] Там же. Д. 639. Л. 19.
[988] Там же. Л. 26 об.
[989] Там же. Л. 141.
[990] Там же. Л. 32.
[991] Там же. Д. 639. Л. 25.
[992] Там же. Д. 636. Л. 16–17.

участии уже состоялось «основание строению Генерал Губернаторского и Губернаторского домов». Все сооружения планировалось закончить «к будущему октябрю»[993] (1779), т.е. максимум за полтора года.

Возведение данного вида построек собственно и делало не самый заметный город края губернским центром и резиденцией генерал-губернатора. Однако обещание Воронцова на поверку оказалось фикцией. 14 ноября 1783 г. (спустя четыре года после установленного вельможей срока) императрица издала указ, в котором, помимо прочего, были требования «о содержании присутственных мест»[994]. Исполнявший это повеление Салтыков – новый генерал-губернатор, возглавлявший это образование с 1780 г, сразу после отставки Воронцова – обнаружил, что во Владимире чинить нечего («с открытия [губернии] казенных публичных зданий не строилось»). Более того, «корпус для вмещения всех присутственных мест» по-прежнему находился только на стадии фундамента[995]. Данные обстоятельства недвусмысленно указывают на его вину в провале плана переустройства городов вверенных ему регионов. При этом после «открытия» Владимирской губерний на строительство выделялись положенные суммы[996]. Таким образом, подтверждается полулегендарная характеристика Воронцова, якобы данная лично императрицей: «Роман – большой карман». Хотя в отечественной историографии можно встретить возражения по поводу справедливости такой оценки[997].

Новый этап в создании административных сооружений Владимира и городов его губернии пришелся на 1785 г. (в 1782 г. генерал-губернатором Владимирской и Костромской губерний стал генерал-аншеф Иван Петрович

---

[993] Там же. Л. 16 об.
[994] ПСЗ-I. Т. XXI. №. 15873. С. 1052.
[995] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 639. Л. 26 об.
[996] Там же. Л. 25.
[997] *Удовик В.А.* Указ. соч. С. 160–167; *Алексеев В.Н.* Графы Воронцовы и Воронцовы-Дашковы в истории России. М., 2002. С. 34.

Салтыков, занимавший этот пост до 1786 г.), когда и началось строительство присутственных мест[998].

14 августа 1785 г. Салтыков в «верноподданническом рапорте» отчитывался перед Екатериной II: «Губернский город Владимир… мало еще отстроен», в нем «старое ж обывательское строение весьма тесно и невыгодно», зданий для проживания высших чинов администрации еще не построили, в связи с чем служащих предполагалось поселить на казенных квартирах. Однако таковых тоже не смогли найти («в городе ж пристойных квартир нет»)[999].

По сути, «устроение» не сдвинулось с мертвой точки и находилось все еще в начальной стадии, хотя с момента учреждения Владимирской губернии минуло немало лет. И это, несмотря на весьма оптимистические отчеты Воронцова. Так, в письме, отправленном в мае 1778 г., генерал-губернатор гордо рапортовал о своих успехах. Он уверял императрицу не только в том, что строительство имеет «первейшее мое попечение», но и обещал вскоре завершить возведение «палат для помещения присутственных мест»[1000]. Однако, как выясняется из отчетов Салтыкова, за все «правление» Воронцова не было построено буквально ничего.

Конкретные задачи, которые предполагал решить Салтыков в первую очередь, сводились к трем пунктам: снизить плотность застройки, выстроить обязательное (предусмотренное законом) казенное жилье (дома или квартиры), прежде всего для вице-губернатора и коменданта, возвести каменное здание присутственных мест. Он писал императрице: «А из отпускаемой по Всевысочайшему… повелению, и на построение в Володимерском наместничестве каменных присутственных мест и прочего казенного строения ежегодной суммы, начинаю построение нынешним летом, первое присутственных мест, потом генерал-губернаторского и губернаторского домов, и протчих каменых строений, которые скоро

[998] История Владимирского края с древнейших времен ... С. 148.
[999] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 639. Л. 19.
[1000] Там же. Д. 636. Л. 16 об.

окончены быть не могут; а потому вице-губернаторской и комендантской домы долго не построятся»[1001].

Салтыков считал невозможным провести «потеснение» местных жителей в их домах для расположения здесь чиновников и судей. Решение проблемы казенных квартир он видел в том, чтобы постепенно покупать пригодное жилье у желающих купить. Екатерине II предлагалось утвердить следующее решение: «Из числа живущих здесь продают дворы: первой коллежский асессор Акинфиев за две тысячи пять сот рублей, второй бывший комендант полковник Казадаев за тысячу пятьсот рублей; кои… повелеть…. купить, первой вице-губернатору, второй коменданту. А когда построены будут для их каменные дома, то сии можно будет обратить в пользу общественную, как то: для народных школ, или по тогдашнему времени на что другое»[1002].

Деятельность Салтыкова на посту генерал-губернатора имела успех. Его преемник (с 1786 г.) генерал-поручик И.А. Заборовский отмечал, во Владимирской губернии «везде надлежащий порядок и исполнение… Императорского Величества учреждений, сопряженную с должным спокойствием и тишиною»[1003]. Хотя строительство масштабных присутственных мест (которые и сегодня поражают своим размером) к тому времени так и не завершили.

Открытие корпуса присутственных мест – основы административного управления губернией – произошло только 17 декабря 1790 г.[1004], т.е. на 11 с лишним лет позже срока, обещанного Екатерине II Воронцовым. Это стало возможным во многом благодаря усилиям губернатора Лазарева. К июню 1788 г., за год нахождения в должности, он добился многих заметных результатов. В частности, провел улучшение «водяной коммуникации» (реки Клязьмы), дно которой «разрыли» «в трех порогах», благодаря чему в город

[1001] Там же. Д. 639. Л. 19.
[1002] Там же. Л. 19 об.
[1003] Там же. Д. 640, ч. I. Л. 18.
[1004] Там же. Ч. II. Л. 29.

стали прибывать суда большего водоизмещения, доставлявшие значительные грузы[1005]. Это позволило доставлять строительные материалы из Москвы. Кроме того, от реки «на гору» Лазарев провел водопровод, по которому «машиной» на высоту 37 саж. шла вода для возведения в первую очередь давно обещанных присутственных мест. По мнению самого губернатора, именно водопровод позволил осуществить их строительство «самою малою ценою». Также на территории губернии усилиями Лазарева нашли месторождение строительного камня и начали его разработку. В результате отказались от доставки известняка «из Москвы за весьма дорогую цену». Другой его заслугой стало налаживание поставок соли «водою малыми деньгами»[1006], что стало возможным благодаря углублению дна Клязьмы.

Итогом этих успехов стало разорение Лазарева, который, по его собственному признанию, «потерял свой капитал, вошел в долги» и даже просил об отставке и перемещении в другую губернию[1007]. Только так ему удалось завершить строительство присутственных мест во Владимире[1008].

Как видим, даже здания в губернском центре, необходимые ему для исполнения своих функций, построили «с большими усилиями и разорением». В остальных административных городах края ситуация была не такой острой (поселения имели иной статус), но и результат оказался не столь очевидным. На возведение здесь административных сооружений взять денег было попросту неоткуда. Суммы, выделявшийся ежегодно, не хватало на завершение строительства. Ранее выданные средства, исчезли, и это еще больше усугубляло ситуацию со строительством. К тому же, в отличие от других мест (например, от богатого торгового и промышленного Ярославля) здесь не имелось и столь богатого купечества, к которому можно было обратиться за помощью. Впрочем, большую роль на начальном этапе реализации плана реформ имела и личность руководителя генерал-

[1005] Там же. Ч. I. Л. 79.
[1006] Там же.
[1007] Там же.
[1008] Там же. Ч. II. Л. 29.

губернаторства, который мог изыскать стредства. Как мы это видели на примере, того же Мельгунова.

Во Владимире в разные годы возводились и такие «непременно нужные» сооружения, как губернаторский дом, Торговые ряды, здания Приказа общественного призрения, Дворянского собрания, гимназии и др.[1009] Но и здесь темпы строительства были явно недостаточными.

Говорить об активно ведущемся строительстве казенных зданий в конце XVIII в., видимо, нельзя. На данном этапе сказывались последствия «провала» работ в правление первого генерал-губернатора. В итоге казенных сооружений в губернском центре не хватало, из-за чего власти были вынуждены постоянно «тасовать» имевшийся в их распоряжении фонд домов, передавая готовые к тому времени сооружения из одного ведомства в другое. Так, Главное народное училище не имело своего здания и функционировало в помещениях присутственных мест[1010] (были открыты к 1790 г.). В 1787 г. хотя и возвели дом для Приказа общественного призрения, но в 1789 г. его пришлось на время передать под резиденцию губернатора. Строительство же постоянного губернаторского дома началось только в 1808 г. и завершилось в 1809-м.

Центральное место в перечне обязательных сооружений занимали Торговые ряды губернского города. Данный комплекс построек, «устроенный» во Владимире в рамках реформы города Екатерины II, выступал как одно из главных его функциональных сооружений. Появлению в каждом городе собственных Торговых рядов придавалось большое значение, так как в них видели способ активизации хозяйственной жизни. Не случайно именно они и стали главным символом русского города екатерининского времени.

Однако для Владимира этот «обязательный» проект оказался в то время практически нереализуемым. Город представлял собой весьма слабое в

[1009] Повседневная жизнь провинциального города Владимира … С. 22.
[1010] История Владимирского края с древнейших времен ... С. 149.

экономическом отношении поселение. Даже спустя восемь лет после «открытия» губернии Владимир не обзавелся ни одной годовой ярмаркой, хотя и пребывал в весьма выгодном положении (статус, центральное место на территории края, судоходная река, узел дорог) – по причине откровенной бедности жителей («по недостаточному состоянию») и ограниченном капитале местного купечества[1011].

Новый генерал-губернатор Салтыков вынужден был лично «назначить» годовой торг, определив время его проведения – 5–20 августа 1787 г., о чем оповестил владимирское купечество, о чем даже особо оповестил Петербург своим особым «репортом» от 29 октября 1786 г.[1012] Что уже говорит об исключительной важности, которая придавалась решению этой задачи. Впрочем, для осуществления этого требовались иные условия («но как при стечении иногородних купцов нужны будут им лавки и амбары для торговли и поклажи товаров»). Прежняя торговая инфраструктура пребывала в совершенной ветхости, а на возведение новой у местного купеческого общества попросту не имелось средств, о чем региональные власти сообщили в Петербург: «Общество же владимирское нуждающееся деньгами, не может завести сих надобных строений»[1013].

В 1787 г. местное купечество все же взяло на себя обязательство построить новый каменный Гостиный двор на месте прежних городских лавок. Правда, по справедливому замечанию И.И Шулус., Н.В. Киприяновой, Н.В. Мягтиной и В.А. Черничкиной, строительство «было закончено только благодаря усилиям губернатора» Лазарева[1014]. По его предписанию помощник архитектора ежедневно контролировал проведение строительных работ. Кроме того, губернатор обеспечил постоянное присутствие здесь одного унтер-офицера и двух рядовых, которые следили, чтобы рабочие

[1011] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 639. Л. 69.
[1012] Там же.
[1013] Там же.
[1014] Повседневная жизнь провинциального города Владимира … С. 23.

«производили работу безленно», «от самого рассвета и до захождения солнечного»[1015].

Однако этим вклад властей края не ограничился. Для решения проблемы генерал-губернатор Салтыков (ведомство которого само нуждалось в деньгах) в октябре 1786 г. просил императрицу позволить ему в нарушение закона взять необходимую сумму (6 тыс. руб.) из средств Приказа общественно призрения. Хоть такое расходование являлось нецелевым, но, по мнению главы региона, оно было дозволительно, так как впоследствии градское общество стало бы получать с устроенных торговых заведений свой процент. Доходы помогли бы вернуть деньги в основной фонд приказа. Сами же строения остались бы «в пользу города»[1016]. Зная о «недостаточности» (по сути, бедности) предпринимателей Владимира, с большой долей вероятности можно предположить, что «Высочайшее разрешение» на заимствование средств все же было получено.

В 1790 г. новый каменный Гостиный двор во Владимире был закончен[1017]. Это здание, дошедшее до нас с некоторыми изменениями, и сегодня украшает город, по-прежнему исполняя изначально предписанную ему функцию.

Владимирская земля – древний политический и духовный центр России. В городах края Православная церковь собрала за столетия обширное имущество, в том числе и недвижимое. Именно оно в результате секуляризации стало главным материальным источником при реализации сановниками екатерининского времени задач административной реформы и реформы города.

В Суздале для размещения административных служб генерал-губернатор Заборовский намеревался использовать «Архиерейский каменный дом… поелику Архиерею там быть не положено». Это здание (ныне музей) хотели «занять… под присутственные места, ибо в нем с

[1015] Повседневная жизнь провинциального города Владимира … С. 23–25.
[1016] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 639. Л. 69.
[1017] Повседневная жизнь провинциального города Владимира … С. 23–25.

малыми поправками могут оныя свободно поместиться так как и магазейны винныя и соляныя, денежная кладовая, и сверх того останется место для житья городничего и казначея». Другого подходящего варианта в Суздале попросту не нашлось. Правда, разрешение на использование бывшего монастырского здания на нужды светской власти необходимо было получить лично у императрицы[1018].

В Юрьеве-Польском после череды пожаров мая 1779 г. с согласия суздальского первосвященника генерал-губернатор Воронцов перевел гражданские органы власти в городскую обитель («об каменном монастыре, который стоял в городе»)[1019], для чего ее насельникам было предписано освободить «праздные в монастыре покои»[1020]. Речь в данном случае идет о Михайло-Архангельском мужском монастыре[1021].

Впрочем, выгоды от большого церковного «наследства», полученного светской властью в результате секуляризации, несли для нее и значительные материальные затраты. Церковь, утратив вместе с собственностью и крепостными людьми источники дохода, оказалась попросту не способной поддерживать свое недвижимое имущество. В древних городах, многие века являвшихся центрами духовной жизни, число храмовых сооружений было значительным. Соответственно, именно там наиболее остро встала проблема их ремонта. Священники и настоятели многократно просили владимирского генерал-губернатора о помощи. «От многих монастырей, – писал императрице генерал-губернатор Владимирский и Костромской Салтыков, – просили меня о починке оных, объявляя о некоторых, что и службы Божией отправлять почти уже не можно»[1022]. Для исполнения этой мольбы у местной администрации не было ни времени, ни денег, ни людских сил, ни достаточного числа специалистов. Но проблема стояла остро, и ее необходимо было решать.

[1018] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 640, ч. I. Л. 125.
[1019] Там же. Д. 636. Л. 33.
[1020] Там же.
[1021] РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 78. Л. 15об.
[1022] Там же. Ф. 16. Д. 639. Л. 99.

В 1786 г. Салтыков отдал городничим и земским исправникам распоряжение выяснить состояние всех церковных сооружений и составить реестр ветхих зданий. Принимавший в этом участие губернский архитектор Н. фон Берок оценил масштаб проблемы и указал сумму, необходимую для проведения восстановительных работ[1023]. Естественно, внимание обращалось только на сооружения церквей и монастырей, состояние которых вызывало особенное беспокойство.

Так, на 8 декабря 1786 г. по городам Владимирского края определили девять объектов (в их числе восемь монастырей), на территории которых находились десятки аварийных построек. На ремонт сооружений Переславля-Залесского требовалось 2 727 руб. В Юрьеве-Польском аварийными признали Архангельский мужской и Введенский женский монастыри, на «поновление» которых необходимо было выделить соответственно 5 864 и 1 880 руб. В Александрове в ремонте нуждался Успенский девичий монастырь (19 088 руб. 55 коп.), в Муроме – Спасский (2 334 руб. 40 коп.), Благовещенский (2 231 руб. 50 коп.) и Троицкий девичий (1 578 руб. 98 коп.). В самом «стольном» Владимире срочный ремонт требовался Успенскому девичьему монастырю (18 207 руб. 17 коп.)[1024]. Таким образом, общая сумма затрат составила более 53 900 руб. Денег на проведение ремонтов у власти по-прежнему не было, о чем глава края известил императрицу[1025]. В итоге средства все же «сыскали» и необходимые работы провели в том же (или следующем) году. Для женского монастыря в Александрове «средств не досталось», поэтому в 1788 г. он оставался в «ветхости».

Тогда же выяснилось, что и во Владимире не все церковные постройки пребывали в должном порядке и безопасности. Так, один из значительнейших исторический и духовных сооружений Российского государства, возведенный еще в XII в. Успенский каменный собор

[1023] Там же.
[1024] Там же. Л. 100–100 об.
[1025] Там же. Л. 99.

Владимира, «от времени в некоторых местах разселся». На его поправку согласно смете осуществившего осмотр архитектора требовалось еще 3 702 руб.[1026]

Соборные храмы – атрибуты городского статуса. Особое место занимало строительство соборных храмов во «вновьучрежденных» городах, что было обязательным условием при получении ими статуса города – центра уезда. Для реализации во Владимирской губернии намеченного плана выделили единовременную («особливо-отпущенную») сумму – 24 тыс. руб. Из-за ее незначительности строительство предполагалось осуществить только в трех (из семи) поселениях: Судогде, Меленках и Киржаче[1027] Новые и Причина такого выбора объяснялась, по-видимому, тем, что эти бывшие села каменных храмов не имели, а построить их самостоятельно не могли, в отличие от экономически сильных[1028] Александрова и Вязников[1029]. Старые же города, история которых насчитывала не одно столетие, к тому времени уже обзавелись каменными церквями.

Последним уездным центром, в котором возвели каменный соборный храм стал Киржач[1030], который не отличался высоким уровнем развития. Причем придание ему городского имени не способствовало изменению такого состояния. Показательно, что именно Киржач несколько лет спустя будет лишен городского статуса и преобразован в посад.

Управа благочиния. Пенитенциарная и военно-квартировочная функции

К перечню обязанностей Управы благочиния во Владимирской губернии (как и в других административных регионах страны) относилось в

[1026] Там же. Д. 640, ч. I. Л. 125.
[1027] Там же. Д. 639. Л. 26 об.
[1028] Там же. Д. 638. Л. 1, 130.
[1029] *Клокман Ю.Р.* Социально-экономическая история ... С. 154–155.
[1030] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 639. Л. 26 об.

первую очередь создание системы поддержание правопорядка и борьбы с пожарами.

В связи с этим важной часть работы выступало формирование в губернии отрядов полиции. При этом владимирский генерал-губернатор использовал присланные ему штатные расписания, применявшиеся в «северной» столице, а также вел работу по их реализации в своих губерниях. Исполнявшие полицейские функции воинские команды Владимирской губернии в 1778 г. получили «на жалование, амуницию, мундиры, обувь, провиант и на содержание лошадей» 15 478 руб. 79 коп. Для сравнения, эта сумма составляла лишь 11% от средств, выделявшихся на жалованье гражданским чинам наместничества за тот же период[1031].

При этом военные и полицейские части губернии не стояли без дела. В отчете Салтыкова, отправленном 4 сентября 1785 г. секретарю Екатерины II, сообщалось о беспорядках в крае. По его словам, на Муромской дороге появились «партии воров» (отряды разбойников). Для «успешного искоренения» бандитов генерал-губернатор «отрядил команду штатных драгун и карабинер» с приказанием поступать с преступниками «со всякой строгостью»[1032].

В первые годы XIX столетия, предписанные Владимирскому краю подразделения поддержания правопорядка (губернская рота и 9 штатных городовых команд), были укомплектованы практически полностью. Их наличный состав насчитывал 108 конных и 302 пеших (не хватало 1 конного и 20 пеших)[1033].

Другой и не менее важной стороной работы Управы благочиния выступала борьба с огнем. Для Владимирского края, как и для других регионов страны, пожары были страшным и частым бедствием. Например, когда 25 октября 1788 г. в Коврове загорелся мещанский дом, в огне было уничтожено 99 обывательских дворов. После того как пламя погасили,

[1031] ПСЗ-I. Т. XXI. № 14825. С. 770.
[1032] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 639. Л. 22.
[1033] РГИА. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 437. Л. 142.

власти приняли решение не только «возобновить» строения, но и расположить их «по новому Высочайше утвержденному» плану, составленному на принципах регулярной застройки[1034]. Более страшный пожар произошел 9 июня 1792 г. в Муроме – городе крупном и богатом, отчего масштаб разрушений и степень урона оказались куда значительнее. Огонь появился в полночь в доме местного мещанина и бушевал без перерыва шесть часов. Пожарные команды оказались бессильны в борьбе с распространявшимся пламенем. В итоге было «истреблено» 2 монастыря, 177 обывательских домов, 2 питейные дома, 2 трактира, 211 лавок, 27 амбаров, а также старое строение присутственных мест. Единственное, что успели, – вынести «дела» и казну[1035].

2 мая 1779 г. горел Юрьев-Польский. Остановить «свирепость огня» оказалось «невозможно», так как город «строением и улицам весьма стеснен и многие домы соломою были покрыты». Всего огонь уничтожил 64 двора. Как писал наместник, «с великими трудами едва могли спасти торговые ряды и прочие близкие домы»[1036]. Однако на этом напасти на местных жителей не прекратились. Через четыре дня «сделался новый пожар», в котором сгорело 7 дворов. Еще через два дня вблизи «бывших пожаров» город загорелся в третий раз. «Погибло» еще 14 домов[1037]. Таким образом, за короткий срок – чуть более недели – небольшой городок потерял 85 домов, 2 церкви, 1 фабрику и 2 кожевенных завода[1038]. Череда бедствий породила у местных жителей (без преувеличения!) мистический ужас и панику, на грани массовой истерии. Люди бросали свои дома и пепелища и бежали на окрестные территории, где вставали «лагерем». Здесь «граждане» «рассеялись по полям», возведя для жизни шалаши, около которых «кучами» свалили вывезенный скарб. Генерал-губернатор Воронцов лично прибыл к

[1034] Там же. Д. 640. Ч. I. Л. 101.
[1035] Там же. Ч. II. Л. 92–92 об.
[1036] Там же. Д. 636. Л. 32.
[1037] Там же. Л. 32–32 об.
[1038] Там же. Л. 32 об.

импровизированному «табору», попытался «своими речами истребить их страх и увещевал возвратиться в город»[1039].

Впрочем, власти быстро научились использовать последствия пожаров для «устроения» города на более рациональных началах. В Юрьеве-Польском, например, «на погорелом месте, которое составляло довольно обширную площадь», Воронцов приказал в его присутствии «разбить улицы и кварталы», а также отдал распоряжение «строиться в сходственности изданного… нового о городах плана» и буквально «уговаривал» местных жителей «построить домы каменные, на что многие согласились»[1040].

Одной из главных причин распространения огня являлась «скученность» городских сооружений. Для борьбы с ней под застройку на окраине Юрьева-Польского выделили новую площадку, полученную за счет выгонных земель. Туда отправили тех погорельцев, кому было не по средствам на прежнем «месте… построить порядочных домов». Кроме них на окраины ушли семьи, которым в центре попросту не осталось места («не могут поместиться») из-за борьбы со скученностью и предоставления участков более обеспеченным «гражданам».

Желая облегчить жизнь погорельцев, генерал-губернатор договорился с суздальским епископом, чтобы тот «оказал при сем случае особливое свое сему городу вспоможение». Помощь заключалась в том, что горожане освобождались от постоя за счет городского монастыря, который и стал принимать у себя квартировавших военных. Для этого церковные власти обязывались «неукоснительно… очистить… имеющиеся праздные в монастыре покои». Сюда же в «весьма удобные и безопасные от огня под церквами погреба» наместник приказал перевести запасы казенного вина, соли, а также отправить всех «присутствующих» (уездных) чиновников[1041].

Не спасся от разрушительного огня и губернский центр. В письме Екатерине II Воронцов сообщал о своем посещении 29 сентября 1781 г.

[1039] Там же.
[1040] Там же. Л. 32 об.–33.
[1041] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 636. Л. 33.

Владимира, только что пережившего пожар. При этом сановник известил государыню: «Город здешний от бывшего пожара много опустошен... Золотые ворота так же много от огня претерпели»[1042]. Вместе с ними пострадали и оба моста, поставленные «через глубокий ров, окружающий город», обеспечивавшие связь между разными его частями[1043].

В 1782 г. Воронцов отправил «на ознакомление» секретарю императрицы Безбородко подробный реестр пожарных средств, собранных по городам Владимирской губернии[1044]. Набор этот, скорее всего, был аналогичен реестрам городов других губерний.

Принятые меры значительно расширили возможности в борьбе с огнем в городах. Для сравнения: за год до принятия нового штата сил и средств пожарных в распоряжении коменданта Владимира было всего две трубы, да и те оказались «от долгого лежания обе к употреблению негодны»[1045].

Как и все губернские города, Владимир обязан был иметь собственную тюрьму, которую по старинке часто именовали «острогом» или, по документам начала XIX в., «тюремным деревянным острогом»[1046]. Здание его находилось на окраине, на ул. Жандармский спуск. Здесь содержались наиболее опасные преступники, в основном убийцы. Лица, подозреваемые в проступках и пребывавшие под следствием, а также повинные в незначительных нарушениях (например, в пьянстве), отправлялись в «съезжие домы» – тюрьмы при полицейских участках[1047]. Ревизия 1810 г. показала, что число колодников сократилось, по сравнению с прошлым годом, с 154 до 41 человека[1048].

В 1783 г. был утвержден план работного дома, возведение которого завершили уже в августе. Согласно проекту требовалось «построить рабочие избы из 4-х срубов и сделать в оных двое сеней с чуланами, также сруб

[1042] Там же. Д. 638. Л. 1.
[1043] Там же. Л. 1–1 об.
[1044] Там же. Л. 24–74.
[1045] История Владимирского края с древнейших времен ... С. 147.
[1046] РГИА. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 437. Л. 11 об.
[1047] Повседневная жизнь провинциального города Владимира … С. 57.
[1048] РГИА. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 437. Л. 11 об.

длиною и шириною по 9 арш., вышина оные срубы о 16 венцах, и чтоб бревно толщиною не менее 6 вершков. Срубы с двумя сенями составляют мерою длиною 14 саж., и шириною 9 арш.». Сооружения окружал бревенчатый забор, «сверх» которого требовалось «прибить рогатины»[1049].

Не имея отношения к тюремной системе как таковой, помещения работного дома наверняка использовали и для содержания преступников, так как все без исключения центральные города испытывали нехватку мест для их размещения. Тем более что через Владимир с XVI в. проходил путь, по которому осужденных гнали в Сибирь на каторгу. Этапная владимирская дорога (Владимирский тракт, или Владимирка) создавала большие трудности для функционирования пенитенциарной системы губернского центра, резко увеличивая нагрузку на него.

В 1780-х годах на ул. Нижегородской выстроили так называемый «Старый тюремный замок», способный вместить до 80 человек. Однако до 1825 г. губернских арестантов и подследственных размещали вместе с пересыльными каторжниками, которых прибывало до 170 человек в год[1050].

Еще одна тюрьма, располагалась за стенами самой мощной крепости Суздаля Спасо-Ефимиева монастыря. Данное учреждение выходило за рамки не только регионального острога, но и внутренней церковной тюрьмы. По своему значению пенитенциарное учреждение Спасо-Евфимиевой уступало только Шлиссельбургу, Петропавловской крепости и Соловкам. С 1 января 1767 г. за ней закрепилась специализация по содержанию душевнобольных заключенных: «духовная тюрьма для безумствующих колодников». Помимо последних в эту группу входили также еретики, часть старообрядцев, скопцы и т.п. лица. Число содержавшихся здесь арестантов было не так невелико. В 1801–1835 гг. в «остроге» числились 88 человек[1051].

Сенатор Петр Обресков, прибывший в Суздаль с ревизией, посетил пенитенциарное заведение в июле 1810 г. По его замечанию, основная масса

[1049] *Закурдаев И.В.* Указ. соч. С. 10–11.
[1050] Повседневная жизнь провинциального города Владимира … С. 57–58.
[1051] *Гернет М.Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 233–234.

заключенных относилась к людям низкого происхождения, отличавшихся в основном недостойным поведением. Действительно сумасшедшие составляли лишь часть из них[1052].

Несмотря на принадлежность тюрьмы Спасо-Ефимиевского монастыря к церкви, отношение к заключенным здесь не отличалось мягкостью. Во всяком случае, такую точку зрения высказывал владимирский губернатор Долгоруков[1053].

Помимо собственных заключенных в городах Владимирского края традиционно содержали пленных. Так, весной 1789 г. в губернии проживали шведы, которых распределяли «по всем окружным городам… наместничества»[1054]. Из их числа в апреле 1789 г. набрали 20 человек «умеющих плотников и кузнецов» и 13 апреля отправили к екатеринославскому губернатору[1055] – для строительства городов, портов и верфей Новороссийского края. Помимо этого, руководителей наместничеств предупредили: по первому требованию Г.А. Потемкина они должны будут изыскивать среди пленных специалистов любых профессий[1056].

Распределение военнопленных по городам напрямую зависело от их статуса. Офицеров и знатных лиц селили только в губернском центре. Во Владимире в сентябре 1790 г. жил единственный упоминавшийся в отчетах этого времени офицер – шведский капитан Друф[1057]. Чуть позже, летом 1794 г., в городе пребывал секретарь бывшего короля Польши Фриз[1058].

Важную роль в жизни города играла гарнизонная и военно-квартировочная функция. В 1796 г. на территории края располагалось единственное армейское подразделение – Ряжский («князя Горчакова») мушкетерский полк 2-й Московской дивизии, стоявший на «непременных

[1052] РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 437. Л. 19.
[1053] *Долгоруков И.М.* Указ. соч. Т. 2. С. 66.
[1054] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 640, ч. I. Л. 136, 138.
[1055] Там же. Л. 136.
[1056] Там же. Л. 138.
[1057] Там же. Ч. II. Л. 26.
[1058] Там же. Л. 127.

квартирах» в Переславле-Залесском[1059]. По штатам 1798 г. в его составе значились 2 411 военнослужащих[1060]. Таким образом, соотношение квартировавших военных к жителям города (без слобод)[1061] составляло примерно один к четырем.

Спустя пять лет, в 1801 г. ситуация в крае изменилась мало. В Переславле-Залесском по-прежнему квартировал пехотный полк, только теперь это был Украинский мушкетерский. Правда, в губернском центре тоже появились армейские подразделения. Силы их были невелики – один Владимирский батальон полка графа Ливена 1-го, подразделения которого размещались также в Нижнем Новгороде и Архангельске[1062].

Казенные товары и государственные резервы

В отличие от других регионов страны практика создания хлебных резервных хранилищ не только не получила в городах Владимирской губернии широкого распространения, но, по сути, «провалилась». Отчеты местных властей не дают подробных сведений о работах, предпринятых в данном направлении. По-видимому, чрезвычайно сильно сказалось отставание в устроении края, допущенное при Воронцове.

Как ни парадоксально, но именно Роман Илларионович являлся известным теоретиком и пропагандистом новых форм управления. Именно его перу принадлежит статья, опубликованная в 1766 г. в «Трудах Вольного экономического общества», где будущий наместник императрицы обосновал необходимость создания запасных хлебных магазинов («О заведении запасного хлеба»). В ней Воронцов особо отметил, насколько плодотворно он реализовал эту идею в личном хозяйстве. Однако на практике, в процессе

[1059] ПСЗ-I. Т. XLIII, ч. I. № 17606. С. 2.
[1060] Там же. № 4659. С. 40.
[1061] РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 61. Л. 272 об.
[1062] ПСЗ-I. Т. XXVI. № 19951. С. 727.

управления губерниями он не мог похвастаться в этом деле какими-то значительными успехами. Даже спустя шесть лет после завершения его «начальствования», в одном из отчетов сообщалось, что во Владимирской земле «запасных магазинов в казенных селениях доныне не было, так как и запасного хлеба налицо нет»[1063].

Во Владимир (как и в Калугу) казенная соль шла из Саратова через Нижний Новгород[1064]. Следовательно, для ее доставки использовался тот же путь, что и у западных соседей: летом на барках по реке Клязьме до основных хранилищ, расположенных в первую очередь в губернском центре. Вполне возможно, что одновременно завоз шел и в города, стоявшие по течению Клязьмы ниже Владимира, а также по Оке. Зимой товар на санях доставляли по всем прочим центрам.

Оборот товара требовал места хранения, причем определенного качества. Тем более что это было прописано в программных решениях императрицы о реформе города.

При «устроении» складов с казенными товарами местные власти как во Владимире, так и в других регионах страны «изыскивали возможности». Иными словами, использовали все то, что находилось в их распоряжении: пустующие дома, амбары, лавки, помещения Гостиного двора. Пример тому дает история Юрьева-Польского, где запасы соли и вина разместили в подвалах действующего монастыря[1065]. Это наглядно демонстрирует случайность устройства в городах Владимирской губернии данной части «непременной» инфраструктуры.

В 1781–1783 гг. капитальные соляные магазины по-прежнему отсутствовали. Воронцов в своих отчетах только размышлял на тему, какие из городов вверенного ему края наиболее пригодны для этой цели. Бесспорно, таковым являлся губернский центр Владимир[1066], что было

[1063] РГАДА. Ф. 16. Оп 1. Д. 640, ч. II. Л. 85.
[1064] Там же. Д. 637. Л. 2–4 об.
[1065] Там же. Д. 636. Л. 33.
[1066] Там же. Д. 638. Л. 122 об.

вызвано его административной ролью и центральным положением, а также наличием транспортной артерии – реки Клязьмы.

Лазарев тоже упоминал «о заботах» по снабжению края этим стратегическим товаром. Новый губернатор, много сделавший для развития региона, считал одной из своих главных заслуг налаживание регулярных поставок соли во Владимир по Клязьме («водою малыми деньгами»)[1067].

В 1798 г. вышло предписание иметь в соляных магазинах Владимирской губернии «сверх годового расхода» дополнительный запас соли на шесть месяцев. Общая годовая «препорция» соли для края должна была составить 887 791 пуд.[1068]

В последние годы XVIII столетия бóльшая часть городов края имела соляные и винные «магазейны»[1069]. Однако, как показывают материалы сенатской ревизии, качество их даже в губернском центре оставляло желать лучшего[1070].

В основном это были деревянные сооружения, недостаточные для «вмещения» предписанной «препорции», к тому же пришедшие «в ветхость»[1071] и непригодные «к починке»[1072].

Видя неспособность власти на местах исправить положение дел со складскими помещениями, в 1802 г. требования к ним были заметно ослаблены. Допускалось (в случае необходимости) «делать вновь одни только винные земляные подвалы с деревянными внутри их… обрубами или каменными сводами»[1073].

[1067] Там же. Д. 640, ч. I. Л. 79.
[1068] ПСЗ-I. Т. XXV. № 18703. С. 415. Подробнее об этом см. гл. 3.
[1069] РГИА. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 26. Л. 150 об.–151.
[1070] Там же. Л. 150 об.
[1071] Там же. Л. 151.
[1072] Там же. Л. 150 об.
[1073] ПСЗ-I. Т. XXVII. № 20167. С. 65.

Функционирование и налаживание транспортной сети края

Губернский город неизменно выступал транспортным узлом своего региона, а нередко и значительной части страны. Во время пожара 1781 г., последствия которого были описаны Воронцовым, стали непригодны к использованию два моста, переброшенные через бывший ров в центре города на ул. Московской. В связи с тем, что она являлась частью дороги из Москвы в Нижний Новгород, то путь по этой магистрали через Владимир, по словам наместника, «сделался весьма труден и опасен»[1074].

Транспортная инфраструктура была слабо развита и в других местах губернии. Судя по описанию края, относящегося к первому десятилетию XIX в., для переправ в местах пересечения дорогами рек повсеместно использовались паромы, которых, как гордо сообщал глава губернии, «было довольно много»[1075]. При этом он ни слова не пишет о мостах. На основе двух этих сообщений можно предположить, что более или менее значительных стационарных переправ в губернии попросту не было, и именно паромы играли основную роль при преодолении водных преград.

Такое положение дел на территории края оставалось неизменным много лет. В 30-х годах XIX в. об отсутствии надежных переправ даже на небольших реках губернии, причем в относительной близости к Москве, писал А.И. Герцен. Отправляясь в ссылку, он проезжал через Покров, стоявший на небольшой реке Шитке (приток Клязьмы, протяженность менее 10 км), где и «застрял на несколько часов». Впоследствии он вспоминал, что по руслу шел лед, который полностью прервал «все сношения с другим берегом»[1076]. С учетом грозного нрава русских рек в период разливов, их разветвленной сети и отсутствия мостов становится ясно: преодоление

[1074] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 638. Л. 1–1 об.
[1075] *Долгоруков И.М.* Указ соч. Т. 2. С. 16.
[1076] *Герцен А.И.* Указ. соч. Т. 8. С. 219.

пространств Владимирского края в период большой воды было крайне затруднено, а временами и попросту невозможно.

Реки в XVIII столетии по прежнему играли роль важнейших межрегиональных коммуникаций. Клязьма исторически и географически являлась транспортной осью Владимирской земли. Но, будучи к тому времени уже не столь полноводной, как раньше, уступая Оке и Волге, она не могла гарантировать надежное сообщение. Дабы преодолеть это препятствие и обеспечить доставку грузов, губернатор Лазарев в 1788 г. сделал проходы в трех порогах Клязьмы. Тем самым он добился более надежного движения от Владимира до Коврова, причем впервые («никогда не бывало») здесь пошли «большие суда с разным грузом»[1077].

Согласно повелению Екатерины II от 1782 г. во Владимирском крае (как и в прочих губерниях) предписано было «иметь порядочные почты». С этой целью по всем уездным городам учреждались почтовые конторы во главе с почтмейстером. Во Владимире ее разместили в бывшем доме Мещерягина у въезда в город. При учреждении находились места для размещения лошадей и комнаты для отдыха проезжавших и ямщиков[1078]. Впрочем, во Владимире почтамт появился не сразу. В 1782 г. его «строить еще не начали»[1079]. В уездных центрах (Переславле-Залесском, Муроме и Суздале) в том же году положение с возведением зданий для уездных почтовых контор было аналогичным[1080].

В 1803 г. штаты почтовых контор и экспедиций уточнили. При этом заведения одного уровня получали нередко разное финансирование.

[1077] РГАДА. Ф. 16. Оп 1. Д. 640, ч. I. Л. 79.
[1078] Повседневная жизнь провинциального города Владимира … С. 31.
[1079] РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 30. Л. 59 об.
[1080] Там же. Л. 61–61 об.

Ведомства Приказа общественного призрения и структуры, близкие ему по функциям

В рамках реформы города во Владимире (как и в других губернских центрах) одновременно с «открытием» новой административной единицы был учрежден Приказ общественного призрения. В соответствии с действующими правилами (как и во всех «новоустроенных» губерниях) государство выделило ему «капитальную сумму» – 15 тыс. руб. Показательно, что если в других регионах генерал-губернаторы добивались увеличения этих средств за счет вкладов жителей (в первую очередь дворян), во Владимире Воронцов не смог организовать значительных пожертвований. Единственное, что было приплюсовано к «капитальной сумме» – еще около 15 тыс. руб., переданных от местных дворян и купцов, судя по всему, в процессе «открытия» губернии[1081]. Для сравнения: в 1800 г. общий размер капитала Приказа общественного призрения Владимирской губернии составлял 72 491 руб. 66 ¾ коп.[1082]

В начале деятельности приказ использовал начислявшиеся проценты с положенных им в банк 30 тыс. руб. Именно на эти средства[1083] он «устроил» во Владимире здание и разделил его на пять отделений. В рамках каждого из них создавалось учреждение, предписанное согласно екатерининскому плану реформы города. Данные об устроении структур ведомства приказа Владимирской губернии и относятся к периоду генерал-губернаторства Воронцова[1084], имеют особое значение. Исследователи, занимавшиеся историей губернии и ее городов не имели их в своем распоряжении, т.к. они

[1081] Там же. Д. 1012, ч. I. Л. 211.
[1082] Там же. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 26. Л. 144.
[1083] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012, ч. I. Л. 211.
[1084] Дата в документе отсутствует, но наличествует подпись Романа Илларионовича, а также указание на его статус как главы и Владимирской и одновременно Костромской губернии, то имело место в 1781-1783 гг. Также в тексте источника упомянуты весенние месяцы 1783 г.

обнаружены нами в ходе работы в фондах РГАДА сохранилось в материалах не Владимирского, а Ярославского наместничества[1085].

Создаваемый в ходе преобразований Воронцова Приказ общественного призрения имела пятичленную структуру, т.к. насчитывали пять самостоятельных «отделений». Входившие в его состав заведения и стали основой для дальнейшего развития в губернии системы социальной помощи, медицинского обслуживания и народного просвещения.

«1-е отделение» дома Приказа общественного призрения предназначалось «для больных» («принимаются и врачуются как неимущие безденежно, так и присылаемые из разных домов за умеренную плату»)[1086]. По данным сенатской ревизии, в начале XIX в. в больнице было 15 кроватей для неимущих и 10 – для лиц, готовых лечиться за плату (5 руб. в месяц). В общей сложности в 1807–1810 гг. в губернской больнице лечились 289 человек, 53 из них умерли[1087]. Располагалось заведение на самом краю города, при выезде из Владимира по дороге на Нижний Новгород[1088].

15 сентября 1786 г. в губернском центре существовала одна «докторская ваканция». Для ее занятия в город прибыл «доктор и акушер Иоган Фридрих Людвих Капель»[1089]. Жалованье врачу назначили «по договору». Впрочем, всю сумму платить ему не могли и недостающие деньги («числа по пяти сот рублей на каждый год») генерал-губернатор предполагал брать за «счет кабинета» Екатерины II «и уведомлять оный при каждой выдаче»[1090].

[1085] Данное обстоятельство дает представлении и большей эффективности изучения процессов не в рамках отдельных сугубо административных (к тому же только что созданных) регионов, а в границах более широких исторических регионов, к которым, мы отнесли Центральную Россию и составляющие ее губернии как единое целое.

[1086] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012, ч. I. Л. 211.

[1087] РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 437. Л. 3.

[1088] История Владимирского края с древнейших времен ... С. 148.

[1089] Почерк неразборчив. Фамилия может быть прочитана и как «Паппель».

[1090] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 639. Л. 71.

«2-е» отделение учреждалось «для неизлечимых больных, кои пропитания не имеют кров» (т.е. своего рода хоспис). Им предоставлялись здесь кров, «прокормление и облегчение в… недугах».

«3-е» принимало у себя сумасшедших[1091]. Позже данное заведение перешло в ведение смирительного дома в статусе «особого покоя». В 1800 г. в нем содержались два пациента мужеского пола («сумасшедший» и «малоумный») и два – женского[1092]. Всего с 1807 по 1810 г. через заведение «прошли» 25 человек, из которых 15 выздоровели и 3 умерли. О прочих сведения отсутствовали[1093].

«4-е» отделение являлось смирительным домом, куда поместили лиц «обоего пола непотребного и невоздержного жития»[1094]. Это учреждение официально было открыто 22 апреля 1783 г.[1095]

«5-е» отделение именовалось в документе как «Школа». Иными словами, это было губернское училище, деятельность которого будет рассмотрена ниже[1096].

Кроме пяти отделений «дома Приказа общественного призрения», во Владимире в рамках данного учреждения был основан работный дом (его учреждение также было предписано требованиями реформы города). Строительство отдельного здания для него завершили в августе 1783 г.[1097]

Содержавшиеся в смирительном и работном домах лица использовались как трудовая сила при различных отделениях самого Приказа общественного призрения. В частности, они обслуживали немощных обитателей богаделен, стирали белье, убирали территорию, доставляли воду и дрова, трудились на ремонтных работах и в специально устроенном тепличном хозяйстве, насчитывавшем в 1807 г. пять парников для выращивания овощей. Благодаря усилиям провинившихся Приказ

[1091] Там же. Д. 1012, ч. I. Л. 211.
[1092] РГИА. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 26. Л. 143.
[1093] Там же. Д. 437. Л. 3–4 об.
[1094] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012, ч. I. Л. 211.
[1095] Повседневная жизнь провинциального города Владимира … С. 53.
[1096] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012, ч. I. Л. 211.
[1097] Повседневная жизнь провинциального города Владимира … С. 54.

общественного призрения имел возможность не приглашать вольнонаемных лиц, экономя более 1 тыс. руб. в год[1098].

В конце XVIII в. во Владимире появился «дом воспитательный для незаконнорожденных» детей. В 1800 г. в нем находились 5 человек (4 мальчика и девочка)[1099], в 1810 г. – 22, еще 9 были «отданы на пропитание» в семьи[1100]. Приказ выделял также из своих средств пенсионы бедным вдовам и осиротевшим детям (около 400 руб. в год)[1101]. Во владимирском сиротском отделении к июлю 1810 г. «было воспитано» в общей сложности 488 человек[1102].

Кроме того, в городах края функционировали богадельни. Однако данная форма социальной помощи повсеместно носила благотворительный характер и зависела от конкретного города, ситуации и меценатов, т.е. была неустойчива. Одно из таких заведений заработало в 1799 г. в Юрьеве-Польском «иждивением купецкого сына Дмитрия Курбатова». Богадельня имела собственное здание (флигель), но не обладала капиталом, и Приказ общественного призрения в 1800 г. искал способ продать ее здание, а «вырученные деньги обратить на другие здесь от Приказа устраиваемые заведения»[1103].

Другой важнейшей функцией городов выступало создание и развитие в рамках их системы медицинского обслуживания населения края. В архиве сохранился «Список медицинским чинам, состоящим во Владимирской губернии»[1104], согласно которому ситуация на 1800 г. в городах была следующей. Во Владимире во врачебной управе заседали: инспектор (надворный советник) и оператор (коллежский асессор). Врачи были в десяти городах: Владимире, Суздале Переславле-Залесском, Юрьеве-Польском, Шуе, Покрове, Муроме, Меленках, Вязниках и Гороховце. Соответственно в

[1098] Там же. С. 55.
[1099] РГИА. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 26. Л. 143.
[1100] Там же. Д. 437. Л. 2 об.
[1101] Там же. Л. 3.
[1102] Там же. Л. 17.
[1103] Там же. Д. 26. Л. 143 об.
[1104] РГИА. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 30. Л. 55–56.

остальных центрах (Александрове, Киржаче, Коврове и Судогде) врачебные вакансии заняты на тот момент не были.

В первые годы XIX в. медицинское обслуживание имелось в большинстве городов края. Правда, в документах есть намек, что достигать этого удавалось только за счет совмещения одним лекарем нескольких должностей, находившихся в разных населенных пунктах. Таким образом, если город располагался на удалении от места постоянного жительства врача, тому было непросто оказывать населению медицинскую помощь. Но даже несмотря на это лукавство с подбором персонала, в 1810 г. в трех городах губернии (Меленках, Гороховце и Судогде) места штаб-лекарей были заявлены как вакантные[1105].

Ситуация с врачебными кадрами в уездных центрах оставалась по-прежнему непростой. Так, губернатор Долгоруков, вступивший на этот пост в 1802 г. с сожалением вспоминал, что Петербург отказался снять с должности провинившегося штаб-лекаря Гороховца. Мало того, что этот человек, по выражению сановника, был «попросту сказать, дурак, грубиян и редко трезвый человек», он еще умудрился поднять неслыханную панику в губернии и в обеих столицах. Желая выслужиться, штаб-лекарь «через голову» губернского врача сообщил непосредственно в Москву, что в Гороховце им замечена эпидемия чумы, которой в действительности не было[1106].

После «изобличения» виновного губернатор потребовал наказать его, однако император Александр I лично простил авантюриста, «приказал по-прежнему допустить к должности и сделать выговор»[1107]. Августейшая «протекция» с первого взгляда выглядит парадоксально, но принимая во внимание ситуацию с врачебными кадрами на местах, она понятна – за лекаря держались. Впрочем, в скором времени он сам оставил свое место[1108].

[1105] Там же. Д. 437. Л. 16.
[1106] *Долгоруков И.М.* Указ соч. Т. 2. С. 54–55.
[1107] Там же. С. 55.
[1108] РГИА. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 30. Л. 56.

В первые годы XIX в. во Владимире функционировала «вольная» (частновладельческая) аптека. Однако после смерти хозяина его вдова не смогла справиться с «делом», и владимирцы начали «жаловаться на негодность и дороговизну лекарств». В итоге заведение выкупили власти и на его основе 15 сентября 1805 г. учредили и открыли новую аптеку[1109]. Однако и в этот раз работу в ней так и не смогли организовать должным образом. 1 сентября 1809 г. аптеку, «не приносящую уже пользы по возвышению цен», вновь передали в «аренду вольному аптекарю»[1110].

Впоследствии это заведение работало в городе без перерывов, находясь на одном и том же месте до самого последнего времени[1111], т.е. на протяжении более чем двух столетий. Перед нами – еще один случай, когда созданная в процессе реформы города инфраструктура продолжает функционировать в прежнем статусе вплоть до наших дней.

Не позднее 1783 г. в губернском центре работала собственная гимназия, которая относилась к «5-му отделению» Приказа общественного призрения[1112]. В ней преподавали российскую грамоту, правописание, французский язык, арифметику, историю, географию, катехизис, а также давали знания по «начальным основаниям гражданских прав». В перспективе намеревались прибавить к ним уроки по «немецкому языку и другим полезным наукам». За обучение брали неназванную «умеренную плату»[1113].

На ее основе в 1786 г. в рамках реализации Устава народных училищ открыли Главное народное училище под началом П.М. Извольского. Изначально занятия проходили в помещениях, находившихся на верхнем этаже обширных присутственных мест, но в конце XVIII в. приступили к возведению для учебного заведения отдельного каменного знания[1114]. В 1789/90 учебном году здесь получали образование в общей сложности 102

[1109] *Долгоруков И.М.* Указ. соч. Т. 1. С. 673.

[1110] РГИА. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 437. Л. 4.

[1111] *Сбитнева И.С.* Владимир. Владимир, 2010. Т. I: Исторический путеводитель по старому городу. С. 86.

[1112] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012, ч. I. Л. 211.

[1113] Там же.

[1114] История Владимирского края с древнейших времен ... С. 149.

человека[1115]. В 1800 г. она состояла из четырех «русских» классов, где преподавали четыре учителя, обучавшие 103 ученика[1116]. Показательно, что все преподаватели являлись выходцами из семей церковнослужителей и прошли через систему духовного образования[1117].

Во второй половине 80-х годов XVIII в. в четырех уездных городах (Суздале, Переславле, Муроме и Шуе) функционировали малые народные школы. На конец столетия во всех учебных заведениях, находившихся в ведении губернского Приказа общественного призрения, обучались 290 детей и работали 7 учителей[1118].

К 1810 г. в губернском центре функционировала гимназия (бывшее Главное народное училище), которая по утверждению властей находилась «в хорошем устройстве». Для «ее размещения» передали дом, выстроенный для губернатора, что было санкционировано им самим[1119]. Кроме того, при гимназии действовал дворянский пансион. В том же году в обоих учебных заведениях числились 52 человека, еще 31 – проходили курс в уездном училище, а 58 – в так называемом приготовительном училище[1120].

Об уровне преподавания в них судить сложно из-за отсутствия надежного источника. Правда, сохранилась оценка работы владимирской гимназии, не раз высказанная главой края князем Долгоруковым: «В гимназии и вообще во всех публичных казенных заведениях ничему не учат основательно, а прочие вольные (частные. – А.Б.) все дороги, да и управляются иностранцами»[1121]. Иван Михайлович, естественно, был человеком сведущим, но, судя по общему тону его записок, желчным и критически относившимся буквально ко всему, с чем сталкивался.

Из-за слабости системы светского образования исключительно важную роль в крае играла Владимирская духовная семинария. Открытая еще в 1750

[1115] Там же. С. 139–140.
[1116] РГИА. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 26. Л. 143.
[1117] Там же. Л. 45–45 об.
[1118] Там же.
[1119] *Долгоруков И.М.* Указ. соч. Т. 1. С. 699, 712.
[1120] РГИА. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 437. Л. 16 об.
[1121] *Долгоруков И.М.* Указ. соч. Т. 1. С. 592.

г., она стала местом подготовки кадров не только для церковной, но и для «статской» службы. Одним из самых ярких ее выпускников являлся выдающийся государственный деятель и реформатор М.М. Сперанский. В 1788 г. (год окончания Михаилом Михайловичем этого заведения) Владимирскую семинарию слили с Суздальской и Переяславской. В этом объединенном учебном заведении получили знания многие известные люди. В частности Т.Ф. Осиповский – математик, ректор Харьковского университета[1122].

В 1785 г. 13 уроженцев Владимирской губернии из числа воспитанников трех семинарий (Владимирской, Суздальской и Переславской) отправили на учение в Петербург. Проект этот осуществлялся за счет губернского Приказа общественного призрения. Однако из-за нехватки у ведомства средств пять человек были возвращены и продолжили образование на малой родине[1123].

Высочайшим решением от 23 февраля 1803 г. Владимир вошел в перечень «особых городов», предназначенных «для размещения инвалидных офицеров на инвалидное содержание»[1124]. Выйдя в отставку, они перебирались сюда на жительство, получая на месте пособия, квартиры («по отводу от обывателей»[1125]) или же земли под двор и огород.

Необходимо отметить, что круг подобных поселений был узок. Таким образом, отставные офицеры-инвалиды являлись характерной чертой Владимира, а их участие в жизни этого небольшого города неизбежно формировало его социокультурный облик.

Изначально число отставных военных инвалидов определялось в 8–10 человек. В первые годы XIX в. в инвалидном доме для «отставных, престарелых и увечных военнослужителей»[1126] имелось 25 мест[1127]. Однако

[1122] История Владимирского края с древнейших времен ... С. 140.
[1123] Там же. С. 139.
[1124] ПСЗ-I. Т. XXVII. № 20973. С. 919–920.
[1125] Там же. С. 920.
[1126] РГИА. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 26. Л. 143.
[1127] Там же. Д. 437. Л. 3.

постоянные внешние конфликты, в которых участвовала Россия, а также невиданный масштаб военных событий 1812 г. привели к росту штатного числа мест для военных инвалидов.

В 1798 г. во Владимире началось строительство особого инвалидного дома, проект сооружения которого лично одобрил император Павел I во время пребывания в городе[1128].

Особое месте в территориальной структуре учреждении общественного призрения Владимирской губернии играл Муром. Город занимал исключительное место в системе расселения вышедших в отставку по возрасту или здоровью солдат. Причина этого заключалась в особой Гвардейской слободе, основанной в правление Екатерины II и располагавшейся «в самом близком» расстоянии от муниципальных границ Мурома[1129]. По сути, это был его пригород или окраинный район. Слобода имела привилегированное положение, так как сюда на жительство «препровождались» бывшие рядовые гвардейских полков. Поселение представляло собой ряды домов, выстроенные в регулярном порядке вокруг главной площади[1130]. В 1805 г. слобода состояла «из осьмнадцати казарм о двух в каждой отделениях» и «замка»[1131]. В 1807 г. местные казармы «готовились к обновлению»[1132].

Возглавлял слободу особый офицер-инвалид, занимавший отдельный дом[1133]. Всего в пригороде Мурома «было определено по стату» проживание четырем офицерам, «по одному от каждого полка». Кроме того, собранные здесь военнослужащие официально именовались «муромской инвалидной командой»[1134] и, по-видимому, исполняли возложенные на них гарнизонные и полицейские функции.

[1128] История Владимирского края с древнейших времен ... С. 149.
[1129] *Долгоруков И.М.* Указ. соч. Т. 1. С. 663.
[1130] РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 437. Л. 18.
[1131] *Долгоруков И.М.* Указ. соч. Т. 1. С. 663.
[1132] Там же. С. 25.
[1133] РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 437. Л. 18 об.
[1134] *Долгоруков И.М.* Указ. соч. Т. 1. С. 663.

Бросалась в глаза немногочисленность постоянно «жительствующих» в слободе людей. Отставные солдаты имели право подать прошения, на основании которых им выдавали «пашпорта на определенное время», благодаря чему они искали работу на стороне. Также слобожанам выделялась «земля к обрабатыванию», и некоторые отдавали ее «внаймы»[1135].

Проживание инвалидов-гвардейцев в слободе близ Мурома было далеко не безоблачным. Поселенцы, особенно «изнуренные летами и службою», терпели большое неудобство в зимние месяцы, страдая от холода, поскольку выделенные им жилища не отличались «большой прочностью». Имелись проблемы и с получением дров. Кроме того, инвалидам-гвардейцам не хватало «определенных им денег… по возвышении на все необходимые вещи ценам»[1136].

Регулярный город и благоустройство. Общественный досуг и культура

В 1769 г. штатные землемеры «сняли» план Владимира, который представлял собой типичный русский город тех времен: кривые улицы и переулки, небольшие площади, создававшие проблемы при организации торговой и административной деятельности. Кроме того, Владимир практически целиком состоял из деревянных строений[1137]. В 1781 г. Екатерина II высочайше утвердила план переустройства нового наместнического центра[1138], преследующий цель создания из него современного регулярного города.

Обязательной частью программы обустройства новых губерний выступал принцип, согласно которому город, избранный в качестве

[1135] РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 437. Л. 18–18 об.
[1136] Там же. Л. 18 об.
[1137] Повседневная жизнь провинциального города Владимира … С. 17.
[1138] История Владимирского края с древнейших времен ... С. 148.

административного центра, должен был соответствовать своей роли. Характерной особенностью Владимира являлось то, что он не подходил для этого ни по облику, ни по хозяйственному потенциалу. Выбор обусловили следующие факторы: его «срединное» положение на пространстве проектируемой губернии и исключительная культурно-историческая роль в истории страны. Однако наличие Успенского и Дмитровского соборов, а также Золотых ворот ни в коей мере не решало проблему размещения присутственных мест и ряда других учреждений губернии, не говоря уже о благоустройстве улиц, строительстве мостов и мощении улиц. Отсутствие хоть какого-то задела в этом направлении требовало формирования сразу всей инфраструктуры, и делать это предстояло практически с нуля.

«Устроение» во Владимире здания для присутствий, вызывающего удивление своими масштабами даже в наши дни, было порождено не только потребностями управления. В других, не менее значимых, городах главные административные сооружения не были столь «размашистыми». Склонность же к чрезмерным размерам во Владимире могла быть вызвана желанием местных властей преодолеть провинциальный облик их региональной столицы. Тем более что город еще выполнял роль центра генерал-губернаторства.

Присутственные места были заложены в 1785 г. при Воронцове[1139]. Но основная работа по их возведению легла на плечи губернатора Лазарева. Судя по всему, он принял город разоренным после его первого генерал-губернатора и приложил массу усилий, дабы наверстать упущенное.

В рамках «устроения» Владимира на регулярных началах предусматривались перепланировка города и возведение новых зданий на основании утвержденных образцов. Процесс этот шел, но крайне медленно. С 1784 по 1794 г. число каменных зданий здесь увеличилось с 4 до 35, что составило всего 3% застройки города к началу его переустройства[1140]. В

[1139] История Владимирского края с древнейших времен ... С. 148.
[1140] Повседневная жизнь провинциального города Владимира … С. 19.

первые годы XIX в. из 48 улиц Владимира были вымощены камнем 8, деревом – 2[1141]. Оставшиеся 80% вообще не имели никакого покрытия.

Заслугой местных губернских архитекторов стало сохранение исторического наследия древнего города. С этой целью ряд позиций принятого в Петербурге генерального плана были пересмотрены. В частности произошел отказ от застройки площадей, находившихся перед Успенским и Дмитровским соборами, зданиями Гостиного двора[1142]. Они не только закрывали древние святыни, но и «уничтожали» образ средневековой Руси в архитектурном пространстве Владимира – неотторжимую часть истории (и очарования) этого древнего города.

Таким образом, именно Владимир дал редкий пример уважения исторической культурной среды и ее сохранения при осуществлении Екатериной II планов по созданию регулярного города. Не секрет, что в аналогичных ситуациях в других местах (например, в Великом Новгороде) активность сановников часто вела к массовым утратам. Впрочем, имели место и удачные решения (Ярославль, Калуга и др.). Однако практически во всех этих случаях созданные красивые и даже выдающиеся градостроительные композиции сочетали в себе старое и новое, выполненное в стиле классицизма. Привлеченные элементы древнерусского стиля (по мнению специально рассматривающего этот вопрос И.А. Бондаренко) «включались по новым правилам, лишаясь своей былой самодостаточности, самобытной характерности»[1143]. Храмы, «отставленные» владимирскими архитекторами от вновь возводимой застройки, напротив, сохранили свое своеобразие и самодостаточность.

Необходимо отметить, что Владимирская губерния относилась к регионам России, где мероприятия по переустройству городов на новых основаниях заметно затянулись. Вступивший в 1802 г. в должность

[1141] Там же. С. 28.

[1142] Там же. С. 22.

[1143] *Бондаренко И.А.* Древнерусское градостроительство: традиции и идеалы. М., 2002. С. 78–79.

губернатора И.М. Долгоруков вспоминал: «Все почти города застал выстроенными по старым крепостям, а не по новым, выданным от правительства планам. Иные не имели площадей… Итак, ежели бы не красили их издали колокольни и храмы, то по гражданским и обывательским домами ни один из городов в губернии не привлек на себя особого любопытства. Гостиные дворы нашел я везде старые и деревянные. Присутственные места помещались или в развалинах упраздненных монастырей, или в ветхих деревянных домах. Нигде не было ни тюрем, ни соляных амбаров, ни винных выходов прочных»[1144].

Долгоруков, оценивая время своего губернаторства (1802–1812), нарисовал картину обретения поселениями нового облика[1145]. Его воспоминания (впрочем, как и любые другие) являются субъективным источником. В них автор навязчиво отмечает свою особую роль как руководителя края. Однако его мемуары дают представление как о процессе формирования предписанной городам инфраструктуры, так и о степени ее готовности.

За время его правления Долгорукова во Владимире построили дом для несчастнорожденных и больницу, корпус суконной фабрики (который в случае необходимости можно было превратить в лечебное заведение), дом губернатора, здание Приказа общественного призрения. Кроме того, в городе открыли аптеку, возобновили храм на древних Золотых воротах, выправили и выложили дорогу, соединявшую центр с территориями за рекой Лыбедью, срыли часть вала, превращенного в место для гуляний. Тем самым был открыт вид на древние соборы и красивое, возведенное в стиле классицизма здание присутственных мест[1146].

В Александрове появились «прочные деревянные соляные амбары и каменные винные выходы», «острог, или тюремная изба для колодников достаточная», а также каменные двухэтажные присутственные места,

---

[1144] *Долгоруков И.М.* Указ. соч. Т. 1. С. 586.
[1145] Там же. Т. 2. С. 252–255.
[1146] Там же. С. 163.

строительство которых началось в 1810 г. Появление инфраструктурных сооружений являлось заслугой в первую очередь местного городничего, которого губернатор характеризовал «опытным домостроителем» и «хозяйственным» чиновником. Причем, получив на возведение каменного здания присутственных мест из казны 20 тыс. руб., он «уберег» (сэкономил) около 4 тыс. руб.[1147]

В Вязниках были устроен деревянный дом для размещения присутственных мест и деревянные соляные амбары. Помимо них, появились выстроенные частично из камня тюремные здания и винные склады. Кроме того, срыли часть Ярополческой горы, что позволило облегчить движение в этом месте[1148].

В Гороховце все службы (казенные места, хлебные и соляные «магазейны», тюрьму) сосредоточили в упраздненном монастыре[1149] (по-видимому, в упраздненном в 1762 г. Богородице-Сретенский)[1150].

В Коврове отстроили «каменный хороший Гостиный двор», корпус присутственных мест, заложенный «на лучшем месте города», «соляные амбары деревянные и подвалы винные каменные, обосновавшиеся» около реки, новую тюрьму.

В Меленках заработали «каменный корпус для судилищ, соляные новые амбары деревянные», тюремная изба.

В Муроме к 1812 г. «закончили» заложенный в 1807 г.[1151] «на горе» большой каменный корпус для присутственных мест, соляные амбары и тюрьму. Несколько деревянных зданий появилось и в пригородной Инвалидной слободе.

В Покрове построили соборную каменную церковь, придали «регулярный вид» одной из улиц, возвели в камне частные дома и большой

[1147] Там же. С. 164.
[1148] Там же. С. 254.
[1149] Там же.
[1150] *Водарский Я.Е., Истомина Э.Г.* Православные монастыри России и их роль в развитии культуры (XI – начала XX в.). Тула, 2009. С. 274.
[1151] *Долгоруков И.М.* Указ. соч. Т. 1. С. 254.

деревянный корпус для присутственных мест, закончили строительство соляных амбаров и заложили каменные «винные выходы».

Переславль-Залесский, помимо здания для хранения «ботика Петра», обзавелся деревянными соляными амбарами и тюрьмой. В городе учредили «каменную больницу для военного лазарета, достаточную для нарочитого числа солдат», заложили каменный Гостиный двор, постепенно переустраивали улицы: расширяли, мостили, возводили новые жилые дома. Для присутственных мест не стали строить особого здания, а разместили их в бывшем архиерейской доме, который для этой цели был «перестроен и внутренне поправлен».

Судогду после пожара перестроили на регулярных началах, заложили в ней собор, построили в камне и дереве здания соляных амбаров, складов казенного вина, «судилищ гражданских».

В Суздале закончили и отделали каменные присутственные места, были «поставлены соляные амбары и протянуто несколько прямых улиц, украшенных хорошими домами». Также возвели огромный Гостиный двор с красивой колоннадой. Хотя вскоре он сильно пострадал в пожаре, но это сооружение и в наши дни является одним из главных местных достопримечательностей.

В Шуе появился каменный корпус для присутственных мест (причем «более прочих городов») и стояли «выходы для вина и соли амбары деревянные», новая тюремная изба. В городе заложили «огромную колокольню», у застав «выставлены каменные лазареты для штатных команд».

В Юрьеве-Польском при Долгорукове появилось каменное строение для присутственных мест[1152]. Известно, что осенью 1811 г. в них «вели отделку»[1153]. Также «в камне» (на основании требований) были устроены «винные выходы». Кроме того, к 1812 г. в городе построили из дерева

[1152] Там же. С. 253.
[1153] Там же. С. 188.

соляные амбары и тюрьму, усилиями купечества возвели «правильные деревянные ряды хорошего вида»[1154].

Как видим, в первые годы XIX в. во Владимирской губернии заметно улучшилась ситуация в сфере «устроения городов» для исполнения приписанных им функций. Хотя и происходило это с заведомым опозданием, а в ряде мест (например, в Гороховце) носило временный характер, но к концу первого десятилетия города края явно преодолели последствия крайне неудачного правления первого генерал-губернатора. Впрочем, отставание Владимира от других губернских центров было заметно. Так, Д.И. Хвостов, проезжая через губернский центр, отмечал: «Кроме Золотых ворот и некоторых весьма недавно построенных каменных зданий, город сей в сравнении со многими губернскими городами не может похвалиться своей наружной красивостию. В нем только одна улица, и та едва ли занимает пространство версты»[1155]. В понимании того времени в этих словах содержались не только общая оценка внешнего вида поселения, но и нелицеприятная характеристика его «обустроенности», соответствия служебному статусу и территориально-административному рангу.

От первых десятилетий истории «новоучрежденной» Владимирской губернии сведений, касающихся такой стороны жизни городов губернии как общественный досуг и культура быта, дошло немного. К формам массовой культуры относились типичные для того периода гулянья, связанные с церковными и светскими событиями. В основном в зимние месяцы праздники устраивали проживавшие в городе богатые дворяне. В первые годы XIX в. были известны по крайней мере два таких человека, нередко баловавшие местное дворянство своими затеями, что позволяло «провести зиму приятно»[1156]. Долгоруков же – большой любитель словесности – проводил по вторникам вечера, призванные «ввести в россиян вкус своей

[1154] Там же. С. 253.
[1155] *Хвостов Д.И.* Указ. соч. С. 19.
[1156] *Долгоруков И.М.* Указ. соч. Т. 1. С. 195.

словесности и мало-помалу отучить от французской или уменьшить предубеждение общее к чужеземным наречиям»[1157].

В начале XIX столетия власти стремились обустроить участки города под места для общественного отдыха. Специально для этого Долгоруковым около его дома «отделана была к реке площадь гулевым булеваром и палисадником с перекрестными дорожками, на краю горы поставлен был рундук, на который могли усаживаться человек до 30, а на самой высокой точке хребта, откуда виды во все стороны были прекрасны, построили купол на нескольких столбах», в котором он сам с семейством «выходя из своей купальни, иногда пивал чай, или, задумавшись в досужую минуту, давал свободу мечтам воображения»[1158].

Большую роль в «устроении» общественной жизни играло дворянство, ориентированное исключительно на свой круг. В частности это выразилось в создании во Владимире по образцу «столиц» собственного «клоба». Основными занятиями посетителей являлись танцы, которыми увлекалась в основном молодежь, а также карточная игра и ужины, устраиваемые в «частных домах»[1159].

Толчком к распространению моды на проведение балов стал приезд в губернский город в московского танцмейстера Меренвиля, начавшего давать уроки танцев детям – распространенная традиция того времени в «столицах», «подхваченная» губернскими центрами. Сам же мастер был, выражаясь словами владимирского губернатора, «столь громкий человек в своем ремесле», что «самые угрюмые и скупые люди давали деньги и учили ребят своих плясать»[1160].

Знаком Владимир был и с модными в то время домашними театральными представлениями, которые давал глава края Долгоруков[1161]. Кроме того, в 1805 г. в губернский город прибыла заезжая актерская труппа.

[1157] Там же.
[1158] Там же. Т. 2. С. 181–182.
[1159] Там же. Т. 2. С. 193.
[1160] Там же. С. 193–194.
[1161] Там же. Т. 1. С. 260.

Антрепренер (на языке того времени «содержатель актерской шайки») просил губернатора разрешить им «зимовать во Владимире» и одновременно давать здесь свои преставления. В ответ актеры получили дом, переоборудованный ими под театр, и 5 сентября сыграли первый спектакль. Впоследствии они шли достаточно часто – три раза в неделю. Развлечения пользовались большим спросом у местной публики. По крайней мере в «первую зиму» все билеты на представления были распроданы[1162].

В начале XIX в. в стране распространялась новая тенденция – сохранение памятников национальной истории. Отразилось это и на облике городов древней Владимирской земли. В 1807 г. во Владимире восстановили и обеспечили всем необходимым для службы древнюю церковь на знаменитых Золотых воротах[1163]. Продолжением дела увековечивания исторических событий стали создание в Переславле-Залесском музея «ботика Петра I» и его торжественное открытие в 1803 г. В особо устроенном помещении разместили полноценную экспозицию, включавшую в себя, помимо мемориального судна, «старый портрет Петра Первого во весь рост… ковчег цветного дерева… все, хранившиеся до толе, снасти, якоря и разные утвари дворца, в котором живал некогда порфироносный младенец»[1164]. Показательно, что музей, открытый в городе более 200 лет назад, функционирует и сегодня. И занимает то же самое здание, специально выстроенное для него в 1803 г.

* * *

Учреждение новой городской сети на территории Владимирской губернии произошло достаточно быстро. Сказался внутренний характер этих территорий, население которых к тому же обладало достаточными

[1162] Там же. С. 672–673.
[1163] *Долгоруков И.М.* Указ. соч. Т. 2. С. 30.
[1164] Там же. С. 151.

источниками для развития и отличалось более высоким уровнем жизни, по сравнению с другими регионами страны. Данная черта бросилась в глаза даже наполеоновским солдатам, отмечавшим «красивые и зажиточные деревни», начинавшиеся по Владимирской дороге за последним «подмосковным» городом Богородском[1165]. Автор данного суждения – иностранец, прошедший значительную часть Центральной России, имел перед собой богатый материал для сравнения.

Владимирская земля была во многом сходна с Ярославской. Обе выступали составными частями ядра Центральной России, занимая давно обжитые и богатые территории. На их пространствах находились и развитые старые города, и торговые поселения, снимавшие проблему выбора «претендентов» на роль «новоучрежденных» уездных центров. При создании городской сети обоим «новоучреждаемым» административным регионам удалось избежать сценария проведения реформы в Калужской губернии, власти которой были вынуждены долго и трудно искать хоть какого-нибудь «кандидата на роль» нового города и одновременно «закрывать глаза» на несоответствие данному статусу некоторых «старых» поселений.

Жителям и Ярославского, и Владимирского краев была присуща экономическая активность, что выразилось в продолжительной борьбе «непашенных крестьян» Гавриловской слободы за получение статуса городских обывателей. Ее жители смогли привлечь на защиту своих интересов трех последовательно сменявших друг друга генерал-губернаторов. В чем-то судьба Гавриловой слободы созвучна с Норской слободой – «пригородом» Ярославля.

Таким образом, городская сеть Владимирской и Ярославской губерний была сформирована быстро и покоилась на надежном фундаменте. Впрочем, на этом сходство двух регионов в период проведения административной реформы и реформы города Екатерины II исчерпывается.

[1165] Французы в России: 1812 год в воспоминаниях современников-иностранцев. Ч. 1-2. С. 411.

Если в Ярославле, Калуге и центрах их уездов внедрение новых черт и качеств, предписанных для города, шло уверенно и относительно быстро (порой невзирая даже на наличие неблагоприятных условий), то проведение таких же процессов по городам «тучного» Владимирского ополья не задалось с самого начала. Результативность преобразований здесь оказалась напрямую связана как с управленческими способностями первого генерал-губернатора, так и с его личными качествами. Причем наибольшую значимость эти обстоятельства приобретали как раз в самом начале процесса реформирования, на «нулевом цикле», закладывавшем фундамент будущих нововведений. Без его завершения невозможно было ни продолжить преобразования, ни получить ожидаемый результат, ни обеспечить условия для дальнейшего развития края.

Города Владимирской земли, обладавшей мощным внутренним потенциалом развития, в первые годы проведения реформы оказались в руках казнокрада. Даже если допустить, что Воронцов таковым не был, тогда «исчезнувшие» в его «правление» средства, отпущенные на создание требуемой административной инфраструктуры, все же были расхищены кем-то из окружения генерал-губернатора и при его преступном попустительстве, что характеризует Воронцова как весьма никудышного управленца.

Во всех «Всеподданнейших рапортах» главы региона хорошо заметна манера ярко славословить, восхвалять императрицу и обещать ей скорейший результат. К «заслугам» первого главы края можно отнести то, что ему не удалось сформировать необходимую административную инфраструктуру даже в губернском центре, из-за чего процессы развития всего края неизбежно стали стопориться. Только титаническими усилиями и подвижническим трудом П.Г. Лазарева, а также других администраторов дело было сдвинуто буквально с мертвой точки. Однако реализация целого ряда обязательных проектов не получила должного и своевременного развития. В том числе и потому, что на них просто не осталось средств из-за разорения казны наместничества.

В отличие от многих генерал-губернаторов, Роман Илларионович не смог изыскать и привлечь значительные деньги жертвователей на обустройство ведомств, находившихся в ведении Приказа общественного призрения. А ведь работа эта была особо предписана руководству на местах указами, определявшими задачи реформы города. В итоге при реализации социальных проектов наместник опирался исключительно на ничтожную в рамках обширной губернии «капитальную» сумму приказа, из-за чего успехи были значительно скромнее, чем у соседей.

Весьма показателен и тот факт, что Воронцов был известен как теоретик и пропагандист создания в регионах государственных резервов хлеба. Однако, став главой губернии, он не смог на вверенных ему территориях внедрить свою идею в жизнь. Во всяком случае, на Владимирщине она не получила такого развития, как в регионах, находившихся под началом других руководителей.

Определенную роль в торможении реформы в крае сыграл выбор губернского центра и резиденции генерал-губернатора. Древний и почитаемый Владимир являлся на тот момент слаборазвитым городом, населенным по преимуществу садоводами и огородниками. Его купечество характеризовалось как бедное, а поселение не имело достаточной инфраструктуры даже для исполнения основных административных и торговых функций, не говоря уже о представительных. Последние являлись обязательным условием для губернского центра (и уж тем более для генерал-губернаторской столицы). На первых порах Владимир просто не имел возможности исполнять возложенные на него служебные обязанности. Перво-наперво требовалось развить его инфраструктуру и изменить облик до «обязательно нужного» уровня. В итоге львиная доля имевшихся средств шла на решение именно этой задачи. На прочие города (особенно «новоучрежденные» из бывших сел), судя по всему, попросту не осталось ничего. Единственное, что там возводили – это храмы.

Глава 5.
Становление городской сети Московской губернии. Города края и «столичный город» Москва

Предварительный проект «устроения» Московской губернии

В архиве сохранились первый нереализованный проект создания новой «малой» Московской губернии. Сохранившиеся в нем данные интересны тем, что позволяют увидеть реутилизацию преобразования в динамике, т.к. отражают пути и формы, которые искали ее исполнители. Тем более, что ничего подобного по масштабу, характеру и задачам никогда не делалось, и искать результат приходилось самостоятельно, нередко путем проб и ошибок.

При осуществлении реформы в Москве, стоящие у ее начала местные власти, генерал-губернаторы В.М. Долгоруков-Крымский и З.Г. Чернышев, а также губернатор Н.П. Архаров, опирались в своих действиях на «подготовительные расписания» – комплексы документов, составленные как рекомендации к дальнейшему устроению новообразуемой административной единицы. На их основании составлялись первые, не всегда позже претворяемые в жизнь, планы. Один из них, относящихся как раз к Московской губернии. Поэтому мы можем проследить процесс «назначения» городов с «нулевого цикла» и проанализировать реализацию административной реформы и реформы города Екатерины II.

Не секрет, что анализ преобразований начинается с изучения их результата. Следовательно, неизбежной становится заданность выводов исследования. В реальной жизни, как правило, неизвестно, как будет осуществлен проект и во что он выльется. Часто даже наоборот: ожидается совсем иное. Нельзя забывать, что проведение реформы – это процесс постоянного поиска компромисса желаемого с возможным. В связи с этим

необходимо исследовать проведение преобразования на этапе самых первых проектов. По ходу их внедрения шло осознание методов более рационального осуществления задачи, с учетом проявлявшихся препятствий. Только тогда станет понятно, как реформаторы, обретая опыт, искали пути реализации поставленных перед ними задач, наталкивавшихся на реальность.

Московская губерния в том виде, в каком она была скомпонована в правление Екатерины II, получила официальное оформление двумя именными указами. Согласно первому из них (от 5 октября 1781 г.) новая губерния учреждалась[1166], второму (от 18 мая 1782 г.) – уточнялась ее внутренняя структура, и добавился еще один уезд – Верейский[1167]. После составления «прожекта» предстоявших реформ и его утверждения он становился основой для преобразований. Именно такой источник – отработанный на местном уровне план формирования новой Московской губернии (1774–1776) – сохранился в делах Петра Васильевича Завадовского.

В этом документе (свыше 100 листов) детально описано дробление «старых» «больших» уездов, а также распределение входивших в их состав станов, волостей и селений между вновь учреждаемыми административными единицами. Особое внимание здесь уделено подробнейшим расчетам распределения ревизских «душ».

Граф П.В. Завадовский никогда не был руководителем ни прежних, ни «новых» административных образований, располагавшихся на территории Московского края. Меж тем, он входил в группу виднейших сановников, которым императрица особо доверяла и потому активно привлекала их для осуществления своих реформ. Одно время (правда, недолго) в качестве фаворита граф конкурировал с Г.А. Потемкиным. Период максимального возвышения Завадовского относится к 1774–1777 гг.[1168], т.е. времени рассмотрения проекта.

[1166] ПСЗ-I. Т. XXI. № 15245. С. 277–278.
[1167] Там же. № 15398. С. 503.
[1168] *Сухарева О.В.* Указ. соч. С. 195.

Несмотря на свой высокий статус, ни сам сановник, ни кто-то из его окружения не могли являться составителями документа. Содержащиеся в нем данные были известны исключительно высшим лицам региона, которые лично отвечали за выполнение соответствующих работ.

В первую очередь к этой группе администраторов необходимо отнести графа Федора Андреевича Остермана, возглавлявшего Московскую губернию в 1773–1780 гг. и активно занимавшегося процессом ее формирования на новых началах[1169]. Его-то (а точнее, служащих его канцелярии) и надо считать авторами проекта. Но то, что он хранился у Завадовского, а затем попал в фонд Госархива, не случайно. Даже после своего удаления от двора в 1777 г. этот сановник оставался кабинет-секретарем Екатерины II – именно через него шла переписка императрицы по многим вопросам государственного управления. Высокую степень вовлеченности кабинет-секретарей в процесс подготовки административных преобразований подтверждает, например, факт чрезвычайно активного участия в решении аналогичных вопросов «коллеги» Завадовского – А.А. Безбородко[1170].

Кроме того, Завадовский являлся одним из составителей манифеста 1775 г.[1171], следовательно, мог непосредственно влиять если не на разработку первоначального плана устроения Московской губернии, то на процесс его подготовки, обсуждения и утверждения.

Первоначальная программа заметно разнилась с тем, что в итоге будет реализовано спустя восемь лет. Первое отличие сводилось к тому, что в составе Московской губернии предполагалось создать Боровский уезд, который к 1782 г. перешел в состав Калужской. Его земли предлагали сохранить как единое целое: план Боровского уезда ориентировался на сохранение уже существовавших границ. Происшедшее в итоге отторжение Боровска стало не результатом естественного развития края, а

[1169] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 569. Л. 9–11 об.
[1170] Там же. Д. 640. Л. 31, 33, 34, 35, 36, 60, 69.
[1171] *Сухарева О.В.* Указ. соч. С. 195.

административной необходимостью. Его «перевод» объяснялся тем, что «не открытая» тогда Московская губерния выступала «донором» для своих «соседей», что особенно проявилось при претворении в жизнь окончательного плана ее формирования. В связи с этим обстоятельством официальное «открытие» Московской губерний было отложено на самый конец, завершив собой образование всех окраинных губерний ядра Европейской России. В административном плане такой шаг являлся вполне оправданным: давно обжитые подмосковные земли превосходили «соседей» численностью населения и количеством городов.

Изъятие Боровска и включение его в Калужское наместничество не уничтожило тесных связей этих территорий с Москвой[1172]. Кроме того, отказ от Боровска как уездного центра так или иначе потребовал его замены, но, как показывает анализ проекта Остермана – Завадовского, осуществить это даже на населенных подмосковных территориях оказалось делом непростым.

Второе отличие заключается в разности планов 1774–1776 и 1781–1782 гг., что было связано с определением статуса Вереи – пример необычный для современной практики, однако весьма показательный для норм конца XVIII в. Согласно первоначальному проекту Верея сохранила статус города, но была приписана к Можайскому уезду[1173].

Третье отличие: помимо «старых» городов во главе уездов Московской губернии предполагалось создать (или, как говорили тогда, назначить)[1174] ряд новых городов, каждому из которых придавался свой «новоустроенный» уезд.

Проект 1781–1782 гг. предусматривал учреждение пяти городов, в то время как в первоначальном проекте 1774–1776 гг. их значилось лишь четыре. Как прежде, городами становились села бывшего Московского уезда:

[1172] ЦГА Москвы. Ф. 880. Оп. 1. Д. 124а. Л. 15; Д. 83. Л. 1–148; Д. 210. Л. 13–27, 47–50, 59–64, 66–67, 69–71, 83–85, 87–90, 94–99.

[1173] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 570. Л. 47.

[1174] Там же. Л. I.

село Богородское (г. Богородск), дворцовое село[1175] (село Дворцовой конюшенной канцелярии)[1176] Никитское (г. Никитск). Городов Воскресенска, Бранниц (Бронниц) и Подола (Подольска) в первоначальном проекте не было. Их учредили только в 1781 г., до этого предполагалось назначить два других города из числа сельских экономических поселений. Первый намеревались сформировать из двух деревень – Ванилова и Невычина (Боршевский стан бывшего Коломенского уезда)[1177], второй – из экономического села Еремеево (Горетов стан бывшего Московского уезда)[1178].

Как видим, усилия организаторов оказались направлены на дробление первоначального «большого» Московского уезда – наиболее населенного и требовавшего такого деления, так как в основу административных преобразований был положен арифметический подход[1179]. Под отрезаемые «куски» «старых» уездов искали поселения, пригодные для возведения их в ранг городов.

Городской потенциал несостоявшихся административных центров был крайне невысок. Во главе «вновьучреждаемого» уезда, расположить который планировали к юго-востоку от Москвы, должен был стать город Ванилов. Хотя это название тогда еще не утвердили, но, скорее всего, оно звучало бы именно так: Ванилово долгое время являлось сельцом, а Невычина (Левычина) неизменно значилась как приписанная к нему деревня.

В городе, который предполагали развернуть на месте этих двух экономических поселений, проживали бы 328 душ «мужеска» пола, владевших 1 143 десятинами 544 квадратными саженями земли[1180]. Численность небольшая, но в реалиях реформы города Екатерины II достаточно представительная. Для сравнения: в селе Богородском (которое в

[1175] Там же. Л. 76.
[1176] Там же. Л. I.
[1177] Там же.
[1178] Там же. Л. I, 56.
[1179] *Клокман Ю.Р.* Социально-экономическая история ... С. 147.
[1180] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 570. Л. I.

итоге все-таки стало городом) проживали всего 11 «душ» экономических крестьян[1181].

По другим данным, на момент межевания (5 июля 1769 г.) Ванилово значилось сельцом, имело 205 душ, 1 100 десятин пашни, 1 058 десятин леса, 191 десятину сенокосов, а также другие владения. В деревне Левычиной в то же время проживали 226 ревизских душ[1182]. Впоследствии оба селения вошли в состав Бронницкого уезда.

Ванилово располагалось на левом берегу реки Нерская (в сторону от русла), между озером Куровским и речкой Перфиловской (левым притоком реки Нерской). В верховьях Перфиловской, на правом ее берегу лежала деревня Левычина (Невычина)[1183]. Она существует здесь и сегодня, а сельцо Ванилово в 1935 г. переименовали в «Рабочий поселок имени Цурюпы»[1184]. С ним фактически срослось и Левычино. Жители заслуженно гордятся церковью Тихвинской иконы Божией Матери (первая половина 1880-х годов) и даже не подозревают о некогда предоставившейся их предкам возможности стать горожанами.

В состав уезда входили (полностью или частично) земли и поселения трех станов прежнего Московского уезда (Раменский, Ратуев, Васильцов) и семи Коломенского (Левыческий, Песоческий, Маковский, Пахрянский, Большой Микулин, Боршевский и Усмерский). В составе Раменского стана Московского уезда в Ваниловский уезд должны были войти такие известные поселения, как Гжельская волость с селом Гжель, Гуслицкая волость и деревня Фаустово. Предполагаемое число податного населения проектируемого уезда – 28 844 ревизские души[1185].

[1181] Там же. Л. I, 17.
[1182] *Кусов В.С.* Земли Московской губернии в XVIII веке. М., 2004. Т. 1. С. 76.
[1183] *Его же.* Земли Московской губернии в XVIII веке. Карты уездов. М., 2004.
[1184] Все Подмосковье: географический словарь Московской области. М., 1967. С. 320.
[1185] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 570. Л. 91.

Удаленность от крупных дорог[1186], отсутствие других условий, способных поддержать статус будущего уездного города, стали причиной отказа от ваниловского варианта. Однако обращает на себя внимание и то обстоятельство, что несостоявшийся центр уезда – деревня (сельцо) Ванилово – находилась в составе Боршевского стана Коломенского уезда. По соседству с ним располагался Песоческий стан, на территории которого было село Бронницы. Именно оно в итоге и заняло место Ванилова, став в 1781 г. уездным городом[1187].

Второй несостоявшийся город – Еремеев, центр проектируемого Еремеевского уезда. Под него предполагалось отдать четвертую часть прежнего «большого» Московского уезда. На момент составления «прожекта» в поселении значилось сельцо с тремя приписанными деревнями, населенными экономическими крестьянами – 116 «душ», с 3 623 десятинами 1 699 квадратными саженями земли.

Село Еремеево располагалось в Горетовом стане «старого» Московского уезда[1188]. На момент межевания (1768) к поселению были приписаны 2 280 десятин леса, 1 095 десятин пашни, 186 десятин сенного погоста и другие владения. Также приписанными к селу значились сельцо Алексино со 102 душами и три деревни (Подпорина, Одоевцева и Лисавина) с населением 78, 91 и 56 душ соответственно. Всего 443 ревизские души, причем они были «разбросаны» как от села, так и друг от друга на значительные расстояния[1189].

В составе Еремеевского уезда предполагалось ввести пять станов Московского уезда (Манатьин, Быков, Коровин, Горетов и Сетунский), пять – Дмитровского (Зарадомский, Берендеевский, Мушинский, Раменский, Ижевский), пять – Рузского («стан называемый Войноческая волость»,

---

[1186] Карта Московской губернии // Подробный атлас Российской империи с планами главных городов. СПб., 1871. 70 карт.

[1187] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 570. Л. 85–90.

[1188] Там же. Л. 60 об.

[1189] *Кусов В.С.* Земли Московской губернии в XVIII веке. Карты уездов; *Кусов В.С.* Земли Московской губернии в XVIII веке. Т. 1. С. 160.

Ижевский, Локняжской, «стан называемый Шапковская волость», Скирмановский), два – Звенигородского (Тростенский и фрагмент «городского стана» Звенигорода)[1190]. Все население составило бы 26 381 податную душу[1191].

В случае реализации проекта на территории будущего Еремеевского уезда оказались бы такие села, как Алтуфьево, «Медветково», Бибирево, Бескудниково, Ховрино (ныне все они являются частью Москвы), Нахабино (поселок городского типа в Красногорском районе Московской области), села Чашниково и Середниково (известные усадьбы, расположенные близ Октябрьской железной и Ленинградской шоссейной дорог), «Никольское Химки то ж» (город-предместье Москвы), Кутузово (территория г. Зеленограда, 11-й административный округ Москвы) и др.

Так же, как Ванилов, Еремеево не могло выполнять функции города и уступило свое место другому поселению, находившемуся в непосредственной близости, – сведенным в единое целое слободам Воскресенского (Новоиерусалимского) монастыря. Именно они в итоге и были преобразованы в уездный город Воскресенск (ныне г. Истра).

До наших дней в селе Еремееве сохранился храм Вознесения Господня, относящийся к первой четверти XIX в.[1192]

Оценим механизм реализации проекта административно-территориальной реформы Екатерины II в его первоначальном варианте на конкретном примере – процессе формирования «малой» Московской губернии. Это поможет увидеть, какие именно задачи и проблемы определяли или корректировали направление преобразований.

Во-первых, существовала строгая заданность размеров новых малых губерний и уездов. В ее основе лежала установленная в Петербурге численность будущего податного населения (основная задача готовивших проект).

[1190] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 570. Л. 56–65.
[1191] Там же. Л. 66.
[1192] Памятники архитектуры Московской области. М., 2001. Вып. 2. С. 195–196.

Во-вторых, передача городов в состав соседних губерний создавала трудности реализации реформы в связи с острой нехваткой перспективных уездных центров.

В-третьих, осуществление нового деления велось исключительно с опорой на прежние административные структуры: «старые» уезды, станы и волости. При проектировании «новых» уездов авторы всегда «отталкивались» от прежних «больших» уездов. При этом станы и волости старались по возможности переносить без какого-либо дробления. Данное обстоятельство объясняется очень просто – применялись арифметический принцип выделения новых единиц. Чиновники высчитывали нужный размер по числу душ, а те были известны по описям прежних административно-фискальных единиц.

В-пятых, сохранение ядра имевшихся уездов во главе со «старыми» городами, которые должны были находиться в центре этих структур. Однако территории «старых» уездов всегда урезались до требуемого размера.

В-шестых, важной особенностью реформы Московской губернии выступала необходимость раздробить прежде существовавший «большой» Московский уезд на куски, каждому из которых требовалось предоставить свой уездный центр. Здесь-то и возникли наибольшие трудности, связанные с поиском поселений для учреждения города, создававшегося фактически на пустом месте. Причина этого кроется в особой роли Москвы. Являясь многовековым центром старых освоенных земель и оплотом верховной власти, она обеспечила большую плотность населения окрестных территорий. Будучи долгое время столицей государства, на протяжении несколько столетий она замыкала на себя интересы жителей значительных окрестных земель, и городах они просто не нуждались. Одной Москвы было вполне достаточно и в административном, и в хозяйственном, и в военно-тактическом значении. Наличие в непосредственной близости от нее Звенигорода являлось не результатом развития края, а лишь отголоском

прежней истории, когда город возник как центр большого удела, а в дальнейшем не получил нового импульса для своего развития.

В итоге Московский уезд был раздроблен, согласно источнику, на пять частей (отделений). Во главе первого вставала Москва. Четыре других должны были возглавить «вновьучрежденные» города: Богородск, Ванилов, Еремеев, Никитск.

В-седьмых, «новые» уезды требовали создания «новых» (до того не существовавших) уездных городов, что повлекло за собой множество проблем. Главная из них состояла в необходимости изыскать поселение, способное стать уездным центром. Однако для исполнения этой задачи, помимо прочего, требовались хорошие знания о территории края, а их у руководства страны фактически не было. Показательно, что в 1770-х годах Московская губерния стала объектом особой исследовательской экспедиции, организованной академиком Г.Ф. Миллером с целью описания подмосковных городов[1193]. Межевание же территорий страны было еще не завершено даже в ее историческом ядре.

Таким образом, алгоритм подготовки плана территориального преобразования был следующим. Чиновники начинали проектирование с того, что буквально «лепили» новые уезды, опираясь на данные о числе «душ» по «старым» административным единицам (это хорошо видно при картографической обработке материала). Создав уезд, население которого соответствовало требуемому числу ревизских жителей, реформаторы приступали к поиску места (села) для учреждения на его основе уездного города. В итоге первоначальный план создания «новых» городов фактически проваливался. Два из четырех таких поселений были отвергнуты, а из двух оставшихся один «умер» спустя два десятка лет «своей смертью» (Никитск). При этом нельзя не учитывать, что не только у служащих наместнической канцелярии, но и в истории страны отсутствовал опыт «назначения» городов из сел.

[1193] *Миллер Г.Ф.* Указ. соч. С. 226–319.

В итоге лишенные знаний администраторы выбирали поселения, располагавшиеся в центре формируемого уезда и находившиеся в ведении государства. Учет возможностей места и склонности местных жителей к исполнению городских промыслов первоначально в расчет даже не брали. Не случайно впоследствии эти варианты были отброшены как бесперспективные. Однако отрицательный опыт оказался весьма полезен – он подвел к необходимости оценивать «кандидатов на должность города» по их хозяйственным качествам.

В итоге на смену «мертворожденным» объектам уже на следующем, новом этапе разработки плана пришли (точнее были избраны) поселения, которые в качестве городов живут и в наши дни (Воскресенск-Истра и Бронницы). Они находились примерно в том же регионе, но относились к более или менее крупным хозяйственным центрам: подмонастырская слобода и село дворцовой канцелярии, расположенное на крупной торговой дороге. К тому же, оба отличались налаженным хозяйством и наличием условий для развития.

Учреждение городов в процессе окончательного «устроения» «новой» Московской губернии

При проведении реформы обязанности по организации новых учреждений были распределены между двумя главными администраторами. Главнокомандующий Москвы В.М. Долгоруков-Крымский занимался в основном столичным городом, губернатор Московской губернии Н.П. Архаров – уездами. Он же совершал и объезды их городов как имевшихся, так и потенциальных. Правда, отчеты императрице об этой работе (по праву особой близости к государыне должности главнокомандующего или генерал-губернатора) писал (подписывал) Долгоруков-Крымский. Такое распределение функций было устойчивым и

постоянным (то же имело место при подготовке других важных мероприятий, например, при посещении Москвы австрийским императором Иосифом II).

2 января 1781 г. императрица повелела главам будущей губернии лично осмотреть проектируемую территорию, а также приняла решение о ее структуре[1194]. Своим появлением Московская губерния завершала процесс административного оформления территории Центральной России.

Следуя указу императрицы, губернатор еще не открытой губернии Архаров предпринял поездку по подотчетной ему земле, которая была им «самолично осмотрена и примерным разделением на уезды с назначением по удобности новых городов к устроению оныя» оценена. Ознакомительный объезд потенциальных городов – центров уездов завершился не позднее 5 августа 1781 г., когда о его результатах главнокомандующий Москвы доложил Екатерине II[1195].

18 августа, по-видимому, приняв это сообщение как факт начала работ по организации губернии, Екатерина II обратилась к московским сановникам с «изъявлением» своего «всемилостивейшего… предположения» по подготовке «открытия нового» административного края «в будущем 1782-м году»[1196]. По сути, это был приказ.

Однако добиться исполнения поставленной задачи оказалось не так-то просто. Московская земля не была простейшей в административном делении структурой, как это описывал Ю.Р. Клокман[1197].

Главнокомандующий в Москве Долгоруков-Крымский в письме Екатерине II от 23 августа (спустя почти месяц после завершения поездки Архарова) сообщил лишь о том, что «будет счастлив» представить личные соображения об устроении Московской губернии. Впрочем, таковых генерал-

---

[1194] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 574. Л. 111.
[1195] Там же. Л. 111–111 об.
[1196] Там же. Л. 114.
[1197] *Клокман Ю.Р.* Социально-экономическая история ... С. 164.

губернатор так и не прислал[1198]. Упоминание же о готовом плане присутствует лишь в его отчете, но уже от 5 сентября. Однако и здесь сановник своих соображений не дает, соглашаясь с мнением Архарова, которого с планом отправил к императрице: «Имею я счастье препроводить ко освященному… престолу губернатора Московского генерал-майора Архарова со всеми, ко устроению Московской губернии в образе, высочайшими Вашего Императорского Величества Учреждениями преднаписанном, учиненными предположениями старых и вновь назначаемых городов, и как им при тщательнейшем обозрении сей губернии и в приуготовлений оныя к помянутому устроению не упустительно наблюдены все те меры, какие служить могут к точнейшему исполнению… Вашего Императорского Величества благоизволения»[1199].

Таким образом, именно Архарова нужно считать создателем «малой» Московской губернии в том виде, в каком она просуществовала до начала XX в. Не случайно этот губернатор в конце августа изложил Екатерине II соображения относительно будущей губернии и возможности «устроения ее старых и вновьучреждаемых» городов. Отчет этот «преподносился» лично императрице, видимо, так и не был выслан, поэтому не отложился в виде копии в бумагах канцелярии. Клокман объяснил этот факт ненужностью данного документа в связи с наличием в крае большого набора «старых» городов – достаточного для «открытия» губернии без существенных изменений[1200]. В действительности учреждению любой «новой» административной единицы предшествовала большая и кропотливая работа, что подтверждают архивные документы.

5 октября 1781 г.[1201] (у Клокмана 5 сентября[1202], ссылавшегося на тот же документ от 5 октября) последовал императорский указ об учреждении «новой» («малой») Московской губернии, согласно которому

[1198] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 574. Л. 114–114 об.
[1199] Там же. Л. 126–126 об.
[1200] *Клокман Ю.Р.* Социально-экономическая история ... С. 164.
[1201] ПСЗ-I. Т. XXI. № 15245. С. 277–278.
[1202] *Клокман Ю.Р.* Социально-экономическая история ... С. 164.

административную единицу необходимо было «составить» из 14 уездов (что означало 14 уездных городов): «Московского, Воскресенского, Богородского, Бронницкого, Коломенского, Серпуховского, Никитского, Подольского, Звенигородского, Рузского, Можайского, Волоколамского, Клинского и Дмитровского». В уездные города преобразовали пять негородских поселений: «экономическая слобода, близ Воскресенского монастыря лежащая» (Воскресенск), «ямское село Рогожи» (Богородск), «село ведомства конюшенного Бранницы»[1203] (Бронницы), «дворцовое село Колычево» (Никитск) и «экономическое село Подол» (Подольск).

В тот же день Екатерина II выделила на «открытие» губернии 5 тыс. руб.[1204], куда, видимо, входили все расходы (включая и на дворянские выборы). Уже 8 октября 1781 г. утвердили штаты объявленной к «открытию» губернии. 21 октября в Москву пришло распоряжение императрицы о подготовке к выборам «достойных людей к занятию мест и должностей в Московской губернии»[1205]. Показательно, что Долгоруков-Крымский сообщил о получении им данного повеления только 1 ноября[1206]. Подобную медлительность наместник проявлял и ранее, чему есть несколько объяснений. Возможно, глава города и края целенаправленно старался затянуть процесс проведения преобразований из-за своей неготовности или неспособности их исполнить. Скорее всего, заслуженный, но престарелый фельдмаршал по причине возраста и характера просто не был склонен к стремительности в административных действиях и потому непреднамеренно затягивал их.

Только 3 января 1782 г. генерал-губернатор отправил Екатерине II «Список чиновным людям, избираемым к помещению в присутственные места Московской губернии при устроении ея в образе высочайшими

[1203] Так в тексте указа.
[1204] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 574. Л. 139.
[1205] Там же. Л. 138.
[1206] Там же. Л. 139–139 об.

Учреждениями преднаписанный»[1207]. Как и в других «вновь устраиваемых» территориально-административных единицах, это означало, что новые местные власти вплотную подошли к официальному «открытию» своих губерний.

Смерть главнокомандующего Москвы В.М. Долгорукова-Крымского (30 января 1782 г.) затормозила дело «открытия» губернии. Однако его затягивание объяснялось неготовностью проекта к реализации. Оказалось, что к тому моменту еще даже не провели ревизию городов – будущих административных центров и не создали на местах структуры из новых органов власти.

Преемник Долгорукова-Крымского, Захар Григорьевич Чернышев был вынужден, по сути, начинать все с нуля. Тем более что, получив в свое распоряжение весной 1782 г. данные о новой переписи населения, он с ужасом обнаружил, что они не соответствуют расчетам, положенным в основу деления будущей губернии на уезды. Но самым страшным для него, как «государева слуги», оказалось то, что ошибочный план год тому назад уже удостоился личной «Высочайшей конфирмации» Екатерины II.

Новые данные свидетельствовали: население «знатно» приумножилось[1208]. Требовалось срочно пересчитать «души» по уездам, а также «назначить еще один или два уезда»[1209]. Следовательно, учредить по крайней мере еще один уездный город[1210]. И это происходило тогда, когда «Высочайше» назначенный год «открытия» губернии – 1782-й – уже наступил!

Рассчитав свои возможности, Захар Григорьевич 4 апреля 1782 г. в письме Екатерине II написал, что сможет выдержать установленные ей сроки («расчисление и распоряжение к открытию в новое учреждение губернии

[1207] Там же. Д. 514. Л. 231–235 об.
[1208] Там же. Д. 575, ч. I. Л. 18–18 об.
[1209] Там же. Л. 18 об.
[1210] Там же. Л. 18–18 об.

поспеть еще может»)[1211], но просил императрицу как можно скорее утвердить новые составленные им планы, исходившие из реального положения дел.

12 апреля Екатерина II повелела «назначить» еще один уезд[1212]. В ответ 14 апреля наместник известил Петербург, что незамедлительно приступил «к избранию места для города уездного», а также «о числе душ к составлению нового округа»[1213].

Тогда же Чернышев отчитался о завершении разграничения территории Московской губернии с землями соседних административных регионов (полного – для двух, частичного – для одного). Также он известил императрицу о намерении продолжить этот процесс в отношении еще трех губерний[1214].

25 апреля наместник написал в Петербург, что в качестве недостающего 15-го уездного центра хочет «представить к тому город Верею, не внесенный в число высочайше конфирмованных»[1215]. Он предложил это, исходя из качеств, учитываемых при выборе любого нового города: срединного положения в границах будущего уезда и числа жителей городских сословий. Весной 1782 г. в Верее проживали 1 035 купцов, 836 мещан и 14 «приписных к владельческим домам» лиц, всего 1 885 «душ»[1216]. Кроме того, наместник отметил, что это поселение перед прочими «кандидатами на роль» уездного центра выигрывает «и выгоднейшим к помещению уездных присутственных мест быть кажется»[1217].

Выбор Вереи, предпринятый только на втором этапе подготовки преобразования, наглядно показывает успешность принятой методики формирования новых административных территории и подбор под них соответствующих городских центров. В основе ее лежал (как обязательный этап) личные выезд главы края на место и знакомство с имеющимся

[1211] Там же. Л. 18 об.
[1212] Там же. Л. 23.
[1213] Там же.
[1214] Там же. Л. 22–22 об.
[1215] Там же. Л. 33.
[1216] Там же. Л. 33–33 об.
[1217] Там же. Л. 33 об.

потенциалом тех или иных поселений. Не способность Долгорукова-Крымского лично провести данную работу стало причиной задержки на год планов по открытию Московской губернии. Показательно, что смешивший его Чернышев, лично проводивший данную работу, и выявил Верею как кандидата на роль уездного центра. Кроме того выяснилось, что будущая Московская губерния по силу податных душ была значительно больше, что потребовало учреждения еще одного уезда.

Учреждение «новых» уезда и города вело к масштабным перемещениям на территориях уже утвержденных административных единиц: «К сему городу будет приписан уезд, под названием Верейского, отделяя в оной из Можайского 6 683, из Рузского 6 977, из Звенигородского 4 833, что и составит в сем Верейском уезде с городскими жителями 20 378 душ, по нынешней старой ревизии; а тем самым разверстаны будут помянутые уезды, отчисляя в Можайский из Волоколамского 3 000, в Рузский из Воскресенского 2 053, по сему будет в Можайском уезде 20 500, в Волоколамском 22 797, в Рузском 21 925 … в Серпуховском уезде останется 25 000 душ; в прочих же уездах яко то в Московском 29 094, Богородском... Бронницком... Коломенском... Клинском… и Дмитровском 25 711 душ останутся по прежнему расписанию, не касаясь Московского уезда в сем распределении потому, что в числе написанных в нем душ не мало состоит платящих подати по городскому окладу»[1218]. Как мы видим, чиновники на местах очень точно реализовывали предописание и числе ревизских душ по уездам и губерниям.

Эти подсчеты были выполнены всего за 10–11 дней (с 14 по 25 апреля) немногочисленными чинами – служащими еще официально «не открытой» наместнической канцелярии.

Вышедший 18 мая 1782 г. именной указ закрепил за Вереей статус 15-го уездного города «по уважению на многолюдство Московской

[1218] Там же. Л. 33 об.–34.

губернии»[1219]. 29 декабря она получила свой герб[1220], что означало по нормам того времени что-то вроде мундира, соответствовавшего службе города и непременно к ней прилагавшегося.

С этого момента главнокомандующий Москвы приступил к подготовке «открытия» губернии. Готовясь непосредственно к этому событию, Чернышев составил интересную записку – личный план первоочередных мероприятий, состоявший из 21 пункта. В него входили: собственно план – 13 позиций и приложенная к нему записка – еще 9[1221]. Обе бумаги имели рабочий характер, поэтому в них имелись повторения и уточнения. Часть заданий ранее была предписана лично императрицей[1222].

Если систематизировать изложенные мероприятия, то они сводились к следующему: установить дату «открытия» губернии; организовать работу почт; подготовить карты («генеральная губернская и специальные уездные»), а также планы городов (отмечалось, что над этим уже работали); определить общую границу с Тульской губернией; подготовить к «открытию» «дом в Москве» и «в уездных городах» (речь шла о присутственных местах – для окончания возведения таковых в Московском Кремле оговаривалось наличие финансовых средств и запасов материалов); составить списки чинов в новой административно-судебной системе (отмечалось, что они уже были сделаны и представлены императрице); дать распоряжение о питейном откупе; сократить количество нерешенных дел в канцеляриях (важное условие проведения реформы и одна из ее первоочередных задач); определить количество «колодников» и места их нахождения (с целью ускорения работы судов и решения дел); напомнить о сроках подачи ревизских сказок; провести запись в новое состояние (купеческое и мещанское) жителей «новоучрежденных» городов и села Покровского; решить вопрос о месте собрания дворянства во время «открытия» губернии; принять меры к

[1219] ПСЗ-I. Т. XXI. № 15398. С. 503.
[1220] Там же. № 15623. С. 787.
[1221] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 575, ч. I. Л. 35–38.
[1222] ПСЗ-I. Т. XXI. № 15403. С. 505.

«починке Китая[-]города стен» и проведению каких-то работ у всех трех ворот Китай-города («у Варварских ворот[,] у Ильинских[,] у Никольских»), к приведению в порядок Земляного и «Компанейского» (впоследствии Камер-коллежского) вала, а также построить при нем «караульни».

25 мая 1782 г. Екатерина II известила наместника, что днем «открытия» губернии назначено 5 октября[1223]. На преодоление нерешенных проблем государыня приказала передать из «остаточного казначейства в распоряжение» Чернышева особую сумму в размере 50 тыс. руб.[1224]

К тому моменту списки будущих властных лиц, которым предстояло занять места в присутствиях, уже были готовы и отправлены для представления императрице[1225]. На местах везде (кроме Вереи) к середине апреля готовились административные здания[1226].

Число нерешенных дел (которые требовалось завершить или подготовить к передаче в новые местные властные структуры) все еще было значительно выше нормы. По ведению Камер-коллегии значилось 691 дело, Юстиц-коллегии – 2742. Оставались нерешенными дела и других учреждений[1227]. Задача их уменьшения стояла очень остро по всем городам страны. Государство выделяло ее как наиболее приоритетную и постоянно следило за ее выполнением. По этому показателю в значительной степени оценивалось качество работы чиновников.

Применительно к планируемой Московской губернии еще 8 декабря 1780 г. был издан особый сенатский указ о приведении в порядок дел бывших присутствий («О предписании московским присутственным местам, кои подлежат упразднению, чтобы они сделали о делах их распоряжения заблаговременно»)[1228]. Это создавало дополнительные трудности. Тем более что в главном городе губернии завал дел был чрезвычайным, что являлось

[1223] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 575, ч. I. Л. 35.
[1224] ПСЗ-I. Т. XXI. № 15403. С. 505.
[1225] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 575, ч. I. Л. 35 об.
[1226] Там же. Л. 35 об.–36.
[1227] Там же. Л. 36–37.
[1228] ПСЗ-I. Т. XX. № 15092. С. 1021.

неизбежным следствием особого значения Москвы, которая одновременно являлась столичным городом, а также межрегиональным и губернским центром, возглавлявшим издавна заселяемую и активную в хозяйственном отношении губернию. Все это вело к особой нагрузке на местную администрацию.

11 июля Чернышев отрапортовал в Петербург о размежевании границ будущей Московской губернии «со всеми уже смежными губерниями»[1229] и сообщил, что по всем уездным городам готовятся «для помещения новых присутствий домы». Окончание этой работы он планировал на сентябрь (т.е. непосредственно в преддверии утвержденной даты «открытия» губернии)[1230].

Таким образом, на этом этапе всё, что необходимо было подготовить, было исполнено. Требовалось только подытожить процесс учреждения губернии самим ее «открытием» и началом работы присутствий. Не случайно в тот же день главнокомандующий Москвы сообщил в редакции газет о скором «открытии» губернии (5 октября) и созыве дворян (3 октября). На их съезде планировалось провести выборы в местные учреждения власти[1231].

Чернышев лично ездил по будущим уездным центрам, выясняя степень готовности зданий для присутственных мест. После 10 июля он посетил Звенигород, Рузу и Можайск[1232], в последнюю неделю того же месяца – Верею и Подольск[1233]. В начале августа Чернышев прибыл в Никитск и Серпухов[1234]. Между 8 и 15 августа главнокомандующий инспектировал только Богородск, но делать это пришлось в условиях начавшихся проливных дождей («продолжалася здесь ненастливая погода… едва возмог я обозреть один только Богородский уезд и город»). Однако, несмотря на продолжавшуюся непогоду и бездорожье, уже 22 августа он отрапортовал в

[1229] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 575, ч. I. Л. 69 об.
[1230] Там же.
[1231] Там же. Л. 70.
[1232] Там же. Л. 71.
[1233] Там же. Л. 74.
[1234] Там же. Л. 103 об.

Петербург о ревизии Дмитрова и Сергиевского посада[1235], а в течение следующих двух дней – об «осмотре» Бронниц и Коломны «с приписными к ним уездами»[1236]. Очевидно, наместник торопился, так как срок «открытия» (5 октября) стремительно приближался.

3 октября Чернышев написал императрице: «Дворянство съезжается теперь в Москву»[1237] (т.е. задуманный им план не срывался). 4 октября в официально прессе было опубликовано сообщение о начале выборов в новые органы местного управления и суда. 5 октября к присяге привели «на выбор предводителей и судей, которой в следующие потом дни и имеет происходить по точной силе… Учреждений для управления губернией». С этого момента начали функционировать государственные органы «новой» административной единицы, и 5 октября 1782 г. стал днем «открытия» (возникновения) новой Московской губернии[1238], с некоторыми изменениями существующей и по сей день, без малого уже два с половиной века.

Составной частью процесса формирования новой городской сети (проводившегося в рамках административной реформы) был перевод (добровольный) подмосковных жителей в «состояние городских сословий». 22 марта 1782 г. вышел указ императрицы «О дозволении живущим в разных местах Московской губернии крестьянам и ямщикам, занимающимися торгами и промыслами, записываться в купечество и мещанство, и об учреждении для живущих в слободах ведомства Коллегии экономии близ Свято Троицкой Сергиевой лавры посада, под наименованием Сергиевского и в нем ратуши»[1239].

Документ наглядно демонстрирует принятые в то время критерии города и городского строя. В их основе – наличие у жителей статуса городского состояния (купечества и мещанства), дававшего им право на занятие торговыми и ремесленными промыслами, а также на создание

[1235] Там же. Л. 110.
[1236] Там же. Л. 112–113 об.
[1237] Там же. Л. 118.
[1238] ПСЗ-I. Т. XXI. № 15555. С. 713.
[1239] Там же. № 15371. С. 442.

сословной общественной организации и органов самоуправления. Показательно, что именно эту черту историк-урбанист Я.Е. Водарский выделил как качественный признак города XVIII в., причем он использовал источники, отличные от тех, что использованы в нашей работе[1240].

Приобретение статуса городского состояния порождало право на самоуправление, но в меньшем объеме. Все вместе это трансформировало экономическое село или подмонастырскую слободу в принципиально иное состояние – посад. Ему были присущи признаки города, но в ограниченном объеме (не Магистрат, а только Ратуша). Кроме того, этот тип поселения не обладал вторым главным признаком (и качеством) города – собственным уездом, что подтверждает черновой проект «составления Московской губернии» Остермана – Завадовского.

Впрочем, указ Екатерины II не носил сугубо сословного характера. Он не «назначал» людей купцами, а давал возможность получить это состояние фактическим торговцам, которые формально относились к крестьянам (экономическим или иных категорий). В тексте указывались те, кто жили «в слободах ведомства Коллегии экономии, близ Свято Троице Сергиевой лавры лежащих, непахотным жителям, производящим торги и ремесла», а также крестьяне дворцовой канцелярии московского пригорода села Покровского[1241], занимавшиеся тогда весьма крупным мануфактурным промыслом[1242].

Наряду с двумя вышеназванными поселениями в указе назывался город Клин, населенный исключительно ямщиками[1243]. Имея свое положение между столицами, они всегда славились высокой торговой активностью. Уже 11 мая Чернышев известил Екатерину II, что на основании вышеназванного

[1240] *Водарский Я.Е.* Зарайск: тайна рождения ... С. 208 ; Он же. Проблемы сущности, времени и места основания русских городов ... С. 43.

[1241] ПСЗ-I. Т. XXI. № 15371. С. 442.

[1242] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 580. Л. 45.

[1243] ПСЗ-I. Т. XXI. № 15371. С. 442.

указа городское состояние имели право принять все желающие «означенных поселений»[1244].

«Подмонастырские» слободы вскоре стали посадом Троицким; положение Клина фактически не изменилось, но указ закрепил за ними характер деятельности, присущий городским сословиям. То же относилось и к крестьянам села Покровского – одного из крупнейших в то время сукноткацких центров будущей губернии[1245]. Данная производственная группа была близка по формам организации и производства крупнейшим подмосковным так называемым «промышленным селам»: Семеновскому и Данилевской слободе. В Покровском на конец 1791 г. действовало предприятие, принадлежала московскому купцу Ивану Щурову, имевшее два стана и красильню. На нем вырабатывалось в год «по 60-ти половинок, из коих каждая длиною до 40, шириною в 3 аршина». За каждый из таких рулонов при продаже могли давать «от 24 рубли». Всего на предприятии выпускалось «крашенного сукна, красного и синего ниских сортов». Рулон, произведенный на мануфактуре купца Щурова, стоил от двадцати четырех рублей[1246]. Таким образом, в качестве хозяйственной основой сословного статуса горожанина были обозначены торги и промыслы, а также право ими заниматься.

Готовясь к созданию Московской губернии, необходимо было перевести в городское состояние часть населения как «новоучреждаемых», так и «старых» городов. Главным образом это относилось к новым уездным центрам, жители которых до того к городскому сословию никакого отношения не имели, но должны были им стать исходя из своего нового официального статуса.

[1244] *Водарский Я.Е.* Зарайск: тайна рождения ... С. 208; Он же Проблемы сущности, времени и места основания русских городов ... С. 43.

[1245] Там же. Д. 580. Л. 45.

[1246] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 580. Л. 45об.

Общая сумма объявленного по всем данным поселениям купеческого капитала составила 210 632 руб.[1247] Незначительное число жителей со статусом городского состояния в Богородске говорит о том, что процесс перехода в городские сословия по «вновьучрежденным» городам и близким им поселениям еще не закончился.

По характеру присвоенного ему поселенческого статуса Сергиев Посад выступал (выражаясь словами Н.А. Четыриной, которая долго и целенаправленно занималась темой посадов) мог быть отнесен к группе «поселение городского типа»[1248]. Не удивительно, что его жители на 75% по собственному желанию получили статус мещан и купцов. В промышленном селе Покровском этот показатель тоже ожидался высоким, так как 306 бывших крестьян приняли статус городского состояния. Это было почти столько же, сколько в Подольске, и в два раза больше, чем в Никитске.

Показательно, что в записке главнокомандующего все четыре типа поселения («старый» город, «вновьучрежденный» город, посад и ставшее, по сути, посадом нечастновладельческое село) обозначены как «новые города»[1249]. Показательно, что они они воспринимались одинаково и равноценно, хотя официально относились к разным типам поселений, в том числе и тем, кто по правилом данного исторического времени не мог именоваться городом

Подготовка необходимой административной инфраструктуры в Москве

Для размещения присутствий во многих древних городах России был избран кремль (Зарайск, Великий Новгород и др.). Это согласовывалось с

[1247] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 575, ч. I. Л. 37 об.

[1248] *Четырина Н.А.* Посад как тип поселения XVIII – первой половины XIX в. (терминологические наблюдения) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1999. № 6. С. 26.

[1249] Там же. Л. 37–37 об.

пониманием крепости в качестве традиционного места пребывания власти и несло определенные удобства. Понятно, что аналогичный подход был продемонстрирован и в Москве.

Подготовленный губернским архитектором М.Ф. Казаковым проект возведения в Первопрестольной зданий присутствий был представлен императрице. В 1776 г. она утвердила планы и фасады сооружений и личным указом повелела приступить к их возведению[1250].

Ответственность за строительство в начале 1781 г. нес губернатор Архаров. Кроме того, стройка находилась под надзором главнокомандующего в Москве Долгорукова-Крымского[1251].

В 1776 – начале 1781 г. в Кремле шло активное строительство. Судя по докладу Кремлевской экспедиции (вторая половина февраля 1781 г.), были осуществлены колоссальные работы, которые щедро финансировались: «отпускается в год сумма денег не малая». Из-за ее размера, а также большого числа задействованных специалистов («разные смотрители, архитекторы и каменной мастер»), подрядчиков и поставщиков даже возникла проблема хранения самого объема присылавшихся из Петербурга денег. На кремлевской стройке их просто было негде держать и некому защищать. Архаров писал: «…людей не имею, так же и места к хранению суммы»[1252]. В связи с этим губернатор специально просил императрицу разрешить ему «принимать и хранить» деньги в помещении Кремлевской экспедиции и отдавать их под надзор московских приставов[1253].

Масштабы строительства объясняются очень просто – М.Ф. Казаков возводил сооружение для органов управления городом, официально исполнявшим роль столицы империи. Поэтому здание должно было соответствовать этому высшему административному и городскому рангу. Императрица, согласная с такой постановкой вопроса, утвердила и проект

[1250] Там же. Л. 207.
[1251] Там же. Д. 574. Л. 67–67 об.
[1252] Там же. Д. 573. Л. 26 об.
[1253] Там же. Л. 26–26 об.

фасада, но вскоре кардинально изменила свое отношение к кремлевскому сооружению.

К 1781 г. здание в основном было готово, предстояла лишь внешняя и внутренняя отделка. Присутствия уже «собирались заезжать» в подготовленное для них помпезное сооружение, но Екатерина II решила забрать его у властей Москвы и Московской губернии. Своим личным указом в тот же год она передала кремлевские присутствия высшему общеимперскому органу власти – Сенату[1254]. Это здание существует и сегодня. Более того, помещения и интерьеры, приготовленные для органов Московской губернии, в наши дни хорошо известны во всем мире – в них располагается рабочая резиденция Президента Российской Федерации. На экранах телевизоров часто появляется круглый зал (Екатерининский, Свердловский), где проходят официальные части заседаний и международных встреч, хотя изначально она готовилась как место для собраний дворянского общества Московской губернии.

Почему же императрица поступила именно так? Во-первых, Москва оценивалась как столица. Собственно, это было одновременно и причиной, и следствием появления в ней Сената. Подобное заведение должно было располагаться в соответствующем его статусу доме. Кремлевское сооружение Казакова, возводившееся в качестве статусного здания столичного города, подходило как нельзя лучше. Во-вторых, в распоряжении властей Первопрестольной (как увидим далее) не имелось хоть сколь-нибудь не только подходящего, но даже приличного сооружения, в котором мог расположиться имперский Сенат. А на новую стройку ни в городе, ни в России, которая вела тогда изнурительные войны по нескольким направлениям, денег просто не было.

Вместе с Сенатом в кремлевское строение Казакова были переведены «государственные казначейства и архив»[1255]. А в начале XIX в. здесь уже

[1254] Там же. Д. 576. Л. 208, 213.
[1255] Там же.

работали: Кремлевская экспедиция, Межевая канцелярия, Статное и Остаточное казначейства, Государственный и Вотчинный архивы, Провиантское депо и Аудиторское отделение[1256].

Взаимосвязь проекта присутственных мест Московской губернии и рабочих помещений главы России мало известна специалистам по истории города[1257]. Исследовавшая архитектуру екатерининской Москвы Н.А. Евсина трактует образ московского Сената тоже исключительно из желания великого архитектора возвести «российский “храм закона” в духе просветительных идеалов времени»[1258]. История с московскими присутствиями сегодня уже забыта полностью.

В середине февраля 1781 г. московские власти получили приказ провести полную и подробнейшую ревизию строившихся в Кремле зданий присутственных мест[1259]. С того момента все строительство передавалось «от Экспедиции строения кремлевского дворца» в ведение московского губернатора Архарова[1260].

В феврале 1782 г. непосредственно процессом возведения Сената руководили 14 человек («бывшия при сем же строении чины»). В их число входил статский советник Борисов, «надзиравший» над стройкой. Он же должен был отвечать за «ведения щетов» при получении и распределении денег. Чиновник имел свой делопроизводственный аппарат, в котором «состояло пристойное число канцелярских служителей»[1261]. При нем находился и архитектор Казаков. За работы в Кремле и возведение путевого Петровского дворца он получал в год жалованье «600 рублев»[1262]. При архитекторе состояли «прапорщик Константин Поливанов и Иван Еготов»

[1256] *Малиновский А.Ф.* Указ. соч. С. 83.

[1257] Там же; *Кондратьев И.К.* Седая старина Москвы: исторический обзор и полный указатель ее достопамятностей. М., 1996. С. 137–138.

[1258] *Евсина Н.А.* Указ. соч. С. 64.

[1259] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 573. Л. 29–29 об.

[1260] Там же. Л. 29 об.

[1261] Там же. Л. 27–28.

[1262] Там же.

(250 и 200 руб. соответственно)[1263], а также ученики Иван и Александр Пенчи (62 и 48 руб.) и «помощники по договору» Иван Ясныгин и Петр Поливанов (250 и 144 руб.)[1264].

Кроме них ведущую позицию на стройке занимал каменный мастер итальянец Антон Ламони, получавший в год, как и архитектор, 600 руб. При нем работал каменщик с помесячной оплатой в 10 руб. За прием материалов отвечал отставной подпоручик Никита Иваков, получавший в год 126 руб. 38 коп. Там находились еще три прапорщика (по-видимому, надзиравшие за работами) Василей Сивков (126 руб. 38 коп.), Сергей Бибилюров (126 руб. 38 коп.) и Иван Козлов (126 руб. 38 коп.)[1265]. Общий размер годовых жалований «чинов» кремлевской стройки (за исключением статского советника господина Борисова) составлял 2 779 руб. 52 коп.[1266]

Несмотря на солидное финансирование, его не хватало. В условиях роста цен на строительные материалы смета постоянно увеличивалась. Согласно составленному в середине февраля 1781 г. отчету («Примечание по строению в кремле корпусов для помещения присутственных мест») стоимость кирпича (за 1 тыс. штук) выросла с 5 руб. до 6 руб. 25 коп. Учитывая масштабы здания, эта разница приводила к внушительному удорожанию.

Для преодоления дефицита предложили сэкономить на всем наружном декоре: «базы, капители, карнизы, и прочие». По утвержденной смете их должны были сделать из «хорошевскаго камня, но по причине возвышающейся на оно камень и из него работу … цен» постановили выполнить узорочье из более дешевого – «мячковскаго или пахорскаго»[1267].

Таким же образом снизили стоимость оформления самого дорогого помещения – «большого зала для собрания дворянства». Впрочем, такое стремление могло закончиться трагедией, ведь проектируемые восемь

[1263] Там же. Л. 27–27 об.
[1264] Там же.
[1265] Там же. Л. 27 об.
[1266] Там же. Л. 28.
[1267] Там же. Л. 30.

колонн («для поддерживания свода и каменных брантмауров») хотели сделать из «мячковского или пахорского камня». Для безопасности конструкции (которая, естественно, нарушалась) намеревались «свод и стропила под железную крышку зделать деревянные или и совсем внутри колонов не делать, а зделать прямо с стен деревянной купол»[1268].

В 1782 г. возведение административных зданий в Кремле шло полным ходом[1269]. Видимо, властям необходимо было закончить их к «открытию» губернии. С одной стороны, это соответствовало статусу города, принимавшего у себя столичные структуры, с другой – позволяло разгрузить местные губернские ведомства от обширных архивных хранений, доставшихся им в наследство от упраздненных коллегий.

В середине года по смете, «учиненной архитектором Казаковым», было первоначально отпущено 653 545 руб. 73 ½ коп. К январю 1786 г. сумму «получили всю сполна». Здание уже было «в черне отделано и железом покрыто, на что из вышепоказанной суммы употреблено по ныне 624 471 руб. 82 ¾ коп.»[1270].

После передачи здания государственным органам было высочайше предписано: осуществить «в сем строении перемены в рассуждении назначиваемого помещения в нем Правительствующего Сената, государственных казначейств и Государственного архива»[1271]. Однако на это потребовалось еще до 54 250 руб. В частности требовалось установить для перевозимого архива нужное число «шкапов со стеклами и занавесками». За эту работу, а также покраску шкафов с документами и закупку для них замков ушло сверх сметы 32 тыс. руб.[1272]

В отправленной императрице 28 января 1782 г. составленной Казаковым подробной росписи сверхплановых расходов («Примерная смета на докончание построению в кремле корпуса для присутственных мест

[1268] Там же. Л. 30–30 об.
[1269] Там же. Д. 575, ч. I. Л. 67.
[1270] Там же. Д. 576. Л. 207.
[1271] Там же. Л. 213.
[1272] Там же. Л. 210.

сколько вдобавок к прежде учиненной генеральной смете к имеющимся налицо материалам заготовить надлежит и как на заготовление оных так и на наем работных людей потребно суммы, о том значит ниже сего») сообщалось, что на «докончание строения» требовалось еще 105 850 руб. 19 ¼ коп.[1273]

Кремлевские здания, спроектированные для присутственных мест Москвы и Московской губернии, а затем переданные общеимперским органам власти, должны были окончательно «отделать» к концу 1790 г. Таким образом, весь процесс создания сооружений занял не менее 14 лет[1274] и потребовал на их ежегодное «поддержание» (по ценам весны 1790 г.) еще по 5 тыс. руб.[1275]

15 декабря 1786 г.[1276] главнокомандующий Москвы П.Д. Еропкин получил распоряжение: «Межевую канцелярию с Чертежной и Архивной из ветхого дому ее перевести в другой»[1277]. Решить такую простую, на первый взгляд, задачу оказалось весьма затруднительно: для архивохранилища в городе попросту не было подходящего сооружения. Главнокомандующий предположил использовать для этой цели «новый каменный дом» – отобранные у него Сенатом бывшие присутственные места в Кремле. Тем более что здесь по приказанию 5-го департамента Сената было подготовлено «довольное число уже покоев и шкафов», необходимых для размещения дел «государственного московского архива». До этого он занимал помещение в Потешном дворце Кремля, но резко возросшее после ликвидации коллегий число поступавших «старых дел» требовало нового размещения[1278].

[1273] Там же. Л. 207 об., 209.
[1274] Там же. Д. 582, ч. I. Л. 33.
[1275] Там же. Л. 33 об.
[1276] Там же. Д. 578, ч. II. Л. 118.
[1277] Там же. Л. 63.
[1278] Там же. Л. 85.

Весной 1787 г. главнокомандующий приказал «изготовить дополнительное число шкафов». В итоге обеим организациям предстояло занять общую площадь[1279]. Императрица одобрила это решение[1280].

Еропкин торопил чиновников и архивариусов с переездом: освобожденные площади можно было удачно применить для устройства других служб, которые тоже испытывали острую нехватку помещений, пусть даже и не вполне пригодных.

9 марта на запрос главы города о сроках сдачи здания архитектор Казаков ответил, что переезд может осуществиться не ранее чем через год, так как «полы не выстланы»[1281]. Однако проблема с перемещением и устройством различных казенных структур обострилась так, что чиновники стали искать скорое решение. Выход увидели в упрощении работ, за счет чего становилось возможным сокращение сроков сдачи строений. В итоге полы были покрыты обычною «кирпичною плиткою» вместо «мячковской лещанки», как планировали по смете.

О важности быстрого переезда говорит тот факт, что решение о нем (за счет упрощения внутренней отделки) приняла… лично Екатерина II![1282] В результате помещение для архива было готово, по-видимому, уже в августе – сентябре того же года. Об этом свидетельствует отправленное императрице 9 августа письмо наместника, где сообщалось, что он известил директора архива Матвея Васильевича Дмитриева-Мамонова о возможности предоставить «на распоряжение ево, когда и каким образом те вочтинныя дела из ветхого в сей новый дом перевесть и расположить»[1283].

Особое место в административной структуре Москвы (как второй столицы) занимал вопрос наличия здесь императорских резиденций. Для современников Екатерины II понятия «столица» и «резиденция императора» были тесно связаны. По сути, «столичный город» приобретал свое

[1279] Там же. Л. 118.
[1280] Там же. Л. 147.
[1281] Там же. Л. 63.
[1282] Там же. Л. 147.
[1283] Там же. Л. 193.

наименование, являясь постоянной резиденцией «Помазанника Божия». В результате исполнения Москвой столичных функций на территории города и его предместий возникло несколько императорских резиденций. Для управления дворцовым хозяйством в Первопрестольной функционировала особая служба – Кремлевская экспедиция, которой в это время руководил Михаил Михайлович Измайлов[1284]. На конец эпохи Екатерины II в ведении экспедиции находился пространный перечень сооружений, требовавших постоянного обслуживания.

В феврале 1788 г. на руках у Измайлова была «особая сумма», сохранявшаяся им от посягательств «других служб», в размере 9,5 тыс. руб. – «на починку и поправку старого кремлевского дворца»[1285].

Частью подготовки Москвы к «открытию» Московской губернии, стало строительство Казаковым путевого дворца, известного сегодня под именем Петровский замок – сооружение целенаправленно стремились закончить к торжествам по случаю открытия новой губернии. Впрочем, в то время какой-то особой роли он так и не сыграл. Ни в рамках административной реформы, ни как высочайшая резиденция. Императрица в нем практически не жила. Среди его наиболее знатных постояльцев в 1780-х годах были московский генерал-губернатор Я.А. Брюс, который так и не смог обзавестись собственной резиденцией[1286], а также император Франции Наполеон, сбежавший сюда от московского пожара в сентябре 1812 г. Готовясь к «открытию» губернии, главнокомандующий Москвы около 25 апреля 1782 г. составил список первоочередных дел с указанием степени их выполнения[1287]. Особым пунктом в нем стоял вопрос именно о возведении путевого дворца императрицы. Судя по документам, его «открытие» должно было стать составной частью предстоявших торжеств. Ожидалось, что «к концу цоколь приведен будет в июне», а за лето 1782 г. сооружение вырастет

[1284] Там же. Д. 578, ч. IV. Л. 67.
[1285] Там же.
[1286] Там же. Д. 582, ч. II. Л. 193.
[1287] Там же. Д. 575, ч. I. Л. 35–38.

«до полутора этажей». С этой целью заготовили до 60 млн кирпичей и выделили деньги на работы. В том числе и на жалованье «архитектора с помощниками и каменного мастера при строении в Кремле присутственных мест и до окончании подъездного близ Москвы дворца» (до 5 тыс. руб.)[1288].

В феврале 1788 г. Кремлевская экспедиция вела работы на двух «объектах»: в Екатерининском (еще известном как Головинский) дворце в Заяузье, где возводились «пристройки и внутренних во оном дворце отделки», и в селе Царицыне. Для создания здесь новой резиденции Измайлов получил 30 тыс. руб. К 21 февраля он уже «подрядил» материалы и назначил «работных людей», выдав им задаток[1289].

Учреждение в Москве генерал-губернаторства во главе с главнокомандующим, стоявшим во главе столичного города, требовало возведения для него собственной резиденции, соответствующей столь высокому рангу. Кроме того, необходимо было представить квартиры для высших членов управления краем (губернатора, вицегубернатора и др.).

В провинциальных регионах и городах Центральной России с решением такой задачи неизменно возникали проблемы. Как оказалось, не обошли они и куда более богатый столичный и торговый город – Москву. Так, «открывший» губернию Чернышев не обзавелся предписанной ему официальной резиденцией и жил в собственном доме[1290]. Правда, тот оказался столь значительным, что после смерти главнокомандующего возникли сомнения, что «таковое обширное здание желающих купить никого конечно ни сыщется»[1291]. Первоначально оно оценивалось («со всем наполнением») до 160 тыс. руб.[1292], но, согласно сделанному ранее

[1288] Там же. Л. 38.

[1289] Там же. Д. 578, ч. IV. Л. 66 об.

[1290] *Гарнюк С.Д., Кузовлева О.В., Шаханов А.Н.* Резиденция московских властей: Тверская, 13. М., 1996. С. 8.

[1291] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 576. Л. 10 об.

[1292] Там же. Л. 11–11 об.

признанию Чернышева, только «один дом без всякого убранства стоил 218 000» руб.[1293]

Лишь в январе 1785 г. императрица «объявила», что «жалует» на резиденцию для генерал-губернатора[1294] дом бывшего «главнокомандующего столичного города» Чернышева. Впрочем, как впоследствии выяснилось, его наследники оставили в доме не все, что указали в описи и за что получили деньги («и что несходственного противу данной от наследников описи оказалось, то от казенной палаты будет генерал-прокурору рапортом донесено»)[1295]. В перестроенном виде это здание и сегодня выполняет прежние административные функции – в нем находится мэрия Москвы[1296].

13 января 1785 г. Брюс писал императрице, что перебрался в один из флигелей постоянной резиденции московских генерал-губернаторов (главнокомандующих). Кроме того, в доме велись «малые переправки» и «нагрение покоев»[1297].

Устроение резиденции главнокомандующего затягивалось. В начале октября 1790 г. за счет казны в здании все еще требовалось «исправить все имеющиеся ветхости»[1298]. Общая стоимость ремонта, а также приобретенных для него вещей составила на 1 октября 2 662 руб. 28 ½ коп.[1299]

Летом 1791 г. в доме на Тверской по-прежнему шел ремонт, в ходе которого разобрали кровлю и некоторые стены. Летом в некоторых частях здания еще можно было находиться, но с наступлением холодов это стало «никак невозможно». Поэтому в августе главнокомандующий с разрешения императрицы перебрался жить в Петровский дворец[1300]. Еще весной началась

[1293] Там же. Л. 15 об.
[1294] Там же. Л. 123 об.
[1295] Там же. Л. 123 об.–124.
[1296] Гарнюк С.Д., Кузовлева О.В., Шаханов А.Н. Указ. соч. С. 60.
[1297] Там же. Л. 123 об.–124.
[1298] Там же. Д. 582, ч. I. Л. 125.
[1299] Там же. Л. 126.
[1300] Там же. Ч. II. Л. 193.

подготовка к «устроению» напротив резиденции площади, на что планировали истратить 40 тыс. руб.[1301]

В 1785 г. правительство покупает под резиденцию московского губернатора дом «каменной в недавнее отделанной генерал майором князем Павлом Сергеевичем Гагариным, ценою и с пошлинами 25 000 руб. со всем убранством внутренним». Известно, что дом «осматривал» и сам губернатор, должность которого в тот год исполнял Петр Васильевич Лопухин, который, по-видимому, и принял решение обратиться с просьбой о выделение денег на покупку к императрице[1302].

Главнокомандующий Брюс согласился на покупку в первую очередь потому, что по его словам у прежнего хозяина «нет возможности дому приличного приискать», а также уважая его расстроенные дела. Однако в личном письме секретарю Екатерины II Безбородко он просил, чтобы деньги за дом Гагарину «были выданы ассигнациями». Сам глава города объяснял это заботой о князе, который «променою на оныя он много потеряет»[1303].

В феврале 1788 г. власти собираются приобрести еще одно казенное жилье, теперь уже для вице-губернатора [1304]. Правда, сведений о том, была ли совершена эта покупка нет. Впрочем, т.к. сама запись находится среди пометок, которые требовали высочайшего утверждения, можно говорит о том, что сделка эта в скором времени все же состоялась.

Открытие присутственных мест в Москве

Работа по созданию присутственных мест в еще не учрежденных административных образованиях началась сразу же, как только было объявлено о проведении губернской реформы.

[1301] Там же. Л. 113.
[1302] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 576. Л. 25.
[1303] Там же. Л. 27.
[1304] Там же. Д. 578, ч. III. Л. 28.

Указ «Учреждения для управления губерний…» вышел 7 ноября 1775 г.[1305], а уже 15 февраля следующего года главнокомандующий Москвы Измайлов отчитался перед Екатериной II о составлении планов помещений для новых органов власти на местах. Проект создавался не на пустом месте. За основу сановник взял уже отработанный на практике «генеральной план… от господина находящегося за наместника тверского Сиверса, о принадлежащих для всякого присутственного места покоях»[1306]. Выбор образца вполне закономерен. Сиверс зарекомендовал себя не только как талантливый организатор, осуществивший административно-территориальные преобразования Новгородской губернии, но и начавший эту работу с нуля. Он представил собственные проекты решения насущных задач[1307] и изыскал столь удачные формы их реализации, что они были распространены на всю страну[1308].

Императрица лично прислала образцовый план присутственных мест[1309]. Понимая масштабы будущих административных сооружений, государыня и ее высшие администраторы пытались за счет использования типовых проектов добиться упрощения их возведения за меньший срок и меньшие деньги. На основании полученных чертежей Измайлов создал два образцовых плана присутственных мест.

Первый стал точной копией доставленного образца, но с внесенными улучшениями. Так, добавили небольшой коридор, который можно было использовать для истопников, дабы те не входили непосредственно в рабочие помещения чиновников. «Оной коридор» должен был «служить генеральною во все места присутственные коммуникациею», а также использоваться «для твердости оннаго строения». Дело в том, что присланный из Твери проект здания не удовлетворял потребности в помещениях присутственных мест Москвы и губернии. В итоге строение пришлось делать не двухэтажным, как

[1305] ПСЗ-I. Т. XX. № 14392. С. 229–304.
[1306] ПСЗ-I. Т. XX. № 14392. С. 229–304.
[1307] *Истомина Э.Г.* Границы, население, города Новгородской губернии ... С. 24–26.
[1308] Там же. С. 31.
[1309] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 572. Л. 7.

рекомендовала Екатерина II, а «поместить по числу присутственных покоев инако не можно как в три этажа»[1310].

Второй план предлагал другое решение задачи: «Покои в две линии, а в средине коридор; по оному расположению помещены все присутственные покои в два этажа». На оба проекта шло одинаковое с образцовым планом «число» утвержденных императрицей материалов. Особо прорисовывались планы фасады будущего здания[1311], поскольку сооружение должно было стать лицом города, внешним проявлением его значения и признаком статуса Москвы как наместнического центра.

В первой половине феврале 1776 г. Измайлов отправил штатного губернского архитектора М.Ф. Казакова вместе с планами и макетами в Петербург, чтобы представить их с разъяснениями императрице. Причем еще 31 января она сама в письме просила прислать их «как можно скорее»[1312].

Впрочем, до момента появления новых масштабных административных сооружений, соответствовавших статусу столичного города Москвы и позволявших развернуть здесь обширный аппарат управления, старую и вновь создаваемую администрацию нужно было как-то расположить. Для этого власти использовали здания, находившиеся на тот момент в их ведении.

С начала 1781 г. главы Москвы и губернии активно искали выход из сложившегося положения. Согласно правилам проведения реформы города, здания присутствий требовалось строить целенаправленно под новые административные учреждения. Именно для них государство выделило особую «строительную сумму». Однако в связи с потерей в Кремле уже готовых присутственных мест рассчитывать на «повторение» столь же удобного и масштабного сооружения не приходилось. Тем более что «поджимали» сроки открытия губернии. Таким образом, необходимо было искать какие-то более или менее подходящие здания для их

[1310] Там же. Л. 7 об.
[1311] Там же. Л. 7 об.–8.
[1312] Там же. Л. 9.

переоборудования и перевода сюда «временных присутственных мест». К решению этой задачи в феврале 1781 г. приступили главнокомандующий и губернатор[1313].

В письме от 24 февраля Архаров известил Петербург, что под временные присутствия можно забрать помещения из числа принадлежавших ранее патриарху или его ведомству. Правда, сразу же оговорился, что такой вариант может оказаться неудобен, так как потребует вложения больших дополнительных средств («что ж принадлежит до отыскания патриарших домов, то сверх таво, что станет весьма дорого»). На другие свои предложения он тоже испрашивал разрешения и «подносил» смету работ «во што станет переделка»[1314].

В итоге внимание губернатора привлекли здания Придворной конторы[1315]. В документах сооружения значились как «Запасный дворец, что у Красных ворот»[1316]. Его использование предлагалось в качестве временной меры («на первой случай»). При положительном решении вопроса в распоряжении Архарова оказывался «каменной корпус»[1317], находившийся «поблизости» от дома московской полицмейстерской канцелярии[1318]. Придворную контору (в источнике ее так же называют Дворцовой канцелярией) предполагали «перевесть в Лафертовский дворец, что в Немецкой слободе»[1319] (ныне здание Российского государственного военно-исторического архива). Для размещения присутственных мест освободившийся каменный Запасный дворец у Красных воротах предполагали полностью перепланировать[1320]. По имеющимся архивным материалам не совсем понятно, в какой степени был реализован проект использования здания у Красных ворот. Скорее всего, его осуществили лишь

[1313] Там же. Д. 573. Л. 26.
[1314] Там же.
[1315] Там же.
[1316] Там же. Д. 574. Л. 126 об.
[1317] Там же. Д. 573. Л. 31.
[1318] Там же. Л. 31 об.
[1319] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 573. Л. 31 об.
[1320] Там же. Л. 31.

частично, так как дальнейших упоминаний о функционировании здесь крупных административных структур нет, между тем имеется описание проекта иного расположения московских присутствий.

5 сентября 1781 г. главнокомандующий в Москве отправил к императрице губернатора Архарова, с которым передал свои соображения о размещении органов Губернского управления и суда. В этот раз приняли решение о возможном использовании следующих зданий: «некоторых партикулярных людей»; монетный двор у Воскресенских ворот; Запасный дворец у Красных ворот; «строение у Варварских ворот стоящее», где размещались государственные коллегии[1321]. Впрочем, на тот момент это здание пребывало в большой ветхости и «по малому пространству» не удовлетворяло заявленным требованиям.

Первый вариант вскоре отпал – владельцы заявили на свои дома «такие дорогие цены», что власти были вынужден отказаться от их выкупа[1322], второй и третий – признали наиболее удобными. Вскоре был отдан приказ подготовить планы этих зданий, а также проекты их внутреннего переустройства под нужды присутствий.

Сам Долгоруков-Крымский полагал, что наиболее практичным будет использование для нужд местного управления помещения Монетного двора: «яко удобномогущей вместить все в высочайших учреждениях назначенные судилища. А хотя часть оннаго и занимается ныне государственными казначействами, но оные, будучи в особливом отделении, могут без утеснения там оставаться»[1323]. Впоследствии рядом станет работать основная часть органов управления. На этом месте возведут здание Московской городской думы (позже – Центральный музей В.И. Ленина; ныне – одно из зданий Государственного Исторического музея).

В случае нехватки помещений предлагалось расположить часть учреждений «в бывшем патриаршем дворе близ расположенной во оном

[1321] Там же. Д. 574. Л. 126 об.
[1322] Там же. Л. 127.
[1323] Там же.

коллегий экономии или в праздном теперь казенном оберкомендантском доме»[1324].

В первой половине марта 1782 г. в Москве активно велись работы для «исправления и отделки домов для помещения присутственных мест»[1325] разных уровней, которые размещались в разных частях города. Власти торопились. Необходимо было как можно быстрее устроить их в городе, так как «открытие» Московской губернии затягивалось. Как только в апреле прекратились морозы и, как писал главнокомандующий, «началась весенняя погода», рабочие сразу «приступили уже к отделке домов для будущих присутственных мест»[1326].

Пользуясь летним периодом 1782 г., главы губернии активизировали работы на всех знаковых стройках Москвы. Кроме того, приводили в порядок сам город и, «не пропуская удобного времени», начали ремонт стен Китай-города[1327]. Находясь без дела, они давно разрушались, придавая центру города неряшливый вид[1328].

Активное обустройство присутственных мест шло в первую очередь у Воскресенских ворот[1329], где окончательно решили расположить основные присутствия. Одновременно ускоренными темпами завершалось строительство здания Сената в Кремле[1330].

Несмотря на эти усилия зданий катастрофически не хватало. В начале февраля 1788 г. московские губернские органы управления и суда так и не получили необходимого для исполнения их обязанностей помещения. Присутственные места продолжали ютиться в выделенных прежде и по случаю домах, которые все, без исключения, являлись «недостаточными» по своей площади и аварийными по техническому состоянию.

[1324] Там же.
[1325] Там же. Д. 575, ч. I. Л. 13.
[1326] Там же. Л. 25.
[1327] Там же. Л. 67.
[1328] Там же. Л. 67 об.
[1329] Там же. Л. 67.
[1330] Там же.

Когда в 1787 г. подняли вопрос о выделении дома для вице-губернатора, подходящего сооружения найти так и не смогли. Все имевшиеся здания оказались «ветхи», а их «возобновление» требовало «не малых денежных сумм». Кроме того, ни одно из административных сооружений не могло быть изъято из работы присутствий, испытывавших острый дефицит в помещениях.

Всего в распоряжении губернских органов власти в 1788 г. было 10 зданий, каждому из которых требовался незамедлительный ремонт[1331].

Летом 1788 г. некоторые ведомства общегосударственного характера покинули занимаемые ими помещения и перебрались в новые кремлевские корпуса[1332]. Скорее всего, туда на первых порах перевозили только архивы. До 14 августа освободился дом у Варварских ворот, в который намеревались перевести Главное народное училище[1333]. После ревизии выяснилось, что состояние выбранного здания (как и прочих) удручающее. Еропкин писал императрице 14 августа: «Все они, особливо помянутые два (бывшее здание Сената и Межевая канцелярия. – А.Б.) ветхи и без починки не способны к занятию, а починка дороже придет, нежели чего они стоят». В итоге было решено продать здания с публичного торга, а вырученные деньги «отправить в то место, куда благо угодно быть может»[1334]. Судя по всему, власти оказались правы. Так, на ремонт старого Сената в Немецкой слободе требовалось 18 382 руб. 60 коп.[1335] В начале января 1790 г. при продаже его с аукциона было выручено всего 8 380 руб.[1336]

Источники финансирования: «особая ежегодная строительная 20-тысячная сумма». В Московской губернии на возведение инфраструктурных сооружений выделили «особую», «отпускаемую ежегодно строительную

[1331] Там же. Л. 64.
[1332] Там же. Л. 178.
[1333] Там же. Л. 153–153 об.
[1334] Там же. Л. 154.
[1335] Там же. Л. 64.
[1336] Там же. Л. 3 об.

сумму в 20 000 руб.»[1337]. Однако она была смехотворной даже для переустройства «столичной» Москвы, не говоря уже об уездных городах губернии, нуждавшихся в собственных административных и иных казенных зданиях. Об этом обстоятельстве писал в Петербург главнокомандующий города Еропкин[1338].

В качестве источника финансирования затратных строительных проектов рассматривалась продажа непригодной для использования казенной недвижимости. В 1788–1789 гг. в продажу поступила вся объявленная неподлежащая ремонту казенная недвижимость. Решили продать даже старый Гостиный двор, о чем летом 1789 г.[1339] вышел именной указ Екатерины II. Из вырученной суммы выделялось 10 тыс. руб., которые власти имели право «употребить» на ремонт или покупку новых казенных зданий[1340].

Готовясь к открытию губернии, главнокомандующий Москвы составил в апреле 1782 г. «список первоочередных дел и степени их выполнения»[1341]. Особым пунктом стал вопрос о создании в будущих уездных центрах присутственных мест. Тема была важна и потому «располагалась» в одном ряду с возведением здания Сената в Кремле и дворца императрицы (Петровского замка) близ Ходынского поля[1342].

Трудности, связанные с поиском и строительством домов под присутствия, испытывала не только Москва. Например, в Коломне, одном из наиболее значительных городов края, по словам знатока этой темы Е.Л. Ломако, «проблема достойной организации присутственных мест оставалась весьма острой в течение продолжительного времени»[1343]. Имевшуюся в распоряжении властей бывшую воеводскую канцелярию еще в 1773 г.

[1337] Там же. Ч. II. Л. 2 об., 184 об.
[1338] Там же. Л. 2 об.
[1339] Там же. Л. 61.
[1340] Там же. Л. 100.
[1341] Там же. Ч. I. Л. 35–38.
[1342] Там же. Л. 35 об.
[1343] *Ломако Е.Л.* Русский провинциальный город екатерининской эпохи: Коломна второй половины XVIII века. М., 2013. С. 208.

признали ветхой. В «доношении» московскому губернатору сообщалось, что заниматься здесь делами невозможно ни летом, ни зимой, а воевода с 1765 г. вынужден был снимать дом у купца Мещанинова. При этом власти задолжали хозяину за аренду без малого 1 тыс. руб., и купец требовал освободить помещение. В подтверждение своих прав он преднамеренно занял часть дома под ткацкую фабрику[1344]. Власти намеревались построить специальное здание на том месте, где ранее стоял Государев двор, но от этого плана пришлось отказаться. Лишь в 1780 г. в преддверии подготовки к «открытию» губернии для размещения присутственных мест был куплен уже выстроенный дом – двухэтажный, кирпичный, на ул. Астраханской[1345]. Произошло это, видимо, благодаря специальному выделению средств из «строительной суммы». В новоприобретенном здании разместился целый ряд служб: Уездный суд, Дворянская опека, Нижний земский суд, Городническое управление, Уездное казначейство, Городовой магистрат, Словесный и Сиротский суды[1346].

Таким образом, если бы не административная реформа и реформа города, для осуществления которой и была выделена особая «строительная сумма», даже в богатой и населенной Коломне местная администрация еще не скоро получила бы помещения для собственного размещения. Что же говорить о значительно меньших (как по размеру, так и по возможностям) городах губернии?

Благодаря «строительной сумме» уже в первой половине марта 1782 г. в четырех будущих уездных городах – Дмитрове, Звенигороде, Рузе и Воскресенске – велись «исправления и отделки домов для помещения присутственных мест»[1347]. В тех же целях в Клину, Волоколамске, Можайске, Бронницах, Никитске, Богородске и «Подоле» (Подольске) во второй половине апреля началось строительство «новых деревянных домов» (либо

[1344] Там же.
[1345] Там же.
[1346] Там же.
[1347] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 575, ч. I. Л. 13.

на их возведение были отданы подряды). А в Серпухове и Коломне специально приобрели (и незамедлительно начали готовить к размещению присутствий) каменные здания – соответственно у Кишкиных и Попова[1348].

Единственным уездным городом, который не располагал сооружением для размещения учреждаемых в нем органов, являлась Верея. Она только-только стала 15-м уездным центром. Впрочем, московские власти и здесь присмотрели какое-то «строение, которое перестроить можно», и ожидали указа «о назначении онаго уезда»[1349], чтобы приступить к работам по переоборудованию помещений по образцу других уездных присутствий.

Во всех «старых» городах края (в том числе и в губернской и столичной Москве) казенные сооружения возводили редко. Объяснялось это большим числом «древних казенных строений в самом городе». Единственным исключением оставался ямской Клин[1350], где зданий не хватало.

На завершающем этапе подготовки к «открытию» Московской губернии (как и в других регионах) формировались списки будущих чиновников и судей, которые должны были занять места в присутствиях. По завершении этой работы бумаги оправлялись на утверждение императрице[1351].

Спустя небольшой срок после «открытия» Московской губернии, несмотря на реляции властей о скором решении задач «с помещениями для присутствий», к ним спешно пришлось вернуться. В «новоучрежденных» городах все административные здания строили на скорую руку и только из дерева. В итоге всего за девять лет «присутственные места почти совсем изветшали, и едва с немалыми и частыми на исправление издержками от разрушения поддерживались»[1352].

[1348] Там же. Л. 36.
[1349] Там же.
[1350] Там же. Д. 582, ч. II. Л. 206 об.
[1351] Там же. Д. 575, ч. I. Л. 35 об.
[1352] Там же. Д. 582, ч. II. Л. 206 об.–207.

К концу XVIII в. присутственные места были устроены во всех уездных центрах. Однако «большей частию» они оказывались откровенно «ветхими» сооружениями. В городах же Рузе и Дмитрове, как писал в 1800 г. в отчете московский гражданский губернатор П.Я. Аршеневский, они «едва стоят на подпорках и требуют неукоснительной починки и перестройки»[1353].

Очевидной стала необходимость строить сооружения только из кирпича и камня. Там же, где это было еще возможно, требовалось в кратчайшие сроки провести ремонтные работы. Однако сделать это власти уже не могли – все, чем они располагали, сводилось к небольшой «строевой сумме». Если она и выдавалась (часто с перерывами), то средства, наверняка, не доходили до уездов, так как расходовались на нужды Москвы. Впрочем, и здесь их не хватало даже на решение острейших общегосударственных нужд, например, на поддержание мостов и переправ, не говоря уже о намеченной реконструкции города.

Причина такого положения дел, по представлению наместника А.А. Прозоровского (составленного скорее всего в 1791 г.), заключалась в том, что Москва и Московская губерния не шли ни в какие сравнения с другими регионами Центральной России. «В сем случае в равенство с прочими поставить, кажется не можно», – писал он государыне[1354]. Москва по своему масштабу и значению сильно выбивалась из общего ряда губернских центров, так как несла на себе дополнительно нагрузку «столичного города» и крупного межрегионального центра.

Исходя из возникавших в связи с этим проблем, Прозоровский считал неизбежным принять следующие решения. Во-первых, оставить ежегодную 20-тысячную сумму только для уездных городов губернии. Во-вторых, «на город Москву повелеть без недостаточную сумму отпускать особенно»[1355]. Только это помогло бы справиться с затратными проблемами «столичного города».

[1353] РГИА. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 6. Л. 149.
[1354] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 582, ч. II. Л. 207 об.
[1355] Там же.

Во всех новых городах[1356] «малой» Московской губернии во время реформы велось храмовое строительство. В Бронницах (бывшей слободе) каменный собор уже был. В Подольске его возвели на месте деревянной церкви ко дню торжественного открытия города 5 октября 1782 г., что уже само по себе показательно[1357].

В Воскресенске одновременно с получением им статуса города каменный храм не был открыт. Даже в начале XIX в. здесь функционировала единственная деревянная церковь – Вознесения, с двумя пределами[1358]. Однако каменный собор здесь все же построили, хотя и с опозданием[1359]. Причина «заминки» – в положении «новоучрежденного» (следовательно, слабого) города. Он был основан в непосредственной близости с мощной православной обителью – Новоиерусалимским монастырем, который «окормлял православных» далеко за пределами своей округи. Таким образом, Воскресенск не испытывал необходимости в собственном соборе, хотя обязан был иметь его по статусу.

На этапе завершения реформы в первой трети XIX в. органы местного административного управления занимали в Москве два здания, примыкавших с противоположных сторон к Воскресенским воротам Китай-города. В первом корпусе, стоявшем дальше от Кремля, некогда находился Земский приказ. С 1696 г. здесь разместился Монетный двор. Впоследствии на этом месте будет выстроено новое, выполненное в псевдорусском стиле здание Московской городской думы. В начале XIX в. здесь функционировали: Губернское правление, Казенная палата, два департамента Уголовной палаты, два департамента Гражданской палаты, Совестный суд, Приказ общественного призрения, два департамента Уездного суда, Дворянская опека, три департамента Надворного суда и Земский суд[1360].

[1356] Бронницы, Воскресенск, Никитск и Подольск.
[1357] *Сун Э.Ф.* Древнее село Подол – Пехра тож: вехи тысячелетней истории. М., 2001. С. 12.
[1358] РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 755. Л. 1.
[1359] Там же. Д. 784. Л. 1.
[1360] *Малиновский А.Ф.* Указ. соч. С. 112.

По понятным причинам Управа благочиния (занимавшаяся в том числе вопросами обеспечения порядка) располагалась в этой группе городских учреждений «несколько особняком». В нее вел собственный вход с ул. Никольской (близ Казанского собора)[1361].

Второе административное здание занимало место между кремлевской стеной и Воскресенскими воротами. До наших дней оно не сохранилось. Сегодня здесь «обосновалось» главное здание Государственного Исторического музея. Прежнее сооружение представляло, по утверждению современника, «довольно красивое готической архитектуры здание с башенкой наверху». Прежде на том месте находились Аптекарский приказ и дворцовая аптека.

В 1775 г. здание передали под открытый в 1755 г. Московский университет, который, впрочем, вскоре «перебрался» на Моховую улицу. В 1799 г. Павел I учредил в Москве Ратгауз, и дом отдали московскому купеческому обществу. С того момента здесь заседали городская дума и работали магистратские департаменты. Обращенную к Красной площади часть здания заняло Депутатское собрание московского дворянства. Под его окнами в 1822 г. была выстроена гауптвахта[1362].

Функционирование присутствий в городах Московской губернии

Работа присутствий после «открытия» губернии. Московские учреждения пропускали через себя огромный поток дел. Причина этого (как определял ее главнокомандующий города) возникла из-за «здешнего многолюдства и разнообразности дел»[1363]. В итоге ведомства Москвы оказались буквально не в силах их переработать. Осталось не выполненным

[1361] Там же.
[1362] Там же.
[1363] РГАДА. Ф. 16.Оп. 1. Д. 575, ч. II. Л. 11–11 об.

даже высочайшее требование – полностью «разрешить» старые дела к «открытию» губернии.

Особой проблемой стали работа с подававшими прошения чужеземцами и делопроизводство на иностранных языках. О массовости данного явления говорит то, что его признала сама императрица, распорядившаяся выделять ежегодно по 1 тыс. руб. «на содержание переводчиков и толмачей иностранных языков для дел, кои часто случаются в Москве»[1364].

Пытаясь справиться с бумажной лавиной, обрушившейся на канцелярии, Чернышев уже после «открытия» губернии (январь 1783 г.) искал способы более рациональной организации самих органов власти. С этой целью он представил Екатерине II несколько соответствующих предложений.

Показательно, что, стремясь улучшить работу присутствий, наместник отказывался от простого увеличения числа подразделений или сотрудников: «Московской губернии штат с последующим потом прибавлением учрежден так, что в всех онаго частях соразмерное сущей надобности расположение присутственных мест до нынешнего времени не требует, кажется ни какой прибавки или умножения департаментов»[1365]. Чернышев видел необходимость «в при умножении» только «некоторых чинов и канцелярских служителей»[1366].

Наместник сообщил в Петербург, что в московский Нижний надворный суд идет такое «множество просителей… что при всем рвении канцелярских служителей, едва успевают они, и едва станет их на отправлении дел». В помощь делопроизводителям главнокомандующий предлагал прибавить двух канцеляристов и четырех копиистов[1367]. Также ему виделось важным

[1364] ПСЗ-I. Т. XXI. № 15403. С. 505.
[1365] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 575, ч. II. Л. 11.
[1366] Там же. Л. 11 об.
[1367] Там же. Л. 11 об.–12.

добавить в Магистрат «четырех ратманов с положенным по штату жалованьем по 100 рублей»[1368].

Кроме того, Чернышев предложил повысить жалованье чиновникам, но только задействованным в решении наиболее сложных задач. В суде Московского уезда, где зачастую рассматривались дела «столь хлопотные, что ни какого нет средства к скорому оных решению», он намеревался увеличить расходы «на содержание одного секретаря и канцелярских служителей» до 788 руб. в год[1369]. Л.Ф. Писарькова систематизировала и опубликовала размеры окладов чиновников Уездного суда на 1800 г.: осекретарь получал 200 руб. жалованья, 11 канцелярских служителей – 440 руб. на всех; общий расход – 640 руб.[1370] Дополнительно требовалось еще 128 руб. Таким образом, до ожидаемой суммы не хватает 20 руб. Получается, что императрица (в народном сознании прослывшая транжиркой) так и не увеличила оклада своих служащих или же он был сокращен Павлом I.

В течение года Чернышев ожидал ответа на свои предложения, но так его и не получил. Оп пытался действовать через Безбородко и 20 ноября 1783 г. послал ему обстоятельное объяснение по данному вопросу. Однако и на этот раз положительного решения не последовало.

В январе 1784 г. главнокомандующий осмелился повторно (через год) просить Екатерину II выделить 3 112 руб. на улучшение работы присутствий[1371]. По утверждению главы Москвы, все описанные им «трудности, обременяющие канцелярских служителей и от времени», не только сохранились, но и умножились, из-за чего за год возросло число нерассмотренных дел. Например, только в Нижнем надворном суде их оказалось 166[1372].

[1368] Там же. Л. 12.

[1369] Там же. Л. 13–14 об.

[1370] *Писарькова Л.Ф.* Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века ... С. 724.

[1371] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 575, ч. II. Л. 144.

[1372] Там же. Л. 145.

На этот раз императрица услышала своего сановника и уже в конце января 1784 г. повелела провести разделение Магистратов «обеих столиц» («в уважение на их обширность, многолюдство, торговлю и разные городские заведения») на четыре департамента. В первом сосредоточивались «все дела исполнительные и скорейшего решения требующие, городские доходы, заведения точно к городу принадлежащие, и кои наблюдению сего месту присвоены». Второй департамент ведал уголовными делами, третий получал «в свою ответственность» все векселя, счета и все прочие вопросы «тому подобные, где нужен краткий разбор», четвертый решал лишь «дела тяжебные». Однако в случае необходимости (и обязательно при наличии свободных работников) каждый из департаментов обязан был принимать к себе дела из другого подразделения Магистрата[1373].

В результате дробления штат служащих значительно расширился. Вместо существовавшего прежде неразделенного Городового магистрата (2 бургомистра и 4 ратмана)[1374] вводилась структура, состоявшая из четырех департаментов с аналогичным штатом служащих. Таким образом, суммарный размер жалованья сотрудников вырастал в три раза – с 640 до 1 920 руб., что закрепил указ от 7 марта 1784 г.[1375]

Исполнение императрицей просьб главнокомандующего в Москве не остановило его последователей, пытавшихся «продавить» новое расширение штатов и добиться увеличения ассигнований. Так, сменивший Чернышева Брюс тоже обращался в Петербург с предложением, практически аналогичным тому, что делал его предшественник. Необходимость дополнительных средств он объяснял тем, что чиновники просто физически не могли справиться с потоком дел, как правило, из-за многочисленности жителей вверенного ему края, а также исключительной роли Москвы, вынужденной решать дела «иногородних жителей».

[1373] ПСЗ-I. Т. XXII. № 15971. С. 16.

[1374] Размер годового жалованья бургомистра составлял 120 руб., ратмана – 100 руб. (ПСЗ-I. Т. XXII. № 15952. С. 69).

[1375] Там же. № 15953. С. 68–69.

Как и Чернышев, Брюс полагал чрезвычайно важным произвести усиление системы делопроизводства. Он писал императрице: «В Верхнем надворном суде во 2-м департаменте никак не могут преуспевать в письме крепостей на имение живущим здесь в большом числе посторонних губерний и от того бывает великая медленность и жалобы в остановке»; «в нижний надворный суд поступает равным образом большое число дел по тем же причинам, что здесь жительство имеют по службе торгам и промыслам весьма знатное число разных состояний людей, то необходимо… в 1-м того суда департаменте канцеляриста, подканцеляриста и двух капеистов, и во 2-й секретаря одного, подканцеляристов двух, капеистов четырех»[1376].

Были и принципиально новые предложения наместника. Так, он настаивал («нужнейшим почитаю») на учреждении при Губернском правлении собственной типографии. Это дало бы возможность не отвлекать приказных служителей постоянной «перепискою публичных указов во все подчиненные места, коих в губернии состоит 115», а также решить многие другие проблемы[1377]. На создание типографии главнокомандующий просил предоставить единовременно 2 тыс. руб. и ежегодно – по 1 тыс. руб.[1378] К моменту прихода Брюса на должность в 1784 г. только в одном Губернском правлении на 1 сентября 1784 г. скопилось 2 726 нерешенных дел[1379].

Екатерина II не стала повторно выделять значительные дополнительные средства – она делала это при Чернышеве, но результата, обещанного им, так и не увидела. Правда, императрица смягчила свой отказ тем, что увеличила содержание личной канцелярии главнокомандующего в Москве. Указом от 24 сентября в ее штат добавили двух секретарей – «одного для российской переписи по 450 руб. [годового оклада], другого для

[1376] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 576. Л. 108 об.
[1377] Там же.
[1378] Там же. Л. 110 об.
[1379] Там же. Д. 580. Л. 3 об.

дел служащих на иностранных языках по 600 руб.». Также «сверх прежнего» она ассигновала «на канцелярских служащих и на расходы» 930 руб. в год[1380].

Тем не менее, это не помогло справиться с ростом числа нерассмотренных дел. В итоге государыня согласилась-таки с предложением своего сановника. 7 октября 1785 г. вышел указ «О прибавке в Московской губернии в Нижнем надворном суде одного департамента; об определении в губернское правление секретаря и о заведении при оном правлении типографии». Теперь на «умножение канцелярских служителей» ежегодно выделялось 1 250 руб., еще 2 тыс. руб. передавалось единовременно на устройство в Москве типографии, с ежегодным ассигнованием на ее работу по 1 тыс. руб.[1381] Как видим, Екатерине II не удалась попытка проигнорировать просьбу ее генерал-губернаторов о расширении бюрократического аппарата на местах.

Впрочем, и вышеназванные вложения не дали желаемого результата. Более того, как следует из документов, присутствиям не хватало денег даже на самые необходимые расходы[1382].

«Заступивший на губернию» в 1790 г. Прозоровский обнаружил застой в движении дел в тех же структурах, на которые за восемь лет до него указывал Чернышев. 11 марта новый генерал-губернатор писал государыне: «По высочайше порученной мне… должности осматривал я здешние присутственные места. И как некоторые из оных а именно: и Верхнего надворного суда во 2-м департаменте тако ж в Нижнем во всех трех его департаментах, в Уездном суде и в Городовом магистрате найдено мною не малое количество не решенных дел… Прочие же присутственные места… сей губернии нашел я в изрядном порядке»[1383].

В 1791 г. Прозоровский, как прежде Чернышев и Брюс, начал просить Петербург о расширении штата, посвятив этому вопросу внушительный

[1380] ПСЗ-I. Т. XXII. № 16073. С. 221.
[1381] Там же. № 16272. С. 462.
[1382] Там же.
[1383] Там же. Ч. I. Л. 9–9 об.

рапорт. Он отмечал, что Москва (как более значимый, нежели любой другой губернский центр) уже по исключительности своего положения привлекала к себе «весьма превосходнейшее количество дел»[1384]. Особое давление испытывала московская Уголовная палата, «ибо кроме Верхнего земского суда и Расправы, и Губернского магистрата наиболее взносится на ревизию дел из Верхнего надворного суда, который по многочисленному стечению в московкую столицу разных обывателей не сравнено больше дел против равных ему инстанций имеет… Стат же канцелярских служителей не более как по другим наместничествам; то и не успевают оные исправлять дел, хотя бы по оным и даны были резолюции, от чего в решении дел медленность и остановка происходит»[1385].

Другой сверх меры перегруженной инстанцией генерал-губернатор считал московскую Управу благочиния, которая принимала и обрабатывала поток просьб «о построении домов и о пристройке, и переправках, по множеству которых и по обширности города»[1386]. Наместник, как и его предшественники, вновь просил императрицу увеличить расходы на аппарат чиновников.

Сохранился любопытный ответ Екатерины II на «репорт» Прозоровского. Характеризуя поочередно каждый из пунктов присланного ей письма, она… пропустила обе просьбы об увеличении штатов. В конце своего послания государыня оставила показательную приписку: «О прочих же представлениях ваших здесь не включенных, не оставим Мы объявить воли Нашей по прибытии в Москву, пребывая вам благосклонны»[1387].

Несмотря на дополнительные ассигнования, расширение штатов и «всевозможное старание», число нерешенных дел по-прежнему оставалось весьма значительным. В архиве за 1787 г. сохранились подробные отчеты об интенсивности и эффективности делопроизводства по учреждениям Москвы.

[1384] Там же. Ч. II. Л. 201.
[1385] Там же. Л. 201–201 об.
[1386] Там же. Л. 202–202 об.
[1387] Там же. Л. 220.

Анализ документов показал чрезвычайно большую продуктивность работы чиновников: нерешенными оставались не более 8% дел. Эта цифра должна быть больше, так как не приведены данные по вопросам, оставшимся от прошлых лет. Однако результат все же впечатляет, особенно если учесть трудности, о которых постоянно писали наместники. При рассмотрении этих обстоятельств становится очевидным, что чиновники целенаправленно стремились закрывать дела, что называется, «любой ценой». Тем более именно этот показатель был критерием, по которому власть оценивала качества труда судей, делопроизводителей и их начальников.

Доказательства подобного отношения содержатся в «Путешествии из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева. В главе «Зайцово» он приводит разговор со своим старым другом – это интересное свидетельство эпохи становления делопроизводства во «вновьучрежденных» городских присутствиях России: «В Зайцове на почтовом дворе нашел я давнишнего моего приятеля г. Крестьянкина... Душу он имел очень чувствительную и сердце человеколюбивое. …столь превосходные качества доставили ему место председателя уголовной палаты… “Я думал, мой друг, – говорил мне г. Крестьянкин, – что услаждающую рассудок и обильную найду жатву в исполнении моея должности. Но вместо того нашел я в оной желчь и терние. Теперь, наскучив оною, не в силах, будучи делать добро, оставил место истинному хищному зверю. В короткое время он заслужил похвалу скорым решением залежавшихся дел; а я прослыл копотким”»[1388]. Иными словами, чиновника обвиняли в излишней медлительности при вынесении решений и сдаче дел в архив.

Даже после «открытия» в 1782 г. присутственных мест по городам губернии наместник Чернышев продолжал инспектировать уездные центры и располагавшиеся в них учреждения. Известно, что в конце июня – первой половине июля 1783 г. он объехал с ревизией Воскресенск и Волоколамск. Все это время в губернии бушевало ненастье: «Непрестанно туман, дожди,

[1388] *Радищев А.Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. М., 1989. С. 83–85.

часто град, и громы бывают довольно сильны и грозы», из-за которых в нескольких деревнях сгорели дворы, а в Москве погибли три человека[1389].

Постоянные инспекционные поездки совершал и сменивший его Брюс, в частности, в августе 1785 г. он посетил Серпухов и Коломну[1390]. 1 сентября главнокомандующий вернулся в Москву и подготовил для императрицы отчет о состоянии городов «вверенной ему» губернии[1391].

Своей личной обязанностью считали инспекцию городов и присутственных мест главнокомандующие Еропкин и Прозоровский. Сановники проводили объезды, по сути, отстранив от этой обязанности находившегося у них в подчинении московского губернатора П.В. Лопухина.

Восстановим череду ревизий двух генерал-губернаторов по упоминаниям в материалах дел. 27 августа – 1 сентября 1787 г. Еропкин находился в отъезде «для обозрения городов: Никитска, Бронниц и Коломны»[1392]. Вернувшись, он вскоре (3 сентября) уехал для ревизии в Дмитров, Богородск и Сергиевск (так в отчете обозначен Сергиев Посад)[1393]. Закончив их осмотр, главнокомандующий сразу же отправился в Верею, Можайск, Рузу, Звенигород и Воскресенск. Итогом поездки, продлившейся до середины сентября[1394], стал подробный отчет о состоянии городов губернии[1395].

Прозоровский, став главнокомандующим в начале 1790 г., уже 17 августа отправился «для обозрения городов Московской губернии и всего до оннаго относящегося»[1396]. Во второй половине июня 1791 г. он объехал часть городов и вернулся в Москву 30 июня[1397]. 4 июля следующего года Прозоровский вновь выехал «для обозрения некоторых городов»[1398] и

[1389] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 575, ч. II. Л. 88–88 об.
[1390] Там же. Д. 576. Л. 148–148 об.
[1391] Там же. Л. 149–149 об.
[1392] Там же. Д. 578, ч. II. Л. 44, 46.
[1393] Там же. Л. 46.
[1394] Там же. Л. 49.
[1395] Там же. Л. 143–144 об.
[1396] Там же. Д. 582, ч. I. Л. 85.
[1397] Там же. Ч. II. Л. 38.
[1398] Там же. Д. 580. Л. 56 об.; Д. 582, ч. III. Л. 58.

Сергиева посада с лаврой[1399]. В конце августа и в первых числах сентября 1792 г. он уже осматривал Коломну, Серпухов и Бронницы[1400]. 4 июня 1793 г. вновь отбыл «для обозрения некоторой части губернии» и Сергиева посада с лаврой[1401]. 20 июня 1793 г. он выехал из Москвы для осмотра восточной части Московской губернии по дороге на Владимир. Затем, заехав в свои владимирские деревни, 30 июня вернулся в Москву[1402]. Повторно для «обозрения городов Московской губернии» главнокомандующий отправлялся в середине августа 1790 г.[1403], во второй половине мая 1791 г.[1404] и августа 1792 г.[1405]

Петербург тоже не обделил своим вниманием присутствия Московской губернии. Только за девять лет правления губернатора Лопухина на инспекцию «всех судебных мест» края императрица лично отправила по меньшей мере две сенаторских ревизии[1406].

Крупнейшей была ревизия графа Александра Воронцова и Алексея Нарышкина (август – сентябрь 1785 г.). По ее итогам составили два весьма разных отчета. Первый, по-видимому, преподнесенный главам края и столичного города, содержал лестную характеристику их трудов. Бóльшая часть работы присутственных мест «подверглась замечаниям», но все же была признана находившейся в основном «в совершенном порядке, приносящем честь правителю губернии»[1407].

Все свои наблюдения сенаторы сообщили императрице 4 сентября 1785 г.[1408] Правда, в этом втором своем отчете положение дел они представили совсем иначе. В частности ревизоры писали, что при осмотре острога Москвы они «заметили… как в делах, так и во всем, а особливо в содержании

[1399] Там же. Д. 582, ч. IV. Л. 44.
[1400] Там же. Ч. III. Л. 67.
[1401] Там же. Ч. IV. Л. 44.
[1402] Там же. Л. 48.
[1403] Там же. Д. 580. Л. 21.
[1404] Там же. Л. 29.
[1405] Там же. Л. 58–58 об.
[1406] Там же. Л. 3 об.
[1407] Там же. Д. 577. Л. 5 об.
[1408] Там же. Л. 6.

колодников, великое не устройство и беспорядок»[1409]. В чем причина двусмысленного результата ревизии? Возможно, в сговоре сановников и инспекторов между собой. В итоге документ, содержащий больше критики, так и не отослали. Он остался «без хода», в наместнической канцелярии. Возможна и другая версия: сама императрица, доверяя избранным ей самой «деспотам», пыталась дать им шанс постепенно и без лишних одергиваний навести порядок на местах. А неутешительные выводы сенаторов были доведены до них в частном порядке как информация к действию. В пользу этого варианта говорит повторная сенаторская ревизия 1787 г. По ее итогам сенаторы оставили короткий, но достаточно детальный отчет. Согласно ему губерния пребывала примерно в том же состоянии, что и при ревизии Воронцова–Нарышкина. Важный показатель – число нерешенных дел: 2 989 против 2 863 (1785 г.)[1410]. Было признано, что городские присутствия оказались физически не в состоянии справиться с тем потоком бумаг, который шел на них из-за особой роли Москвы. Однако отмечалось, что при управлении Первопрестольной произошли положительные сдвиги. Так, появилось Главное народное училище, шесть школ вместо трех[1411] и др. Ревизоры и в этот раз оказались более чем лояльны: «отдавали справедливость в похвальном отправлении должностей всем вообще присутствующим по сей губернии»[1412]. Вцелом нельзя не отметить ни недостатки в работе местных властей, ни большие достижения в их работе, достигнутые в ходе реформирования. Особенно если учесть, что им приходилось проводит преобразования не имея для этого достаточных сил и средств, а также опыта реализации столь масштабных и всеобъемлющий мероприятий.

[1409] Там же. Л. 38.
[1410] Там же. Д. 579. Л. 1 об.
[1411] Там же. Л. 4 об.
[1412] Там же. Л. 5.

Управа благочиния: полиция и пожарные. Штаты и финансы

Процесс создания городских органов полиции осуществлялся в рамках подготовки к «открытию» губернии. Согласно принятому плану реформирования городов они делились на полицейские части и кварталы. Исходя из их количества и принятого стандарта, для каждого населенного пункта устанавливался свой «стат» (штат) полиции и «огнеборцев». Это подтверждается фактом унификации штатов всех губерний. В качестве образца использовали «полицейский санкт-петербургский стат», копию которого специально выслали в Москву. Вместе с ним из «северной» столицы «прибыли» подготовленные там «проекты статов» «1е. для городов уездных Санктпертербургской губернии. 2е. для столичного… города Москвы». Для «прочих» уездных городов Московской губернии было предписано «статы каждому [городу]… [сочинять] сообразно с положением того города, его пространством, удобностью разделения на основании полицейского устава и прямыми его надобностями»[1413].

4 июля 1782 г. главнокомандующий Москвы отправил «на утверждение» императрицы готовые расписания полиций всех 15 городов губернии[1414]. Так, на нужды органов правопорядка Первопрестольной «единовременно» выделили 19 007 руб. 20 коп.[1415] Кроме того, к описанию деления Москвы в полицейском отношении прилагалось подробное описание города. Он делился на 5 полицейских частей: 1 – Кремль, 2 – Китай, 3 – Белый город, 4 – Земляной город, 5 – от Земляного города до Камер-коллежского вала. В состав последней включили также находившуюся за заставой «Бутырскую солдатскую слободу». Данная «вставка» была вызвана тем, что земли, примыкавшие непосредственно к Земляному городу,

[1413] Там же. Д. 575, ч. I. Л. 158–158 об.
[1414] Там же.
[1415] Там же Л. 158 об.–158а.

территорией Москвы не являлись. Вместе с тем формировалась вторая, вполне официальная, граница города – полицейская. Данный аспект функционирования Первопрестольной получил дальнейшее развитие в ходе урбанизации московских предместий в пореформенное время[1416].

Пять полицейских частей, в свою очередь, делились на дробные «части», те – на кварталы. В Белом городе назначались 2 части и 9 кварталов, в Земляном городе – соответственно 7 и 31. Территории за Земляным городом делились на 10 частей и 46 кварталов. Таким образом, территория Москвы состояла из 20 частей и 88 кварталов[1417].

Каждая полицейская единица города получала полицейский и пожарный штаты, состоявшие в Управе благочиния.

К 1782 г. для обеспечения патрулирования в Москве имелся полицейский «гусарский батальон», в котором было 100 лошадей. В ходе реформы Управы благочиния было решено передать лошадей подразделения «для воинских чинов вновьустраиваемой полиции». Но так как для этой цели требовалось 180 голов, остальных 80 только предстояло купить, на что главнокомандующий столицы Чернышев просил разрешения потратить деньги из бюджета. Таким образом, «гусарское» подразделение расформировывалось, а его «всадники» переходили в другие службы.

При создании новой городской полиции в 1785 г. Сенат потребовал комплектования штатных городских рот исключительно из лиц, прошедших службу в «полевых полках»[1418]. Требование было законным и понятным. Впрочем, в Москве «издавна» находилось два батальона, в которых, как правило, состояли лица, не только не являвшиеся русскими рекрутами, но и вообще не относившиеся к русским. Оба подразделении традиционно комплектовались «большею частию из турок, волохов, поляков и других чужестранных нации». Среди них находилось лишь «несколько»

[1416] Белов А.В. Москва, московские пригороды, пригородные поселения во второй половине XVIII – начале XX века (процессы урбанизации сельских окраин). М.; Берлин, 2019. С. 190.

[1417] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 575, ч. I. Л. 159 об.–160.

[1418] Там же. Д. 576. Л. 114.

отпущенных помещиками вольнонаемных из числа коренных жителей центральной части страны. При проведении реформы Управы благочиния эти батальоны были «превращены в штатную команду»[1419]. Таким образом, отряды московской полиции к 1786 г. состояли преимущественно из инородцев и иноверцев.

В 1791 г. и в Первопрестольной, и в уездных городах штатные команды оставались недоукомплектованными. Единственным, причем крайне ненадежным, источником их пополнения являлись «праздношатающиеся люди»[1420].

20 июня 1788 г. Екатерина II издала высочайшее повеление о формировании в Москве полицейских эскадронов. Данное решение было продиктовано острой необходимостью: страна вела войну, и части московского гарнизона (в первую очередь кавалерия), которые активно использовались для установления порядка как в городе, так и во всей губернии, были выведены из Москвы и отправлены к театрам военных действий.

В итоге в ней, по признанию главнокомандующего, с начала лета 1788 г. катастрофически не хватало армейских сил для поддержания порядка[1421]. Помимо столичного города аналогичные подразделения предписывалось создать и в уездных центрах[1422], согласуясь с их масштабам и полицейскими штатами.

Впрочем, для осуществления данной задачи требовались средства, а города губернии остро нуждались в деньгах. Даже в Москве Еропкин пошел на комплектование лишь одного (вместо двух) эскадрона полицейской команды, надеясь, что его «достанет». Об этом он уведомил императрицу в письме от 3 июля 1788 г.[1423] Но, как впоследствии оказалось, такими силами невозможно было обеспечить патрулирование Москвы – огромного по тем

[1419] Там же.
[1420] Там же. Д. 582, ч. II. Л. 204 об.
[1421] Там же. Д. 578, ч. IV. Л. 116 об., 120 об.
[1422] Там же. Ч. III. Л. 31.
[1423] Там же. Ч. IV. Л. 123 об.

временам города. И уже 13 июля 1788 г. Еропкин сообщил в Петербург, что в губернском центре все же будут созданы два батальона.

В поисках денег главнокомандующий обратился к торговым кругам Москвы. Пригласив к себе голову купеческого общества (имя которого не названо в письме-отчете), он известил его о добровольном желании «дворян здешней губернии на дачу людей» для будущих батальонов. Таким образом, купцам дали понять, что и им надлежит «способствовать в сем государственным надобностям» и предоставить «от своего общества… на составление конных здесь эскадронов деньгами пособие», тем более «что оные учреждаются для хранения гражданского благоустройства»[1424]. На это предложение, утверждал Еропкин, купцы ответили «охотно» и выдели «нынешний год по совести капиталов по полу-проценту», что составило 20 тыс. руб. С «небольшой прибавкой из градских доходов» денег этих должно было хватить для формирования и годового содержания столь необходимых городу и губернии двух эскадронов[1425].

При обсуждении штата и размеров финансирования мобильной полиции было предложено создать драгунские команды[1426] (части, способные действовать в пешем и конном строю, для чего их необходимым образом готовили и экипировали). Тем не менее, понимая, что главная задача «всадников» состояла в обеспечении «нужных по городу патрулей» и в «скоро потребных в разные от столицы окрестности посылок», глава края объявил, что «способнее иметь гусар, нежели драгун». Кроме того, покупка драгунских лошадей обходилась значительно дороже. На тот момент это было весьма актуально. Экономили также в отношении обмундирования и вооружения. Еще власти полагали, «что желающих в гусары больше быть может»[1427].

[1424] Там же. Л. 133.
[1425] Там же. Л. 133 об.
[1426] Там же. Л. 135.
[1427] Там же. Л. 135 об.

В итоге с июля 1788 г. в Москве началось формирование полицейских гусарских частей, которые в документах именовались как «конные гусарские эскадроны здешней Столицы полицейской команды»[1428], а 13 июля 1788 г. можно считать днем появления в Москве прообраза ныне существующей патрульнопостовой службы.

На 10 июля московской полиции не хватало 39 рядовых, 2 барабанщика и 219 «извощиков». Кроме того, местным «штатским воинским командам» городов Московской губернии недоставало 69 человек. Таким образом, общий недобор во все подразделения губернской полиции составлял 329 человек[1429].

Формирование первого гусарского полицейского эскадрона Москвы и Московской губернии было завершено в конце июля 1788 г.[1430] В августе проводилось обучение полицейских гусар «военным действиям»[1431].

Обнадеженный успехом, Еропкин в середине июля 1788 г. принял решение – формировать второе полицейское подразделение «более дорогим» и подготовленным – драгунским. Это позволило бы «содержать караулы в случае недостатка военнослужащих»[1432]. Тогда же главнокомандующий приступил к реализации своего намерения[1433], но быстро от него отказался. Безденежье и острая необходимость в конных патрулях (а также потребность оперативно решать с их помощью правоохранительные задачи по всей губернии при нехватке армейских сил)[1434] заставили Еропкина уже во второй половине августа начать формировать второй эскадрон, но в более дешевом – гусарском – варианте. До начала его службы задачи караулов исполняли в

[1428] Там же. Л. 134.
[1429] Там же.
[1430] Там же. Ч. IV. Л. 136 об., 144.
[1431] Там же. Л. 152.
[1432] Там же. Л. 158 об.
[1433] Там же. Л. 136 об.
[1434] «Кроме того и способнее может быть употребляем для ночных патрулей и других нужных посылок». (Там же. Ч. IV. Л. 158 об.).

основном солдаты единственного полка московского гарнизона – Тенгинского, «притерпевшего» к тому времени заметное пополнение[1435].

Особой проблемой обеспечения работы полиции были лошади. На их закупку и содержание требовались значительные деньги (нужно было обеспечить транспортом команды обширной Москвы и полутора десятков городов губернии). По штатам полиции Московской губернии губернской роте необходимо было «доставить» 27 конвойных лошадей, еще 126 голов – для комплектования полиции в 14 уездных городах[1436].

Во второй половине августа 1788 г. Москва осталась почти без гарнизона, новые же эскадроны полицейских гусар еще не были сформированы. Тогда в губернский город решили перевести конвойные команды городов края, чтобы держать их под рукой «во всегдашней и непременной готовности»[1437]. Понимая, что в уездах не смогут выполнить эту задачу, московские власти попросили передать в Первопрестольную «хоть третью долю» состава местных кавалерийских конвойных команд[1438].

В начале марта 1790 г. один из городских гусарских полицейских эскадронов был готов, снаряжен и имел в своем составе 18 всадников. Во втором эскадроне значилось лишь 10 человек, причем все они служили «в собственном платье» и без лошадей. Таким образом, в распоряжении московской полиции находилось только одно полноценное мобильное подразделение. На низком уровне находилась и подготовка частей[1439].

После разбора положения дел части решили сохранить, но Прозоровский потребовал от московского губернатора Лопухина произвести жесткую ревизию обоих эскадронов[1440]. В следующем 1791 г. на их содержание выделили 27 993 руб. 11 ½ коп.[1441]

[1435] Там же.
[1436] Там же. Л. 160.
[1437] Там же.
[1438] Там же. Л. 160 об.
[1439] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 582, ч. I. Л. 3 об.
[1440] Там же. Л. 3 об.–4, 29.
[1441] Там же. Ч. II. Л. 221.

В 1800 г. Павел I в целях экономии пытался перевести части «губернских уездных конных драгун в пехотные»[1442]. Впрочем, обе драгунские команды московской полиции пережили эпоху реформ и Екатерины II, и ее сына. В 1802 г. подразделения финансировались за счет «общеассигнованной для войск суммы»[1443]. Но и тогда проблема комплектования штата московской полиции не была снята. Весной 1802 г. власти попытались решить ее за счет набора добровольцев из числа «отставляемых из полков рядовых… за 25-летнюю добропорядочную службу». «Выказавших желание» хотели определять «сторожами при будках и дневальными для пожарных случаев»[1444]. За труд им обещали неплохую по тем временам заработную плату – 50 руб. в год, или 13,5 коп. в день. Для сравнения: номинальной годовой доход рабочих в сфере черной металлургии в 1800 г. составлял 20 руб. 10 коп. серебром, или 5,5 коп. в день[1445]. Если учесть «достоинство ассигнационного рубля» (которым платили жалованье) по отношению к серебряным деньгам, равным в 1802 г. 80 коп. серебром[1446], то заработная плата будочника в московской полиции составляла 40 руб. серебром в год, или 11 серебряных коп. в день.

В начале 1790 г. наместником императрицы в Москве стал Прозоровский. Проведя ревизию Управы благочиния, в марте 1790 г. он составил подробную аналитическую записку, которая больше напоминала перечень претензий к работе московского обер-полицмейстера генерал-майора Толя. Данный документ вызывает большой интерес – в нем описаны проблемы, сопряженные с первыми годами становления профессиональной полиции в Москве.

[1442] ПСЗ-I. Т. XXVI. № 19281. С. 38.

[1443] Там же. Т. XXVII. № 20312. С. 177.

[1444] Там же. № 20194. С. 80.

[1445] *Миронов Б.Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России, XVIII – начало XX века. М., 2010. С. 520.

[1446] *Печорин Я.И.* Наши государственные ассигнации до замены их кредитными билетами, 1769– 1843: материалы и факты из прежней истории русских финансов // Вестник Европы. 1876. Т. IV, № 8. С. 620.

Основные требования сводились к 16-ти пунктам[1447]. Назовем лишь основные: делопроизводство подменяло реальную деятельность[1448]; неудовлетворительная работа низших судов, вплоть до отсутствия на местах самих судей; отсутствие полицейского контроля над содержателями гербергов (трактиров)[1449]; раздутые штаты полиции и при этом ее низкая эффективность[1450].

Главнокомандующего сильно удивил тот факт, что многие сверхштатные («выше сего сверх комплектных») штаб- и обер-офицеры полиции «живут же не получая жалованья довольно хорошо»[1451]. Заметил наместник и воровство денег, выделяемых на устроение органов правопорядка, в частности при закупке лошадей и приобретении для них фуража и упряжи[1452].

Другой важнейшей обязанностью Управы благочиния выступала борьба с пожарами. Материальные потери жителей Москва от огня были не менее, а может, и более других городов. Причина заключалась не только в размере Первопрестольной, но и в ее торговом характере. В пламени гибла огромная масса товаров. Затронутое бедствием купечество, вкладывавшее капиталы в торговый промысел, не имея дополнительных источников существования, неизбежно разорялось.

Так, после происшедшего в ночь с 24 на 25 марта 1779 г. пожара сгорели много лавок с товарами[1453]. Огонь повредил крыши сразу в нескольких торговых рядах, в результате чего потребовалось покрыть их железом или провести полную перестройку с переводом лавок в другие места[1454]. Главнокомандующий Москвы Долгоруков-Крымский писал государыне: «В случае уничтожения помянутых линий многие из хозяев их

[1447] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 582, ч. I. Л. 57–61 об.
[1448] Там же. Л. 57.
[1449] Там же. Л. 58.
[1450] Там же.
[1451] Там же.
[1452] Там же. Л. 59–59 об.
[1453] Там же. Д. 573. Л. 41–56.
[1454] Там же. Д. 574. Л. 37–37 об.

крайнему должны подвергнуться разорению получая единственно от лавок весь доход свой и все пропитание, а притом прося в сей части города здания так стеснены и перемешаны с господскими домами, что для помещения следующих к уничтожению рядов лавок нет внутри Китая[-города] надлежащего пространства». Даже в случае изыскания для них места «весьма бы не многие были в состоянии произвести сие строение при убытии которой им понести должно лишась своих в рядах лавок»[1455].

Пожары в Москве отличались масштабностью. Во время одного из них, происшедшего во второй половине сентября 1791 г., по словам очевидца, жар был такой силы, что от него «в огородах горела капуста»[1456].

В ходе проведения городской реформы в городах Московской губернии, как и в других регионах, параллельно с учреждением новой городской полиции начали формировать службу городского пожаротушения, также вошедшую в Управу благочиния.

Особое значение придавалось созданию новой команды «огнеборцев», которая имела «разумное» (рациональное) устройство и «вооружалась» необходимыми средствами («огнегасильными орудиями»). На эту модернизацию возлагали надежды как на способ переломить борьбу с огнем в пользу людей.

О затратах на работу органов дает представление финансовый отчет московской Управы благочиния за 1786 г.[1457]

В 1782 г. в процессе формирования штатов пожарной службы Москвы предусматривалось обеспечение «огнеборцев» инструментом. На его закупку предполагалось выделить «единовременно» на весь город 9 337 руб. 20 коп. Ежегодное «содержание и исправление» оценили в 2 тыс. руб.[1458] Кроме того, пожарной службе Москвы для перемещения инвентаря требовались 664 лошади. При полиции их было всего 382 (фурманные), поэтому 282

[1455] Там же.
[1456] Там же. Д. 582, ч. II. Л. 70 об.
[1457] Там же. Д. 578, ч. I. Л. 199.
[1458] Там же. Д. 575, ч. I. Л. 160 об.–161.

надлежало купить – из расчета по 12 руб. за каждую. Затраты составляли: «единовременно 3 384 руб.»[1459].

На обеспечение пожарных отрядов в кратчайшие сроки техникой, имуществом и транспортом требовались дополнительные значительные средства. Это создавало в данной сфере благоприятные условия для масштабного воровства, так как в других статьях расходов местного управления подобные суммы не фигурировали. Государство боролось с казнокрадством: в 1785–1786 гг. по подозрению в хищении денег, отпущенных на городские пожарные команды, осудили московского обер-полицмейстера бригадира Островского[1460].

Принятые меры оказались результативными. Так, в первой половине марта 1782 г. ночью в 7-й части города, в доме «университетского профессора Зибелина учинился по неосторожности пожар». Благодаря работе «огнеборцев» огонь не только не распространился, но и быстро был потушен. Пламя уничтожило незначительное по масштабам того времени имущество: два каретных сарая, конюшню и кухню[1461].

К концу того же года общее число лиц, занимавшихся борьбой с пожарами в Москве, составляло весьма заметную величину – 2 703 человека[1462]. Но и их не хватало для оперативной борьбы с огнем и спасения от пожаров огромного города, практически полностью выстроенного из дерева.

В 1787 г. пожарные вновь продемонстрировали свои возможности. 24 июля в Замоскворечье, в районе Балчуга произошел страшный пожар. Беда началась от единственной свечи, оставленной на ночь в солодовой лавке купца «по безрассудной его работника неосторожности». Город горел десять часов. Отряды «огнеборцев» во главе с обер-полицмейстером, в присутствии губернатора и генерал-губернатора сделали, по словам последнего, всё,

---

[1459] Там же. Л. 161–161 об.
[1460] Там же. Д. 576. Л. 125, 130, 173, 174.
[1461] Там же. Д. 575, ч. I. Л. 13–13 об.
[1462] Там же. Л. 161.

«колико позволяла только возможности силы человеческой»[1463]. В результате сгорело 86 кирпичных и деревянных домов, 98 лавок, 2 моста и другие строения. Вместе с тем столь тяжелый итог наместник считал удачным, так как московские пожарные все это время удерживали огонь! Благодаря этому жители Москвы были спасены от несравнимо большего разорения[1464].

«Пришедший на губернию» в начале 1790 г. новый главнокомандующий Прозоровский изучил положение дел по управе и в своей аналитической записке буквально разнес работу управы благочиния, в состав которой входила и пожарная служба. Правда претензии к ней (в отличие от полиции) носили в основном технический характер: помпы стоят на санях, а не на телегах; на бочках не высохла краска и т.п. Наиболее серьезное замечание – недостаток положенного числа «труб»[1465]. При этом эффективность пожарных служб Москвы была несравнимо выше, чем ее же органов охраны общественного порядка. Впрочем, это неудивительно, пожар – страшная беда. От огня погибали целые части, и никто не мог быть застрахован от этой напасти. Потому и это внимание к предпринимавшимся противопожарным мерам было повышено, что значительно улучшало ситуацию в целом, что нельзя было сказать о других областях жизни города.

В 1799 г. при Павле I силы московских «огнеборцев» еще больше возросли за счет особой Пожарной экспедиции[1466]. Одновременно Москве передали «обязанности по содержанию полиции». В итоге в 1800 г. город израсходовал по этой статье более 306 тыс. руб., что составляло 55% всех его средств[1467].

Об успешной реализации в Первопрестольной планов Екатерины II по созданию эффективной пожарной службы можно судить уже по 20-м годам следующего столетия. Иными словами на реализацию замыслов императрицы потребовало около пятидесяти лет. Этот факт признавался и

[1463] Там же. Д. 578, ч. I. Л. 140 об.
[1464] Там же. Л. 139–140.
[1465] Там же. Д. 582, ч. I. Л. 59–59 об.
[1466] *Писарькова Л.Ф.* Городские реформы в России и Московская дума. С. 56.
[1467] Там же.

самими москвичами[1468]. Особой гордостью и горожан, и московских «огнеборцев» (граничившей с франтовством), являлись пожарные лошади, которых специально подбирали и обихаживали. «Сытые, быстрые и красивые», – писал о них москвич А.Ф. Малиновский[1469]. В хорошей сбруе, впряженные в повозки, «надежные и даже щеголеватые»[1470], они создавали своим выездом ощущение мощи и торжественности, что крайне импонировало горожанам.

В уездных центрах всё было куда скромнее. Даже в наиболее богатых из них. Например, в Коломне, на рубеже мая – июня 1789 г. сгорели 30 ямских дворов[1471]. Ущерб был относительно небольшой, но выводы из происшествия не сделали, и 14 сентября 1792 г. город охватил уже огромный пожар. В его огне сгорели 126 лавок (с товаром на сумму в 18 255 руб.) и 131 дом, а также ряд других объектов[1472].

Малые города огонь мог просто стереть с лица земли. Волоколамск только середине октября 1792 г. пережил несколько пожаров, уничтоживших в общей сложности 78 дворов[1473]. Для сравнения: по данным Генерального межевания, проводившегося приблизительно в тот же период, в городе значилось менее 200 обывательских дворов[1474]. Таким образом, за несколько недель Волоколамск потерял примерно половину своей застройки.

Еще более опустошительным оказался пожар, происшедший в крохотном и бедном Подольске 22 мая 1792 г. Случился он «от неосторожности одного крестьянина несшего для топления бани горшок с горящими угольями из коего уголь вырвало ветром и бросило в солому». За час «выгорела вся часть города по сю сторону реки Пахры лежащая». Заживо

[1468] *Малиновский А.Ф.* Указ соч. С. 156.
[1469] Там же. С. 113.
[1470] Там же.
[1471] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 578, ч. VI. Л. 70.
[1472] Там же. Д. 582, ч. III. Л. 143, 144.
[1473] Там же. Л. 76.
[1474] Там же. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 753. Л. 1.

сгорело 9 человек, еще 17 были «обожженны пламенем», уничтожено 57 дворов[1475]. Виновный крестьянин «скрылся», и его искали[1476].

В огненных бедствиях во многом оказывались виновны сами городские общества, упорно не желавшие предпринимать необходимые меры для предотвращения возгораний. Главнокомандующий Москвы князь Прозоровский по этому поводу даже посетовал в письме императрице: «Весьма мудрено и к пользе их склонить. Во время пожару раскаивались в своей неосторожности, но уже поздно, а особливо не богатые в сем случае много потерпели»[1477].

Впрочем, косность постепенно преодолевалась. Судя по отчетам властей, уже на рубеже XVIII–XIX вв. положение дел в области пожаротушения (хотя бы в формальном отношении) сдвинулось «с мертвой точки». Инспекция 1800 г. показала, что и провинциальные города худо-бедно, но обзаводились пожарным инвентарем и командами. Так, в 1800 г. «огнеборцы» Вереи (на тот момент одного из «знатных» городов края) имели в своем распоряжении по три «заливные трубы» и лестницы, по шесть бочек и щитов, по два ухвата, багра и крюка. Помимо этого, при каждом полицейском квартале содержалось еще по два крюка, багра и лестницы. Как отмечалось, для всех инструментов и бочек «наряжаются и бывают всегда в готовности» 10 обывательских лошадей[1478]. Часть пожарных инструментов (видимо, общегородских) хранилась во дворе здания школы[1479]. Полного соответствия изначальным требованиям добиться не удалось, но в городе все же был создан необходимый минимум пожарного инвентаря, который поддерживали в рабочем состоянии.

К началу XIX в. органы полиции были устроены по всем штатным городам. В заштатных (в разряд которых при Павле I перевели наименее развитые бывшие уездные центры) ситуация оказалась сложнее, но вызвано

[1475] Там же. Д. 582, ч. III. Л. 130 об.
[1476] Там же. Л. 48–48 об.
[1477] Там же. Д. 578, ч. III. Л. 143 об.
[1478] РГИА. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 22. Л. 101.
[1479] Там же.

это было спецификой поселений, отличавшихся малым числом жителей. В 1799 – начале 1800 г. власти решили сохранить установившееся положение дел: «граждане» находились «под ведением своих магистратов и ратуш», однако члены последних состояли «из людей большей частию… службу малознающих», из-за чего в данных поселениях не соблюдались требуемые нормы «как в строении домов, так и в чистоте улиц».

Стремясь изменить ситуацию, на основании именного указа от 25 июля 1799 г. «во всех городах без изъятия» решили устроить органы полиции. Во всех заштатных городах и Сергиевом посаде необходимо было учредить «по одному квартальному офицеру, прикомандировав к ним из городовых штатных команд по 2 человека рядовых, дабы повинности жителей не обременять их содержание оных». Помимо них губернатор просил разрешить «в сих городах по причине большого проезда, а в Воскресенске и Сергиевском Посаде многолюдного пребывания разного состояния приезжающих для богомолия, определить чиновника под каким угодно званием для сохранения во всем порядка и надзирания над магистратом»[1480].

В 1799 г. в городах губернии имелись 10 штатных команд и губернская рота. Имелся некоторый недокомплект, впрочем, небольшой – 31 человек. Так, в губернской роте недоставало семерых, в коломенской штатной команде – троих, а в серпуховской, верейской, рузской, дмитровской и можайской – по два человека. Самый большой недобор наблюдался в маленьких городах: Звенигород – четверо, Клин – семеро. Все служащие были «обмундированы», однако поступление формы «по новому образцу» происходило не в полном объеме[1481]. В одном из дел сохранилась характеристика городничих Московской губернии, которую в 1800 г. представил московский гражданский губернатор. По его мнению, коломенский, дмитровский, клинский и можайский городничие оказались достойны «отличия и похвалы», а «управляемые ими города, равно и

[1480] Там же. Д. 6. Л. 49 об.–50.
[1481] Там же. Л. 51 об.

канцелярии их» были в «совершенном порядке». Более того, гражданский губернатор пожелал, «чтобы все господа городничие были в такой же степени исправности»[1482].

Высокую оценку получили главы полиции (по сути, и управляемые ими города) в Серпухове, Рузе и Звенигороде, а по поводу верейского – было высказано пожелание: «чтоб он более имел деятельности, нежели» зафиксировала ревизия[1483].

Единственный, кто подвергся обстоятельной критике, был городничий Волоколамска, который «есть ли и старался, но видно было безуспешен». Гражданского губернатора возмущало состояние города, который он нашел в таком виде, «в каком он может был в самой древности. Внутри города мосты в неисправности и улицы не мощены. Строение беспорядочное и самая воинская команда не показывает особенного об ней начальнического старания»[1484].

Пенитенциарная функция

На рубеже XVIII–XIX вв. Москва была огромным городом, к тому же исполнявшим роль столичного, регионального и межрегионального центра. Это предопределяло как активность его внутренней жизни, так и особый масштаб работы органов правопорядка. Кроме того, город являлся главным узлом Европейской России. Первопрестольная «пропускала через себя» колоссальное число подследственных, осужденных и отправленных по этапу лиц. На 22 ноября 1764 г. при разных городских учреждениях, согласно отчету Розыскной экспедиции, находилось: «по делам следующия подследственны 270, малолетних в воровствах 13, в неплатеже выти и пошлин 9, в Московскую губернскую канцелярию о винах представлено 11,

[1482] Там же. Л. 151.
[1483] Там же.
[1484] Там же.

по взятым в Правительствующий Сенат делам 7; по взятым же в Юстиц-коллегию делам 7, присланных из разных мест в ссылку в Сибирь и в Оренбург 186, отставших от ссылки, о которых представлено в губернию 1, определенных в Розыскной экспедиции 519, присланных из разных мест для содержания до указу из Сенатской конторы 1, из Юстиц-коллегии 28, из Камер-коллегии 1, из московской полиции 7, итого 37, всего 556, в том числе женского пола 110»[1485].

Отъявленные преступники – «колодники» (в основном убийцы) в это время размещались по трем местам: в Розыскной экспедиции, Главном кригсрехте и Магистрате. На 7 марта 1782 г. в Москве насчитывалось до 370 «колодников», 90 из них относились к военному ведомству. По мнению главнокомандующего Москвы, общее число заключенных, содержавшихся при всех местах, составляло «не малое число», которое было излишним для имевшихся пенитенциарных возможностей города[1486].

В тюрьмах Москвы постоянно находились сотни людей, большинство которых сосредоточивалось в остроге, состоявшем в ведении Розыскной экспедиции (центрального пересылочного пункта для «колодников»). Временами имел место громадный наплыв опасных преступников, требовавших бдительного присмотра и особо организованного порядка в содержании[1487]. Из Москвы шел постоянный отток по этапу. Но и этот процесс не уменьшал числа сидельцев, которые прибывали в Первопрестольную непрерывными и мощными волнами.

В вопросе скорого судебного разбирательства (следовательно, освобождения мест в тюрьмах) Москва демонстрировала проблемы, стоявшие перед всей системой управления страны, – долгое исполнение и «бумажное волокитство», с которым и была призвана бороться введенная Екатериной II административно-судебная система. Всего на март 1782 г. по московским ведомствам насчитывалось нерешенных дел: в Юстиц-коллегии

[1485] *Голубев А.А.* Сыскной приказ ... С. 139.
[1486] Там же. Д. 575, ч. I. Л. 10 об.
[1487] Розыскная экспедиция при Московской губернской канцелярии, 1763–1782 г. С. 185.

– 2 693, в Вотчинной коллегии – 49 059, в Камер-коллегии – 589, в Судном приказе – 25 873, в Главном магистрате – 2 516[1488].

Главнокомандующий Москвы З.Г. Чернышев, пользуясь своим административным статусом и высшим военным званием (генерал-фельдмаршал), решил лично и незамедлительно разобрать дела находившихся под стражей 90 военных. Познакомившись с составом их преступлений, он «по силе военных регул» и в соответствии с собственным пониманием ответственности виновных «отправил их, куда следовало»[1489].

Дворяне, попавшие в «застенок» как «злодеи» (по уголовному обвинению), содержались вместе с прочими заключенными. Не имея пропитания, они даже были вынуждены просить милостыню[1490].

В начале 1784 г. общий годовой размер затрат, необходимых для обеспечения функционирования тюрем и жизни заключенных (одежда, лечение больных, медикаменты, дрова, свечи на освещение казарм), по подсчетам самих властей города, составлял 1 тыс. руб.[1491] Впрочем, как оказалось впоследствии, и такой суммы в их распоряжении не было.

Тем из сидельцев, кого материально поддерживали близкие или сочувствующие, было проще. Прочие же не имели дополнительного «вспомоществования», и власти Москвы предоставляли им возможность самостоятельно заботиться о пропитании. С этой целью каждый день небольшие партии преступников выводили в город для прошения милостыни «с ящиками на связках»[1492] (одев в кандалы, скрепленные между собой цепью). В таком виде, судя по ушедшему в Сенат не позднее 1756 г. донесению, острожники ходили «по церквям, домам, по кабакам, по улицам и по торговым местам» города. Вели они себя крайне дерзко: просили милостыню «с великим невежеством и необычным криком», устраивали постоянные «пьянства» и ссоры. Дело доходило до прямого вымогательства

[1488] РГАДА. Ф. 16. Д. 575, ч. I. Л. 11-11об.
[1489] Там же. Л. 11.
[1490] Там же. Д. 576. Л. 13.
[1491] ПСЗ-I. Т. XXII. № 16170. С. 326.
[1492] Там же. Т. XIV. № 10660. С. 683–684.

и даже организации шаек. Одна такая шайка (состоявшая из закованного в железо колодника, солдата и «боярского человека») явилась к проживавшему в Москве тайнинскому оброчному крестьянину Николаю Анисимову. Преступники попросили милостыню, но при этом пригрозили: «Ежели не даст, то двор его огнем подымется»[1493]. Таким образом, проходивший через город поток осужденных существенно влиял не только на слабо отлаженную пенитенциарную систему, но и на жизнь москвичей.

С 1763 г. в Первопрестольной функционировала Розыскная экспедиция. Созданная вместо упраздненного Розыскного (сыскного) приказа она являлась центральным пересылочным местом для людей, направлявшихся отбывать ссылку в Сибирь, Оренбург[1494] и другие места. Благодаря этому обстоятельству, пенитенциарная система города, помимо текущего содержания преступников, функционировала как важный пункт сбора «колодников» из разных регионов страны для их дальнейшей пересылки по этапу. Так, всего за два первых месяца 1782 г. по нему из Москвы вышли 735 человек: 76, «считая токмо по одной Московской губернии» (10%), и 659, «присланных из других наместничеств» (90%). Конечным пунктом маршрута в то время были земли Сибири и крепости Днепровской линии[1495]. За год по этапу могли уходить до 1 тыс. и более человек. Так, в 1761 г. в Сыскном приказе значились отправленными в ссылку в Сибирь и Оренбург 829 человек, и еще 1 437 состояли «в приводе и присылке», в 1763 г. – соответственно 659 и 1 747[1496].

В правление Екатерины II основным местом содержания заключенных в Москве являлся «острог у Калужский ворот»[1497] («острог близ Калужских ворот»)[1498], окончательно отстроенный к концу 1752 г.[1499] Именно его в 1782

[1493] Там же.

[1494] Розыскная экспедиция // *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь: в 86 т. СПб., 1899. Т. 27 (53). С. 20.

[1495] ПСЗ-I. Т. XXII. № 16170. С. 326.

[1496] Розыскная экспедиция при Московской губернской канцелярии, 1763–1782 г. С. 139.

[1497] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 575, ч. II. Л. 149.

[1498] Там же. Д. 576. Л. 177 об.

[1499] *Акельев Е.В.* Повседневная жизнь воровского мира Москвы ... С. 32.

г. главнокомандующий Москвы З.Г. Чернышев отнес к понятию «здешние тюрьмы»[1500], правда, подразумевая под ним и ряд менее значимых мест заключения при различных ведомствах. Выстроенные внутри «острога» помещения, предназначавшиеся непосредственно для содержания заключенных, именовались в документах казармами[1501].

В 1782 г. «острог у Калужских ворот» – представлял собой целый городок, окруженный деревянной крепостью. Внутри располагались «избы». От времени и роста числа «колодников» сооружения пришли в ветхость. Не хватало пространства, везде царила страшная теснота, которая, по словам Чернышева, обременяла заключенных «паче всякого наказания»[1502]. А условия содержания, по его же выражению, были «вовсе не сходственно с человеколюбием»[1503], из-за чего «колодники в содержании претерпевают крайнее изнурение»[1504].

Стремясь изменить ситуацию к лучшему, главнокомандующий приказал «наискорее поправить строение в тех самых, где оные колодники содержатся, для удобнейшего их жительства, и пристроить несколько изб в прибавку, а людям разбор учинить по их состоянию»[1505]. Но для главного пенитенциарного учреждения Москвы ремонт давно уже был бесполезен. По материалам особого дела об исправлении московского «острога» все его постройки представляли собой многократно латанные-перелатанные сооружения.

14 февраля 1784 г. Чернышев обратился в письме к императрице с просьбой разрешить строительство нового «острога», возведенного теперь уже исключительно из кирпича и строительного камня[1506]. Необходимые для претворения в жизнь дорогостоящего проекта средства и материалы генерал-

---

[1500] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 575, ч. II. Л. 149.
[1501] Там же. Д. 576. Л. 177 об.; *Акельев Е.В.* Повседневная жизнь воровского мира Москвы ... С. 330.
[1502] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 575, ч. II. Л. 149.
[1503] Там же. Ч. I. Л. 10 об.
[1504] Там же. Д. 578, ч. IV. Л. 47 об.
[1505] Там же. Д. 575, ч. I. Л. 11.
[1506] Там же. Ч. II. Л. 149–149 об.

губернатор предлагал взять из запасов: «Употребить оставшиеся по упразднении бывшего Каменного [приказа], коих теперь в ведомстве здешней Казенной палаты»[1507]. К тому моменту в распоряжении властей оставались нереализованными «от проекта перестройки Москвы» «наличными деньгами 9 303 руб. и копейка», почти 4 миллиона кирпичей, а также большое число разных сортов черепицы[1508]. Императрица утвердила подготовленный архитектором Казаковым проект нового каменного тюремного замка. В том же году началось его строительство[1509]. Это здание под названием «Бутырская тюрьма» («Губернский тюремный замок»)[1510] функционирует и сегодня. Причем на его «устроение» в 1785 г. действительно были отданы материалы, изготовленные Каменным приказом для неосуществленного масштабного плана реконструкции Москвы[1511], вопросам реализации которого обращалось особое внимание (В частности как писал Еропкин: «Между различных попечений моих о вверенной мне от Вашего И..В.. столице московской, при всевозможном старании моем приводить градское строение в порядок соотстветвущей Высочайше конфирмованному Вашим Императоским Величеством в 775-м году июля 7-го дня плану»[1512]) И речь о котором велась выше в (см. параграф «Создание регулярного города. Екатерининский план переустройства Москвы и его реализация»).

К лету того же года стены нового кирпичного «острога» достигли одного аршина высоты. Власти намеревались при получении на материалы 40 тыс. руб. закончить тюрьму «в два года»[1513], но вскоре стало ясно, что эти планы почти не осуществимы.

В связи с недостатком средств власти дополнительно ассигновали на этот проект еще 40 тыс. руб., необходимость которых обосновал архитектор

[1507] Там же.
[1508] Там же. Д. 575, ч. II. Л. 149об.
[1509] Там же. Д. 578, ч. IV. Л. 46.
[1510] Москва: энциклопедия, 1980. С. 614.
[1511] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 578, ч. IV. Л. 46.
[1512] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 578, ч. V. Л. 169.
[1513] Там же. Д. 576. Л. 172.

Казаков. К концу 1787 г. из них осталось не потраченными 5 671 руб. 89¾ коп. Но тюрьма была еще не готова. В ней на тот момент стояли полностью выстроенными только «церковь, различные темницы и двери вставлены, и все покрыты железом». Кроме того, были «в черне окончены, но не покрыты» кровлями помещения для «священника, лекаря, медикаментов, книгосодержателя, надзирателя и надзирательницы, разные больницы, для работ сараи и магазины»[1514]. Наружные стены, запланированные в 14 аршин высоты, достигли только 9-ти. Не до конца возведенные части башен стояли вровень с готовыми стенами и должны были быть надстроены еще на 14 аршин[1515]. Помещения и постройки внутреннего тюремного городка оставались еще лишь размеченными и «выведенными» в фундаментах.

Власти Первопрестольной столицы боялись, что стройку заморозят. Основания для беспокойства были: в условиях войны России остро не хватало средств, и Екатерина II даже заявила о прекращении выдачи и без того небольшой ежегодной «строительной суммы». Главнокомандующий Москвы сообщал государыне (письмо от 23 декабря 1787 г.), что если оставить новый тюремный замок «неоконченным, то может приключиться ему повреждение с убытком же казенному интересу», и уверял: в случае получения требуемых денег, он завершит стройку не позднее следующего лета[1516].

Однако к концу февраля деньги так и не выделили. Бывшему в то время главнокомандующему «столичного города» Ерошкину пришлось справляться с ситуацией, имея вместо необходимых 29 тыс. руб. лишь 5 500 руб. («остаточные»). Чтобы спасти от разрушения уже возведенное, он приказал Казакову покрыть хотя бы часть крыш и произвести «отделку нескольких покоев, где бы содержать показанных арестантов могла быть способность»[1517]. Тем самым глава Москвы добился частичного

[1514] Там же. Д. 578, ч. IV. Л. 46.
[1515] Там же.
[1516] Там же.
[1517] Там же. Л. 65 об.

использования возможностей недостроенного пенитенциарного заведения. Вместе с тем он настойчиво продолжал искать источники получения денег, необходимых для полного завершения «острога». В качестве «донора» Еропкин попробовал использовать Кремлевскую экспедицию, отвечавшую за обслуживание резиденции императрицы в Москве и на ее окраинах. Но глава ведомства Измайлов наотрез отказался выделить на тюрьму хоть что-то. Не помогла даже… личная просьба самой Екатерины II, которая поддержала инициативу Еропкина. Императрица не раз «выказывала» желание пожертвовать чем-то из находившегося в ее распоряжении дворцового хозяйства.

Впрочем, несмотря на финансовые трудности, «Губернский тюремный замок» вскоре достроили. В начале XIX в. по свидетельству очевидца в нем содержалось около 300 «колодников». В основном это были беглые (солдаты и крестьяне). В менее спокойные годы камеры «Бутырки» принимали заключенных вдвое больше[1518].

По окончании строительства современной тюрьмы прежний «острог» (у Калужских ворот) разобрали. Но место это и в наши дни осталось в ведении государственных структур, отвечающих за порядок в стране. Сейчас здесь находится комплекс зданий Министерства внутренних дел РФ. Сложившаяся историко-территориальная преемственность вызвана еще и тем обстоятельством, что при Калужской заставе «во все время своего существования» состояла Розыскная экспедиция, а перед ней – Сыскной приказ. Причем «острог» находился в ведении Розыскной экспедиций, составляя ее часть, наряду со зданиями присутствий, архивом и другими помещениями[1519].

По мере развития в Москве тюремной системы ее структура расширялась и усложнялась. Так, в 1804 г. в непосредственной близости от Новоспасского монастыря, за Таганской площадью построили Московскую

[1518] *Эймонтова Р.Г.* Город и власти ... С. 63.

[1519] Розыскная экспедиция при Московской губернской канцелярии, 1763–1782 г. С. 142–143.

губернскую уголовную тюрьму (Таганскую). Позже ее помещения стали использовать и для содержания политических преступников[1520].

Выполняя функции «столичного» города, Москва располагала целым рядом структур общегосударственного управления. Одним из них выступала Тайная экспедиция. В ее ведение передавались государственные дела особой важности. Сотрудники этого ведомства вели секретные следствия по фактам, касавшимся оскорбления «Величества», «поимки» фальшивомонетчиков, допрашивали Е.И. Пугачева, Н.И. Новикова, их сторонников и единомышленников[1521].

В 1774–1801 гг. Тайная экспедиция занимала в Москве бывшее архиерейское подворье Рязанских архиепископов, располагавшееся в самом начале ул. Мясницкой, по левой ее стороне[1522]. При здании находились подземные казематы, использовавшиеся для содержания заключенных и применения к ним пыток. При сносе здания камеры и пыточные оказались на какое-то время открыты – этим воспользовался известный журналист и знаток Москвы В.А. Гиляровский, который подробно описал все увиденное им. По его словам, преступника помещали в узкую нишу – «ужасный каменный мешок… два аршина и два вершка в вышину, ширины тоже два аршина и два вершка, а глубины, в одном месте где ниша, – двадцать вершков, а в другом тринадцать». Снаружи она перекрывалась окованной дверью[1523]. Сегодня на том месте стоит одно из зданий Главного управления Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Особой темой выступает состояние пенитенциарных заведений в уездных городах Московской губернии. Наиболее часто местом пребывания преступников выступали остроги (где содержали уголовников) и Магистраты (должников). Так, в 1775 г. в Коломенском магистрате из-за долгов

[1520] Москва: энциклопедия, 1980. С. 589–590.
[1521] *Сытин П.В.* Из истории московских улиц. С. 91, 173.
[1522] Там же.
[1523] *Гиляровский В.А.* Москва и москвичи // Сочинения. М., 1997. Т. 4. С. 188.

пребывало 12 человек. Все они являлись местными купцами, а размеры взысканий с них колебались от 13 руб. (М. Конихин) до 5 477 руб. 70 коп. (Емельян Кислов). Общая сумма долга насчитывала 21 437 руб. 20 коп.[1524]

В 1775 г. в серпуховской Воеводской канцелярии находились семь «колодников». Шестеро из них обвинялись всего лишь в нарушениях, «связанных с солью и вином», зато седьмой («Оболенского уезду села антоновского священник Ульян Михайлов 38 лет») шел ни много ни мало «по некоторому тайному делу» и его готовили к передаче в Тайную канцелярию[1525].

На 23 июня 1787 г. во всех уездных городах Московской губернии числился 61 «колодник». Общее число таковых (вместе с Москвой) достигало 208 человек[1526].

Как видим, львиная доля (74%) ответственности за содержание наиболее опасных преступников ложилась на пенитенциарную систему именно Москвы, за остальных отвечала полиция других городов губернии. Что касается их, то наибольшее число «колодников» было в Воскресенске (6%) и Волоколамске (5%). Если учесть масштаб данных поселений, то, скорее всего, этих преступников доставили из разных мест и еще не перевели в Первопрестольную или не отправили дальше по этапу. Так или иначе, их путь с очень высокой долей вероятности вскоре прошел через ворота «острога у Калужских ворот» Москвы.

«Колодники» требовали к себе особого внимания: в материалах дела сохранилась инструкция, представляющая собой набор правил и предостережений при работе с данным контингентом.

Усилия Екатерины II, направленные на преодоление судебного волокитства хотя бы по самым «острым» делам, дали результат. Наибольшее «удовольство» московского гражданского губернатора, инспектировавшего в 1800 г. свои владения, вызвало почти полное отсутствие «колодников».

[1524] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 752. Л. 7–7 об.
[1525] Там же. Л. 17–17 об.
[1526] Там же. Д. 578, ч. II. Л. 95.

Согласно его отчету только в двух уездных центрах присутствовало «малое их число, а в прочих ни одного не было»[1527].

Стратегические государственные товары: хлеб, соль, вино

Наличие в городах запасов продовольствия (следовательно, и недопущение общественного недовольства) напрямую зависело от транспортных возможностей рек, которые были главными крупными магистралями[1528]. В снежные зимние месяцы и в периоды обильного половодья целые части страны оказывались изолированными друг от друга, что делало затруднительным доставку больших объемов продовольствия на значительные расстояния. Особые проблемы возникали и ранней весной, когда реки уже не выполняли функцию сухопутных путей, а судоходство еще не началось. Задержка вскрытия льда, без преувеличения, грозила значительной части горожан голодом.

Анализ документов показал, что купцы и лоцманы старались поймать момент максимальной пропускной способности рек. Непродолжительная высокая вода давала возможность большим судам сразу же доставить основную массу хлебного груза для казенных «магазейнов» и на продажу жителям.

Перед властями всех губерний стояла задача – создать резервные запасы зерна и муки, а также обеспечить их скорейший привоз в начале весны. Впрочем, острее эта проблема ощущалась в городах, обладавших значительным числом жителей, крупнейшим из которых в Центральной России была Москва. По данным Чернышева, на 7 марта 1782 г. в ней

[1527] РГИА. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 6. Л. 150 об.

[1528] *Истомина Э.Г.* Водный транспорт России в дореформенный период. С. 27.

постоянно проживали 125 362 человека[1529], и эти сведения были неполными. К 1810 г. население Первопрестольной насчитывало уже 229 804 человека[1530]. Для сравнения: в уездном, но весьма заметном хозяйственном центре Московской губернии г. Серпухове в 1775 г. значилось всего 2 233 податных душ, т.е. около 8–10 тыс. жителей[1531].

Кроме того, Москва выполняла ряд функций (столичная, сакральная, транспортная и т.д.), многократно увеличивавших ее миграционную «нагрузку». Потому скорейшая доставка в город хлеба по первой воде превращалась в важнейшую задачу, о решении которой доносили лично императрице. Наполнение же запасных «магазейнов» Первопрестольной гарантировало наличие хлеба в городах Московской и соседних губерний.

Свидетельством этой, без преувеличения, «битвы за хлеб» являются соответствующие доклады всех главнокомандующих города, адресованные Екатерине II. 28 марта 1782 г. Чернышев писал ей: «Москва река вся уже вскрылась, и только пред Каменным мостом несколько льду еще осталось. По получении из уездов известий[, что] река Ока в Серпухове и в Коломне так как и в уездах вскрылась, 23-го и 24-го чисел, в которое время и протекающая от Москвы в 61 версте река Лопасная водою наполнились, а лед… осел на дно; равномерно ж вскрылись речки Нара, Истра, Клязьма и Яуза, но от утренников вода в них начала умаляться»[1532]. 4 апреля он сообщил в Петербург, что «начали уже по реке Оке в Серпухов приходить струги с хлебом»[1533], а 11 апреля, что «1-го числа прошло чрез город Коломну в верх по Москве реке сюда с разным хлебом 30 судов, из них грузу до 53 580 четвертей, и действительно уже вчера в Москву прибыло 14 судов, на коих привезено до 25 000 четвертей разного хлеба»[1534]. Это был первый речной хлебный караван, пришедший в том году в «столичный» город.

[1529] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 574, ч. I. Л. 9 об.
[1530] РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 456. Л. 3.
[1531] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 926. Л. 3 об.
[1532] Там же. Д. 575, ч. I. Л. 17 об.
[1533] Там же. Л. 20.
[1534] Там же. Л. 21.

Таким образом, от Коломны вверх по течению по бурной весенней воде суда следовали 10 дней. При этом необходимо помнить о транспортных рисках, связанных с природной средой. Это весьма обыденные для русских рек явления: изменение русла, многочисленные мели, затонувшие бревна, пробивавшие днища судов, ранние заморозки, долгое сохранение льда, опасные обширные половодья и др.[1535]

18 апреля 1782 г. наместник известил Екатерину II: «После всеподданнейшего донесения прибыло сюда (в Москву. – А.Б.) число ожидаемых нынешнею весною стругов с 40 с разным хлебом, мерою до 70 000 четв.; и так все уже с полным своим грузом прибыли, и тем водяной привозом, на нынешней год кончился, а буде бы и еще суда приходить стали, то уже самые малые»[1536].

В следующем году ситуация с весенними речными хлебными караванами повторилась. Между 7 и 10 апреля из Серпухова в Москву пришло сообщение: «Реки большая Ока и Нара равномерно вскрылись»[1537]. Вскоре суда «коломенки» пошли в Первопрестольную. К 1 мая из Орла и других городов сюда прибыл первый караван с хлебом. На 40 стругах привезли до 89 тыс. четв. зерна. С 1 до 15 мая в Москву пришли еще 27 стругов из Орла с 28 500 четв. различного хлеба[1538].

История повторялась каждый год. Так, в 1786 г. «с начала открытия рек» (первые числа апреля) и до первых дней лета (8 июня) в Москву прибыли 120 кораблей с хлебом («Стругов – 74[,] Барок – 46»)[1539].

Снабжение по Москве-реке огромного многонаселенного города имело очень большие риски. Непредсказуемые природные условия постоянно вели к прерыванию поставок и, как следствие, к росту цен, что грозило социальным недовольством.

[1535] *Истомина Э.Г.* Водные пути России во второй половине XVIII – начале XIX века. С. 27–29.

[1536] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 575, ч. I. Л. 24.

[1537] Там же. Ч. II. Л. 47.

[1538] Там же. Л. 72 об.

[1539] Там же. Д. 576. Л. 293.

23 октября 1786 г. Екатерина II именным указам повелела главнокомандующему в «столичном городе» Еропкину «учредить в Москве запасной хлебный магазин, на том основании и на тех правилах кои присвоены санкт петербургскому запасному магазейну». На исполнение выделили 60 тыс. руб. ассигнациями[1540].

Задача учреждения определялась властью как «часть прокормления здешнего города (Москвы. – А.Б.) по дороговизне хлеба и удержания некоторого равновесия в ценах через посредство запасного магазейна»[1541]. В случае их роста государственный хлеб выбрасывался в продажу, сбивая цены и аппетиты купцов и не допуская тем самым дороговизны этого важнейшего продукта питания. Место для резервного склада отвели у стены Китай-города на берегу Москвы. Причина такого выбора была связана, с одной стороны, с противопожарной безопасностью, с другой – недоступностью зерна в случае разлива реки[1542].

Время создания хлебного магазина (ноябрь 1786 г.) было отмечено ростом цен на продукты питания. Тогда Еропкин принял решение: сразу же «подрядить» закупку до 4 тыс. четв. по цене «каждая не свыше 3-х руб.», создав тем самым первые городские резервы[1543].

Здания запасного хлебного магазина были простыми деревянными амбарами. На их строительство, согласно представленной смете, требовалось 2 400 руб. Деньги взяли не из «капитальной суммы», отпущенной на закупки зерна, а из средств, ассигнованных «на возобновление казенного главнокомандующих дому». Центральный его корпус к тому времени был уже готов, причем в ходе работ генерал-губернатору удалось сэкономить 2 744 руб.[1544] Их-то Еропкин и предполагал отправить на возведение у стен

[1540] Там же. Д. 578, ч. I. Л. 54.
[1541] Там же. Л. 100 об.
[1542] Там же. Л. 54–54 об.
[1543] Там же. Л. 54 об.
[1544] Кроме того, и при ремонте «других корпусов» ожидали сберечь «остатки». Это решение было выполнено, «из ассигнованной на дом главнокомандующим суммы» было временно «занято» 5 574 руб. «на построение мостов по дорогам, ведущим к Троицкой лавре и к селу Коломенскому». (Там же. Д. 578, ч. I. Л. 124 об.).

Китай-города запасных хлебных магазинов[1545], что позволяет предположить удобство для доступности перевозок по воде. Впрочем, это не исключает и гузовых перевозок. Императрица поддержала эту инициативу[1546].

На основании личного решения Екатерины II к складам государственного резервного хлеба были «приставлены» двое гласных из городовой думы, дабы избежать чиновного произвола и хищений. Еще для «смотрения» генерал-губернатор назначил «здешних обер-полицмейстера и полицейских одного штаб и двух обер-офицеров». Позже магазин был «перепоручен» вице-губернатору, с определением к складу «из штата Управы благочиния одного штаб и двух субалтерн офицеров и нескольких нижних чинов с получением жалованья от настоящих их мест»[1547].

Весьма интересна резолюция самой императрицы на это решение, переданная наместнику через Безбородко: «Угодно… чтоб в Москве хлебный магазеин препоручить… вице-губернатору и определить пристава, а из полицейских чинов ни кому в то не вмешиваться»[1548]. Екатерина упорно «отодвигала» от в прямом и переносном смысле хлебного места излишнее число людей, особенно наделенных властью чинов городской полиции.

8 декабря 1786 г. в управление запасным хлебным магазином «вступил» московский вице-губернатор, и при нем был всего один пристав «из людей надежных». Отчитываясь об этом, главнокомандующий подчеркнул, что исполнил требование государыни, «не заимствуя к тому никого из чинов полицейских»[1549].

Первые три склада для казенного резервного хлеба были построены к 23 февраля 1787 г. «Подряженные» 5 тыс. кулей ржаной муки, по 3 руб. к тому времени, уже «принимались» на хранение. Кроме того, был заключен контракт «на весеннюю поставку водою» еще 6 тыс. кулей[1550].

[1545] Там же. Ч. II. Л. 57 об.
[1546] Там же. Л. 68.
[1547] Там же. Л. 54 об.–55.
[1548] Там же. Л. 56.
[1549] Там же. Л. 65.
[1550] Там же. Л. 174.

Острая потребность города в запасах казенного хлеба дала о себе знать уже в первой половине апреля. Возникшие трудности с доставкой продуктов привели к росту цен в лавках. Главнокомандующий уже думал о необходимости «открыть» запасной хлебный магазин, но 19 апреля к Москве подошли первые три струга с пшеницей, и решение было отложено «до будущей в том надобности»[1551].

По мнению главы края, хлебный магазин сильно помог «самым недостаточным» москвичам в 1787 г. Они могли купить муку, а торговавшие ей «промышленники» сделали «в ценах на хлебных некоторое уменьшение, зная, что достаточные люди запаслись хлебом, а недостаточные имеют способ получать из магазейна несравненно дешевле продажи торговой»[1552].

Не только начало весны, но и приход зимы приводил к кризисной ситуации на рынке хлеба Москвы. Ситуация особенно ухудшалась, когда зима уже наступала, а «зимник» еще не устанавливался. Так было во второй половине октября 1788 г., но государственные хлебные запасы тогда на продажу «не выбросили» – последнюю неделю месяца к городу добрались со своим хлебом крестьяне, которые привезли «из деревень более осьми тысяч четвертей, а по тому продажная на торгах цена противу бывшей пред сим несколько уменьшилась»[1553].

В 1787–1788 гг. в Первопрестольной вполне успешно работал механизм регуляции рыночной стоимости на хлеб за счет специально созданного казенного резерва. На 7 октября 1790 г. в московском запасном хлебном магазине «состояло» 13 505 четв.[1554] За несколько лет его функционирования стало ясно, что поддержание баланса цен на хлебном рынке Москвы даже для государства является весьма затратным мероприятием. В начале октября 1790 г. из денег, выделенных на магазин, осталось 5 184 руб. 29 ½ коп. В эту сумму вошли оборотные средства,

[1551] Там же. Л. 125.
[1552] Там же. Л. 208 об.
[1553] Там же. Л. 129.
[1554] Там же. Д. 582, ч. I. Л. 229 об.

возвращенные после продажа зерна по низким ценам. Этого не хватало для новых закупок и «приумножения» запасов резервного хлеба, а также для его коммерческого оборота в период роста цен с целью извлечения выгоды и тем самым для поддержания дальнейшего пополнения запасов.

Стремясь сохранить проект, новый главнокомандующий Москвы Прозоровский был вынужден просить императрицу ассигновать на магазин дополнительные средства, чтобы пополнить «исхудавший» оборотный капитал. Кроме того, он «испрашивал» денег на возведение новых складов в другом месте. По его мнению, было «необходимо перенести оные магазины», так как они «недостаточны», а выбранное его предшественником место «ниское и сырое». Кроме того, харчевни, находившиеся в непосредственной близости, в районе Зарядья, постоянно угрожали складу пожаром[1555].

Города Московской губернии являлись (как и в других административных образованиях Центральной России) важным перевалочным и складским пунктом соли, а также местом получения с ее продажи дохода в казну.

Соль именовалась по месту добычи и прихода в столичный город «водяною коммуникациею» по Оке и Москве из Нижнего Новгорода, где находился крупный склад «Соляной канторы». Для Москвы и поселений ее региона везли пермскую и илецкую соль. В случае недостатка дополнительно отправляли элтонскую.

Первопрестольной находился главный запасной магазин губернии, из которого снабжение продолжалось по городам края и соседних регионов страны[1556]. Москва, как важнейший склад соли в Центральной России, обязана была держать у себя ее «полуторогодовую препорцию». В 1776–1779 гг. продажа этого товара в «столичном городе» составила 332 150 пуд. в год[1557]. То же относилось ко всем городам Московской губернии, которым в октябре 1796 г. предписывалось содержать у себя совокупно соли «на год

[1555] Там же.
[1556] ПСЗ-I. Т. XXV. № 18703. С. 415.
[1557] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 568. Л. 142 об.–143.

запасу, по тому 1) что в оной [губернии] случается иногда нечаянное чрезвычайное умножение народа; 2) запас сей может в нужном случае вспомоществовать и тем губерниям, кои положением своим меньше отдалены от Москвы, нежели от запасных магазинов». Общая масса запаса («годовая препорция») при этом должна была составлять 1 758 624 пуд[1558].

К началу января 1780 г. в городе было «запасено» и хранилось 501 100 пуд., которые отложили только на московскую продажу. Помимо них из «старой» столицы предстояло развести находившуюся здесь соль по другим городам края, всего 198 890 пуд. Таким образом, в Первопрестольной концентрировались в виде полуторагодового запаса, развозившегося по местам, колоссальные объемы этого монопольного государственного товара – 700 тыс. пудов. Однако и эта величина не была конечной. К ней по требованию императрицы к концу 1780 г. требовалось добавить (вместо развезенных) еще 463 400 пуд. соли[1559].

Из московских соляных «магазейнов» соль развозили по городам и местам губернии, где были собственные склады, позволявшие хранить и тут же продавать этот продукт. Как показывает практика Калужской губернии, соль реализовывалась исключительно в городах-складах и дальше для продажи не транспортировалась. Тем более что это грозило потерями по дороге, вызванными трудностями транспортировки, а также просто разворовыванием.

Городами-складами соли в Московской губернии выступали десять поселений: Звенигород, Руза, Волоколамск, Можайск, Верея, Клин, Дмитров, Коломна и Серпухов, а также слобода Клементовская, сведения о местонахождении которой до наших дней не дошли. Нет указания на местоположении ее (во всех формах прочтения) и в наиболее обстоятельном справочнике В.С. Кусова[1560].

[1558] ПСЗ-I. Т. XXV. № 18703. С. 415.
[1559] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 568. Л. 142 об.–143.
[1560] Кусов В.С. Земли Московской губернии в XVIII веке. Т. II. М., 2004. С. 348.

Кроме того, соляные магазины функционировали в окрестностях городов: несколько близ Можайска по одному – в поселении Новом, около Клина, и в селе Рогачеве, по дороге на Дмитров.

Снабжение городов зависело от их доступности и сезонной проходимости дорог. В большинство мест соль везли исключительно после того, как устанавливался «зимний путь» (Звенигород – Руза – Волоколамск – Можайск – Верея). Круглогодично (по возможности) товар доставляли в города, расположенные на больших дорогах (Клин и Дмитров). Напрямую из магазинов Нижнего Новгорода снабжалась Коломна, что было связано с ее положением посреди речной окской дороги, ведущей непосредственно из пункта отправления. Серпухов также получал соль напрямую, но из Саратова и только «зимним путем».

Важной частью городских функций выступала организация продажи казенного вина, доходы от которого пополняли государственную казну. Создание и содержание казенных складов вина («винных магазинов») входило в перечень первоочередных задач глав городов и регионов. Правила хранения этого товара жестко регламентировались, что, впрочем, было вполне обоснованно, так как защищало от потерь (например, от огня) этот важный источник доходов государства. Так, при описании пожаров власти всегда особо характеризовали полученный от него ущерб для винных магазинов. То же полагалось делать во время военных конфликтов[1561].

Как показывают данные Сената, в уездных городах Московской губернии условия хранения вина в 1787–1788 гг. не всегда соответствовали установленным нормам. В 1787 г. в Никитске, Богородске, Воскресенске, Можайске, Клину и Дмитрове в нарушении правил (ст. 23 «Устава о вине»)[1562] не было каменных помещений для хранения казенного вина. Бочки с водкой стояли в деревянных сооружениях. Склады Воскресенска и Дмитрова оказались «совсем к хранению вина неспособны», а в остальных

[1561] ГА КО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 491. Л. 45–45 об.
[1562] ПСЗ-I. Т. XXI. № 15231. С. 255.

городах «пришли в совершенную ветхость, так что в некоторые и вино ставить опасно». Как отмечал автор отчета, в Бронницах «магазейна казенного совсем нет» и никогда не было[1563]. Правда, в богатой тогда Верее стоял каменный склад, но такой ветхий, что грозил падением и на поверку оказался абсолютно непригодным ни к какому ремонту[1564].

Впрочем, даже в имевшихся помещениях невозможно было разместить предписанное нормами «готовое количество вина». Это относилось ко всем без исключения уездным центрам Московской губернии. Недостающие площади арендовывали у обывателей. Но и эти сооружения представляли собой исключительно деревянные строения и признавались инспекторами «к сохранению вина не весьма способными»[1565].

Вскоре от властей уездных центров потребовали незамедлительно построить каменные, пригодные к эксплуатации винные магазины. Средства для возведения этих «непременных» для городов сооружений, разрешили брать из «особой строительной суммы» (20 тыс. руб.). Естественно, что на обустройство столь большого числа зданий (во всех городах сразу, да еще и выполненных непременно из кирпича и строительного камня) этих денег хватить не могло. По подсчетам, на возведение винных магазинов в уездных городах по смете требовалось 57 732 руб. 68 коп. Иными словами, эта сумма оказалась почти в 3 раза больше той, что выделялась на всю губернию. Кроме того, в постоянном и обширном строительстве нуждалась Москва[1566]. В связи с этим Сенат просил не использовать на строительство винных складов в уездных городах губернии ежегодную «строительную сумму», а ассигновать требуемые средства, «расчислив на каждой по 14 433 руб. 17 коп.»[1567].

В итоге проблему создания удобных винных складов так и не решили не только в городах Московской губернии, но и во многих регионах

[1563] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 578, ч. II. Л. 3.
[1564] Там же. Л. 2–2 об.
[1565] Там же. Л. 2 об.
[1566] Там же.
[1567] Там же. Л. 3 об.

империи. С 3 марта 1802 г. по указанию Сената было дозволено «во всех тех городах, где винных магазинов вовсе нет, или так обветшали, что починкою исправит их невозможно, делать вновь одни только винные земляные подвалы с деревянными внутри их, где грунт земли сыпучий, обрубами или каменными сводами смотря по надобности»[1568].

Центральное место в системе торговли казенным вином занимали питейные дома. Они были весьма заметными объектами не только в жизни города, но также в его структуре и облике. В первую очередь это относилось к Москве, так как данные заведения нередко занимали общественные здания и подпадали под планы реконструкции города Екатерины II. Так, при перепланировке и благоустройстве центра Москвы, при массовом сносе всех строений Охотного ряда один из питейных домов пришлось уничтожить. В итоге было принято решение о строительстве нового здания «противу части Монетного двора». Императрица лично предписала главнокомандующему в Москве графу Брюсу выстроить его только из «камня» и украсить «галереей с колоннами». Все работы по реконструкции города осуществлялись только по заранее подготовленным планам и чертежам, выполненным Казаковым.

Всего на очищение площади и возведение нового «питейного дома и галереи с колоннами» выделили весьма значительную сумму – 13 500 руб., большая часть которой, естественно, пошла на дорогостоящее «каменное» строительство[1569]. Можно предположить, что в источнике указаны не одно, а два здания, а колонны относились к стоявшему рядом сооружению. Но и тогда соседство украшенного здания потребовало бы от архитектора привести фасад питейного дома в соответствие с его стилем и богатым обликом. Екатерина II прилагала большие усилия, чтобы преобразовать Москву сообразно с ее официальным статусом «столичного» города.

[1568] ПСЗ-I. Т. XXVII. № 20167. С. 65.
[1569] ПСЗ-I. Т. XXII. № 16324. С. 532.

Транспортный узел и почтовая служба второй столичной губернии

Москва имела исключительное значение как транспортный узел империи. Будучи древней столицей, она на протяжении столетий ориентировала на себя дорожную сеть страны. К концу XVIII в. к городу шли 24 торговые магистрали, в том числе 14 главных[1570]. Семь из них относились к «большим почтовым дорогам»: Санкт-Петербургская, Архангелогородская, Владимирская, Астраханская, Тульская, Калужская, Смоленская[1571].

Главными речными дорогами губернии и ее центра во второй половине XVIII в. выступали реки Москва и Ока. Если первая являлась исторической осью Московской земли, формировавшей ее территорию, то вторая – естественной границей ядра Центральной России. Не случайно именно русло реки Оки на многие годы определило южный рубеж административных образований, составлявших данный регион.

Движение по реке Москве имело важную особенность: это была исключительно торговая артерия, не задействованная массово в каких-либо еще транспортных целях: связь, почта, пассажироперевозки. Ее использование было сконцентрировано на задачах доставки товаров от и к «столичному» городу.

Для рассматриваемого периода именно речные пути несли на себе основную нагрузку по перевозке товаров. Сухопутные магистрали играли по преимуществу роль подъездных трасс к речным портам вплоть до середины XIX столетия[1572].

Важнейшее место среди товаров, доставлявшихся на рынки городов, занимал хлеб. Собиравшиеся в Орле хлебные караваны шли к Москве при первой же возможности. Характеризуя «работу» реки, главнокомандующий Первопрестольной А.А. Прозоровский писал Екатерине II: «Москва река

[1570] *Ковальчук А.В.* Сердце российской торговли // История Москвы с древнейших времен до наших дней: в 3 т. М., 1997. Т. 1. Гл. VIII, §. 7. С. 327.

[1571] *Чернов С.* Указ. соч. С. 10.

[1572] *Истомина Э.Г.* Водные пути России во второй половине XVIII – начале XIX века. С. 23.

прокармливает город… без сей малой реки с нуждой великой дороговизной сей город существовать бы мог»[1573].

Используя реки, власти перемещали в первую очередь стратегические государственные товары: хлеб, соль (с главных складов ее развозили на второстепенные) и железо. Кроме того, во второй половине 1780-х годов вверх по Москве-реке от Коломны к «старой столице» впервые начали доставлять «на барках дрова»[1574] (сказалось уничтожение лесов окрест Москвы).

Помимо снабжения Московской и соседних губерний хлебом, через Московскую губернию шла масса судов с этим товаром – транзитом к Петербургскому порту, часть из них разгружалась в Коломне и Москве, а затем могли следовать и гужевым путем следовало по дорогам края. Один из таких караванов по личному распоряжению императрицы главнокомандующий Еропкин в письме от 29 октября 1786 г. обещал пропустить «без всяких остановок и затруднений» со стороны городничих, уездных исправников и земских судов[1575].

Уже тогда Москва-река считалась мелководной[1576]. Зачастую из-за непредсказуемых природных условий Среднерусской полосы речное движение оказывалось трудным и даже крайне опасным[1577].

Из-за «мелководья» Москвы важную транзитную роль играла Коломна, которая не только «пропускала через себя» караваны с зерном с запада и с солью – с востока. В городе большие окские корабли разгружались «на разные суда, и с малым грузом»[1578]. По-видимому, отсюда и появилось понятие «коломенка». По наблюдению основательно изучившей данный вопрос Э.Г. Истоминой, наименования кораблей не были связаны с их

[1573] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 582, ч. II. Л. 210 об.
[1574] Там же.
[1575] Там же. Д. 578, ч. I. Л. 210.
[1576] Там же. Д. 582, ч. II. Л. 210 об.
[1577] *Истомина Э.Г.* Водные пути России во второй половине XVIII – начале XIX века. С. 27–29.
[1578] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 582, ч. II. Л. 210 об.

типологией. Они возникали под влиянием различных причин[1579]. Коломенка же, исходя из ее роли на речной трассе к Москве, может быть расценена в данном случае как малое судно, задача которого состояла в том, чтобы обеспечить перевозку по мелкой Москве-реке между Коломной и Первопрестольной. Основная же трасса по полноводной Оке преодолевалась за счет судов большей грузовместимости, например, барок, бравших на борт до 20 тыс. пудов и имевших 6–15 человек команды[1580]. Движение по Оке было более свободным, хотя так же не гарантирующим легкого перемещения.

Реки продолжали «работать» и после того, как замерзали. Более того, перемещение товаров в это время года активизировалось, так как становилось возможным использовать зимний путь, пролегавший в том числе по руслам замерших рек. Но когда зимник еще (или уже) не функционировал, межсезонье разрывало связи не только между городами, но и целыми регионами страны.

Поскольку мостов как стационарных объектов практически не было, то река в такие моменты представляла собой, без преувеличения, непреодолимое препятствие. Поэтому особое значение для сухопутного движения имели города, стоявшие на реках и обеспечивавшие переход как на другой берег, так и, по сути, в другую часть страны. Таким образом, чрезвычайную роль в транспортной системе России играли городские мосты. При этом исключительная роль принадлежала именно Москве.

В 1781 г. в крайне ветхом состоянии находился один из главных транспортных узлов и города, и всего региона – знаменитый «Большой Каменный» (он же Всесвятский) мост, построенный близ Боровицкой башни Кремля. Не случайно вопрос о необходимости его восстановления обсуждался на самом высоком уровне[1581].

[1579] *Истомина Э.Г.* Водные пути России во второй половине XVIII – начале XIX века. С. 49–50.

[1580] *Ее же.* Водный транспорт России в дореформенный период. С. 27–28.

[1581] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 574. Л. 117–118 об., 175.

Важнейшей частью функционирования транспортной системы края выступало строительство и поддержание мостов и переправ. В начале правления Екатерины II в Первопрестольной «счислялось» 23 моста[1582]. В том числе 4 каменных. Из них через Москву-реку был переброшен всего один – Всесвятский (Каменный или Большой Каменный) и три – через Неглинку: Троицкий (Старый каменный у Троицкой башни)[1583], Воскресенский (у одноименных ворот Китай-города) и Кузнецкий[1584].

Строительство Большого Каменного моста было закончено еще в 1687– 1689 гг.[1585] При этом именно на него, невзирая на столь почтенный возраст сооружения, легла основная нагрузка транспортного сообщения как между частями города, так и регионами всей Европейской России. Таким образом, обеспечение функционирования этой конструкции (к тому моменту весьма обветшавшей) имело чрезвычайное стратегическое значение для государства.

Со времен, о которых уже никто не помнил («издревле положено»), на «продление» окладных мостов выделялось в год 2 642 руб. 89 ½ коп. Но цены на строительные материалы постоянно росли. К 1782 г. за «столь малую сумму», по выражению главнокомандующего города, «не могли оные мосты никогда в исправности быть»[1586]. В связи с этим генерал-губернатор просил выделить на содержание всех 23 сооружений по 6 тыс. руб. в год. Эти деньги были заложены в смету Управы благочиния[1587], в ведении которой состояли, в том числе, и вопросы поддержания состояния мостов и переправ.

Необходимо отметить, что для мостов постоянно существовала угроза не просто выхода из строя, а уничтожения. Даже в отношении каменных сооружений. В первую очередь это было связано с периодом вскрытия рек (ледоходом и большой водой). В середине апреля 1783 г. река Москва

[1582] Там же. Д. 575, ч. I. Л. 161 об.
[1583] Малиновский А.Ф. Указ. соч. С. 131.
[1584] Москва: энциклопедия. М., 1997. С. 524.
[1585] *Малиновский А.Ф.* Указ. соч. С. 131; Москва: энциклопедия, 1997. С. 524.
[1586] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 575, ч. I. Л. 161 об.
[1587] Там же. Л. 161 об.–162.

разлилась особенно сильно. Постройки, стоявшие напротив Кремля на правом берегу, все были затоплены «выше фундамента»[1588]. Когда к концу месяца вода окончательно спала, выяснилось, что она сильно повредила Всесвятский мост[1589], у которого «одна арка весьма тронулась»[1590]. 11 мая в Петербург отправили проект ремонта, затраты на который должны были составить 213 тыс. руб.[1591] Но ответ так и не был получен. В итоге в середине февраля следующего года главнокомандующий Москвы повторно заявил, что мост не только пришел в «большую ветхость», но может скоро перестать функционировать, так как уже имелась значительная опасность «в проезд по сему мосту»[1592].

Сменивший Чернышева Брюс практически сразу по вступлению в должность тоже принялся писать в Петербург о необходимости ремонта единственного каменного моста через Москву-реку. В качестве компенсации затрат он предлагал заложить на нем лавки, которые дали бы доход и позволили вернуть потраченные на ремонт средства[1593].

В 1785 г. (не позднее весны) ситуация с мостами оставалась критической. В записке, составленной в канцелярии главнокомандующего, отмечалось: «В здешней столице мосты, соединяющая части города, почти все деревянные и в крайней ветхости и грозят рушением… 8 мостов». На их починку срочно требовалось 10 тыс. руб.[1594]

В том же году власти приступили к ремонту Большого Каменного (Всесвятского) моста. Они провели не только «косметические работы» (убрали лавочки, сделали каменные перила)[1595], но и укрепили конструкцию сооружения. Этот факт подтвержден как деятельностью главнокомандующих и оставленными ими отчетами, так и свидетельством современника и

[1588] Там же. Ч. II. Л. 49.
[1589] Там же. Л. 148 об.
[1590] Там же. Л. 51 об.
[1591] Там же. Л. 149.
[1592] Там же. Л. 148 об.
[1593] Там же. Д. 576. Л. 29.
[1594] Там же. Л. 177.
[1595] Носарев Н.В., Скрябина Т.А. Указ. соч. С. 113.

большого знатока истории города А.Ф. Малиновского, отметившего: «Нынешний мост на арках отстроен в 1785 [году] инженер-полковником Иоганном Герардом»[1596]. Речь при этом шла не о завершении, а о начале строительства, продолжавшегося и в 1791 г.[1597] Всего Всесвятский мост отслужил почти 170 лет и был разобран в 1857–1858 гг.[1598] В 1859 г. его сменил новый Каменный мост[1599].

В 1786 г. в начале ноября в Хамовниках был вновь отстроен разрушенный наводнением Никольский мост через Москву-реку[1600]. На его дальнейшую эксплуатацию требовалось ежегодно «не менее 500 руб.»[1601], что говорит о постоянном уничтожении этой «коммуникации» весенними и летними наводнениями.

В апреле 1787 г. в ходе очередного буйства реки были повреждены контрфорсы у главного городского моста[1602]. В осеннее половодье 1788 г., 5–6 ноября, большая вода и лед повредили два моста (Дорогомиловский и Москворецкий) из трех, по которым «город» сообщался с Замоскворечьем. Подобного рода события угрожали замедлить движение между частями всей Европейской России. Судя по всему, поломки оказались серьезными, так как движение полностью пошло по единственно оставшемуся Каменному мосту[1603]. Но на рубеже марта – апреля 1789 г. сильный ледоход сломал у него еще два контрфорса[1604].

Разгул природной стихии мог произойти в любое время года. Так, 1 декабря 1791 г. в городе началось очередное большое наводнение. Продолжительные дожди привели к подъему уровня реки. К 9 часам утра он вырос на 3 аршина. Вода взломала уже установившийся лед, и эта масса

[1596] *Малиновский А.Ф.* Указ соч. С. 132.
[1597] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 582, ч. II. Л. 128.
[1598] *[Ульянова Г.Н.].* Берсеневка. Земля и люди. М., 2011. С. 47.
[1599] *Носарев Н.В., Скрябина Т.А.* Указ. соч. С. 113.
[1600] Там же. Ч. IV. Л. 49 об.
[1601] Там же. Ч. I. Л. 199–199 об.
[1602] Там же. Ч. II. Л. 180.
[1603] Там же. Ч. III. Л. 131–131 об.
[1604] Там же. Ч. VI. Л. 54 об.

начала сносить все на своем пути. Первым был полностью разрушен Дорогомиловский мост. Затем «вышибло льдом несколько свай из средины Москворецкого моста, оной разорвало, и снесло стоявших ниже онаго 14 пустых барок»[1605]. Затем таран из воды и льда стремительно достиг Краснохолмского плавучего моста, повредил его конструкцию и «рассеял» строительные наплавные «материалы… в недальнем расстоянии от города» (благодаря этому они впоследствии были все собраны)[1606].

Мосты «гибли» не только от воды, но и от огня. Во время большого пожара, случившегося в ночь 24 июля 1787 г. на Балчуге[1607], сгорел Высоко-Пятницкий мост[1608]. В августе наместник отчитывался о работах по его восстановлению. Правда, денег на это не было и их взяли из суммы, ассигнованной на ремонт Каменного моста[1609]. В итоге решили вместо бывшего деревянного Высоко-Пятницкого строить каменный «[м]ост называемый Объездной»[1610], возведение которого «с работою и материалами стать может» по представленной смете в 27 040 руб.[1611] На исходе 1787 г. оба сооружения были готовы. Объездной мост «заработал» еще в конце августа[1612], благодаря чему «коммуникация с Замоскворецкою частью города» осуществлялась уже «без прерывно»[1613].

Деньги на «мостовые работы» требовались немалые, и властям приходилось их постоянно «изыскивать». Так, один из мостов через Москворецкий (Водоотводный) канал, построенный к 1786 г., возводился на средства, вырученные от продажи специально отданного на аукцион0

[1605] В это время Москворецкий мост был наплавным и в преддверии половодья его снимали (Там же. Д. 582, ч. I. Л. 43 об.).
[1606] Там же. Д. 580. Л. 53.
[1607] Там же. Л. 149.
[1608] Там же. Д. 578, ч. II. Л. 40.
[1609] Там же. Л. 265.
[1610] Там же. Л. 167 об.
[1611] Там же. Л. 267.
[1612] Там же. Л. 40.
[1613] Там же. Л. 40, 167 об.

казенного здания, – старого Сената в Немецкой слободе, принесшего в казну не так и много – всего 8 380 руб.[1614]

Постоянные подновления мостов обходились в приличную сумму. За восемь лет (1783–1790 гг.) только текущие расходы на поддержание речных переходов в пределах Москвы обошлись казне в сумму 34 360 руб. 8 ½ коп.[1615]

Особо остро проблема наведения мостов стояла в уездных городах. Нехватка выделенных государством денег не освобождало местные власти от обязанности содержать «в исправности» вверенные им мосты и перевозы. Таким образом, хотя бы на один текущий год чиновникам надо было найти недостающую сумму в размере порядка 1 307 руб. 80 коп. В их поисках губернское правление буквально «скребло по сусекам». Привлекли даже остатки от сумм, отложенных на поддержание императорских покоев в Московском кремле, но собрать необходимые деньги так и не смогли[1616]. Вскоре возникла и еще одна проблема. Стало известно «о ветхости находившегося в воскресенской округе на большой Дмитровской дороге через реку Клязьму» моста, на что требовалось еще 634 руб. 80 коп.[1617] Одновременно большие мостовые работы шли и в самой Москве: Никольский мост в Хамовниках, каменный Всесвятский и «проходящий от него чрез Болото и течение канала Козмодемьянский мост»[1618]. Имевшиеся средства направлялись туда. Пришлось брать деньги из «двухпроцентной суммы», полученной за продажу имений.

На 21 марта 1790 г. было собрано всего 7 273 руб.[1619] Показательно, что вопрос о получении столь незначительного капитала решался лично императрицей, которая 5 апреля 1790 г. дала на это свое согласие[1620].

[1614] Там же. Ч. VI. Л. 3 об.
[1615] Там же. Л. 134.
[1616] Там же. Л. 13 об.–14.
[1617] Там же. Л. 14.
[1618] Там же. Л. 14 об.
[1619] Там же.
[1620] Там же. Л. 64.

Важную роль в обеспечении транспортного сообщения страны играл Богородск, расположенный на Владимирской дороге при переправе через реку Клязьму. Инспектировавший города губернии в сентябре 1787 г. московский главнокомандующий Еропкин особо отметил плохую работу местного города по налаживанию «перевоза через Клязьму», а паром был охарактеризован сановником как «самый недостаточный»[1621].

В 1782 г. после завершения подготовки к «открытию» Московской губернии главнокомандующий Москвы Долгорукий-Крымский занялся учреждением почтовых (дорожных) карт новой Московской губернии[1622]. Исключительное внимание к этому делу было вызвано особым предписанием императрицы[1623]. Она велела незамедлительно открыть почтовые конторы в Клину, Коломне, Можайске, позже – в Серпухове (в главных почтовых станциях губернии)[1624].

Требовалось также возвести в уездных городах специальные здания для почтовых контор. Примерную смету проекта составили на основании опыта, полученного в Киевской губернии. Всего предусматривалось затратить на один комплекс в каждом из трех уездных центров по 9 326 руб. 66 коп.[1625] Согласно тексту отчета в сентябре 1782 г. соответствующее здание в Клину было уже практически полностью готово[1626]. К возведению двух других почтовых контор – в Коломне и Можайске – тогда еще не приступили[1627].

Впрочем, при Долгоруком-Крымском в деле учреждения почт в Московской губернии сделано было очень мало. Не случайно новый главнокомандующий Первопрестольной Чернышев в составленном им перечне основных дел (полтора десятка пунктов, необходимых к выполнению перед «открытием» губернии) особо отметил «Положение о

[1621] Там же. Ч. II. Л. 143–144 об.
[1622] Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 574. Л. 257 об.
[1623] РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 30. Л. 1.
[1624] Там же. Д. 39. Л. 3 об.
[1625] Там же. Д. 30. Л. 97–98 об.
[1626] Там же. Л. 60.
[1627] Там же. Л. 60 об.

содержании почт»[1628]. Для осуществления этой работы в последних числах августа – на первой неделе сентября 1782 г., несмотря на дождь, он осматривал дороги Клинского уезда. В итоге 5 сентября сановник отправил Екатерине II «расписание станций, описание дорог и мнение о распоряжении почт в Московской губернии»[1629].

К августу 1782 г. Чернышев осмотрел основную часть почтовых станций вверенного ему края. В каждом уездном городе учредили по одной станции и несколько – стояли на дороге, ведущей в Петербург. Все здания были «каменными» и построенными по одному проекту[1630]

Большую сложность представляло «устроение» почтамта в Москве. Дом, который до этого выполнял его функции (бывшая усадьба Феофана Прокоповича)[1631], был признан непригодным, и его планировали оставить «навсегда принадлежащим почтамту, назнача в нем квартиру для конюшего и, учинив пристройки для содержания также почтамтских лошадей»[1632]. Здание это, войдя в историю города как Старый почтамт, и по сей день выполняет свои функции. Здесь работает одно из почтовых отделений нынешней Москвы – № 101 000.

Определенные трудности «устроения» нового почтамта были вызваны и тем, что он должен был соответствовать «столичному городу». Причем данное условие особо прописывалось властям Москвы и губернии: «а для помещения здешнего почтамта, во уважение как здешней столицы»[1633]. Также подчеркивалось, что Первопрестольная вступает в качестве не просто губернского, а крупного межрегионального центра страны: «и дела в большем пред прочими губернскими городами числе будут»[1634].

При данных обстоятельствах возникали дополнительные требования к работе почты и качеству выбранного для нее здания. Однако сложилась

[1628] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 575, ч. I. Л. 35 об.
[1629] Там же. Л. 114–114 об.
[1630] Там же. Ч. II. Л. 154 об.
[1631] Москва: энциклопедия, 1997. С. 658–659.
[1632] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 575, ч. II. Л. 154 об.
[1633] Там же; ПСЗ-I. Т. XLIV, ч. 2. № 18938. С. 328–329.
[1634] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 575, ч. II. Л. 154 об.

парадоксальная ситуация. Обозначив высочайший статус сооружения, средств на его исполнение московским властям не выделили. Они были вынуждены «изыскивать» только те варианты, которые позволяли экономить и без того ограниченные ресурсы. Поэтому с самого начала пришлось отказаться от возможности строительства специального, нового, соответствовавшего статусу и задачам сооружения. Его требовалось найти среди имевшихся зданий, причем надо было выбрать только то, которое государство в дальнейшем смогло бы забрать для своих нужд.

Чернышев предположил использовать для этой цели «старый состоящей на Стретенке[1635] казенной дом, бывший князя Голицына, которой теперь по перемещении из него Камер-коллегий учинился праздным»[1636]. Но власти отказались от такого выбора – из-за характеристик здания.

И только в 1792 г. для возведения почтамта они приобрели земельный участок на ул. Мясницкой, близ Чистых прудов[1637]. Это была часть бывшей усадьбы светлейшего князя А.Д. Меншикова. Его дворец и использовали для устройства почтамта[1638]. Он «пережил» события 1812 г. и сегодня находится там же, правда, в новом, специально возведенном для него в 1912 г. здании.

Московский почтамт имел исключительный штат, аналогичный штату Петербургского почтамта (прочие шли по «общему штату»). Согласно нормам 1799 г., в новом учреждении трудились 211 человек (10 регистраторов, 7 экспедиторов, 14 протоколистов, 15 сторожей, 60 «почталионов», 60 инвалидов и др.). В штате предполагались места для доктора, лекаря и подлекаря. Годовой расход на содержание сотрудников московского почтамта составлял 89 705 руб. 47 коп. Для нестоличных заведений эта сумма была в два раза меньше[1639].

[1635] Ул. Сретенка.

[1636] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 575, ч. II. Л. 154 об.

[1637] Москва: энциклопедия, 1997. С. 659.

[1638] *Саваренская Т.Ф.* Москва конца XVIII – XIX вв. как художественное целое // Архитектурные ансамбли Москвы XV – начала XX веков: принципы художественного единства / под ред. Т.Ф. Саваренской. М., 1997. С. 262.

[1639] ПСЗ-I. Т. XLIV, ч. 2. № 18938. С. 328–329.

В 1794 г. вышло распоряжение о строительстве «каменных» почтовых домов в тех городах, где сборы за перевоз корреспонденции составляли более 1 тыс. руб. Единственным уездным городом края, подпадавшим под эти требования, стала Коломна. Возведенное здесь не позднее 1800 г. здание дошло до наших дней, хоть и в несколько измененном виде[1640].

Учреждения ведомства Приказа общественного призрения: органы медицинской и социальной помощи. Санитарная инспекция и ветеринария

Еще до «открытия» губернии местные власти приступили к учреждению структур, которые должны были оказаться в ведении Приказа общественного призрения. Так, летом 1777 г. был основан инвалидный дом для отставных штаб- и обер-офицеров. С 1 января 1778 г. на его нужды согласно императорскому указу Коллегии экономии поручалось выдавать в течение пяти лет по 25 тыс. руб. «на год». Деньги клали в Дворянский банк, а на полученные проценты содержалось определенное число лиц[1641]. В 1778 г. в банк передали 1,5 тыс. руб., в 1779 г. – еще 3 тыс. руб. В последующие годы государство должно было выдать «еще погодно» 4,5 и 6 тыс. руб.[1642]

Несколькими годами раньше, 12 августа 1775 г., в Москве указом императрицы была учреждена больница для отставных солдат. Заведение находилось «под ведомством полиции»[1643]. В 1779 г. императорским указом на ее строительство разрешили использовать «от Екатерининского дворца бракованный кирпич» и ту часть суммы, что не уйдет на обслуживание самого заведения (2 320 руб. 50 коп.)[1644].

[1640] *Ломако Е.Л.* Русский провинциальный город екатерининской эпохи ... С. 210.
[1641] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 573. Л. 4.
[1642] Там же. Л. 10.
[1643] Там же. Л. 5.
[1644] Там же. Л. 10.

В том же году генерал-губернатор Н.П. Архаров получил распоряжение составить штатное расписание инвалидного дома для бывших военнослужащих. При подготовке финансового плана губернатор, стремясь добиться экономии, предложил объединить оба благотворительных учреждения в одно[1645]. Отставные солдаты выполняли роль прислуги инвалидов-офицеров и одновременно «столовались»[1646].

Согласно смете в больнице содержалось 25 инвалидов из числа штаб- и обер-офицеров и 13 солдат-инвалидов (в том числе как прислуги). На пропитание одного человека в день для офицеров выделялось по 20 коп., для солдат – по 5 коп.[1647] Отдельно «на одежду, обувь и на все содержание» офицеров предусматривалось 60 руб. в год. На эти деньги полагалось закупать и «раздавать им готовое, а именно: мундир, шляпа с позументом, шапка в два года; кровать с пуховиком, три подушки, одеяло и три простыни в пять лет; халат, два колпака, двои туфли, двои сапоги, трои чулки и белья три перемены обыкновенного и два верхних с манжетами в год»[1648]. Отставным солдатам (прислуге), находившимся в больнице, выплата жалованья или выдача вещей не полагались[1649].

Инвалидный дом открыли 1 сентября 1779 г. В тот же день при нем освятили домашнюю церковь. Первыми постояльцами оказались четыре человека, пятым должен был стать поручик Романов, «определенный» в заведение лично императрицей, но к 4 сентября не явившийся[1650]. В конце августа 1785 г. в нем содержался полный штат подопечных – 25 «инвалидов штаб и обер-офицерского чина»[1651].

В 1801 г. после устроения в Москве Тайной экспедиции ее здания (в начале ул. Мясницкой, по левой ее стороне) передали в распоряжение

[1645] Там же. Л. 4–5.
[1646] Там же. Л. 9–9 об.
[1647] Там же.
[1648] Там же. Л. 22.
[1649] Там же. Л. 9.
[1650] Там же. Л. 16.
[1651] Там же. Д. 577. Л. 17.

приказа. В помещениях разместили военных инвалидов и лиц с психическими заболеваниями[1652].

12 августа 1775 г. главе московской полиции Н.П. Архарову пришло высочайшее распоряжение – учредить в городе работный дом (еще его называли «особой больницей и богадельней»[1653]), а также взять это заведение под свой контроль[1654]. Однако завершение «устроения» в Москве работного дома произошло только после прихода на должность главнокомандующего города Брюса, который в отчете за 1785 г. писал, что «в оной столице нет ни смирительного, ни рабочего дому»[1655]. В результате были созданы сразу два отделения работного дома. Первое, предназначенное для мужчин, находилось за Сухаревой башней, в здании бывшего Карантинного дома, второе (для женщин) – при Андреевском монастыре[1656].

По имевшемуся «плану» (инструкции) в учреждение забирали закоренелых бродяг-тунеядцев. В терминологии второй половины XVIII в. – «ленивцов молодых лет приобвыкших праздно шататься, прося бесстыдно милостыни»[1657]. Главная цель заведения состояла в том, чтобы «прекратить им средства к развратной праздности»[1658]. Подопечных планировали употреблять «для пиления камня и на другие работы»[1659]. В 1778–1779 гг. в Москве содержавшихся в работном доме использовали «летом к земляным работам в садах и огородах болнишных в пользу в больнице и богадельне находящихся, а зимою так же для домовых работ и для пиления камня». Трудились они ежедневно «со отдохновением в летние дни по два, а в зимние по одному часу»[1660].

[1652] *Сорокин В.В.* Памятные места Мясницкой улицы // Наука и жизнь. 2000. № 3. С. 109.
[1653] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 573. Л. 59.
[1654] Там же. Л. 58.
[1655] Там же. Д. 576. Л. 176.
[1656] *Гернет М.Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 88.
[1657] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 573. Л. 59.
[1658] Там же.
[1659] Там же. Л. 59.
[1660] Там же. Л. 59 об.

Все время пребывания в заведении «ленивцы» и «предерзостные» находились в нем «безвыпуску». Согласно отчету Архарова сила к ним не применялась, кроме как при необходимости «понуждения к работе». Впрочем, московский обер-полицмейстер как-то оговорился, что телесные наказания «могли быть в сем доме… разве кто оное особливым в свою бытность тут преступлением заслужит»[1661].

В августе 1785 г. «жителей» работного дома подрядили «сделать строения завести кирпичной завод»[1662]. Женщины были задействованы «в прядильном рукоделии»[1663] и уходе за содержавшимися в богадельне[1664] при Андреевском монастыре «сестрами»[1665]. Всего на конец августа 1785 г. в доме состояли «на лицо мужеска 41, женска 19 чел.»[1666].

В начале 1786 г. пребывавшие под замком тунеядцы использовались на работах – в инвалидном доме, больнице, Андреевском монастыре на Воробьевых горах, где содержались умалишенные[1667], а также «при аптеке, домашних садовых и огородных работах, и при строении богаделенного дома», за счет чего шло сокращение расходов на их обслуживание. За эту работу им «зачитается с половины сентября, по май месяц по 13-и коп., а с мая [до] сентября до половины по 15-и коп. женщинам же во полы; выключая из того на пищу в день по 3 коп.»[1668].

В 1785 г. в Москве появился свой смирительный дом. В нем в конце августа значились 28 человек обоего полу. На каждого из них выделялось в день по 3 коп. «кормовых денег». В заведении содержали лиц, присланных из числа бродяг, не желавших участвовать «в городовых работах»[1669].

[1661] Там же.
[1662] Там же. Д. 577. Л. 15 об.
[1663] Там же. Д. 576. Л. 271 об.–272.
[1664] Там же. Д. 577. Л. 17.
[1665] Там же. Л. 15 об.
[1666] Там же.
[1667] *Пушкарев Л.Н.* Москва в XVIII столетии. Благоустройство Москвы // История Москвы с древнейших времен до наших дней: в 3 т. М., 1997. Т. 1. Гл. VIII. С. 292.
[1668] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 577. Л. 15 об.
[1669] Там же. Л. 17.

В 1782 г. в Москве при церквях функционировало несколько богаделен, получавших средства из Коллегии экономии и от жертвователей («частных людей»). Проводивший ревизию города Чернышев сообщал, что всего здесь получали призрение до 698 человек. При этом сановник оговаривался, что эту цифру ему назвали, но он «еще не имел… времени» осмотреть заведения и проверить их состояние[1670]. По другим сведениям, в начале 1786 г. данный показатель был скромнее: «мужеска и женска пола 258 чел.». Кроме того, 56 «богаделенных» людей жили при церквях, имея «особое содержание». Еще 50 человек состояли при богадельнях, получая в год по 5 руб.[1671]

По подсчетам Н.В. Козловой, специально изучавшей вопрос состояния органов призрения в Москве, в начале 1780-х годов в ней было 87 богаделен, в том числе 22 – устроенных частными лицами. В основном сюда принимали людей «разного звания», но имелись и узко ориентированные. Так, состоявшая в Пречистенской части богадельня графа Г.И. Головкина принимала только «крепостных женок». В другой, находившейся в Никитский части и устроенной усилиями настоятеля церкви Знамения Пресвятой Богородицы у Петровских ворот, жили «престарелые солдатские жены»[1672].

Приказ общественного призрения после своего «открытия» (1782 г.) отказался принять под собственное управление богадельни, организованные при церквях, а также устроенные частными благотворителями. В ведении государственного-благотворительного ведомства перешли только 25 устроенных Коллегией экономии учреждений[1673].

Согласно данным Московской епархии и полиции за 1782 г., богадельня, созданная на средства Магистрата и купечества, функционировала за Гостиным двором, принимая у себя до 100 человек

[1670] Там же. Д. 575, ч. I. Л. 10 об.
[1671] Там же. Д. 576. Л. 271 об.–272.
[1672] *Козлова Н.В.* Указ. соч. С. 309–312.
[1673] Там же. С. 309, 313.

обоего пола. Кроме того, для нужд обездоленных в 1795–1806 гг. при казенной Екатерининской больнице состояли 15 «гильдейских кроватей». Еще 115 человек получали вспомоществование от предписанного указом от 1781 г. кружечного сбора по церквям.

В 1806 г. в перестроенное и отремонтированное здание Андреевского монастыря перевели несколько престарелых и неимущих лиц, обитавших до того в разных наемных домах Москвы на средства «купеческого общества»[1674].

Свои богадельни, по-видимому, были и при уездных городах края. Однако и здесь эти учреждения возникали в первую очередь по частной инициативе и могли «то открываться, то исчезать». Во всяком случае, на 1 сентября 1785 г. подобные структуры не функционировали ни в одном из уездных центров[1675].

С «открытием» губернии власти должны были незамедлительно приступить к созданию по городам органов местного здравоохранения.

В 1782 г. в Москве действовали три стационара: военный госпиталь в Лефортово и две больницы. Так называемая Екатерининская больница (впоследствии Староекатерининская) была учреждена лично императрицей (1775 г.). Здесь на 7 марта 1782 г. «пропитание и содержание выгодное» имели «до 200 чел.»[1676]. Ее прямым наследником является научный медицинский центр Московской области «Моники». Другое лечебное заведение, основанное в честь выздоровления наследника Павла Петровича, именовалось часто как Павловская (1763 г.), а позже «Четвертая градская больница». Это заведение также работает и сегодня, причем на том же месте – у Серпуховских ворот. Помимо них еще одним лечебным заведением выступал инвалидный дом. Первое время это учреждение наряду с больницами находилось в ведении губернатора[1677].

[1674] Там же. С. 88–89.
[1675] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 576. Л. 151 об.
[1676] Там же. Д. 575, ч. I. Л. 10–10 об.
[1677] Там же. Л. 10 об.

В отчете Брюса за 1785 г. упоминается только одна московская больница, по-видимому, Екатерининская. Впрочем, это может означать функционирование всех заведений как единого комплекса. Согласно данному документу медицинская система города работала, но могла принять «по тесноте строения обоего пола до 150-и человек», что было крайне недостаточно, учитывая размеры Москвы[1678]. На лечение этих полутора сотен больных в 1789 г. требовалось тратить в год от 15 до 19 тыс. руб.[1679] Кроме того, при заведении жили сотрудники: «медицинские чины, смотрители и служители больных»[1680], всего до 80 человек[1681]. К тому времени деревянные постройки «больницы» стали приходить в ветхость[1682].

В конце августа 1785 г. в Екатерининской больнице лечился 81 человек. Первоначально заведение было рассчитано на 50 коек, но вскоре их стало 150[1683] (в том числе 80 – «безденежные», 40 – платные, по 3 руб. в месяц)[1684].

Имеющиеся архивные данные позволяют сделать некоторые выводы о работе лечебного заведения. Известно, что при больнице функционировала «электризическая машина». Врачи делали операции по удалению камней («каменной болезний аперация»), причем приходившим «изо всех губерний». По официальным данным, за год здесь вылечивали до 700 человек[1685]. Всего в Екатерининскую больницу с момента ее учреждения в 1775 г.[1686] по 1785 г. поступили 1 866 человек, из которых 1 660 были выписаны и 121 умер[1687].

С первых дней работы московских лечебных заведений в них наблюдался постоянный поток посетителей. Но данная структура была практически только что создана и не могла в таком густонаселенном крае,

---

[1678] Там же. Д. 576. Л. 176.
[1679] Там же. Д. 555, ч. II. Л. 153 об.
[1680] Там же. Д. 576. Л. 176.
[1681] Там же. Л. 176 об.
[1682] Там же.
[1683] Там же. Д. 555, ч. II. Л. 153.
[1684] Там же. Д. 579. Л. 4 об.
[1685] Там же. Д. 579. Л. 4 об.–5.
[1686] Там же. Д. 555, ч. II. Л. 153.
[1687] Там же. Д. 577. Л. 15.

каким являлась Москва и ее губерния, удовлетворить всех страждущих. Неудивительно, что принявший Екатерининскую больницу под свое начало тайный советник М. Дмитриев-Мамонов писал императрице в марте 1789 г.: «…находится она почти одна, то непрестанно бывает людьми наполнена, и затем принуждено иногда многим требующим отказывать»[1688].

Таким образом, к концу 1780-х годов стало очевидно, что главное лечебное заведение города уже не могло справиться со своей нагрузкой. Не выдерживали даже здания. И до того не отличавшиеся крепостью, они пришли в полное расстройство. Инспектируя больницу, Дмитриев-Мамонов сообщает императрице: «А что есть наличное, то уже пришло в ветхость»[1689]. Далее он пишет: «Все имеющееся во оной больнице деревянное строение, пришло… в крайнюю ветхость, и застал я уже аптекаря со всею больничною аптекою и лабораториею, помещенными в некоторых покоях каменного Инвалидного дома, коего верхний этаж и кровлю главного корпуса так же не могу я назвать не ветхими, и затем от ныне без починки некоторых в той больнице старых деревянных корпусов, и без пристройки по необходимости, хотя на время до будущего впредь усмотрения какого-нибудь нового строения, никак сей больницы в настоящем своем положении на прежнем месте остаться невозможно»[1690].

По итогам проверки он составил обстоятельный план (с перечнем необходимых исправлений. Реконструкция сооружений, помимо улучшения их качеств, должна была привести к росту числа коек – их планировали увеличить до 160[1691]. Однако это были лишь самые необходимые меры. Дмитриев-Мамонов планировал, по сути, построить новое лечебное учреждение. Он даже рассматривал вопрос о переносе Екатерининской больницы в другое место. Им должно было стать освободившееся после секуляризации Крутицкое подворье. Однако от этого плана отказались, так

[1688] Там же. Д. 555, ч. II. Л. 153.
[1689] Там же.
[1690] Там же. Л. 153 об.–154.
[1691] Там же. Л. 156.

как «бывшей крутицкий архиерейской дом, хотя бы по своему натуральному положению и был многим удобнее, затем что находится на самой Москве-реке, по течению ее ниже города, но имеет берег песчаной, подмываемой ежегодно полою водою, то и для укрепления его одного потребовалось бы не малая денежная сумма, а затем все оставшееся на том дворе каменное строение, хотя и есть для тогдашнего только архиерею пребывания довольное, но для больницы весьма малое, и не заслуживает того, что к нему что-нибудь вновь прибавливать»[1692].

В итоге решили оставить заведение на прежнем месте, «произвести починку шести корпусов старых» и осуществить «построение вновь одиннадцати деревянных и четырех каменных». Общий расход согласно смете составил 231 760 руб. 80 коп.[1693]

Финансировать проект должен был Приказ общественного призрения, на балансе которого состояла больница. Однако он не только не располагал необходимыми средствами для ремонта, но и не мог предоставить лечебному заведению «обязательные» для него деньги. Так, «ежегодно на всякие по оной больнице расходы денег» достигали 44 тыс. руб. Ведомство могло предоставить лишь 16 211 руб. К ним могла быть прибавлена сумма, собиравшаяся за лечение в течение года, – 2,5 тыс. руб.[1694] Но это было все, чем располагал Дмитриев-Мамонов.

В результате для «поновления» лечебного учреждения Москвы ему не оставалось ничего другого, как прибегнуть к двум средствам, неоднократно испытанным русскими администраторами в период проведения реформы города. Первый прием – обратиться к императрице с просьбой: «Может быть не угодно Ея Величеству пожаловать на строение какую-нибудь денежную сумму»?[1695] Второй – «поскрести по сусекам». Сановник лично ездил на Воробьевы горы, где находился недостроенный дворец государыни. Он

[1692] Там же. Л. 154.
[1693] Там же. Л. 160.
[1694] Там же. Л. 153–153 об.
[1695] Там же. Л. 160.

обнаружил, что на этой площадке «каменных, железных, и всяких деревянных материалов еще годных не малое количество». В письме от 7 мая 1789 г. Дмитриев-Мамонов попросил императрицу передать их «в пользу сей больницы» и приказать главнокомандующему Москвы, чтобы тот на их перевозку выделил от «Управы благочиния с каждой части [города] по две казенные лошади, с повощиками, коих составить сорок лошадей». Расходы глава больницы обещал взять на себя[1696].

Дмитриев-Мамонов смог добиться выделения материалов на строительство медицинских корпусов: «кирпича от Приказа общественного призрения прежде заготовленного – 85 000 [шт.] От строения Екатерининского дворца... кирпича – 50 000 [шт.;] Камня белого – 2 000 [шт.;] Извести двадцати пудового весу – 250 бочек[;] Буту дикого… 40 кубических сажень [шт.;] Щебня – 30 [пуд.]»[1697]. Используя эти и иные ресурсы (еще на 5 315 руб. 53 коп.)[1698], настырный управленец смог провести ряд работ: построить «для разных нижних служителей деревянных три корпуса на каменном фундаментах со всем к тому принадлежащим»; «под старые семь корпусов каменные фундаменты вновь подвести и оные корпусы во всем починкою исправить»; «на двух больших корпусах новые кровли сделать, а на четырех починкою исправить»; «шесть колодезей вычистить и всяким строением вновь возобновить»; «все до стальное при сей больнице строение, кроме самого ветхого, вновь всякою починкою исправить»[1699].

Особый статус города и его место в поселенческой сети края требовали больших издержек на создание и поддержание в Москве необходимой инфраструктуры. Это требовало значительного финансирования Приказа общественного призрения. Годовые доходы данного учреждения формировались как проценты с его капитала. С 148 856 руб. они составляли 8 931 руб. К ним дополнялся «доход сверх капитала до 12 000» руб., что вместе

[1696] Там же. Л. 156–156 об.
[1697] Там же.
[1698] Там же.
[1699] Там же.

давало 20 931 руб. Все эти деньги шли на содержание двух богаделен. Таким образом, на их расширение (в чем остро нуждался большой город) ничего не оставалось[1700].

Чтобы хоть как-то разрешить данную проблему, городские власти просили императрицу передать Москве пустовавшую адмиралтейскую фабрику, дом которой находился «на выезде города в Преображенской слободе со всем в пустее, и ничего о том Адмиралтейству принадлежащего в том доме» давно уже не было[1701]. Сюда намеревались перевести постояльцев «обоих богаделен, как мужской, так и женской», и за счет нового здания увеличить число «багадельщиков» с 258[1702] «до 500 чел. и более»[1703].

В том же 1785-м г. Екатерина II «пожаловала» московскому Приказу общественного призрения «просимое» им здание бывшей фабрики[1704]. Сооружение требовало незамедлительного ремонта. Для его проведения Брюс просил императрицу разрешить ему взять кирпич, заготовленный для Екатерининского дворца в Москве. Материал оказался «весь негодной… для того строения и по самому сему сделанное из оннаго строение разобрано было»[1705]. Как показало расследование, даже для царской резиденции было использовано некачественное сырье («сделанной из дурной глины»), поэтому кирпич, что «остался в клетках» от времени «до половины уже и превратился паки в глину». Тот же, что еще можно было применить к делу, Брюс и хотел употребить «в низские строении в середину, равно в фундаменты, сарай, заборы и тому подобное»[1706] («магазейны, кухни, прачечные»)[1707].

Разрешение на использование для устроения новой московской богадельни бракованного кирпича было «Высочайше» одобрено 25 и 26 августа 1785 г. Материал немедленно передали в ведение московского

[1700] Там же. Д. 576. Л. 176.
[1701] Там же.
[1702] Там же. Л. 272 об.
[1703] Там же. Л. 176 об.
[1704] Там же. Л. 146, 178.
[1705] Там же. Л. 146–146 об.
[1706] Там же. Л. 146 об.
[1707] Там же. Л. 149.

Приказа общественного призрения[1708], и, по-видимому, в самое ближайшее время начались строительные работы, иначе здание могло быть просто потеряно.

В январе 1786 г. работа по обустройству нового здания богадельни шла полным ходом. Крыша была покрыта железом (на 16 936 руб.), что позволило спасти дом от разрушения. На это потратили аукционные деньги, дарованные Екатериной II, а также недостающие 1 014 руб., которые приказ прибавил из своих доходов[1709]. Общий недостаток средств в 25 584 руб. планировали взять с «доходу с торговых бань». Оставшиеся не потраченными средства надеялись сохранить и передать на содержание «богадельщиков»[1710].

По сообщению источников, между 1787 и 1790 г. богадельня в Москве была «вновь устроена»[1711]. К 5 ноября 1789 г. она полностью «перебралась» в здание бывшей парусной фабрики при заставе. Здесь на «казенном коште» содержалось до 500 человек, и власти хотели довести их число до 1 тыс.[1712] Кроме того, еще в 1785 г. при новом здании готовили (или только декларировали для инспектирующей комиссии) палаты для неизлечимо больных[1713].

В конце февраля 1790 г. богадельня, работный и смирительный дома[1714] имели единый аппарат управления[1715]. Всего на тот момент в работном и смирительном домах Москвы содержались 88 человек, в том числе в работном – 46 мужчин и 23 женщины, в смирительном – соответственно 12 и 7[1716].

На 27 февраля 1790 г. в Первопрестольной функционировали еще два социальных учреждения: Московская дворянская опека (ее капитал

[1708] Там же.
[1709] Там же. Л. 172 об.
[1710] Там же. Л. 272 об.
[1711] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 580. Л. 3 об.
[1712] Там же. Д. 578, ч. V. Л. 114.
[1713] Там же. Д. 577. Л. 15 об.
[1714] Там же. Д. 582, ч. I. Л. 49.
[1715] Там же.
[1716] Там же.

насчитывал 2 147 руб. 30 ¾ коп.[1717]) и сиротский суд. Со дня «открытия» губернии до 1 января 1790 г. в него «вступило» «мужеского полу» – 94 малолетних, женского – 91, а также значилось 210 опекунов. Общая стоимость находившихся под опекой «имений» составляла 1 013 451 руб. 8 ¼ коп.[1718]

В 1785 г. сеть благотворительных заведений Москвы пополнилась еще одним типом заведений – Домом трудолюбия. Согласно положению о его учреждении от 25 января 1785 г., дом был призван оказать помощь в «воспитании бедных девиц. Предпочтительно сирот свободного состояния». Главная цель состояла в том, чтобы дать воспитанницам «возможность к содержанию себя трудами», для чего их обучали навыкам «в женских разного рода рукоделиях». Кроме того, проводились занятия по «Закону Божию», священной истории, чтению и письму, «грамматике российской с упражнениями в письменном слоге», арифметике, рисованию и чистописанию[1719].

Первоначально панировалось поместить в доме 24 воспитанницы. Им выделялись средства на пропитание (по 50 коп. в сутки). Столько же получали себе «на стол» три надзирательницы и эконом. Помимо этой суммы деньги шли на «платье, белье, постель и проч.» (по 100 руб. на каждую), обувь (144 руб. на всех) и писчебумажные принадлежности (360 руб. на всех). Штат дома состоял не менее чем из 21 человека (надзирательницы, учителя, прачки и т.д.). Также были свои священник и доктор, которому полагалось выдать на лазарет 400 руб. Во главе учреждения стояла старшая надзирательница с годовым окладом 600 руб. Средства на наем помещения, его ремонт и обслуживание, отопление и освещение тоже были заложены в штат Дома трудолюбия[1720].

[1717] Там же. Л. 53.
[1718] Там же. Л. 54.
[1719] ПСЗ-I. Т. XV. № 30205. С. 46.
[1720] Там же. Т. XLIV, ч. 2. № 30205. С. 158.

Летом 1791 г. главнокомандующий Москвы А.А. Прозоровский приступил к учреждению в губернском центре Главной аптеки, для размещения которой изыскивалось подходящее помещение. Первоначально предполагали забрать бывший дворец Лефорта в Немецкой слободе, но от данного здания быстро отказались из-за его состояния («кровля совсем ветха и течет, накаты худы, а некоторые и падали, рамы в окнах многие или почти все по гнили»[1721]). Затем власти обратили внимание на просторный дом покойного генерала Глебова. Однако и здесь дело застопорилось из-за наличия других претендентов, а также сильно протекавшей кровли[1722]. Впрочем, более подходящего помещения найти не удалось, и в июне 1791 г. дом Глебова был куплен за 42 тыс. руб.[1723]

При аптеке руководители Москвы собирались открыть магазин лекарств, для которого планировали приобрести особый дом. Для удобства жителей он должен был располагаться непременно «в средине» города[1724]. Но процесс покупки затянулся. В итоге в XIX столетии функцию свободной продажи населению медицинских препаратов выполняла аптека Голицынской больницы[1725].

В 1805 г. утвердили новый примерный штат Главной московской аптеки. Число ее сотрудников составило 28 человек: аптекарь, провизор, «гезель старший или лаборант», 3 «гезелей младших», «ученик 1-го класса», «ученик 2-го класса», 3 «ученика 3-го класса», писарь и 16 работников-инвалидов. Суммарный размер их общего годового жалованья составлял 3 100 руб.[1726]

В ходе реформирования города Екатериной II вопросы медицинского и социального обслуживания решались зачастую с нуля. Создание полноценно функционирующей системы в данных направлениях стало возможным

[1721] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 582, ч. II. Л. 171.
[1722] Там же. Л. 172–172 об.
[1723] Там же. Л. 173.
[1724] Там же. Л. 171–171 об.
[1725] Москва: энциклопедия, 1997. С. 220.
[1726] ПСЗ-I. Т. XLIV, ч. 2. № 21731. С. 55.

только в результате огромных затрат, материальных, человеческих и временны́х. Таким образом, преобразование города являлось не столько способом решения его текущих проблем, сколько масштабным и продолжительным процессом, целью которого стало формирование самой базы медицинского обслуживания. В итоге решение поставленной задачи реализовывалось и в последующие периоды истории.

Так, в 1805 г. открылась еще одна больница – Мариинская (ул. Новая Божедомка). Заведение находилось в ведении благотворительного ведомства учреждений императрицы Марии Федоровны. Чуть ранее заработала Глазная больница (ул. Тверская)[1727]. В 1803 г. основали Вдовий дом, здание которого до сих пор украшает московское Садовое кольцо. Здесь проживали более 500 вдов, мужья которых погибли в сражениях или «беспорочно служили по статской или военной службе» более 10 лет. При матерях могли находиться и малолетние дети[1728]. В начале XIX в. московское купечество на собственные средства устроило богадельню, где получали помощь около 300 человек[1729].

Всего к концу первого десятилетия XIX в. в ведении Приказа общественного призрения Москвы находилось 10 заведений (не считая училищ)[1730].

В Москве, как и во всей Центральной России, остро стоял вопрос нехватки медицинских кадров. Как следствие, медицинские вакансии занимались порой совершенно случайными людьми. Так, например, долгое время должность подлекаря исполнял некто Фридрих Вильгельм Голмерус, который «пользовал» многих жителей Москвы и уездов. В 1779 г. иностранного специалиста, который вызывал нарекания «неприлежностью», отрешили «за отлучку» от государственной Медицинской коллегии. Вскоре выяснилось, что он не являлся врачом и, «принявши на себя ложно название лекаря», не владел профессией в должной мере. Впрочем, судьба самозванца

[1727] *Эймонтова Р.Г.* Город и власти. С. 58.
[1728] Там же. С. 60.
[1729] Там же. С. 61.
[1730] Там же. С. 59.

была незавидна: потеряв источник пропитания и имея при себе жену и малолетних детей, он по дороге в Дмитров принял яд, «оставя на последок письмо в котором изъяснял раскаяние свое в учиненных им дерзновенных поступках»[1731].

С учреждением губернии в Москве «открылись» должности штаб-лекаря, подлекарей и лекарских учеников. Их общий оклад (согласно штатам) составлял 630 руб. «По пространству города» было семь лекарских ставок, на каждую приходилось весьма приличное годовое жалованье – 1 556 руб. 10 коп. На 1782 г. все места были «заняты»[1732].

Медицинские меры начали приносить первые плоды. Так, в городе заработала первая санитарно-эпидемиологическая служба. В декабре 1789 г. находившиеся в частях Москвы лекари обнаружили среди «привозимых сюда мерзлых мяса и разных рыб» испорченные припасы. Опасные товары были «отобраны и вывезены за город для свершенного оных истребления». Также по настоянию врачей власти приказали все «не поврежденное», но подозрительное мясо «определено без промедления осолить» и продолжать это делать до наступления морозов[1733].

Колоссальной проблемой для городов страны выступали болезни скота, переходившие в эпидемии, охватывавшие целые уезды. Терпели убытки и города, население которых поддерживало натуральный (часто почти полностью аграрный) характер хозяйства. Падеж всегда был крайне «прилипчивый» и если начинался, то избавиться от этой напасти оказывалось непросто, особенно в условиях, когда та же беда постигала округу.

Так, например, в 1791 г. эпидемия жестоко прошлась по Подольску. С 1 по 8 сентября в маленьком городе погибли от болезни 80 голов скота[1734], с 7 по 15 – еще 64[1735], к 22 сентября – 15 и 10 «стояли больными»[1736]. На

[1731] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 573, ч. I. Л. 39.
[1732] Там же. Д. 575, ч. I. Л. 160–160 об.
[1733] Там же. Д. 578, ч. V. Л. 123.
[1734] Там же. Ч. II. Л. 64.
[1735] Там же. Л. 66.
[1736] Там же. Л. 68.

следующую неделю горожане потеряли 24 животных и 9 оставались под подозрением[1737]. 1 и 6 октября пало 25 голов и 7 – отметили как больных. Эпидемия расширялась и скоро охватила Серпухов (соответственно 3 и 5), а также усадьбы Подольского уезда[1738]. На следующей неделе в Подольске умерло 10 коров и 7 – стояли больными[1739]. К 20 октября город потерял еще 12 голов крупного скота, а 5 – были отмечены заболевшими[1740]. К 27 октября, когда на смену октябрьским «дозжам»[1741] пришла и держалась две недели «погода… с морозами и снегом», падеж прекратился повсеместно[1742]. Однако летом уже следующего года он охватил дмитровскую и бронницкую округи[1743].

Бороться со «скотской» «заразой» было возможным только путем принятия карантинных мер. Главным «лекарством» оказались зимние холода. Врачей не хватало даже людям – жителям столичной Москвы. Как известно, Екатерина II прекрасно понимала важность проблемы и готовила к реализации планы создания ветеринарных школ, а также подготовки собственных – русских – специалистов в этой области[1744]. Как и многое, ею начатое, данная задача «перешла в наследство» к следующим правителям.

25 августа 1803 г. власти решили открыть в Москве «скотоврачебное училище», еще два – создавались в Петербурге и Лубнах. Средства на обучение профессии выделялись за счет государства, но обучаться могли «не более десяти человек в каждом». Правда, принимали и «своекоштных» слушателей, которые пожелали учиться «скотоврачеванию». По завершении курса предполагалось отправить ветеринаров в места службы («от правительства установленные») или выдать им «дозволения производить вольную практику». Кроме того, во всех трех училищах «от казны»

[1737] Там же. Л. 71 об.
[1738] Там же. Д. 580. Л. 31.
[1739] Там же. Л. 33.
[1740] Там же. Л. 35.
[1741] Там же. Л. 31, 33.
[1742] Там же. Л. 33, 35, 37.
[1743] Там же. Л. 54.
[1744] Там же. Ф. 10. Оп. I. Д. 21. Л. 24–24 об.

предполагалось готовить «50 воспитанников, назначаемых в коновалы и избираемых из солдатских детей»[1745].

В 1794 г. в Москве началось создание нового, на этот раз негосударственного лечебного учреждения. Его возникновение связано с именем действительного тайного советника Дмитрия Михайловича Голицына, скончавшегося в Вене 19 сентября 1793 г. Перед смертью он оставил завещание, по которому особый капитал был передан на «устроение» больницы. Исполнителями воли сановника стали его близкие родственники[1746]. 5 января 1794 г. они сообщили об этом императрице. Так начался процесс исполнения воли князя по созданию «для здешнего города столь нужного заведения»[1747].

Душеприказчики предоставили государыне генеральный план будущей больницы[1748]. Она устраивалась «для помещения… до 50 чел.» (сначала планировали до 100). Со временем («смотря по ценам вещей и доходу») их число намеревались умножить[1749]. В соответствии с ранее установленными правилами «иностранные вольные», неимущие, а также представители «монашеского и духовного чина» имели право лечиться там бесплатно[1750].

Предполагалось строительство «каменного» здания «со всеми к нему принадлежностями, как-то помещением для разных прислужников, комнатою аптекою, лабораториею, поварнею, погребами и другими нужными строениями», в том числе собственным храмом, при котором планировалось «содержать» священника «с двумя церковниками»[1751].

6 марта 1794 г. императрица на присланном ей экземпляре плана Голицынской больницы написала: «Тако быть посему»[1752]. Однако родственники князя оспорили его решение, что «произвело в исполнении

[1745] ПСЗ-I. Т. XXVII. № 20912. С. 863.
[1746] РГАДА Ф. 16. Оп. 1. Д. 573. Л. 1, 2 об.
[1747] Там же. Л. 1–1 об.
[1748] ПСЗ-I. Т. XXIII. № 17184. С. 493.
[1749] РГАДА Ф. 16. Оп. 1. Д. 573. Л. 12.
[1750] ПСЗ-I. Т. XXIII. № 17184. С. 494.
[1751] Там же.
[1752] Там же. Л. 12.

своем для больницы, затруднения»[1753]. Если на 15 ноября 1807 г. переданный капитал насчитывал с банковскими процентами 1 781 763 руб. 50 коп., то при его ревизии «в наличности» оказалось 715 руб. 66 ¾ коп.[1754] Душеприказчики, которые от этого «открытия» пришли в отчаяние, просили вмешаться в дело лично монарха, дабы избежать угрозы полного провала благотворительного проекта[1755]. Предстояло большое разбирательство в судьбе наследства[1756].

В итоге открытие Голицынской больницы состоялось только в 1802 г.[1757] В 1803 г. шло формирование штата ее служащих. Косвенным доказательством этого обстоятельства является прошение, отправленное императору от главного директора лечебного заведения князя А.М. Голицына. В нем он просил считать «в действительной службе» состоявших при больнице чиновников. Александр I особым именным указом одобрил эту просьбу, написав князю: «Я желаю, чтоб [с]толь полезное учреждение, поддерживаясь в совершенстве своем, доставило вам все утешения, какие за добрыми делами всегда неразлучно следуют. Пребываю Вам благосклонный»[1758].

Здание для больницы построил архитектор М.Ф. Казаков. Сегодня оно является одним из тех редких архитектурных шедевров допожарный Москвы, которые пережили разорение 1812 г. и сохранились до наших дней.

В 1803 г. при этом лечебном заведении начала действовать богадельня для неизлечимо больных[1759]. Таким образом, уже после смерти императрицы продолжилась реализация задуманного ею плана, зафиксированного еще в 1775 г. в «Учреждениях для управления губерниями …»[1760].

[1753] Там же. Л. 18.
[1754] Там же. Л. 22 об.
[1755] Там же. Л. 25.
[1756] Там же. Л. 34 об.
[1757] Москва: энциклопедия, 1997. С. 220.
[1758] ПСЗ-I. Т. XXVII. № 20592. С. 434.
[1759] Москва: энциклопедия, 1997. С. 220.
[1760] ПСЗ-I. Т. XX. № 14392. С. 273–274.

При Голицынской больнице – впервые в Москве – появились «костоправное» (1814) и глазное отделения (1825). Это медицинское учреждение, долгие годы служившее клинической базой Московского университета, являлось одним из лучших в Европе. В 1919 г. его объединили с Первой городской больницей (ныне здание является ее Голицынским корпусом)[1761].

Самым масштабным проектом, осуществленным ради оказания помощи обездоленным, стал Странноприимный дом графа Шереметева, начало работы которого было положено именным указом от 25 апреля 1803 г.

На «устроение дома» обер-камергер, граф и знаменитый театрал Н.П. Шереметев выделил немыслимую по тем временам сумму – 2,5 млн руб.[1762] Для сравнения: капитал учрежденного П.Г. Демидовым училища в Ярославле составил 300 тыс. руб.[1763], а на нужды Голицынской больницы было завещано более 900 тыс. руб.[1764] (правда, эта сумма была установлена изначально и со временем из-за семейных споров о наследстве она сократилась)[1765].

Странноприимный дом Шереметева должен был состоять из трех частей. Первой была богадельня, рассчитанная на 100 человек «неимущих обоего пола, престарелых и увечных», обеспечивавшихся «жильем, пищей, платьем и всякими потребностями»[1766]. Вторая часть – это больница на 50 коек для «бедных, временно болящих, также обоего пода и всякого состояния», принимаемых «безденежно». Третье отделение имело «предметом милосердия» осуществление «вспоможения живущем в странноприимном доме». Только на эти цели предполагалось тратить в год 20 тыс. руб.[1767]

[1761] Москва: энциклопедия, 1997. С. 220.
[1762] ПСЗ-I. Т. XXVII. № 20727. С. 553.
[1763] Там же. № 20785. С. 639–640.
[1764] Там же. Т. XXIII. № 17184. С. 494–495.
[1765] РГАДА Ф. 16. Оп. 1. Д. 573. Л. 34 об.
[1766] ПСЗ-I. Т. XXVII. № 20727. С. 553.
[1767] Там же. С. 556–557.

Обязательным условием создания благотворительного учреждения граф Шереметев поставил дату его открытия – 23 февраля, т.е. день смерти любимой супруги – Прасковьи Ивановны Шереметевой[1768], бывшей крепостной актрисы графа Параши Жемчуговой.

Это одновременно благотворительное и лечебное заведение стало последним медицинским учреждением, созданным в Москве на рубеже XVIII– XIX вв. Его появление – итог процессов, запущенных реформой города Екатерины II в области создания сети богоугодных заведений.

Страннноприимный дом графа Шереметева продолжает функционировать и сегодня, в нем функционирует другое учреждение социальной сферы. В 1923 г. на этой базе был создан широко известный в наши дни Научно-исследовательский институт скорой помощи имени Н.В. Склифосовского.

[1768] Там же. С. 565.

Учреждения ведомства Приказа общественного призрения: формирование системы народного просвещения

Одной из задач при осуществлении реформы города (выражены в указе об учреждении Приказа общественного призрения) стало создание городских школ. Речь шла не об отдельных учебных заведениях, а о полноценной образовательной сети, работавшей по общим программам и охватывавшей все уезды страны.

Однако несмотря на высочайшее распоряжение, даже Москва не могла похвастаться подобной образовательной системой. По признанию сановников, руководивших городом, даже в 1785 г. в нем работало всего три школы, которые имели «токмо сие название» и находились «в домах самых мизерных»[1769].

Судьба московских казенных школ этого времени была не вполне ясна даже для высших администраторов. По их поводу велась переписка, но речь, скорее всего, шла только об их «устроении» и финансировании. В одном из документов отмечалось: «Школы же городские уже по всемилостивейшему пожалованию городам суммы, отойдут от содержания Приказа общественного призрения»[1770].

Таким образом, высочайше предписанная работа по «назначению» государственных школ по всем городским частям Москвы в 1785 г. еще только началась[1771]. Лишь в январе следующего года ожидалось поступление средств[1772]. Этим-то (подготовкой к открытию школ и вопросами их финансирования), наверняка, и было вызвано распоряжение императрицы – предоставить отчеты о положении дел. Впрочем, на момент их составления (ноябрь 1785 г.) местные власти не получили еще даже «потребных»

[1769] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 576. Л. 176.
[1770] Там же. Л. 176 об.
[1771] Там же. Л. 166.
[1772] Там же.

(необходимых) инструкций на предмет предписанной им учредительной работы[1773].

В уездных городах народные школы открылись (согласно рапорту главнокомандующего Брюса) «при самом начале» 1786 г., что произошло благодаря «особо выделенной» лично императрицей суммы. На 28 января уездные школы, скорее всего, не работали или функционировали не в полном объеме и не везде. Дело в том, что в тот момент данные заведения были «учителями… для обучения грамоты не снабжены». Вместо них пытались привлечь священников, полагая, что те будут работать бесплатно, так как бюджет Управы благочиния находился в сильном дефиците[1774]. Но церковные власти «потребовали», чтобы «была производима оплата»[1775].

Несмотря на отсутствие системы государственных школ (но, по-видимому, и благодаря этому), в городах Московской губернии активно работали негосударственные пансионы и школы, причем некоторые из них существовали уже достаточно давно.

7 октября 1785 г. Екатерина II велела главнокомандующему Москвы произвести «осмотр здесь находящихся училищ»[1776] – частных школ и пансионов «назначенными к тому особами»[1777]. Требовалось узнать о состоянии учебных заведений и оценить «образ учения в них»[1778]. Их владельцев обязали предоставить аттестаты о своей «порядочной жизни», полученные от приходских священников посещаемых ими церквей. Таким образом, церковный приход не только рекомендовал «подателя» с лучшей стороны, но и брал на себя ответственность за его проступки.

Особое внимание уделялось преподаванию Закона Божьего, что требовалось для представителей всех вероисповеданий, без ущемления прав каждого из них. Как писала сама императрица, «по точности догматов

[1773] Там же.
[1774] Там же. Л. 273.
[1775] Там же.
[1776] Там же. Л. 155.
[1777] Там же. Л. 165.
[1778] ПСЗ-I. Т. XXII. № 16275. С. 464–465.

православной нашей веры, а для иноверных по их исповеданиям»[1779]. Кроме того, важной частью акции стал официальный переход всех частных учебных заведений под полный контроль Приказа общественного призрения[1780].

В конце октября – начале ноября 1785 г. приступила к работе особая комиссия. В ее состав входили шесть человек: два священнического звания – ректор московской Академии и протоиерей Трехсвятительской церкви; два профессора – Антон Барсов и Иоганн Матвей Шаден; два чиновника – заседатели Иван Бантыш-Каменский и Семен Бабушкин. Члены комиссии не только фиксировали положение дел в инспектируемых ими образовательных структурах, но и давали оценку их работе.

Всего в Москве в то время работало 11 частных учебных заведений: 8 пансионов и 3 школы, которые охватывали по меньшей мере 7 из 20 частей города: 2, 3, 5, 6, 9, 10 и 16-ю. У одного из образовательных учреждений местоположение указано не было[1781].

«Пенсион 1 во 2-й части»[1782] (так он назван в материалах отчета) содержал француз и католик по вероисповеданию Франц фон Енисен. Он же являлся единственным учителем. В пансионе обучались и проживали 25 «благородных детей», родители которых платили по 150 руб. в год.

Согласно проведенным в ходе инспекции опросам, учащиеся «успехи в арифметике оказались довольные, в французском языке посредственные, в немецком еще все в началах». Но вот Закону Божьему детей не учили вовсе – многие не знали даже десяти заповедей. Такое положение дел «содержатель пенсиона» объяснил просто: «Первое непредписано было от начальства, второе родители сего не требовали». Впрочем, как отмечала комиссия, в заведении не было «примечено» никакого «суеверия, развращения и соблазна».

[1779] Там же. С. 465.
[1780] Там же. С. 466.
[1781] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 576. Л. 167–170.
[1782] Там же. Л. 167.

Енисену было рекомендовано (как и всем прочим содержателям): «дабы исполняя высочайшее Е.И.В. богоугодное намерение… обучали детей Божьему Закону, приглашая на сие или священников ученых, или из московской академии учителей, имеющих о учении и поведении аттестаты».

«Пенсион 2 в 3 - й части»[1783] содержал католик француз Борденау. В пансионе обучался 21 ребенок, причем как «мужеска» (19 человек), так и «женская пола» (3), «которые [мальчики и девочки] между собою разделены покоями особенными». Плата «за содержание и воспитание» составляла в год по 150 руб. с каждого подопечного.

Обучавший Закону Божьему учитель при проверке «оказался к тому не способным; потому и успехи» его подопечных оказались «малы». По прочим дисциплинам была следующая картина: «Во французском посредственны; в немецком так же мало знают, кроме одного ученика довольно знающего немецкой и французской язык; так же история и география равно и в арифметике учащиеся посредственно». По оценке комиссии «развращения, соблазна искушения» замечено не было. Содержатель услышал только одно замечание: «Дабы учителя в закон [Божий] переменил».

«Пенсион 3» не получил «привязки» к конкретному полицейскому району Москвы, владельцем его также являлся католик – француз де Форша. В пансионе находились «детей мужеска пола 25», за содержание и обучение которых ежегодно платили по 150 руб.

Как показали проверочные испытания, «катехизису в сем пансионе не обучают, а потому некоторые учащиеся символа веры и заповедей Божьих не знают, в французском языке, в географии, и в истории успехов оказалось весьма мало, в немецком и российском ничего, а в арифметике и геометрии также мало». Впрочем, и здесь комиссия не приметила «соблазна, развращения, и суеверия».

[1783] Там же. Л. 167–167 об.

Содержателю предписали, чтобы «не принимал более учити как только первым началам в языках», а также нашел для этого дела других более «искусных учителей».

Еще один четвертый пенсион, располагавшийся в 6-й части»,[1784] принадлежал немцу – Горну.

Всего в пансионе находились 23 ребенка (16 «мужеска» и 7 «женска» пола), в том числе 6 россиян. При этом «девицы» обучались в одном классе с мальчиками, что вызвало недовольство комиссии, предписавшей, чтобы занятия с детьми велись «раздельно». Ежегодная плата за содержание и обучение в этом учебном заведении составляла 150 руб.

Подопечные Горна имели «успехи довольные» в языках – французском и немецком. Очень хорошие знания показали девочки. Правда, все они были «иноверные». Знаниям детей в других дисциплинах (географии, истории, латинском и российском языках) члены комиссии дали тоже высокую оценку, за исключением катехизиса. По этому предмету пансионеры «всех исповеданий отвечали хорошо», кроме русских. Все шестеро, как признала комиссия, «закону своего не знают», а «учитель российского языка оказался к обучению детей неспособен», в связи с чем его велели «отрешить» от работы. Однако «суеверия, развращения и соблазна» комиссия не обнаружила.

«Пенсион 5 в 9-й части»[1785] оказался незаконным. Его содержатель католик француз Дюбоф умудрился «открыться без дозволения и аттестату университетского».

Детей учили языкам (французскому и немецкому), истории, географии и русской грамматике. При проверке во всех этих предметах пансионеры показали себя «очень с малыми успехами», а «в арифметике посредственно». Закон Божий здесь не преподавали; ежегодная оплата за содержание и обучение составляла 150 и 180 руб.

[1784] Там же. Л. 168.
[1785] Там же.

Помимо отсутствия «разрешения» и аттестата комиссия отметила ряд недопустимых нарушений: «в доме нечистота», «закону не обучают», «воспитание не по всему порядочное», «успехов в учащихся мало», «содержание не соответствует получаемой с детей плате». В итоге было принято решение: «сея пансион уничтожить»[1786].

Школа (6-я в списке)[1787] принадлежала штык-юнкеру Ефиму Войтеховскому, который был единственным в ней учителем. Доказывая законность своих прав на преподавание, он представил «аттестат от генерал-поручика артиллерии Мертенса, которым засвидетельствовано, что из вышедших от него учеников 48 человек оказались все на экзамене действительно знающими артиллерию и 25 человек офицерами произведены».

Судя по отчету, преподавание у Войтеховского велось с явно выраженной ориентацией на военное дело. Детей обучали «арифметике, геометрии с полевою практикою, тригонометрии, алгебре, артиллерийской науке, фортификации, и нивелированию с черчением иллюминованием планов». Во всех этих дисциплинах слушатели, как отметила комиссия, «очень похвальные успехи имеют». За обучение плата в год составляла 48 руб. Все дети приходили к Войтеховскому домой, где и велись занятия. Пансионеров, постоянно проживавших у него «на положении», не было.

Комиссия особо одобрила «труды господина учителя», найдя его «достойным особенной рекомендации и похвалы».

«7 пенсион в 5-й части»[1788] содержал «бывший в университете профессор и конференции оннаго секретарь» господин Лангер, лютеранин по вероисповеданию. Учение под его началом «проходили» 15 человек.

Здесь преподавали историю и географию, а также языки, причем не толь-ко живые (французский и немецкий), но и латынь. Дети показали успехи «изрядные» во всех науках, включая и Закон Божий, который вел

[1786] Там же.
[1787] Там же. Л. 168 об.
[1788] Там же.

специально приглашенный «ученый священник». Пансион профессора Лангера оказался единственным заведением, в котором комиссия обнаружила хороший уровень преподавания данного предмета для русских детей.

Обучение и содержание стоило 150 руб. в год. За тех, кто приходили только на занятия, вносили по 75 руб. Члены комиссии особо отметили, что «сей пенсион во всех его частях изряден».

«Пенсион 8 в 10-й части»[1789] содержал итальянец Бартолии, католик по вероисповеданию. Всего в заведении находились 30 учеников.

При проверке «дети из катехизиса ответствовали нехудо, в французском языке посредственно, в немецком не многие и то в началах. Равно и российском. В арифметике [показали себя] посредственно». За обучение и содержание каждый ученик платил Бартолии «по 150 руб. в год».

Несмотря на проявленное не во всем совершенство знаний, комиссия признала, что «пансион не худой».

«9 пенсион в 16-й части»[1790] принадлежал вдове мадам Екстерн, лютеранке. Это было, очевидно, самое масштабное учебное заведение города. Хозяйка не имела никакого требуемого для ее дела аттестата. Вместо этого она объявила, что содержит пансион «с дозволения, данного мужу ее, бывшему ценсору воспитательного дома».

В заведении содержались 98 детей (60 мальчиков и 38 девочек). Согласно нормам того времени «девицы» обучались в «особливых покоях».

Здесь преподавали катехизис, историю, географию, геометрию, тригонометрию и фортификацию, российскую грамматику, французский и немецкий языки, а также учили переводам «с одного на другой язык». Занятия вели «по большей части действительные или бывшие учителя университетской гимназии или обучающиеся в университете студенты». Слушатели показали «во всех сих науках успехи изрядные».

[1789] Там же. Л. 169.
[1790] Там же. Л. 169–169 об.

Помимо качества преподавания заведение отличал учрежденный хозяйкой «порядок во всем». Так, в процессе учебы «дети малые и большие» были «отделены» друг от друга и переводились «по мере успехов из одного в другой класс». Дом и спальни были чистыми, приставленные же к пансионерам надзиратели и надзирательницы «к детям показывали знание».

Пансион вдовы Екстерн являлся самым дорогим учебным заведением Москвы этого типа: за обучение и содержание в нем брали в год «по 200 руб. и более». Самую же значительную плату вносили те, кого обучали «петь и на клавикордах играть».

Комиссия, зная, что содержательница не имеет аттестата, все же решила не закрывать ее заведение, поскольку «в пансионе ея найдены успехи доволные [и] порядок изрядной». Кроме того, хозяйка представила какое-то «свидетельство, данное ей от почтенных особ», по-видимому, «заинтересованных» представителей московской аристократии.

Школа (10-я в списке)[1791] находилась при старой лютеранской кирхе, располагавшейся, наверняка, в Немецкой слободе – одном из наиболее привилегированных и урбанизированных «подгородных» районах. Занятия здесь вел «ректор кенигсберхской церкви кантор». Число детей не указывалось, но известно, что «обучение проходили» как мальчики, так и «малолетние» девочки. Во время проверки дети показали в «латинском языке и арифметике довольные успехи; в немецком посредственные, в французском и географии малые». Также им преподавали «иностранные законы своего исповедания», которые, как отмечала комиссия, немецкие дети «довольно знают, но 6 человек российских оному ненаставлены».

Была дифференцированная плата за обучение: с «приходящих достаточных детей получают по 2 руб., с посредственных по 50 коп. на месяц… а с бедных ничего». При школе действовал и свой пансион, годовое содержание в котором обходилось родителям в 100 руб.

[1791] Там же. Л. 169 об.

Школа (11-я в списке)[1792] действовала тоже в Немецкой слободе, но при другой, «новой лютеранской кирхе, основанной 1649 года».

Заведение являлось достаточно значительным, так как состояло сразу «в четырех классах», где детей «обучают по латыни, географии, арифметике немецкому, французскому языкам». Занятия вели ректор Лау и двое его помощников. Помимо проживавших в слободе «немцев», в школе в октябре 1785 г. учились 17 русских. У всех детей были отмечены «успехи во французском довольные, в латинском, немецком, географии, истории посредственны». Русские (в отличие от их ровесников иноверцев) своего Закона Божьего не знали. Дети, которые «живут и обучаются», платили за уроки по 120 руб. в год, но были и «приходящие», что говорит о популярности заведения. С них собирали «по 2 рубля на месяц».

К обеим школам, находившимся в Немецкой слободе, комиссия высказала одно замечание: «Чтоб они для обучения грекороссийского исповедания также и для российского языка имели учителей екзаминованных»; если таковых не удалось бы найти, то «б российских детей не принимали».

В результате проверки всех училищ комиссия указала на их общий недостаток: «Нужда в книгах издаваемых по Высочайшему повелению для употребления в народных училищах Российской империи, которых книг в Москве… сыскать не можно, а ежели бы они были образ учения и лучшие успехи произойти могли»[1793].

Последствием ревизии частных пансионов стали два указа: от 23 января 1785 г. и 12 августа 1786 г. Связь между их содержанием и картиной состояния учебного дела в Москве очевидна. Первый документ предписывал не открывать училищ без разрешения Приказа общественно призрения соответствующей губернии, второй – открыть в каждой губернии по Главному народному училищу, ускорив формирование государственно-

[1792] Там же. Л. 170.
[1793] Там же.

муниципальной системы народного просвещения на местах[1794]. Также имелись дополнительные требования: «Посторонние училища и пансионы отнюдь не могут инако допускаемы, есть ли они преподают учение не по правилам, изданным от Комиссии Народных училищ, которое об них полное сведение иметь должна».

Не смотря на успешное развитие частных заведений, правительство неизменно сохраняло курс на создание государственных образовательных органов. Так, 7 июня 1785 г. вышел указ Екатерины II, предписывавший «в столичном городе Москве завести одно главное училище, и в каждой части города по одной народной школе»[1795]. Однако результаты ревизии сенаторов Александра Воронцова и Алексея Нарышкина (весьма лояльно отнесшихся к итогам деятельности глав губернии) показали, что программа учреждения школ в Первопрестольной, по сути, провалилась. Из 20 намеченных заведений работали только 3, да и те были охарактеризованы, как «имеющие токмо сие название»[1796]. Не было учреждено и Главное народное училище. Руководители губернии пообещали создать его в 1786 г., передав на организацию городского казенного образования «доходы с торговых бань; коих собирается в год 18 500 руб.»[1797].

После сенаторской ревизии и последовавшей за ней августейшей «выволочки» (правда, небольшой и полуофициальной) московские власти активизировали усилия в деле создания системы образования.

12 августа 1786 г. императрица отправила главнокомандующему Москвы Еропкину предписание открыть в городе народные училища. Впрочем, сделать это было затруднительно из-за отсутствия свободных средств в Приказе общественного призрения. Содержание одной народной школы обходилось казне в среднем в 243 руб. в год, трех – 729 руб. Но на эти цели у властей имелось всего 200 руб.! Недостающие 529 руб., как обычно,

---

[1794] *Зябловский Е.Ф.* Статистическое описание Российской империи в нынешнем ее состоянии ... Кн. 1, ч. 3. С. 120–121.

[1795] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 576. Л. 270.

[1796] Там же. Л. 176.

[1797] Там же. Д. 577. Л. 17.

покрывались за счет благотворителей[1798]. Главнокомандующий извещал императрицу, что употребляет «всеусердное старание… изыскивая средства на содержание их (училищ. – А.Б.) без отягощения казны и без оскудения для других полезных заведений по приказу здешнего общественного призрения»[1799]. Помощь в этом деле наместник ожидал получить (и, скорее всего, получил) от фаворита императрицы и государственного деятеля тайного советника П.В. Завадовского. Кроме того, последний предоставил главе Москвы «о сих училищах устав и штат» и, возможно, даже «учителей с книгами»[1800].

Заметную роль в учреждении школ сыграл действительный статский советник Прокофий Демидов – известный в Москве оригинал и меценат, выступивший спонсором данного проекта[1801]. Свой вклад внес еще один благотворитель – московской именитый гражданин Алексей Девятов, передавший в пользу Народных училищ 500 руб. и «четыре половинки сукна, для платья» учащимся[1802]. Тогда же был «определен» и директор будущего Главного народного училища – член московского губернского правления коллежский советник Миславский[1803].

Главное народное училище[1804] (Главное училище) было учреждено в Первопрестольной в 1785 г. Впрочем, его торжественно открыли лишь 22 сентября 1786 г. В 1787 г. здесь значилось 240 человек[1805].

За неимением подходящего казенного здания власти нанимали частные помещения «с платежом в год 1 500 руб.». К августу 1788 г. сумму удалось снизить до 1 тыс. руб.[1806] Однако это не решило проблему, связанную с

[1798] Там же.
[1799] Там же. Д. 578, ч. I. Л. 242.
[1800] Там же. Л. 242 об.
[1801] Там же. Л. 204.
[1802] Там же.
[1803] Там же.
[1804] Малиновский А.Ф. Указ. соч. С. 153.
[1805] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 579. Л. 4 об.
[1806] Там же. Д. 578, ч. IV. Л. 153.

необходимостью скорейшего сооружения специально «устроенного» и постоянного здания.

В 1787 г. в Москве «значилось» уже 6 малых училищ и 280 их «питомцев»[1807]. Непременными предметами являлись арифметика, Закон Божий и грамота.

Получаемая плата (по 200 руб. в год) шла в доходы Приказа общественного призрения[1808].

Таким образом, дело удалось сдвинуть с мертвой точки, но до создания всего комплекса предписанных учебных заведений было еще далеко. Кроме того, это требовало значительных затрат. Власти Москвы подсчитали, что Главное народное училище (одно на весь город) должно было ежегодного обходиться казне в 14 328 руб. Причем в эту сумму не входили жалованья директора (600 руб.), надзирателя (400 руб.) и учителя латинского и греческого языков (300 руб.). Таким образом, общая стоимость содержания данного учебного заведения составляла приблизительно 15 628 руб. в год[1809].

Каждая народная школа на тот момент требовала выделения из бюджета еще 440 руб. ежегодно – «на содержание дому, на книги, бумагу, карандаши и прочего 180 руб., жалованья учителю российского языка, учителю Закона Божия, учителю арифметики и каждому по 60 руб., учителю рисования 80 руб.»[1810].

После разделения Москвы на 20 полицейских частей[1811], в каждой из них необходимо было «завести» по одной школе. Таким образом, по подсчетам самих властей, расходы на всю систему образования в Москве требовали выделения в год 24 428 руб.[1812]

Сложность представлял вопрос поиска и подбора пригодного здания. Для Главного училища одно время предлагали отдать бывший дом князя

[1807] Там же. Д. 579. Л. 4 об.
[1808] Там же. Д. 576. Л. 271, 272.
[1809] Там же. Л. 270–270 об.
[1810] Там же. Л. 270 об.–271.
[1811] Там же. Л. 270 об.
[1812] Там же.

Голицына на Сретенке, в котором до того безуспешно пытались устроить почтамт. После «поправки и перестройки» (при выделении не менее 30 тыс. руб.) этот дом стал бы «весьма выгоден по его пространству для такого заведения».

В противном случае, пришлось бы специально возводить новое сооружение, которое, по оценке чиновников, «многим больше стоить будет»[1813].

Для народных школ, учреждавшихся по одной в каждой части города, требовалось найти сразу 20 зданий. Так как сделать это в короткий срок было невозможно, Брюс предложил осуществить «занятие» под них «имеющиеся в частях города богадельни». Тем более что 3 из них вообще не требовали «поправки», а на «исправление» еще 17 по подготовленной смете требовалось израсходовать 18 914 руб. 90 коп. Кроме того, для новых школ нужно было заранее создать библиотеки и закупить наглядные пособия (сферы, географические карты, математические инструменты), на что власти должны были изыскать еще до 3 тыс. руб.[1814] Особой статьей расходов проходило и учреждение типографии (единовременно 4 тыс. руб.), которая впоследствии смогла бы сама себя окупить[1815].

Таким образом, на создание всего образовательного комплекса Москвы требовалось выделить сразу же не менее 55 914 руб. 90 коп., а на поддержание его работы в течение одного года – еще 24 428 руб.[1816] Такой суммы в распоряжении Приказа общественного призрения на тот момент не было. В случае открытия школ дефицит его бюджета составил бы «на первой год 80 342 руб. 90 коп., а в последующие годы в каждой по 24 428 руб.», «не полагая в то число (расходы. – А.Б.) уездных городов»[1817].

Дополнительной проблемой стала потеря помощи от купцов. Дело в том, что в Первопрестольной с данной группы в пользу Приказа

[1813] Там же.
[1814] Там же.
[1815] Там же. Л. 271.
[1816] Там же.
[1817] Там же. Л. 273.

общественного призрения могли собирать полудобровольный сбор. Но, как показывают подсчеты, за 1785 г. доходы, которые должны были идти на финансирование Городского магистрата (1% с питейных сборов, штрафы, с мельниц и др.), покрывали его штатные расходы всего на 52%! Поэтому Брюс сообщил Екатерине II, что сборы с купечества ему придется отдать на нужды Магистрата[1818]. В итоге, писал он, на создание городских школ от московских деловых кругов помощи «весьма мало ожидать можно», тем более что обеспеченные городские граждане учили своих детей «по домам», и «остаются самые бедные дети для школ»[1819].

К августу 1788 г. Главное народное училище все еще не имело собственного здания. Его даже не выделили, на что императрица особо указала своему наместнику и велела «поторопить дело»[1820]. Ситуация с казенными домами в Москве оставалась очень тяжелой. Помещений не хватало, а те, что имелись, практически всегда нуждались в серьезном ремонте[1821]. Однако в связи с переводом общегосударственных ведомств в новый корпус в Кремле появилась возможность найти помещения для Главного училища в освобождавшихся зданиях. В результате под него отдали стоявший в Китай-городе у Варварских ворот дом, «где прежде была Юстиц-коллегия с Судным приказом», выехавшая в новые помещения. Здание стояло пустым[1822], но требовало ремонта на сумму 28 020 руб. 94 коп.[1823] Судя по стоящей на документе отметке, положительное решении по данному делу было объявлено особым указом.

В 1791 г. Главное народное училище «разместилось» в бывших присутственных местах, «между Ильинскими и Варварскими воротами», где ему были пожалованы «часть каменного и часть деревянного строения»[1824]. Правда, по соседству в том же каменном сооружении продолжал работать

[1818] Там же. Л. 272.
[1819] Там же.
[1820] Там же. Д. 578, ч. IV. Л. 159.
[1821] Там же. Л. 64.
[1822] Там же. Л. 153 об.
[1823] Там же. Л. 64.
[1824] Там же. Д. 582, ч. II. Л. 196–196 об.

департамент бывшей Ревизион-коллегии. Кроме того, оставались незанятыми свободные от службы покои, так как «венчались они ветхими и худыми потолками, которые угрожают падением». Впрочем, чрезвычайно ветхой была кровля всего здания, из-за чего главнокомандующий искал ему замену[1825]. В качестве помощи митрополит Платон предложил предоставить часть келий упраздненной Знаменской обители[1826].

Императрица не одобрила идеи «перевода в новый дом» и распорядилась оставить училище там же и «исправить» его Приказу общественного призрения «из своих доходов»[1827].

Наряду с московскими шло создание казенных учебных заведений в городах Московской губернии. Давая характеристику развития системы образования в уездных городах края на конец января 1782 г., главнокомандующий Москвы делал неутешительные выводы: «В большой части городов школы доходом городовым содержаны быть не могут». Рассчитывать на пожертвования купцов (как это было в Москве) не приходилось. По этому поводу наместник писал императрице: «Едва ли во всей губернии есть четыре города, на которые можно полагать надежду, что купечество сделает вспоможение школам и доставит доход платить арифметического учителя и обучающего закона [Божьего] и грамоте»[1828].

Показательно указанное в документе число городов – 4. Москва в эту группу не входила, так как характеризовалась отдельно. Таким образом, речь шла о крупнейших и наиболее активных в хозяйственном плане уездных центрах. В первую очередь это Коломна, Серпухов и Верея. Последнюю позицию в этом списке занимали Дмитров или Можайск[1829].

[1825] Там же. Л. 196 об.
[1826] Там же. Л. 196.
[1827] Там же. Л. 219.
[1828] Там же. Д. 576. Л. 272.
[1829] Там же. Д. 575. Л. 169 об.–172.

Кроме того, в уездных городах, как и в столичной Москве, контингент учащихся относился к наиболее бедным городским слоям, поэтому нельзя было ожидать платы за обучение со стороны их родителей[1830].

Примечательно, что в документе говорится о потенциальной возможности «завести» школы, а не об их наличии. Таким образом, побуждающим фактором для властей при создании народных школ в уездных городах стало неудовольствие сенаторов, инспектировавших губернию в конце лета 1785 г. Еще более конкретен был глава города и края Брюс, закончивший объезд своей губернии к 1 сентября 1785 г. и написавший в Петербург: «Школ… в заведении ни в которых городах нет»[1831].

Первые народные школы в уездных центрах Московского края открылись «при самом начале» 1786 г. Однако произошло это исключительно благодаря сумме, выделенной лично императрицей «на каждый город».

К тому времени стало ясно, что программа создания образовательной сети по городам губернии, предписанная Екатериной II, «топчется на месте». Принявший Московскую губернию в 1784 г. новый губернатор П.В. Лопухин был недоволен полученным «наследством»[1832]. Наверняка такого же мнения придерживался и генерал-губернатор П.Д. Еропкин, управлявший городом в 1786–1790 гг. и действовавший со своим губернатором в тесном тандеме.

По официальным данным, в 1787 г. в народных школах Московской губернии обучались всего 214 человек «мужеска пола»[1833]. 3 ноября 1788 г. императрица потребовала от Еропкина объяснить ситуацию. Согласно его ответной записке первой «причиною малого успеха в заведении помянутых школ» стали ограниченные финансовые возможности Приказа общественного призрения. Основной его капитал, дававший доход в виде

[1830] Там же. Д. 576. Л. 272.
[1831] Там же. Л. 151 об.
[1832] Там же. Д. 580. Л. 3 об.
[1833] Там же. Д. 579. Л. 4 об.

банковского процента, «не справлялся» с нагрузкой. Кроме того, в стране росли цены, а подведомственные подразделения социальной направленности множились. Главная часть имевшихся средств шла на содержание «инвалидов, богаделенных, больных», которых нужно было элементарно кормить. В доказательство этого наместник привел расклад дохода и расхода ведомства, из которого следовало, что оно работает на пределе своих финансовых возможностей.

Добившись от купцов выделения денег на создание гусарского полицейского эскадрона, Еропкин планировал полученную на то же казенную сумму в 4 тыс. руб. направить на развитие системы образования и уверял Екатерину II, что тогда «непременно будут умножаемы и училища»[1834].

Вторая причина заключалась в том, что большинство жителей ряда уездных центров составляли старообрядцы. Несмотря на то, что им «изъясняемы были все пользы происходящие от нового образа учения», родители детей в школы не отпускали. Многочисленные же «недостаточные» (бедные) вообще избегали школ, так как были вынуждены отдавать детей «с самого младолетства их на многие годы в мастерства, и на фабрики», чтоб хоть как-то свести концы с концами[1835].

Третьей причиной «ограниченного количества в заведенных здесь народных школах учеников» генерал-губернатор считал наличие конкуренции со стороны частных училищ. Их в Москве работало «многое число… как-то: в университете, академии, семинарии, воспитательном доме, Новинском монастыре, на Сухаревой башне, в Межевой канцелярии, в десяти пансионах состоящих под ведомством Приказа общественного призрения, и в двух содержимых профессорами, которые отзываются от зависимости онаго, данным университету привилегиями, о чем Приказ отношение свое делал в комиссию о учреждении народных школ, и получив от него решение требует

[1834] Там же. Д. 578, ч. IV. Л. 190.
[1835] Там же. Л. 190 об.

чрез университет оных пансионов в свое ведомство, но еще не отданы, а другие не позволенные пансионы запрещены»[1836].

Екатерина II, ознакомившись с представленным наместником анализом ситуации, 1 декабря 1788 г. распорядилась не допускать «быть таким пансионам, которые учение преподают не по правилам от Комиссии изданным», а также ускорить работы «о устроении по всем частям здешней столицы и по всем городам Московской губернии народных школ»[1837]. В итоге Еропкин к 11 декабря (спустя всего-навсего 6 дней после получения высочайшего распоряжения) сообщил об открытии сразу ряда школ: трех – в Москве и по одной – в Рузе, Воскресенске, Звенигороде и Бронницах[1838]. Надо заметить, что три города из четырех – это маленькие «новообразованные» поселения, в которых учеников было явно недостаточно, и школы создавались, бесспорно, волевым административным порядком.

В первых числах сентября 1789 г. в городах губернии открылись три Народных училища. Еще два были готовы начать работу в ближайшее время[1839]. Вместе с ними число училищ достигло бы 14. Кроме того, как писал наместник, в его обязанности входило учреждение еще шести «оставшихся» школ[1840], открытие которых завершило бы запланированный процесс создания сети образовательных учреждений Московского края.

В марте 1790 г. губернатор Лопухин писал императрице: «Мною вновь устроена богадельня и все школы, как в Москве, так и по городам»[1841]. Таким образом, городские школы заработали по всем городам губернии. На 1 января 1790 г. «в главной и малых школах» Москвы обучались до 1 тыс. человек, в уездных городах – до 500[1842].

[1836] Там же.
[1837] Там же. Л. 195.
[1838] Там же. Л. 190.
[1839] Там же. Ч. V. Л. 71.
[1840]Там же.
[1841] Там же. Д. 580. Л. 3 об.
[1842] Там же. Д. 578, ч. VI. Л. 121 об.

Со временем школы не исчезли, а продолжили свою деятельность. Так, например, в Коломне в 1800 г. функционировала двухклассная школа. Первый класс вел 28-летний учитель Филипп Колосов, второй – 35-летний Семен Колосов. Оба родились в Московской губернии, состояли в духовном звании. Всего здесь значились 65 учеников «мужского пола»: дворян – 1, приказных – 5, купцов – 29, мещан – 13, солдатских детей – 11 и «из господских» – 6[1843]. В более скромном городе Верее в то же время и в такой же школе учились 32 человека[1844].

Во время проведения школьной реформы Александра I учебные заведения имелись в Коломне, Серпухове, Рузе, Можайске и других уездных центрах[1845].

Несмотря на многочисленные трудности, Московская губерния по темпам создания школ занимала первое место в Центральной России. Причем для их нужд старались возвести специальные здания, места для которых, как правило, выбирали в центре города[1846].

Дальнейшая эволюция системы народного просвещения в уездных городах зависела от возможностей и умения властей, а также интересов местных жителей. Например, уже в 1810 г. в Коломне, именуемой «лучшей из всех уездных городов Московской губернии», функционировали сразу два Народных училища[1847]. Учебные заведения были даже в заштатных Воскресенске и Никитске[1848].

Финансирование Главного народного училища шло в первую очередь за счет вложенного в банк основного капитала Приказа общественного призрения и составляло 5 500 руб.[1849] К той же категории можно отнести Коммерческое училище, работавшее при Воспитательном доме. Его

[1843] РГИА. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 21. Л. 207.

[1844] РГИА. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 22. Л. 97.

[1845] *Ватник Н.С.* Просвещение // Подмосковье из века в век / отв. ред. Н.С. Ватник, В.Н. Захаров. М., 2006. С. 444.

[1846] Там же.

[1847] *Зябловский Е.Ф.* Землеописание Российской империи для всех состояний. Ч. III. С. 260.

[1848] Там же. С. 252–255, 261–263.

[1849] Там же. Л. 52.

контингент – купеческие дети, получавшие здесь «основания правильной коммерции»[1850].

Кроме того, в Москве по-прежнему функционировали частные учебные заведения. На 26 февраля 1790 г. в городе работало 13 частных пансионов, в которых обучались 326 человек («мужеска полу – 245» и «женска полу – 81»)[1851]. Как видим, частные пансионы (несмотря на желание власти поприжать эти структуры), конкурировавшие с казенными просветительскими учреждениям[1852], продолжали успешно функционировать.

На 26 февраля 1790 г. в учебных заведениях уездных городов и городских поселений Московской губернии значились 519 учеников: в Верее – 68, Можайске – 54, Сергиевом Посаде – 15, Звенигороде и Рузе – по 28, Воскресенске – 20, Бронницах – 72, Коломне – 79, Подольске – 32, Серпухове – 46, Дмитрове – 24 и Клину – 53. В Волоколамске учебного заведения не было[1853]. Общее число детей, получавших образование в начале 1790 г. в пределах Московской губернии, и в заведениях всех видов, доходило до 1 928 человек[1854].

Несмотря на все трудности, связанные с «устроением» на местах органов образования, власти своим упорством буквально «продавили» их возникновение в большинстве уездных центров. Стоявшее во главе этой системы Главное народное училище в ходе школьной реформы 1804 г. было преобразовано в гимназию[1855]. Его преемником стала Губернская гимназия Москвы, которая после 1812 г. располагалась на Пречистенской улице в красивом доме № 275. Главной задачей этого учебного заведения, как вспоминал знаток истории Москвы Малиновский, было «способствовать

[1850] Состояние столичного города Москвы. С. 166.
[1851] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 582, ч. I. Л. 50 об.
[1852] Там же. Д. 578, ч. IV. Л. 190.
[1853] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 582. ч. I. Л. 50.
[1854] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 582. ч. I. Л. 50-50об.
[1855] *Рудаков В.* Главные народные училища // *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь: в 86 т. СПб., 1893. Т. VIIIA (16). С. 788; *Он же.* Гимназия // Там же. С. 698– 699.

успешнейшему производству учения в губернских гимназиях Московского округа», а также «пополнять университет казенными студентами, кандидатами и магистрами и быть рассадником ученых чиновников Московского округа».

Таким образом, налицо преемственность между этими двумя учебными заведениями, которые занимали одну нишу, венчавшую собой систему среднего образования в крае.

Помимо городских народных школ и частных образовательных заведений в Москве работала гарнизонная школа для солдатских детей. К 13 сентября 1789 г. в ней учились более 1 тыс. человек. Занятия проходили в покоях бывшего Новинского монастыря, где жили некоторые дети[1856].

Помещения этого учебного заведения пребывали в крайней ветхости (в частности пол в столовой комнате провалился). На поддержание занимаемых школой палат Кригскомиссариат ежегодно выделял 200 руб., однако бóльшую их часть тратили на закупку дров. Оставшихся денег не хватало на ремонт, требовавший не менее 2,5 тыс. руб. Взять эти средства было невозможно и из особо выделявшейся «строительной суммы» (20 тыс. руб.), которая без остатка шла на иные нужды[1857]. В итоге на починку Новинской школы решили отдать необходимые 2 500 руб. от более чем 7 тыс. руб., полученных 1 сентября 1789 г. на московском аукционе «за проданные имения двухпроцентные деньги»[1858]. Высочайшее одобрение на это решение последовало уже 23 сентября[1859].

В те же годы было положено начало созданию т.н. коммерческих училищ. Решение об учреждении первого из них в Москве относится к 12 марта 1804 г., когда император Александр I утвердил доклад министра народного просвещения Петра Васильевича Завадовского, посвященный

[1856] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 578. ч. V. Л. 75-75об.
[1857] Там же
[1858] Там же. Л. 75 об.–76.
[1859] Там же. Л. 78.

этому вопросу[1860]. Учредителями выступали купеческие и мещанские общества города, на плечи которых легло финансирование нового учебного заведения. В связи с этим на его создание казна не выделила ни копейки. Таким образом, реализация проекта целиком зависела от «вспоможения» частных жертвователей. Крупнейшим из них стал знаменитый меценат и оригинал, действительный статский советник Прокофий Акинфиевич Демидов, внесший в фонд предприятия 205 тыс. руб. С банковского процента, получаемого от этой суммы, и работало училище[1861].

Учебное заведение было рассчитано на 40 мальчиков «из бедных и сирот купеческих и мещанских детей», которых содержали и обучали на деньги общества. Кроме того, в классы могли поступить еще до 40 «своекоштных детей» из купеческих семей как Московской, так и иных губерний. Полная сумма оплаты, включавшая «обучение, содержание и воспитание», составляла 300 руб. в год[1862].

Через 3 года в училище получали образование 128 мальчиков купеческого или мещанского звания, из них 27 значились полными «пенсионерами», а 9 – «временными»[1863].

Основной целью этого учебного заведения стало «приуготовление своих знающих купцов и бухгалтеров»[1864]. Весь курс насчитывал 4 «возраста» (класса) и был достаточно обширен для училища. Среди предметов значились: чистописание на трех языках и два иностранных языка (1-й класс); полный курс арифметики, рисование карандашом, «этимология российского, немецкого и французского языка» (2-й класс); «купеческие выкладки и начала бухгалтерии», основы английского языка (3-й класс); интегральные и дифференциальные исчисления, «коммерческие сведения с разделением дела на банкирские, собственные и комиссионерные»;

[1860] ПСЗ-I. Т. XLIV, ч. 2. № 21207. С. 52.

[1861] *Зябловский Е.Ф.* Статистическое описание Российской империи в нынешнем ее состоянии … Кн. 1, ч. 3. С. 167.

[1862] ПСЗ-I. Т. XXVIII. № 21207. С. 203–204.

[1863] *Зябловский Е.Ф.* Статистическое описание Российской империи в нынешнем ее состоянии ... Кн. 1, ч. 3. С. 167.

[1864] Там же. С. 166.

«окончание бухгалтерии на российском и немецком языках», «статистика государств», «синтаксис, переводы и разговоры на английском языке», «рисование разными красками» (4-й класс), а также другие дисциплины. В свободное время слушателей предполагалось учить танцам, а выразивших желание и имевших голос – церковному пению по нотам[1865].

Оценивая систему образования Москвы необходимо отметить, что Первопрестольная издавна являлась центром духовности и религиозного образования. К 1785 г. здесь функционировали три учебных заведения этой направленности. Первое было основано еще в конце XVII в. при Заиконоспасском монастыре (Славяно-греко-латинская академия), где обучали богословию, языкам (латинскому, греческому, еврейскому, французскому и немецкому), красноречию и философии. Курс состоял из девяти классов[1866].

Второе духовное училище находилось в Покровском монастыре, где готовили к получению духовного чина 93 ребенка из семей священно и церковнослужителей[1867].

Третьим училищем выступала семинария при Перервинском монастыре, стоявшем близ села Коломенского, на другом берегу реки Москвы. Курс во многом походил на тот, что был в училище при Покровской обители. Дети получали знания по грамматике латинского языка и словесным наукам[1868].

В 1806 г. при Московской духовной академии и семинариях значились 9 учителей и 1 447 учеников[1869]. В Перервинском училище получали образование еще 227 человек при помощи еще одного «учащего»[1870]. 298 слушателей и 10 преподавателей значились в семинарии при Троице-Сергиевой лавре, 164 учащихся при двух наставниках в училище Саввино-

[1865] ПСЗ-I. Т. XXVIII. № 21207. С. 205–206.
[1866] Состояние столичного города Москвы. С. 165.
[1867] Там же.
[1868] Там же.
[1869] *Зябловский Е.Ф.* Статистическое описание Российской империи в нынешнем ее состоянии ... Кн. 1, ч. 3. С. 182.
[1870] Там же. С. 164.

Сторожевского монастыря. Духовные училища функционировали также в двух уездных городах – Коломне и Дмитрове. Число лиц, получавших образование и выполнявших роль учителей, в Коломне составляло соответственно 128 и 2, в Дмитрове – 167 и 2[1871].

С течением времени сеть духовных учебных заведений менялась. Так, в описании губернии, изданном всего через два года (1810), в Звенигороде при «подгородным» Саввино-Сторожевском монастыре значилась уже семинария[1872].

Несоответствие исключительного значения Москвы (как сакрального и культурного центра) масштабу духовных училищ осознавала и государственная власть, и Русская Православная Церковь. Так, в 1792 г. при главнокомандующем города Прозоровском подготовили проект учреждения мощной образовательной структуры – Московской духовной академии[1873]. Ее обустройство планировали произвести в Воскресенском (Новоиерусалимском) монастыре при «подмосковном» городе Воскресенске[1874].

Причина выбора места заключалась не только в значимости и масштабе обители, но и в том, что 23 мая 1792 г. из-за «неосторожного топления печи» и сильного ветра она «пережила» большой пожар[1875]. При этом помещения, которые огонь пощадил, тоже пребывали в весьма плачевном состоянии (в отчете об осмотре названы «разными ветхостями»). Таким образом, монастырь нуждался в серьезном ремонте. По оценке архитектора Казакова для этой цели необходимо было потратить 119 200 руб. 21 коп.[1876] Власти региона, измученные безденежьем и постоянно выискивавшие способы раздобыть недостающие средства, схватились за эту идею, предложив

[1871] Там же.
[1872] *Зябловский Е.Ф.* Землеописание Российской империи для всех состояний. Ч. III. С. 246.
[1873] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 582, ч. III. Л. 171 об.
[1874] Там же. Л. 130–130 об., 171–173 об.
[1875] Там же. Л. 130.
[1876] Там же. Л. 174.

отремонтировать монастырь для размещения в нем Духовной академии[1877]. В этом случае подготовка помещений для принятия учебного заведения потребовала бы всего 17 576 руб. 00 коп.[1878] Идею поддержал и московский митрополит Платон, для встречи с которым Прозоровский посетил Троице-Сергиеву лавру[1879].

Наместник представил свой план императрице – именно она могла принять по нему соответствующее решение, так как являлась единственным источником права во всех сферах жизни страны[1880]. Прозоровский, решительно настроенный на реализацию данного проекта, уже приказал Казакову разработать необходимый план перестройки обители и смету работ. Это было сделано и весьма обстоятельно. Документ содержал более 80 листов[1881]. Однако в условиях череды тяжелых войн, которые вела Россия, а также реализации административно-территориальной реформы и реформы города казна не могла выделить необходимые средства. Только в начале XIX столетия к «отставленному» замыслу решили вернуться. По-видимому, свою роль при этом сыграла и набиравшая силу реформа духовного образования[1882].

В качестве места «устроения» избрали московский Донской монастырь. Решение об этом было принято не позднее февраля 1799 г.[1883] Кроме того, «на предполагаемую постройку Академии» в Москве церковь на протяжении ряда лет целенаправленно откладывала деньги. Только в декабре 1807 г. было «оставлено» 2 тыс. руб.[1884]

Проект находился весьма близко к реализации, однако наполеоновское нашествие 1812 г. поставило крест на этих планах. Вступившее в Москву европейское воинство превратилось в варваров, оставив город в страшном

[1877] Там же.
[1878] Там же.
[1879] Там же. Л. 171 об.
[1880] *Устинова И.А.* Указ. соч. С. 127.
[1881] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 58, ч. III. Л. 174–256.
[1882] *Устинова И.А.* Указ. соч. С. 148.
[1883] РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 1005. Л. 1.
[1884] Там же.

разорении. Вернувшиеся в Славяно-греко-латинскую академию священники обнаружили, что «разграблено неприятелем 1 950 руб.; годовой запас, заготовленный на содержание казенных учеников, как то мука, крупа, дрова и прочее, расхищены; в Академии, как в классических, так и жилых покоях оконницы выбиты и многие покои сделались неспособны и для жилья; коих поправление требует великих издержек»[1885].

Учитывая тотальный характер разорения города, продолжавшуюся войну и необходимость восстановления в первую очередь сакральных зданий Московского Кремля, церковь отказалась от «устроения» Духовной академии в Первопрестольной. Итогом стал перевод Заиконоспасской семинарии под опеку Троице-Сергиевой лавры. Здесь и возникла планируемая еще Прозоровским (и существующая по сей день) Московская духовная академия. Ее перевод в неразоренный Сергиев Посад был в значительной степени продиктован желанием церкви спасти от голода и неустройства детей – слушателей, происходивших из небогатых семей духовенства.

Будучи второй столицей, Москва неизбежно оказалась местом учреждения и функционирования ряда новых государственных специальных учебных заведений. В 1799 г. в городе заработала одна из двух Хирургических академий, преобразованных из хирургических школ. Показательно, что второе аналогичное учебное заведение тогда же было основано в другой столице – Петербурге, что указывало на функциональное сходство двух центров. В 1804 г. академии объединили[1886].

Таким образом, в ходе преобразований, как в Москве, так и в городах ее губернии была заложена основа системы образования, ставшая фундаментом для ее последующего совершенствования. Огромную роль в этом процессе (как и целом ряде других) сыграл исключительная роль Москвы, и, в том числе, ее столичный статус.

[1885] Там же. Л. 1 об.

[1886] *Зябловский Е.Ф.* Статистическое описание Российской империи в нынешнем ее состоянии … Кн. 1, ч. 3. С. 156.

Роль Москвы как носителя и ретранслятора культуры

Москва играла исключительную роль в формировании религиозного, духовного и национального самосознания жителей страны. Москва относилась к немногочисленной группе «священных городов», в судьбе которых церковь сыграла особую роль и своим участием предопределила облик и во многом характер жизни населения. В рассматриваемый период Первопрестольная являлась всего-навсего одним из четырех епархиальных центров 1-го класса, к которым помимо нее относились Киев, Новгород и Петербург[1887]. Положение это имело и вполне материальное выражение. В 1781 г. в Москве и ближайших ее «предвестиях» располагались 10 соборов, 29 монастырей, 21 подворье и 265 приходских храмов[1888].

Многие из этих религиозных сооружений играли роль не только московских, но и общенациональных святынь. Для современников они имели как исторический, так и сакральный смысл (в них находились многочисленные предметы церковного поклонения). Вот как, например, описан современником один из соборов Московского Кремля:

«Большой Успенский – есть первопрестольная во всем Российском государстве церковь, в которой сверх драгоценного украшения святых икон и утварей церковных обретается Риза Христа Спасителя нашего, нарицаемый хитон, образ Пресвятой Богородицы Иерусалимской и другой Влахерская, в серебряной кивоте, оба писанные святым Апостолом и евангелистом Лукою, часть Животворящего Древа Христа Господня, и самый тот гвоздь, которым ко кресту пригвожден был Царь Мира за спасение рода человеческого. Вещи мира сего драгоценнейшие достойные всякого внимания и благоговеннейного почитания! Сверх того в серебряных раках почивают нетленные мощи святых угодников божиих Петра, Ионы и Филиппа, Фотия и

[1887] *Зябловский Е.Ф.* Землеописание Российской империи для всех состояний. Ч. IV. С. 142.
[1888] РГАДА. Ф. 1355. Оп. 2. Д. 120. Л. 1–10 об.

Киприяна, митрополитов московских, и еще некоторые части мощей святых из Греции и других стран собранные. Стены храма сего сооружены из одного дикого камня… А что в сем соборе обыкновенно погребались прежние патриархи и митрополиты оное доказывают их гробницы с надписями. Наконец, в сем соборе, как прежние цари, так и нынешние государи императоры и императрицы по принятому от греческой восточной церкви узаконению святым елеем обыкновенно помазываются и коронуются»[1889].

Отметим, что священные реликвии хранились во многих храмах Москвы.

Проявлением исключительного значения особой сакральной роли Москвы в представлении современников стали страшные события Отечественной войны 1812 г. Захватившие священный город России солдаты армии Наполеона осквернили и его храмы, и сам город[1890], что самым прямым образом отразилось на характере войны, отношении коренного населения к варварам-европейцам.

Духовный статус города имел не только идеологические и психологические, но и иные, материальные последствия. Помимо храмов и проекта Духовной академии, в Первопрестольной многовековыми усилиями Русской Православной Церкви были созданы условия и базис для развития культурного и научного потенциала страны в целом.

Важная часть культурной роли города заключалась в том, что он являлся местом возникновения университета. Давно признано, что университетские города представляют собой совершенно особую категорию по степени влияния на страну и общество[1891], поэтому в урбанистике эти поселения даже выделены в особую категорию[1892].

Открытый 24 января 1755 г., Московский университет уже во второй половине XVIII в. как образовательная структура и ретранслятор культуры

[1889] Там же. Л. 1–1 об.

[1890] Там же. Д. 635. Л. 135 об.–136 об.

[1891] Университет в Российской империи XVIII–XIX века / под общ. ред. А.Ю. Андреева, С.И. Посохова. М., 2012. С. 658.

[1892] *Боже-Гарнье Ж., Шабо Ж.* Очерки по географии городов. М., 1967. С. 163–166.

играл бóльшую роль, чем академический и «столичный» Санкт-Петербургский. В последнем уже в 1777 г. обучались не более 10 студентов[1893], в Москве же «их было значительно больше»[1894]. Только в гимназии при университете обучались «50 человек дворян и толикаго число разночинцев на казенном иждивении»[1895]. В 1785 г. в студентах значился 61 человек, а в гимназистах – 553[1896].

Изначально университет занял здание Главной аптеки на Красной площади (сейчас на этом месте расположен Государственный исторический музеи). Но имеющиеся помещения с самого начала не могли обеспечить учебному заведению всех «нужд в площадях» (год от года число обучавшихся «умножалось»)[1897]. Отчего власти постоянно искали возможности для «расширения». В 1788 г. они обратились через старших кураторов к главнокомандующему в Москве Еропкину с просьбой передать в распоряжение университета освободившийся на ул. Тверской дом, который занимала Межевая канцелярия, переехавшая в новое здание в Кремле. Власти согласились, правда, ситуация оказалась двусмысленной. Еропкин в письме императрице охарактеризовал здание (еще до просьбы о его передаче) как крайне «ветхое» и «без починки к занятию не пригодное». Состояние дома, по его мнению, было столь бесперспективно, что его и ряд других сооружений, находившихся в собственности администрации, планировали продать с публичного торга, так как «починка дороже придет, нежели чего они стоят»[1898].

Таким образом, университету передавали заведомо негодные помещения. Впрочем, данная ситуация не может быть оценена правильно без понимания положения дел, сложившихся в городе с казенными сооружениями. Власти были крайне стеснены в данном вопросе. В свое

[1893] *Жуковская Т.Н.* Университеты и университетские традиции в России. Петрозаводск, 2011. С. 27.
[1894] Там же. С. 28.
[1895] РГАДА. Ф. 1355. Оп. 2. Д. 120. Л. 6 об.
[1896] Состояние столичного города Москвы. С. 166.
[1897] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 578, ч. IV. Л. 178–178 об.
[1898] Там же. Л. 154.

время они не смогли найти подходящего дома даже для вице-губернатора – главного «хозяйственника» края. Все без исключения старые здания, имевшиеся в их распоряжении, были ветхими. Беспрерывные войны и реформы не позволяли в должной мере и в срок выделить даже обещанные средства на поддержание казенной недвижимости.

Предоставление университету дома на Тверской решало сразу несколько весьма насущных проблем города: «1-е прежней дом его (университета. – А.Б.) занять ново учрежденными в здешней губернии присутственными местами; новой же еще не достроен за уменьшением назначенной на то суммы по нынешним военным обстоятельствам. 2 -е деревянное строение его по причине умножающихся ежегодно учеников тесно, и подвержено опасности от ветхостей и пожаров, а притом 3-е негде расположить всех принадлежащих университетских, как то: библиотеки, кабинета натуральной истории, физических машин, анатомии, лаборатории, ботанического сада, и прочих вещей, находящихся в совершенном неустройстве наносящем вред оным»[1899].

Попечители высшего учебного заведения знали о состоянии предоставляемого им здания, но все равно находили его «удобным по близости своей с ним и по множеству покоев»[1900].

Необходимо отметить, что при учреждении университета власти города не имели точного представления, где его возможно разместить. Один из вариантов – окраина тогдашней Москвы у Красных ворот[1901]. Скорее всего, под эти цели собирались использовать здания «Запáсного дворца», который одно время планировали «пустить» под присутствия[1902]. В итоге все же согласились остановиться на центре, передав университету здание у Воскресенских ворот – бывшую аптеку. Ныне на этом месте стоит

[1899] Там же. Л. 178–178 об.
[1900] Там же. Л. 178 об.
[1901] Тимковский И.Ф. Указ. соч. С. 42.
[1902] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 574. Л. 126 об.

Государственный исторический музей[1903]. Однако помещение оказалось недостаточным для быстро расширявшегося учебного заведения. В 1788 г. Еропкин передал в его распоряжение бывший дом Межевой канцелярии. За год до этого для тех же целей купили дворец князя П.И. Репнина, стоявший на углу Моховой и Большой Никитской улиц, где разместили некоторые учреждения, поселили гимназистов и студентов, устроили аудитории и актовый зал[1904].

В 1773 г. к дому Репнина докупили расположенное по соседству дворовое место. В 1785–1786 гг. к ним добавили еще два соседних владения: двор с каменными и деревянными постройками, принадлежавший княгине А.М. Волконской, и пространный двор генерал-поручика А.И. Барятинского, приобретенный «в дар университету» лично императрицей[1905].

На этих участках 23 августа 1786 г. заложили т.н. «старое здание» Московского университета, спроектированное архитектором Казаковым и построенное к 1793 г. В это время университет уже давно покинул помещения у Воскресенских ворот. Последние пребывавшие там структуры (типография и книжная лавка) оставили их в 1788 г.[1906]

Масштабная стройка здания на Моховой (1786–1793 гг.) финансировалась из казны. Только по указу Екатерины II на нее было выделено 125 тыс. руб., что превышало бюджет высшего учебного заведения за несколько лет. Тем самым государство подчеркивало и особое значение университета, и свое исключительное попечение о просвещении юношества[1907].

Московский университет был сориентирован на светское образование[1908]. Поскольку его получали одновременно и представители

[1903] *Сытин П.В.* История планировки и застройки Москвы. Т. II. С. 229.
[1904] Университет в Российской империи XVIII–XIX века. С. 581.
[1905] Там же. С. 582.
[1906] *Сытин П.В.* История планировки и застройки Москвы. Т. II. С. 225–226.
[1907] Университет в Российской империи XVIII–XIX века. С. 159.
[1908] ПСЗ-I. Т. XX. №. 10346. С. 285.

дворянства, и лица «подлых сословий» («кроме крепостных людей»)[1909], то при высшем учебном заведении для столь разных социальных групп учредили две гимназии[1910]. Благодаря этому обстоятельству в Московском университете не было сословно-корпоративной замкнутости. Это создавало здесь более свободную атмосферу, что в свою очередь повлияло и на город в целом.

Московский университет и гимназии ежегодно получали «на содержание» 10 тыс. руб.[1911] Обучение на юридическом, медицинском и философском факультетах университета[1912] (на момент его учреждения) длилось три года[1913]. Поступить «в студенты» было невозможно без предварительного окончания университетских гимназий или других учебных заведений, где юношам следовало «наперед научиться языкам и первым основаниям наук»[1914].

Во главе учреждения стояли три попечителя, которых официально именовали кураторами. На рубеже 80–90-х годов XVIII в. ими являлись Иван Иванович Шувалов, Михаил Матвеевич Херасков и Иван Иванович Мелиссино. Последний отвечал за организацию работы высшего учебного заведения[1915].

В 1785 г. в штате университета и его гимназий состояли: «разных факультетов профессоров» – 4 человека, учителей – 25, «при разных должностях» штаб- и обер-офицеров – 14, канцелярских служителей и солдат «при должностях» – 51[1916].

[1909] Там же. С. 286.
[1910] Там же.
[1911] Там же. С. 288.
[1912] Там же. С. 289.
[1913] Там же. С. 291.
[1914] Там же. С. 286.
[1915] *Тимковский И.Ф.* Указ. соч. С. 40.
[1916] Состояние столичного города Москвы. С. 166.

Помимо основных, были еще предметы, именовавшиеся как «особенные» «особеннейшие уроки». Их преподавание находилось в прямой зависимости «от взаимных условий желающих учиться с профессорами»[1917].

В 1779 г. при Московском университете открылся Благородный университетский пансион[1918]. В нем в 1780-х годах получали образование 300–500 человек, причем за плату, весьма внушительную по тем временам, – 850 руб. в год[1919]. В Целью этого учреждения стало предоставление дворянству наиболее удобной формы образования и воспитания их детей. Вскоре пансион превратился в привилегированное учебное заведение. Окончившие курс юноши имели те же права на получение статских чинов и производство в офицеры, что и выпускники университета.

Московские клубы

Наряду с учебно-просветительной стороной жизни Москвы, в городе возникали общественный организации, целью которых выступала организация культурной и общественной жизни привилегированных слоев второй столицы.

Москва конца XVIII в. по характеру – дворянский город. Благородное сословие «задавало в нем тон» примерно до 1840-х годов[1920]. Впрочем, даже в середине XIX в. в Москве концентрировалось до 90% всех «благородных» городских жителей губернии. Притом в отношении многотысячного населения Москвы доля дворян являлась весьма существенной – 5,3%. Вместе с дворовыми людьми, обслуживавшими их городские усадьбы (16%

[1917] *Жихарев С.П.* Указ. соч. С. 55.
[1918] Малиновский А.Ф. Указ. соч. С. 152.
[1919] *Сытин П.В.* История планировки и застройки Москвы. Т. II. С. 230.
[1920] *Бокова В.М.* Повседневная жизнь Москвы в XIX веке. 2-е изд., испр. М., 2010. С. 25.

всех горожан), общий удельный вес обеих групп составлял до 1/5 всех москвичей![1921]

Культура дворянской общественной жизни выражалась в разных формах. Одна из них – входившие в моду клубы. По наблюдению И.С. Розенталя (специально занимавшегося этой темой), первые клубы в Москве и Петербурге появились между 1767 и 1785 г. как результат влияния английских традиций, а также процессов внутреннего развития российского общества, прежде всего, под воздействием либеральных веяний первых лет правления Екатерины II и усиления сословных позиции дворянства[1922].

В начале 70-х годов XVIII столетия Москва, «повторяя Петербург», обзавелась собственным Английским клубом. Контракт на его открытие полицмейстерская канцелярия утвердила 13 мая 1772 г. По иронии судьбы Английский клуб в Первопрестольной основали два француза – Петр Павлович Тюлье и Леопольд Годеин. Для этой цели они «наняли» в Красном Селе дом графа К.Е. Сиверса, при котором состоял обширный «со всеми принадлежностями для гуляния сад»[1923].

За свою историю московский Английский клуб неоднократно менял свое местоположение. В 1802–1812 гг. он размещался на Страстном бульваре у Петровских ворот в доме князей Гагариных, затем «переехал» на Страстную площадь, в 1813–1823 гг. функционировал на Большой Дмитровке в доме генерал-майора Н.Н. Муравьева, а в 1831 г. «перебрался» в последнее свое помещение – дворец графини М.Г. Разумовской, на ул. Тверской.

Другим наиболее значимым общественным собранием старой столицы стало учрежденное в 1783 г. Московское благородное собрание[1924] (с 1810 г.

[1921] Ведомость о народонаселении Московской губернии за 1852 год // Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1853. Т. 6, ч. I. С. 309–310. (Таблица № 3).

[1922] *Розенталь И.С.* Указ. соч. С. 19.

[1923] Там же. С. 23.

[1924] *Куприянов А.И.* Российское Благородное собрание и модернизация публичной жизни в дореформенной России // Уральский исторический вестник. 2015. № 4 (49). С. 36.

Российское благородное собрание)[1925]. В историографической практике существует традиция также относить его к клубам[1926], что не вполне точно, так как не учитывается сословный характер данного общества[1927].

Именно для его нужд в 1784–1787 гг. архитектор Казаков в рамках екатерининской реконструкции Москвы возвел на Охотном ряду здание, перестроенное из дворца генерал-аншефа Долгорукова-Крымского. В измененном виде это сооружение сохранилось до наших дней и известно (в том числе благодаря своему торжественному колонному залу) как Дом Союзов.

К концу века московский Дворянский клуб превратился в одну из главных достопримечательностей «старой» столицы, что отражено во многих воспоминаниях, наполненных восторженными эпитетами. Современников особенно восхищала «зала», способная вместить до 2 тыс. человек[1928]. Очарован московским Дворянским клубом был и Франсиско де Миранда, побывавший в здании на Охотном ряду 18 марта 1787 г. и отразивший свои впечатления в дневнике[1929]. За право быть членом клуба платили взнос, размер которого для мужчин составлял 20 руб., для женщин – 10[1930].

В 1786 г. в Москве открылся еще один клуб – Купеческий. Его членами могли стать как представители торгового сословия, так и «почетные люди другого состояния», имевшие, как члены клуба, те же права[1931]. В 1814 г. он размещался в доме купца Варгина, на торговой улице Ильинке, в 1839 г. перебрался на Большую Дмитровку[1932], а в начале XX в. – в специально выстроенное здание на соседней Малой Дмитровке, где находился вплоть до

[1925] *Розенталь И.С.* Указ. соч. С. 24–25.
[1926] Там же. С. 24.
[1927] *Куприянов А.И.* Российское Благородное собрание ... С. 36.
[1928] Историческое и топографическое описание города Москвы, 1787 г. С. 184.
[1929] *Розенталь И.С.* Указ. соч. С. 24.
[1930] *Розенталь И.С.* Указ. соч. С. 24.
[1931] Там же. С. 25.
[1932] Там же. С. 26.

революционных событий 1917–1918 гг.[1933] Ныне в этом здании находится театр «Ленком».

В 1819 г. в городе заработал Немецкий клуб.

Как мы видим, городская среда Москвы достаточно активно развивалась, формируя новое социокультурное пространство, тесно сопряженное с сословным характером ее жителей и нормами данного исторического времени.

Книгоиздание и книготорговля в Москве

Первопрестольная столица являлась крупнейшим просветительским центром как Центральной России, так и всей империи. Причем в пределах своей губернии Москва оставалась единственным городом, исполнявшим данную роль.

К 18 сентября 1787 г. здесь функционировали четыре типографии: поручика Новикова «с компаниею», Христофора Клаудия, Фридриха Гиппиуса и Пономарева. Также в «столичном городе» работали (и весьма активно) 24 книжные лавки: университетского книгопродавца и комиссионера Ридигера, иностранцев Удгофа и Бибера, Карла Зандмарка, университетского переплетчика Никиты Водопьянова, синодальной типографии переплетчика Ивана Лебедева, поляка Давыда Андреева, московских купцов Тимофея Полежаева (2 лавки), Никиты Кольчугина (3 лавки), Матвея Глазунова (2 лавки), Игнатия Ферапонтова, Тимофея Семенова, Семена Трофимова, Василья Глазунова, Ивана Переплетчикова, московских мещан Федора Мушникова, Ивана Иванова, Петра Рышкова, Ивана Мушникова, Егора Алексеева, а также дмитровского купца Петра Толченова[1934]. Первыми в этом списке, по видимому, стоит имя известного

[1933] *Федосюк Ю.А.* Москва в кольце Садовых: путеводитель. М., 1991. С. 189.
[1934] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 578, ч. IV. Л. 170–170 об.

просветителя Н.И. Новикова, заключивший договор на аренду типографии Московского университета на сорок в 10 лет с 1 мая 1779 г.[1935]

Об интенсивности работы книгопродавцев и интересе к их продукции со стороны покупателей говорит тот факт, что в сентябре 1787 г.[1936] во время проверки торговцев и издателей на запрещенные книги список изъятого насчитывал только одних наименований 1 662. Томов же было арестовано и уничтожено 131 585.

Необходимо также уточнить, что ревизию проводили в сентябре 1787 г., т.е. за полтора года до Великой французской революции, напугавшей как самодержавную власть, так и православную страну. Если в 1790 г. такое крупное изъятие книг можно объяснить преднамеренной тотальностью, вызванной недоверием ко всему, пришедшему с Запада, то в 1787 г. конфисковали лишь отдельные сомнительные наименования. Ограниченность проверки объяснялась тем, что интерес ревизии вызывали преимущественно церковные книги, остальные даже не просматривались[1937]. Иными словами, это была обычная штатная проверка, а изъятые издания в основном были подозрительного содержания, в чем можно легко убедиться. Так, обнаружили не известные ранее властям опасные книги, не дозволенные к продаже на время, пока в отношении них не будет принято решение[1938]. Общая стоимость «запечатанных» (арестованных и отправленных для проверки книг) книг составила более 100 тыс. руб.[1939]

В начале Великой французской революции российские власти ужесточили контроль над поступавшими в губернию и Москву изданиями. Составленные в результате этого документы дают возможность увидеть книжный рынок страны и интересы россиян.

Главным пунктом получения литературы из-за рубежа была Москва. Она же оставалась не только единственным городом губернии, но и одним из

[1935] Будяк Л.М. Новиков в Москве и Подмосковье. М., 1970. С. 63.
[1936] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 578, ч. IV. Л. 169.
[1937] Там же.
[1938] Там же. Л. 174.
[1939] Там же. Л. 170 об.

немногих рынков Центральной России, где шла торговля самой разной литературой. Причем в лавках – в массовом порядке и на постоянной основе[1940].

Хозяева московских «книжных заведений» и посещавшие их любители печатного слова были людьми, весьма интересовавшимися новинками. В марте 1794 г. власти (по личному распоряжению Екатерины II) массово изымали в городе французские календари, которые были напечатаны… «с новым счислением годового времени», т.е. революционным исчислением. Важно, что эти книги были не в единственном экземпляре, а являлись предметами продажи для получения прибыли[1941]. Всегда сдержанная, императрица была настолько возмущена этим, что в инструкции к наместнику Прозоровскому приказала «все сжечь». Однако, по-видимому, справившись с чувствами по мере составления бумаги, она собственноручно вычеркнула в конце слово «сжечь», заменив его на «отобрать и запечатать». Впрочем, это не помешало ей потребовать от генерал-губернатора сообщить книготорговцам, что «впредь подобные нелепые книжки, ими выпускаемые будут от них без денежно отбираемы и истребляемы»[1942].

Прозоровский, учтя свой промах в ситуации с революционными календарями, которые сам же и пропустил на рынок, решил исправить положение. Главнокомандующий, скорее всего, по собственной инициативе (иначе имелось бы соответствующее высочайшее распоряжение, но в материалах дела оно отсутствует) усилил контроль над поступавшей в московские книжные магазины французской литературой. По его собственным словам, «дабы прекратить продажу иностранных непозволенного и развращенного содержания книг в здешней Столице, учредил я еще в 1792-м году, что бы книгопродавцы, коль скоро получат какие выписанные ими книги, то бы распечатав их в присутствии приставленного для того офицера, представляли губернатору подлинную

[1940] Там же. Л. 123.
[1941] Там же.
[1942] Там же.

фактуру, по которой неизвестные книги рассматриваются и вредные отбираются»[1943].

Однако это решение сановника (при его же невнимании) торговцы попросту проигнорировали. Причина этого состояла в «единой корысти»[1944]. Такая литература пользовалась заметным спросом. Посетители книжных лавок охотно покупали и читали новые французские книги, распространение которых было абсолютно свободным. Хозяева некоторых лавок для знакомства с имевшимися у них в ассортименте изданиями раздавали посетителям специальные каталоги[1945]. Один из них – из «лавки Бибера» – случайно через «знакомого» попал в руки Прозоровского, который с ужасом обнаружил там печатные издания «об революции французской, и сочиненные во время оной»[1946].

Дабы не спугнуть распространителей «заразы», генерал-губернатор предпринял усилия, чтобы «из всех лавок получить чрез посторонние руки» их каталоги. За «цензурирование» перечней литературы, продававшейся в лавках Москвы, сановник усадил самого обер-полицмейстера и своего личного адъютанта капитана Десеньера[1947]. Подобный выбор объясняется режимом полной секретности. По сути, это была первая спецоперация московской полиции по выявлению в городе запрещенной литературы.

Почти ничего не понимая в новейшем книгоиздании, военные сконцентрировались на том, чтобы выявить хотя бы те издания, которые официально были запрещены к распространению «санкт-петерургским книгопродавцам».

В итоге цензоры поневоле обнаружили множество «запретительных книг». Среди них были и три трагедии Вольтера – «Брут», «Смерть Цезаря» и «Кандид» («Brutus, Et la mort de Cesar, Et Candide»). Как сообщил Прозоровский императрице, если «первые две в сходственных настоящего

[1943] Там же. Д. 582, ч. IV. Л. 128.
[1944] Там же.
[1945] Там же.
[1946] Там же. Л. 128–128 об.
[1947] Там же. Л. 128 об.

времени правилам французским, а последняя касающаяся до России»[1948]. Не имея точного представления о том, что еще могло быть запрещено, Прозоровский 5–12 июня 1794 г. провел военно-полицейский рейд по лавкам Москвы, и недопустимые (с его точки зрения) книги были «все в кипах оставлены запечатанные». Их дальнейшую «судьбу» должна была определить лично государыня. Сам он намеревался вредные книги сжечь, а разрешенные Екатериной II вернуть в лавки[1949].

Вскоре в результате проведенной им работы было выявлено 59 наименований запрещенной литературы. Всего из лавок изъяли 935 томов[1950], которые затем сожгли на московской таможне[1951]. Общее число изъятых томов одного наименования колебалось от 1 до более 100 экз.[1952]

Как видим, в начале 1790-х годов в Москве наблюдалось свободное «хождение» большого числа литературных произведений, несмотря на цензуру и страх перед Французской революцией. При этом и в 1791 г. в городе «довольно выходит новых сочинений книг», в том числе переведенных здесь же иностранных авторов – для печати в типографиях города. Вместе с тем немало книг ввозили книготорговцы-иностранцы. Управа благочиния «за множеством вседневно дел» с большим трудом могла следить за этим потоком. Его изучением занимались обер-полицмейстер и полицмейстер, которые явно не справлялись с этой новой для них обязанностью. По признанию генерал-губернатора, у обоих на данную работу «не остается уже времени». Кроме того, обер-полицмейстеру, «который иностранных языков и не знает», и полицмейстеру, «который разумеет только французский язык», требовалась помощь не только переводчиков, но и цензоров («оба они не столь сведущи в литературе»)[1953].

[1948] Там же.
[1949] Там же. Л. 129.
[1950] Там же. Л. 134–136 об.
[1951] Там же. Л. 133.
[1952] Там же. Л. 134–136 об.
[1953] Там же. Ч. II. Л. 217.

Ситуация усугублялась еще и тем, что в московскую Управу благочиния приходило много «просильщиков»-иностранцев, которые не писали по-русски[1954]. В итоге к «цензурированию» книг привлекли университет, но его преподаватели изучали только издания собственной типографии. Ввиду большого объема работ наместник просил императрицу «установить» в Управу благочиния сверх штата на должности цензоров двух человек (для отечественной и иностранной литературы), а также привлечь к этой работе представителей «от духовного правления префектом Заиконоспасской семинарии»[1955].

Театр в Москве: становление и развитие

Первые крупные театральные представления, прошедшие в городе в начале царствования Екатерины II, были связаны с коронационными торжествами[1956]. На какое-то время они заполнили образовавшийся здесь театральный вакуум[1957]. Спектакли (одновременно с балами и «маскерадами») шли в Головинском дворце в Заяузье. Правда, зрителем их мог стать далеко не всякий. Состоявшееся в городе «разительное и прелестное для глаз позорище»[1958] было предназначено для узкого круга наиболее знатных фамилий.

Одновременно в Москве гастролировали иностранные труппы. Так, известно о работе здесь итальянцев Бельмонти и Чути, которые прибыли для подготовки праздника в честь восшествия на престол новой императрицы. По окончании коронационных торжеств, иностранные антрепренеры остались в

[1954] Там же. Л. 217 об.
[1955] Там же.
[1956] *Погожев В.П.* Столетие организации Императорских Московских театров. Вып. I, кн. I. С. 20.
[1957] *Старикова Л.М.* Указ. соч. С. 134.
[1958] *Болотов А.Т.* Указ. соч. Т. 2. С. 210.

Москве и вплотную занялись театром «маскарадных представлений»[1959]. В их репертуар входили итальянские оперы, интермедии и русские пьесы.

При этом к середине столетия в городе имелась необходимая социально-культурная база для работы собственного «русского» театра. Но форма реализации по-прежнему зависела от верховной власти в лице Екатерины II. Как и ее предшественники, она считала задачу «устроения» театра в Москве крайне важной. Впрочем, от прямого участия государства в учреждении очередной «комедийной хоромины» императрица воздерживалась. Поэтому использовался механизм предоставления «привилегии» – права на создание собственного театрального предприятия, передававшегося конкретным антрепренерам, задачей которых было обустройство здания, формирование труппы и репертуара.

Вплоть до конца 1765 г. государыня рассматривала различные проекты учреждения в Москве собственного национального театра. Известно четыре таких документальных свидетельства: три принадлежали иностранцам, которые императрица (возможно даже демонстративно) отвергла, один – неизвестному русскому. Поскольку право на учреждение театра в Москве вскоре было передано страстному любителю сценического искусства Н.С. Титову, можно предположить, что именно он и являлся составителем последнего «прожекта»[1960].

В итоге «привилегию» на проведение русских драматических спектаклей в 1766–1769 гг. полковник Титов. Созданная им труппа (как и антреприза Бельмонти) давала представления в Лефортово в Головинском театре. Таким образом, Титов серьезно потеснил итальянских антрепренеров на театральном рынке Москвы[1961].

Несмотря на малую известность в наши дни «предприятия» Титова, именно оно стало в итоге предшественником другого, более известного

[1959] *Сытин П. В.* История планировки и застройки Москвы. Т. II. С. 54.

[1960] Там же. С. 134–136.

[1961] *Погожев В.П.* Столетие организации Императорских Московских театров. Вып. I, кн. I. С. 23.

театрального коллектива, – труппы М.Е. Медокса, из которой впоследствии вырос будущий Большой театр Москвы[1962].

Получив сообщение о намерении Титова взять под свой контроль «русский театр», Екатерина II написала 8 января 1763 г. в ответном письме московскому генерал-губернатору графу Салтыкову: «Я дозволяю на то употребить мой театр (Головинский в Лефортово. – А.Б.) со всеми декорациями; но прежде всего прикажите осмотреть оный архитекторам, не худ ли он; ибо уже лет двадцать пять построен, и можно ли его починить... А есть ли чинить возможно, то нанимайте на моем коште Локателев театр до тех пор, покамест мой восстановлен не будет». Желание поддержать нарождавшийся в Москве русский театр не являлось сиюминутным капризом императрицы. В письме, отправленном Салтыкову через три года, 29 марта 1766 г., Екатерина II предложила ежегодно выделять из казны на нужды «российского в Москве театра» по 2 тыс. руб., а в случае отказа итальянцев от их прав на проведение в городе концертов и маскарадов предоставить таковые Титову.

Однако, несмотря на высочайшую поддержку, за несколько лет дела последнего пришли в сильное расстройство[1963]. Для спасения труппы антрепренер просил принять театр в ведомство «дирекции Императорских театров». В итоге 1 марта 1769 г. его отстранили от должности[1964].

Причина происшедшего с Титовым финансового краха заключалась, скорее всего, в том, что к тому времени круг любителей театра в Москве был не так уж и широк. Притом «директору» приходилось выдерживать постоянную конкуренцию с итальянскими труппами Бельмонти и Чути, что резко сужало рынок. К тому же Титов обладал «привилегией» только на русские драмы, в то время как иностранные антрепренеры сохранили свои первоначальные исключительные права на постановку комедий и опер, а

[1962] Там же.
[1963] *Старикова Л.М.* Указ. соч. С. 137.
[1964] Там же.

также на устройство балов и маскарадов[1965]. Увеселения (особенно маскарады) приносили дополнительный доход, необходимый для подготовки дорогостоящих спектаклей. По-видимому, не выдержав борьбы за зрителя, Титов и лишился своего дела. Зная о его трудностях, Бельмонти и Чути обратились к московскому главнокомандующему Салтыкову с предложением передать им исключительные права разорившегося конкурента, что и было сделано 19 марта 1769 г.[1966] (сроком на пять лет)[1967]. С этого момента итальянцы стали монополистами театрального дела в Москве[1968].

Екатерина II явно сожалела о провале театрального проекта русского антрепренера Титова, но удовлетворила просьбу Салтыкова и итальянцев, тем более что за кандидатуру Бельмонти много хлопотал сам А.П. Сумароков. Отставленный в 1761 г. от управления Российским театром в Петербурге и перебравшийся в Москву Сумароков принимал активное участие в становлении здесь собственного театрального коллектива[1969].

Неоднократные попытки императрицы устроить дело «с театром» указывают на решимость обеспечить им Первопрестольную. Так, передача итальянцам монопольных прав оговаривалась обязательным выполнением одного, но очень важного и затратного условия: они должны были возвести «своим коштом» (за свой счет) новое театральное здание. Причем власти были согласны даже на деревянное сооружение[1970]. В 1769 г. полиция отвела для этой цели место[1971], находившееся за стеной Белого города между Мясницкими и Покровскими воротами, где раньше располагался «Лесной ряд»[1972].

[1965] *Погожев В.П.* Столетие организации Императорских Московских театров... Вып. I, кн. I. С. 23.

[1966] Там же; *Сытин П.В.* История планировки и застройки Москвы. Т. II. С. 55.

[1967] *Сытин П.В.* История планировки и застройки Москвы. Т. II. С. 55.

[1968] *Старикова Л.М.* Указ. соч. С. 138.

[1969] Там же.

[1970] *Сытин П.В.* История планировки и застройки Москвы. Т. II. С. 55.

[1971] *Пыляев М.И.* Указ. соч. С. 101.

[1972] *Сытин П.В.* История планировки и застройки Москвы. Т. II. С. 54.

Несмотря на обещания, итальянцы так и «не устроили» в Москве постоянного театрального здания[1973], что требовало больших затрат и времени. В итоге было разрешено не строить новый дом, а арендовать для выступлений флигель в особняке С.И. Воронцова (ул. Знаменка)[1974] или пристроить к нему свое театральное здание[1975]. Первые спектакли в нем прошли в июне 1776 г.[1976]

В 1770 г. один из компаньонов, «танцмейстер италианец Иозеф Чуди», вернулся в Италию. Во время эпидемии чумы в Москве в 1771 г. умер Бельмонти. Принадлежавшая ему «привилегия» на спектакли и театральный реквизит отошли к малолетнему сыну Антону, за которого управляла его дальняя родственница Терезия Демота. Она некоторое время руководила театром, но все же уступила свои права другим лицам, продав в январе 1773 г. половинную долю в «привилегии» губернскому прокурору князю П.В. Урусову[1977], который в 1776 г. вместе с итальянцем Гротти включился в процесс театрального строительства в Москве. Но в том же году иностранец полностью отошел от дел, передав своему русскому «товарищу» все права на «привилегию»[1978]. Впрочем, существует и иная точка зрения: Гротти, оценив бесперспективность театрального дела в Москве с точки зрения личной выгоды, просто сбежал («неведомо куда отлучился»). При этом он не выполнил возложенных на него материальных обязательств, чем сильно подвел своего компаньона Урусова[1979], который искренне любил театральное дело был готов вкладывать немалые средства в его развитие в Москве[1980]. Кроме того, он был хорошо знаком с «главноначальствующим» Москвы

[1973] *Пыляев М.И.* Указ. соч. С. 101.

[1974] Там же; *Пыляев М.И.* Указ. соч. С. 101.

[1975] *Старикова Л.М.* Указ. соч. С. 139.

[1976] *Бочарникова Э.* Большой театр: краткий ист. очерк. М., 1987. С. 5.

[1977] *Старикова Л.М.* Указ. соч. С. 138–139.

[1978] *Пыляев М.И.* Указ. соч. С. 102; *Погожев В.П.* Столетие организации Императорских Московских театров. Вып. I, кн. I. С. 24.

[1979] *Гуревич Л.Я.* Указ. соч. С. 184.

[1980] *[Михайловский В.А].* Историческая справка о Большом театре в связи с Императорскими Московскими театрами. М., ценз. 1900. С. 1.

князем М.Н. Волконским[1981]. В итоге в Урусов получил от правительства новую «привилегию» на содержание в Первопрестольной театра, причем уже на 10 лет1776 г. [1982] При этом антрепренер должен был создать сильную труппу («завести хороших актеров… а со временем, есть ли на то обстоятельство дозволят, и хороший балет»). Что показательно, ему предписывалось в первые пять лет своих полномочий (т.е. обязательно) построить постоянное театральное здание, причем сразу в камне. Выполнить это необходимо было так, чтобы оно стало заметным сооружением для всей Москвы («с таким внешним убранством, чтобы городу мог служить украшением»)[1983].

Вскоре Урусов взял «в товарищи» англичанина Медокса. Тот, имея известность человека, знакомого с организацией театрального дела в Англии, привлекался, скорее всего, только как организатор хозяйственной стороны антрепризы, но вскоре стал главным театральным строителем Москвы.

До появления нового театрального здания представления шли, как и при итальянцах, в арендованном доме графа Воронцова, на Знаменке[1984]. Первоначально труппа насчитывала 9 актрис и 13 актеров. Кроме того, в нее входили 7 танцовщиц и танцоров с балетмейстером и 13 музыкантов[1985].

Прежде чем приступить к постройке нового большого театра, Урусов и Медокс постарались соорудить временное помещение. С этой целью они обустроили место в доме графа Строганова на Знаменке[1986]. Здесь театр функционировал до «катастрофы», происшедшей вечером 27 февраля 1780 г. Во время представления трагедии «Дмитрий Самозванец» «в десятом часу по

[1981] *Погожев В.П.* Столетие организации Императорских Московских театров. Вып. I, кн. I. С. 24; *Михайловский В.А.* Указ. соч. С. 1.

[1982] *Старикова Л.М.* Указ. соч. С. 140.

[1983] Там же.

[1984] *Погожев В.П.* Столетие организации Императорских Московских театров. Вып. I, кн. I. С. 24.

[1985] *Бочарникова Э.* Указ. соч. С. 5.

[1986] *Михайловский В.А.* Указ. соч. С. 2.

полудни… в самое то время как спектакль на театре, а в других покоях маскарад», здание охватил огонь[1987].

Убытки Урусова от пожара составили колоссальную сумму – 80 тыс. руб.[1988] Погибли «все мебели и гардероб»[1989]. Оказавшись на грани разорения, он решил отойти от дел и 31 марта 1780 г. передал права на театр Медоксу. Став, таким образом, единственным акционером, англичанин получил не только свободу действий, но и массу финансовых проблем[1990].

Несмотря на серьезные трудности, Медокс не только не оспорил требование (полученное вместе с «привилегией») о строительстве нового полноценного театрального здания в Москве, но и рьяно взялся за решение этой задачи. Для этого он заложил все свое московское имущество, выручил таким образом 50 тыс. руб.[1991] и купил у князя Лобанова-Ростовского расположенный в самом начале Петровской улицы[1992] участок земли с большим трехэтажным домом[1993]. Владение находилось в приходе древней церкви Спаса Преображения «что на Копье».

Огромное каменное здание театра, которое предполагалось построить за пять лет[1994], возвели за пять месяцев[1995]. Но этот успех потребовал больших затрат: первоначальная смета в 80 тыс. руб. оказалась превышена на 50 тыс. руб.[1996] План театра подготовил архитектор Розберг. Он же руководил строительством. Внутреннее устройство здания отличалось великолепием. Здание имело длину 32 сажени, ширину – 20 и высоту – 8, вмещало 110 лож, «не считая галерей» (три яруса лож, партер и галерею[1997]). Представление

[1987] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 568. Л. 146.
[1988] *Погожев В.П.* Столетие организации Императорских Московских театров. Вып. I, кн. I. С. 24.
[1989] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 568. Л. 146.
[1990] ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 1. Д. 363. Л. 1 об.
[1991] *Погожев В.П.* Столетие организации Императорских Московских театров. Вып. I, кн. I. С. 24.
[1992] *Пыляев М.И.* Указ. соч. С. 103.
[1993] *Сытин П.В.* История планировки и застройки Москвы. Т. II. С. 55.
[1994] *Михайловский В.А.* Указ. соч. С. 2.
[1995] *Погожев В.П.* Столетие организации Императорских Московских театров. Вып. I, кн. I. С. 24.
[1996] *Бескин Э.М.* История русского театра. М.; Л., 1928. Ч. I. С. 67.
[1997] *Бочарникова Э.* Указ. соч. С. 5.

могли посетить одновременно около 1 тыс. зрителей. Огромный по тем временам зал освещался 42-мя хрустальными люстрами со свечами[1998]. Сдававшиеся на весь сезон ложи представляли собой закрытые, напоминавшие отдельные комнаты помещения[1999]. Кроме того, «желающие иметь в том театре ложу, – как сообщало объявление в Московских Ведомостях, – могут заблаговременно их нанять и отделать» по собственному усмотрению.

30 декабря 1780 г. «Московские ведомости» напечатали объявление: «В удовольствие почтенной публики, которой предварительно при сих листах объявлено было о сегодняшнем открытии новопостроенного Петровского театра, за нужное считаем сообщить для сведения, что огромное сие здание, сооружение для народного удовольствия и увеселения… по мнению лучших Архитекторов и одобрению знатоков театра, построено и к совершенному окончанию приведено»[2000].

Главнокомандующий Москвы князь Долгоруков-Крымский остался очень доволен действиями Медокса. В знак особого внимания всем чинам полиции было велено «иметь к нему почтение и уважение и охранять его от всех неприятностей»[2001]. Кроме того, 6 марта 1781 г. главнокомандующий Москвы лично выхлопотал у императрицы для Медокса новую «привилегию»[2002] сроком еще на 10 лет (до 1796 г.) и без дополнительных условий[2003].

Театр, построенный в начале ул. Петровки имел невероятный успех. Главной причиной успеха, помимо актерской игры ряда звезд и интересного, понятного публике репертуара, была режиссерская и организационная работа самого Медокса, отличавшаяся особой скрупулезностью в отношении готовившегося к постановке материала. По словам историка русского театра

[1998] Там же.
[1999] *Михайловский В.А.* Указ. соч. С. 2.
[2000] Московские Ведомости. 1780. 30 декабря. № 105. С.841-842.
[2001] Там же. С. 3.
[2002] ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 1. Д. 8. Л. 9 об.
[2003] *Михайловский В.А.* Указ. соч. С. 3.

Ф.А. Кони, в подготовке спектакля Медокс всегда был неспешен по срокам и основателен по результату. Это объяснялось тем, что антрепренер принципиально уважительно относился и к зрителю, и к работе на сцене[2004].

Так, на стадии подготовки Медокс проводил совещание, куда входили автор (переводчик) и главные актеры. На нем обсуждались актерские качества, необходимые для исполнения конкретных ролей. Затем шло их распределение. В заключение актеры сами утверждали сроки будущей постановки. При этом Медокс как антрепренер никогда «не ужимал» их и не подгонял исполнителей. В итоге его работы были всегда хорошо выполнены[2005].

Подобное отношение к делу ограничивало репертуар, который насчитывал не более 30 пьес[2006]. Спектакли шли не каждый день. В год театр показывал около 80 спектаклей[2007], что не позволяло добиваться значительных прибылей и отдать долги. В итоге удача сопутствовала Медоксу всего два года. Затем на антрепренера посыпались нешуточные проблемы, приведшие его к полному разорению. Одной из наиболее важных его причин (помимо обширных долговых обязательств) стало начавшееся в 1782 г.[2008] соперничество с попечителем московского Воспитательного дома И.И. Бецким. Он решил устроить собственный публичный театр[2009] и давать платные спектакли русской и итальянской трупп[2010]. Медокс разными средствами пытался доказать, что проведение представлений вне стен Петровского театра есть прямое нарушение данной ему «привилегии». Но столкновение с любимцем императрицы не могло закончиться ничем хорошим. Сам Бецкой в письме к главнокомандующему Москвы назвал претензии Медокса «дерзновенными». Дело дошло до суда, который

[2004] *Погожев В.П.* Столетие организации Императорских Московских театров. Вып. I, кн. I. С. 28.

[2005] Там же.

[2006] Там же.

[2007] *Михайловский В.А.* Указ. соч. С. 3.

[2008] *Пыляев М.И.* Указ. соч. С. 104.

[2009] Там же.

[2010] *Бескин Э.М.* Указ. соч. Ч. 1. С. 70.

сановник не только выиграл, но и заставил антрепренера принять условия[2011], которые еще более подорвали его финансовые положение.

Возраставшая тяжесть долга заставила Медокса заложить собственное дело и все имущество в Опекунский совет Воспитательного дома – его же основного кредитора. Это на какое-то время стабилизировало ситуацию и спасло созданный большими трудами театр от опасности исчезновения[2012].

Кроме того, у Медокса испортились отношения и с главой Москвы. Если Долгоруков-Крымский покровительствовал антрепренеру, то новый главнокомандующий Прозоровский был к нему порой откровенно враждебен. Дело дошло до того, что сановник обвинил Медокса в грубых нарушениях, допущенных при возведении театра[2013]. По этому вопросу главнокомандующий создал даже специальную следственную комиссию.

Несмотря на тяжелое положение Медокса, его театр пользовался славой, а публика охотно посещала представления. В труппу тогда перешло несколько сильных актеров из Петербурга, а также был нанят переводчик Н.С. Красильников, что позволило ввести в репертуар ряд замечательных пьес[2014]. Однако это не спасло антрепренера от окончательного разорения.

В 1804 г. Медокса отстранили от театра. Вскоре московский театр стал «императорским». Данная трансформация была связана не столько со стремлением властей поставить его под свой контроль, сколько с формой протекционирования, вызванной большими материальными сложностями обеспечения театрального дела[2015]. Вместе с тем, новый статус соответствовал особому положению Москвы как официального «столичного» (наряду с Петербургом) города[2016].

[2011] ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 1. Д. 8. Л. 28–30.

[2012] *Погожев В.П.* Столетие организации Императорских Московских театров. Вып. I, кн. I. С. 32.

[2013] ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 1. Д. 8. Л. 61.

[2014] *Пыляев М.И.* Указ. соч. С. 109.

[2015] *Погожев В.* Проект законоположений об Императорских театрах. Т. I. С. 14.

[2016] *Погожев В.П.* Столетие организаций Императорских Московских театров. Вып. I, кн. 2. С. 290.

В 1805 г. здание Петровского театра сгорело и больше его не восстанавливали. Но как структура театр сохранился. Его труппа играла спектакли на разных сценах города. Именно этот коллектив станет основой труппы Московского Императорских театров, давшего начало существующим и по ныне «Большому» и «Малому» театрам, берущим свое начало с «привилегии» Урусова.

Создание регулярного города. Екатерининский план переустройства Москвы и его реализация

7 июля 1775 г. Екатерина II утвердила план комплексной реконструкции Москвы[2017]. Без преувеличения, это был первый обширный проект ее перестройки[2018], предусматривавший не только применение ряда формальных улучшений, но изменявший характер внутренней структуры города.

Главной его задачей было не только превращение Москвы в современный, пригодный для жизни и развития город, но и придание ему облика «столичного города» и возможностей исполнять его функции: «к споспешествованию в выстройке первопрестольного города»[2019].

Для осуществления плана реконструкции Москве по штатам 1782 г. полагалось иметь «для надзирания над строениями и снятия планов» одного архитектора с годовым жалованьем 300 руб. с двумя помощниками (по 120 руб.) и четырьмя «учениками архитектуры» (по 60 руб.)[2020].

Впрочем, соответствующие данной программе мероприятия проводились и ранее (фактически сразу после вступления Екатерины II на

[2017] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 578. Ч. V. Л. 169.

[2018] *Герасимов Ю.Н., Панухин П.В., Швидковский Д.О.* Ансамбли Москвы эпохи классицизма // Архитектурные ансамбли Москвы XV – начала XX веков: принципы художественного единства / под ред. Т.Ф. Саваренской. М., 1997. С. 210.

[2019] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 568. Л. 129 об.

[2020] Там же. Д. 575, ч. I. Л. 166.

российский престол). Еще 11 декабря 1762 г. Комиссия для строения Санкт-Петербурга (учреждена в 1737 г.) была преобразована в Комиссию для строения Санкт-Петербурга и Москвы[2021], что указывает на общий характер городов и решение единой для них задачи – придания обоим поселениям статусного облика, соответствующего «столичным городам» Российской империи. Важную роль в деле реконструкции Москвы сыграла созданная в 1768 г. Экспедиция Кремлевского строения. Она действовала в рамках тех же задач, что и «Комиссия для строения…», но ее объектом выступал только Кремль[2022].

На подготовительном этапе «Комиссия для строения…» под руководством П.Н. Кожина и Н. Леграна создала «прожектированный» план Москвы 1775 г.[2023] Проект предусматривал не только формальные улучшения, но вел к изменению характера внутренней структуры Москвы и ее облика.

Летом 1790 г. с целью уточнения проекта переустройства города была учреждена «Комиссия для сочинения плана столичного города Москвы». К ее работе привлекли М.Ф. Казакова[2024], оказавшего заметное влияние на создание нового облика Первопрестольной, вошедшей в историю под именем «допожарной Москвы».

В планах предусматривался комплекс решительных мер по переустройству города. Город разделялся на части. Центр решили застроить исключительно каменными зданиями, что в первую очередь подразумевало использование кирпича. Уничтожению подлежали старые укрепления Белого города, на месте которых предполагалось создать кольцо бульваров, перекрывавшихся 12-ю площадями. Для Москвы, как столичного центра, начали строить крупные публичные здания. Территории расчищались для создания обширных площадей, застраиваемых по периметру исключительно

[2021] *Герасимов Ю.Н., Панухин П.В., Швидковский Д.О.* Указ. соч. С. 203.
[2022] Там же. С. 203.
[2023] Там же. С. 210.
[2024] Там же. С. 217.

«регулярными сплошными строениями»[2025]. Используемые при этом «крупный масштаб и строгое единство ансамбля центра» должны были придать Первопрестольной «черты торжественности и величия»[2026], соответствующего ее статусу.

Особое внимание уделялось и благоустройству, в частности улучшению санитарного состояния рек, борьбе с наводнениями. Так, планировалось выкопать водоотводный канал на Москве-реке (осуществлено тогда же), покрыть «глухим сводом» часть русла реки Неглинной (реализовано после 1812 г.) и др.[2027]

Программы реконструкции города 1775 и 1790 гг. были приняты к исполнению главнокомандующими Москвы[2028], но претворить их в жизнь в скором времени оказалось крайне непросто. Причем процесс этот начался еще до официального объявления о начале кардинального преобразования облика города.

Особая роль в этом уделялась каменному приказу. Уже в 1763 г. указом Правительствующего Сената, изданного также «во исполнение» именного указа императрицы («Повеления, об учреждении особой для строения Санкт-Петербурга и Москвы комиссии»), было принято решение создать Каменный приказ и на его основе осуществить крупную градостроительную программу. Императрица «повелела»: в связи с тем, что «Москва по древности строения своего по ныне в надлежащий порядок не пришла, и от беспорядочного и теснаго деревянного строения, от частых пожаров в большое разорение живущих вводит. По множеству ж деревянного строения и безпрестанной впредь от вновь строющагося прибавки, в строельном лесу является недостаток, да и от пожарного случая неизбежная опасность и разорение: то

[2025] Там же. С. 211–212; *Гуляницкий Н.Ф.* Москва в последней трети XVIII – начала XIX в. Структура и облик города // Русское градостроительное искусство Москва и сложившиеся русские города XVIII – первой половины XIX веков / под общ. ред. Н.Ф. Гуляницкого. М., 1998. С. 76.

[2026] *Герасимов Ю.Н., Панухин П.В., Швидковский Д.О.* Указ. соч. С. 211.

[2027] *Нащокина М.В.* Художественное своеобразие послепожарной Москвы // Архитектурные ансамбли Москвы XV – начала XX веков: принципы художественного единства / под ред. Т.Ф. Саваренской. М., 1997. С. 296.

[2028] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 578, ч. V. Л. 169.

оной комиссии рассуждение свое о проведении ее, дабы хотя на будущее время жители, елико возможно от тех убыток спасены были, положа, ко учреждению, по примеру как при предках Е.И.В. было Каменного приказа, на каком основании оному быть [вновь]»[2029].

Однако в ходе масштабных преобразований возникало множество препятствий. Пожалуй, главное из них заключалось в том, что Россия обладала ограниченными материальными ресурсами и нуждалась в значительных затратах для их добычи или производства. В связи с этим было решено сконцентрировать «в одном ведомстве» Каменного приказа «доставление материалов»[2030]. Сюда входили вопросы: транспортировки «принадлежащих к строениям материалов, по достоверным изысканиям к тому способных мест, с значением к открытию промыслов, и к заведению заводов самоближайших и надежнейших средств и выгод»[2031], а также обеспечения «к незатруднительному доставлению [на стройку] всего к тому нужного»[2032].

В ведении Каменного приказа находились художники, ремесленники, мастеровые «и прочие до строений принадлежащие работные люди… с таким предписанием, чтоб практику производить хорошим мастерством и прочною работою»[2033].

В 1775 г. при приказе учредили особый «архитекторский класс». Впрочем, там готовили не столько архитекторов, сколько высококвалифицированных рабочих строительных специальностей (камнетесов, каменщиков и т.п.)[2034].

Каменному приказу (вместе с главами Москвы и ее губернии) вменялось в обязанность осуществление мер к «споспешестовованию» в первую очередь двух задач: «украшение Первопрестольного града Москвы, и

[2029] Там же. Д. 568. Л. 125 об.
[2030] Там же. Л. 126 об. Там же. Л. 126 об.
[2031] Там же. Л. 126.
[2032] Там же.
[2033] Там же. Л. 126 об.
[2034] Там же. Л. 121 об.

чтоб здания в нем публичных и частных людей с одной стороны знаменитости его соответствовали» и обеспечение в процессе перестройки «возможного облегчения и выгод» для населения.

Однако дело не заладилось. Весной 1779 г. после встречи с императрицей обер-полицмейстер Москвы Н.П. Архаров привез из Петербурга «высочайший рескрипт». Его содержание сводилось к тому, что Екатерина II выражала недовольство недостаточными темпами работы Каменного приказа «к выстройке города Москвы», т.е. кардинальному ее переустройству с целью превращения в полноценную столицу по виду и, как следствие, качеству требуемой для этого инфраструктуры[2035].

Причины задержек генерал-губернатор М.Н. Волконский объяснял недостатками самого постановления об учреждении Каменного приказа («так пространно и обширно, что оному кажется неудобно исполняемо»). Однако еще одну, особую причину неудач при реализации плана переустройства города он усматривал в дороговизне строительного материал и в целом его нехватки. Каменному приказу, по мнению Волконского, необходимо было иметь «кирпишные партикулярных людей заводы», иначе «как всякой партикулярной человек заводит свой завод по собственному своему произволению и по возможности своего достатка, то Каменной приказ не может ему приказать делать больше кирпича»[2036]. В 1753 г., по утверждению наместника, в Москве работало 72 кирпичных завода. Но к 1760 г. хозяева «многие заводы кинули» и осталось их 37. На момент составления доклада (30 мая 1779 г.) заводов было еще меньше. Таким образом, при массовой перестройке большого города, к тому же, постоянно увеличивавшегося («а ныне строение как казенного, так и партикулярного весьма умножилось») в соответствии с планами императрицы и в рамках работы Каменного приказа, кирпича не хватало, а цены на него стремительно росли[2037]. В этих условиях, писал Архаров в мае 1779 г., Каменный приказ «обширную должность на

[2035] Там же. Л. 116–116 об.
[2036] Там же. Л. 116 об.
[2037] Там же. Л. 117.

него возложенную, не находится и не будет находиться в состоянии ни когда существительно его исполнить»[2038].

Главнокомандующий М.Н. Волконский, посовещавшись в конце мае 1779 г. с руководителем Каменного приказа архитектором П.Н. Кожиным, начальником Экспедиции кремлевского строения М.М. Измайловым и московским обер-полицмейстером Н.П. Архаровым, предложил императрице ряд мер по улучшению ситуации. В первую очередь требовалось «завести» в ведомстве собственные заводы кирпичные и черепичные[2039]. На эту работу не нужны были дополнительные ассигнования: «А впредь погодно производить по сту по пятидесяти тысяч четыре года, то есть щитая с нынешним годом по 1783-й год, а с сего года больше уже денег не отпускать, ибо ежель каменной приказ получит за прошлые годы всю сумму сполна и за последние четыре года, то будет в получении иметь больше миллиона»[2040].

Власти Москвы рассчитывали, что при концентрации производства кирпича в ведении Каменного приказа станет возможным «от порядочного за ними присмотра кирпича против прежних лет в заготовлении гораздо больше приумножено, которого в положенную шести вершковую пропорцию сделано 50 200 000 [штук кирпича] и по учиненным пробам будучи сам собою гораздо больше и в доброте лучше и прочнее, одинаков на всех заводах»[2041].

Помимо кирпича заводы производили черепицу. Существовал особый проект перекрытия всех крыш города этим негорючим и эстетически привлекательно выглядевшим материалом, придающим Москве весьма привлекательный облик. Глава приказа считал возможным осуществить эту программу в течение 50 лет, произведя для Москвы (причем с учетом потерь от пожаров) 13,5 млн штук черепицы[2042].

[2038] Там же. Л. 120 об.
[2039] Там же.
[2040] Там же. Л. 117–117 об.
[2041] Там же. Л. 128 об.
[2042] Там же. Л. 123 об.

Известно, что императрица специально выделила средства на кирпичное и черепичное производство в Москве под началом Каменного приказа[2043]. «Ассигнованную» сумму его глава направил на развитие производства, предполагая возвратить субсидии в казну не более чем «в 6 лет»[2044].

К 1786 г. главнокомандующий Москвы Брюс представил императрице план перестройки центральной части Москвы (позже «Высочайше» ею утвержденный). Реализация проекта «начало свое возымела» весной 1786 г. и преследовала следующие цели: «приведение Красной площади и площади Охотного ряда в вид предполагаемой», возведение нового Гостиного двора и новых «публичных казенных строений»[2045].

В феврале 1786 г. главнокомандующий в ходе реконструкции города готовил под снос «на очищение всей площади Охотного ряду и Моисеевских богаделен», на что требовалось 15,5 тыс. руб. Одновременно с этим он предполагал обновить еще и Красную площадь.

Важность кардинального преобразования этой части города не вызывала вопросов: «Площадь где Охотной ряд назначена быть тем же городовым планам… на той площади прегнуснейшее строение лавки деревянные того Охотного ряда, равно как из зади деревянные лавки Мучнова ряду, посредине площади развалившийся питейный дом, а вдоль по Неглинной зады разных господских домов составляющие совершенное безобразие и нечистоту лутчей части города, то есть средины, я для того положил быть лавкам, что б всю ту дурноту закрыть»[2046].

Кроме претензий к эстетической неряшливости, большие нарекания у полиции имел один из участков – «Обжорный ряд». Находясь в «узком и

[2043] Там же. Л. 129.
[2044] Там же.
[2045] Там же. Д. 576. Л. 290.
[2046] Там же. Д. 578, ч. I. Л. 12.

закрытом» месте, он славился как урочище, где «происходили всякие непозволенности», в том числе и продажа «из дворов краденых вещей»[2047].

Перестройка Охотного ряда, важнейшей торговой части города, не могла обойтись без «могущих быть роптаний и прихотных требований». Дабы избежать их, главнокомандующий Москвы Брюс при новом обустройстве мест «под строение каменных лавок на тех площадях купцами» принципиально не «входил… в раздачу сих мест», передав это дело исключительно купеческому обществу, которое кончило его «безобидно и уравнительно по жеребью»[2048].

Процесс преобразования главнокомандующий планировал завершить «настоящим годом» (1786 г.)[2049]. Пользуясь благоприятной для возведения строений погодой первых двух летних месяцев, он добился возведения ряда строений («одних партикулярных больших и малых каменных до 120-и, а лавок каменных же до 200»)[2050]. Кроме того, купцы согласились на предложение Брюса построить лавки в собственных домах «в разных частях города»[2051]. В условиях отсутствия в то время магазинной торговли данная мера способствовала улучшению снабжения населения товарами и росту торговых оборотов.

Работы в центре шли быстро. 29 июня 1786 г. Брюс сообщил в Петербург: «Красная площадь и площадь Охотного ряду строением производятся, также с успехом, и уповаю что будущим годом… то оби сии площади к немалому украшению города будут окончены и очищены»[2052].

27 января 1786 г. Брюс сообщил Екатерине II, что стоявший в Китай-городе старый каменный Гостиный двор «по свидетельству архитектора и Управы благочиния пришел в совершенную ветхость и угрожает разрушением и падением». В его стенах «кирпич и белой камень… во многих

[2047] Там же. Д. 582, ч. II. Л. 104–104 об.
[2048] Там же. Д. 576. Л. 290.
[2049] Там же.
[2050] Там же. Л. 328.
[2051] Там же.
[2052] Там же.

местах уже и выпадывает… а равно крыша, стены и столбы начали обламываться, отчего не токмо торгующие в магазейнах, но как оной двор положение имеет на четырех улицах, то проходящие и проезжающие подвергаются крайней опасности». Стоявшие на воротах башни наклонились и «из перпендикуляру вышли». Решение могло быть только одно – сносить. Но это сооружение являлось главным местом, где «все здешнее купечество складывает и хранит свои товары». Кроме того, правительство Екатерины II придавало большое значение именно Гостиным дворам – в их повсеместном возведении видели способ активизации торговой жизни страны[2053].

Указом императрицы от 11 февраля 1786 г. обветшавший Гостиный двор был «отдан городу для умножения доходов его на разные нужные и полезные издержки, особливо де по части Приказа общественного призрения, с тем, чтобы в пользу городовой казны может продано быть, как строение, так и место стоящее под оным, желающим выстроить вновь по планам»[2054].

Московский архитектор подготовил план, представленный на высочайшее утверждение. После его получения начались работы, стоимость которых определили в 9 526 руб.[2055]

В 1788–1789 гг. на продажу официально поступала вся объявленная не подлежавшей ремонту казенная недвижимость. Наряду с прочим, отправили на продажу и старый Гостиный двор, о чем был дан особый именной указ императрицы от 2 августа 1789 г.[2056]

Здание делилось на «небольшие части», и каждый купец (правда, лишь московский) мог приобрести любую из них, но с условием: «кто какую часть купит, тот долженствует оную выстроить по плану, и с тем, чтоб верх и низ принадлежали одному хозяину»[2057].

План нового «гостиного Московского двора» был составлен по Высочайшему повелению «архитектором Гваренгием» (Джакомо Кваренги).

[2053] Там же. Д. 576. Л. 279–279 об.
[2054] ПСЗ-I. Т. XXII. № 16324. С. 532.
[2055] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 576. Л. 279 об.
[2056] Там же. Д. 582, ч. II. Л. 145.
[2057] Там же.

10 октября 1789 г. план официально передали главнокомандующему Москвы[2058], после чего началась подготовка к возведению сооружения.

В ноябре 1790 г. власти приступили к продаже участков еще не отстроенного торгового заведения московскому купечеству[2059]. К началу апреля 1793 г. не только все места оказались распроданы, но и «часть уже Гостиннаго двора застроена, а для другой приготовлены к строению материалы»[2060].

В те же годы с главной площади города убирали атрибуты войны и устраивали ее как место городской жизни.[2061]

Составной частью плана реконструкции Москвы являлся проект уничтожения ее старых крепостных стен («разделяющая Белый город от Землянова»). На протяжении более десяти верст предполагали устроить линию бульваров, украшенных зелеными насаждениями («назначено быть обсадки из деревьев»)[2062]. Иными словами, было дано начало созданию ныне существующего Бульварного кольца[2063].

К реализации проекта приступили в генерал-губернаторство Чернышева. Тогда произвели посадку деревьев (исключительно берез) на двух направлениях: от Тверских до Никитских ворот и от Тверских до Петровских ворот.

Впрочем, на данном этапе реконструкции древние укрепления, расположенные на месте будущих Тверского и Страстного бульваров, уничтожили явно не полностью, так как освободившееся пространство составляло всего 1 версту 147 саженей. «Обсадка» же была доведена полностью только от Тверских до Петровских ворот[2064]. Таким образом, первым бульваром Москвы правильнее считать скорее Страстной, нежели Тверской. Однако высаженные березки к 1790 г. все «посохли и

[2058] Там же. Д. 578, ч. V. Л. 136.
[2059] Там же. Д. 582, ч. II. Л 147 об.
[2060] Там же. Ч. IV. Л. 65.
[2061] Там же. Д. 578, ч. I. Л. 10.
[2062] Там же. Ч. V. Л. 169.
[2063] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 578. Л. 169–169 об.
[2064] Там же. Л. 169 об.

свалились»[2065], и работы по благоустройству были возобновлены уже в следующем веке.

Таким образом, главнокомандующий Чернышев так и не смог реализовать план Екатерины II по созданию в Москве внутреннего зеленого полукруга бульваров. Правда, он исполнил монаршую волю и освободил Москву от стен Белого города, хотя и не создал на их месте никаких новых коммуникаций и насаждений. Появлявшееся таким образом пустое пространство стремительно осваивали предприимчивые москвичи. К 14 февраля 1790 г. «на долготе всей означенной окружности», подготовленной под бульвары, уже построили 25 казенных и 108 частных зданий, в их числе были «каменные, не малой суммы стоящие». Причем все эти сооружения были возведены, если верить Еропкину, сменившему Чернышева, всего за несколько лет «правления» последнего[2066]. Сносить здания, незаконно построенные по линии проектируемых бульваров, по мнению Еропкина, было нежелательно, так как «казна и владельцы сих домов потерпят чувствительной убыток; особливо те, которых все имение состоит во оных домах, и которые одним только ими себя и содержат, могут придти в крайнее разорение»[2067].

Одновременно с расчисткой стен Белого города шел процесс уничтожения деревоземляных укреплений «на окружности, простирающейся более четырнадцати верст, которая разделяет Земляной город от Камор коллежскаго вала». Речь шла о Земляном городе, причем по планам Екатерины II процесс должен был развиваться в противоположном направлении. Его валы намечалось восстановить и уже вдоль них («в параллель») сажать деревья. Это предписание и выполнил Чернышев, при котором Земляной вал «обделан был на две версты сто восемдесят сажен»[2068]. В последние годы правления Екатерины II большей части Земляного вала

[2065] Там же.
[2066] Там же.
[2067] Там же.
[2068] Там же. Л. 170.

Москвы уже не было: «во многих местах срыт и никаких знаков уже по себе не оставил»[2069]. На освободившемся пространстве появилась обширная незаконная застройка: 52 казенных и 182 «партикулярных» здания, сносить которые власти опасались[2070].

По «генеральному строению Москвы плана»[2071] в пределах Белого и Земляного города предусматривалось полное уничтожение деревянных строений и возведение на их месте «каменных»[2072]. Однако бедные приходские священники, проживавшее при церквях в этой части Москвы, были не в состоянии построить для себя дома из кирпича. Поэтому власти дозволили «при осмидесяти девяти церквах находящимся священникам с причетниками по неимуществу их» возводить для себя «хотя на каменных фундаментах… домы деревянные».

Предполагалось также выделить духовенству материальную помощь на строительство: «священнику в 1 260, дьякону в 1 050, дьячку и пономарю в 1 260 [руб.]». На всех необходимо было предоставить сумму в размере 317 730 руб.[2073]

Указом от 27 марта 1787 г. императрица дала разрешение на реализацию данного проекта, но «по множеству церквей» осуществить его одновременно по всему городу оказалось невозможным. Тогда власти, проконсультировавшись «с преосвященным архиепископом московским»[2074], совместно с ним определили перечень храмов, при которых строительство домов для священников и церковнослужителей нужно было начать в первую очередь. Выбор определялся «по лутчей удобности и пред другими отличности здания». Таким образом, программа несла в себе и эстетическую составляющую, стремление к украшению города. Список получился

[2069] Там же. Л 170 об.
[2070] Там же.
[2071] Там же. Ч. IV. Л. 51.
[2072] Там же.
[2073] Там же. Л. 51 об.
[2074] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 578, ч. IV. Л. 51об.

большим, не укладывавшимся в выделенную сумму, поэтому власти попросили у Екатерины II увеличить ассигнования еще на 71 400 руб.[2075]

В 1790 г. главнокомандующим Москвы стал Прозоровский. Уже через год своего руководства он пришел к неутешительному выводу: «…высочайше конфирмованного городу Москве плана выполнить не можно»[2076], о чем и доложил императрице 15 июня 1790 г. и 5 марта 1791 г.[2077] Причина провала состояла в том, что за годы, прошедшие с момента начала реализации проекта, утвержденная схема застройки Москвы часто нарушалась. Многие здания, которые намечалось оставить без починок и в ввиду ветхости заменить, продолжали стоять[2078]: хозяевам было дешевле подновлять свои старые дома, нежели вкладываться в строительство новых. Некоторые сооружения вообще оказались «не в принадлежащих местах выстроены». Делалось это, как отмечал Прозоровский, «при разных начальствах, с позволения и без позволения, а паче по слабости полиции»[2079]. Наибольшую проблему составляли площади, которые мгновенно заполонялись торговыми лавками и были «почти все засорены». Безнаказанность нарушений одних приводила к тому, что и другие стали официально «вносить просьбы, о позволении им на таких же не принадлежащих местах строиться»[2080].

[2075] Там же.
[2076] Там же. Д. 582, ч. II. Л. 115.
[2077] Там же. Л. 102.
[2078] Там же.
[2079] Там же. Л. 102–102 об.
[2080] Там же. Л. 102 об.

Благоустройство
Москвы и городов Московской губернии

Проведение реформы города предусматривало его непременное благоустройство. Для Москвы это программа имела особое значение – показатель удобства жизни воспринимался как атрибут столицы[2081].

Среди основных проблем в этом направлении значились вывоз мусора и нечистот, мощение и освещение улиц, а также борьба с наводнениями.

Задачи по укоренению норм благоустройства были особо прописаны в Уставе благочиния. Согласно ст. 139 требовалось в каждом квартале иметь подрядчиков для содержания и мощения улиц. Ст. 140 предписывала завести в каждом квартале подрядчиков для «чищения» улиц и вывоза с них и из города нечистот. Но в уставе не указывались размеры затрат на выполнение соответствующих работ. Власти определили суммы, взяв за основу размер платы, «какая ныне за мощение производится, и имянно по 15 коп. за квадратную сажень, а за чищение улиц по 55 руб. на каждую часть города».

Во время «правления» Чернышева (1782–1784 гг.) предполагалось, что сумма, определенная «за мощение по улицам и переулкам каменных мостовых казенных от полиции ныне исправляемых, коих счисляется 34 298 кв. сажень», составит 5 144 руб. 70 коп. в год, за «чищение улиц в 20 частях города» – 1 100 руб. Данные расходы включили в «стат» полиции[2082].

Мощение, производившееся напротив дворов обывателей, оставалось обязанностью самих владельцев. В противном случае властям и органам местного самоуправления пришлось бы искать колоссальные деньги. Общий размер городской площади (за исключением Бутырской слободы), считая по

[2081] *Бокова В.М.* Указ. соч. С. 86.
[2082] РГАДА. Ф. 16 Д. 575. Часть I. Л. 161-162об.

15 коп. за каждую квадратную сажень, потребовала бы ежегодных затрат в размере 116 274 руб. 30 коп.[2083]

Статья 141 устава обязывала иметь подрядчика, обеспечивавшего освещение в каждом квартале. В рамках реализации данной задачи планировалось «по Большим улицам для лучшего освещения поставить фонари по обеим сторонам чрез сорок сажен, а по переулкам по причине кривизны их, против сего в двое». Таким образом, городу требовалось установить 3 500 фонарей. К концу 1782 г. их было уже 844.

Для реализации всего проекта по созданию уличного освещения Москвы ее главнокомандующий Чернышев запросил на установку недостающих фонарей «единовременно 5 486 руб., а на поправление оных 3 500 фонарей» ежегодно по 1 руб. 30 коп. Общий размер расходов составил 4 550 руб.[2084]

Кроме того, требовались деньги на закупку фитилей и топлива для светильников. В качестве него в то время использовали конопляное масло, стоимостью «за пуд 1 руб. 60 коп.». Общие затраты «на содержание и зажигание фонарей… полагая на 100 фонарей в месяц по 15 пудов масла» составляли 11 424 руб. в год. При этом расчеты велись не на 12 месяцев, а на 8[2085], так как уличное освещение работало только с 1 сентября по май[2086].

Программа по созданию уличного освещения осуществлялась и в уездных городах. Число фонарей «исчислялось» по каждому городу отдельно, «смотря по его пространству». Так, в Коломне запланировали установить 150 фонарей, в Серпухове, Можайске, Дмитрове и Верее – по 100. В Клину, Звенигороде, Волоколамске, Рузе и Бронницах должны были гореть по 50 светильников, в Воскресенске, Никитске и Подоле – по 20. В Богородске уличное освещение, по сути, даже не планировалось: только «к

[2083] Там же. Л. 162 об.–163.
[2084] Там же. Л. 163–163 об.
[2085] Там же.
[2086] *Фальковский Н.И.* Указ. соч. С. 93.

казенным домам» собирались поставить 6 фонарей. Таким образом, «набиралось» 866 светильников[2087].

Стоимость фонаря («со столбом и прибором») должна была обойтись «единовременно» в 1 руб. 30 коп., затраты на все фонари – в 5 629 руб., а их восьмимесячная эксплуатация – в 29 398 руб. 80 коп.[2088] Однако в каждом городе, исходя из степени освещения, суммы соответствующих расходов разнились: «в Коломну единовременно 975 руб., ежегодно по 509 руб. 40 коп.; в Серпухов, Можайск, Дмитров и Верею единовременно по 650 руб. ежегодно 326 руб. 40 коп.; в Клин, Звенигород, Волоколамск, Рузу и Бронницы единовременно по 325 руб., ежегодно по 183 руб.; в Воскресенск, Никитск и Подол единовременно по 130 [руб.], ежегодно по 65 руб. 23 коп.; в Богородск одновременно 39 руб., ежегодно по 14 руб. 11 коп»[2089].

При генерал-губернаторской проверке, произведенной Прозоровским в начале 1790 г., выяснилось, что число фонарей было меньше, нежели предписывалось (один на 40 саж.). При этом сумма на их изготовление и установление была «отпущена полная»! Не удалось выяснить, сколько денег выделили на ремонт освещения (предписанную штатную сумму или реальную). Однако в ходе ревизии точно смогли установить, что на закупку масла из казны передали все положенные «по стату» 6 тыс. руб. Новый глава края с удивлением заметил, что, прожив в городе зиму, он не видел горящих фонарей. Потому на губернатора П.В. Лопухина буквально «посыпались» нелицеприятные вопросы Прозоровского: «…были ль оныя фонари с начала… сделаны? есть ли же не были, то для чего вы от него сей суммы не отобрали? а есть ли были сделаны, где девались? ремонт отпускается ли в части, или Управа благочиния у себя оставляет? так же на масло отпущенные деньги где ныне? по тому что фонари зажигаемы не были, а между тем, чтоб оные непременно по штату исправлены были?»[2090].

[2087] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 575, ч. I. Л. 173–173 об.
[2088] Там же. Л. 173 об.
[2089] Там же.
[2090] Там же. Д. 582, ч. I. Л. 60 об.

Впрочем, меры, предпринятые по освещению городов, все же дали положительные результаты. Если в 1766 г. в Москве горели 600 фонарей, то в конце XVIII в. их было уже 3 500[2091], в 1800 г. – 6 559[2092], а в 1811 г. – 7 292[2093].

При Екатерине II было осуществлено грандиозное строительство Московского водопроводного канала (Мытищинского водопровода). Это был крупнейший и наиболее дорогостоящий проект по благоустройству Москвы в период ее царствования. Первая вода по нему пошла 28 октября 1804 г.[2094], как самотеком от ключевых источников, расположенных близ села Большие Мытищи, до Кузнецкого моста в Москве.

По изначальной смете, составленной генералом Ф.В. Бауром, проект оценивался в 1,1 млн руб.[2095] 22 марта 1785 г. подробный план строительства был отправлен в Петербург[2096], где получил одобрение. Впрочем, к тому времени соответствующие работы уже шли. Гидротехническое сооружение заработало 28 октября 1804 г., его итоговая стоимость составила 1 млн 648 тыс. руб.[2097] Водопровод оказался не только более затратным, чем намечалось, но и не столь эффективным. Претензии были и к элементам его конструкции.

Тем не менее Мытищинский водопровод представлял собой, бесспорно, грандиозное сооружение. Только в начальной точке водосбора были выстроены 43 бассейна, собиравших воду из 73-х родников[2098]. А проложенный в районе села Ростокино (ныне в составе Москвы) через реку Яузу 356-метровый акведук до сих пор является не только инженерным памятником, но и главной достопримечательностью этой части города[2099].

[2091] *Фальковский Н.И.* Указ. соч. С. 93.
[2092] *Пушкарев Л.Н.* Указ. соч. С. 290.
[2093] *Фальковский Н.И.* Указ. соч. С. 93.
[2094] Указ. соч. С. 86.
[2095] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 578, ч. IV. Л. 31.
[2096] Там же. Д. 576. Л. 32–79.
[2097] *Фальковский Н.И.* Указ. соч. С. 86.
[2098] Там же.
[2099] История московских районов: энциклопедия. С. 314.

В то же время шло строительство Водоотводного канала, призванного спасти Москву от постоянных и разорительных наводнений. При его прокладке власти столкнулись с необходимостью перевода в собственность города частных владений, оказавшихся на трассе будущего канала[2100]. В итоге в 1783–1786 гг. было создано гидротехническое сооружение, протяженностью 4 км[2101], функционирующее по сей день.

По той же причине проводились работы по укреплению берегов Москвы-реки, которые по несколько раз в год размывались половодьями и ледоходами. Впрочем, из-за крайне ограниченных финансовых возможностей эти работы целенаправленно проводились властями только в самом центре Москвы, около Кремля. В феврале 1788 г. главнокомандующий «столичным городом» Еропкин просил императрицу выделить 9 500 руб. для «усиления» «деревянным обрубом» берега Москвы-реки, хотя бы у стен древней крепости. Что показательно, денег на это у генерал-губернатора не было, и он предложил взять средства из сумм, подготовленных для поддержания императорской резиденции в Кремле. Вскоре Еропкин обратился к главе Кремлевской экспедиции Измайлову. По тому же вопросу ему писала и сама императрица. В ответ на обе просьбы Измайлов ответил, что «остаточных» (свободных) денег в его распоряжении нет, «на помянутые строения… из сей кремлевской суммы отделить и не можно», и единственное, что он мог предпринять – это «единожды отпустить из имеющейся в ведомстве моем особой суммы определенной на починку и поправку старого кремлевского дворца»[2102].

Несмотря на недовольство главы Кремлевской экспедиции, Еропкин добился своего и отчитался перед императрицей 15 января 1789 г.: «берег Москвы реки подле стены кремлевской, отпущенной по высочайшему…

[2100] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 578, ч. II. Л. 79.
[2101] Москва: энциклопедия, 1997. С. 172.
[2102] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 578, ч. IV. Л. 66 об.–67.

повелению ис кремлевской экспедиции денежною суммою, ныне со всем отделан с подлежащим от сильной воды и льда укреплением»[2103].

Во время страшных событий 1812 г. екатерининская Москва исчезла. Город как образ единого знакового и эстетического пространства создавался, по сути, заново. Кроме того, он понес колоссальные материальные потери. Так, число фонарей, освещавших улицы Москвы, достигло довоенного уровня только к середине XIX в.[2104]

Переустройство городов Московской губернии: создание регулярных планов и их реализация

Указом Правительствующего Сената от 1763 г. (изданного во исполнение именного указа императрицы) было принято решение «об учреждении особой для строения Санкт-Петербурга и Москвы комиссии». Ей же вменялось в обязанность, помимо «Первопрестольного столичного города», разработать архитектурные проекты для «лежащих при Москве и в прикосновенных к оной городах и уездах»[2105].

Трудности, связанные с реализацией программы реконструкции «столичного города», задержали процесс создания проектов для уездных центров губернии. Еще до 10 июня 1783 г. их регулярные планы были отправлены императрице на утверждение[2106]. Главнокомандующий Москвы Чернышев «торопил» Екатерину II с конфирмацией, так как без этого он не имел права возводить никаких строений, хотя «некоторые из обывателей желание свое к тому оказывали»[2107]. Не случайно в перечне основных дел (15 пунктов), которые было необходимо выполнить перед «открытием»

[2103] Там же. Ч. VI. Л. 28 об.
[2104] *Эймонтова Р.Г.* Город и власти. С. 56.
[2105] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 568. Л.
[2106] Там же. Д. 575, ч. II. Л. 18 об.
[2107] Там же

Московской губернии, наместник особо отметил важность создания и утверждения «планов городов»[2108].

В результате планы прошли конфирмацию только в 1784 г., т.е. спустя почти 10 лет после начала губернской реформы, создания нового плана Москвы и через несколько лет после «открытия» Московской губернии. Однако задержка имела и положительные стороны: при проектировании современного облика уездных центров архитекторы использовали накопившийся опыт перепланировок и учли допущенные ранее ошибки. Например, при реконструкции Новгорода.

Впрочем, и при работе с небольшими городами Московской губернии архитекторы столкнулись с немалыми трудностями.

Большинство из реконструируемых поселений имели многовековую историю и давно обрели «неповторимое лицо», которое необходимо было сохранить. Также требовалось не просто разбить каждое поселение на правильные кварталы параллельными и перпендикулярными улицами, а сделать это с учетом специфики сформировавшейся планировки, рельефа местности и так, чтобы новый облик поселения с находившимися на его территории крупными сооружениями (в первую очередь церквями и монастырями) соответствовал бы виду современного города. При этом в древнюю обстановку необходимо было вписать новые административные сооружения, торговые площади и различные структуры. Каждый проект перепланировки был абсолютно индивидуален и напрямую зависел от набора трудностей его осуществления в конкретном городе[2109].

Меньше всего сложностей возникло при создании регулярного плана Сергиева Посада. Бывшие подмонастырские села и слободы, не так давно получившие статус городского поселения, по сути, не успели еще приобрести

[2108] Там же. Ч. I. Л. 35 об.

[2109] *Кириллов В.В.* Указ. соч.; Русское градостроительное искусство. Градостроительство Московского государства XVI–XVII веков; Русское градостроительное искусство. Москва и сложившиеся русские города XVIII – первой половины XIX веков; Русское градостроительное искусство. Петербург и другие новые российские города XVIII – первой половины XIX веков; *Рындзюнский П.Г.* Основные факторы городообразования в России … С. 105–127.

многие устоявшиеся черты, составлявшие «лицо города». Тем более что уже существовала мощная центральная доминанта – монастырская крепость. Будучи совсем недавно мощной цитаделью, Троице-Сергиева обитель дополнительно усиливалась естественными преградами – течением двух речек. Их долины не были застроены, что создавало пространство, необходимое для устройства центральных площадей вокруг укреплений лавры. Специфика рельефа также не препятствовала установлению радиального направления улиц. Главные работы здесь были связаны с упорядочиванием движения по центральной магистрали, которой стала дорога на Ярославль.

При реконструкции другого подмосковного города – Воскресенска (современная Истра) архитекторы тоже использовали монастырь (Ново-Иерусалимский Воскресенский) как центр притяжения, но решили проблему иначе. Они направили в его сторону «веером» все основные улицы города, что придало композиции образ законченности.

При переустройстве Волоколамска воспользовались тем, что в нем сохранились типичные черты древнего укрепленного поселения – вытянутость вдоль реки центральной части и ее возвышение над посадом. Кроме того, город был очень компактен. Используя это, историческое ядро сохранили, опоясав его с трех сторон большими площадями, предназначавшимися в основном для торговли. Новые административные здания разместили на территории кремля, вписав их в пространство центральной площади. Относительная простота и красота решения плана Волоколамска была вызвана в первую очередь тем, что город исторически контролировал единственную дорогу – Волоцкую, идущую из Москвы к Новгороду.

Но большинство городских центров Московского края возникло на стыке путей и поэтому имело разбросанную по округе поселенческую структуру. Кроме того, такие города играли важную оборонительную роль. Для дополнительного усиления вокруг поселений преднамеренно

основывались монастырские крепости, которые со временем обрастали посадами, формировавшими собственную, не зависимую от города планировку. К таким поселениям относились в первую очередь Серпухов (контролировавший древние дороги в Заокские степи) и Можайск (главная крепость Московского государства на пути в Литву и Польшу).

Изменение планировки Серпухова усложнялось еще и тем обстоятельством, что его территория разбивалась надвое рекой Нарой, а кремль окружала сильно пересеченная местность. Чтобы решить эту проблему, главную торговую площадь расположили вдалеке от исторического центра (редкий случай) и провели мимо нее центральную улицу города, специально созданную для того, чтобы разместить вокруг этой оси новую планировку поселения. Особое значение центральной магистрали придавало и то обстоятельство, что она являлась частью дороги, соединявшей крупнейшие города Центральной России – Москву и Тулу.

Сложности при регулярной перепланировке Можайска заключались в том, что город стоит на крайне неровной местности: его территорию прорезают обрывистые берега речки Можайки, а древнейшая часть охвачена глубоким оврагом, отсекающим от крепости, возвышающейся на обрывистом холме, окружающее пространство. Архитекторы сохранили древнейшую часть, которая вместе с высоким и удивительным по красоте Ново-Никольским собором стала доминантой поселения. Кроме того, нетронутость этого места придавала старому русскому городу неповторимый облик древности. Основная часть поселения была вытянута почти правильным прямоугольником по обоим берегам речки Можайки вдоль дороги на Верею и Смоленск.

Важной проблемой, с которой столкнулись архитекторы-планировщики при переустройстве городов Московской губернии, были древние валы. Вопрос состоял в том, как вписать эту давно отжившую и ненужную часть в создаваемый облик, от которого ожидали эстетического и практического соответствия представлению о современном поселении.

Иными словами, валы требовалось не просто оставить, а органично вписать в новую городскую среду.

Наиболее оригинально и успешно это сделали в Дмитрове, где древние земляные укрепления сохранились очень хорошо. Согласно плану архитекторам надлежало выстроить новые административные здания, которые должны были разрезать вал. Вместо этого красивое древнее укрепление полностью сохранили, разместив административные постройки вблизи насыпи. Валы оставили в центре расчищенной главной площади, выделив тем самым центральную ее часть. Из-за укреплений высилась доминанта площади – Успенский собор и колокольня, что придавало им значение центрального сооружения.

В целом планировка Дмитрова приобрела правильные черты, будучи разбита на несколько секторов. Усиливали образ рациональности лучи дорог, которые сходились к центру города.

Сложнее оказалось решить проблему уместности укреплений в Коломне, где сохранились стены и башни краснокирпичного кремля. Причем древняя крепость дошла не единым сооружением, а отдельными его фрагментами. Немалые размеры и разбросанность уцелевших прясел на большом расстоянии друг от друга привело к тому, что центральная часть города оказалась больше, чем во всех прочих уездных городах. Архитекторы просто оставили кремль нетронутым примерно в том виде, в каком он сохранился, и разместили на пространных территориях внутри бывшей крепости не административные здания, а жилую застройку. Пространство города приобрело вид неравнобедренного треугольника, и прямыми улицами его разбили на кварталы.

Корректировка планов – непременное условие при внедрении задуманного в жизнь. Однако при реализации екатерининского проекта регулярного города делать это было совсем не просто. Императрица усматривала в регулярности залог развития города, как основы экономики страны и ее достатка. Потому новый план поселения утверждался ее

высочайшим решением. Оспаривать его (по нормам того времени) было недопустимо.

Единственным лицом, кому дозволялось вносить какое-то уточнение, являлся личный наместник императрицы (генерал-губернатор), по факту своего назначения пользовавшийся безраздельным доверием монаршей особы. Да и тот вел себя в этом вопросе весьма осторожно. Так, вернувшийся из инспекционной поездки по городам Я.А. Брюс 8 сентября 1785 г. написал государыне следующее: «Городу же Коломне нужно будет сделать перемену в плане; по тому что несколько кварталов назначено на тех местах, где при разлитии Москва-река потопляет, равно как и введена часть наполненная ям по причине древних кирпичных заводов в самом городе; то ко избежанию сих неудобств к сочинению нового плана приступить я и приказал, держась во всех частях Вашим величеством опробованного»[2110].

Летом 1787 г. было принято решение пересмотреть утвержденный план Подольска. Выяснилось, что осуществить замысел будет крайнее сложно из-за особенностей местности («за глубокими буераками, большими косогорами, крутыми и трудными к съезду берегами»)[2111]. По тем же причинам оказалось невозможным построить мост через реку Пахру (был «назначен между крутыми и трудными к съезду берегами»)[2112].

Новую постройку решили разместить «в стороне от прежнего места… отдаляясь в лево на 150 саж.»[2113]. Но губернатор Лопухин, создавая новый план, стремился, чтобы тот был «сколько возможно с прежним сходственной, и почти такой же фигуры с отдалением только в лево от назначенного под город места»[2114].

Важным условием для успешного претворения регулярного плана в жизнь была готовность жителей городов к его принятию, тем более что на их

[2110] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 576. Л. 150 об.
[2111] Там же. Д. 578, ч. II. Л. 65.
[2112] Там же. Л. 71.
[2113] Там же. Л. 65.
[2114] Там же. Л. 71 об.

плечи легла материально-техническая сторона дела. По степени активности населения в этом процессе города делились на три категории.

Самым решительным городским обществом была Верея. Ее обыватели усмотрели в плане прямую выгоду для себя и не только «без всякого затруднения, но с удовольствием переселялись по новому плану», активно возводили каменные здания, которых, по предположению наместника, должно было «выйти много».

К той же категории относился и Клин. Уже в 1786 г. (т.е. через год после принятия плана) в городе началась перестройка. Возводились новые дома, как «каменные», так и деревянные. Для этого жителям выдали займ («заимо образно десятитысячную сумму»). За счет него в 1786–1788 гг. было «вновь построено 4, да отделано 11 каменных и 9 деревянных». Летом следующего 1789 г. планировалось завершить переустройство города, для чего «осталось уже построить и отделать только 3, а всего будет 27 домов»[2115].

Вторую группу составляли «лучшие старые» города: Можайск, Серпухов, Дмитров и Коломна. Их жители имели средства и возможности для преобразования своих поселений, но к процессу этому, как писал наместник, «весьма не охотно приступают». Впрочем, после сделанного им окрика они обязались с наступлением теплых дней выполнить «высочайшее» предписание[2116].

Все «вновьучрежденные» города (Бронницы, Богородск, Никитск, Воскресенск, Подол), а также древний Звенигород против реконструкции не возражали, но «по совершенной бедности и не имения ни какового промысла ниже ни малейшаго к тому капитала, не инако как разве долгим временем могли взять вид городов»[2117]. Однако далее в документе жители всех этих поселений, исключая Звенигород и дополняя группу Сергиевым Посадом,

[2115] Там же. Ч. III. Л. 131.
[2116] Там же. Д. 576. Л. 150–150 об.
[2117] Там же. Л. 150 об.

названы даже «нищими» и «недоимочными»[2118]. Таким образом, ожидать от них каких бы то ни было перестроек было бессмысленно.

Чтобы преодолеть данную проблему, власти прибегли к действенному приему. В городах, жители которых оказались в основном не в состоянии с ней справиться, перепланировку и перестройку вели фрагментами по выгоревшим местам, оставшимся от пожаров. Исчезнувшие в огне части городов перепланировали на ином основании, а здания возводили в соответствии с новыми требованиями.

Так, в ночь на 19 октября 1784 г. в Верее произошел пожар. Поселение горело семь часов при «весьма сильном ветре». От огня погибли «2 деревянные церкви, домов деревянных 116, каменных 6, лавок 86, хлебных анбаров 7»[2119]. Уже 29 октября главнокомандующий Москвы Брюс отправил в Верею московского губернатора Лопухина с ее планом города, заранее подготовленным и конфирмованным, чтобы он «землемеру при себе велел назначить кварталы и в тех места под строение, и какие могут встретиться при том затруднении, что бы те разрешил»[2120].

Аналогичная работа велась и в Москве. Когда 12 апреля 1792 г. «по полудни в три часа сделался пожар в Рогожской ямской [слободе], где случились мелкие деревянныя строении и весьма тесно построенные в давнем времени; в числе том постоялые дворы. И сгорело 30-ь домов», главнокомандующий Прозоровский незамедлительно «приказал снять на плане сие место и с должными по законам… интервалами»[2121].

За счет такой политики город постепенно обновлялся. Так, в Москве после пожара 1787 г. сгоревшие лавки были возобновлены на том же месте, но стояли уже выстроенными «в камне»[2122].

[2118] Там же. Л. 150.
[2119] Там же. Л. 3.
[2120] Там же. Л. 4 об.
[2121] Там же. Д. 582, ч. III. Л. 35.
[2122] Там же. Д. 578, ч. II. Л. 126.

Пожары были частым явлением в жизни городов, поэтому возможности для их перепланировки возникали с завидной (хотя и печальной) периодичностью.

Особенностью Московской губернии выступало то обстоятельство, что входившие в ее состав земли относились к историческому центру Российского государства. На территории края находились древние города-крепости, окруженные фортификационными сооружениями. Проблема многовековой крымской, турецкой (да и западноевропейской) угрозы была окончательно снята только с присоединением Крыма. Крепости хоть и стояли без ремонта, разрушаясь, но ощущение их необходимости еще не было преодолено ни в сознании, ни в жизни.

Московские власти называли три города, в которых в 1787 г. стояли «каменные» крепости: Коломна, Можайск и Серпухов[2123] (а в 1785 г. Брюс упоминал также о наличии деревянной крепости в Дмитрове)[2124]. Сообщалось, что они находятся «на возвышениях обнесенные стенами, но все от времен столь давних пришли в разрушение; так что многие из них наклонились, и как стоят на высотах, то в опасности проходящие и проезжающие; а иныя есть уже и упавшие»[2125].

На западных окраинах губернии стоял «Борисов городок»[2126] – несостоявшаяся царская резиденция и главный город-крепость на западной границе царства. Основанный в 1599 г. при Борисе Годунове, он получил в украшение и подтверждение своего исключительного статуса колоссальную по размерам церковь.

К 1785 г. бывший город-крепость пребывал в плачевном состоянии. Вот как описал его очевидец «Московской Губернии Главнокомандующий» Брюс: «Стена во многих местах уже упала; как и две башни; в расстоянии саженях ста; от онаго городка построена башня готической работы

[2123] Там же. Л. 73.
[2124] Там же. Д. 576. Л. 151.
[2125] Там же.
[2126] Там же. Л. 151 об.

прекрасной, которая также требует большой поправки, а паче что медью крытая крыша проржавела и сквозь оную внутрь течь. Работа тех древних веков столько хороша, что без сожаления и сломать не можно, вышина же оной равенствует Ивану Великому, но та башня (храм. – А.Б.) весьма легче и на вид приятнее, а буде оставить без поправки, то от мокроты и все построение подвергнется разрушению... А при том материалы, которые от стены отпадают, растаскиваются частно окружными селениями, да и белого камню величайшее число: я уже мнил, чтоб разбирая те стены спускать камень Протвою рекою в Верею»[2127].

Летом 1782 г. Чернышев обозревал просторы своих административных владений в ходе подготовки к «открытию» присутственных мест в уездных городах. Одновременно провел работы по «учинению» их регулярных планов. 28 февраля 1783 г. часть из них («о городах Коломне, Серпухове и Можайске») он отправил в Петербург. Отбор этих поселений в отдельную группу был вызван наличием там значительных крепостей.

Древние фортификационные сооружения (особенно выполненные из кирпича и строительного камня) создавали заметную проблему при реализации программы формирования регулярного (правильного) города. Древние кремли разрушались. Во всех трех выделенных городах «находятся древние каменные стены, которые во многих местах обвалились». Средства на их поддержание не шли, и массивные постройки, превращавшиеся в огромные руины, представляли собой открытую опасность. Служили они помехой и при создании новых регулярных планов.

Столкнулся с этой проблемой и главнокомандующий Москвы Чернышев. Невзирая на то, что отношение к сооружениям древности не перешло к оценке их как памятников прошлого (при наместнике Сиверсе в Новгороде уничтожили много древних сооружений), Чернышев оказался более взвешенным в своих решениях администратором. Он, реализуя, как и Сиверс, план создания регулярного города, предложил императрице не

[2127] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 576. Л. 151об.

сносить сооружения, а сохранить их. Разборке подлежали лишь наиболее затронутые разрушением (крайне опасные) части крепостей. Их «разбор» носил характер не полного сноса, а остановки дальнейшей «гибели» («только поравнять в обвалившихся местах»). Собранный при этом материал шел на государственные нужды[2128]. Последнее предложение было очень важно. Если бы местным жителям отдали постройки под «разбор» (как это и было при Павле I), то они могли просто исчезнуть, что в итоге и произошло с серпуховским кремлем, хоть и позже.

В 1787 г. по поводу крепостей, «разрушившихся от древности городских стенах в Коломне, Серпухове и Можайске», было принято решение при наличии возможности их «возобновлять со уменьшением высоты и толстоты». В том случае, если стена не могла быть восстановлена, ее предписывалось разобрать, а «материал употреблять на другие казенные строении и в продажу»[2129]. В Серпухове, благодаря полученному при разборке части кремля каменному материалу, решили построить мост через речку Серпейку (чтобы не отягощать жителей сбором денег на строительство)[2130].

Наместник Еропкин, зная об острой нехватке средств на возведение обязательных и необходимых административных и технических построек, предполагал за счет каменного материала, полученного с обветшавших крепостей, облегчить себе задачу обязательного «каменного» строительства в городах губернии. 30 июня 1787 г. он писал императрице: «По осмотру ж архитекторскому, все те городовые стены оказавшиеся в разселинах, к починке неспособны, а на строение вновь таковых же, каковы были и есть, потребно не малочисленные денежные суммы, которые полезнее издержаны быть могут на другие государственные строения, нежели на сии стены, потому, что прошли уже те несчастные времена, когда нужны были и внутренним городам укреплении, к защишению от поляков и татар,

[2128] Там же. Д. 575, ч. II. Л. 18 об.
[2129] Там же. Д. 578, ч. II. Л. 65.
[2130] Там же. Л. 65.

дерзавших нападать на оные, из коих первыя находятся ныне в покровительстве, а другие в подданстве у России, которой победоносное воинство сильнее всех каменных крепостей [, то и] не предвидится надобности возобновлять в Коломне, Можайске и Серпухове повредившихся городовых стен, но разобранной ныне и впредь разбираемой материал употреблять на другие казенные строении, а излишней и продавать сохраняя коронную пользу»[2131]. Тогда же стены решили разобрать. Но в 1792 г. глава губернии Прозоровский получил высочайше конфирмованные планы, по которым все три крепости требовалось… «возобновить»![2132] Более того, оказалось, что еще 3 июня 1787 г. Еропкину пришел приказ «возобновить» крепости, и «артиллерии генералу Миллеру приступить «к сочинению планов и смет»[2133]. Главнокомандующий запросил в Петербурге, «не угодно будет поручить им сделать планы и смету сколько потребно суммы к возобновлению крепостей»[2134], а также аккуратно уведомил секретаря Екатерины II Безбородко, что «поновлять» уже, в сущности, нечего[2135].

К 1790 г. в Серпухове одна часть крепостной стены, стоявшей у «Серпуховской большой дороги, упала», другую предыдущий генерал-губернатор «приказал разобрать, которая вся была из белого камня, материал тут лежит в кучах», третью раздали жителям города. Но рачительный Прозоровский приказал вернуть камни назад «в казну»[2136].

В Можайске кремлевская стена была «весьма ветха и угрожала падением на большую Можайскую дорогу». Стремясь не допустить гибели проезжавших под ней людей, генерал-губернатор Брюс велел разобрать стену на всем ее протяжении «до половины»[2137].

У крепости Коломны, как сообщал Прозоровский, «часть уже как стен так шпицы башен обвалились, да и все вороты угрожают падением». Правда,

---

[2131] Там же. Л. 73 об.–74.
[2132] Там же. Д. 582, ч. III. Л. 169 об.
[2133] Там же.
[2134] Там же. Л. 170.
[2135] Там же. Л. 169.
[2136] Там же.
[2137] Там же.

генерал-губернатора явно беспокоила потеря этого красивого сооружения и исторического памятника. Он писал Безбородко: «Но надо Милостивый Государь мой! о сем сожалеть, как ни где нет в России такого прямого готического вкуса башен и ворот, и построение сие из кирпича»[2138].

Процесс разборки (или восстановления) крепостей в городах Московской губернии на этом остановился. Новых распоряжений по данному вопросу в Москву не поступало, и решение проблемы легло на плечи уже следующего императора – Павла I, при котором целый ряд сооружений и были разобраны. Это относилось в том числе к прежде наиболее мощным средневековым каменным укреплениям Коломны и Серпухова, хотя на том историческом этапе и не было доведено до конца. Во многом данные процессы (как разрушения, так и сохранения древних сооружений) стали результатом сперва отсутствия, а впоследствии формирования представления об историческом памятнике и его важном месте в системе национального самосознания.

Гарнизонные войска и военно-квартировочная функция

Все губернские города являлись местом квартирования военных команд регулярной армии. Не случайно в уездных центрах главой полиции изначально выступал городничий, а в губернских – комендант[2139].

В Москве и ее губернии военные части являлись гарантами обеспечения элементарного порядка. По причине начавшихся вскоре войн России с Турцией и Польшей из города вывели и отправили к границам практически все части гарнизона. В результате, по сообщению главнокомандующего города генерал-фельдмаршала П.С. Салтыкова от 16 ноября 1768 г., «в Москве и около оной воровства (грабежи и разбои. – А.Б.)

[2138] Там же.
[2139] Государственность России … Кн. 2. С. 255.

весьма умножилось». Особенно главу «столичного города» и края беспокоило отсутствие конных армейских команд, которые позволяли организовывать разъезды как средства борьбы с растущей преступностью. В связи с этим он просил вернуть в Москву «хоть один» полк кавалерии, который «здесь весьма бы надобен»[2140].

Конец 1768 г. стал временем острой нехватки армейских и гарнизонных частей внутри страны. В ноябре 1768 г. из губернской Калуги намеревались вывести все армейские части, не оставив даже сил для охраны арестантов. Только вмешательством Салтыкова был сохранен отряд, состоявший всего из 26 человек[2141], – по сути, единственная силовая структура в городе и в его весьма обширном уезде. Наверняка, столь же неблагополучно обстояли дела и по другим городам Центральной России.

В Москве и уездных центрах ее административного края в разное время пребывали разные армейские подразделения. Все зависело от конкретной ситуации. Но Первопрестольная имела собственную дивизию, в обязательном порядке состоявшую при городе. По крайней мере в 1780 г. именно она официально находилась в нем на правах гарнизона. Показательно, что Долгоруков-Крымский при вступлении в должность главнокомандующего Москвы 11 апреля 1780 г. принимал на себя ее командование. Под его началом состояли и все располагавшиеся на территории губернии части, обозначенные помимо Московской дивизии как «прочие войска»[2142]. До этого все они тоже находились в ведении генерал-губернатора – предшественника Долгорукова-Крымского генерал-аншефа князя М.Н. Волконского[2143].

В бумагах главнокомандующего сохранились данные о составе вверенных ему воинских сил. Благодаря этим и прочим документам можно реконструировать наличный штат Московской дивизии на 1780 г.

[2140] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 562. Л. 93 об.
[2141] Там же. Л. 95.
[2142] Там же. Д. 574. Л. 3.
[2143] Там же.

К началу марта 1782 г. в Москве размещалось три полка, которые не только там квартировали, но и несли службу[2144].

В начале 1786 г. в Первопрестольной[2145] находилась 4-я дивизия (в подчинении главнокомандующего города Брюса)[2146]. В ее состав на тот момент входили три полка (Алексопольский, Шлиссельбургский, Ярославский), эскадрон Ростовского карабинерного полка, артиллерийская команда, а также три «московских» батальона. По штатному расписанию размер гарнизона Москвы насчитывал 7 351 человек[2147].

Сверх штата в дивизии состояли еще 6 человек: генерал-поручик, три генерал-майора, один доктор и один штаб-лекарь[2148].

В мирное время состав был подвижен: многие покидали свои части по разным причинам и на различные сроки. «Налицо» (а не по штату) в Москве 27 января 1786 г. находились 5 700 человек[2149], в отлучках – 2 301 (т.е. более 30%)[2150]

От пребывания гарнизона город и его жители испытывали на себе неизбежное большое давление не только со стороны значительного числа военнослужащих, но и единственного транспортного средства тех лет – лошадей. Практически весь их штат (за исключение двух голов) находился в тот момент в городе. Таким образом, по улицам Москвы одновременно могли выступить более 700 только армейских лошадей.

Гарнизон города располагал собственной артиллерией.[2151]

Московская дивизия, состоявшая (как и прочие части гарнизона) из ряда подразделений, обновляла свои ряды. Одни отбывали для исполнения приказов, другие заступали на их место, вливаясь в состав московского гарнизона.

[2144] Там же. Д. 575, ч. I. Л. 11 об.–12.
[2145] Только в «столичном городе».
[2146] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 576. Л. 192.
[2147] Там же. Л. 193.
[2148] Там же.
[2149] Там же.
[2150] Там же.
[2151] ПСЗ-I. Т. XXII. № 16324. С. 532.

Так, летом 1788 г. в Москве стояла дивизия, в состав которой входил Тобольский полк. 13 июня он покинул город, отправившись в Петербург. На его место из Смоленской губернии выдвинулся Ингерманландский карабинерный полк, до прибытия которого гарнизон Москвы состоял из единственного пехотного полка – Тенгинского, который нес на себе все тяготы патрульной службы[2152]. Впрочем, являясь подразделением пехотным, он не мог делать это должным образом. Тем более что приходилось принимать полицейские меры и по дорогам края. Поэтому главнокомандующий Еропкин был вынужден как-то выкручиваться: «Изыскать способы до прибытия вновь определенного конного полку, одним в лагере ныне при здешней столицы находящимся полком содержать необходимо надобные городовые караулы»[2153].

Но ожидавшееся пополнение не состоялось: Военная коллегия отправила Ингерманландский карабинерный полк к Нарве, назначив «вместо оного в Москву» четыре эскадрона Ямбургского карабинерного полка. 25 июня 1788 г. эскадроны вошли в город[2154]. Кавалеристов разместили не в казармах (для войск гарнизона их попросту не было), а в военном лагере, устроенном по соседству с Москвой в полях «ближних селений»[2155]. Вполне возможно, что в этом качестве использовали Ходынское поле, которое долгое время относилось к военному ведомству, находясь между Тверской заставой и ближайшим «подгородным» селом Всесвятским. Главнокомандующему городом ничего не оставалось, как «по неимению других здесь ныне воинских команд… стараться сими есквадронами и полком Тенгинским содержать здешней городовой караул, с некоторым противу прежнего уменьшением, исправляя и другие надобности колико на то удобность быть может»[2156]. Но на этом трудности для Еропкина не закончились.

[2152] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 578, ч. IV. Л. 116 об.
[2153] Там же.
[2154] Там же. Л. 120 об.
[2155] Там же.
[2156] Там же.

Прибывшие 25 июня четыре эскадрона Ямбургского полка, не успев толком расположиться в окрестностях города, 30 июня получили приказ Военной коллегии отправляться к Петербургу. И уже на следующий день они покинули Москву[2157]. Патрулирование города должны были исполнять полицейские эскадроны, но их только предстояло сформировать[2158].

Одновременно на главнокомандующего Москвой и Московской губернией возлагалась обязанность комплектования воинских подразделений, составлявших гарнизон города. Летом 1788 г. Еропкин «пополнял», например, Тенгинский полк и 17 июля с гордостью известил императрицу, что «в полной штат недостает уже только 29 чел., которые на сих днях причислены будут»[2159].

Военные части в городах губернии выполняли, таким образом, двойную функцию: с одной стороны, пользовались поселениями как «базой» и «зимними квартирами», с другой – сами являлись частью городской инфраструктуры: несли военную службу, поддерживали порядок, боролись с разбоями, охраняли и этапировали «колодников». Главнокомандующие Москвы выступали по отношению к частям Московской дивизии в качестве полноценных командующих, которые не только использовали ее потенциал, но и были обязаны поддерживать ее в боеготовном состоянии. В 1796 г. согласно «Высочайшему расписанию» города Московской губернии выступали основными «непременными квартирами» 2-й Московской дивизии. В городах края должны были находиться 6 из 14 ее подразделений. Прочие располагались в разных местах шести других губерний Центральной России[2160].

Основная масса подразделений квартировала в Москве. Помимо ее гарнизона в городе на менее постоянных началах стояли еще четыре полка: кирасирский, гренадерский и два мушкетерских. Половина подразделений

[2157] Там же. Л. 123 об.
[2158] Там же. Л. 122.
[2159] Там же. Л. 136 об.
[2160] ПСЗ-I. Т. XLIII, ч. I. № 17606. С. 2.

находилась в уездных центрах губернии: в Волоколамске – кирасирский, в Коломне – один из мушкетерских[2161].

В 1801 г. география пребывания военных в городах края поменялась. Если в Волоколамске по-прежнему квартировали кирасиры Екатеринославского полка, то в Москве находился только ее гарнизон, состоявший из единственного «полка Рехенберха» в числе четырех батальонов. Бесспорно, событием для жителей стал перевод в Можайск «мускетеров» Шлиссельбургского полка[2162].

Обеспечение жильем многочисленных частей гарнизона, к тому же присутствовавших в городе практически всегда, являлось тяжелой обузой для населения. Постойная повинность воспринималась как одна из самых тягостных. Не случайно редкое освобождение от нее подавалось как форма исключительных забот властей или признак особого статуса хозяев. К их числу относились архиереи и настоятели монастырей[2163], часть чиновников[2164], а также некоторые другие категории жителей.

Павел I стремился навести порядок в доставшемся ему от матери хозяйстве. Помимо прочего, император попытался снизить, хотя бы отчасти, тяготы воинского постоя для жителей Первопрестольной. Устроение с этой целью казарм не было сиюминутным решением. Оно прозвучало еще в 1767 г. в наказах купечества разных городов страны, отправленных в Уложенную комиссию[2165]. Очевидно, император знал и о них, и о положении дел на местах.

Именным указом от 6 июля 1797 г., адресованным московскому военному губернатору князю Ю.В. Долгорукову, Павел I начал масштабный процесс возведения в городе постоянных казарм для войск гарнизона[2166]. Согласно его планам москвичи, желавшие избавиться от постоя «на вечное

[2161] Там же.
[2162] Там же. Т. XXVI. № 19951. С. 727.
[2163] Там же. Т. XXIV. № 18036. С. 649.
[2164] Там же. Т. XXVI. № 19869. С. 621.
[2165] *Демкин А.В.* Купеческие наказы 1767 г. в Уложенную комиссию. С. 225.
[2166] ПСЗ-I. Т. XXIV. № 18036. С. 649.

увольнение», должны были внести деньги на их возведение[2167]. Общая сумма была равна 2 508 331 руб. 20 коп.[2168] С 28 апреля 1798 г. ее собирали «с количества земли, каждому принадлежавшей»[2169].

Большую роль в создании новой городской инфраструктуры сыграл и сам военный глава старой столицы Долгоруков, предоставивший государю в июне 1797 г. план «о построении казарм для войск», который и был «утвержден к исполнению»[2170].

По личному предложению Павла I поддержание состояния зданий, их освещение и отопление осуществлялись за счет «поземельного сбора»[2171] – особого налога, распространявшегося на всех (что важно) «городских жителей», исходя из размеров их земельных владений. Налог был дифференцированным, «с различением только по измерении той земли, что под строениями, от той, что под садами, огородами и пустырями». Московский военный губернатор изначально в своем проекте предполагал возложить эту часть финансирования (с некоторыми исключениями) только на торгово-предпринимательские слои города, которые, по его мнению, «ежегодно дать потребную сумму по справедливости обязаны»[2172]. К исполнению приняли, естественно, пожелания императора[2173].

В 1797–1809 гг. в Москве было устроено 7 воинских казарм, в которых разместились все части московского гарнизона. Первыми в 1797 г. появились Екатерининские казармы за Яузой, получившие свое название по переоборудованному под них дворцовому зданию. Здесь разместился «гарнизонный Архарова полк»[2174]. Затем возвели еще 5 комплексов военных зданий: Спасские, Покровские, Красные, Крутицкие и Петровские казармы.

[2167] Там же.
[2168] Там же. Т. XXVI. № 19326. С. 66.
[2169] Там же. Т. XXV. № 18505. С. 225.
[2170] Там же. Т. XXIV. № 18036. С. 648.
[2171] Там же. Т. XXVI. № 19326. С. 66.
[2172] Там же. Т. XXIV. № 18036. С. 648, 650.
[2173] Там же. Т. XXV. № 18505. С. 225.
[2174] Там же. Т. XXVI. № 19326. С. 68.

На данном этапе планы военного строительства в Москве завершились в 1809 г. возведением Хамовнических казарм[2175]. Помимо этого, к началу 1800 г. в конце Пречистенки за 72 тыс. руб. были приобретены два каменных дома, для предоставления здесь квартир «приезжим военным чинам»[2176].

Благодаря принятым мерам к маю 1801 г. от постоя в Москве «освободили» 6 081 дом (33 203 покоя). Повинность размещения у себя военных сохранили хозяева 2 291 дома (16 101 покой)[2177]. Впрочем, уже к 1804 г. стало ясно, что «устроенные» в Первопрестольной казармы, вопреки ожиданию, не решат всех проблем с постоем: мест для размещения войск не хватало, многие «покои» были неудобны[2178] или требовали ремонта и исправления[2179]. Расходы на строительство казарм превысили смету на астрономическую сумму – 1 млн 884 тыс. руб.[2180] Было очевидно, что успешно начатую, но не завершенную при Павле I работу необходимо продолжать. Кроме того, требовалось уточнить условия воинского постоя для жителей города. С этой целью в Первопрестольной в 1804 г. работали два особых учреждения – Комитет для устроения в Москве казарм[2181] и Комитет для уравнения повинностей[2182].

Старая столица стала самым крупным центром квартирования армейских частей среди всех поселений ядра Центральной России. На московских улицах мундиры военных не были редкостью.

[2175] Москва: энциклопедия, 1997. С. 342.
[2176] ПСЗ-I. Т. XXVI. № 19326. С. 68.
[2177] Там же. № 19869. С. 622.
[2178] Там же. Т. XXVIII. № 21312. С. 346.
[2179] Там же. № 21322. С. 326.
[2180] Там же.
[2181] Там же. № 21418. С. 543.
[2182] Там же. № 21312. С. 346.

* * *

Москва и территории ее проектируемой губернии занимали исключительное место среди прочих регионов ядра Центральной России, играя заметную роль в общегосударственных процессах: транзитном, торговом, политическом, духовном, культурном и др. Вследствие этого имевшийся у них потенциал развития был значительным. Это отразилось среди прочего на количестве и качестве городских поселений. В частности небольшая Верея являлась заметным участником российского рынка. То же относилось и к Коломне.

Однако на судьбу городских поселений влияло прошлое, сохраняя в их характере черты феодального времени. В политическом отношении «примосковская» территория издавна делилась на уделы, которые обзавелись своими крепостями-центрами, и именно они составили группу старых городов будущей «малой» губернии. С одной стороны, это гарантировало им «обустроенность», населенность и включенность в экономические отношения разных уровней, но с другой – в ходе оформления централизованного государства были ликвидированы уделы, и новые городские образования здесь практически не появлялись. Если не считать неудавшегося эксперимента Бориса Годунова по созданию Борисова, который, впрочем, к середине XVIII столетия уже в прямом смысле лежал в руинах и не выполнял никаких городских функций.

Мощь Москвы (как рынка, административного центра и военной крепости) также препятствовала возникновению поблизости новых городских пунктов. Даже во второй половине XVIII в. это пространство, как и 100–200 лет назад, продолжало оставаться «Замосковной землей», хотя условия существования кардинально изменились и продолжали трансформироваться.

Будущая Московская губерния, как никакая другая, могла похвастать имевшимся у нее числом городов, которые были способны занять место уездных центров. Этот потенциал стал причиной того, что Московская губерния возникла последней в череде окружавших ее вновьучрежденных административных единиц. Такое положение обусловливалось как особой ролью самой Москвы, так и использованием городов, традиционно относившихся к ее земле в качестве резерва при формировании городской сети соседних губерний. Для них Московская земля выступала своеобразным донором. Из нее в смежные губернии (Калужскую и Смоленскую) «ушли» территории и города, исторически связанные с Москвой. Показательно, что механически отторгнутые поселения сохранили с ней самые тесные связи и в последующие периоды своей истории.

Потребительское отношение к проектируемой Московской губернии привело к появлению и в ней дефицита претендентов на роль уездных центров из числа «старых» подмосковных городов.

Сохранился предварительный план формирования территории Московской губернии Остермана – Завадовского. Он позволяет увидеть не итог реформы (не всегда предначертанный), а сам процесс поиска путей решения поставленной задачи, протекавший очень часто как компромисс возможного и необходимого.

При составлении плана авторы ориентировались на формальное исполнение задачи, рассчитанной исходя из размера численности податного населения уезда и срединного положения его главного города. «Новоучреждаемые» уездные центры выбирались из нечастновладельческих поселений, в том числе из недавно созданной группы экономических поселений – бывших церковно-монастырских. Именно они при формировании Московской губернии предоставили основной материал для создания «новых» городов. То же наблюдалось и в прочих регионах страны.

Первоначальный проект оказалось трудно реализовать – авторы предлагали объединить в один город сразу несколько сельских поселений,

относительно удаленных друг от друга. Напротив, при формировании плана преобразований наблюдалось сохранение старого принципа – незыблемость единства города и его уезда. В итоге сложилась парадоксальная ситуация: при учреждении уезда, имевшего свой город-центр, на той же административной территории находился еще один город, не способный исполнять административные функции, но сохранявший за собой свой собственный уезд. Таким образом, существовало одновременно два уезда на территории одного: первый – административный, второй – исторический, наследник прошлой эпохи, когда уезд выступал как обязательный атрибут города. Это обстоятельство проливает свет на понимание современниками характера города, который независимо от его административных или хозяйственных возможностей непременно выступал центром своей земли.

Первый черновой проект в отношении «новоучрежденных» городов оказался неудачным. Но он дал опыт и указал на необходимость поиска «претендентов» в другом направлении. В итоге «мертворожденные» города были заменены теми, которые в данном качестве дожили до наших дней (Бронницы и Воскресенск-Истра). В скорректированном варианте план был принят к реализации и осуществлен.

Создание «малой» Московской губернии и сети ее городов завершило процесс административного оформления территории всей Центральной России. «Открытие» «новой» Московской губернии не только подвело итог административному строительству в историческом ядре России, но и вобрало в себя полученный ранее опыт осуществления преобразования.

Созданию «малой» Московской губернии предшествовал долгий подготовительный процесс, начало которому дал указ об учреждении этой административной единицы на основании подготовленного и утвержденного императрицей проекта. Одновременно называлась дата официального ее «открытия», что означало необходимость решения целого ряда вопросов. Но так или иначе все они сводились к началу функционирования

присутственных мест в «учрежденных» городах – губернском и уездных центрах.

В распоряжении московских властей был примерно год. Обязанности по исполнению предписанных задач легли на плечи главнокомандующего Москвы Василия Михайловича Долгорукова-Крымского.

«Открытие» губернии, запланированное на 1781 г., фактически провалилось, и произошло это, в том числе, по вине Долгорукого-Крымского. Столичный генерал-губернатор даже не провел личную ревизию будущих городов края для выявления их пригодности на «роль» уездных центров (краеугольное условие осуществления преобразований). Боевой офицер, отмеченный не только наградами, но и ранами, оказался слабым администратором. Это было особенно заметно в связи с тем, что Василий Михайлович возглавил порученное ему дело в самом начале, когда и предстояло сформировать необходимую структуру управления краем. Притом князь пользовался авторитетом, как заслуженный военный и открытый человек (когда главнокомандующий почил, многие москвичи искренне оплакивали его)[2183].

В итоге все проблемы, связанные с реализацией плана преобразований, пришлось решать губернатору Николаю Петровичу Архарову, который и делал объезд будущих городов – административных центров, лично докладывая об этом императрице. Велика заслуга и следующего за Долгоруковым-Крымским главнокомандующего «столичного города» – Захара Григорьевича Чернышева. Именно Архарова и Чернышева следует считать создателями Московской губернии. При этом последнему пришлось столкнуться и с необходимостью пересмотреть уже утвержденные планы при наличии высочайше утвержденной даты «открытия». Он же на протяжении 1782 г. объезжал городские поселения, предписывая необходимые здесь работы.

[2183] *Балязин В.Н.* Указ. соч. С. 156.

Деятельность высших лиц государственного управления в Москве была не только чрезвычайно почетна (главнокомандующий официально считался главой города как резиденции императрицы в ее отсутствие), но и очень тяжела. Тем более в период проведения крупномасштабной реформы. Служба не только предполагала необходимости решения массы возникавших неотложных дел, но и отягощалась проверками самого высокого уровня, а также принуждала к постоянной мобильности, а значит, требовала крепкого здоровья. Генерал-губернаторы совершали массу инспекционных поездок в любое время года и в любых погодных условиях. Многие из сановников неоднократно писали рапорты с просьбой уйти со службы или получить отпуск по причине расстроившегося здоровья или «личного хозяйства». Последнее – не «дежурная фраза». Главнокомандующие активно тратили личные средства, в частности для поддержания своего чрезвычайно высокого статуса в обществе, а их имения в это время оставались без хозяйского присмотра и неизбежно приходили в упадок.

Работы по «открытию» Московской губернии велись (без преувеличения) в авральном режиме. Это привело к недостаточно качественной постройке зданий присутственных мест в ряде уездных городов, но высочайше установленные сроки были выполнены – Московская губерния официально «открылась» 5 октября 1782 г.[2184] С некоторыми изменениями, перерывами и под другим именем она существует без малого уже два с половиной столетия.

Официальное утверждение за поселениями «звания» городов привело к переходу их жителей в разряд городских сословий. Это наблюдалось как в «новоучрежденных», так и в «старых» городах (например, в Клину, население которого в основном пребывало в категории ямщиков, официально относившихся к крестьянам). Данный процесс открыл возможность перехода в «городское состояние» жителям торговых сел и слобод, усилив не только их позиции как «граждан», но и статус самих поселений, которые

[2184] ПСЗ-I. Т. XXI. № 15555. С. 713.

признавались как полугородские. Наиболее заметными в этом списке были Сергиев Посад и мощное «подгородное» промышленное село Покровское (ныне – в составе Москвы). Что показательно, в официальных документах оба поселения, жители которых перешли в разряд «городских обывателей», обозначены как «новые города»[2185]. С одной стороны, это указывает на доминировавший тогда признак города – сословную принадлежность его населения, с другой – на отказ от норм феодального времени, связывавших понятия «город» и «крепость». Таким образом, именно в последней четверти XVIII в. пришло осознание нового экономического признака города – сочетания развития промышленного производства и активного «торгового промысла».

«Открытие» Московской губернии было делом значительно более масштабным и сложным, нежели иных новых административных регионов. В Первопрестольной требовалось создать условия для функционирования еще и столичных органов власти. Причем их, как и сам город, необходимо было привести в соответствие со «столичным» статусом.

В результате во время правления Екатерины II была выполнена масштабная работа по кардинальной реконструкции Москвы. Это была первая реформа облика и структуры города, предшествовавшая процессам последующих времен. При этом решались те же задачи: сделать Москву городом, удобным для жизни, соответствующим как требованиям Нового времени, так и званию столицы великого государства. Проект был тесно связан с именем выдающегося русского архитектора М.Ф. Казакова, а реализация замыслов проводилась комплексно, с опорой на специально создаваемые и успешно функционирующие структуры.

В ходе екатерининской реконструкции Первопрестольная меняла структуру, застройку, которая велась по регулярному плану. В частности в рамках этого проекта началось обустройство полукольца бульваров и пространства по линии укреплений Земляного города. Кардинально

[2185] РГАДА. Ф. 16 Д. 575, ч. I. Л. 37–37 об.

трансформировал свой облик Охотный ряд. Возводились новые здания, которые в первую очередь определяли «лицо» Москвы и позволяли ей исполнять функции «столицы» – административные, хозяйственные, социальные, культурные и др.

Одним из таких архитектурных сооружений должен был стать возводимый в Кремле комплекс присутственных мест Москвы и Московской губернии. Однако проект оказался настолько удачным и представительным, что лично был изъят Екатериной II у местных органов и передан в распоряжение работавших в городе общеимперских структур, в первую очередь Сената. Потенциал, заложенный в проект комплекса, оказался столь масштабным, что и поныне это здание выполняет общегосударственную функцию – является резиденцией главы Российского государства.

Впервые в истории велись целенаправленные работы по благоустройству города. С целью их активизации были предприняты меры по концентрации материальных средств в Каменном приказе, подготовлены заводы для производства более дешевых строительных материалов, созданы их запасы. В рамках реконструкции Москвы в центре сносились старые сооружения, которые не только портили ее облик, но и угрожали безопасности (антисанитария, пожары). Был реконструирован Большой Каменный мост, построены Мытищинский водопровод (запущен в начале XIX в.) и Водоотводный канал.

Усилия Екатерины II и ее наместников дали свои плоды. Город заметно менялся, хотя и не в той мере, как ожидалось. Многое приходилось делать с нуля, к тому же в условиях хронической нехватки средств. Перестройку Москвы по новому, высочайше утвержденному плану архитектора Казакова не довели до конца, но тем не менее она была результативна. Первопрестольная приобрела черты современного «столичного» города и, по свидетельству современников, в начале XIX в. являла собой «прекрасное

зрелище»[2186]. Ее развитие было еще впереди (как и многое, начатое великой императрицей), но наполеоновское нашествие уничтожило город в том виде, в каком его устраивал Казаков. Узнав о последствиях «Великого пожара», автор московской реконструкции не выдержал трагического известия и умер. Однако его идеи и проекты были востребованы на следующем этапе, когда воплотилось многое из задуманного при Екатерине II.

Необходимость скорейшего решения вопроса, связанного с размещением высших органов власти и приданием Москве современного и столичного облика, не снимало с властей обязанности «открытия» губернии. Всего за один-два года необходимо было построить здания для размещения местных органов власти, находившихся в губернском и уездных центрах. Изъятие «из ведома» руководителей края практически готового административного сооружения в Кремле, естественно, сильно усложнило эту задачу.

Беда была в том, что властям катастрофически не хватало средств для приведения в надлежащий порядок такого большого города, да еще и исполняющего роль столицы. Для «устроения» требуемой инфраструктуры Петербург выделял ежегодно «особую строительную 20-тысячную сумму». Однако данных денег «остро не доставало» даже для решения проблем Москвы, которой приходилось заново создавать практически всё предписанное ей планом административной реформы и реформы города Екатерины II. Кроме того, из-за участия России в войнах в тот период неоднократно понимался вопрос о сокращении расходов и отказе от продолжения архитектурных программ. Впрочем, власти Москвы и губернии находили аргументы, чтобы сохранить хотя бы отпущенные им изначально ресурсы.

Весь период проведения реформы города в Москве и других городах края был связан с двумя процессами: «изысканием» уже имевшихся зданий, пригодных для исполнения предписанных городу функций, и постоянным

[2186] *Евсина Н.А.* Указ. соч. С. 150.

поиском денег. Это касалось абсолютно всех структур: административных, социальных, хозяйственных и т.д. Проблемы удавалось решать, но нередко за счет качества исполнения, что негативно сказывалось на небогатых уездных центрах, где уже к концу XVIII в. наспех отстроенные казенные здания находились в аварийном состоянии и перестраивались в 30-е годы следующего столетия.

По сравнению с масштабом Москвы реализация планов реконструкции уездных городов выглядела значительно скромнее. Но это не уменьшало значимости задуманного. Все административные центры должны были принять «рациональную форму».

Переустройство городов на новых началах вызвало большие трудности из-за фактического отсутствия финансирования и во многом – пассивности населения, в том числе в весьма злободневных для него вопросах (например, пожарной безопасности). Правительство нашло правильный выход – регулярные планы осуществлялись на местах, полностью опустошенных огненной стихией. Тем более что пожары были обычным явлением в жизни города.

Второй, наиболее важной проблемой для Московской губернии стало наличие в древних городах каменных крепостей. С одной стороны, они стали центрами ориентации нового городского плана и доминантами поселения. На их территории «устраивались» здания для учреждаемых органов власти. С другой стороны, ветхие крепости нередко угрожали жизни людей. Ошибкой было бы предполагать, что государство сразу же пошло на ликвидацию крепостей. Имели место не только высказывания, но даже распоряжения, связанные с восстановлением древних укреплений, располагавшихся уже внутри территории страны. Дело в том, что лишь к концу правления Екатерины II стало ясно, что России удалось окончательно нейтрализовать две смертоносные внешнеполитические опасности, шедшие с запада (Польша) и юга (Крым). Поэтому только при Павле I начался снос детинцев.

Кроме того, уничтожение городских фортификаций на территории Центральной России стало результатом еще одного, не менее важного процесса: именно в последней четверти XVIII в. произошел коренной перелом в оценке характера города. В прошлое ушло его феодальное значение как крепости. Окончательно победил город Нового времени. Древние кремли постепенно перешли в разряд исторических памятников, что привело, в частности, к сохранению остатков детинца в Коломне.

Проведение Екатериной II административной реформы было призвано активизировать суды и делопроизводство на местах. Однако Москва – сама по себе огромный город, выступала еще и центром значительного региона, что создавало большие трудности для канцелярских служащих. Присутственные места катастрофически не справлялись с наплывом новых дел и разбором старых. Власти искали способы увеличить результативность бюрократического аппарата за счет его умножения и усиления отдельных направлений.

Одним из способов контроля за работой чиновников, увеличением ее интенсивности и борьбой со злоупотреблениями стали ревизии сенаторов и генерал-губернаторов. Последние были вынуждены постоянно колесить по своим беспокойным краям, чтобы держать «руку на пульсе». Сенаторские ревизии происходили не так часто. Однако сделанные на их основе выводы вызывали огромные опасения у представителей аппарата, так как докладывались лично императрице. Хотя она и не стремилась к высказыванию резких суждений, но были и исключения. Так, после ревизии графа Андрея Шувалова и Степана Стрекалова (1787 г.), донесших ей о неисполнении «Высочайше» спущенных планов «устроения» школ в губернии, государыня нашла нужные слова для руководителей края, и их работа сразу и заметно активизировалась.

Важнейшей частью процесса реформирования городов как Московской, так и всех прочих губерний было создание структур по борьбе с огнем, по охране правопорядка и улучшению положения дел в

пенитенциарной системе. Наибольшие успехи были достигнуты в деле пожаротушения. Именно при Екатерине II и в последующие десятилетия Москва научилась спасаться от пожаров. Они продолжались (что неизбежно в практически деревянном городе), но команды «огнеборцев», ставшие предметом гордости и визитной карточкой Москвы, начали успешно останавливать огонь, не допускать полного уничтожения целых частей города.

В уездных центрах положение дел в этом вопросе было заметно хуже, но и здесь усилиями властей ситуация постепенно менялась: переламывалось безразличное отношение местных жителей к вопросу предотвращения огня, улучшалась техническая оснащенность пожарных отрядов. Правда, качество их работы по-прежнему во многом зависело от возможностей городских обществ.

Заметно хуже обстояло дело с работой полиции. Однако ее структура, создаваемая в частях города, уже была гарантией того, что со временем положение дел изменится. Появились и новые формы поддержания порядка. Так, были созданы подвижные конные полицейские эскадроны.

Полиция исполняла множество обязанностей: от усиления контроля за порядком во время массовых мероприятий до борьбы с бандитизмом. Следствия велись по самым разным случаям, в том числе и по самоубийствам с целью выяснения, не являются ли они попыткой закамуфлировать «душегубства». Нельзя не отметить, что уровень преступности в городе в конце XVIII в. был намного ниже, чем в любой из последующих периодов.

Одновременно шло улучшение дел в пенитенциарной сфере. Вместо разваливавшегося (в буквальном смысле!) «острога на Калужской площади» появился Бутырский замок. Соответствующие заведения обустраивались и при всех уездных центрах губернии. Это обстоятельство было тем важнее, что помимо содержания преступников на местах тюрьмы городов губернии (в первую очередь Москвы) являлись пересыльными для партий

«колодников», отправляемых по этапу. По мере развития тюремной системы этот процесс стал оказывать меньшее давление на население края.

Большая работа проводилась и в сфере давно забытых сегодня, но чрезвычайно важных в тот период сторон жизни города. Таких, например, как сохранение казенных товаров (соль, вино) и резервов хлеба. Если первые приносили значительный доход казне, то «хлебные магазейны» позволяли снять социальную напряженность в поселении в период межсезонья. К сожалению, данная практика на том этапе оказалась нерентабельной.

Другим важнейшим аспектом функционирования Москвы и городов края являлось поддержание транспортной инфраструктуры. Это обстоятельство играло важную роль во всех губернских центрах, но по отношению к Московской губернии и «столичному городу» поддержание дорог, мостов и переправ стало исключительно важной задачей – Москва выступала одним из самых главных коммуникационных узлов всей империи.

В этом отношении исключительное значение имело поддержание мостов переправ, функционировавших на территории самого города. Несмотря на важность данной задачи, ее исполнение становилось головной болью администрации: критические природные условия неоднократно «рвали» или же полностью сносили «живые» мосты, а единственный каменный мост через Москву-реку многие десятилетия находился в аварийном состоянии, пока не подвергся масштабной реконструкции в период правления Екатерины II.

Московская администрация, вынужденная все время «поновлять» переправы через главную реку губернии, постоянно изыскивала средства на ремонт и возведение мостов. Хотя и с трудом, но это ей удавалось, в том числе за счет распродажи казенных строений.

На территории губернии уделялось внимание и другим коммуникациям (в Сергиевом Посаде, Серпухове и т.д.), однако предпринимаемых усилий было явно недостаточно. Так, на примере Серпухова хорошо видно, насколько дело обеспечения переправ являлось затратным и трудно

решаемым как для властей, так и для деловых кругов, привлекаемых к проведению ремонтных работ. Кроме того, при строительстве мостов имели место случаи казнокрадства и сговора чиновников с подрядчиками, о чем была хорошо осведомлена императрица, недвусмысленно сообщавшая об этом своим сановникам.

Вместе с сухопутными дорогами по-прежнему важное значение имел речной транспорт. Москва, а также города ее края сильно зависели от поставок, которые шли по воде и льду трех рек: Оки, Клязьмы и Москвы. Особую роль играли поставки хлеба в «столичный город». Сообщения о приходе или задержке караванов с зерном были важнейшей темой в переписке императрицы с ее главнокомандующими в Первопрестольной. Маршруты доставки хлеба и соли определяли значение и возможности городов (через которые они проходили), а также формировали экономическую карту не только определенного края, но и большой части страны. Это обстоятельство выявило исключительное значение подмосковной Коломны как транзитного пункта главного потока хлеба, а также других поселений, которые стали основными местами хранения и продажи казенной соли.

В ходе реформы в городах края была создана система почтового сообщения. Москва ввиду ее «столичного» характера получила почтовую службу, аналогичную Петербургу. Показательно, что почтамт Москвы, учрежденный Екатериной II, уже 200 лет функционирует на одном и том же месте.

Почтовые станции были привязаны к уездным городам губернии – строились и открывались в некоторых из них, хотя и с заметным опозданием по отношению к утвержденному плану.

Перед властями Московской губернии (как и перед главами иных новых регионов страны) стояла задача учреждения структур Приказа общественного призрения, но с учетом специфики, вызванной качеством «столичного города» и его возможностями. С одной стороны,

Первопрестольная располагала бóльшими резервами (в частности зданиями), нежели многие из «новоучрежденных» губернских центров. Однако масштаб города был несоизмеримо значительнее его возможностей. И дело не только в численности населения. Москва являлась главным городом Центральной России, ее доминирующим центром, что вело к привлечению сюда значительной части активного населения – жителей разных губерний России. Кроме того, на Первопрестольную возложили и общеимперские функции. Так, в ней был основан и функционировал знаменитый Воспитательный дом, куда направляли подкидышей и сирот со всех регионов страны. В целом же в вопросах социальной помощи столичный город притягивал множество обездоленных[2187].

При наличии столь масштабных обязанностей размеры капиталов московского Приказа общественного призрения были такими же, как и в прочих губернских центрах. Традиция получения «вспомоществования» от представителей торговых кругов не приобрела в то время такого общественного значения, как во второй половине XIX столетия. Впрочем, на данном историческом этапе немногочисленными крупнейшими меценатами оставались наиболее богатые, дворяне, а также государство и сам монарх.

Даже при оказании государственной помощи, выразившейся в первую очередь в выделении пустовавших зданий или строительного материала (как правило, вторичного или бракованного), властям необходимо было постоянно «изыскивать» средства, буквально выпрашивая их у вельмож.

Важнейшей стороной претворения в жизнь проектов социальной помощи населению стало создание в городе больниц. Решение данной задачи было бы попросту невозможно без помощи как самого государства, так и «ревнителей»-меценатов, таких как Голицыны, Шереметевы и др.

За непродолжительный период проведения Екатериной II реформы города (всего около двух десятков лет) в Москве возникли: инвалидный дом для отставных штаб- и обер-офицеров, больница для отставных солдат,

[2187] *Козлова Н.В.* Указ. соч. С. 189–191.

работный и смирительный дома, богадельни, Екатерининская больница, Дом трудолюбия, Главная аптека, Воспитательный дом, Голицынская больница, странноприимный дом графа Шереметева и некоторые другие заведения.

Помимо этого решались вопросы, связанные с привлечением и подготовкой национальных медицинских кадров (одна из самых сложных и актуальных задач), с ветеринарной службой, пополнением капиталов Приказа общественного призрения, борьбой с антисанитарией и вызванными ей болезнями.

Все вышесказанное в полной мере можно отнести и к проблеме создания системы народного образования. Здесь, как и во многих других начинаниях, власти столкнулись с необходимостью создания практически на пустом месте базы масштабного образовательного проекта, не имея для этого ни достаточных денежных средств, ни необходимых сооружений. В провинциальных городах к этому добавилось и неприятие нововведений местным населением. В самой же Москве в середине XVIII в. основными учебными заведениями для юношества являлись частные школы и пансионы. Подавляющее их количество было признано самим государством как дающее качественные знания. Однако масштаб их работы и доступность оставались недостаточными.

Без активной позиции государства и (не в меньшей степени) лично императрицы решить задачу создания в городах края системы образования было бы невозможно. Так, к непосредственным заслугам Екатерины II относятся расширение Московского университета, открытие городских школ в Москве и других городах губернии. Последнее сдвинулось с «мертвой точки» после высказанного государыней недовольства в адрес местной власти[2188]. Чрезвычайный вклад в реализации данной задачи внесли и ее личные «в Москве главнокомандующие».

В вопросах создания больниц и школ (как и в других сферах) остро стояла проблема недофинансирования. В связи с этим достижение значимого

[2188] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 578, ч. IV. Л. 195.

результата было бы невозможно без привлечения богатых меценатов. Большую роль в создании системы образования в Москве сыграл Прокофий Акинфиевич Демидов, известный оригинал, один из внуков уральского заводчика и сподвижника Петра Великого – Никиты Демидова (Демид Григорьев сын Антюфеев). Зная непростой характер П.А. Демидова, власти города все же смогли найти с ним общий язык и уговорить «поспособствовать» нескольким социальным проектам.

Помимо государственного образования наместники императрицы поддерживали работу духовных и солдатских школ, а представители деловых кругов пошли на учреждение Коммерческого училища. Но и этими заведениями перечень образовательных структур, возникших и функционировавших в годы реформирования города, не ограничивался.

Устоявшееся мнение о том, что во второй половине XVIII в. «коронная администрация» мало сделала для учреждения системы социальной помощи и народного просвещения в Москве[2189], представляется нам не вполне точным. Власти все же смогли сдвинуть махину этой задачи. Естественно, решено было далеко не все, но их усилиями были созданы работающая система и основа для ее дальнейшего развития. При этом вызывают уважение поиск генерал-губернаторами и губернаторами путей преодоления трудностей и препятствий (чем они занимались практически постоянно) и достигнутый результат.

Одной из главных функций любого города является ретрансляция культуры. Москва занимает в этом отношении исключительное место. Это связано с особой ролью города в истории страны (духовная столица) и со стремлением властей организовать в нем комплекс соответствующих его статусу культурных институтов (исторического, столичного, духовного, просветительского, рекреационного).

Данная тенденция заметнее всего проявилась в главном для эпохи Просвещения направлении – образовании. В Москве возник и получил

[2189] *Пушкарев Л.Н.* Указ. соч. С. 289–292.

мощный импульс для развития собственный университет – один из первых в стране. Уже только это со временем привело к значительному улучшению состояния культуры и общественного мнения в городе. В рамках данного высшего учебного заведения функционировал Благородный университетский пансион, возникли различные ученые общества, издавались научно-просветительские журналы.

Важной составной частью культурной жизни города стала потребность образованной части московского общества в консолидации и проведении культурного досуга. В Москве действовали популярные среди горожан клубы и сословные общества.

Наблюдался рост интереса населения города к книге. Уже в конце правления Екатерины II Москва являлась одним из главных центров России в области книгоиздания, книготорговли, переводческой деятельности и в целом большой любви к печатному слову. В определенной степени эта тенденция даже противостояла политике властей в усилении цензуры, что стало особенно заметно в результате происшедших во Франции революционных событий.

Важное место в культурной жизни Москвы занимал процесс возникновения здесь собственного театра. Продолжительный, полный трудностей, неудач и даже трагедий он увенчался открытием Петровского театра Медокса, прямым наследником которого является самый известный сегодня в мире российский театр – Большой театр.

Москва относилась к той небольшой группе поселений, которые являлись важными носителями всех городских функций, в том числе военно-квартировочной. «Столичному городу», главному стратегическому пункту Центральной России, необходимо было иметь постоянный гарнизон. Помимо распределения войск по стране и их проживания при поселениях, солдаты и офицеры выполняли ряд обязанностей. В первую очередь они патрулировали города и дороги всей губернии, обеспечивали правопорядок. Особо востребованы были подвижные кавалерийские разъезды, которых часто не

хватало, так как армейские части отправляли на театр военных действий. Вместо них в Москве создали особые конные полицейские отряды. Военных активно привлекали при тушении пожаров, особенно до момента возникновения команд «огнеборцев» в составе Управы благочиния[2190].

Армия находилась в «столичном городе» постоянно, за исключением немногих наиболее опасных военных периодов. Особенно когда стране приходилось вести борьбу на два фронта. В эти годы в Первопрестольной были расквартированы части Московской дивизии (4 полка) и другие подразделения, пребывавшие в ведении главнокомандующего города. Число военных могло многократно увеличиваться. В первую очередь по случаю прибытия сопровождаемого гвардией императора, а также по окончании крупных кампаний, когда возвращавшиеся в страну части шли на квартиры.

Постоянное присутствие в Москве значительных военных соединений ложилось тяжелым грузом на плечи обывателей. Повинность «постоя» единодушно признавалась одной из самых тягостных, а освобождение от нее являлось надежным признаком исключительно привилегированного положения.

При Павле I для уменьшения «тягот» населения была принята программа строительства в Первопрестольной казарменных зданий. Она не решила проблему полностью, но способствовала ее ослаблению. Эти сооружения до сих пор включены в структуру города, а некоторые из них и по сей день продолжают «служить по военному ведомству».

Подводя общий итог, нельзя сказать, что планы Екатерины II по преобразованию российского города (его облика, структуры и функционирование) в отношении Москвы и уездных городов края были выполнены полностью и вполне удовлетворительно. Но бесспорно и то, что в губернии в последней четверти XVIII в. возникла инфраструктура, «обязательно необходимая» для выполнения городами приписанных им функций. Трудности реализации были связаны со многими аспектами,

[2190] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 555, ч. II. Л. 36 об.

начиная с неумелого управления и казнокрадства и заканчивая консервативностью населения. Главным препятствием являлось то, что создавать задуманное приходилось практически с нуля. Одновременно имели место хроническая нехватка средств и их постоянный поиск. Безусловно, требовалось развитие всего начатого, но основа для него была заложена благодаря преобразованиям Екатерины II. Результатами этих реформ мы нередко пользуемся и сегодня.

Уже в первые годы XIX столетия (всего через 20 лет с начала реализации реформы города) Первопрестольная обладала полной инфраструктурой, необходимой для исполнения ею своих административных функций. Они были тесно связаны с той ролью, которую Москва играла как национальный, духовный и культурно-исторический центр.

К началу XIX в. была налажена работа и всех уездных органах управления, охарактеризованных инспекцией как пребывающие «в изрядном порядке»[2191].

По оценке губернатора, которую поддержали члены сенатской ревизии 1800 г., ситуация с обустройством «необходимонужной» инфраструктуры в провинциальных городских поселения Московского края складывалась весьма достойно[2192]. К августу 1779 г. во всех его городах (в том числе заштатных) при присутственных местах работали даже казенные соляные и винные «магазейны», хотя «большей частию» они были «ветхие», а в Рузе и Дмитрове «едва стояли на подпорках и требовали неукоснительной починки и перестройки»[2193]. Впрочем, в некоторых российских регионах эту проблему не решили вовсе.

Среди «штатных» (уездных городов) в этом отношении никаких претензий не было к Коломне, Верее, Серпухову и Можайску. Губернатор

[2191] РГИА. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 6. Л. 150 об.
[2192] Там же. Л. 48, 148.
[2193] Там же. Л. 149.

особо выделил два первых города, называя их достойными «имяни знатных городов»[2194].

Среди «заштатных» поселений имели «довольно… хороший вид и строение почти все новые» города (Воскресенск, Подольск, Бронницы), а также Сергиев посад. Неудовлетворительным было положение дел только в Богородске и Никитске[2195].

Показательно, что почти такой же оценки заслужили в 1800 г. и соответствующие Магистраты: так, коломенский, верейский, серпуховской и дмитровский нашли «в совершенной исправности», во всех прочих отмечался общий важный недостаток: необходимость иметь «других исправнейших секретарей, которые бы незнание их (сотрудников Магистрата. – А.Б.) по непривычке к делам, награждали своим знанием»[2196].

Также «в изрядном порядке» признали работу «ратуши Сергиевской», хотя было отмечено, что «мостовые в ведении ее состоящие должны быть гораздо исправнее» и много домов крыты соломой[2197]. Особое замечание заслужили Руза, Звенигород, Волоколамск и Клин, где губернатор попросту не смог найти шестигласных дум![2198] Хотя эти учреждения (наряду с Магистратами и Ратушами) не относились к государственным органам местной власти, но наряду с «коронной» администрацией, они решали важные вопросы, причем не в последнюю очередь в деле городского благоустройства.

[2194] Там же. Л. 48, 148.
[2195] Там же. Л. 48 об.
[2196] Там же. Л. 153.
[2197] Там же.
[2198] Там же.

Глава 6.
Городская сеть Центральной России на рубеже XVIII–XIX вв.: итоги и метаморфозы преобразований

Пересмотр административной сети городов Павлом I

Необходимость уточнения, созданной в правление Екатерины II административной сети городов, предпринятого Павлом I, была осознана и крайне желательна. Придя к власти, новый император столкнулся с проблемой упорядочивания доставшегося ему наследства. С момента начала реформы прошло время, и за этот период проявились как сильные, так и слабые стороны преобразований второй половины XVIII в. Павел не отрицал главной цели матери – создание административной городской сети, на «опорные узлы» которой в ходе реформ возложили широкие функции управления территориями.

При этом император стремился лишь изъять из административной сети те из уездных центров, которые были образованы по необходимости и со временем не смогли достигнуть требуемого уровня, чтобы исполнять возложенные на них обязанности. В итоге уездные города упразднялись, а их регионы объединялись. Решение государя чем-то напоминало современные административные преобразования, взявшие за основу принцип оптимизации управления в стране с целью сокращения нагрузки на государство и казну, уменьшения расходов на аппарат и повышения эффективности его работы[2199].

[2199] Оптимизация городского управления: доклад на Пятнадцатой сессии Международной Ассамблеи столиц и крупных городов (МАГ) в городе Ярославле (28–29 мая 2009 г., г. Ярославль). (URL:http://www.egorod.ru/documents/meropr/2008_12_03_ doklad_mag/2009/ optim_upravlenie.pdf (дата обращения: 16.01.2017).

Мнение, традиционно бытующее о Павле I, представляет императора невежественным и истеричным человеком, не способным из-за этого исполнять свои государственные обязанности. Между тем, разбирая процесс пересмотра городской сети, нельзя сказать, что государь «рубил с плеча». Так, при ликвидации городов ему удалось найти решение, способное сгладить возникавшие при этом противоречия. Дело в том, что в соответствии с нормами, выработанными в ходе реформ Екатерины II, городу были присущи два непременных качества. Первое – исполнение роли уездного центра с созданными для этого необходимыми структурами. Второе – присвоение местным жителям прав городского состояния. Лишение первого означало автоматическую ликвидация второго, так как население переставало быть городским. Потеря принадлежности к сословию купцов, мещан и цеховых была крайне болезненной, так как лишала вчерашних «граждан» ряда преимуществ. Правительство Павла I нашло следующий выход: поселение теряло право исполнять должность уездного центра и тем самым выбывало из разряда городов. Жителям предлагали или «переписаться» в государственные крестьяне, или сохранить прежнее свое состояние. Правда, в урезанном виде. Но это касалось вопросов самоуправления, и весьма важного главного для их жителей – прав на занятия ремеслом и торговлей. С точки зрения собственно городских признаков эти функции во второй половине XVIII в. воспринимались как важные, но, как мы видели, не играли определяющей роли для присвоения поселению статуса города.

В итоге складывалось парадоксальное положение: население, по сути, становилось посадом, но официально сохраняло урезанный городской статус. Именовались такие поселения официально как «безуездные, оставшиеся за штатом города»[2200]. В обиходе их также называли «нештатными»[2201],

[2200] Росписание губернским и уездным штатным городам ... Отд-ние II.
[2201] ГА КО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 82. Л. 2.

«заштатными»[2202] или «безуездными». Все эти названия использовались одновременно, объединяясь часто в единое наименование (например, «Расписание городам безуездным, оставшимся за штатом»)[2203]. Но на данном этапе принципиально важным было обозначение данной группы, как «безуездные». Не случайно именно это понятие стояло первым. Его приоритет обусловливался тем, что главной задачей правительства на тот период являлся как раз отказ от излишних уездов, их ликвидация. Поэтому именно безуездный город стал приметой времени правления Павла I.

Однако надо быть справедливыми – задача пересмотра городской сети была признана необходимой еще до Павла I, но не Екатериной II. Императрица на закате своего правления не горела желанием ломать что-либо из ранее ею установленного. Государыня руководствовалась при этом, по-видимому, неоднократно проявленной ею нелюбовью к излишне резким поворотам во внутренней политике. Инициатива корректировки принадлежала сановникам на местах, которые не раз поднимали вопрос о необходимости упорядочить вновь устроенную сеть городов. Так, еще в 1788 г. московский главнокомандующий П.Д. Еропкин обстоятельно охарактеризовал крайне недостаточный потенциал «новоучрежденного» Никитска как города, предлагал закрыть его и перенести центр уезда в село Пахрино[2204]. Правда, практически тут же получил высочайший отказ[2205].

В 1791 г. к тому же вопросу вернулся московский генерал-губернатор А.А. Прозоровский. В личном письме государыне он почти требовал от нее пересмотреть установленную систему административных центров с целью ликвидации несостоявшихся «новоучрежденных» городов и выдвижения им достойной замены. В своем рапорте сановник сообщал, что «Богородск, Подольск, Никитск и Воскресенск… никогда городами быть не могут. Переименованы из казенных селений и жители записавшиеся в посад не

[2202] Там же. Л. 1 об.
[2203] Росписание губернским и уездным штатным городам ... Отд-ние I–II.
[2204] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 578, ч. IV. Л. 68–69.
[2205] Там же. Л. 72.

имеют никакого промысла, кроме прежнего упражнения в хлебопашестве пользуясь земляными участками, поелику еще городам выгоны не утверждены. Другие же записавшиеся из выходцев все разбежались и где находятся неизвестно, как, не имея, ни промысла, ни состояния, ни к чему и не способны; да и надобности нет иметь нынешнее количество городов в рассуждении локального положения губернии и числа жителей оной»[2206].

В качестве решения проблемы сановник предлагал «оные города Богородск, Подольск, Никитск и Воскресенск уничтожить, а сделать городами Сергиевский посад и экономическое село Вохну; последнее вместо Богородска, ибо первой должен быть по дальнему между Дмитрова и Богородска расстоянию, и в нем есть довольное число для уездного города жителей в посад записавшихся, село же Вохна и теперь более город нежели село, как жители онаго, кроме только весьма малого числа в хлебопашестве упражняющееся, запустили участки своей пашни в сенокос, а производят торговлю и имеют шелковые фабрики, и в оном торги бывают не малые каждую неделю»[2207]. Кроме того, Прозоровский намеревался вернуть в состав Московской губернии «город Боровск с частию уездов Боровского и Тарусского»[2208] – поселений, исторически вписанных в состав ядра Московской земли.

Впрочем, и в этот раз Екатерина решительно пресекла рвение своего генерал-губернатора, написав в ответ: «Городам Московской губернии остаться по сделанному об них положению без всякой перемены»[2209]. Кроме того, характер действий Прозоровского отличался не только решимостью и искренностью, но порой и нетерпимостью ко многим вещам, с которыми он сталкивался. Преобразования были запущены не так давно, и требовалось время, чтобы понять, что из них еще заработает, а что потребует пересмотра.

[2206] Там же. Д. 582, ч. II. Л. 197.
[2207] Там же. Л. 198–198 об.
[2208] Там же. Л. 199 об.
[2209] Там же. Л. 219.

Впрочем, утверждать, что совсем ничего не делалось, тоже нельзя. Если мы посмотрим «Расписание городов» на 1796 г., составленное еще при жизни великой императрицы, то увидим в нем присутствие целого ряда городов, не имевших уездов, что противоречит пониманию характера города того времени. К ним относились Авача, Верхососенск, Гвазда и др., в том числе расположенный в Калужской губернии Воротынск[2210]. При формировании административных регионов Новороссийского края в 1780-х годах появился, в частности, «приписной город Бериславль», не имевший своего уезда и входивший в состав Екатеринославского наместничества[2211].

Таким образом, еще при жизни Екатерины II возникли первые заштатные города, получившие распространение в правление Павла I. Следовательно, преобразования этого императора нельзя именовать контрреформами.

У Павла Петровича были бесспорные заслуги в сфере административно-территориального устройства страны, порожденные его стремлением к систематизации и упорядочиванию доставшегося наследства, а также применением полученного к тому времени опыта. Не случайно целый ряд принятых им решений (например, порядок престолонаследия) отличался выверенностью позиций и просуществовал вплоть до уничтожения Российской империи в 1917 г.

Показательно, что перечень городов, выведенных из статуса уездных центров, совпадает с наиболее слабыми городами, выявленными в ходе сенатских ревизий. Это обусловлено тем, что при принятии решения о ликвидации Петербург всегда привлекал «данные с мест». Более того, ответственность за подбор «кандидатов на разжалование» была возложена целиком на глав регионов[2212]. При назначении кандидата на выбраковку учитывался ряд условий: число податных дворов; городской хозяйственный потенциал; степень развития за годы реформы инфраструктуры,

[2210] Расписание городов на 1796 год ... С. 96.
[2211] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18725. Л. 77–78.
[2212] РГИА. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 6. Л. 149.

необходимой городу для выполнения своих функций; качество исполнения возложенных на него функций.

Наглядный пример предоставления данных о городах, идущих под сокращение, дает один из ликвидированных уездных центров Московской губернии – город Никитск. Как мы видели, еще при жизни Екатерины II сразу несколько наместников указывали на полное несоответствие данного поселения городскому статусу. При Павле I в Петербург шли аналогичные просьбы. Так, 4 августа 1799 г. глава второго столичного края И.П. Салтыков сообщил в своем отчете, составленном после «обозрения» губернии, что у Никитска «по части полицейской относительно строения и исправности улиц» перспектива одна – «более упадать будет»[2213]. В рапорте 1800 г. гражданский губернатор Московской губернии был еще более категоричен: «Никитск ни по чему не заслуживает названия города и никакого даже не имеет к тому вида... Жителей его коих числится только 95 человек, торговли никакой не отправляют, да и не имеют к тому способа…»[2214]. Только после такой убийственной характеристики Никитск низвели до статуса безуездного города.

В итоге указом от 31 декабря 1796 г.[2215] в разряд безуездных городов в Калужской губернии перевели Лихвин, Малоярославец, Серпейск, в Московской – Богородск, Бронницы, Воскресенск, Никитск и Подольск, во Владимирской – Александров, Киржач, Ковров, Судогду, в Ярославской – Борисоглебск и Петровск[2216]. Рассматривался вопрос и о низведении в разряд «городов безуездных, оставшихся за штатом» двух поселений Владимирской губернии – Шуи и Юрьева-Польского[2217]. Такое решение, по-видимому, все же было принято, так как оно содержится в официальном перечне[2218]. Однако в связи со скорой смертью Павла I процесс разжалования не только

[2213] Там же.
[2214] Там же. Л. 48 об.
[2215] ПСЗ-I. Т. XXIV. № 17702. С. 259.
[2216] *Ден В.Э.* Население России по пятой ревизии. Подушная подать в XVIII веке и статистика населения в конце XVIII века. М., 1902. Т. I. С. 243–376.
[2217] Росписание губернским и уездным штатным городам ... Отд-ние II. С. 31.
[2218] *Ден В.Э.* Указ. соч. Т. I. С. 259.

застопорился, но даже отразился в документах в разных вариантах. Так, например, город Звенигород (который сохранил статус заштатного в связи с древностью свей истории) одно время числился посадом[2219]. Это даже вызывало у исследователя В.Э. Дена, «некоторое недоумение»[2220], но изначально Павел планировал все «отставленные» города перевести в это состояние.

Ликвидация числа «штатных» (т.е. административных) городов обусловливалась не только их недостаточным потенциалом, но и уменьшением числа уездов с целью оставить только те, которые справлялись с ролью административного центра и на момент пересмотра обладали другими признаками города (в частности, соответствие занятий населения городским сословиям). А также сокращением государственных расходов на управленческий аппарат. На последнее обстоятельство в своих официальных решениях указывал и сам император Павел I[2221]. Нельзя не признать и то, что Екатерина II явно превысила число городских поселений, способных приобрести достаточный хозяйственный вес, необходимый для уездного центра, который неизбежно становился региональным рынком своей округи. Вместе с тем проводимый императрицей процесс создания новых городов (и, как следствие, уездных присутствий) имел для нее важное политическое значение – позволял государыне обрести опору своей неустойчивой (по сути, незаконной власти) среди многочисленного слоя провинциальных дворян. В большинстве своем это были далеко не богатые люди. Вступая в местные уездные и губернские дворянские общества, они обретали особый статус и ощущение принадлежности к привилегированному сословию, а в многочисленных «новоучрежденных» присутственных местах, создававшихся при уездных и губернских центрах, – еще и работу с жалованьем, как для себя, так и для своих детей. Потеряв службу после ликвидации Павлом I присутствий в разжалованных городах,

[2219] *Ден В.Э.* Указ. соч. Т. I. С. 293.
[2220] Там же.
[2221] ПСЗ-II. Т. XLIV, ч. 2. № 19281. С. 356–358.

провинциальные дворяне оказывались не у дел, так как теряли и жалованье, и возможности «найти место»[2222]. Таковых только после упразднения четырех уездных центров во Владимирской губернии оказалось более 50 человек. Потеря дохода от службы для местных и приехавших «благородных» была весьма болезненна. Даже сам губернатор Владимирского края князь И.М. Долгоруков, ожидая отставки, почти с отчаянием отметил в личных записках: «При таком решительном гневе судьбы… оставить службу, но куда деваться? Где жить? Чем кормить семейство?.. Я не имел ничего. Я… питался жалованием и жениным имением»[2223].

Восстановление городов в первые годы правления Александра I: механизм, особенности и причины трансформаций, итоги

С приходом к власти нового императора Александра I началась ревизия наследия Павла I, что, по сути, было неизбежно. Предпринятый Павлом пересмотр наследия итогов реформ матери получил свое начало, но ни как не окончательное оформление. Из-за незавершенности его замыслов имела место даже путаница в статусе поселений.

Новый император поднял вопрос о восстановлении ликвидированных уездов и уездных городов. Обсуждение этой задачи велось на самом верху – Госсоветом в период с 25 апреля по 12 августа 1801 г. В итоге в январе 1802 г. были утверждены штаты 37 губерний. В их число вошли все административные единицы ядра Центральной России, кроме Московской губернии, по которой решение было принято чуть позже[2224].

Восстановление городов (как и их закрытие) производилось по личному ходатайству руководителей регионов, которые лучше видели

[2222] *Долгоруков И.М.* Указ. соч. Т. I. С. 614.
[2223] Там же. Т. 2. С. 173.
[2224] *Писарькова Л.Ф.* Государственное управление России в первой четверти XIX века ... С. 46.

положение дел в губерниях и могли оценить целесообразность трансформаций. Кроме того, на местных администраторов, как и при Павле I, ложилась личная ответственность за рациональность преобразований и их последствия[2225].

Пример этого дает деятельность Долгорукого, который руководил Владимирской губернией в первые годы XIX столетия. В своих записках он оставил обстоятельное описание данного процесса. Согласно им предшественник Долгорукого П.С. Рунич получил запрос из Петербурга с требованием дать оценку городским поселениям, которые необходимо было возродить в статусе городов – уездных центров. В ответ губернатор (по мнению Долгорукого) «из особливой преданности к благодетелю своему Павлу Первому, не желая отменять того, что им было сделано, ответствовал, что во Владимирской губернии достаточно тех десяти городов, кои ее составляют»[2226].

Сам Долгоруков, прибыв во Владимир в 1805 г. в ранге нового главы края, осмотрел губернию и восстановил (формально – подал в Петербург ходатайство) три из четырех упраздненных городов. По его мнению, Александров «заслуживал остаться городом в память тех событий, кои со времени царя Ивана Васильевича до самых поздних наших государей делали его известным в России», Ковров – благодаря своему местоположению и пристани на Клязьме, за счет которой делал «торговые выгоды жителям». Судогда, хотя «сама по себе… посрамляет даже звание города», считал Долгоруков, была необходима для восстановления прежнего уезда, который после ликвидации, «смешавшись с Муромским, Владимирским и Меленковским… увеличил число жителей в них», сделав тем самым невозможным качественное управление территориями[2227].

[2225] ГА КО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 82. Л. 4.
[2226] *Долгоруков И.М.* Указ. соч. Т. I. С. 613–614.
[2227] Там же. С. 614.

Инициатива губернатор была удовлетворена. Решением Сената от 24 мая 1803 г. Судогда, Александров и Ковров стали уездными городами. Киржач сохранил звание заштатного[2228].

Частичный пересмотр, который претерпела и Калужская губерния, происходил по той же схеме, но с некоторыми местными особенностями. 9 сентября 1801 г. «начальнику губернии» А.Л. Львову пришел личный императорский указ с предписанием рассмотреть положение дел и принять решение о необходимости восстановления статуса поселения. Текст был составлен таким образом, что становилось понятным: возобновление городского статуса происходило на основании решения самого сановника и не требовало никаких согласований[2229].

Прежде чем принять решение, хозяин края обратился за справкой к гражданскому губернатору, а тот шел к главе городской Ратуши, где давали оценку состояния города и степени необходимости восстановления за ним уезда и полного городского статуса. Этот запрос проверялся местным городничим, высказывавшим свое видение того, насколько поселение сильно в хозяйственном отношении и способно выполнять городские функции.

Таким порядком в декабре 1802 – январе 1803 г. в губернии разбирался вопрос о Серпейске. На момент потери им статуса уездного центра городское поселение имело 3 церкви (в том числе 2 каменных!), 270 домов обывателей и 480 душ мужского населения, всего 970 человек обоего пола. До отмены «большая часть жители уезда» стекалась в город «как для продажи своих продуктов, так и закупки необходимо-нужных для самих их жизненных и других разных припасов, составляя не малые торги», что давало им возможность «приобретать» достаточные доходы и вести «платеж государственных податей»[2230].

Отмена городского статуса автоматически влекла перенос уездного рынка в новый уездный центр, куда и переместилась торговая активность.

[2228] ПСЗ-I. Т. XLIV, ч. 2. № 20774. С. 21.
[2229] ГА КО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 82. Л. 1об.
[2230] Там же. Л. 1–1 об.

После отставки Серпейска жители уезда «обратились в те города, к которым приписаны, чрез что в Серпейске бывшая торги сделались весьма мало значащимися, а торговая купеческая, коммерция и постои в домах почти вовсе пресеклись, от чего купечество и мещанство видев в капиталах своих умножающееся по времени упадок, а из последних некоторые дошед и до изнеможения к своему содержанию»[2231]. При этом еще и утратив положение жителей уездного центра, местные купцы стремительно разорялись[2232].

Опираясь на отчет городничего, губернатор отказал в восстановлении полноценного статуса города. Его Ратуша, и, по-видимому, наиболее значимый представитель деловых кругов города купец Сомов просили рассмотреть их просьбу о возвращении Серпейску статуса уездного города. В ответ на это на рубеже 1802–1803 гг. калужский гражданский губернатор А.Л. Львов оповестил жителей, что «сделать преставление за высочайшей конфирмацией не имеет смелости»[2233]. В результате поселение осталось в прежнем статусе.

Итогом аналогичного разбирательства стал созданный по «Высочайше утвержденному докладу» сенатский указ от 24 апреля 1802 г. Согласно ему предписывалось «восстановить состоящие за штатом города» Малоярославец, Лихвин «и приписать к ним уезды»[2234]. В связи с данным решением в поселениях повторно учреждались присутственные места с чиновниками. На их содержание надлежало отпустить сумму, «каковая по примерным штатам назначена»[2235].

Работа над городской сетью Московской губернии закончилась восстановлением трех из пяти ранее ликвидированных уездов. Полноценными городами стали Бронницы, Богородск и Подольск[2236]. В документе ничего не сказано о Воскресенске, но согласно архиву Сената он

[2231] Там же. Л. 1.
[2232] Там же. Л. 3.
[2233] Там же Л. 4.
[2234] ПСЗ-I. Т. XXVII. № 20245. С. 124.
[2235] Там же.
[2236] Там же. С. 45.

остался в положении заштатного города[2237] в составе Звенигородского уезда. Бывший до того в таком же статусе Никитск вскоре «по бедности обитателей его, дабы более еще не обременять их содержанием ратуши и прочих повинностей» «разжаловали» в казенное село, вернув ему прежнее имя Колычево. Купцам и мещанам позволили переселиться в другие города. Выбор Никитская как кандидата на разжалование был принят (как и предписывалось «свыше») на основании решения сугубо местных руководителей, берущих на себя ответственность за данное решение. Возможна ли была альтернатива данном выбору? Не был ли он субъективен? Вполне вероятно, но формат, в котором принималось решение, не оставляло оснований для обжалования.

Показательно, что какое-то время действовало принятое решение «разжаловать» в посад уездный город Звенигород, а на его место поставить Воскресенск, повысив его «со звания заштатного, до уездного»[2238]. План этот был вполне оправдан. Изначально при учреждении «малой» Московской губернии маленький Звенигород не рассматривали как город, способный руководить одной из больших частей губернии. Его выдвижение на эту роль стало вынужденной необходимостью вследствие острой нехватки поселений, претендующих на роль уездных центров. Однако «рокировка» Звенигорода на Воскресенск не состоялась. Причину этого, видимо, надо искать опять же в понимании характера города того времени. Воскресенск был только что обращенным в город подмонастырским селом. Звенигород же имел древнюю и славную историю. Чиновники, как говорили тогда, поступили «во уважение» былых заслуг «некогда бывшей» удельной столицы и оставили его в прежнем качестве.

Итоги сокращения Павлом I числа городов в Ярославской губернии оказались весьма удачны. Борисоглебск и Петровск, «отставленные» до ранга

[2237] *Ден В.Э.* Указ. соч. Т. I. С. 293.
[2238] Там же. С. 293.

безуездных, сохранились в этом качестве, что указывает на достижение в крае оптимального числа центров, необходимых для управления им.

Таким образом, на рубеже XVIII–XIX вв. городская сеть центральных губерний страны претерпела значительную трансформацию.

На этом процесс развития городской сети (и приобретения ею соответствующих качеств и признаков) не остановился. В ходе него возникали поселения, выросшие в первую очередь из посадов, которые претендовали на роль признанного полноценного города, но не могли стать таковым ввиду трактовки этого понятия, сформировавшегося в предыдущую эпоху и отчасти использованную Екатериной II, а именно: неотторжимости города от уезда. При этом система уездов (и, следовательно, число уездных городов) оставались постоянными. А в связи с устоявшейся административной структурой в новых уездах и уездных центрах государство просто не нуждалось. Тем более что это требовало дополнительных затрат на содержание административных органов. В итоге на протяжении всего XIX в. число возникших городов было ничтожным. Однако они все-таки появлялись. Для решения этой проблемы власти пошли по старому пути, но на новых основах: поселение объявлялось городом, его жители получали права «городовых обывателей», но уезд не формировался. Для обозначения такого статуса новые города именовали «заштатными».

Заштатные города XIX столетия, появившиеся после восстановления сети городов при Александре I, по сути, мало чем отличались от безуездных – при Павле I. Основное отличие сводилось к тому, что они возникали в разных исторических периодах и при различных обстоятельствах. Однако важная, принципиальная разница все же была. На рубеже XVIII–XIX вв. работали в первую очередь принцип, когда город рассматривался без отрыва от его уезда. Поселение, не имевшее такового, в полной мере городом считаться тогда не могло. Наименование «безуездный» выступало признаком определенной неполноценности. Сохранение за ним имени города

представляло собой компромисс власти и местных жителей с целью недопущения социального недовольства.

Пересмотр итогов реформы города Екатерины II не стал губительным для наследия императрицы. Чуть более чем через 10 лет после смерти Павла I, территории исторического центра России, испытали на себе военный удар невиданной прежде силы, последствия которого могли без преувеличения оказаться катастрофическими. Одним из главных целей неприятеля стало, в том числе, целенаправленное уничтожение городской инфраструктуры, которую с таким трудом выпестовала Екатерина II.

* * *

Происходившее в правление Павла I «разжалование» городов и вывод некоторых из них за пределы административной иерархии осуществлялось не как отрицание новым императором политики и наследия матери, а исходя из назревшей и осознанной необходимости. В первую очередь стати ясны сильные и слабые стороны достигнутых преобразований. В ходе развития края выявились поселения, которые по разным причинам не могли нести на селе функции административного центра.

Решение по ним было принято не сразу. Первоначально планировалось перевести в разряд посадов или государственных сел, с соответствующим изменением сословного статуса жителей. Это не могло удовлетворить последних. На смену пришло другое решение – введение категории «заштатных безуездных городов», которые (не смотря на слово город) к городам в понимании того времени не относились. Их жители сохраняли права на отношение к городским сословиям. Таким образом, достигался социальный компромисс. Введение данной категории уже само по себе свидетельствует, во-первых, о стремлении властей найти мягкие формы разрешения намечающегося конфликта интересов – государства и части

населения страны, и, во-вторых, политика Павла I не может быть рассмотрена как проявление самодурства, столь часто и не всегда справедливо приписываемого этом императору.

Более того, как показало время, «отставки» городов, произведенные в годы правления Павла I, были признаны приемлемыми уже в преследующее правление.

Новый император Александр I (не смотря на провозглашенную позицию о возвращении к наследию «бабушки») не желал лично принимать решения в вопросе решения судьбы заштатных городов. Этот вопрос был целиком переложен им на плечи местных администраторов, которые решали его исходя из собственных представлений и оценок. В итоге часть поселений сохранило половинчатый статус, а часть вернула себе звание города.

На этом завершился процесс формирования городской административной сети коренных губерний России. Он просуществовал с незначительными изменениями вплоть до гибели страны в период революционных потрясений, после который на первый план вышли другие критерии оценки характера и роли города.

Глава 7.
Типология городов и городских поселений, установившаяся на рубеже XVIII–XIX вв. Старое и новое

Главные изменения характера русского города и городской сети, произошедшие в правление Екатерины II

Вторая половина XVIII – начало XIX в., бесспорно, порубежный период в истории русского города – именно тогда он обрел форму и содержание, в контексте которых существует и по сей день. Однако еще в первой половине XVIII столетия понятие «город» трактовалось преимущественно в значении крепости. Именно этот критерий выступал основным при оценке самого понятия город в официально-государственном и повседневно-бытовом контекстах. Важно отметить, что крепостная функция, как определяющая характер города, предусматривала не только наличие стен и башен, но и организацию жизни поселения: состав жителей, систему управления, внутреннюю поселенческую структуру и т.д.

В середине XVIII в. активно менялся характер поселенческой системы. Само время требовало от властей разобраться в их городском хозяйстве. Доказательством наличия на данном историческом этапе кризиса представлений о городе и осознания необходимости переустройства и унификации городской системы являются слова «Наказа», составленного самой Екатериной II: «Нужно иметь одинаковый закон, который бы определил, что есть город»[2239].

Итогом реформы города Екатерины II стало утверждение за городами нового качества. Преобразования были направлены на развитие двух функций города, которые до сих пор остаются центральными: город как

[2239] Екатерина II. О величии России. С. 127.

административный центр и город как хозяйственный центр. Третья черта городского поселения, оценивающаяся сегодня как важнейшее качество и признак города – его полифункциональность. Но и она, по сути, стала развитием административных и хозяйственных качеств города. Каждая из них сформировала свой набор типов городов. Хозяйственные функции города и типология требуют особого исследования и в данной работе специально не рассмотрены.

В ходе административной реформы и реформы города Екатерины II определился набор городов и близких к ним городских поселений, сформировавший городскую сеть Российской империи, просуществовавшую вплоть до ее гибели. Кроме того, произошло осмысление новых критериев и задач городского развития. Полученная в итоге схема с первого взгляда была несколько запутана. Впрочем, эта нелогичность существует только для нас, жителей другой исторической реальности, оценивающих город со своих позиций. Для россиян начала XIX столетия она была естественна и понятна.

Для уяснения структуры и характера сети городов и городских поселений необходимо учесть несколько формирующих их факторов, являвшихся неотъемлемой частью того исторического времени.

Первый фактор – *административный характер города.* Города несли на себе роль административных центров, т.е. исполняли функцию территориального управления, находясь фактически на государственной службе. Поселения разного уровня присутствовали (как и служащие в учреждениях) на разных ступенях собственной «Табели о рангах». Обязанности различных уровней были определены. Как и у чиновников, у городов имелся свой набор статусных признаков. Не случайно присуждение в ходе реформ Екатерины II тому или иному поселению статуса города несло за собой перечень «непременных» строений – порой излишних, но всегда подчеркивающих статус поселения как места пребывания власти. Исключительная значимость городского состояния подчеркивалась, в том

числе, учреждением у каждого города собственного герба[2240]. Характерно, что даже посадам, часто не уступавшим городам ни в размере территории, ни в числе жителей, ни в характере и масштабе хозяйственной деятельности, в ходе реформы второй половины XVIII в. гербов не присваивали. Если у какого-то из негородских поселений в начале XX в. значился герб, то это являлось, как правило, отголоском наличия у него некогда статуса города, который по каким-то причинам был отнят, и поселение перешло в разряд посадов, местечек или сел. Так, например, герб сохранялся у села Колычева[2241], в прошлом «разжалованного» из города Никитска[2242]. Причина такой иерархичности заключалось в том, что только города имели отношение к административно-территориальной службе и вследствие этого наделялись правом получения статуса города, а значит, и герба.

Второй фактор – *сословный характер городского населения.* При получении статуса города всё его постоянное податное население приписывалось к городским сословиям: купечеству, мещанству и цеховым, наделенным правами городского состояния. Кроме того, городские обыватели формировали городскую общину, которая имела право на создание органов городского самоуправления. Можно спорить о степени их эффективности и независимости от коронных властей (на практике присутствовали разные варианты таких взаимоотношений)[2243], но город обязан был иметь городское население и городское самоуправление. Поселение, назначенное городом, могло и не вести активную хозяйственную жизнь, а его население лишь формально значилось городскими жителями. Однако даже при утрате статуса уездного города и низведении поселения до посада или «заштатного безуездного города» бывшие городские жители (еще

[2240] *Соболева Н.А.* Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. М., 1981. С. 96, 98.

[2241] *Винклер П.П.* Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи, внесенных в полное собрание законов с 1649 по 1900 год. СПб., 1899. С. 204–213.

[2242] Там же. С. 210.

[2243] *Середа Н.В.* Указ. соч. С. 297–314.

недавно крестьяне) сохраняли имя и права городовых обывателей, хотя и в урезанном виде[2244].

Что характерно, все города находились по отношению друг к другу в жесткой иерархии, которая порождала определенный набор внешних признаков и проявлений. В эту группу поселений входили города: столичные, до определенного времени центры генерал-губернаторств, губернские и уездные.

До проведения Екатериной II унификации сети городов в ее составе присутствовали даже села, но только те, что играли роль центров своих уездов. Например, село Пертовка[2245] (Пертом)[2246], официально являвшееся административным центром Пошехонского уезда. Позже на его основе будет учрежден уездный город Пошехонье. Возможно это исключение, но оно достаточно показательное – демонстрирующее незавершенность системы территориального управления и необходимость реформ.

Весьма важно, что в процессе реформы все без исключения города (при крайне разной их «весовой категории») являлись уездными. Данное обстоятельство можно объяснить острой нехваткой городских поселений при проведении административной реформы. Однако имел место и исторический фактор – в России на разных этапах ее многовековой истории город и приданная ему территория были нерасторжимо связаны. Город не существовал без своего уезда. Парадокс этот вызван, как мы полагаем, процессом колонизации страны: сначала приходила власть, которая устанавливала здесь свой опорный пункт. Им то и был город. Потом с опорой на него начиналось развитие края. Согласно С.М. Каштанову, который проанализировал грамоты рязанских князей, понятие «уезд» как

[2244] ПСЗ-I. Т. XXIV. № 18194. С. 763.
[2245] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012, ч. I. Л. 10 об.
[2246] *Кирилов И.К.* Указ. соч. С. 99.

территориальная структура, существовавшая «вокруг крупных городских центров», начало формироваться не позднее конца XIV в.[2247]

Дополнительным доказательством особого значения уезда для города является провал попытки Петра I устранить уезды с карты России, введя вместо них дистрикты. Но уезды были восстановлены буквально сразу же после смерти этого, во многих других вопросах крайне успешного реформатора.

Развитие данного принципа породило парадоксальные для нашего понимания городские поселения – группу безуездных и заштатных городов. Лишенные основополагающего для городской административной сети качества – собственного уезда – они не могли считаться городами. Но власти не стали лишать местных жителей привилегированного статуса городских сословий (второй обязательный признак города). Это был своеобразный компромисс. В итоге поселения именовались городами (точнее заштатными городами), но к городам (будучи лишенными уезда) официально не относились. Поэтому, исходя из норм того времени, уместнее именовать их не городами, а городскими поселениями.

Третий важнейший фактор, без которого невозможно понять город и систему городских поселений страны в том виде, в каком они оформились к началу XIX столетия, – это необходимость учета пограничного характера данного периода в истории русского города. Для рубежа XVIII–XIX вв. характерно одновременное существование разных типов городских поселений, в том числе новых и архаичных, порожденных различными традициями, как региональными, так и историческими.

Реформы Екатерины II закрепили критерии города и упорядочили структуру городской сети, но не уничтожили поселенческие формы, пришедшие из прошлого и, по сути, уже изживавшие себя. Старое и новое функционировало параллельно, но было взаимосвязано. Одним из итогов

[2247] *Каштанов С.М.* Из истории русского средневекового источника (акты X–XVI вв.). М., 1996. С. 105.

этого было наличие близких (дублетных) структур, таких, как безуездный город и посад, посад и слобода, посад и местечко.

Городская административная структура, установившаяся на территории рассмотренных губерний, не являлась исчерпывающей для всей империи. В рамках нее была заметна многохарактерность поселений, относившихся, так или иначе, к городским. В первую очередь это относилось к окраинам страны. Так там, помимо русских, присутствовали еще и собственные территориальные и национальные формы (остроги, местечки, частные города, мызы)[2248]. Например, город Нарва на тот момент имел свой уезд, но не входил в состав никакой губернии[2249].

Причины одновременного бытования старых и новых форм имеют несколько объяснений. К примеру, незавершенность реформы города, продолжение которой (в менее масштабных формах) наблюдается и далее. Кроме того, Екатерина II практиковала консервативный подход – типичный для реформаторской деятельности императрицы и ее сановников. Его основой стал отказ от резких крутых поворотов и решений. «Действовать нужно не спеша, с осторожностью и с рассудком», – считала великая императрица[2250]. Вследствие этого новые формы не уничтожали старые, которые сохранялись и должны были со временем постепенно вытесниться нововведениями. Даже резкий в своих действиях Павел I, «закрывавший» многие «новоучрежденные» при его матери города, отказался от идеи перевести их в разряд посадов, а оставил именно городами, хотя и безуездными.

Весьма показательно для того времени, что официальный статус города осознанно сохраняли за поселениями, по праву их прежних заслуг и роли в истории страны, хотя те уже давно утратили свой городской потенциал. Таким образом, они не только имели право именоваться городами по происхождению, но и сохраняли для своих «граждан» права «городского

[2248] ПСЗ-I. Т. XXII. № 15997. С. 150.
[2249] Там же. XXIV. № 17827. С. 349.
[2250] *Рахматуллин М.А.* Императрица Екатерина Вторая // Наука и жизнь. 2003. № 4. С. 87.

состояния». Так, находившийся во Владимирской губернии Александров «вернул» себе уезд и звание города только на основании того, что он, согласно мнению губернатора, «заслуживал остаться городом в память тех событий, кои со времени царя Ивана Васильевича до самых поздних наших государей делали его известным в России»[2251]. В официальном «Расписании городов…» за 1796 г. имелась особая категория: «Города, уездов не имеющие, но ревностию своею или укреплением, или по каким-нибудь другим обстоятельствам достопамятны»[2252].

Известны случаи, когда представители подобного поселения отстаивали за ним звание города даже через высшие органы власти. Пример этого дает жалоба жителей рязанского посада Скопин (позже одноименного города), отправленная в Сенат накануне созыва екатерининской Уложенной комиссии. Для заседания в нем местное купечество по примеру других городов избрало своего депутата, но Герольдмейстерская контора отказала ему в соответствующих полномочиях, на основании того, что «Скопин не город, но волость, и состоит в ведомстве дворцовой конюшенной канцелярии». Купечество обжаловало данное решение в Сенате, приведя следующие аргументы своего городского статуса: «Означенный город Скопин издревле написан был острожком, а не селом, или какою слободою и по городовому обряду имел соборную и приходские церкви, так же приписанный к нему уезд и несколько сел и деревень». Затем купцы указали, что их поселение имело воеводское управление, Магистрат, и хотя в то время у власти в Скопине стоял лишь управитель, назначаемый из штаб-офицеров, «однако и до днесь оный Скопин в городовом списку значится городом и имеет до ныне земляной вал, по которому сделан был острог дубовый, по острогу обламы и башни и снабжен веленным снарядом и пушками, и ядрами с немалыми числом пороха и других принадлежностей»[2253]. Кроме того,

---

[2251] *Долгоруков И.М.* Указ. соч. Т. 1. С. 614.

[2252] Расписание городов на 1796 год ... С. 96.

[2253] *Илизаров С.С.* Становление урбанистики в России: из истории научной мысли XVIII столетия. М., 2004. С. 27.

обиженные «граждане» упирали на фактор «древности» родного поселения. Как видим, в своем «отношении» они изложили практически весь набор признаков городского статуса, принятых в то время.

Разновидностью исторических городов были так называемые городки (поселения, являвшиеся некогда городами, имевшие укрепления и слободы, населенные представителями городских сословий). Так, в «Борисове-городе» к началу XIX в. их было три. Однако по факту отнесенные к категории городков древние города уже оказывались не способными выполнять городские функции (городскую службу), чем и была вызвана уничижительная трансформация имени «город» в «городок». Подчеркивалось также, что поселение уже не соответствовало роли города, несмотря на наличие при нем одного из его признаков – ненужной уже к тому времени крепости («замка»).

В поселенческой сети страны присутствовали неофициальные, но «фактические города» (терминология начала XX в). Их признавали и современники реформ Екатерины II, и статистики первой половины XIX столетия. Хотя именовались эти города по-разному (экономические села, купеческие слободы и даже «замечательные села»)[2254], но имелось в виду одно и то же: «людность», торгово-ремесленный характер, а также нередко городская среда и образ жизни. Весьма показательно, что уже в последние десятилетия XVIII в. такие поселения в нарушение всех официальных норм нередко назывались даже… «городами». Очевидно, что тем самым отдавалось должное не их статусу (что было абсолютно невозможно), а мощному хозяйственному потенциалу.

Часто даже сановники в государственных документах «без оглядки на правила» фиксировали «городами» поселения, которые не имели такового имени и звания официально, но соответствовавшие городскому облику. Так, в отчете главнокомандующего Москвы Я.А. Брюса о проведенной им

[2254] Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1852. Т. 6, ч. 2: Владимирская губерния. С. 298.

инспекционной поездке по Московской губернии, завершившейся 1 сентября 1785 г.[2255], посад Троице-Сергиевого монастыря дважды именуется городом. А генерал-губернатор З.Г. Чернышев адресует то же понятие уже к селу (!) Покровскому[2256] (Рубцово-Покровскому), которое выступало важнейшим центром ткацкого производства губернии. Впрочем, этот вопрос находится не в административной, а в экономической плоскости, поэтому требует отдельного рассмотрения.

В связи с вышесказанным выстраивается иерархическая цепочка городских типов, функционировавших в составе единой городской сети.

Первый – официальные города, в том числе штатные (с полным набором городских признаков): столичные, центры генерал-губернаторств – их столицы, уездные, и даже села (государственные, экономические) – официальные центры уездов.

Второй – безуездные или сверхштатные города, т.е. поселения, имевшие статус города, но лишенные главного его качества – собственного уезда, а также некоторых атрибутов местного самоуправления.

Третий – посады – поселения, которые не могли оцениваться как города или называться таковыми, но были населены именно посадскими людьми с торгово-ремесленным характером деятельности (посады). В данной системе они были призваны вбирать в себя торгово-ремесленное население начинавших активное развитие сел и слобод, которые официально преобразовывались именно в посады, а не в города. Недооценка в то время посадов вызвана двумя причинами. Первая объясняется наличием имевшегося критерия: город – это непременно центр уезда. Вторая – отсутствием признания критерия города за торгово-ремесленной деятельностью и «людностью», который в наши дни доминирует.

Четвертый – поселения, не являвшиеся городами, но имевшие к ним формальное отношение: исторические города, городки и иные

[2255] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 576. Л. 150–152 об.
[2256] Там же. Д. 575, ч. I. Л. 37–37 об.

функционирующие на тот момент типы (крепость, острог, заводские слободки и проч.).

Пятый – поселения, называемые городами неофициально. Причем имели место случаи, когда они именовались городами даже в делопроизводственных документах, хотя и никогда не имели городского статуса. В эту группу можно отнести некоторые наиболее значимые торговые села, слободы («торговые», «купеческие»[2257]), которые не являлись даже посадами, но с течением времени могли быть преобразованы именно в них. Вместе с тем бытовал и такой вариант, как «торговые подмонастырские села и слободы», которые часто подавались совместно в связи с их хозяйственным единством и функционированием. В документах середины XIX в. разные представители данной группы именуются и в более широком значении – «замечательные села».

Рассмотрим подробнее типы городских поселений, функционировавших как официальные части городской сети страны на рубеже XVIII–XIX вв.

«Столичный город» Москва

«Столичный город Москва» официально являлась одной из двух столиц страны, или, как их именовали тогда, – «столичных городов» Российской империи[2258]. Во всех отчетах, направлявшихся из Москвы в Петербург[2259] и обратно, она неизменно фигурирует под именем «Столичный Город москва». Причем часто именно в таком написании, которое подчеркивал ее официальный статус и как города, и как «столицы». Подача имени со строчной буквы (низведение его до уровня второстепенного прилагательного) было обусловлено незначительным положением

[2257] *Герман К.Ф.* Указ. соч. С. 18.
[2258] ПСЗ-I. Т. XXVIII. № 21131. С. 22.
[2259] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 575, ч. II. Л. 158.

собственного обозначения по сравнению с официальным статусом и служебной ролью.

Обозначение Москвы «второй столицей» в XVIII–XIX вв. историки, как правило, трактуют в значении почетного обозначения, обусловленного исключительно уважением ее исторической судьбы (формирование государственности, духовный центр, «порфироносная вдова», «столица отставников»)[2260]. Данные утверждения справедливы, но они не исчерпывают всей полноты вопроса: Первопрестольная именовалась «столицей», так как... являлась таковой в действительности.

Москва имела вполне конкретный набор столичных функций, которые город честно исполнял. Выражаясь языком делопроизводства того времени, Москву «назначили служить» столицей так же, как Рязань или Тверь обязали выполнять роли губернских центров. В связи с этим Первопрестольная имела соответствующий круг обязанностей. Занимая высокое место в служебно-административной иерархии, она обладала привилегированным положением. «Во уважение как здешней столицы», – писал главнокомандующий города З.Г. Чернышев канцлеру А.А. Безбородко[2261]. А также Москва подчеркивала свою службу и ранг заметными внешними статусными признаками.

Как столица, Москва несла на себе исполнение общегосударственных административных функций. В Первопрестольной и после превращения Петербурга в главную, «северную» столицу империи по-прежнему функционировали канцелярии центральных имперских учреждений (коллегий, Синода и др.). Если в 1726 г. их насчитывалось 6, то в 1742 г. уже 13[2262]. И это не считая дворцовых учреждений[2263]. Кроме того Москва была местом коронации, что также можно отнести к исполнению столичных функций.

[2260] *Эймонтова Р.Г.* «Город чудный, город древний…» // История Москвы с древнейших времен до наших дней: в 3 т. М., 1997. Т. 2. Гл. I. С. 6; *Бокова В.М.* Повседневная жизнь Москвы в XIX веке. 2-е изд., испр. М., 2010. С. 25; и др.

[2261] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 575, ч. II. Л. 154 об.

[2262] *Писарькова Л.Ф.* Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века ... С. 296.

[2263] Там же. С. 296–297.

В 1726 г. в городе работала Коллегия экономии, ведавшая церковно-монастырскими владениями и крестьянами, с 1742 г. – Вотчинная коллегия. Помимо них в городе имелись собственные подразделения, не уступавшие по масштабам функций общегосударственным. Так, была открыта контора Сената, с 1732 г. – контора Канцелярии тайных розыскных дел. После ее упразднения в «старой» столице заработала московская контора Тайной экспедиции Сената, ничем не отличавшаяся от предшествовавшего ей карательного органа[2264].

До ликвидации Екатериной II коллегиальных органов управления в 1770–1780-х годах в Первопрестольной продолжали действовать органы Камер-коллегия, Мануфактур-коллегия, Ревизион-коллегия, Юстиц-коллегия. Впрочем, уже в 1796 г. Павел I восстановил их «на прежнем основании»[2265]. Показательно, что после упразднения в 1787 г. работавшей в Москве Ревизион-коллегии в городе остались «вновь учрежденные» Ревизионный департамент и архив[2266]. Штатное расписание обеих новых общегосударственных структур разрабатывалось не в Петербурге, а на месте – в Москве ее главнокомандующим.

Когда в 1763 г. произошла реформа Сената, разделенного на шесть департаментов, Московскую сенатскую контору упразднили. Однако в городе были определены сразу два департамента сената (общегосударственного органа) – 5-й (вместо упраздненной канторы) и 6-й (ведавший вопросами апелляционного суда)[2267]. В 1805 г. в Первопрестольной открылся еще один департамент Сената – 8-й[2268].

Главнокомандующий Москвы резко выделялся среди прочих региональных руководителей. Показательно, что он занимал высшую

[2264] *Ковальчук А.В.* Вторая столица империи («порфироносная вдова») // История Москвы с древнейших времен до наших дней: в 3 т. М., 1997. Т. 1. Гл. VIII, §. 3. С. 298.

[2265] Там же. С. 298.

[2266] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 578, ч. IV. Л. 57.

[2267] *Ковальчук А.В.* Указ. соч. С. 298.

[2268] ПСЗ-I. Т. XXVIII. № 21791. С. 1080.

ступеньку в служебной иерархии вместе со своим петербургским «коллегой», а также являлся членом Сената[2269].

В XIX в. должность главнокомандующего была отменена. Ведущая свое начало от личных представителей Екатерины II в регионе (генерал-губернаторов), в практике последующего времени она не прижилась. Генерал-губернаторы большей части XIX столетия не имели никакого отношения к замыслам административных преобразований великой императрицы[2270]. Однако показательно, что в середине XIX в. в Москве в знак столичного статуса была специально сохранена должность генерал-губернатора, в то время как ее утратили иные административные центры. «Присутствие в первопрестольном городе представителя власти, окруженного особым почетом и блеском, сообразно со значением Москвы как второй столицы», – писал историк А.Д. Градовский во второй половине XIX в.[2271]

В наставлении Московскому и Петербургскому губернаторам (1765 г., 12 апреля) Екатерина II особо подчеркивала, что Москва и Петербург возглавляют две губернии, принципиально отличавшиеся от других аналогичных административных образований в связи с «разностью положений». Это отличие заключалось в том, что оба города официально являлись столичными городами, так как обладали целом рядом присущих только им функций.

Так, исключительно они имели на своей территории «все вышние над собою правительства». Это позволяло главам обоих городов быть в курсе всех дел и тем самым оказывать помощь императрице[2272]. Особый статус столичного города сам по себе возводил его руководителя в ранг, дававший право управлять другими городами и территориями. Поэтому государыня

[2269] *Ковальчук А.В.* Указ. соч. С. 300.

[2270] *Писарькова Л.Ф.* Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века … С. 405.

[2271] *Градовский А.Д.* Исторический очерк учреждения генерал-губернаторств в России // Собрание сочинений А.Д. Градовского. СПб., 1899. Т. 1. С. 328.

[2272] ПСЗ-I. Т. XVII. № 12306. С. 6.

особо подчеркивала, что главы столиц не имеют прав на управление «другим от Резиденции [Императора] удаленным» органом власти[2273].

Тишину и порядок в столицах устанавливал общеимперский полицейский орган во главе с генерал-полицмейстером[2274], что было куда выше полицмейстера в губернии и рядового городничего или коменданта в городах, что также являлось приметой особого столичного статуса Москвы. Показательно, что по отдельным важным вопросам инструкции составились сразу для обеих столиц, без их разделения[2275].

Важным качественным признаком столичного города (одновременно его функцией и почетной обязанностью) выступало наличие здесь постоянной резиденции императора[2276]. Таких городов в России было только два. «Будучи в Резиденциях Наших», – неоднократно писала Екатерина II[2277], подразумевая под этим не конкретное сооружение, а один из двух городов. Принцип взаимообусловленности функций столицы и резиденции императора она тоже не раз подчеркивала в своем «Наставлении московскому и санкт-петербургскому губернаторам»[2278].

В конце 1770-х – начале 1780-х годов в категории «Домы Ея Императорского Величества» на территории Москвы значились четыре структуры[2279], в ее пригородах (Немецкая слобода, Семеновская слобода и др.) – шесть[2280], а на «подгородных землях» (села Алексеевское, Измайлово, Воробьево и т.д.) – всего семь[2281]. Ничего подобного мы не встретим ни в одном другом городе империи, за исключением, естественно, Петербурга.

Выполнение столичных функций предусматривало и иной масштаб местных учреждений различного профиля. В частности в Москве был

[2273] Там же.
[2274] Там же.
[2275] Там же. Т. XXVIII. № 21658. С. 892.
[2276] *Рабинович М.Г.* Город и городской образ жизни // Очерки русской культуры XVIII века. М., 1990. Ч. 4. С. 266.
[2277] Там же. С. 6.
[2278] ПСЗ-I. Т. XVII. С. 6, 7.
[2279] РГАДА. Ф. 1355. Оп. 2. Д. 120. Л. 2 об.
[2280] Там же. Л. 9 об.
[2281] Там же. Л. 11.

«устроен» почтамт, который создавали не только из-за насущной необходимости, но и в связи с соответствием столичному статусу: «а для помещения здешнего почтамта, во уважение как здешней столицы»[2282].

Как и в Петербурге, обязательной частью государственной жизни столичной Москвы были военные торжественные салюты, которые проводили армейские батареи, входившими в состав ее гарнизона. Приказ о проведении праздника в честь побед и салюта отдавал генерал-губернатор.

В правление Екатерины II, прославившееся многочисленными военными победами, Москва салютовала неоднократно. 2 июля 1788 г. орудийный огонь прогремел в ознаменование виктории Черноморского флота[2283]. 16 июля древняя столица салютовала русским победителям уже над шведскими военно-морскими силами и по случаю пленения «их вице-адмирала с кораблем»[2284].

20 декабря были даны залпы в честь взятия Очакова Г.А. Потемкиным-Таврическим[2285]. 10 мая 1789 г. славили следующую победу над турками, 22 августа – одновременно над «турецким корпусом и шведским флотом»[2286]. 1 октября был дан выстрел в честь очередных побед над османами[2287], 21 октября – по случаю капитуляции союзникам – австрийцам «состоящего на устье реки Днестра Белгорода»[2288], 22 ноября – взятия крепости Бендер[2289], 9 мая и 5 июля 1790 г. – побед русского флота в войне со Швецией[2290]. В августе того же года пальбой пушек Москва отметила заключение мира со своим северным соседом[2291], 21 сентября – новую победу русского флота на Черном море[2292]. 4 января 1791 г. артиллерия Первопрестольной славила

[2282] Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 575, ч. II. Л. 154 об.; ПСЗ-I. Т. XLIV, ч. 2. № 18938. С. 328–329.
[2283] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 578, ч. IV. Л. 123 об.
[2284] Там же. Л. 130–130 об.
[2285] Там же. Ч. III. Л. 147.
[2286] Там же. Ч. V. Л. 62.
[2287] Там же. Л. 79.
[2288] Там же. Л. 87.
[2289] Там же. Л. 97.
[2290] Там же. Д. 582, ч. I. Л. 74.
[2291] Там же. Л. 84–84 об.
[2292] Там же. Л. 88.

военный гений А.В. Суворова, покорившего неприступную до того крепость Измаил[2293].

Примечательно, что помимо военных поводов, салютовали и в честь здоровья лиц императорской фамилии. В частности 11 ноября 1789 г. пушки Московского Кремля давали залпы «за освобождение от оспы Ея Высочества великой княжны Марии Павловны»[2294]. Это позволяет провести аналогию между двумя городами как двумя столицами, так как артиллерия Петропавловской крепости осуществляла аналогичные «обряды»[2295].

Кроме того, орудийный огонь использовался в Москве как часть торжества во время молебна в Успенском соборе, проводившегося «при собрании господ сенаторов и других чиновников, и при стечении многочисленного народа», когда происходило «торжественное всевышнему благодарение» в особенно важных для государства случаях[2296].

Столичность Москвы предусматривала соблюдения внешнего лоска. По этой причине, в частности, с 27 августа 1787 г. в обеих столицах было запрещено публично наказывать проживающих[2297]. Другой причиной стало стремление властей к достижению столичного уровня при благоустройстве улиц[2298].

Продолжением данной тенденции явился первый план генеральной реконструкции Москвы, задуманный и начатый императрицей, но до конца так и не осуществленный. Отголосками его выступают площади в историческом центре города, два (а ни как традиционно считается один) первых бульвара будущего Бульварного кольца, ряд зданий, призванных украсить Первопрестольную соответственно ее исключительному рангу. К сожалению, подавляющая часть достигнутого погибла в результате

[2293] Там же. Д. 582, ч. II. Л. 82.

[2294] Там же. Д. 578, ч. VI. Л. 147. Л. 110.

[2295] *Славнитский Н.Р.* Санкт-Петербургская крепость и церемонии, связанные с российским царствующим домом, в годы царствования императора Николая I // Культура и искусство в эпоху Николая I: материалы науч. конф. СПб., 2008. С. 137–148.

[2296] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 580. Л. 13–13 об.

[2297] ПСЗ-I. Т. XXII. № 21007. С. 883.

[2298] *Бокова В.М.* Указ. соч. С. 86.

наполеоновского нашествия. От тех преобразований сохранился, в частности, Сенат в Кремле – масштабная и величественная постройка, создававшаяся с целью подчеркнуть значимость именно московских городских и губернских органов власти. Однако проект оказался настолько удачен, что Екатерина II забрала его для размещения здесь общеимперских учреждений. По сей день здание Сената не утратило своего исключительного национального значения и является резиденцией Президента Российской Федерации.

Другой формой выражения столичной роли стал долгий и трудный путь по устроению в Москве собственного национального театра, а также возведение подходящего для нужд театра здания. Данный процесс был непосредственным образом связан со статусом столичного города. Соотношение столичности и театра – характерная черта рубежа XVIII–XIX вв.[2299] В начале XIX в. столичный город, лишенный собственного театрального здания, вызывал удивление. Во всеподданнейшем докладе директора Императорских театров обер-гофмаршала А.Л. Нарышкина создание нового московского театра вместо сгоревшего Петровского определялась не иначе, как «неизбежность»[2300]. Его сооружение должно было быть проведено на «приличных столице основаниях»[2301].

Показательно, что и в 1807 г., когда был поднят вопрос о постройке в Москве нового театра, решение принимал лично император[2302]. Здание планировали возвести у Арбатских ворот. Высочайше утвержденный проект отличался «роскошностью»[2303]. После того, как это здание погибло в огне «Великого» пожара 1812 г., было принято решение его воссоздать. В соответствующем «представлении», составленном московским военным генерал-губернатором князем В.М. Голицыным 24 декабря 1821 г.,

---

[2299] *Купцова О.Н.* Указ. соч. С. 583.

[2300] *Танеев С.В.* Из прошлого Императорских театров: краткий ист. очерк. СПб., 1885. Вып. I: 1725–1825. С. 28.

[2301] Там же.

[2302] *Михайловский В.А.* Историческая справка о Большом театре в связи с Императорскими Московскими театрами. М., 1900. С. 2; *Танеев С.В.* Указ. соч. Вып. I. С. 28.

[2303] *Танеев С.В.* Указ. соч. Вып. I. С. 28.

специально подчеркивалось: «Московский театр не должен бы, казалось, ни в каких частях уступать С.-Петербургскому, ибо оба они в столицах»[2304].

Официальные города
(штатные города, города-пригороды, городки)

Созданная Екатериной II поселенческая система состояла из трех типов штатных городов, которые являлись основой административной сети страны. Обязательной чертой ее функционирования выступала строго иерархичная система управления административными территориями: определенный набор структур, органов и организаций распределялся между уездными и губернскими центрами.

В связи с этим города заметно отличались друг от друга по статусу в своей «Табели о рангах» и, следовательно, по своему облику. Последний мог соответствовать реальной роли города и его возможностям, а мог создаваться искусственно, исходя из амбициозности местных правителей или городских обществ. Эта иерархическая «матрешка» и формировала отличия, и создавала заметное сходство между ее частями. Губернский город копировал генерал-губернаторский, уездный – губернский. Но происходило это, естественно, в своем провинциальном масштабе, исходя из меньших возможностей и потребностей. Генерал-губернаторский город стремился же повторить Петербург или Москву, принимая на себя роль региональной столицы.

Генерал-губернаторства, созданные Екатериной II в рамках ее административной реформы, – особая, но недолго существовавшая форма административного деления империи и управления ее частями. Ее необходимо рассматривать вместе с политикой императрицы по децентрализации общеимперских органов власти, передаче их функций на

[2304] *Погожев В.П.* Столетие организации Императорских Московских театров. Вып. I, кн. 2. С. 290.

места. Учреждая такую административно-территориальную структуру, государыня создавала еще один промежуточный уровень управления огромной империей – непосредственно «на земле». Территория генерал-губернаторства объединяла ряд губерний под началом общего правителя, пользовавшегося особым доверием монарха, потому имевшим, как и он, практически безграничные права, но корректирующий свои решения с Петербургом. По сути, генерал-губернатор был своеобразной формой постоянного присутствия самого монарха в этой части страны. Поэтому нет ничего удивительного в том, что функции этого местного «деспота» точно не были ни описаны, ни определены.

Города – центры генерал-губернаторства играли роль региональных столиц империи, возглавляли ее «нададминистративные» (хотя и состоящие из административных) регионы, которые можно отнести к «экономическим» или «историческим». Однако данные территории не успели оформиться в устойчивые образования. Причин этому было несколько: изначальная неустойчивость территорий наместничеств (губернии переходили от одного генерал-губернатора к другому); волюнтаризм ряда «деспотов»; непродолжительный период существования данной формы в том виде, в какой ее задумывала императрица; и в итоге отказ от замыслов и наследия Екатерины II.

Традиция обширных наместничеств сохранилась только на беспокойных окраинах империи в форме генерал-губернаторств XIX в., которые больше напоминали военные округа.

Таким образом, в форму существования городов – центров генерал-губернаторств была изначально заложена традиция (функция, статусность) столичности. Она выражалась в размахе и стиле официального зодчества, широком культурном строительстве, театральных проектах и т.д. И хотя продлилось это недолго, но созданное не исчезло, а осталось в наследство некоторым губернским центрам – бывшим столицам генерал-губернаторств. В частности Ярославлю.

Вслед за генерал-губернаторскими столицами и губернские центры стали копировать столичные образы. Губернатор Владимира И.М. Долгоруков, отличавшийся склонностью к морализаторству, отмечал в своих записках (1811 г.): «Ничего нет для губернии пагубнее, как перенимать без рассмотрения пользы все, что ни делается в столицах»[2305]. В данном случае сановник имел в виду «устроение» в его городе по примеру главных центров страны детских балов, «клоба»[2306] и других, с его точки зрения, низкоморальных новшеств. Впрочем, сам губернатор гордился тем, что его усилиями была «доставлена городу прекрасная прогулка (место для гуляний. – А.Б.), уподоблявшаяся столичным бульварам»[2307]. Показательно, что бульвары, созданные в результате реформы города, стали важными атрибутами официального «столичного города» (Москвы). Кроме того, князь Иван Михайлович являлся большим любителем театра (важного элемента и показателя столичной жизни), занимался «устроением» домашних спектаклей и указал среди своих заслуг: «украшена гимназия театром»[2308].

Заложенные традиции укоренились и получили развитие. Так, например, в 1817 г. было утверждено предписание, чтобы губернские города имели у себя «публичные сады» и содержали их в чистоте[2309].

Свое место в системе поселений занимали города-пригороды, слободы-пригороды и т.н. городки. Данная категория, существовавшая во время проведения Екатериной II своих преобразований, дает яркий пример использования и бытования устаревших форм на переломных этапах истории города, когда вводимая система еще не стала господствующей и сохранялись типы поселений, доставшиеся от предыдущих столетий.

Статус *города-пригорода* известен буквально с первых веков государственной истории России. Он предусматривал подчиненное в политическом и административном отношении более слабого (молодого)

[2305] *Долгоруков И.М.* Указ. соч. Т. 2. С. 194.
[2306] Там же. С. 193–197.
[2307] Там же. С. 254.
[2308] Там же.
[2309] ГА ЯО. Ф. 73. Оп. 3. Д. 132. Л. 7 об.

города и его общины власти старшего центра. В ходе административной реформы Екатерины II этот принцип был использован: не столь значительное городское поселение прикреплялось к другому, более важному. При этом первое не теряло официального статуса города, даже если его «жители мещане пропитание свое получают от хлебопашества и работою частию же производят по торжкам, торговым промыслом, касающимся вообще до крестьянства»[2310].

Форму «город-пригород» применили в 1775 г. в отношении «мощного» города Серпухова и маленького городка Тарусы[2311]. Если в первом числились «под общим названием купцов» 2 233 души, с их выплатой в казну 2 664 руб., то во втором – соответственно 190 душ и 225 руб. 60 коп.[2312] Косвенным примером разной хозяйственной активности и, как следствие, покупательной способности жителей являлось число питейных домов: в Серпухове – 12, а в Тарусе – всего 1![2313]

Вышеназванные поселения выступали как два города, но объединенных важнейшем для казны административно-финансовом аспекте: по «числу душ в прежней ревизии»; категориям населения по форме повинностей, общему размеру капитала; суммарному доходу казны, который получали с населения[2314] и питейных домов[2315]. Административный аппарат города-пригорода был сведен до минимума. Если в Серпухове он насчитывал 59 человек[2316], то в Тарусе сводился к одному единственному – бургомистру. Правда, кроме него «присутствовало» еще Духовное правление, состоявшее из 2 человек («а в нем управитель священник 1[,] подьячеи 1»)[2317].

Другой пример пригорода – Норская слобода, которая, напротив, имела все основания стать уездным городом, но из-за близости к Ярославлю

[2310] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 926. Л. 3.
[2311] Там же. Л. 3 об.
[2312] Там же.
[2313] Там же. Л. 2.
[2314] Там же. Л. 3 об.
[2315] Там же. Л. 2.
[2316] Там же. Л. 2–2 об.
[2317] Там же. Л. 3 об.

выделять ей собственный уезд (как условие городского статуса) не имело смысла. Ее в ранге слободы сделали пригородом Ярославля.

Схож по своему статусу с Тарусой был и древний Воротынск. По исторической судьбе он являл собой пример древнего уважаемого города. Однако в условиях Нового времени поселение уже не тянуло этой роли, почему его и сделали «пригородом» города Перемышля[2318].

Весьма показательно, что в материалах одного из дел 1800 г. Воротынск назван как «пригородок»[2319], а не пригород. Упоминается он в данном виде совсем не случайно, так как термин этот присутствует в заглавии дела, а, следовательно, носит официальный характер. Кроме того, повторяется он и в других документах[2320]. Перед нами типичное для того времени использование уменьшительной формы в именовании при определении качества. Так же, как «город», – «городок». Тем самым подчеркивалось несоответствие официального статуса Воротынска как города той реальной роли, которую он мог играть.

Другим примером использования того же приема выступает обозначение некогда весьма значительного города-крепости Борисова, расположенного на западной окраине Московской губернии. К концу XVIII в. он давно утратил свое значение и именовался исключительно как «городок». Показательно, что в другом источнике Борисов называют «каменным замком»: «В можайской округе, на дороге, идущей из Можайска в Верею, на реке Протве имеется каменной замок, называемой Борисов городок»[2321]. Иными словами, поселение обозначено как одиноко стоявшая крепость, лишенная качеств города, не считая одного единственного признака – наличия фортификационных укреплений. Впрочем, они давно лежали в руинах, кроме того, в них не было уже никакой необходимости.

[2318] Там же. Д. 730. Л. 5 об.
[2319] РГИА. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 58. Л. 111.
[2320] Там же. Д. 59, ч. II. Л. 70.
[2321] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 582, ч. II. Л. 203.

Вот как Борисов описан в отчете, составленном 4 августа 1799 г.: «Между городов Можайска и Вереи в уезде первого находится селение, именуемое Борисов городок. Построенная в нем подле реки Протвы на каменном холму, окруженным рвом во времена царя Бориса Федоровича Годунова, каменная крепость пришла в совершенную ветхость»[2322]. При этом в поселении проживали представители военно-служилых сословий. При городке значилось сразу три слободы, а в них «служивых людей 190 [мужеска полу душ]»[2323]. По нормам второй половины XVIII в. это являлось признаком города и, следовательно, давало Борисову право именоваться таковым. Но незначительная (или полностью утраченная) роль сводила его название и статус к уменьшительному – «городок».

В итоге за поселением осталось признание права на статус города одновременно в двух проявлениях: «нá звание» и «назвáние». Однако невозможность исполнять городские функции мешала сохранению этого положения в полном объеме. Таким образом, если поселение что-то еще собой представляло, оно становилось пригородом, в противном случае – фактически селом с уменьшительным именем «городок», в память об утраченной роли. С этой точки зрения, исторически некорректно, например, называть село, находившееся на месте древнего города Радонежа и возникшего на основе его посада, именем умершего города. До самого недавнего времени это село называлось «Городок», что соответствует исторической традиции, а его эволюционирование в большое село – типичный и естественный путь для данной группы поселений[2324].

Таким образом, словом «городок» по традиции называли город, который таковым уже не являлся, хотя и имел крепость или, скорее, ее остатки. Это определение прижилось и использовалось впоследствии. Не случайно термин «городок» применил в своей систематизации В.П. Семенов-

---

[2322] РГИА. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 6. Л. 150.

[2323] Там же. Д. 570. Л. 44 об.

[2324] *Власова И.В., Шанский Д.Н.* Поселения // Очерки русской культуры XVIII века. М., 1985. Ч. II. С. 297.

Тян-Шанский. Им он обозначил ту часть поселений рубежа XIX–XX вв., которые официально считались городскими, но по числу жителей и их экономической активности таковыми не являлись[2325].

Заштатные безуездные города
(заштатные и безуездные города)

Введение при Павле I новых ужатых штатных расписаний числа губерний и приписанных к ним городов[2326] привело к резкому сокращению количества последних. «Исчезло» 143 уезда[2327]. При этом император сохранял верность традиционным принципам трактовки города как уездного центра. Однако вскоре именным указом от 8 октября 1797 г. он приказал все города, оставшиеся за штатом, переименовать посадами и устроить в них ратуши[2328], что указывало на понимание социального характера города, так как власти оставляли населению права городских обывателей, хотя и ликвидировали их поселения как города.

Однако уже 16 декабря 1797 г. вышло новое распоряжение – «О не переименовании заштатных городов посадами». Особо предписывалось сохранить в городах, оказавшихся за штатом, прежнее управлении в виде магистратов, а где таковых ранее не было, то ратуш.

Это стало началом переосмысления понятия «город» как центра уезда. Судя по всему, оно происходило по административной необходимости – правительство не желало поднимать волну недовольства бывших городовых обывателей из-за потери ими своего более привилегированного положения. С

[2325] *Семенов-Тян-Шанский В.П.* Город и деревня в Европейской России: очерк по экономической географии с 16 картами и картограммами. СПб., 1910. С. 73.

[2326] Росписание губернским и уездным штатным городам ... Отделение II.

[2327] *Писарькова Л.Ф.* Государственное управление России в первой четверти XIX века … С. 49.

[2328] ПСЗ-I. Т. XXIV. № 18194. С. 763.

этой же целью был даже упрощен процесс получения местными мещанами паспортов[2329].

Сокращение числа штатных или уездных городов вело к экономии государственных средств, поскольку ликвидировались уездные органы («принадлежащие им уезды и присутственные места»)[2330], выводились воинские команды[2331] и т.д. Однако необходимость вынуждала возвращать «разжалованным» центрам ряд функций. Так, указ 1797 г. предписывал: когда в «соляных магазейнах» заштатных городов «выйдет» вся соль (предназначавшаяся для продажи в их бывших уездах), эти склады солью «уже не наполнять»[2332]. Но 11 августа 1799 г. увидело свет новое распоряжение, по которому требовалось устраивать места продажи соли, в том числе, и в безуездных городах, если это было «нужно и удобно»[2333] (тем более что во многих из них имелись необходимые для того склады). «Смотр за магазинами» возлагался на лиц, «избранным из купечества производя им жалованье»[2334].

Органы правопорядка продолжали работать и в безуездных городах. Официально в полицейском отношении данные поселения относили к особой категории городов, где подобные структуры правопорядка «управляются ратушами»[2335].

Безуездные города сохраняли обязанность содержать набор пожарного инструмента. В частности в Воротынске даже в 1833 г. (когда его урезанный городской статус и незначительный потенциал никто уже давно не обсуждал) обязательным условием было наличие здесь необходимых для города пожарных инструментов. Инструкция не принимала во внимание даже экономическую слабость Воротынска: заведение «полного пожарного щита» для «общества градского» разжалованного города было крайне тяжелой

[2329] Там же. Т. XXV. № 18549. С. 276.
[2330] Там же. Т. XXIV. № 17875. С. 511.
[2331] Там же. Т. XXVII. № 20245. С. 124.
[2332] Там же. Т. XXIV. № 18250. С. 804.
[2333] Там же. Т. XXV. № 19079. С. 757.
[2334] Там же. Т. XXIV. № 18250. С. 803.
[2335] Там же. Т. XXVII. № 21007. С. 950

материальной ношей[2336], а население попросту не имело возможности поддерживать этот набор в пригодном состоянии[2337].

Интересно, что уже в 1803 г. в тексте указа «О средствах к исправлению полиции в городах» при характеристике безуездных городов выделяется единственный признак – численность населения (их «малолюдность»)[2338]. Реальность постепенно формировала новое отношение к городу, унифицируя различные по происхождению и близкие по сути структуры по наиболее наглядному признаку – «людности» (численности населения).

Продолжением этого процесса стало объединение в 1824 г. безуездных и заштатных городов с местечками – близкими к городам поселениями, но возникшими в иных национальных традициях. Основанием для этого являлись присущие обоим типам признаки: «в коих находится купечество и ратуши»[2339]. Примечательно, что в том же документе заштатные города и местечки объединили воедино под общим наименованием – «посады»: «Вследствии предписания... о состоянии находящихся в Калужской губернии заштатных городов Серпейска и Вротынска, присовокупляю, что местечек и других посадов в Калужской губернии нет»[2340].

В ходе XIX – начала XX вв. параллельно используются два наименования (статуса): заштатный город и безуездный город. Их применяют часто к одним и тем же поселениям. Объясняется это тем, что оба определения восходят к одному и весьма пространному статусу, введенному указом Павла I – «безуездные, оставшиеся за штатом»[2341].

[2336] ГА КО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 1413. Л. 79 об., 99.
[2337] Там же. Д. 1654. Л. 1.
[2338] ПСЗ-I. Т. XXVII. № 21007. С. 952.
[2339] ГА КО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 1347. Л. 2.
[2340] Там же. Л. 5.
[2341] Росписание губернским и уездным штатным городам ... Отд-ние II.

Посады, слободы и «подгородные» села

На момент реформ данные поселенческие формы являлись наследием прошлого, но при этом они же очень быстро стали эволюционировать по пути развития в город, порой давая свой статус городам, развивающимся вне рамок административного уездного центра, но не имеющего права именоваться городом.

К концу XVIII столетия посад – это больше, чем составной элемент русского города, его неукрепленная торгово-ремесленная часть или самостоятельное поселение. По сути, это не только часть (район) города, а неотъемлемый элемент его внутренней структуры, характера и результат эволюции. Таким образом, без понимания природы посада невозможно оценить русский город как периода Средних веков, так и Нового времени, когда посады не только оставались, но и сохраняли за собой определенное место в городской сети страны, даже после ее преобразования на новых основаниях, введенных Екатериной II.

Возникая при городах-крепостях, *посады* хорошо заметны, по крайней мере, с XIV в. «Посадить» означало «поселить» на чьих-то землях. В своем первоначальном варианте посады зачастую формировались «теми же феодалами, которые ранее селились внутри городских стен»[2342], т.е. возникали в результате необходимости решать хозяйственные задачи, но в рамках конкретной вотчины. Вариантом этого процесса был рост при городах многочисленных сельских поселений с теми же функциями[2343]. Аналогичный процесс имел место и в отношении укрепленных монастырей, которые, впрочем, за счет своих мощных стен пребывали в одном качестве с городами[2344]. В результате в рамках традиций феодального общества возникли «подгородные села и слободы», ставшие основой как монастырских

[2342] *Кучкин В.А.* Указ. соч. С. 74.
[2343] Там же. С. 75–76.
[2344] *Котошихин Г.К.* Указ. соч. С. 153.

посадов, так и части создаваемых на их базе наместниками Екатерины II «новоучрежденных» городов, относившихся уже к эпохе Нового времени.

К XVII в. многие посады превратились в торгово-ремесленные поселения, где «ремесленники и торговцы составляли основную массу жителей»[2345].

К тому времени посад передал свое наименование населявшим его группам – «посадским людям» (посадским), занимавшимся преимущественно городской хозяйственной формой деятельности, лично свободным и несущим на себе все государственные повинности[2346]. Посадские общины, обладая за счет своего внутреннего единства известной автономией, формировались из более мелких территориальных образований – сотен и слобод. Последняя форма была более распространенной.

Слободы не только наполняли посад, но и могли существовать отдельно ввиду своей внутренней обособленности (социальной, национальной или хозяйственной). По сути, это самодостаточное поселение, возникшее в рамках вотчины землевладельца, получившее от него некую льготу и имевшую вследствие этого самые разные обязанности по отношению к своему сюзерену. При наличии благоприятных условий данное качество могло вызвать со временем ту или иную ярко выраженную специализацию поселения по определенному профилю. Например, слободы рыболовов хорошо известны на больших реках (Волге, Оке) и озерах (Неро, Переславском). То же самое относится и к слободам пригородным (подгородным), включенным в жизнь города и постепенно слившимся с ним.

Слобода, будучи структурой более многообразной и мелкой, трактовалась как территориально-общинная единица, район города и обладала ярко выраженной спецификой. Это было возможно, в частности, благодаря хозяйственной (или иной) специализации поселения-общины или ее отличной сословной принадлежности, порой очень специфической и

[2345] *Кучкин В.А.* Указ. соч. С. 74.

[2346] *Шенников А.А.* Поселения // Очерки истории культуры XVII века. М., 1979. Ч. I. С. 175–177.

оттого еще более обособленной (например, отставные гвардейские солдаты – инвалиды).

При этом слобода могла быть и частью городского или «подгородного» пространства, и отдельным поселением.

Таким образом, посады и слободы – поселенческие формы русского средневекового феодального города сохранялось и в XVIII столетии в результате незавершенности процесса перехода к современному типу города. Но процесс этот шел. Он выразился в утверждении понятия «посадского человек» в значении носителя традиций городского строя. В результате в середине XVIII в. Екатерина II уверенно отнесла посады в раздел «О городах»[2347], хотя они и не имели уезда. Причина была в признании за жителями посадов прав городских сословий и статуса городовых обывателей со своей системой общественного самоуправления, что также соответствовало признакам города того времени. Показательно, что историк Я.Е. Водарский при рассмотрении «проблемы сущности» русского средневекового и позднесредневекового города одним из двух его критериев назвал «создание или утверждение правительством в населенном пункте сословной общины посадских людей»[2348].

Тенденции Нового времени (как, впрочем, и порожденные ими реформы Екатерины II) затронули положение не только городов, но также посадов со слободами.

Характеристику слобод того времени можно найти в отчете «О Гавриловской, Пуческой и Решемской слободах» и докладных записках генерал-губернатора Р.И. Воронцова, возглавлявшего в 1778–1782 гг. Владимирскую и Костромскую губернии. Сановник сообщал в Петербург, что местные жители записаны государственными крестьянами или относятся к категориям, близким к ним по статусу (конюшенные крестьяне, ямщики). Поскольку они полностью отказались от занятий земледелием («не имеющие

[2347] ПСЗ-I. Т. XX. № 14392. С. 259.
[2348] *Водарский Я.Е.* Исследования по истории русского города ... С. 47.

никакого земледелия и пахотной земли»[2349], «не только пашенной земли, но даже огородов и других никаких угодий не имеют»[2350]), то в отчете именуются как «непахотные жители»[2351]. Основным их занятием назывались торговля и ремесло («производящим издревле торги и ремесла»[2352]; «из давних уже лет пропитание свое имели от торгового промыслу… некоторые имеют и фабрики»[2353]). Не обладая с 1760 г. правом торговать без записи в купечество[2354], жители слобод, тем не менее, не только исполняли торговые функции, но и несли на себе общественные обязанности: «во время таможенных со внутренних товаров сборов выбирались наряду с прочими купцами в выборные ларечные и целовальники»[2355]. Правда, торговые операции велись жителями слободы под чужими именами[2356].

К тому времени власти уже перестали отделять от города его «подгородные слободы», даже если их община оставалась весьма обособленной от городских жителей своим происхождением и статусом. В этом отношении показателен пример с Инвалидной слободой в городе Козельске, основанной в 1764 г. Ее обитатели не имели возможности своими силами осуществить мощение улиц, обязанность эта была переложена на козельчан. Попытка же «градских обывателей» отказаться от данной работы получила решительный отпор властей, которые потребовали от них исполнить всё необходимое для благоустройства слободы, так как она являлась их территорией[2357].

Перед нами – унификация жителей города не по сословной (феодальной), а по территориальной (муниципальной) принадлежности. Однако эта тенденция все еще не ликвидировала слободы как поселенческие

[2349] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 638. Л. 18.
[2350] Там же. Л. 90.
[2351] Там же. Л. 18, 90.
[2352] Там же. Л. 18.
[2353] Там же. Л. 90.
[2354] Там же.
[2355] Там же.
[2356] Там же.
[2357] ПСЗ-I. Т. XXVIII. № 21716. С. 981.

формы. Даже в начале XIX в. правительство целенаправленно продолжало создавать при городах новые слободы со своими общинами[2358].

В середине XVIII в. на пространствах центральной части страны также существовало много подмонастырских и бобыльских слобод[2359]. Местное население было встроено в хозяйство монастыря (к которому они относились) часто занималось несельскохозяйственными промыслами. Примером этого служит «окружение» Троице-Сергиевой лавры, Воскресенского монастыря на реке Истре и другие места. Не случайно на их основе впоследствии в ходе реформы Екатерины II учреждались многие города. Кроме того, подобные образования с официально крестьянским, а фактически неземледельческим населением существовали и при больших усадьбах. Пример – хорошо известная Марьина слобода, давшая название московскому пригороду «Марьина роща». Населявшие ее крепостные графов Шереметевых занимались «обслуживанием» резиденции своих хозяев[2360]. Не случайно при описании уезда в 1770-х годах усадьба Шереметьевых Останкино, и их же слобода Марьина даны «общим числом жителей»[2361]. В отличие от слобод, которые остались (в основном) в прежнем юридическом статусе, форма посада получила дальнейшее развитие.

В период реформ Екатерины II на жителей посадов целенаправленно распространялись нормы «Городового положения» и они официально и в обязательном порядке переводились в городские сословия купцов и мещан. Особым указом от 22 марта 1782 г. посад был оформлен как поселение с людьми, «занимающимися торгами и промыслами»[2362], т.е. лицами, задействованными в городских занятиях, или «посадскими». При этом они могли либо соответствовать этому признаку, либо нет.

[2358] Там же.

[2359] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 570. Л. 43.

[2360] *Холмогоров В.И., Холмогоров Г.И.* Исторические материалы о церквах и селах XVI–XVIII ст. М., 1887. Вып. 5. С. 9; *Щепетов К.Н.* Село Останкино и его окрестности: (ист. справочник). М., 1952. С. 26.

[2361] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 570. Л. 4.

[2362] ПСЗ-I. Т. XXI. № 15371. С. 442.

Помимо прочего, в посадах шло создание органов сословного городского самоуправления – ратуш[2363], что было важным качественным признаком его как городского поселения, а также местных жителей как «городских обывателей».

Одновременно шел процесс преобразования слобод в посады, который происходил как «сверху», так и «снизу». Так, 22 марта 1782 г. на основании указов Екатерины II в посады были преобразованы сразу три поселения Московской губернии: «Святотроицкой Сергиевой лавры слобод, тако ж примосковского Покровскаго села и Клинскаго яму»[2364]. После этого события уже жители Гавриловской слободы (Владимирская губерния) стали добиваться того, чтобы их поселение стало посадом, а они, соответственно, купцами и мещанами[2365]. Соответствующий указ был объявлен 14 мая 1789 г.[2366] Случай этот в стране был не единичным[2367].

Впрочем, большинство слобод – бывших феодальных сельских поселений (получивших некогда ряд привилегий ради привлечения жителей на эти вотчинные земли) к моменту проведения реформ Екатерины II перешли в естественное состояние сел. В описании территории будущей Московской губернии можно прочесть, например, что в «Звенигородском уезде Тростенского стану» в 70-х годах XVIII в. были: «Д[еревня]: слободка 228 [мужеска полу душ]»[2368]; «Село Михайловская слобода в Васильцовом стане»[2369]; «Д[еревня]: Ленина Борисовская слобода» в Горетовом стане[2370]. На память о своем прежнем статусе у них сохранилась лишь приставка к названию. Многие из них стали центрами волостей. Так, «стан называемой

[2363] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 638. Л. 18.

[2364] ПСЗ-I. Т. XXI. № 15371. С. 442; РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 638. Л. 18. Необходимо уточнить, что упоминавшийся последним Клин по традиции всегда расценивался как город, но для того времени его правильно именовать как ям или посад.

[2365] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 638. Л. 90–90 об., 110–112 об.; Д. 640, ч. I. Л. 125–127.

[2366] ПСЗ-I. Т. XXIII. № 16765. С. 27.

[2367] Там же. Т. XXI. № 15131. С. 73; Т. XXII. № 16.089. С. 241; Т. XXIII. № 17137. С. 441.

[2368] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 570. Л. 52 об.

[2369] Там же. Л. 87.

[2370] Там же. Л. 58.

Юрьевская слобода»[2371] в 1770-х годах был обозначен на территории проектируемого Рузского уезда.

Упомянутое выше «примосковское» село Покровское, относившееся к разряду экономических, также вызывает большой интерес с точки зрения оценки посадско-слободской системы. Перед нами их родственник – *промышленное «подгородное село»*, отличающееся от посада лишь более или менее формальным статусом жителей – крестьян. Данное поселение, давно вошедшее в состав города, располагалось вблизи пересечения Старой (Зимней) Стромынской дороги и реки Яузы. В 80-х годах XVIII столетия село являлось одним из самых мощных центров сукноделия на территории Московской губернии. Чтобы оценить значение данного производства, достаточно сказать, что в период нехватки материалов на пошив обмундирования для московского гарнизона генерал-губернатор сам встречался с хозяевами фабрик и по личному предписанию императрицы просил у крестьян-капиталистов о льготной для государства поставке ткани[2372].

По воле Павла I все заштатные города «скопом» перевели в статус посадов[2373]. Посад оказался тогда на границе двух групп городов (официальных и неофициальных), но городом себя именовать не мог, хотя его население, переведенное в разряд купцов и мещан, относилось к городским сословиям.

Вскоре Павел I отказался от идеи «переверстать все города заштатного списка в посады», но тут же впал в другую крайность – ликвидировал сами посады как тип поселения. В его «Росписании…» они не упоминаются вовсе, что связано с тем, что в ходе чехарды административных преобразований императора все заштатные города перевели в разряд посадов, а затем посады отменили, а города вновь стали заштатными. Это официально изменило и статус уже существовавших посадов. Так, в документе вообще не

[2371] Там же. Л. 55.
[2372] Там же. Д. 580. Л. 43.
[2373] ПСЗ-I. № 18194, 18269.

упоминается Клин, так как он «играл роль» ямской станции, а Сергиев Посад обозначен как поселение при монастыре. Впрочем, такое положение дел продлилось недолго. Посады, получившие свой статус при Екатерине II, были восстановлены Александром I и просуществовали все последующее столетие. За это время общее их количество выросло.

По мере изменения страны прежние поселенческие формы постепенно нивелировались в единой системе, чему собственно и положила начало реформа города Екатерины II. Посад, хотя и не имел право на уезд, а значит, и на звание города, терял свое сословное и отчасти хозяйственное своеобразие. Начался этот процесс уже в 1775 г., когда Екатерина II отнесла его в группу городов[2374].

Впрочем, власти временами вообще переставали отличать посады от городов. Так, в отчете о состоянии Московской губернии Брюс писал императрице 8 сентября 1785 г.: «…как я уже доносить дерзал, что города: Воскресенск, Бронницы, Богородск, Подол, Никитск, и Сергиевской посад, быв *наименованы* городами (выделено мной. – А.Б.), платят подати, как по купечеству и мещанству»[2375]. Другой наместник, описывая планы обозрения городов губернии, в качестве одного из них называет «Сергиевск»: «27 числа минувшего августа по вчерашний день употребил я время в осмотр городов Коломны, Бронниц, Никитска, а завтра поутру имею отправиться в Дмитров, Сергиевск и Богородск»[2376]. Речь идет о монастырском посаде Троице-Сергиевой лавры.

* * *

В ходе реформы Екатерины II произошло переустройство городов в соответствии с нормами Нового времени как в плане характера населения (от

[2374] Там же. Т. XX. № 14392. С. 259.
[2375] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 576. Л. 150 об.
[2376] Там же. Д. 578, ч. II. Л. 46.

многочисленный и разнородных сословных групп, доставшихся в наследство от предшествующего времени, к «городовым обывателям»), так и в отношении городской структуры и функций. Причем последние преобразования как единый комплекс изучены менее всего.

В процессе реформирования в основу понятия города было положено два принципа – административный центр и место активной хозяйственной деятельности. Хотя основной формой преобразования на этом этапе выступали задачи административного управления, но наряду с «обязательно нужными» сооружениями, элементами городской инфраструктуры (специально создаваемыми в ходе преобразования) становились и торговые сооружения. Да и прочие сооружения, такие как приходские храмы (с их подвальными помещениями) и присутственные места, рассматривались в том числе и как инструменты поддержания хозяйственной активности. Однако эта сторона реформы не является предметом данного исследования.

В процессе формирования новой пространственно-поселенческой структуры страны был выработан административно-сословный критерий оценки города. Под городом (в официальном значении) подразумевалось поселение-административный центр, который возглавляет административный регион, а также обладающий населением, состоящем в городских сословиях, с присущими данной категории правами на хозяйственную деятельность и самоуправление.

Одновременно сохранялась такая пространственно-поселенческая единица как посад, которая городом не являлась, но обладал населением, состоящим из представителей городских сословий, хотя и с несколько ограниченными правами. Произошла парадоксальная ситуация: посад, вышедший из предшествующей исторической эпохи, ставший, по сути, уже рудиментом прошлого, быстро трансформировался в наименование группы поселений, которые все больше приближались к городам по характеру своей хозяйственной деятельности и внешним признакам (людность,

промышленность), но которые официально городами именоваться не могли. Для них просто не было уездов, в которых власть не нуждалась.

По мере реализации реформы, с началом фактического функционирования новосозданной городской сети, стали проявляться случаи несовпадения потенциала города (как правило «новообразованного») для выполнения приписанных ему функций и обладания непременными внешними качествами. Эти процессы стали наблюдаться уже на исходе екатеринеского времени, но разрешение их легло на плечи двух последующих правителей. В итоге была выработана форма заштатных городов (внештатные безуездные), которые по критериям того времени не относились к городам, хотя и носили это имя. Их возникновение стало следствием социального компромисса власти и общества.

При этом незавершенность реформ, а также наличие традиции сохранения за поселением элементов городского статуса (в том числе в форме награды за прежние заслуги) создало такие промежуточные формы как городки, остроги и некоторые др. Их наличие является следствием как незавершенности процесса преобразований; сохранения ведущей роли у административного критерия и неразвитости на этом этапе критерия хозяйственного; а также как дань исторической традиции и принципу сословности (их население относилось к городским сословиям, что не могло быть устранено).

То или иное положение в иерархии городов-административных центов (штатных городов) подразумевало набор внешних признаков – статусных признаков. В их качестве могли выступать как структуры определенного уровня, так и масштаб и качество их строительства. Особое место занимал столичных город, который становился образцов в копировании региональных «столиц» генерал-губернаторств и губерний, служивших образцом для уездных городов.

Небольшой период осуществления екатерининских преобразований, естественно, не мог переделать город в корне. Кроме того, XVIII столетие,

связанное с реформами Петра I и Екатерины II, в истории России – это период на стыке эпох. В итоге сосуществовали черты и Нового времени, и уходящего Средневековья. Помимо этого, на пространной территории России наличествовали формы, унаследованные от разных традиций: территориальных, национальных и иных, объединенных в рамках одной страны[2377]. Например, имели место частновладельческие города[2378], города, находившиеся в личном владении императрицы[2379], местечки[2380] и т.д.

Показательно, что к концу XVIII столетия произошел окончательный отказ от понимания термина город в значении крепости, которая теперь выступает лишь как одна из функций города[2381].

В историческом ядре России это явление было окончательно изжито при Павле I. Только он разрешил разобрать укрепления детинцев в городах Московской губернии, где к 1790-м годам они сохранялись сразу в четырех поселениях: Дмитрове, Можайске, Коломне и Серпухове. Хотя состояние относительно древних фортификационных сооружений желало много лучшего, но восстановление стен и башен стояло в планах властей даже на исходе XVIII столетия[2382]. Отказ от их поддержания говорил не только об ином понимании значения города, но и об изменения веса и места России на мировой арене, что упрочило силу страны, раздвинуло ее границы и сняло крупные внешнеполитические проблемы, что не могло не повлиять на отказ от поддержания внутренних крепостей. Уже в последние годы XVIII в. города-крепости функционировали только на окраинах страны. Но что показательно, они и в этом случае выступали как уездные центры (Кронштадт[2383], Моздок[2384] и др.).

[2377] *Юркина О.Г.* Указ. соч. С. 129–132.

[2378] О «частновладельческих городах» как массовом явлении на территории Малороссии» (РГАДА. Ф. 10. Оп. I. Д. 243. С. 2; ПСЗ-I. Т. XXV. № 18359. С. 55; Т. XLIV, ч. 2. № 20481. С. 14).

[2379] ПСЗ-I. Т. XXVI. № 19963. С. 737.

[2380] Там же. Т. XXIII. № 17327. С. 694; № 17526. С. 966; Т. XXV. № 18317. С. 26.

[2381] Росписание губернским и уездным штатным городам ... Отд-ние I. С. 11.

[2382] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 576. Л. 151.

[2383] Росписание губернским и уездным штатным городам ... Отд-ние I. С. 13.

[2384] Там же.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К началу XVIII столетия руководство России вплотную подошло к осознанию необходимости начала преобразований, направленных на модернизацию страны и решению давно назревших проблем. Итогом этого стали преобразования Петра I, многое наметившие, но далеко не завершившие. Эту роль взяла на себя императрица Екатерина II, не только задумавшая, но и претворившая в жизнь широкий комплекс реформ. Все предпринятые ей преобразования были тесно связаны между собой. Одной из составных частей программы выступало реформирование города – административного центра. При этом достижение данной задачи, выходило за пределы сугубо административных вопросов, решая широкий круг вопросов, создания возможности не только (а порой даже и не столько) для управления, сколько для создания условий, способных обеспечить дальнейшее развитие страны. В связи с тем, что город и городская сеть выступают опорным каркасом государства, а город местом концентрации всех процессов, важность его преобразования приобретала исключительное значение.

В ходе реформ второй половины XVIII в. (в целом) и в процессе осуществления губернской реформы (в частности) создавалась новая разветвленная иерархическая административная сеть. Ее основным элементом выступал город – административный центр, за которым закреплялся набор функций (административных обязанностей), для исполнения которых формировались необходимые структуры.

В преддверии реформы, был разработан план преобразований, в котором формулировался перечень требований, определявших цели реформирования города как административного центра, а также необходимый ему для этого набор первоочередных инфраструктурных подразделений и их функции. Реформа города не имела единого

программного документа, как, например губернская реформа и городская (социальная) реформа. Но при этом реформа города (в ходе которой создавалась городская инфраструктура) была обстоятельно проработана в рамках целого ряда проектов, инструкций и распоряжений. К ним относились законодательные акты, предполагающие преобразование города («Наставление губернаторам»; «Инструкция губернатору», «Наставление Московскому и Санкт-Петербургскому губернаторам», «Наказ Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового уложения», «Учреждение для управления губерниями Всероссийской империи», «Устав благочиния или полицейский», «Грамота на права и выгоды городам Российской империи», «Устав столичного города Санкт-Петербурга», «Высочайше утвержденный устав столичного города Москвы», а также некоторые другие, менее масштабные по объему и информации, к которым могут быть отнесены, в частности, личные записки Екатерины II, а также ее персональные инструкции, передаваемые местным сановникам.

Эпоха Екатерины II – это целый комплекс масштабных трансформаций. В том числе т.н. губернская реформа и городская (социальная) реформа. Однако их осуществление было попросту невозможны без глубокого преобразования самого города как административного центра, который выступал основой административно-территориальной сети страны. Данное преобразование можно обозначить как *реформа города Екатерины II*, которая находилась в тесной связи с губернской (административно-территориальной) реформой. При этом необходимо разграничить реформу города и городскую реформу. Если в первом случае речь идет о наделении городов новым содержанием, то под городской реформой традиционно понимается лишь создание новой более рациональной социальной структуры городских сословий, а также определение прав их представителей в области самоуправления и хозяйства.

Создание новых губерний было невозможно без учреждения большого числа городов, которые наделялись функциями административных центров

разных рангов. Это был обстоятельный и продолжительный процесс, состоящий из ряда обязательных этапов: предварительное расписание, формировавшееся в Петербурге; объезд намеченной территории и подбор претендентов на роль города (причем, выполнялся он только лично генерал-губернатором) и составление плана губернии с подробными объяснениями и числовыми выкладками; высочайшая «конфирмация» и официальное объявление об учреждении губернии и дате ее открытия; подготовка новых органов местного управления и иных «предписанных» планом реформы учреждений; проведение масштабного дворянского съезда губернии, на котором и из членов которого формировались местные органы власти; официальное открытие губернии; начало работы (официальное открытие) присутствий в уездных городах губернии; продолжение работ по развитию города.

Условием открытия губернии было возведение уже на предварительном этапе всех «обязательно нужных» зданий, в которых размещались учреждения (коронной администрации, сословного самоуправления, духовные, торговые, хозяйственные, социальные, военно-полицейские, пенитенциарные, учебные), позволяющие городам исполнять приписанные им функции. Все сооружения имели не только практическое значение, но и воспринимались современниками как признак определенного статуса каждого конкретного города, его роли в административной сети страны. Вторым обязательным условием признания за поселением его городского статуса (и начала работы губернии) выступало присуждение всем городам собственного герба – знака исключительности их статуса и, по сути, обозначения их государственной службы.

На будущее (в большей или меньшей степени) откладывались вопросы поддержания транспортной инфраструктуры и связи; улучшение пенитенциарной системы; активизации хозяйственной жизни; усовершенствование облика и внутренней структуры поселений; решение

остро стоящих проблем благоустройства; развитие учреждений культуры, создание мест общественного времяпрепровождения и др.

Результаты реформ были не везде незамедлительными. Кроме того регионы заметно отставали один от другого. Но и на первых этапах реформы были заметны и значительные достижения.

Итоги реформы города можно определить как три взаимообусловленных процесса. Первый – распространение по всей территории страны губерний, обладающих собственной городской сетью. Второй – учреждение городов как официальных поселений, имеющих исключительно право выступать административными центрами «своего» региона. Третий – распространение городом на своих официальных жителей «прав и состояния» «городовых обывателей».

При этом города наделялись тремя тесно связанными друг с другом качествами. Первая – функции города (перечень его конкретных обязанностей). Вторая – городские структуры (учреждения необходимые для выполнения этих функций). Третья – внешние официальные статусные признаки, подчеркивающие роль конкретного города и его место в иерархической поселенческой сети. При этом статусные признаки (сооружения) нередко могли создаваться без достаточной для того базы, основываясь (особенно на начальном этапе) нередко лишь на амбициях местных жителей или администраторов (театр в Калуге, вечно пустующие торговые ряды в Суздале и т.д.).

Развитие городской сети в ходе преобразований Екатерины II привело к установлению определенной административной иерархии городов и городских поселений, с набором конкретных черт и обязанностей: столичные города (официально их было два), генерал-губернаторские столицы, губернские и уездные центры, а позже еще – «безуездные и заштатные» города. Эти звания не давали официального городского статуса и являлись результатом политического компромисса, заключаемого между частью

общества и государственной властью, вынужденной в ходе реформы принимать непривлекательные меры.

Замыкали иерархическую городскую поселенческую сеть Центральной России «безуездные оставленные за штатом» города, близко стоявшие абсолютно к не городским (в официальной трактовке) поселениям – посадам. Большое сходство этих двух типов вызвано отказом и тем, и другим именоваться городом и быть административным центром, что в понимании того времени явлюсь и основным его качеством, и основной его «службой». При этом разница между посадами и «заштатными и безуездными» городами также была понятна современниками. Посады никогда не были городами.

При этом посады (в отличие от разжалованных городов) занимали особое и важное место в городской сети второй половины XVIII и особенно XIX вв. Этот тип вобрал в себя категорию промышленно-торговых поселений разного типа, размера и природы, но объединенных общими чертами: наличием активной торгово-промышленной деятельности, распространением на их жителей прав городских сословий (как правило, в ограниченном виде), но не дававший самому поселению официального статуса города. Данная система (и положенный в ее основу критерий определения города) оказалась весьма устойчива. С активизацией промышленности и торгово-рыночных отношений в последующем столетии она быстро стала анахронизмом, но была удобна как способ оформления неофициальных городов, из-за чего продолжала функционировать вплоть до краха Российской империи, искажая реальное положение дел.

Кроме того какое-то время в ходе и после реформы продолжали существовать типы городских поселений, являвшихся неизжитыми пережитками предшествующей эпохи: городки (замки), слободы, административные села в статусе уездных городов (Пертовка-Пошехонь). Но, благодаря реформе города, они в скором времени исчезли, породив, в частности, такое явление как село с наименованием «Городок».

Задачи создания регулярного города и его благоустройства решались ограниченно, исходя из наличия средств и возможностей, которые часто получались властями сверх официального государственного финансирования. Для этого представители администрации нередко выступали униженными просителями (или даже откровенными вымогателями). При этом полученные ресурсы нередко передавались на решение других внезапно возникших и более неотложных нужд. Наибольший результат в деле создания регулярного и благоустроенного города (исходя из имеющихся возможностей, отпущенного времени и участия самих жителей) был достигнут в первую очередь в губернских городах, где активнее мостились улицы, устанавливалось уличное освещение, вывозились нечистоты, сосредоточением которых зачастую являлись древние рвы, на месте которых устраивались рекреационные зоны.

Общей чертой для всех городов Центральной России стало создание целого ряда исключительно каменных административных и культовых сооружений. Здания для других органов (вплоть до домов генерал-губернатора) приходилось изыскивать исходя из имеющегося в распоряжении властей резерва пустующих сооружений.

В результате реформы сложилось представление об иерархии городских центров с точки зрения их культурной значимости, облика и административного статуса (культурная иерархия образов городов-административных центров): наместнические столицы и губернские города копировали (правда, в своем масштабе и при более скромных возможностях) имперские столицы, уездные центры – старались принять облик губернского. Подобная преемственность имела и свои положительные черты, ведя к распространению каменной застройки, парков и «гулеваров», театров и «клобов», а также иных атрибутов культурной жизни.

Несмотря на то, что процесс преобразования во всех «малых» губерниях и городах шел по общему сценарию, его реализация имела в разных местах существенные различия, что было вызвано как

субъективными, так и объективными причинами. Исключительную роль играли личные и деловые качества региональных сановников; большое значение имела поддержка реформы православной русской церковью, а также использование местными властями накопленных ею материальных ресурсов; кроме того сказывался неодинаковый потенциал городов и регионов; наличие щедрых благотворителей. Впрочем, их привлечение входило в круг непосредственных обязанностей глав местной администрации.

Происходившее в правление Павла I «разжалование» городов и вывод некоторых из них за пределы административной иерархии, осуществлялись не как отрицание новым императором политики и наследия своей матери, а исходя из назревшей и давно (уже при самой Екатерине II) осознанной необходимости. Таким образом, применение в данном случае понятия «контрреформы Павла I» не вполне соответствует реалиям того времени.

С приходом к власти нового императора Александра I начался пересмотр решений Павла I, но и он, в основном подтвердил верность политики предыдущего правления в деле оптимизации административно-территориального управления страной.

Рубеж XVIII–XIX вв. и особенно первые десятилетия XIX столетия стали временем, когда произошло принципиальное изменение понятия «город». С одной стороны, сохранилось представление о нем как о государственном служащем, поставленном над своим уездом или иным административным регионом, опирающееся на традиции неразрывности в русской истории города и его уезда. С другой – в результате проведенной Екатериной II реформы торговые поселения (посады), жители которых официально обрели состояние городских обывателей, все чаще именовались городами даже в официальных документах.

В результате реформ Екатерины II город усилил свои позиции каркаса административной и экономической структуры страны. Во время наполеоновского нашествия это обстоятельство дало о себе знать, т.к. было

оценено и использовано неприятелем, предпринимавшим целенаправленные меры по разорению именно городской инфраструктуры, стремясь добиться тем самым не только (и не столько) покорности жителей региона, сколько сговорчивости правителей империи.

Масштаб и глубина преобразований Екатерины II были столь значимы, что программа реформирования просто не могла быть закончена в одно правление. Во второй половине XVIII столетия лишь заложили основы, дали начало и получили первые результаты. На основании созданного фундамента требовалась дальнейшая работа. Многое из запланированного императрицей неизбежно воплощалось в жизнь почти до середины XIX столетия (административные здания, почтовое сообщение, благоустройство городской среды и др.).

Так, задуманная Екатериной II не позднее 1788 г. реформа пенитенциарной системы, начала реализовываться на практике только в 1817–1818 гг. Пожарная служба Москвы, устраиваемая по планам 1780-х г., получила окончательное оформление только к 20-м гг. XIX в. Именно тогда она заработала в полную силу и с заметным результатом. Много сил было потрачено на развитие в городах медицины. Но если к началу XIX в. в Первопрестольной действовало всего несколько лечебных заведений, то к 1840-м гг. их значилось уже несколько десятков.

Планы Екатерины II в области реформы города были в основном реализованы к середине первого десятилетия XIX в. Таким образом, процесс этот (если его отсчитывать от 1775 г.) занял около 30 лет. За относительно короткий срок и в условиях постоянного острого недофинансирования, а также череды войн, и непрекращающегося затратного каменного строительства, руководители регионов, привлекая деньги жертвователей, используя резервы православной русской церкви, и даже вкладывая свои средства и разоряясь, добились создания практически всех элементов городской инфраструктуры, предписанных планом реформы города. Хотя и не в равной степени для разных административных регионов.

Учитывая это условия, а также темпы и итоги преобразования его можно признать выдающимся.

Итоги реформы вскоре были продемонстрированы событиями Отечественной войны 1812 г., показавшей как масштаб созданного при Екатерине II, так и последствия его уничтожения для жителей городов Центральной России.

Русский дореформенный город периода правления Екатерины II представляется одной из сугубо научных тем, интересных в первую очередь немногим узким специалистам. Меж тем замыслы, претворенные в жизнь около двух с половиной веков назад, важны и сегодня, т.к. комплексные преобразования второй половины XVIII столетия создали основу для утверждения привычного нам сегодня типа города – города-административного центра, функционирующего и обслуживающего нас и по сей день.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Архивные документы

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

Ф. 10. Разряд X. Кабинет Екатерины II и его продолжение.

Ф. 16. Разряд XVI. Внутреннее управление (Госархив).

Ф. 372. Сыскной приказ, г. Москва.

Ф. 1355. Экономические примечания к планам дач генерального межевания.

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Ф. 497. Дирекция императорских театров.

Ф. 796. Канцелярия Синода.

Ф. 1375. Ревизия сенаторов Д.П. Трощинского и П.П. Щербатова губерний Московской, Владимирской, Тамбовской.

Ф. 1289. Главное управление почт и телеграфов МВД.

Ф. 1409. Собственная его императорского величества канцелярия.

Государственный архив Владимирской области (ГА ВО)

Ф. 14. Канцелярия Владимирского губернатора, г. Владимир Владимирского уезда Владимирской губернии.

Ф. 400. Владимирская городская дума.

Государственный архив Калужской области (ГА КО)

Ф. 32. Канцелярия калужского губернатора.

Центральный государственный архив г . Москвы (ЦГА Москвы)

Ф. 16. Канцелярия Московского военного губернатора, Начальствующего по гражданской части в Москве и Московской губернии.

Ф. 199. Московский губернский статистический комитет. г. Москва.

Ф. 880. Красильно-аппретурная фабрика В.В. Ферман, село Ростокино Московского уезда и губернии.

Государственный архив Ярославской области (ГА ЯО)

Ф. 72. Канцелярия Ярославского генерал-губернатора.

Ф. 73. Канцелярия Ярославского губернатора.

Ф. 637. Комитет по устройству города Ярославля.

Опубликованные документы

Законодательные акты

Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830.

Т. V. № 2203.

Т. XIV. № 10346, 10660.

Т. XVI. № 11908, 12060, 12137, 12258.

Т. XVII. № 12306.

Т. XX. № 14392, 14395, 14498, 14525, 14589, 14590, 14594, 14635, 14665, 14667, 14708, 14714, 14765, 14776, 14787, 14790, 14840, 14825, 14865, 14917, 14995, 15092.

Т. XXI. № 15131, 15231, 15245, 15368, 15368, 15371, 15379, 15398, 15403, 15555, 15689, 15873.

Т. XXII. № 15971, 15997, 16073, 16089, 16129, 16170, 16272, 16275, 16324, 16344, 16384.

Т. XXIII. № 16765, 16785, 17137, 17184, 17327, 17515, 17526, 16865.

Т. XXIV. № 17702, 17827, 17875, 17905, 18036, 18036, 18194, 18269, 18250.

Т. XXV. № 18317, 18359, 18505, 18549, 18654, 18703, 19079, 19231.

Т. XXVI. № 19281, 19326, 19869, 19951, 19963.

Т. XXVII. № 20143, 20167, 20245, 20312, 20592, 20727, 20785, 20912, 20973, 21007.

Т. XXVIII. № 21207, 21209, 21312, 21322, 21564, 21686, 21716.

Т. XXX. № 22963.

Т. XXXIII. № 26515.

Т. XXXVII. № 28617, 29055.

Т. XLIII, ч. 1. № 17606, 19420, 19450, 19480, 19951.

Т. XLIV, ч. 2. № 16349, 18938, 20481, 20774, 21207, 21606, 21731, 22992, 26515, 28140, 30105, 30205.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб., 1830–1884.

Т. VIII, отд-ние 1. № 6076.

Т. XV, отд-ние 1. № 13301.

Т. XXIII, отд-ние 1. № 22391.

Сборники документов, публикации отдельных документов, описания и обозрения

Винклер П.П. Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи, внесенных в полное собрание законов с 1649 по 1900 год / сост. П.П. фон Винклер. СПб.: И.И. Иванов, 1900. 212 с.

Военно-статистическое обозрение Российской империи. Издан при 1-м отделении Департамента Генерального штаба. СПб.: Типография департамента Генерального штаба, 1853. Т. 6. Ч. 1: Московская губерния. 306 с.

Герман К.Ф. Статистическое описание Ярославской губернии / Сочиненное Карлом Германом. СПб.: Императорская Академия наук, 1808. 184 с.

Города России XVI века: материалы писцовых описаний / издание подготовлено Е.Б. Французовой. М.: Древлехранилище, 2002. 469 с.

Депутатские наказы от городских жителей Московской губернии // Сборник Императорского русского исторического общества. СПб.: Типография М. Меркушева, 1894. Т. 93. С. 83–583.

Екатерина II. О величии России. М.: ЭКСМО, 2003. 829 с.

Екатерина II. «Наказ Комиссии о сочинении проекта нового Уложения», 30 июля 1767 г. // Екатерина II. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С. 115–189.

Законодательство Екатерины II: в 2 т. М.: Юридическая литература, 2000–2001. Т. 1. 1053 с.; Т. 2. 981 с.

Законодательство Петра I. М.: Юридическая литература, 1997. 880 с.

Зябловский Е.Ф. Землеописание Российской империи для всех состояний. Санкт-петербургского педагогического института ординарного профессора Евдокима Зябловского. 1–5. СПб.: Императорская Академия Наук, 1810. Ч. III. 558 с.; Ч. IV 467 с.

Зябловский Е.Ф. Статистическое описание Российской империи в нынешнем ее состоянии, с предварительными понятиями о статистике и Европе вообще в статистическом виде / сочиненное экстраординарным профессором Евдокимом Зябловский. СПб.: Типография Императорского театра, 1808. Кн. 1. Ч 1, 2. 167 с.; Кн. 1. Ч. 3. 350 с.

Историческое и топографическое описание города Москвы. 1787 г. // Москва в описаниях XVIII века / подготовка текста, статья С.С. Илизарова. М. : Янус-К., 1997. С. 176–234.

Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М.: Наука, 1977. 443 с.

Охтенский Ф.А. Город Москва // Москва в описаниях XVIII века / подготовка текста, статья С.С. Илизарова. М. : Янус-К., 1997. С. 156–168.

Переписная книга Переславля-Залесского 1677 года Степана Тимофеевича Салтыкова и подьячего Якима Шарапова // Мазур Л. Д. Переславль-Залесский в XVII столетии: опыт историко-градостроительного анализа. М.: Коллаж, 2012. С. 47–87.

Расписание городов [на 1796 год] с показанием расстояния губернских городов от столиц, а прочих от столиц и губернских городов, сколько по сие время из присланных по требованию Академии разных известий собрать было можно // Месяцеслов на лето от Рождества Христова 1796, которое есть високосное, содержащее в себе 366 дней, сочиненный на знатнейшие места Российской империи в Санкт-Петербурге при Императорской академии наук. СПб.: [Б.и.], 1796. С. 78–96.

Росписание губернским и уездным штатным городам, по новому разделению губерний устроенным, с показанием расстояния от обеих столиц и от губернского города. Отделение 1. СПб.: [Б.и.], 1797. 27 с.

Росписание городам без уездным, оставшимся за штатом, также крепостям, местечкам и редутам. Отделение 2. [СПб.: Б.и., 1797]. 37 с.

Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. М.: Юридическая литература, 1987. Т. 5: Законодательство периода расцвета абсолютизма. 527 с.

Состояние столичного города Москвы // Москва в описаниях XVIII века / подготовка текста, статья С.С. Илизарова. М.: Янус-К., 1997. С. 156–168.

Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел: по сведениям 1859 года. Т. 6: Владимирская губерния. СПб.: Центральный Статистический комитетом Министерства внутренних дел, 1863. 283 с.

1678. Опись русских городов // Дополнения к Актам историческим, собранныя и изданныя Археографическою комиссиею. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1875. Т. 9. С. 219–314.

Чернов С. Статистическое описание Московской губернии 1811 года. М.: Университетская типография, 1812. 110 с.

Воспоминания и записки

Батурин П.С. Жизнь и похождения Г[осподина] С[татского] С[оветника] Б[атурина]: повесть справедливая, писанная им самим. Ч. 3: 1780–1798 гг. / [публ., предисл., коммент. Б.Л. Модзалевского] // Голос минувшего. 1918. № 1/3 (январь–март). С. 45–78; № 4/6 (апрель–июль). С. 173–210; № 7–9 (июль–сентябрь). С. 99–132.

Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков, 1738–1795: в 3 т. М.: Терра, 1993. Т. 1: 1738–1759. 577 с.; Т. 2: 1760–1771. 543 с.; Т. 3: 1771–1795. 609 с.

Герцен А.И. Былое и думы. Ч. 2: Тюрьма и ссылка (1834–1838) // Собрание сочинений. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956. Т. 8. С. 171–308.

Гиляровский В.А. Москва и москвичи // Сочинения: в 4 т. М.: Терра, 1997. Т. 4. С. 5–402.

Долгоруков И.М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году от рождения моего. В книгу сию включены будут все достопамятные происшествия, случившиеся уже со мною до сего года и впредь имеющие случиться. Здесь же впишутся копии с примечательнейших бумаг, кои будут иметь личную со мною связь и к собственной истории моей уважительное отношение. Т. 1-2. СПб.: Наука, 2004–2005. Т.1. 816 с.; Т. 2. 726 с.

Екатерина II. Записки императрицы Екатерины Второй. Пер. с подлинника, издание Императорской Академии наук. СПб.: А.С. Суворин, 1907. 749 с.

Екатерина II. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. 952 с.

Жихарев С.П. Дневник студента. 1805-й год // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917): сборник. М.: Современник, 1989. С. 53–59.

Загоскин М.Н. Москва и москвичи: записки Богдана Ильича Бельского, издаваемые М.Н. Загоскиным. М.: Университетская типография, 1848. 338 с.

Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. М.: РОССПЭН, 2000. 272 с.

Лубяновский Ф.П. Воспоминания // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917): сборник. М.: Современник, 1989. С. 43–48.

Малиновский А.Ф. Обозрение Москвы. М.: Московский рабочий, 1992. 256 с.

Миллер Г.Ф. [Описание городов Московской провинции] // Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России. Избранное. М.: Наука, 1996. С. 226–319.

Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. М.: Художественная литература, 1989. 296 с.

Свербеев Д.Н. Из воспоминаний // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917): сборник. М.: Современник, 1989. С. 64–79.

Сегюр Л.-Ф. Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II // Россия XVIII века глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1989. С. 313–456.

Текутьев Т.П. Инструкция о домашних порядках // Смилянская Е.Б. Дворянское гнездо середины XVIII века (Тимофей Текутьев и его «Инструкция о домашних порядках»). М.: Наука, 1998. С. 32–145.

Тимковский И.Ф. Записки // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917): сборник. М.: Современник, 1989. С. 38–42.

Толченов И.А. Журнал, или Записка жизни и приключений Ивана Алексеевича Толченова. М.: Институт истории СССР, 1974. 471 с.

Французы в России: 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев: сборник. В 3 ч. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2012. Ч. 1–2. 736 с.

Хвостов Д.И. Путевые записки графа Д.И. Хвостова, сочиненные им во время путешествия его из Санктпетербурга по Тихвинскому тракту в разные города Российской империи и обратно в Санктпетербург; с приложением Истории Смоленского кадетского корпуса, письма к графу Коновницыну, исторического описания Арзамаса и проч. и проч. М.: Университетская типография, 1824. 69 с.

Картографические источники и картографический материал

Атлас Российской империи, состоящий из 52 карт: изданный во граде Св. Петра в лето 1796-е, а царствования Екатерины II XXXV-е. СПб.: Типография Сытина, 1796. 52 л.

Атлас столичного города Москвы, составленный по распоряжению господина московского обер-полицмейстера, свиты Его Императорского Величества генерал-майора Лужина, А. Хотевым. Издан с утверждения господина московского военного генерал-губернатора генерал-адъютанта графа А.А. Закревского. М.: Типография Ведомостей Московской городской полиции, 1852-1853 гг.

Вильдбрехт А.М. Российский атлас из сорока четырех карт состоящий и на сорок на два наместничества Империю разделяющий. Сочинен, гравирован и печатан при Горном училище. [СПб.]: Типография Горного училища, 1792. 45 л.

Географический атлас Российской Империи, царства Польского и Великого Княжества Финляндского, расположенный по губерниям на двух языках с означением городов, местечек, сел, деревень и всех примечательных

мест, почтовых и больших проезжих дорог, станций и расстояний между оными, и прочими селениями в верстах и милях на 70 листах с Генеральною картою и таблицей расстояния верст по почтовым дорогам между знатнейшими городами. Сочинен по новейшим и достоверным сведениям, в пользу обучающихся Российской Географии и для составления дорожников путешественникам, служащим в Военно-топографическом депо, Свиты Его Императорского Величества по квартирмейстерской подполковником Пядышевым, начат в 1820 г., окончен в 1827 г. и исправлен в 1834 г. СПб., 1820–1827. 54 л.

Карманный почтовый атлас всей Российской Империи, разделенной на губернии с показанием главных почтовых дорог. Сочинен гравирован и печатан в 1808 году при собственном Его Императорского Величества Депо карт в Санкт Петербурге. СПб., 1808. 36 л.

Кусов В.С. Земли Московской губернии в XVIII веке. Карты уездов. М.: Московия, 2004. 15 карт.

Произведения художественной литературы

Гоголь Н.В. Мертвые души: поэма. // Гоголь Н.В. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 5. М.: Русская книга, 2004. 608 с.

Гоголь Н.В. Ревизор // Собрание сочинений: в 9 т. Т. 4. М.: Русская книга, 2004. С. 203–289.

Пушкин А.С. Евгений Онегин: роман в стихах // Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4: Евгений Онегин. Драматические произведения. М.: Художественная литература, 1960. С. 5–197.

Фонвизин Д.И. Недоросль // Собрание сочинений: в 2 т. Т. 2. М.; Л.: Художественная литература, 1959. С. 105–177.

Справочная литература

Архитектура и градостроительство. Энциклопедия. / Гл. ред. А.В. Иконников. М.: Стройиздат, 2002. 688 с.

Брокгауз Ф.А. Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон: в 86 т. СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1890–1907.

Власть. Губернаторы России: краткий биографический справочник / автор-составитель В.Н. Лысенко и другие. М.: Солид, 1996. 271 с.

Государственность России (конец XV – февраль 1917 г.): словарь-справочник. М.: Наука, 1996–2001. Кн. 1. 1996. 330 с.; Кн. 2. 1999. 446 с.; Кн. 3. 2001. 446 с.; Кн. 4. 2001. 471 с.

Губернии Российской империи. История и руководители, 1708–1917. М.: Объединенная редакция МВД России, 2003. 480 с.

Ильин М. Москва и Подмосковье: справочник-путеводитель / М. Ильин, Т. Моисеева. М.: Искусство, 1979. 584 с.

Москва: Энциклопедия. М.: Большая российская энциклопедия, 1997. 974 с.

Москва: Энциклопедия. М: Советская энциклопедия, 1980. 688 с.

Памятники архитектуры Московской области: каталог: в 2 т. М.: Искусство, 1975. Т. 1. 373 с.; Т. 2. 376 с.

Памятники архитектуры Московской области: иллюстрированный научный каталог / под общ. ред. Е.Н. Подъяпольской. М.: Стройиздат, 1998–1999. Вып. 1. 1998. 286 с.; Вып. 2. 1999. 319 с.; Вып. 3. 2001. 303 с.

Русская периодическая печать (1702–1894): Справочник. М.: Политическая литература, 1959. 835 с.

Семенов-Тян-Шанский П.П. Географическо-статистический словарь Российской империи. СПб.: А.Н. Турубаев, 1863–1885. 5 т.

Старые русские города: справочник-путеводитель / авт. текста и сост. Г.К. Вагнер. М.: Искусство; Лейпциг: Эдицион, 1980. 419 с.

Сухарева О.В. Кто был кто в России от Петра I до Павла I. М.: АСТ, 2005. 701 с.

Туркестанов Н. Губернаторские списки, 1797–1861 / сост. кн. Николаем Туркестановым. М.: Типо-литография. В.А. Мазурова, 1894. 72 с.

Туркестанов Н. Губернский служебник или Список генерал-губернаторам, правителям, поручикам правителя, председателям уголовной и гражданской палат и дворянским предводителям в 47 наместничествах (губерний) / сост. кн. Н. Туркестановым (1777–1796 г.): Типография В.В. Нусвальта. СПб., 1869. 143 с.

Литература

Агеева О.Г. Дипломатический церемониал императорской России, XVIII век. М.: Новый хронограф, 2012. 891 с.

Акельев Е.В. «И впредь в Кремле колодников отнюдь держать не велеть» [Электронный ресурс]: эволюция отношения к заключенным в Москве в первой половине XVIII в. // Германский институт в Москве. Доклады по истории XVIII и XIX вв. 2012. № 12. URL: www.hse.ru/pubs/share/direct/document/58766871 (дата обращения: 14.01.2017).

Акельев Е.В. Повседневная жизнь воровского мира Москвы во времена Ваньки Каина. М.: Молодая гвардия, 2012. 416 с.

Александров Г.Н. К столетнему юбилею Московского дворянского клуба // Русский архив. Т. 4. 1879. С. 523–524.

Алексеев В.Н. Графы Воронцовы и Воронцовы-Дашковы в истории России. М.: Центрполиграф, 2002. 476 с.

Андреев Н.В. Методология и история отечественной историографии развития городов и городского хозяйства России последней четверти XVIII – первой половины XIX в. Екатеринбург: Издательство УрГУ; Пермь: ПГПУ, 2003. 317 с.

Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 331 с.

Анисимов Е.В. Императорская Россия. СПб.: Питер, 2008. 672 с.

Анисимов Е.В. Реформы Екатерины II // Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. М.: ОЛМА-ПРЕСС Экслибрис, 2006. С. 150–174.

Анциферов Н.П. Пути изучения города как социального организма: опыт комплексного анализа. Л.: Сеятель, 1926. 150 с.

Анциферов Н.П. Книга о городе / Н. и Т. Анциферовы. Л.: Брокзауз-Ефрон, 1926–1927.

Апухтин В.Р. Сердце России первопрестольная столица Москва и Московская губерния в Отечественную войну: А[лександр] I 1812 – Н[иколай] II 1912: очерк и архивные материалы: с приличных точных оттисков с воззванием к первопрестольной столице Москве от 6 июля 1812 г. и с указа от 25 июля 1812 г. о составе комитетов Московской военной силы, рисунок и плана Москвы (после пожара). М.: Типография. В.И. Воронова, 1912. 60 с.

Архитектурные ансамбли Москвы XV – начала XX веков: принципы художественного единства / под ред. Т.Ф. Саваренской. М.: Стройиздат, 1997. 471 с.

Ассонов В.И. К истории театра в Калуге // Известия Калужской ученой архивной комиссии. Вып. XXI. Калуга, 1911. С. 56–69.

Баггер Х. Реформы Петра Великого. Обзор исследований. М.: Прогресс, 1985. 198 с.

Балязин В.Н. Московские градоначальники, 1709–1909. М.: Терра, 1997. 429 с.

Барщевский И. Исторический очерк города Ярославля, составленный действительным членом Ярославской ученой архивной комиссии И. Барщевским // История губернского города Ярославля: Сборник. Историко-краеведческое издание. Ярославль: А.М. Рутман, 2006. С. 201–295.

Бескин Э.[М.]. История русского театра. Ч. I. М.; Л.: Государственное издательство, 1928. 239 с.

Баранский Н.Н. Методика преподавания экономической географии. М.: Просвещение, 1990. 303 с.

Бескин Э.М. История русского театра. Ч. I. М.;Л.: [Б.и.], 1928. 243 с.

Бессонов В. Усыпальница рода Гончаровых // Калужское наследие. 2018. № 5. С. 56-63.

Богданов Л.С. Страницы из жизни крепостных театров Владимирского края // Из прошлого Владимирского края: сборник статей. Вып. I. Владимир: Издание Владимирского окружного научного краеведческого общества, 1930. С. 43–60.

Боже-Гарнье Ж. Очерки по географии городов / Ж. Боже-Гарнье, Ж. Шабо. М.: Прогресс, 1967. 424 с.

Бокова В.М. Повседневная жизнь Москвы в XIX веке. М.: Молодая гвардия, 2010. 540 с.

Бондаренко И.А. Древнерусское градостроительство: традиции и идеалы. М.: УРСС, 2002. 107 с.

Будяк Л.М. Новиков в Москве и Подмосковье. М.: Московский рабочий, 1970. 128 с.

Бусева-Давыдова И.Л. Города-крепости по Засечным чертам юга Московского государства / И.Л. Бусева-Давыдова, Н.Н. Годлевский // Русское градостроительное искусство. Градостроительство Московского государства XVI–XVII веков / под общ. ред. Н.Ф. Гуляницкого. М.: Стройиздат, 1998. С. 59–87.

В.А.М. [Михайловский В.А.]. Историческая справка о Большом театре в связи с императорскими московскими театрами. М.: Типография Императорских московских театров. 1900. 12 с.

Ватник Н.[С.] Многоликий герб Коломны: образцы и применение во времена империи// Коломенский альманах. Литературный ежегодник. Вып. 25. 2021. С. 293-312.

Ватник Н.С. Просвещение // Подмосковье из века в век: [сборник исторических очерков] / отв. ред. Н.С. Ватник, В.Н. Захаров. М.: Московия, 2006. С. 443–464.

Велихов Л.А. Основы городского хозяйства: общее учение о городе, его управлении, финансах и методах хозяйства. М.: Наука, 1996. 468 с.

Власова И.В. Поселения / И.В. Власова, Д.Н. Шанский // Очерки русской культуры XVIII века. Ч. I. М.: Издательство Московского университета, 1985. С. 285–318.

Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. 2-е изд. М.: ОЛМА-ПРЕСС Экслибрис, 2006. 736 с.

Водарский Я.Е. Зарайск: тайна рождения // Зарайск. М.: Древлехранилище, 2002. Т. 1: Исторические реалии и легенды. С. 178–253.

Водарский Я.Е. Расширение территории России XVI – XVII вв. // Российская империя от истоков до начала XIX века очерки социально-политической и экономической истории. М.: Русская панорама, 2011. С. 50–67.

Водарский Я.Е. Население и территория // История Москвы с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Т. 1. М.: Издательство объединения Мосгорархив, 1997. С. 281–289.

Водарский Я.Е. Проблемы сущности, времени и места основания русских городов // Водарский Я.Е. Исследования по истории русского города (факты, обобщения, аспекты). М.: Институт российской истории, 2006. С. 5–49.

Водарский Я.Е., Истомина Э.Г. Православные монастыри России и их роль в развитии культуры (XI – начала XX в.). Тула: Гриф и К. 2009. 552 с.

Вострышев М.И. Московские обыватели. М.: Молодая гвардия, 2003. 418 с.

Войтоловская Э.Л. Комедия Н.В. Гоголя «Ревизор»: комментарий. Л.: Просвещение. Ленинградское отделение, 1971. 272 с.

Всеволодский-Гернгросс В.Н. Театр в России при императрице Елисавете Петровне. СПб.: Гиперион, 2003. 336 с.

Галаншина Т.Г. Владимирский централ / Т.Г. Галаншина, И.В. Закурдаев С.Н. Логинов. М.: Эксмо, 2008. 411 с.

Гарнюк С.Д. Резиденция московских властей: Тверская, 13 / С.Д. Гарнюк, О.В. Кузовлева, А.Н. Шаханов. М.: Мосгорархив, 1996. 72 с.

Герасимов Ю.Н. Ансамбли Москвы эпохи классицизма / Ю.Н. Герасимов, П.В. Панухин, Д.О. Швидковский // Архитектурные ансамбли Москвы XV – начала XX веков: принципы художественного единства / под ред. Т.Ф. Саваренской. М.: Стройиздат, 1997. С. 201–232.

Герман К.Ф. Статистическое описание Ярославской губернии, сочиненное Карлом Германом. СПб.: Императорская Академия наук, 1808. 182 с.

Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Т. 1: 1762–1825. М.: Госюриздат, 1951. 328 с.

Головщиков К.Д. История губернского города Ярославля // История губернского города Ярославля: сборник. Историко-краеведческое издание. Ярославль: А.М. Рутман, 2006. С. 14–199.

Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И. Регионоведение: Учебник. М.: Гардарики, 2000. 384 с.

Голубев А.А. Сыскной приказ. Общественный быт и судопроизводство: по документам Московского архива Министерства юстиции / сост. А.А. Голубев. М.: Типография Л.Ф. Снегирева, 1884. 192 с.

Города Подмосковья: в 3 кн. М.: Московский рабочий, 1979–1981. Кн. 1. 1979. 640 с. Кн. 2. 1980. 608 с.; Кн. 3. 1981. 736 с.

Города Сибири: (эпоха феодализма и капитализма). Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1978. 335 с.

Градовский А.Д. Собрание сочинений. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1899. Т. 2: История местного управления в России. Т. I: Введение. Уезд Московского государства. 492 с.

Градостроительство Сибири. СПб.: Коло, 2011. 783 с.

Гревс И.М. Монументальный город и исторические экскурсии: (основная идея образовательных экскурсий по крупным центрам культуры) // Экскурсионное дело. Пг.: [Б.и.], 1921. С. 11–32.

Григорьев В. Реформа местного управления при Екатерине II: (Учреждение о губерниях 7 ноября 1775 г.). СПб.: Русская скоропечатня, 1910. 382 с.

Гуляницкий Н.Ф. Ансамблевая застройка Москвы в последней трети XVIII – начала XIX в. // Русское градостроительное искусство. Москва и сложившиеся русские города XVIII – первой половины XIX веков / под общ. ред. Н.Ф. Гуляницкого. М.: Стройиздат, 1998. С. 92–129.

Гуляницкий Н.Ф. Города как административные центры // Русское градостроительное искусство. Петербург и другие новые российские города XVIII–XIX веков / под общ. ред. Н.Ф. Гуляницкого. М.: Стройиздат, 1995. С. 380–389.

Гуляницкий Н.Ф. Москва в последней трети XVIII – начала XIX в. Структура и облик города // Русское градостроительное искусство: Москва и сложившиеся русские города XVIII – первой половины XIX веков / под общ. ред. Н.Ф. Гуляницкого. М.: Стройиздат, 1998. С. 73–87.

Гуляницкий Н.Ф. Москва после Отечественной войны 1812 года // Русское градостроительное искусство. Москва и сложившиеся русские города XVIII – первой половины XIX веков / под общ. ред. Н.Ф. Гуляницкого. М.: Стройиздат, 1998. С. 130–176.

Гуляницкий Н.Ф. Города и посады с крупными центрами культового назначения / Н.Ф. Гуляницкий, О.В. Гришинчук // Русское градостроительное искусство. Градостроительство Московского государства XVI–XVII веков / под общ. ред. Н.Ф. Гуляницкого. М.: Стройиздат, 1994. С. 249–278.

Гуськов А.Г. Великое посольство Петра I: источниковедческое исследование. М.: Институт российской истории, 2005. 396 с.

Девятов С.В. Московский кремль из глубины веков. / С.В. Девятов, Е.В. Журавлева. М.: РООССА, 2007. 304 с.

Демкин А.В. Кабинет министров императрицы Анны Иоанновны и управление территориями Российско империи. 1731-1740 гг. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2021. 254 с.

Демкин А.В. Купеческие наказы 1767 г. в Уложенную комиссию // Купечество в России, XV – первая половина XIX века: сборник статей в честь проф. А.А. Преображенского. М.: Институт российской истории, 1997. С. 219–231.

Демкин А.В. Петр Великий и управление территориями Российского государства. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2021. 168 с.

Демкин А.В. Русские деловые люди XVIII столетия. М.: Ломоносов, 2019. 192 с.

Демкин А.В. Столица «Московского царства» – последний век (XVII столетие) // История Москвы с древнейших времен до наших дней: в 3 т. М.: Мосгорархив, 1997. Т. 1: XII–XVIII вв. Гл. VII. С. 219–280.

Ден В.Э. Население России по пятой ревизии. Подушная подать в XVIII веке и статистика населения в конце XVIII века. М.: Университетская типография, 1902. Т. 1. 377 с.; Т. 2. Ч. 2. 319 с.

Дитятин И.И. Наши города за первые три четверти настоящего столетия // Дитятин И.И. Статьи по истории русского права. СПб.: Первая скоропечатня А. Пороховщикова, 1895. С. 33–48.

Дитятин И.И. Русский дореформенный город // Дитятин И.И. Статьи по истории русского права. СПб.: Первая скоропечатня А. Пороховщикова, 1895. С. 1–32.

Дитятин И.[И.]. Устройство и управление городов России. Т. I: Введение. Города России в XVIII столетии. СПб.: Типография П.П. Меркульева, 1875. 508 с.

Дитятин И.[И.]. Устройство и управление городов России. Т. 2: Городское самоуправление в России. Городское самоуправление до 1870 года. Ярославль: Типография Г.В. Фальк, 1877. 565 с.

Долгопятов А.В. Эти тихие уездные города: о социально-экономическом развитии малых городов Московской губернии во второй половине XIX – начале XX века. М.: АИРО-XXI, 2015. 228 с.

Домников С.Д. Мать-земля и Царь-город: Россия как традиционное общество. М.: Алетейя, 2002. 672 с.

Дружинина Е.И. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. 279 с.

Евсина Н.А. Русская архитектура в эпоху Екатерины II: барокко – классицизм – неоготика. М.: Наука, 1994. 219 с.

Елисеева О.И. Повседневная жизнь русских литературных героев, XVIII – первая треть XIX века. М.: Молодая гвардия, 2014. 400 с.

Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая школа, 1983. 352 с.

Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России // Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Издательство РГГУ, 2008. С. 11–356.

Жуковская Т.Н. Университеты и университетские традиции в России. Петрозаводск: Издательство ПГУ, 2011. 140 с.

Забелин И.[Е.]. Хроника общественной жизни в Москве с половины XVIII столетия // Забелин, И.[Е.]. Опыты изучения русских древностей и истории. Ч. 2. М.: [Б.и.], 1873. С. 351–505.

Закурдаев И.[В.]. Владимирский централ: история Владимирской тюрьмы. М.: РИПОЛ классик, 2013. 288 с.

Зверинский В.В. Монастыри в Российской империи // Статистический временник Российской империи. Сер. 3. Вып. 18. СПб.: Издание Центрального статистического комитета МВД, 1887. 105 с.

Звягинцев Е. Чума в Москве в XVII и XVIII вв. // Исторический журнал. 1937. № 2. С. 52–59.

Зорин А.Н. Города и посады дореволюционного Поволжья: историко-этнографическое исследование населения и поселенческой структуры городов российской провинции второй половины XVI – начала XX в. Казань: Издательство Казанского университета, 2001. 703 с.

Иванова Н.А. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века) / Н.А. Иванова, В.П. Желтова. М.: Новый хронограф, 2010. 752 с.

Иконников В.С. Время Екатерины второй: спец. курс, составлено по лекциям В.С. Иконникова, ординарного профессора Университета святого Владимира. Вып. 1–4. Киев: Литография Г. Розенталя, 1881–1882. 4 т.

Илизаров С.С. Становление урбанистики в России: из истории научной мысли XVIII столетия. М.: Янус-К, 2004. 188 с.

Истомина Э.Г. Водные пути России во второй половине XVIII – начале XIX века. М.: Наука, 1982. 277 с.

Истомина Э.Г. Водный транспорт России в дореформенный период: (историко-географическое исследование). М.: Наука, 1991. 263 с.

Истомина Э.Г. Границы, население, города Новгородской губернии (1727–1917 гг.): очерки по административно-территориальному делению. [Новгород]: Лениздат. [Новгородское отделение], 1972. 186 с.

Истомина Э.Г. Дмитров: культурообразующие функции городской среды во второй половине XVIII – XIX в. // Историческая география России: новые подходы: сборник статей, посвященный 70-летию В.М. Кабузана. М.: Институт российской истории, 2004. С. 200–209.

Истомина Э.Г. Дороги России в XVIII – начале XIX века // Исследования по истории России XVI–XVIII вв.: сборник статей в честь 70-летия Я.Е. Водарского. М.: Институт российской истории, 2000. С. 181–208.

Истомина Э.Г. Европейский Север: региональный подход // Российская история. 2009. № 3. С. 15–27.

История Владимирского края с древнейших времен до наших дней: учебник для старших классов общеобразовательных учреждений Владимирской области / под ред. Д.И. Копылова. Владимир: Дюна, 2006. 392 с.

История Москвы с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Т. 1: XII–XVIII вв. М.: Издательство объединения Мосгорархив, 1997. 432 с.

История московских районов: энциклопедия / под ред. К.А. Аверьянова. М.: Астрель: АСТ, 2010. 830 с.

История Ярославского края с древнейших времен до конца 20-х гг. XX века / под общ. ред. А.М. Селиванова. Ярославль: Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, 2000. 387 с.

Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в.: (по материалам ревизий). М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. 230 с.

Калужские губернаторы: биобиблиографические очерки. Калуга: Золотая аллея, 2001. 192 с.

Калужский театр. Тула: Приокское книжное издательство, 1977. 206 с.

Каменский А.Б. Екатерина II // Екатерина II. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С. 5–36.

Каменский А.Б. Центральное и местное управление и территориальное устройство в контексте реформ XVIII века // Административно-территориальное устройство России: история и современность. М., 2003. С. 58–99.

Каменский А.Б., Корчмина Е.С., Серов Д.О. Реформы Петра Великого // Реформы в России с древнейших времен до конца XX в.: в 4 т. Т. 2. XVIII – первая половина XIX в. / отв. Ред. А.Б. Каменский. М. РОССПЭН, 2016. С. 24–940.

Кафенгауз Б.Б. Город и городская реформа 1785 г. // Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. М.: Академия наук СССР, 1956. С. 151–165.

Кизеветтер А.А. Городовое положение Екатерины II 1785 г.: опыт исторического комментария. М.: Типография Императорского Московского университета, 1909. 473 с.

Кизеветтер А.А. Посадская община в России XVIII ст. М.: Университетская типография, 1903. 810 с.

Кизеветтер А.А. Русский город в XVIII ст. // Кизеветтер А.А. Исторические очерки. М. [Б.и.], 1912. С. 209–286.

Кириллов В.В. Архитектура и градостроительство Подмосковья: (картина развития с XIV в. до 1917 г.) // Русский город. М.: Издательство Московского университета, 1980. Вып. 3. С. 120–132.

Клокман Ю.Р. Историография русских городов второй половины XVII – XVIII вв. // Города феодальной России: сборник статей памяти Н.В. Устюгова. М.: Наука, 1966. С. 51–64.

Клокман Ю.Р. Очерки социально-экономической истории городов северо-запада России в середине XVIII в. М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. 221 с.

Клокман Ю.Р. Социально-экономическая история русского города, вторая половина XVIII века. М.: Наука, 1967. 335 с.

Ковальчук А.В. Вторая столица империи («порфироносная вдова») // История Москвы древнейших времен до наших дней: в 3 т. М.: Мосгорархив, 1997. Т. 1. Гл. VIII, [§] 3. С. 293–303.

Ковальчук А.В. Сердце российской торговли // История Москвы с древнейших времен до наших дней: в 3 т. М.: Мосгорархив, 1997. Т. 1. Гл. VIII, [§] 7. С. 327–338.

Козлов П. Ярославль: путеводитель / П. Козлов, А. Суслов, С. Чураков. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1980. 206 с.

Козлова Н.В. Люди дряхлые, больные, убогие в Москве XVIII века. М.: РОССПЭН, 2010. 359 с.

Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII в.: 20-е – начало 60-х годов. М.: Археографический центр, 1999. 384 с.

Кондратьев И.К. Седая старина Москвы: исторический обзор и полный указатель ее достопамятностей. М.: Воениздат, 1996. 528 с.

Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М.: Высшая школа, 1993. 447 с.

Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. М.: Республика, 1992. 301 с.

Котова О.А. Государственная деятельность Екатерины II: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Московский государственный педагогический университет. М., 2000. 199 с.

Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: социальные и культурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2008. 446 с.

Кошман Л.В. Русский город в XIX веке: социальный аспект исследования: дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова М., 2001. 362 с.

Красин В.М. Человек в иной культуре: ссылка с Кавказа в губернии центрально-европейской России во второй половине XIX – начале XX в. Калуга: Ноосфера, 2012. 226 с.

Куприянов А.И. Выборы в русской провинции (1775–1861 гг.). М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 398 с.

Куприянов А.И. Городская культура русской провинции, конец XVIII – первая половина XIX века. М.: Новый хронограф, 2007. 476 с.

Куприянов А.И. Культура городского самоуправления русской провинции, 1780–1860-е годы. М.: Институт российской истории, 2009. 326 с.

Куприянов А.И. Российское Благородное собрание и модернизация публичной жизни в дореформенной России // Уральский исторический вестник. 2015. № 4 (49). С. 36–44.

Куприянов А.И. Русский город в первой половине XIX века: общественный быт и культура горожан Западной Сибири. М.: АИРО-XX, 1995. 157 с.

Куприянов А.И. Электоральное поведение русского дворянина (1770–1820-е гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2012. № 1. С. 5–19.

Купцова О.Н. Русский усадебный театр последней трети XVIII в: феномен «столичности» в провинциальной культуре // Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века / ред. О. Глаголева, И. Ширле. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 578–597.

Кусов В.С. Земли Московской губернии в XVIII веке. М.: Московия, 2004. Т. 1: Описания землевладений. 315 с.; Т. 2: Описания землевладений. 397 с.

Кучкин В.А. Города Северо-Восточной Руси в XIII–XV веках: (крепость и посад; городское население) // История СССР. 1991. № 2. С. 73–84.

Лаппо Г.М. Административно-территориальное деление и города-центры // География. 2002. № 15 URL: https://geo.1sept.ru/article.php?ID=200201505 (дата обращения: 07.04.2021)

Лаппо Г.М. Вице-столицы российских регионов // Первое сентября. География. 2008. № 3 (февраль). С. 5–13.

Лаппо Г.М. География городов: учебное пособие для географических факультетов вузов. М.: Владос, 1997. 480 с.

Лаппо Г.М. Города России. Взгляд географа. М.: Новый хронограф, 2012. 503 с.

Лаппо Г.[М.]. Города – центры единиц административно-территориального деления России // Демоскоп Weekly: электронная версия бюллетеня «Население и общество». 2005. № 217–218, 10–23 окт. URL: www.demoscope.ru/weekly/2005/0217/analit02.php (дата обращения: 07.04.2021).

Лаппо Г.М. Россия и ее регионы в XX веке: территория - расселение - миграции / Под ред. О. Глезер и П. Поляна. М.: ОГИ, 2005 С. 96-110.

Лаппо Г.М. Результаты урбанизации России к концу XX века / Г.М. Лаппо, П.М. Полян // Мир России. 1999. Т. 8. № 4 (24). С. 35–46.

Летенков Э.В. Губернские, областные, войсковые, епархиальные ведомости, 1838–1917. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2005. 146 с.

Ломако Е.Л. «Дабы свеча не угасла…»: Отечественная война 1812 года и память о ней в коломенских реалиях прошлого и настоящего // Труды Коломенской духовной семинарии. Вып. VIII. М.: Русский раритет, 2013. С. 130–134.

Ломако Е.Л. Русский провинциальный город екатерининской эпохи. Коломна второй половины XVIII века. М.: Лига, 2013. 398 с.

Мадариага Исабель де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 973 с.

Мазур Л.Д. Переславль-Залесский в XVII столетии: опыт историко-градостроительного анализа: с прил. переписной книги 1677 года Степана Тимофеевича Салтыкова и подьячего Якима Шарапова. М.: Коллаж, 2012. 82 с.

Мак И. Кремлевский округ // Московское наследие. 2013. № 30. С. 8–13.

Марченко Н. Полотняный завод – дворянская усадьба Гончаровых // Калужское наследие. 2018. № 5. С. 66-72.

Малинин Д.[И.]. Начало театра в Калуге: (к истории Калужского театра XVIII века). Калуга: Губернская типо-литография, 1912. 42 с.

Марасанова В.М. Комментарии / В.М. Марасанова, А.М. Рутман // История губернского города Ярославля: сборник. Историко-краеведческое издание. Ярославль: Издательство Александра Рутмана, 2006.

Мартин А. Просвещенный метрополис: созидание имперской Москвы, 1762–1855. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 446 с.

Мельникова Л.В. Армия и Православная Церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн. М.: Кучково поле, 2007. 413 с.

Микроурбанизм. Город в деталях / сборник стаей; под ответственной редакцией О. Бредниковой, О. Запорожец. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 352 с.

Милюков П.В. Очерки по истории русской культуры. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1909. 316 с.

Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции в имперской России, XVIII – начало XX века. М.: Новый хронограф, 2010. 911 с.

Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1990. 271 с.

Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 1. 547 с.; Т. 2. 566 с.

Московская область: История. Культура. Экономика. М.: Дизайн. Информация. Картография, 2005. 839 с.

Нащокина М.В. Художественное своеобразие послепожарной Москвы // Архитектурные ансамбли Москвы XV – начала XX веков: принципы художественного единства / под ред. Т.Ф. Саваренской. М.: Стройиздат, 1997. С. 270–302.

Носарев А.В. Мосты Москвы: мосты через Москву-реку и канал им. Москвы: (инженерно-исторические очерки) / А.В. Носарев, Т.А. Скрябина. М.: Вече, 2004. 256 с.

Печорин Я.[И.]. Наши государственные ассигнации до замены их кредитными билетами, 1769– 1843: материалы и факты из прежней истории русских финансов // Вестник Европы. 1876. Т. IV, № 8. С. 607–648.

Писарькова Л.Ф. Городские реформы в России и Московская дума. М.: Новый хронограф: АИРО-XXI, 2010. 735 с.

Писарькова Л.Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX века: замыслы, проекты, воплощение. М.: Новый хронограф, 2012. 447 с.

Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: эволюция бюрократической системы. М.: РОССПЭН, 2007. 743 с.

Писарькова Л.Ф. Развитие местного самоуправления в России до Великих реформ: обычай, повинность, право // Отечественная история. 2001. № 2. С. 3–27; № 3. С. 25–39.

Повседневная жизнь провинциального города Владимира в последней трети XVIII – первой половине XIX в.: монография / И.И. Шулус, Н.В. Киприянова, Н.В. Мягтина, В.А. Черничкина; под ред. И.И. Шулус. Владимир: ВлГУ, 2009. 270 с.

Погожев В.П. Проект законоположений об Императорских театрах. Составлен по поручению Министра Императорского Двора. Т. 1: Положения общие. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1900. 475 с.

Погожев В.П. Столетие организации Императорских Московских театров: (опыт исторического обзора). СПб.: Дирекция императорских театров, 1906–1908. Вып. I. Кн. 1. 380 с.; Вып. I. Кн. 2. 304 с.

Подмосковье из века в век: сборник исторических очерков / отв. ред. Н.С. Ватник, В.Н. Захаров. М.: Московия, 2006. 528 с.

Пухов В.А. История города Калуги. Калуга: Золотая аллея, 2015. 190 с.

Пушкарев Л.Н. Москва в XVIII столетии. Благоустройство Москвы // История Москвы древнейших времен до наших дней: в 3 т. М.: Мосгорархив, 1997. Т. 1: XII–XVIII вв. Гл. VIII. С. 289–293.

Пыляев М.И. Старая Москва: рассказы из былой жизни первопрестольной столицы. М.: Московский рабочий, 1990. 416 с.

Рабинович М.Г. Город и городской образ жизни // Очерки русской культуры XVIII века. Ч. 4. М.: Издательство Московского университета, 1990. С. 252–298.

Рабинович М.Г. К определению понятия «город»: (в целях этнографического изучения) // Советская этнография. 1983. № 3. С. 19–24.

Разгон В.Н. Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX в.: региональный аспект предпринимательства. Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 1999. 657 с.

Рассолов Г.А. Институт генерал-губернаторства в Российской империи (1775 г. – конец XIX в.): автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. М., 2005. 27 с.

Рахматуллин М.[А.]. Императрица Екатерина Вторая // Наука и жизнь. 2003. № 4. С. 84–95.

Розенталь И.С. «И вот общественное мненье!»: клубы в истории российской общественности, конец XVIII–XX вв. М.: Новый хронограф, 2007. 398 с.

Розыскная экспедиция при Московской губернской канцелярии, 1763–1782 г. // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции / сост. Н.В. Калачев. М.: Типография Л.Ф. Снегирева, 1884. Кн. 4. С. 136–192.

Российская провинция: среда, культура, социум: (очерки истории города Дмитрова, конец XVIII – XX век) / отв. ред. Э.А. Шулепова. М.: Российский институт культурологии, 2006. 456 с.

Российская провинция: среда, культура, социум: очерки истории города Сергиева Посада, конец XVIII – XX век / отв. ред. Э.А. Шулепова. М.: РОССПЭН, 2011. 496 с.

Русское градостроительное искусство. Градостроительство Московского государства XVI– XVII веков / под общ. ред. Н.Ф. Гуляницкого. М.: Стройиздат, 1994. 316 с.

Русское градостроительное искусство. Москва и сложившиеся русские города XVIII – первой половины XIX веков / под общ. ред. Н.Ф. Гуляницкого. М.: Стройиздат, 1998. 438 с.

Русское градостроительное искусство. Петербург и другие новые российские города XVIII – первой половины XIX веков / под общ. ред. Н.Ф. Гуляницкого. М.: Стройиздат, 1995. 402 с.

Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. 559 с.

Рындзюнский П.Г. Новые города России конца XVIII в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М.: Издательство восточной литературы, 1963. С. 359–370.

Рындзюнский П.Г. Основные факторы городообразования в России второй половины XVIII в. // Русский город: историко-методологический сборник. [Вып. 1]. М., 1976. С. 105–127.

Сайко Э.В. Древнейший город. Природа и генезис (Ближний Восток. IV – II тыс. до н.э.). М.: Наука, 1996. 207 с.

Сбитнева И.С. Владимир. Т. 1: Исторический путеводитель по старому городу. Владимир: Рекламное агентство Петра 4, 2010. 160 с.

Середа Н.В. Реформа управления Екатерины Второй: источниковедческое исследование. М.: Памятники ист. мысли, 2004. 444 с.

Сибирские города XVII – начала XX века. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1981. 222 с.

Симонова Е.В. «Гений места»: опыт и перспективы изучения «культурных гнезд» Тульского региона // Гений места: выдающиеся деятели Тульского края – городу и миру: сборник материалов научно-практической конференции (Тула, 18 апр. 2014 г.). Тула: Издательство ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2014. С. 3–8.

Симонова Е.В. Провинциальные города Тульской губернии в XIX веке. Тула: ИПК Гриф и К., 2005. 236 с.

Скубневский В.А. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Ч. 1: Население. Экономика / В.А. Скубневский, Ю.М. Гончаров. Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2003. 359 с.

Скубневский В.А. Города России во второй половине XIX века: учебное пособие. Барнаул: Азбука, 2012. 116 с.

Славнитский Н.Р. Санкт-Петербургская крепость и церемонии, связанные с российским царствующим домом, в годы царствования императора Николая I // Культура и искусство эпоху Николая I: материалы VI научная конференция (23–24 окт. 2008 г.). СПб.: Алина, 2008. С. 137–148.

Смилянская Е.Б. Дворянское гнездо середины XVIII века: Тимофей Текутьев и его «Инструкция о домашних порядках». М.: Наука, 1998. 203 с.

Смирнов Г.К. Общественная архитектура второй половины XVIII века в провинциальных городах России: дис. … канд. искусствоведения: 18.00.01 / Государственный институт искусствознания. М., 2003. 293 с.

Смирнова-Чикина Е.С. Поэма Н.В. Гоголя «Мертвые души»: литературный комментарий: пособие для учителя. М.: Просвещение, 1964. 277 с.

Соболева Н.А. История государственной символики России. М.: Академический проект, 2017. 635 с.

Соболева Н.А. Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. М.: Наука, 1981. 263 с.

Соболева Н.А. Старинные гербы российских городов. М.: Наука, 1985. 176 с.

Сорокин В.В. Памятные места Мясницкой улицы // Наука и жизнь. 2000. № 3. С. 108–117.

Соколов А.К. Историческая география России: учебное пособие. М.: Русское слово-учебник, 2016. 472 с.

Старикова Л.М. Театр в России XVIII века: опыт документального исследования / Российская академия наук, Государственный. Институт искусствознания: Государственный центральный театральный музей им. А.А. Бахрушина. М.: [Б.и.], 1997. 152 с.

Сун Э.Ф. Древнее село Подол – Пехра тож: вехи тысячелетней истории. М.: Глобус, 2001. 32 с.

Сытин П.В. Из истории московских улиц: (очерки). [М.]: Московский рабочий, 1952. 564 с.

Сытин П.В. История планировки и застройки Москвы: материалы и исследования. Т. 2: 1762–1812. М.: [Б. и.], 1954. 624 с.

Театральная жизнь России в эпоху Елизаветы Петровны: документальная хроника, 1741–1750 / сост. Л.М. Старикова. М.: Наука, 2003. 862 с.

Территория и власть в Новой и Новейшей истории Российского государства / отв. ред. В.Н. Захаров. М.: РОССПЭН, 2012. 407 с.

Трейтер П. К вопросу о местоположении Калуги в XVIII столетии: (реферат, читанный заседании 7-го ноября) // Известия Калужской ученой архивной комиссии. Вып. III: 1899 г. Калуга: Типолитография Губернского правления, 1900. С. 11–30.

Тихомиров М.Н. Средневековая Россия на международных путях. XIV – XV вв. // Древняя Москва. XII – XV вв.; Средневековая Россия на международных путях. XIV – XV вв. М.: Московский рабочий. 1992. С. 183-309.

Тиц А.А. По окраинным землям владимирским (Вязники, Мстера, Гороховец). М.: Искусство, 1969. 143 с.

Удовик В.А. Р.И. Воронцов и Вольное экономическое общество // Воронцовы – два века в истории России. Вып. 2. Материалы Пятых Воронцовских чтений, посвященных 190-летию со дня смерти графа Александра Романовича Воронцова (11– 12 октября 1995 г., г. Владимир). Петушки, 1996. С. 160–167.

[Ульянова Г.Н.]. Берсеневка. Земля и люди. М.: Интербук-бизнес, 2011. 240 с.: ил.

Ульянова Г.Н. Благотворительность в Российской империи, конец XVIII – начало XX века: автореф. дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02. М., 2006. 53 с.

Университет в Российской империи XVIII–XIX века / под общ. ред. А.Ю. Андреева, С.И. Посохова. М.: РОССПЭН, 2012. 671 с.

Устинова И.А. Русское государство и православная церковь в X – начале XX в.: учебное пособие. М.; СПб.: Альянс-Археo, 2012. 208 с.

Фальковский Н.И. Москва в истории техники. М.: Янус-К, 1997. 338 с.

Федосюк Ю.А. Москва в кольце Садовых: путеводитель. М.: Московский рабочий, 1991. 496 с.

Федотова Т.П. Вокруг Ростова Великого. М.: Искусство, 1987. 159 с.

Хитров Д.А. Изменения в уездном делении России в 1760-х гг. и подготовка губернской реформы Екатерины II // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 4: Четвертые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова: материалы к международной научной конференции (Москва, 26 октября – 1 ноября 2015 г.). М.: Издательство Московского университета, 2015. С. 522–527.

Хитров Д.А. Нечерноземный Центр России по материалам Генерального межевания / Д.А. Хитров, А.А. Голубинский, Д.А. Черненко // Русь, Россия: Средневековье и Новое время: Вторые чтения памяти акад. РАН Л.В. Милова: материалы международной научной конференции (Москва, 17–19 ноября 2011 г.). М.: Издательство Московского университета, 2011. С. 55–259.

Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917). Смоленск: Русич, 2000. 512 с.

Чаянова О.Э. Театр Маддокса в Москве, 1776–1805. М.: Работник просвещения, 1927. 263 с.

Четырина Н.А. Посад как тип поселения в XVIII – первой половине XIX в.: (терминологические наблюдения) // Вестник Московского университета. Серия 8, История. 1999. № 6. С. 26–40.

Четырина Н.А. Посад как тип городского поселения в XVIII веке: (на примере Сергиевского посада Московской губернии): автореф. дис. … канд.

ист. наук: 07.00.02 / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. М., 2003. 29 с.

Четырина Н.А. Сергиевский посад в конце XVIII – начале XIX вв.: (посад как тип городского поселения). М.: АИРО-XXI; СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 319 с.

Чечулин Н.Д. Русская провинция во второй половине XVIII века. СПб.: Российская национальная библиотека, 2010. 836 с.

Чураков Д.О. Полюса и краски социально-экономического обновления рубежа XIX–XX веков в промышленном центре России // Рабочие в России: исторический опыт и современное положение. М.: УРСС, 2004. С. 129–148.

Шенников А.А. Поселения // Очерки истории культуры XVII века. М.: Издательство Московского университета, 1979. Ч. 1. С. 165–183.

Экскурсии в культуру: методический сборник. Статьи Н.П. Анциферова, Я.А. Владих, И.М. Гревса / под ред. И.М. Гревса. М.: Мир, 1925. 204 с.

Эймонтова Р.Г. Город и власти // История Москвы с древнейших времен до наших дней: в 3 т. М.: Мосгорархив, 1997. Т. 2: XIX в. Гл. III. С. 43–68.

Эймонтова Р.Г. «Город чудный, город древний…» // История Москвы с древнейших времен до наших дней: в 3 т. М.: Мосгорархив, 1997. Т. 2: XIX век. Гл. I. С. 6–23.

Юркина О.Г. Понятие «сибирская слобода» в отечественной историографии // Политология и политический процесс: сборник статей. Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2004. С. 129–132.

Ярославль в его прошлом и настоящем: исторический очерк-путеводитель // История губернского города Ярославля: сборник. [Историко-краеведческое издание]. Ярославль: А.М. Рутман, 2006. С. 296–398.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Инструкция генерал-губернатору
(из личного архива Екатерины II)

Инструкция генерал-губернатору

Усмотрели Мы что по сие время должность генерал-губернатора в государстве Нашем, прямо еще не определена, ибо оная не далее простирается, как иметь только главную команду в своем губернаменте, содержать канцелярию, отправлять судные дела по форме, и исполнять по насылаемым указам. Но по мысли Нашей сие есть только инструмент, а что оным действовать надлежит, то заключаться должно в следующих пунктах.

О сочинении ландкарты географической и топографической в каждом губернаменте.

1: Первее всего генерал-губернатор должен в своей губернии иметь точную ландкарту в такой подробности, что в провинции, уезды, города, села, деревни, отхожие монастыри, пустыни, заводы и всякие какие бы ни были по селениям, так же реки, озера, болота, леса и пашенные земли в ней означены были. Оная ж карта состоять должна в карте генеральной его губернамента и во многих специальных, а ежели где знатные города или другие какие знатные отхожие строения, те особливыми бы чертежами назначены на особливых листах были и буде можно и с фасадными проспектами. Такая книга географическая и топографическая хотя не может скоро сделаться, однако ж что не начато, то никогда и сделано не будет. Чего ради генерал-губернатор всегда иметь должен при себе двух или трех геодезистов и одного рисовальщика. При каждом листе алфавитной реестр и приличное каждому месту описание сочинить. Таким образом (в каждом губернаменте по возможности) через несколько лет имел бы свою книгу, которая по годам всегда прибавляться может и исправляться.

О наблюдении православия в вере.

2: Генерал-губернатор должен с епархиальными архиереем иметь частое свидание и советы, дабы и он прилагать мог попечение о наблюдении во всей губернии Закона Божия в силе духовного регламента, учреждая порядки, и в чем духовная власть недостаточна к наполнению добрых учреждений в простом народе, тут и он гражданскою властью для вкоренения страха Божия да помогает. Сие есть первое средство для

прекращения воровства, разбоев и пьянства, и для вкоренения добронравия в простом народе.

О кротком обращении иноверных в христианство.

3: Есть ли ж где не в христианской греческой вере народы живут, оных не утеснять под видом обращения, понеж Богу не угодно насильственно совести человеческой, но в обращении наипаче язычников к Богу советовать духовным, поступать проповедования слова Божия, а не мечем, огнем или иным каким насильством ибо такие действия варварские принадлежат не верным только во Христа и которые закона его не познали, а гонение претерпевают одним христианам по слову Божию прилично от язычников. Сим способом в простом народе мало-помалу внедряется тишина, благоденствие и повсюду процветать будет правосудие и порядок.

О переписи народа.

4: Генерал-губернатор иметь должен подлинное известие сколько числом душ в его губернии крестьянских, купеческих, и на свое пропитание в нижних чинах из службы выпущенных.

О доходах казенный и партикулярных

5: Положенные в подушной оклад, сколько платят Государю, а государевы крестьяне и монастырские сколько помещичья оклада. Тако ж де и помещичьи крестьян, в чем изобилуют, чем промышляют, и какие корысти от той или другой деревни помещик получает.

О повсегодном сведомстве прибыли и убыли народа.

6: Кроме подушной переписи, впредь учредить надобно по всем городским, сельским, и всем тем церквам, где людей крестят венчают и хоронят. Две шнуровых книги, первая всем в подушной оклад положенным мужеска пола, и писать тут и женск[ий] пол с числом месяцем 2 года, а именно родины, крестины, свадьбы и похороны, и к тому записывать и принимать непрестарелых людей свидетелями, а в другой книге дворян, и всяких духовного и мирского чина разночинцев, то ж определить и в монастырях. Таким образом, генерал-губернатор при конце года перечневую ведомость отовсюду иметь может сколько народа всякого по статьям мужеска и женска пола родилось, в замужестве посягло и умерло. К тому дополнить исключенным числом от законных детей, подкидышей родившихся и для них до будущего учреждения полезное воспитание по монастырям монашеским и девичьим учредить, не излишнее ж притом и записывать убитых на драках, воровствах, разбоях и в пьянствах умерших, дабы по тому примечать было можно, возрастает ли благонравие в народе и какое и коликое исправление тому на следующее время определять надлежит. А таковые перечневые ведомости всего губернамента присылать к окончанию года в Наш сенат, который по усмотрению, всего государства перечень о всяком губернаменте прибыли или убыли народа печатать будет в газетах для публичного сведения. Сколько во всей России счисляется народа известного. О столичных же и главнейших городах сие особливейшими ведомостями надобно собирать.

О числе разночинцев и дворян и о состоянии их.

7: Ведать так же надлежит, сколько в его губернии отставных дворян живет и неслужащих. Сколько за кем из них душ, какого они по домостроительству своему состояния, моты или в хозяйстве добропорядочные экономы. Молоды или стары, не разоряют ли они излишне своих крестьян многими и безвременными поборами и работами, но в сем случае не по командирски поступать, когда о том формальных ни от кого жалоб нет на помещиков, а добрым и дружеским увещанием, дабы только они знали, что генерал-губернатор и об их домашнем житии сведомство имеет, и потому бы опасались, заслуживать о себе худую рекомендацию.

О состоянии купечества.

8: Ему ж должно знать, сколько в его губернии, и по каким городам в посадах записанных, купцов знатных, средних и мелких, какой они торг и куда имеют, и чем больше промышляют. У знатных какой капитал в торге, свой или кредитной обращается. И нет ли таких в посаде, которые бы имя только купечества носили, в самом же деле по городам и дорогам шалят и разбивают, будучи праздны, убегая от крестьянской работы, а иные по кабакам пьянствуют живучи при целовальниках.

О состоянии земледельцев и земледелия.

9: Перепись же надлежит верную иметь, сколько пахотных крестьян, и смотреть по выгодности земель на их земледелие, а притом наведываться и придумывать, а иногда и в академию наук задачи посылать для изобретения машин и орудии крестьянских к земледелию. Переводить не годные овины и заводить риги, в которых, время в молотьбе, хлеб и доброта его больше выигрывается нежели в овинах. Так же что касается до пахания земли, за сев ржи и других семян яровых, таких уж инструментов в свете много придумано, которые в чужих краях с пользою земледельцы и употребляют; а особливо в Англии, Франции и соседних Нам землях, яко то в Швеции и прочих.

О выборе продуктов и поощрении к ним.

10: Наблюдение делать в каких местах, и урочищах всей его губернии какие продукты лучше родятся. Ибо сие известно, что не всякая земля равною рожь, ячмень, пшеницу, лен, пеньку и прочее производит, но по качеству земли оные урожаются, так что и на одном градусе теплоты, разные качеством продукты производят. Почему где что лучше родится, там к тому и земледельцев больше ободрять и согласовывать самих в том помещиков. Чего ради генерал-губернатор ведать должен сколько всякого хлеба и в каких местах десятин посеяно и сколько оного семени в году высеяно, а от того и ведать будет каков год в урожае был.

О лучших частях земледелия.

11: Между многими продуктами быть могут в Нашей империи такие, которые не только полезны на употребление внутри государства, и заменить могут те убытки, которые Россия тратит на покупку оных из чужих краев, но когда оные размножаются в Нашем государстве, то и в немалую коммерцию

как для корысти земледельцев самих, так и для пользы государственной обратить бы их можно было. Из числа сих пенька, лен, табак разных родов, шелк и тому подобные товары. Сих родов коммерция есть сама по себе такого свойства, что она чем больше за севы и плантации в государстве размножаются и добротою своею не умаляя пашни для хлеба во совершенство приходят тем паче внутреннее обогащение в государстве приносят, и коммерция оных навеки всегда полезною и неумирающею остается. Что касается до пеньки и льну, то Россия и плоды не малые от того уже получает: однако ж во многих местах государства Нашего оных еще не заводят где бы оные продукты гораздо размножить было можно. Вся та великороссийская сторона яко то провинция Орловская, Севская, Кромы, Камаричи, Дмитровка, Курск, Брянск, Трубчевск, Путивль и многие другие знатные села и уезды недавно познали только за севы и промысел пеньковый, о котором прежде не радели, а уж до того почти довели теперь многие сих мест помещики, что их пенька ни в чем почти лучшей малороссийской не уступает добротою. Тоже разуметь надобно и о табаке, которого из разных американских семян Мы ныне в Малой России плантации повелели учреждать на таком основании как печатными инструкциями же о том в народе объявлено. Еже ли бы размножение табаку в способных местах яко то в Астраханской, Казанской, Нижегородской, Белгородской, Воронежской и Смоленской губерниях завелся по примеру малороссийскому, то бы и сами помещики скоро почувствовали, собственную свою из того прибыль. Чего ради генерал-губернатор, стараясь генерально о всяком земледелии, должен на и паче попечение прилагать своими добрыми наставлениями и советами и о лучших оннаго частях. А размножение табаку чужестранных родов есть самое способнейшее дело, было бы только к тому прилежание охотников. Таковым же образом размножение тутового дерева или шелковицы, а особливо белоягодной, которое к заведению шелку есть самое нужнейшее. Генерал-губернатор своим промыслом и попечением может выдумывать учреждения к разведению сего дерева в тех местах, где оное родится может без всякого отягощения помещичья и чего сам собою не сможет ввести в обыкновение то и Нашею помощью особливыми повелениями распоряжать может, только бы он яко хозяин в своем губернаменте сам к тому проекты делал, смотря по способности земель, где что можно заводить и в сенат о том представлял, а сенат Нам докладывал. В степных же местах о шерсти овечьей не меньшее попечение прилагать можно. А проекты к тому и добрые инструкции всегда можно сочинить, только бы исполненяемо по оным было.

О сбережении лесов.

12: Генерал-губернатор не меньше должен прилагать попечение и о лесных местах, ибо все, что земля ни производит, доброе хозяйство обратить может на пользу и корысть государственную. Во-первых, знать он должен где и какого рода леса больше родятся и сколько их есть, оные леса так сберегать чтоб напрасно рублены не были, а в местах недостаточных и сеять бы оные можно было. Чего ради должность генерал-губернатора

предостерегать правительство, дабы оное не дозволяло в таких местах, где на другие к житию нужды в лесах недостаток учреждать помещикам заводы железные, а особливо в недостатке хлеба винокуренные, которые обыкновенно много леса истребляют неповоротно на многие лета. А к тому многократно уже публиковано Нашими указами дабы топором не вытесывали досок, но учреждали бы на то, где способность есть пильные мельницы, того однако ж или ни кто, или мало кто делает. А недостаток как слышно к тому признают в пилах, чего ради генерал-губернатор предвидеть всегда должен, каких ради причин по тому или другому указу Нашему исполнять чего не возможно, и к тому средств искать соглашаясь с местами откуда та или другая помощь быть может сделана; так как всем случае должно искать вспоможения от железных заводчиков и тем обоюдную корысть промышлять строителям пильных мельниц и железным заводчикам.

О заведении корыстных мельниц и искусных к тому строителей.

13: Не худо во всяком бы губернаменте держать на жаловании иноземца строителя всяких машин и мельниц и при нем учеников заводить из русских. Таковые люди хотя через несколько лет и дорого становятся, но они плод великой оставляют после себя в экономии государственной, ибо каждому известно, что где таковые машинисты или чужестранные мельники строили плотины и мельницы в Нашем государстве, там не сравнено от одного камня больше корысти получается нежели русских мужичьих мельниц из двух или трех камней, да и плотины их строения, единожды построенные служат долголетнее, нежели те, которые по деревням бывают и каждого года с превеликим убытком и разорением крестьянским починиваются, сие, правда, не всякой помещик у себя сделать может, но довольно когда и знатные-то у себя выстроить бы могли, чего они теперь не могут за не имением искусных к тому строителей.

О беспрепятственном пути по судоходным рекам и об описании тех рек.

14: Реки судоходные генерал-губернатор так должен в своем губернаменте содержать, что б они нигде ни мостами ниже плотинами непереходимы, ни перехвачены не были. А понеж мостов есть дело необходимое для перехожих то смотреть должно, что б путь был всегда отверстый и таковым рекам в ландкарте своей губернии, надобно прямое описание иметь дабы у правительства могли к поставкам леса или провианта точное сведение иметь, ибо по сие время многим рекам судоходным хотя они иногда и невелики, прямого описания нет или пути их перехвачены мостами и плотинами не проходимыми для судов. И знать также через описание должно какою рыбою та или другая река изобилует.

О искоренении болотных мест там где пашня недостаточна.

15: Ежели где болотных мест много, а пашенной земли мало тут способы надобно изыскивать хотя по временам землю осушать. Труд сей есть не малый, но корыстью после всегда награждается.

О поправлении дорог и строении мостов.

16: Для проезжих дорога неисправная есть потеря великое времени в пути, тягости и убыток. Чего ради генерал-губернатор и о том должен иметь попечение, дабы дорога для проезжих по меньшой мере в труднейших местах сносная была. Ибо во многих по большим и малым дорогам мосты строятся казенные, деревянные, которые делаются по подряду и превеликим казенным иждивением, не сказанное ж притом и воровство подряжающим бывает, а паче известно Нам, что в некоторых местах суммы казенные не малые на мосты издерживаются, а те мосты обыватели своим коштом строят, но кто в отдалении таких строителей обличать может? Ибо и когда в безлесных местах умышленно мосты деревянные на версту и более зачинают строить ужасной вышины между буераками без всякой нужды с тем единственно, что б было из чего с подрядчиками и в содержании их воровать. Чего ради на таковые дела необходимо потребны выше помянутые по губерниям или провинциям чужестранные машинисты, которые бы под попечением генерал-губернатора могли знатным мостам проекты делать и оные в действо производить. А паче всего ежели бы давно о том было думано, то б уже по сие время много и каменных мостов построено быть могло, а особливо в таких местах, где камня самородного в близости весьма много, а верст за то ужасное количество лесов с великим лесов истреблением, разорением обывательским и потерей казенного кошта привозят не токмо на новое строение превеликих мостов, но и на повсегодное оных содержание; что особливо примечается по Киевской от Москвы дороге, где превеликие мосты и превеликим коштом построенные, так что иной около тридцати тысяч стал, со всем тем невзирая на повсегодное дорогое оных содержание путь сделался не проходимый. И в таковых местах сие учреждено, где, смотря по способности, на струях только воды можно бы было не великие каменные делать, а на прочей долготе фашинами единожды землю поднять. Таким образом, генерал-губернатор спасти может великое число Нашей казны, людей избавить от тягости. Путь всегда свободным и покойным учинить, а лесов истребление отвратить превеликое, и пресечь вовсе воровство.

О строении крестьянских селений.

17: Хотя учреждения Государя Императора Петра Великого любезнейшего Нашего Деда еще от 1722го года было, как деревни после пожаров и новые деревенские селения строить: чему так чертеж публиковать был как и в 1724^{м} году повторено было о том указами ж в народе, однако ж не токмо крестьяне да и сами помещики о том по сие время не радят. А между тем в несчастных случаях деревни сгорают без остатка. И сие полезное дело упущено единственно небрежением воевод и губернаторов, которое однако ж почитать надобно за дело весьма полезное того ради и теперь по тем указам генерал-губернаторы смотреть должны, чтоб везде после пожаров крестьяне которым довольно земли допустить, по тому указу строился, а помещики, где вновь селение делают, селили крестьян своих, но такое расположение крестьянских селений там делать удобно, где земли пространно безнужно и положение оной и другие выгодности яко то

сенокосы, пашня и вода не препятствуют. В случае же недостатка земли, гористого места или буераков, отдаления воды или весеннего разлития, болота, и тому подобного, на таковом расстоянии как в указе Государя Петра Великого изображено, строения крестьянского так располагать будет не можно, и для того во всяком селе и деревни крестьянские дворы строить должно вдоль с широкими улицами. А поперек между каждыми двумя дворами с переулками, или пожеланию их с деревьями. И садам и огородам быть расстоянием не меньше десяти сажен.

Об учреждении полиции в губернаменте.

18: В городах начиная от знатнейших и до последних хотя полицейские команды и учреждены, однако ж не можно сказать, что б чрез то какой-нибудь еще полиции знании были в отдаленных местах, ибо ни строение на погорелых местах ни улицы, ни же какая либо чистота городская не соответствуют прямо полицейскому порядку, а к тому магистраты и ратуши оснований прямых не имеют. Чего ради генерал-губернатор и сию часть доброго учреждения в своем губернаменте должен рассмотреть, и на каком оной быть основании в городах его губернии Нам представить. А к сему принадлежит. 1: магистратской дом или ратушной во всяком городе иметь особливой и магистратам или ратушам сделать с примеров лучших (соединяя оные с свойством Нашего народа нужд и склонностей не со всем еще исправленных) известное новое положение и сочинив к тому проект прислать в Наш сенат для докладу Нам. 2: Знать в городе всех живущих людей и смотреть дабы шатающихся и подозрительных не было. 3: распределить всякое мастерство под известные знаки и списки в городе. 4: иметь всякие орудия к предосторожности от пожара, а к тому за временные учинить распоряжении. 5: содержать в чистоте по возможности улицы и мосты. 6: Устроить одну городовую богадельню и туда собирать мужеска и женского пола престарелых и увечных людей к чему понудить и знатных помещиков, дабы тоже и по знатным селам у себя учреждали, а молодых и здоровых не допускать бродить по улицам празднодельных, но крестьян в крестьянскую работу ежели указов полицейских не послушают с наказанием к помещикам их отсылать, а прочих отдавать к фабрикам дабы они себе зарабатывали дневное пропитание, и того накрепко смотреть, что б во всех городах наблюдаемо сие было, и нищие бы нигде отнюдь не шатались. 7: Учредить городские школы дабы малолетние по крайней мере шатающиеся, а особливо сироты и подозрительные дети учили грамоте и к чему-нибудь на пользу государственную воспитываемы были.

О докторах и лекарях.

19: Необходимо иметь всякой губернии своего доктора и по обширности оной распределить по провинциям потребное число лекарей с учениками, ибо в том сколько Нам известно состоит теперь необходимая нужда. Чего ради и аптеку главную в губернии и одну или другую малые по провинциям иметь надлежит. А о чем надобно снестись с Нашею

медицинскою канцелярию и требовать от нее учреждения и снабжения потребными людьми и лекарствами.

О предосторожности от падежа скотского.

20: Не меньше же потребна предосторожность и от падежа скота рогатого и сохранение лошадей. Чего ради искусного хотя одного иметь надобно в губернии ученого и коновала ему придать учеников русских людей молодых, которые не токмо в здоровое время нужны для лечения, но и наипаче надобны во время падежа, дабы искусством их предостеречь оный не пропуская времени и не допустить распространиться поветрию. А через учеников развести число коновалов умноженное из русских людей в губернии к наполнению во все города и отдаленные места. К такому обучению употреблять молодых людей из выше помянутых школ, а особливо из детей подзорных.

О публичных народных строениях. Магазины, амбары и лавки.

21: Публичные народные дома, яко то торговые бани и кабаки надобно чтоб пристойные свои места имели. Первые удалены бы были от строения городового деревянного и тем не могли никогда причиною быть сгорению своего города, понеже кроме деревянного строения иного почти в городах не бывает, а другие были бы не близко церквей и сколько возможно предохранены от излишних шумов и драк.

О лихоимстве и притеснениях на судах.

22: Генерал-губернатор, наблюдая порядок в правосудии[9], яко поверенный от нас самих человек во всем своем губернаменте, должен наипаче смотреть и проведывать явным и тайным образом нет ли где в подчиненных ему судных местах то есть от провинциальных и уездных воевод кому утеснения на суд или вымогательства, а особливо лихоимства и всякого рода взяток, под каким бы то ни было претекством, что на и паче Мы отдаем на его прозорливость, так как и в случающихся в его губернаменте временных комиссиях и те, которые по апелляциям в вышние правительства из его губернамента ходят за своими исками, не делают ли каких денежных сборов с общества для раздачи, а иногда и для повреждения судов, так же при наборе рекрутском, конском и при переписях подушных какие крестьянам бывают или и самим помещикам убытки, оные заблаговременно отвращать, а ежели кто в его губернаменте не его команды делает лихоимства, о таких Нам Самим секретно доносить имеет без всякого упущения.

О сочинении генерал-губернатору своих проектов, ежели что здесь пропущено.

23: Ежели что генерал-губернатор полезное найдет еще сверх сей Нашей инструкции к учреждению в своем губернаменте, о том может свои проекты делать и присылать в сенат или и к Нам Самим. Таким образом, все что до благополучия, просвещения и обогащения народного служить может, генерал-губернатор крайнее прилагать должен тщание и попечение. И хотя изображенное в сей инструкции многих лет пребудет к совершению, на сие

дается яко плану и ежели генерал-губернаторы все единожды поставленному сему плану последовать будут и один довершать будет начаток другого, то сомнения не останется, чтоб божиим благословением все к лучшему во внутренности Нашего Государства не обогатился. Впрочем, все, что в сем плане или инструкции вышнее изображено, есть такого свойства, чтоб генерал-губернатор не силою и властью делал, но ласкою и добрыми советами, а где-то помогать не будет, а против собственной своей пользы одно только упрямство или безразсудочне небрежение действовать станет, тут и власть губернаторская содействовать должна, и напоследок и к Нам собственно представление по всегдашнее генерал-губернатор делать одолжается, по которому давать Будем всегда Наши резолюции благовременно. Яко ж Мы во всяком случае чрез Все Наше государствование не имеем ни чего более в виду как неусыпное Наше попечение о добре общем и то самое аще Бог Нам поможет, делом самим показывать не оставим.

Сию инструкцию напечатать внести в книгу Наших указов, и навсегдашнее время генерал-губернаторам ей последовать разве что особливым Нашим указом в ней отменено будет.

«Публичные строения» в Калуге в 1800 г.

Строения			Число
Церквей каменных			27
Монастырь (девичий)			1
Часовен			3
Богаделен			2
Гостиный двор каменный «в 4-х корпусах»	*лавок*	*каменных*	*193*
		деревянных	253
Погребов для продажи вин			66
Гербергов			4
Питейных домов			26
Кузниц		каменных	23
		деревянных	35
Домов обывательских		каменных	280
		деревянных	3 080
Постоялых дворов		каменных	14
		деревянных	157
Харчевен		каменных	20
		деревянных	15
Караульных будок		каменных	15
		деревянных	16

Составлено по: РГИА. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 59. Л. 49.

Строения Приказа общественного призрения, возведенные городах Калужской губернии после ее «открытия», 1777 г.

Корпус	Разместились	Характеристика здания	Затрачено в руб.
Губернский центр г. Калуга			
Капитальная постройка			
1	Богадельня для призрения престарелых и увечных мужеского пола	Используются по назначению	800
2	Богадельня для призрения престарелых и увечных женского пола		
Временные деревянные постройки, но на подготовленном каменном фундаменте			
3	Здание обучения благородного юношества	Построено в линию Занимает – 18 саж.	2 563
4	Воспитательный дом	Построен в линию Занимает – 10 саж.	1 733
5	Смирительный дом	Построен в линию Занимает – 10 саж.	846
6	Работный дом	Построен в линию Занимает – 10саж.	463
Города – уездные центры г. Козельск			
Каменные, двухэтажные			
1	Городничего Городнического правления Казначея Правления уездного казначея	Построен в линию Занимает – 13саж.	«со всеми отделками» 9 500
2	Судебные места уезда	Построен в линию Занимает – 13саж.	
г. Медынск			
Каменные, двухэтажные			
1	Городничего Городнического правления Казначея Правления уездного казначея	Построен в линию Занимает – 13 саж.	«со всеми отделками» 9 900
2	Судебные места уезда	Построен в линию Занимает – 13 саж.	
3	Соборная церковь		8 000
г. Жиздра			
1	Городничего Городнического правления Казначея Правления уездного казначея	Построен – в линию Занимает – 13 саж.	«со всеми отделками» 9 940
2	Судебные места уезда	Построен – в линию Занимает – 13 саж.	
3	Соборная церковь		9 000
г. Перемышль			
1	Городничего Городнического правления Казначея Правления уездного казначея	работы ведутся	ориентировочная итоговая стоимость 9 000
2	Судебные места уезда	работы ведутся	
Запланированные затраты по всем проектам должны были составить			205 186

Составлено по: РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 729, ч. I. Л. 261 об.

Строения в уездных городах Калужской губернии

			Города уездные					Города безуездные			
			Боровск	Козельск	Мещовск	Перемышль	Таруса	Лихвин	Малоярославец	Серпейск	Воротынск
Обывательских домов		Всего	772	584	488	291	142	239	215	214	«Пригоро
		кам.	---	5	13	4	---	3	5	---	
		дер.	---	579	475	287	---	236	210	214	
Казенных строений	Присутственные места	---	найм	есть	найм	есть	есть				
	Казначейство. Дом казначея. Для казны.	---	есть	есть	найм	есть	есть				
	Соляной магазин. Соляной анбар.	кам.	есть	1		1	1	1	1	5	
		дер.			1			2	4		
	Винный магазин	кам.	найм	1			1				
		дер.			1						
	Градская полиция	---	найм								
	Городничего	---		есть		есть	есть				
	Спец. помещения для колодников	---	есть	1	1	1	1				
	Для вартирующих армейских частей	---	есть	1	1	1	1				
Публичных строений	Для городской Думы и магистрата	кам.	1								
		дер.	---								
	Церквей	кам.	5	6	3	4	1	1	3	2	
		дер.	6	1	1	1	1	5	2	1	
	Часовен	кам.	2		3						
		дер.	1								
	Богаделен	кам.	---	1		1					
		дер.	2								
	Гостиный двор	кам.		1							
		дер.									
	Лавок	кам.	4		37	---	---	6			
		дер.	34			4	24				
	Гербергов	---	1		1	1	1				
	Питейных домов	---	3	3	6	3	2	3			
	Харчевен	---		10	8	9					
	Постоялых дворов	---									
	Кузниц	кам.	9		5	2	2				
		дер.									
	Караульных будок	кам.	7		4	3	3				
		дер.									

Составлено по: РГИА. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 59. Л. 56–81.

«Примерный стат Калужской губернии, составленный из 12-и уездов и 5-и нижних расправ», 1777 г.

В Правлении Наместническом или Губернском		число людей	жалованье одному руб.	жалованье всем руб.
1		2	3	4
Государев наместник, или Генерал-губернатор		1	---	---
Сверх жалованья по чину имеет на стол			6 000	6 000
При нем	Адъютанто в: из них	2		
	Старшем у Младшем у Секретарь десятого класса Регистратор четырнадцатого класса	--- --- 1 1	300 200 330 160	300 200 330 160
Правитель или губернатор		1	1 800	1 800
Ему на стол		---	1 200	1 200
Советников шестого класса		2	600	1 200
Секретарей десятого класса		2	300	600
Протоколист тринадцатого класса		1	220	220
Регистратор	Четырнадцатого класса	1	140	140
Архивариус		1	140	140
Нижних канцелярских служителей от канцеляриста до копииста		22	---	---
Переплетчиков		1	---	---
Ему учеников		1	---	---
Вахмистр		1	---	---
Сторожей		2	---	---
Курьеров		2	---	---
Им всем на жалование		---	---	1 884
На канцелярский расход и курьерские отправления		---	---	1 300
Из положенной на канцелярский расход и курьерские отправле- ния суммы употреблять и на необходимонужные издержки для гу- бернского землемера и архиепископа, по их должности		---	---	---
Итого		---	---	15 474
В Палатах Уголовной:				
Председатель пятого класса		1	900	900
Советников шестого класса		2	600	1 200
Асессоров восьмого класса		2	350	700
Секретарь десятого класса		1	300	300
Протоколистов тринадцатого класса		1	220	220
Регистратор	четырнадцатого класса	1	140	140
Архивариус		1	140	140
Нижних канцелярских служителей от канцеляриста до копииста		8	---	---
Вахмистр		1	---	---
Сторожей		2	---	---
*		1	---	---
Ему помощников		1	---	---
Им всем на жалованье		---	---	636
На канцелярский расход		---	---	120
Итого		---	---	4 356

1		2	3	4
в Гражданской:				
Председатель пятого класса		1	900	900
Советников шестого класса		2	600	1.200
Асессоров восьмого класса		2	350	700
Секретарь десятого класса		1	300	300
Протоколист тринадцатого класса		1	220	220
Регистратор	четырнадцатого класса	1	140	140
Архивариус		1	140	140
Нижних канцелярских служителей от канцеляриста до копииста		10		
Вахмистр		1		
Сторожей		2		
Им всем на жалованье		---	---	784
На канцелярской расход		---	---	120
Итого		---	---	4 504
В казенной				
Поручик правителя или вице-губернатор пятого класса		1	1 200	1 200
Экономии директор шестого класса		1	1 000	1 000
Советник шестого класса		1	600	600
Губернский казначей седьмого класса		1	400	400
Асессоров восьмого класса		2	300	600
Секретарей десятого класса		2	300	600
Протоколистов тринадцатого класса		1	220	220
Регистратор	четырнадцатого класса	1	140	140
Бухгалтер		1	220	220
Архивариус		1	140	140
Нижних канцелярских служителей от канцеляриста до копииста		21	---	---
Присяжных определенных из отставных гвардии унтер офицеров		8	80	640
Щетчиков		4	---	---
Вахмистр		1	---	---
Сторожей		2	---	---
Переплетчиков		1	---	---
Им всем вместе жалованье		---	---	1 754
На канцелярской расход		---	---	300
Итого		---	---	7 914
При директоре домоводства для надзора дворцовых и экономических деревень обер-офицеров		4	180	720
«В которых же губерниях вышеописанных крестьян находится более шестидесяти тысяч душ, в тех прибавлять означенным обер-офице- ров, каждого к смотрению от десяти до пятнадцати тысяч душ пре- восходящего вышеописанное числа»				
Секретарь двенадцатого класса		1	250	250
Канцелярских служителей		3	---	200
На расход		---	---	60
Итого		---	---	1 230

1	2	3	4
Под ведением казенной палаты щетная экспедиция для всего намест- ничества, в оной,			
Председатель седьмого класса	1	400	400
К нему ежегодно во время свидетельства щетов в присутствие отря- жать по очереди одному			
Из Асессоров уголовной и Гражданской палат.			
Секретарь двенадцатого класса	1	250	250
Канцелярских служителей нижних чинов	3		
Сторожей	2		
Им всем на жалованье	---	---	298
На канцелярский расход	---	---	100
Итого	---	---	1 048
Всего на казенную палату с экспедициями директора домоводства и щетною	---	---	10 192
Губернский прокурор шестого класса	1	600	600
Губернских стряпчих седьмого класса	2	400	800
Итого	---	---	1 400
Канцелярские служители при нем употребляются из палат			
В Совестном суде			
Судья совестно суда шестого класса	1	750	750
Дворянских заседателей седьмого класса	2	360	720
Мещанский заседателей десятого класса	2	---	---
Сельских заседателей	2	60	120
Секретарь двенадцатого класса	1	250	250
Канцелярских служителей	2	---	---
Вахмистр	1	---	---
Сторожей	2	---	---
Им всем на жалованье	---	---	224
На канцелярский расход	---	---	60
Итого	---	---	2 124
Приказ общественного призрения.			
Секретарь двенадцатого класса	1	250	250
Канцелярских служителей употребляет наместник к сему приказу по рассмотрению из других мест			
Сторож	1	---	---
Ему на жалованье и канцелярский расход	---	---	100
Итого	---	---	350
В Верхнем земском суде.			
Председатель шестого класса — Первый	1	750	1.500
Председатель шестого класса — второй	1	750	
Заседателей седьмого класса	10	360	3 600
Прокурор седьмого класса	1	400	400
Стряпчих восьмого класса	2	350	700
Секретарей двенадцатого класса	2	250	500
Регистраторов сравниваемых с губернскими регистраторами	2	120	240
Нижних канцелярских служителей от канцеляриста до копииста	12	---	---
Переплетчиков	1	---	---
Сторожей	4	---	---
Им всем на жалованье	---	---	912
На канцелярский расход	---	---	160
Итого	---	---	8 012

1		2	3	4
В Губернском магистрате				
Представители седьмого класса	Первый	1		
	Второй	1	400	800
Заседателей десятого класса		6	---	---
Прокурор восьмого класса		1	350	350
Стряпчих девятого класса		2	250	500
Секретарей двенадцатого класса		2	250	500
Публичный нотариус		1	150	150
Регистраторов, сравниваемых с губернскими регистраторами		2	120	240
Нижних чинов от канцеляриста до копииста		10	---	---
Сторожей		4		
Им всем на жалованье		---	---	616
На канцелярский расход		---	---	120
Итого		---	---	3 267
В Верхней расправе				
Представители седьмого класса	Первый	1	400	400
	Второй	1	400	400
Заседателей десятого класса		10	60	600
Прокурор восьмого класса		1	350	350
Стряпчих девятого класса		2	250	500
Секретарей двенадцатого класса		2	250	500
Регистраторов сравниваемых с губернскими регистраторами		2	120	240
Нижних чинов от канцеляриста до копииста		8	588	588
На канцелярский расход		---	---	100
Итого		---	---	3 678
При наместническом правлении:				
Губернский землемер седьмого класса		1	400	400
Сверх должности своей присутствует при казенной палате с директором домоводства по его экспедиции				
Губернский архитектор		1	450	450
Ему помощников		1	250	250
Механик или машинной и мельничной мастер		1	300	300
Итого		---	---	1 400
Итого на губернское правление		---	---	54 766
В Губернском городе:				
Комендант седьмого класса		1	600	600
При нем канцелярских служителей		2	---	---
Им на жалованье		---	---	120
На канцелярский расход		---	---	60
На содержание дровами правления сего и тюремных изб		---	---	80
Итого		---	---	860

1	2	3	4
В уездных городах, в каждом, где нет комендантов:			
Городничий восьмого класса	1	300	300
При нем канцелярских служителей	2	---	---
Им жалованье	---	---	90
На канцелярский расход	---	---	40
На содержание дровами правления и тюремных изб	---	---	30
Итого в одном городе	---	---	460
в одиннадцати городах	---	---	5 060
а с комендантом	---	---	5 920
В Уездном суде:			
Уездный судья восьмого класса	1	300	300
Заседателей девятого класса	2	250	500
Секретарь четырнадцатого класса	1	200	200
Протоколист четырнадцатого класса	1	120	120
Исправляет текущие дела и по дворянской Опеке.			
Нижних канцелярских служителей от канцеляриста до копииста	9	---	---
Переплетчиков		---	---
Сторожей		---	---
Им на жалованье	---	---	530
Итого на один	---	---	100
А на двенадцать уездных судов	---	---	21 000
В дворянской опеке			
Уездный предводитель по силе 20-й и 21-й статей учреждений	---	---	---
Присутствует обще с уездным судом, и текущие по дворянской опе- ке дела исправляет протоколист уездного суда; в случаи же нужды, секретарь и канцелярские служители употребляются в опеку из того же уездного суда, от коего довольствуется опека бумагою, сургучем и прочими на производство дел принадлежностями			
В Уездном казначействе:			
Уездный казначей девятого класса	1	300	300
Присяжных из отставных гвардии унтер-офицеров	3	80	240
Нижних канцелярских служителей	5	---	---
Щетчиков	2	---	---
Им на жалованье	---	---	328
На канцелярский расход	---	---	60
Итого на одно	---	---	928
А на двенадцать уездных казначейств	---	---	11 136
В Нижнем земском суде:			
Земский капитан, или исправник восьмого класса	1	300	300
Сверх жалованья, в рассуждение ежечасных его по округам переездов на прогоны	---	50	50
А дворянских заседателей десятого класса	2	200	400
Им тоже сверх жалованья на прогоны по	---	25	50
Сельских заседателей	2	60	120
Регистратор губернский	1	120	120
Нижних канцелярских служителей	3		
Сторож	1		
Им всем на жалованье	---	---	188
На канцелярские расходы	---	---	40
Итого на один	---	---	15 216

1	2	3	4
В Городовом магистрате			
Бургомистров, в губернском городе десятого, а в уездных двенадцато- го класса	2	---	---
Ратманов тринадцатого класса	4	---	---
Секретарь четырнадцатого класса	1	200	200
Канцелярских служителей	3	---	---
Им всем на жалованье	---	---	160
Итого на Городовой магистрат	---	---	360
А на двенадцать	---	---	4 320
В Нижней расправе			
Расправный судья девятого класса	1	250	250
Заседателей	4	60	240
Секретарь четырнадцатого класса	1	200	200
Нижних канцелярских служителей	4	---	---
Сторож	1	---	---
Им всем на жалованье	---	---	228
На канцелярский расход	---	---	50
Итого на одну	---	---	968
А на пять	---	---	4 840
Уездных землемеров	12	300	3 600
Уездных стряпчих десятого класса	12	200	2 400
Губернский доктор	1	600	600
Губернский стаб-лекарь	1	300	300
Губернского города лекарь	1	200	200
Губернского города подлекарей	2	80	160
Губернского города лекарских учеников	2	40	80
Уездных докторов	11	300	3.300
Уездных лекарей	11	150	1 650
Уездных подлекарей	11	60	660
Уездных лекарских учеников	11	30	330
1	2	3	4
Итого:	---	---	13 280
Всего на уезды	---	---	75 712
Итого на все Наместничество	---	---	130 478
Статную сумму превосходит	---	---	3 071

* В документе неразборчиво.

Составлено по: РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 729, ч. I. Л. 202–210.

Штат отряда огнеборцев
с «огнегасительными орудиями»
на квартал губернского города Ярославля, 1782–1783 гг.

В квартале городском	Число пожарных инструментов	Число людей		Число лошадей
		Рабочих к трубам	Извозчиков	
Небольшая заливная труба такая, которую четыре человека свободно по лестницам в покои вносить и оной действовать могут	1	4		
При оной работников для качки трубы	2	4		
Ведерников				1
Малых ручных труб Для возки труб лошадь	2		1	
Извозчиков	2			
Для возки воды чанов или бочек Роспусков	2			2
Дровней			2	
Для возки оных лошадей Извозщиков				
Итого на 1 квартал		8	3	3

РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012, ч. I. Л. 114 об.

Штат отряда огнеборцев с «огнегасительными орудиями» на часть губернского города Ярославля, 1782–1783 гг.

В части города	Число пожарных инструментов	Число людей		Число лошадей
		рабочих к трубам	извозчиков	
Труба большая	1			
К оной работников для		24		
качки трубы		20		3
Ведерников	4		1	
Лошадей под трубу	4			
При оны извозщиков	4			8
Для воды чанов или бочек			4	
Роспусков		10		
Дровней	6	12		1
Для возки оных лошадей			1	
При оных извозщиков				
Топорников	2	6		
Крюков больших и малых	6	6		
При оных работников	6	6		
Для возки крюков лошадей				
Извозщиков (к этим крюкам)				
Вил больших				
При оных ратников				
Щитов войлочных				
При оных работников				
Швабр				
При оных работников				
Итого на 1-у часть		84	6	12

РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012, ч. I. Л. 114.

Штат Градского благочиния или полиции уездного города Ростова, 1782–1783 гг.

В управе благочиния	Число пожар-ных инстру ментов	Им окладного в год жалованья	
		одному	всем
		рубли	
Городничий 8-го класса Пристав уголовных дел и пристав гражданских дел девятого класса Ратманов из штата городового магистрата На канцелярских служителей и расход	1 2 2	300 250 Им не платят	300 500 130
Итого			930
В части города			
Частный пристав 10-го класса Сержантов городовых На канцелярских служителей и расход «Брандмейстер или огнеспасительный мастер»	1 2 1	200 60 100	200 120 80 100
Итого			500
По числу дворов полагается 5 кварталов В 1 квартал			
Квартальный надзиратель 11-го класса Квартальный попутчик 12-го класса	1 1	150 120	150 120
Итого			270
Ночных сторожей, которым плата производится за всякую ночную стражу, по чему определено будет на основании Устава о благочинии статьи 137-й	12		
Итого на 1 квартал			270
А на 5			1350
Итого на управу благочиния часть и кварталы			2780
Воинской команды не полагается а довольствоваться положенною по стату при городах статною командою			

РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012, ч. I. Л. 115–115 об.

Число «огнегасительных орудий»
по частям и кварталам уездного города Ростова 1782–1783 гг.

В части города	Число пожарных инструментов	Число людей		
		Рабочих к трубам	Извозчиков	Число лошадей
Труба большая	1			
К оной работников для качки трубы		24		
Ведерников		20		3
Лошадей под трубу	4		1	
При них Извозщиков	4			
Для воды чанов или бочек	4			8
Роспусков			4	
Дровней		10		
Для их перевозки лошадей	6	12		1
При них Извозщиков			1	
Топорников				
Крюков больших и малых	2	6		
При оных работников	6	6		
Для перевозки крюков лошадь	6	6		
Извозщиков к ним				
Вил больших				
При них ратников				
Щитов войлочных				
При них работников				
Швабр				
При них работников				
Итого		84	6	12

РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012, ч. I. Л. 116.

Размеры средств, необходимых для вооружения пожарных команд городов Ярославской губернии «по 1783 год»

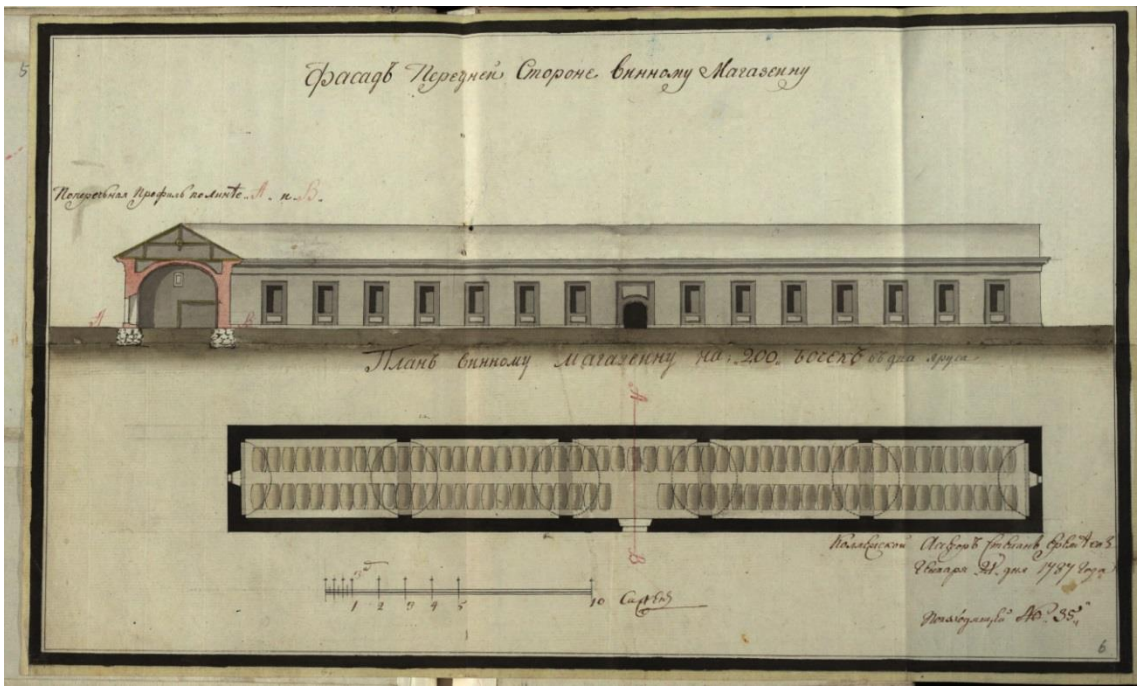
Города	Число		Единовременно				Ежегодно	
	Частей	Кварталов	руб.	коп.	Итого руб.	Итого коп.	руб.	коп.
Ярославль	3	---	2.881	74	4 874	6	481	57 ½
	---	11	1.992	32				
Ростов	1	---	625	58	1 531	18	174	19 ½
	---	5	905	60				
Углич	1	---	625	58	1 531	18	174	19 ½
	---	5	905	60				
Рыбинск	1	---	625	58	1 168	94	128	56 ½
	---	3	543	36				
В показанных же ниже городах по числу дворов частей не полагается, а «огнегасительных» орудий против одной части уездного города								
Петровск	---	---	625	58	987	82	105	75
	---	2	362	24				
Борисоглебск	---	---	625	58	1 168	94	128	56 ½
	---	3	543	36				
Мышкин	---	---	625	58	806	70	82	93 ½
	---	1	181	12				
Молога	---	---	625	58	1 168	94	128	56 ½
	---	3	543	36				
Пошехонье	---	---	625	58	1 168	94	128	56 ½
	---	3	543	36				
Любим	---	---	625	58	987	82	105	75
	---	2	362	24				
Данилов	---	---	625	58	987	82	105	75
	---	2	362	24				
Раманов	---	---	625	58	987	82	105	75
	---	2	362	24				
ВСЕГО	6	42	---	---	17 370	16	1 850	16
в том числе на части	---	---	4 758	48	---	---	---	---
в том числе на кварталы	---	---	12 611	68	---	---	---	---
Потребно денег по Ярославской губернии								
в Ярославль, Углич, Ростов, Рыбинск и Петровске					10 093	18	1 064	28

РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012, ч. I. Л. 254–255 об.

Объем соли, проданной в городах Владимирской губернии в 1779–1780 гг., пуд.

По степени интенсивности торговли	Города	Продано (пуд.)	
		Было «в продаже» в 1779 г.	Планировалось продать на 1780 г.
1	Владимир	71 201	данных нет
2	Муром	58 472	58 472
3	Суздаль	45 973	45 973
4	Юрьев-Польский	50 766	50 766
5	Киржач	данных нет	30 000
6	Переславль-Залесский	29 126	29 126
7	Шуя	28 958	28 958
8	Ковров	25 816	25 816
9	Вязники	23 115	23 115
10	Александров	18 126	18 126
11	Меленки	15 554	20 000
12	Судогда	данных нет	20 000
13	Покров	14 856	14 859
14	Гороховец	13 035	13 035
ИТОГО за год		394 998	378 246

Составлено по: РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 637. Л. 4 об.



Типовой «План винному магазеину на 200 бочека» (РГАДА)

«Винный магазеин» губернского города Ярославля. Современное состояние

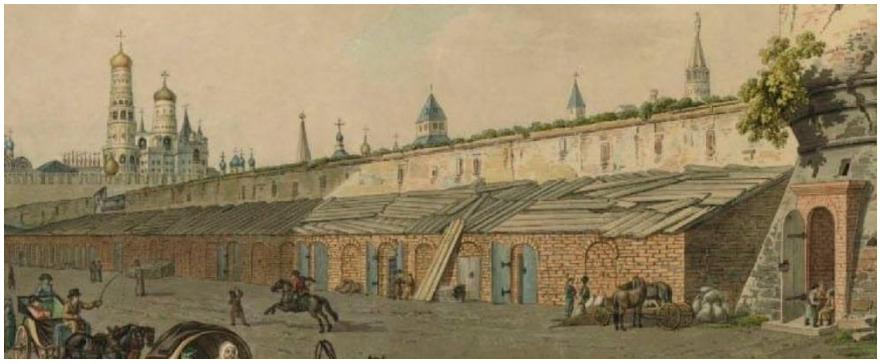
Внутренние помещения «винного магазеина» губернского города Ярославля. Современное состояние

Зарайск. Торговые ряды, торговая площадь с «винным магазейном» (Фотография начала XX в.)

«Винный магазейн» Зарайска (Фотография середины XX в.)

Место «Соляного двора» в Москве. Современный облик.

Подвалы «Соляного двора» в Москве. Современное состояние.



Хлебные «магазины» у стен Китай-города (Делабарт Ж. Вид Кремля с Москворецкой набережной. 1795 г. Фрагмент)

Казенные дома Москвы и их состояние на 10 февраля 1788 г.

№	Местоположение	Занимающие их государственные органы	Требуется на ремонт
В Китай-городе			
1	Между Ильинскими и Варварскими воротами	Ревизион-коллегиею, камер коллежским департаментом, баталионною канцеляриею, и делами бывших Юстиц-коллегии, Судным приказом, Губернской канцелярии и винокуренной экспедиции	28 020 руб. 94 коп.
2	Близ гостиного двора	Главным магистратом	---
3	Близ посольского двора	Соленой экспедицией	---
4	В Живорыбном ряду	Прежде ямскою канторою, а ныне съезжим двором.	---
В Белом городе			
5	На Лубянке близ Кузнецкого моста	---	13 386 руб. 45 коп.
6	За Ивановским монастырем	«Иностранною Архивою»	---
7	У Покровских ворот	«Прежде Каменным приказом, а ныне Оружейной палаты и конторою»	---
8	На Тверской улице	Межевою Канцеляриею	---
В Земляном городе			
9	У Красных ворот	Обер-полицместером	---
10	В Немецкой слободе (быв- шее здание Сената)	---	18 382 руб. 60 коп.

Составлено по: РГАДА. Ф. 16. Д. 578, ч. IV. Л. 64.

Решенные и нерешенные дела
по присутственным местам
г. Москвы (1787 г.)

Ведомства	Решено	Остались не закрытыми
В Губернском правлении	19 689	431
В Уголовной палате	128	52
В Гражданской палате	3861	83
В Казенной палате	3586	111
В Совестном суде	114	13
Верхнего земского суда В 1-м департаменте Во 2-м департаменте	260 758	9 28
Верхнего надворного суда В 1-м департаменте Во 2-м департаменте	257 1506	5 63
Губернского магистрата В 1-м департаменте Во 2-м департаменте	454 115	14 2
Нижнего надворного суда В 1-м департаменте Во 2-м департаменте В 3-м департаменте	350 773 894	81 603 176
В Уездном суде Городового магистрата В 1-м департаменте Во 2-м департаменте В 3-м департаменте В 4-м департаменте	517 1087 80 653 240	362 302 48 988 85
В Нижней расправе	225	15
В Нижнем земском суде	714	70
В Управе благочиния	9 544	131
ИТОГО	45 805	3672

Составлена по: РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 578, ч. IV. Л. 18–18 об.

Число «колодников», находившихся в заключении в городах Московской губернии (на 23 июня 1787 г.)

Города	Число ««колодников»»
Москва («в московских присутственных местах»)	147
Коломна	5
Руза	3
Звенигород	2
Можайск	1
Серпухов	6
Бронницы	2
Клин	2
Никитск	9
Волоколамск	10
Воскресенск	11
Богородск	9
Подольск	1
ВСЕГО	208

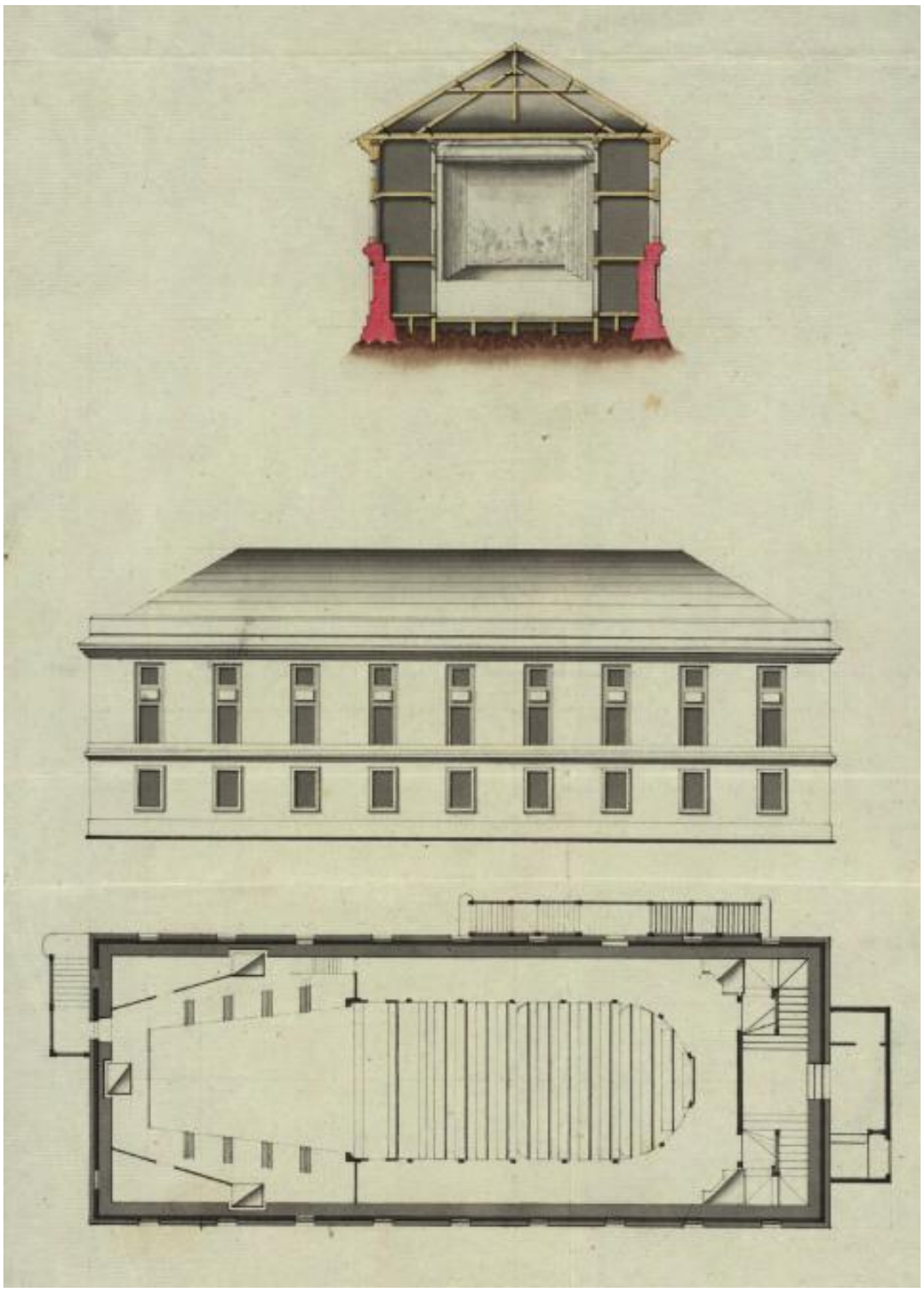
Составлено по: РГАДА. Ф. 16. Д. 578, ч. II. Л. 95.

Ведомость по московской Екатерининской больнице о числе «бывших, выздоровевших, умерших и ко излечению остающихся» (с 20 февраля 1789 по 1 января 1790 г.)

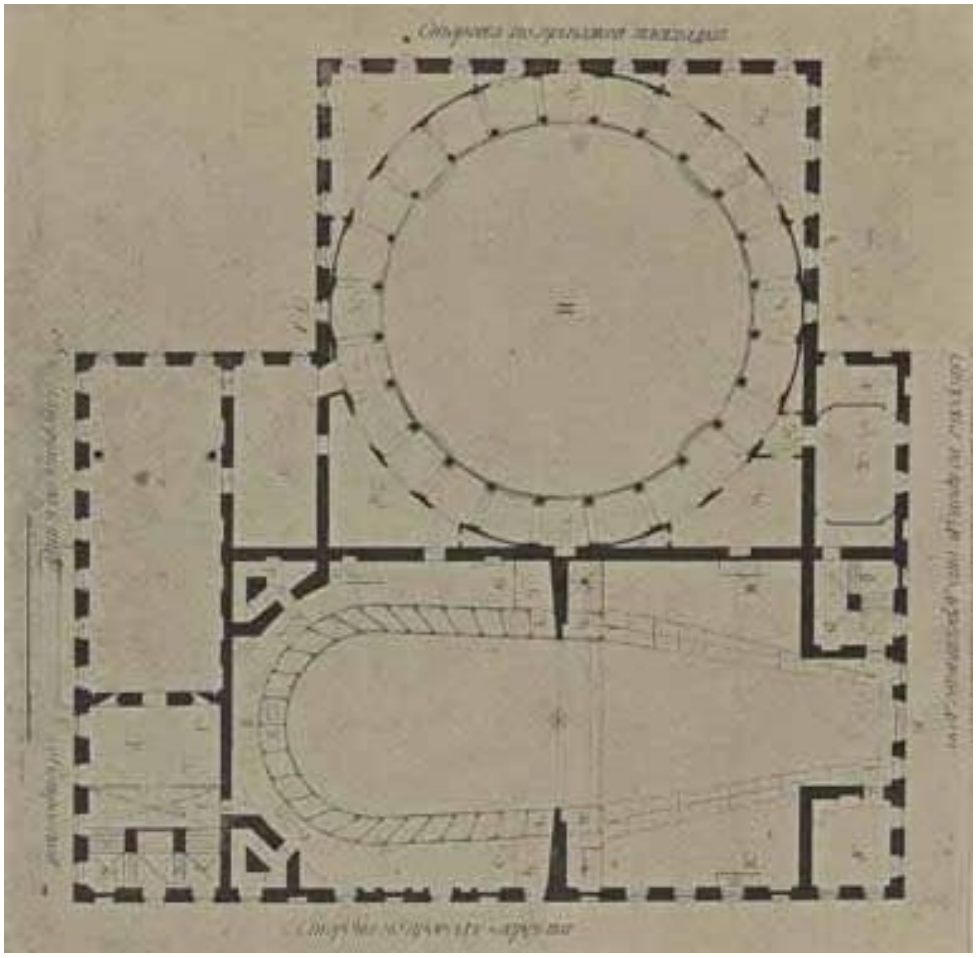
Категории больных		На казенном содержании			«С платежом»			ВСЕГО		
		муж	жен.	итого	муж.	жен.	итого	муж.	жен.	итого
На 20 февраля 1789 г.	больных	29	29	58	39	10	49	68	39	107
	умалишенных	16	3	19	2	---	2	18	3	21
	итого	45	32	77	41	10	51	86	42	128
Поступило	больных	124	78	202	331	55	386	455	133	588
	умалишенных	3	3	6	7	1	8	10	4	14
	итого	127	81	208	338	56	394	465	137	602
Всего было	больных	153	107	260	370	65	435	523	172	695
	умалишенных	19	6	25	9	1	10	28	7	35
	итого	172	113	285	379	66	445	551	179	730
Выздоровело	больных	126	74	200	281	46	327	407	120	527
	умалишенных	5	3	8	5	1	6	10	4	14
	итого	131	77	208	286	47	333	417	124	541
Умерло	больных	11	9	20	23	3	26	34	12	46
	умалишенных	3	1	4	1	---	1	4	1	5
	итого	14	10	24	24	3	27	38	13	51
К 1 января 1790 г. осталось	больных	16	24	40	66	16	82	82	40	122
	умалишенных	11	2	13	3	---	3	14	2	16
	итого	27	26	53	69	16	85	96	42	138

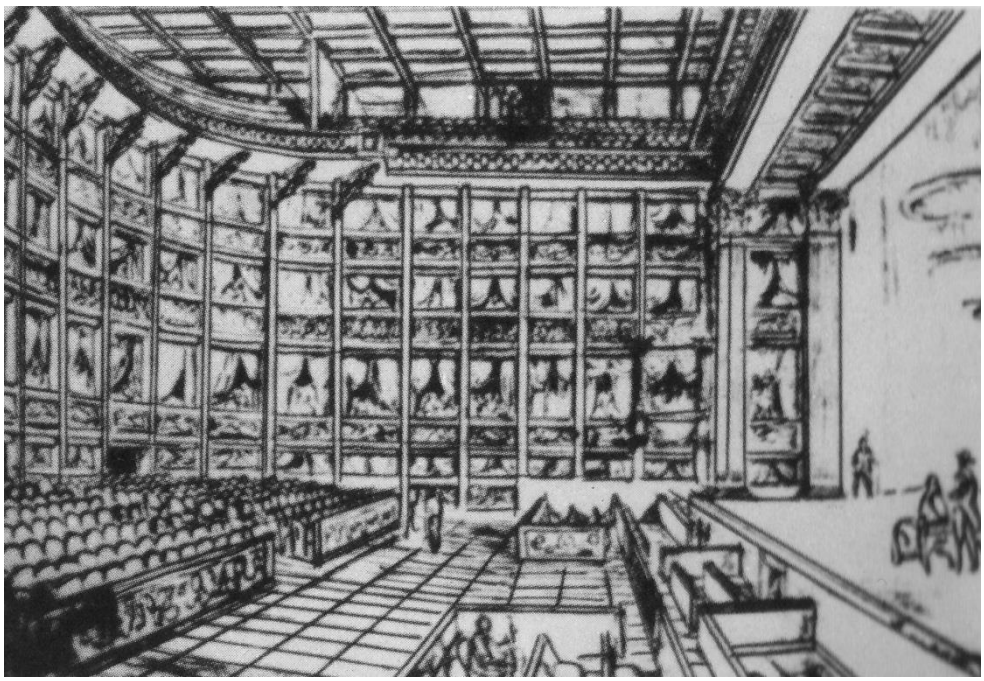
Составлено по: РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 555, ч. II. Л. 163.

Владимир. «Белая» больница и городская аптека. Открыты в связи с упреждением губернии. Современное состояние (Фото автора)

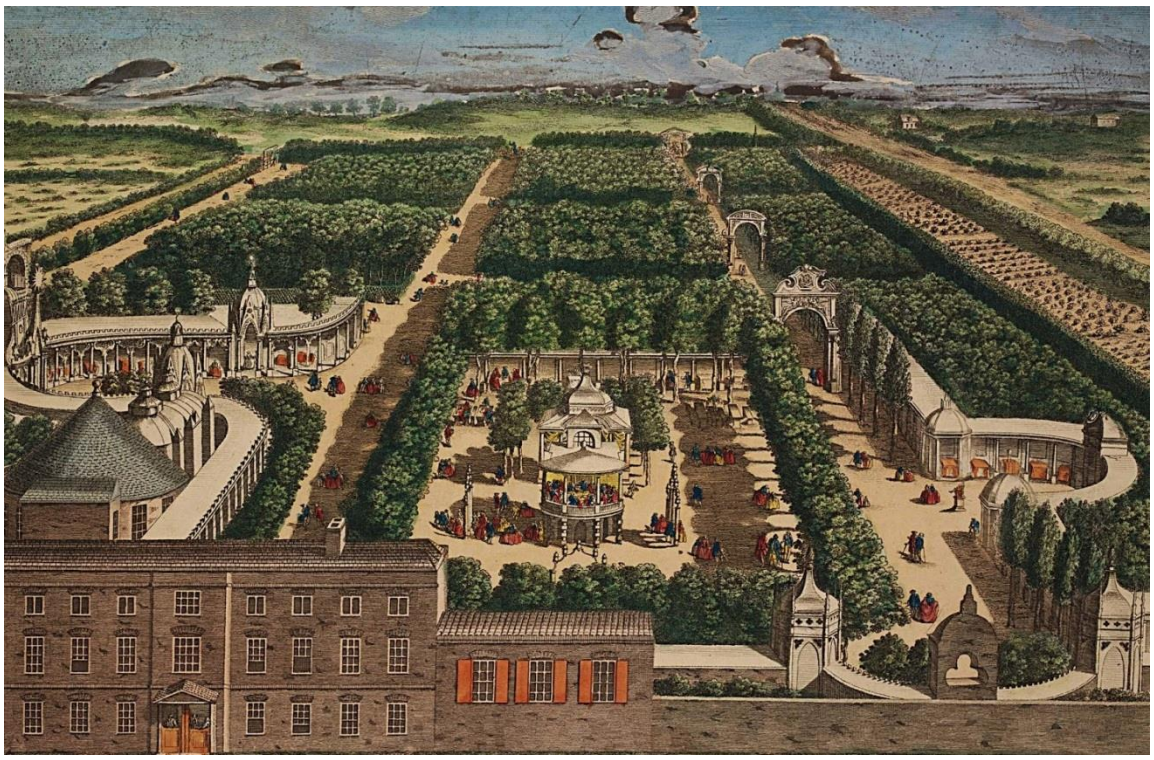


Калужский театр, заработавший в день открытия губернии и генерал-губернаторства 27 января 1777 г. (РГАДА)





Зрительный зал театра М.Г. Медокса, предтечи Большого Императорского театра Москвы. (Реконструкция К. Лопяло)



Увеселительный парк прототип «Вокзала» М.Г. Медокса за Таганской площадью (Вид на Гранд-Уок. Художник Д.А. Каналетто. Первая половина XVIII в.)

Топонимические отголоски существовавшего за Таганской площадью развлекательного парка («вокзала») М.Г. Медокса (Вокзальная площадь и Вокзальный переулок) (Атлас столичного города Москвы. 1852-1853 гг.)

Города и городские поселения Московской губернии (1800 г.). Официальные (уездные) города

Наименование служб и строений			Материал	Города								
				Коломна	Серпухов	Верея	Можайск	Дмитров	Волоколамск	Руза	Клин	Звенигород
П.н. по количеству дворов				1	2	3	4	5	6	7	8	9
«Казенных строений»	Присутственные места			1	1		1	1	1	1		2
	Казначейство (дом для казначея)							1		1	0,5	
	Кладовая для казны						1	1а)		1		
	Провиантский магазин		кам.		---							
			дер.	1	1							
	Соляной магазин. Соляной амбар		кам.		---		1		1б)	1	1	1
			дер.	2	1	2	1	1		1		1
	Винный магазин			1	1	3 найм	1	найм		1	1	2
	Градская полиция											
	Городничего						1	б)	б)		0,5	
	Почтовый дом			1			1				1	
	Специальные помещения для колодников			1	1	1	1	1	1	1		1
	Духовное правление		кам.			---		---		1		
			дер.			1		1				
	Семинария		дер.					1				
	Народное училище		кам		1	1		---				
			дер.		---		1	1			1	
	Караулен									1		2
	Для квартирующих армейских частей											
«Публичных строений»	Для городской Думы и магистрата		кам.			1				1		
			дер.				1	1				
	Церквей		кам.	18	14	3	4	7в)	6	4	4	2
			дер.	1	---	4	6	---	2		---	1
	Монастырей	мужских	---	1	3		1	1	1г)			
		женских	---	1								
	Архиерейский дом в котором семинария			1								

«Публичных строений»	Путевой дворец	дер.								1	
	Часовен	кам.									
		дер.									
	Богаделен	кам.									
		дер.									
	Гостиный двор	кам.			1						
		дер.			---						
	Лавок	кам.			36д)		---			24	
		дер.			12	60е)	207	4			
	Гербергов						1				
	Питейных домов		13	10	13	4	5	4	3	5	2
	Харчевен				2	3					
	Постоялых дворов				12	12					
	Кузниц	кам.			1	---	---				
		дер.			17	12	14				
	Кордегардий		6								
	Шлагбаумов		4				3				
	Караульных будок («полковых и обывательских»)	кам.	---								
		дер.	31								

а) Каменная.
б) Ветхий.
в) В 1800 г.
г) Упразднен. На его бывшей территории действует одна приходская церковь.
д) В гостином дворе.
е) В гостином ряду (дворе) 12. В мясном ряду 10. ж) В 3-х торговых рядах и при домах.

Составлено по: РГИА. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 6. Л. 47 об.–169 об.

Городские поселения («безуездные заштатные города» и посад) Московской губернии (1800 г.)

Наименование служб и строений		Материал	Посад	Безуездные города				
			Сергиев	Бронницы	Подольск	Воскресенск	Богородск	Никитск
П.н., соответствующий количеству дворов			10	11	12	13	14	15
«Казенных строений»	Присутственные места Казначейство (дом для казначея) Кладовая для казны			1	1		1	1
	Соляной магазин. Соляной анбар	кам. дер.		1	1	1	2	1
	Винный магазин	кам. дер.			2		1	1
	Градская полиция Городничего Особые помещения для колодников* Для народного училища Для квартирующих армейских частей				 1		 1	 1
«Публичных строений»	Для городской Думы и магистрата	кам. дер.						
	Монастырей	муж. жен.	1 в нем 9 церквей			1**		
	Путевой дворец		---	---	1	---	---	---
	Церквей	кам. дер.	8	2 1	1 ---	1 1	1	1
	Часовен	кам. дер.					1	
	Богаделен	кам. дер.						
	Гостиный двор	кам. дер.						
	Лавок	кам. дер.		10 66				
	Гербергов Питейных домов Харчевен		5		1 2		1	1
Прочие	Постоялых дворов							
	Кузниц	кам. дер.						
	Кардигардий для караулов	дер.					4	
	Караульных будок	кам. дер.						
Конского завода		кам. дер.	--- ---	1 1	--- ---	--- ---	--- ---	--- ---

* «Тюремная изба», «Тюрьма с острогом», «Тюремная палатка с караульней и острогом», «Тюрьма с деревянным при ней острогом» и др. ** «При оном городе»

Составлено по: РГИА. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 6. Л. 47 об.–169 об.

Изменения статуса городов и городских поселений ядра Центральной России (конец XVIII – третьей четверти XIX в.)

№	№	Губернии, города и городские поселения	Состав городской сети на			
			1796 г.	1801 г.	1802-1817 гг.	Середина и вт. пол. XIX в.
			официальный статус поселений			
1	2	3	4	5	6	7
		Калужская губерния				
1	1	Калуга	губернский, уездный	губернский, уездный	губернский, уездный	губернский, уездный
2	2	Боровск	уездный	уездный	уездный	уездный
3	3	Воротынск	Уездный[1], посад[2], «город уезда не имеющий» (т.е. безуездный)[3]	безуездный	---	заштатный[4], пригород[5], заштатный[6], безуездный[7]
4	4	Жиздра[8]	уездный	уездный	уездный	уездный
5	5	Козельск	уездный	уездный	уездный	уездный
6	6	Лихвин	уездный	безуездный	уездный	уездный
7	7	Малоярославец	уездный	безуездный	уездный	уездный
8	8	Медынь	уездный	уездный	уездный	уездный
9	9	Мещовск	уездный	уездный	уездный	уездный
10	10	Мосальск	уездный	уездный	уездный	уездный
11	11	Оболенск	пригород[9]	безуездный	---	---
12	12	Перемышль	уездный	уездный	уездный	уездный
13	13	Серпейск	уездный	безуездный	безуездный[10]	заштатный
14	14	Сухиничи	---[11]	---	---	безуездный с 27.03.1840[12]
15	15	Таруса	уездный	уездный	уездный	уездный
		Владимирская губерния				
16	1	Владимир	губернский, уездный	губернский, уездный	губернский, уездный	губернский, уездный
17	2	Александров	уездный	безуездный	уездный	уездный
18	3	Вязники	уездный	уездный	уездный	уездный
19	4	Гороховец	уездный	уездный	уездный	уездный
20	5	Иваново-Вознесенск	---	---	---	безуездный с 21.07.1871
21	6	Киржач	уездный	безуездный	заштатный	заштатный с приписан- ной к нему подгородной слободой Селивановской
22	7	Ковров	уездный	безуездный	уездный	уездный
23	8	Меленки	уездный	уездный	уездный	уездный
24	9	Муром	уездный	уездный	уездный	уездный
25	10	Переслав Залеской [13]	уездный	уездный	уездный	уездный[14]

26	11	Покров	уездный	уездный	уездный	уездный
27	12	Судогда	уездный	безуездный	уездный	уездный
28	13	Суздаль	уездный	уездный	уездный	уездный
29	14	Шуя	уездный	уездный[15], безуездный[16]	уездный	уездный
30	15	Юрьев (Юрьев-Польский)	уездный	уездный[17], безуездный[18]	уездный	уездный
31	16	Ярополич	---	---	---	пригор. слоб. г. Вязников[19] с 22.06.1848[20]
32	17	Вознесенский посад	---	---	---	посад с 09.12.1853[21]
33	18	Гавриловский Посад	посад с 14.05.1789[22]	посад	посад	посад
		Ярославская губерния				
34	1	Ярославль	губернский, уездный	губернский, уездный	губернский, уездный	губернский, уездный
35	2	Борисоглебск	уездный	безуездный	заштатный	уездный г. Романов-Борисоглебск с 30.05.1822[23]
36	3	Романов	уездный	уездный	уездный	
37	4	Данилов	уездный	уездный	---	уездный
38	5	Любим	уездный	уездный	уездный	уездный
39	6	Молога	уездный	уездный	---	уездный
40	7	Мышкин	уездный	уездный	---	уездный
41	8	Пошехонь[24]	уездный	уездный	уездный	уездный
42	9	Петровск	уездный	безуездный	заштатный	заштатный
43	10	Ростов	уездный	уездный	уездный	уездный
44	11	*Рыбной*[25]	уездный	уездный	---	уездный
45	12	Углич	уездный	уездный	уездный	уездный
46	13	Норская слобода	«приписана» к г. Ярославлю, его пригород[26]	пригород, слобода	---	---
		Московская губерния				
47	1	Москва	столичный, губернский, уездный	столичный, губернский, уездный	столичный, губернский, уездный	столичный, губернский, уездный
48	2	Богородск	уездный	безуездный	уездный	уездный
49	3	Борисов	«каменной замок, называемый Борисов городок»[27]	безуездный[28], городок	---	---
50	4	Бронницы	уездный	безуездный	уездный	уездный
51	5	Верея	уездный	уездный	уездный	уездный
52	6	Волоко-Ламск[29]	уездный	уездный	уездный	уездный
53	7	Воскресенск	уездный	безуездный	безуездный[30]	заштатный

54	8	Дмитров	уездный	уездный	уездный	уездный
55	9	Звенигород	уездный	уездный	уездный	уездный
56	10	Клин	уездный	уездный	уездный	уездный
57	11	Коломна	уездный	уездный	уездный	уездный
58	12	Можайск	уездный	уездный	уездный	уездный
59	13	*Никитск*	уездный	безуездный	казенное село с 12.02.1802[31)]	село Колычево
60	14	Подол (Подольск)	уездный	безуездный	уездный	уездный
61	15	Руза	уездный	уездный	уездный	уездный
62	16	Серпухов	уездный	уездный	уездный	уездный
63	17	Сергиевск, Сергиев посад	посад с 22.03.1782[32)]	посад	посад	посад

1) ПСЗ-I. Т. № 14498. С. 408.

2) Город Воротынск был переведен в разряд именно посада. Именной указ от 26 октября 1776 г. гласил: «а Воротынск оставить на основании 278 статьи Наших Учреждений» (ПСЗ-I. Т. XX. № 14525. С. 438). В данном параграфе был прописан порядок управления посадами. При этом Ю.Р. Клокман утверждал, что поселение было переведено в разряд слободы (Клокман Ю.Р. Социально-экономическая история ... С. 146). Об этом разночтении не следовало бы говорить, если бы оно не было весьма показательно с точки зрения понимания феномена дореформенного города: исследователь соединил два типа поселения. Бесспорно, оба они – давно устаревшие формы, которые в результате реформы города Екатерины II начали сходить с исторической сцены. Но во второй половине XVIII в. между посадом и слободой все еще сохранялось принципиальное отличие. Примечательно, что то же допущение делает В.Э. Ден. Только он подменяет понятие посад – заштатным городом, так как для времени написания его работы это были уже очень близкие понятия (Ден В.Э. Указ. соч. Т. I. С. 286). Перед нами весьма интересные примеры нивелировки урбанистических форм потоками, которые для современников были различны, но затем забылись и стали трактоваться под влиянием времени написания той или иной научной работы.

3) «…означенные суть города уездов не имеющие; но древностию своею или укреплением, или по каким-нибудь другим обстоятельствам достопамятны» (Расписание городов [на 1796 год] ... С. 96).

4) В 1824 г. (ГА КО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 1347. Л. 1).

5) В 1833 г. (Там же. Д. 1654. Л. 1).

6) Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1849. Т. VI, ч. 6: Военно-статистическое обозрение Калужской губернии. С. 130–158, 3.

7) Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел: [по сведениям 1859 года]. СПб., 1863. [Вып.] 15: Калужская губерния. С. 1–3.

8) Здесь и далее курсивом обозначены города, основанные в ходе реформ Екатерины II.

9) Кирилов И.К. Указ. соч. С. 129.

10) ПСЗ-I. Т. XXIV. № 17702. С. 259.

11) Здесь и далее обозначает отсутствие упоминания в источнике.

12) ПСЗ-II. Т. XV, отд-ние 1. № 13301. С. 191.

13) Переславль-Залесский.

14) К городу приписаны пригородная слобода Рыбная и еще 13 слобод.

15) ПСЗ-I. Т. XXIV. № 20774. С. 259; Ден В.Э. Указ. соч. Т. I. С. 259.

16) Росписание губернским и уездным штатным городам ... Отд-ние II. С. 31.
17) ПСЗ-I. Т. XXIV. № 20774. С. 259; Ден В.Э. Указ. соч. Т. I. С. 259.
18) Росписание губернским и уездным штатным городам ... Отд-ние II. С. 31.
19) Пригородная слобода Ярополич (Ярополическая) города Вязники.
20) ПСЗ-II. Т. XXIII, отд-ние 1. № 22391. С. 440–442.
21) ПСЗ-I. Т. XXVIII, отд-ние 1. № 27756. С. 647–648.
22) Там же. Т. XXIII. № 16765. С. 27.
23) Там же. Т. XXI. № 29055. С. 216.
24) Пошехонье.
25) Рыбинск.
26) РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 569. Л. 11.
27) Там же. Д. 578, ч. II. С. 203.
28) Это ошибка составителя. Речь, по-видимому, идет о городке.
29) Волоколамск.
30) Росписание губернским и уездным штатным городам ... Отд-ние II. С. 7.
31) ПСЗ-I. Т. XXVII. № 20143. С. 45.
32) Там же. Т. XXI. № 15371. С. 442.

Составлено по: ПСЗ-I. Т. XX. № 14525. С. 438; № 14652. С. 553–554; № 14635. С. 542–543; № 14660. С. 5644; № 14665. С. 565; № 14787. С. 742; Т. XXI. № 15245. С. 277–278; № 15398. С. 503; № 29055. С. 542–543; Т. XXIV. № 17702. С. 259; № 20774. С. 259; Т. XXVII. № 20143. С. 45; № 20245. С. 124; № 20302. С. 168; № 20302. С. 168; Т. XLIV, ч. 2. № 20774. С. 21; ПСЗ-II. Т. XIX, отд-ние 1. № 17956. С. 358–359; Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1852. Т. 6, ч. 2: Владимирская губерния. С. 257–298; 1849. Т. 6, ч. 6: Калужская губерния. С. 3, 130–158; 1853. Т. 6, ч. 1: Московская губерния. С. 202–250; 1851. Т. 4, ч. 2: Ярославская губерния. С. 116–120; Ден В.Э., Население России по пятой ревизии. Подушная подать в XVIII веке и статистика населения в конце XVIII века. М., 1902. Т. I. С. 286, 292–293, 375–376; Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в.: (по материалам ревизий). М., 1963. С. 180–182, 196–197, 205–206; Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел: [по сведениям 1859 года]. СПб., 1863. [Вып.] 15: Калужская губерния. С. 1–3; Росписание губернским и уездным штатным городам ... [СПб., 1797]. Отд-ние I. С. 1–27; Отд-ние II. С. 1–31; Расписание городов [на 1796 год] … // Месяцеслов на лето от Рождества Христова 1796 … В Санкт-Петербурге, 1797. С. 78–96.